

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ЮЛЬ, 1902

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЮЛЬ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Веселья похороны. (Повѣсть). XXIV — XXVII. (Продолженіе). А. В. Круглова	5
II. Воспоминанія М. А. Паткуль. Гл. XIII—XV. (Продолженіе)	38
III. Первый рассказ. С. И. Васюкова	67
IV. Моя прабабушка. (Изъ семейной хроники). В. А. Тимирязева	74
V. Юные администраторы въ Болгаріи. (Отрывокъ изъ воспомина- ній). В. В. Вознесенскаго	97
VI. Лѣвый глазъ императора Николая I. А. А. Карасева	106
VII. Туркменскій аламанъ. (Эскизъ). А. П. Андреева	109
VIII. Къ биографіи М. Н. Загоскина. Барона Н. В. Дризена	142
IX. Андрей Ивановичъ Штакеншнейдеръ. А. П. Эйенера	146
иллюстрація: Андрей Ивановичъ Штакеншнейдеръ.	
X. Живые монстры. П. Г. Шюземцева	158
XI. Паломничество въ Палестину. (Продолженіе). И. П. Ювачева	165
иллюстрація. 1) Женская школа въ Эль-Мидъ. — 2) Кедры ливанскія. — 3) Бидъ Бейрута съ юго-западной стороны. — 4) М. А. Черкасова со своєю шко- лою въ Бейрутъ. — 5) Яффскій рейдъ и граба камней. — 6) Русское мѣсто близъ Иффы. — 7) Разборъ багажа паломниками въ Иерусалимъ.	
XII. Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкоцинѣ. Г. А. Во- робьева	196
иллюстрація. Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкоцинѣ.	
XIII. Марко Россъ, онъ же Марка Толмачъ. (Историческая замѣтка). Е. Л. Маркова	207
XIV. Изъ жизни Дальняго Востока. В. Д. Черевкова	219
XV. Иностранцы о Россіи. В. Т.	229
XVI. Критика и библиографія	256

1) Н. Н. Лендеръ, Рассказы путника. (Изданіе А. С. Суворина). Спб. 1902. А. б.—наго. — 2) Профессоръ А. П. Лебедевъ. Историческіе очерки состо-
яніи византийскаго-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Изда-
ніе второе. М. 1902. У.—8) В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдова-
ніи и матеріалы. Томъ III. Изъ истории развитія русской поэзіи XVIII в. Спб.
1902. п. ц.—4) Графъ Павелъ Шереметевъ. Земля побѣда въ Бѣлозерскій
край. Москва. 1902. м.—5) Ф. Д. Ватюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о
современникахъ, Часть II. Спб. 1902.—М. О. Меньшиковъ. Критическіе очерки.
Томъ II. Спб. 1902. ц.—6) Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка П. Т.
Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ. И. С. Бѣльева.
Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память
императора Александра III. Москва. 1902. м. п.—аго.—7) Матеріалы для биографіи
кн. В. А. Черкаскаго. Составила кн. О. Трубецкая. Томъ I. Москва. 1901.
г. с.—8) Профессоръ Евгений Вобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи
XIX в. Матеріалы, изслѣдованія, замѣтки. Тома I—III. Казань. 1901—1902.
п. ц.—9) Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Г. Г. И.
Успенскій.—II. Кто виноватъ? (Ученіе Ф. М. Достоевскаго объ отвѣтственно-
сти). Спб. 1901. м. с.—10) Къ столѣтню комитета министровъ (1802—1902).
Наша желѣзнодорожная политика. По документамъ архива комитета министровъ.
Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія канцеляріи коми-

См. слѣд. стр.

БАРОНЕССА БОДЕ.

доз. ценз. СПб. 22 іюня 1902 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIX.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXXIX

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1902

ВЕСЕЛЫЯ ПОХОРОНЫ¹⁾.

(Повѣсть).

XXIV.

ПЯТЬ наступили хорошіе, ясные дни для Якова Аванасьевича, и если бы не тревога о будущемъ, онъ чувствовалъ бы себя вполне счастливымъ. Онъ любилъ тишину, сельская жизнь ему очень нравилась. Онъ соглашался съ бабушкой, что «въ деревнѣ попу, когда жена хорошая, да всего вдоволь, житье отличное». Онъ даже какъ-то подумалъ: «конечно, можно и попомъ быть. Духовное просвѣщеніе народа—дѣло хорошее... Но вотъ Соня... Жаль, что она другого взгляда». Онъ теперь уже болѣе отставалъ не академію, а Соню. Но о Сонѣ онъ ничего не говорилъ бабушкѣ, которая также не подавала внуку вида о томъ, что она знаетъ о его любви къ Сонѣ. Умная, очень тактичная бабушка ни разу не раздражила молодого человѣка и не задѣла его самолюбія. Ея рѣчи, приправленныя шуточками, ласковыми словами, доходили прямо до сердца. Онъ-то и сдѣлалъ то, что Яковъ Аванасьевичъ какъ бы сузилъ программу своей борьбы: онъ примирился съ іерействомъ и даже началъ раздѣлять на него взглядъ бабушки и только не могъ отказаться отъ Сони. Старуха дѣйствовала дипломатично, хорошо понимая внука. Она любила его и не могла не желать ему счастья, но она понимала и то, что счастье его не тамъ, гдѣ онъ самъ его видитъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 815.

— Охъ, соколикъ мой,—сказала она ему какъ-то въ разговорѣ:— прежде чѣмъ большія-то деньги начнешь получать въ докторахъ, сколько муки примешь... Кусокъ-то тамъ, можетъ быть, и жирный, да его надо умѣть взять, а ты не такой... Повѣрь мнѣ, не зла я тебѣ хочу. И тебя я хорошо знаю. Ты самъ себя такъ не знаешь, какъ я тебя знаю.

О. Аѳанасій хотѣлъ было «скорѣе повернуть дѣло», но теща остановила его. Сидя за чаемъ, когда внука не было дома, старуха промолвила, обращаясь къ зятю:

— Батюшка, о. Аѳанасій, не ломай круто вѣтки, не уйдетъ время, не малина это, не перезрѣеть.

— Вы, Агнія Капитоновна, очень любите внучать...

— Люблю, о. Аѳанасій, люблю, батюшка. Что же тутъ худого? Отъ любви зла не бываетъ.

— А баловство не зло?

— Баловство не отъ любви, а отъ слѣпоты, батюшка. Я не говорю, что слѣдуетъ попускать дѣтямъ, а надо умѣючи ихъ отводить отъ погибели. Вы, мужчины, народъ горячій и крутой. Ума у васъ палата, да женской сноровки нѣтъ. Оттого вы вояки знатные, а хотя бы при болѣзни, примѣрно, никуда не годитесь.

— Что вы этимъ разсужденіемъ сказать хотите, Агнія Капитоновна?—спросилъ протопопъ, польщенный тѣмъ, что у него, какъ у мужчины, ума палата.

— А то, батюшка, что дай ты намъ съ матерью Якова урезонить. Мы потихоньку да полегоньку лучше все оборудуемъ. Душа у него кроткая, сердце мягкое и до своихъ жалостливое. Извѣстно, блажь вошла въ голову по молодости. Власть твоя всегда при тебѣ, и если у насъ ничего не выйдетъ, тогда и прикрикни: «ну, бабы, будетъ вамъ, ничего у васъ не ладится. Надо мнѣ самому приниматься за дѣло».

— Ха-ха-ха! Министръ вы, Агнія Капитоновна, да и только,—произнесъ зять:—ну, попадья, ты предъ матерью никуда не годишься, ей-ей!

Онъ всталъ, помолился на икону и отправился по дѣламъ.

— Какъ это вы всегда умѣете разсуждать съ нимъ, маменька,—сказала Анна Михайловна.—Я его тоже хорошо изучила, а чтобы такъ... Да у меня и словъ нѣтъ такихъ, ну, да и не вытерпишь.

— Э, Аннушка,—возразила старуха:—было бы желаніе, будетъ и стараніе. Больно ужъ мнѣ Яшеньку жалко. Примѣчаю я, тоскуетъ. Видимо, сильно забрала его эта дѣвушка, о которой ты мнѣ говорила. Можетъ быть, она и хорошая, и счастливъ былъ бы съ ней Яша, да не выйдетъ ничего.

— Нѣтъ, маменька, она не по немъ: свѣтская модница, о мужѣ въ рясѣ и слышать не хочетъ, самъ дядя сказывалъ.

— Вотъ, вотъ, гдѣ ужъ такая ему. Душа-то, можетъ быть, и чистая, да понятія не тѣ. А Дунечка славная. Я съ ней разъ говорила только и поняла. Она, какъ жена, для Яшеньки кладъ. О Господи, Господи! Помоги, Создатель, все устроить!

Она глубоко вздохнула.

Крестовоздвиженскій ждалъ съ сердечной тревогой письма отъ Сони. Ѣхать самому въ городъ ему было неудобно. Узнавъ, что работникъ старосты ѣдетъ въ Сонскъ, онъ попросилъ его зайти на почту за письмомъ.

— Если есть, такъ возьми, но только ты мнѣ передай прямо въ руки, чтобы никто не видалъ. Слышишь, Петръ?—добавилъ Крестовоздвиженскій, вручая работнику двугривенный.

— Ужъ будьте благонадежны,—отвѣтилъ Петръ:—ни одна душа не узнаетъ.

Къ обѣду неожиданно пріѣхала Дуня съ теткой.

Анна Михайловна засуетилась, выражая радость «по случаю пріѣзда такихъ дорогихъ гостей».

— Да что же вы такъ поздно, родныя мои?—говорила попадья, здороваясь со старухой и Дуней:—съ утречка бы. Ну, да ужъ все равно, пообѣдайте съ нами, чѣмъ Богъ послалъ. Не знали вѣдь, что такія дорогія гостыи будутъ.

— Развѣ мы для угощенія, Анна Михайловна? Что вы, голубушка,—возразила Анѳиса Леонтьевна:—намъ васъ-то повидать захотѣлось. Мы въ городъ ѣдемъ, купить кое-что надо... Какъ же, думаемъ, не заѣхать? Хоть немного и крюкъ, а надо заѣхать.

— И хорошо сдѣлали, спасибо вамъ, спасибо!.. Дунечка милая! Вы день ото дня хорошѣете.

И какъ бы не имѣя силъ удержать своего порыва, Анна Михайловна стремительно обняла дѣвушку и расцѣловала ее.

Стеша, несообщительная вообще, сегодня была еще угрюмѣе, благодаря зубной боли. Она скоро ушла въ свою комнату. Но Оеклуша вертѣлась около Дуни и постоянно вмѣшивалась въ разговоръ.

Послѣ обѣда подали самоваръ. На столѣ появились печенья, разные сорта варенья.

Дунечка сегодня дѣйствительно выглядѣла еще лучше, чѣмъ въ прошлый разъ дома. Она была въ голубомъ батистовомъ платьѣ и въ дорожной сѣрой бедуинкѣ. Изъ-подъ бѣлой соломенной шляпки, какъ изъ рамки, выглядывало свѣженькое личико Дуни. Когда она сняла шляпку, одна изъ прядей волосъ свѣсилась на лобъ и, направленная рукой дѣвушки, снова капризно приняла прежнее положеніе.

— Да оставьте такъ, это къ вамъ идетъ, милуша, — сказала Анна Михайловна.

Яковъ Аванасъевичъ невольно согласился съ матерью. Въ простенькомъ костюмѣ дѣвушка показалась ему привлекательнѣе. Она ему напомнила, хотя и очень отдаленно, Соню.

Дуня заговорила съ нимъ и невольно задѣла лучшія струны его сердца. Она говорила о своихъ овечкахъ, какъ о близкихъ друзьяхъ, радовалась тому, что поправились Буренка, съ восхищеніемъ рассказывала о своихъ удачахъ по рассадкѣ цвѣтовъ. Въ ней не было ни капли жеманства, и если проглядывало кокетство, то не холодное и рассчитанное, а то природное, непосредственное, въ которомъ проявляется женственность, и которое свойственно дѣвушкамъ всѣхъ положеній и народностей.

— Милая, милая дѣвушка, — шептала Агнія Капитоновна, слушая рассказы Дуни, и Крестовоздвиженскій, сидѣвшій рядомъ съ бабушкой, въ душѣ соглашался съ нею. Если бы не Соня, онъ могъ бы, пожалуй, полюбить дѣвушку. Эта мысль даже мелькнула въ его умѣ. Соня! У него снова заныло сердце, и онъ задумался на мгновенье, охваченный тревожнымъ вопросомъ: привезетъ ли Петръ письмо съ почты?

— Вы такъ и не собрались къ намъ? — сказала Дуня, обращаясь къ молодому человѣку. — А сколько у насъ малины-то!

— Меня не было дома, Евдокія Никифоровна.

— Гдѣ же вы были?

— Въ городъ ѣздилъ, а потомъ гостилъ у Неофита Псалмопѣвцева.

— Вотъ какъ! Вы у него гостили, а къ намъ и пріѣхать не хотѣли.

— Все дѣла, Евдокія Никифоровна.

— Рассказывайте!

Она мило надула губки.

— Еще успѣете, Дунечка, наговориться, — таинственно замѣтила Анна Михайловна.

— Ну, да, жди его, — отвѣтила Дуня, засмѣявшись.

Анна Михайловна не могла рѣшиться, что хотѣла этимъ сказать Дуня: поняла ли она слова въ прямомъ смыслѣ, то-есть «жди, когда онъ пріѣдетъ», или хотѣла своимъ отвѣтомъ сказать, что «жди, когда еще онъ согласится».

И попадья промолвила:

— Не долго ждать, Дунечка, не долго. Мы его пошлемъ къ вамъ.

— Я вовсе не хочу, чтобы его посылали. Надо, чтобы онъ самъ захотѣлъ, — воскликнула Дунечка съ улыбкой...

Всѣ засмѣялись. Отвѣтъ Дуни очень понравился Крестовоздвиженскому.

Послѣ чая онъ и Дуня случайно одни очутились на балконѣ. Дуня похвалила какой-то цвѣтокъ, стоявшій на перилахъ, отъ этого цвѣтка разговоръ перешелъ вообще къ цвѣтамъ, а затѣмъ къ хозяйству.

— Я не люблю города,—сказала Дуня.—А вы?

— Я тоже деревню люблю больше,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, вотъ видите, значить, у насъ вкусы одинаковые!—воскликнула Дуня.

— Но не во всемъ,—произнесъ Крестовоздвиженскій.

— А въ чемъ же не одинаковые? Вы любите животныхъ?

— Люблю.

— И я люблю. Ну, вотъ. Что же еще?

— Я люблю читать, а вы не любите, Евдокія Никифоровна.

— Кто вамъ сказалъ? Я очень люблю, только не скучное. Вонъ папа заставляетъ читать духовные журналы, но это же, ей-Богу, скучно... Я не попъ!

— А хотѣли бы быть попадѣй,—неволью пошутилъ Яковъ Аѳанасьевичъ.

— Такъ что же? Попадья не служить обѣдни.

— А готовить обѣды?

— Я и умѣю. О, я это люблю и умѣю!—проговорила Дуня.

— А я не умѣю. Значить, вотъ вкусы...

— Ха-ха-ха!—звонко залилась дѣвушка.

— Что это, что это?—спросила подходившая Анна Михайловна, очень довольная тѣмъ, что разговоръ Дуни съ сыномъ принялъ такой веселый характеръ.—Что это васъ такъ разсмѣшило, Ду-нечка?

— Да какъ же, Анна Михайловна, послушайте... Ха-ха-ха, Яковъ Аѳанасьевичъ говоритъ, что у насъ разные вкусы, потому что я умѣю стряпать, а онъ не умѣетъ! Ха-ха-ха!

Смѣхъ Дуни былъ такой заразительный, что Яковъ Аѳанасьевичъ также не могъ удержаться и засмѣялся.

— Ну, ничего, научится потомъ,—сказала Анна Михайловна съ улыбкой.

Подошла и бабушка съ Анеисой Леонтьевной.

— Э, да какъ здѣсь весело,—проговорила она:—вотъ что значить молодые-то люди... Имъ другъ съ дружкой и весело... и думки однѣ и тѣ же и радости.

И, обратившись къ Дунѣ, она добавила:

— Спасибо вамъ, красавица, что съ тетенькой заѣхали къ намъ. Какъ птичка, сюда запорхнули и голоскомъ своимъ всѣхъ и расшевелили. Вонъ Яшенька всѣ дни скучалъ, а при васъ и развешился, смѣется. Да что онъ! Я и старуха, да и то ожила, словно помолодѣла. Отъ солнышка всегда всѣмъ тепло и радостно.

Дуня неволью покраснѣла, но глазки ея заблестѣли отъ счастья. Довольная улыбка расплылась по лицу Анеисы Леонтьевны.

«Министръ теща, да и только!»—подумалъ о. Аѳанасій, вышедшій на балконъ при послѣднихъ словахъ Агнии Капитоновны.

Гости не могли оставаться долго: нужно было попасть къ вечеру въ городъ.

— А знаете, родная моя,—вдругъ промолвила Анна Михайловна, обращаясь къ теткѣ Дуни:—и я бы съ вами съѣздила въ городъ, если бы только нашлось мѣстечко у васъ въ тарантасѣ.

— Къ чему, попадая, развѣ на своихъ нельзя?—произнесъ о. Аѳанасій, не понимая, зачѣмъ женѣ понадобилось ѣхать въ городъ.

— Ну, порознь ѣхать скучно.

— Да отчего же не съ нами? Мѣсто найдется, что вы!—сказала Анеиса Леонтьевна:—очень рады, пожалуйста, Анна Михайловна.

— Ты зачѣмъ ѣдешь-то?—спросилъ жену о. Аѳанасій, отводя ее въ сторону.

— Надо, отецъ, не мѣшай. Дай-ка мнѣ четвертную.

— Четвертную?

— Ну, да, не бойся, не издержу всѣхъ. А если и издержу, такъ не на бросовое.

— Мм?...

— Ахъ, отецъ, некогда теперь объяснять! Что ты мнѣ не вѣришь, что ли?

— Ну, ну, ладно!—произнесъ протопопъ и подумалъ при этомъ:—«это, вѣрно, все теща задумала. Пусть ихъ, она не промахнется».

Черезъ полчаса гости и вмѣстѣ съ ними Анна Михайловна уѣхали.

Яковъ Аѳанасьевичъ пожалѣлъ, что и онъ не отправился съ ними. Онъ высказалъ это бабушкѣ.

— А зачѣмъ тебѣ ѣхать-то?—сказала она:—пыль-то глотать, большая охота. Мать по дѣламъ, а тебѣ зачѣмъ? Развѣ у тебя тоже дѣло есть?

Онъ ничего не отвѣтилъ на это. А бабушка помолчала и заговорила;

— Ну, и дѣвушка эта Дуня. Вотъ-то счастье принесетъ мужу. Веселая, добрая, на все умѣлая... У такой жены хозяйство не разстроится, и мужу изъ дома никуда не захочется. Не такъ ли, Яшенька? Гляди, какая она привѣтливая да ласковая.

— Вѣдь это въ гостяхъ, бабушка, а не дома,—замѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Да развѣ она притворица? У нея хитринки-то настолько вотъ нѣтъ,—проговорила Агнія Капитоновна, показывая на кончикъ пальца.—У нея, Яшенька, что на сердцѣ, то и на виду. Тебѣ, пожалуй, это глупостью кажется?

Внукъ улынулся.

— Вотъ, вотъ! Не умѣютъ люди цѣнить такія достоинства. Въ міру лукавство больше любятъ, думаютъ: хитерь, такъ и умень, а простъ, такъ и глупъ. Нѣтъ, Яшенька, такихъ, какъ Дунечка,

надо цѣнить, да цѣнить. Нонѣ все меньше становится такихъ дѣвушекъ. Другая и умная, и образованная, и красивая, а что у ней на умѣ: франтить да гулять. О домѣ и думушки нѣтъ. Выйдетъ замужь, о мужѣ и заботушки не будетъ. Вѣтеръ въ головѣ. Знала я, соколикъ мой, одну дѣвушку: такая бойкая да ловкая, всѣхъ плѣняла. Съ лица красива, ну, извѣстно, мужчины-то за ней и бѣгали. Представилась партія: хорошій человекъ. Ему выходило дьяконское мѣсто. Посватался. Она какъ фыркнетъ. «За долгогриваго ни за что! Хотите брать меня,—идите въ чиновники». А онъ-то хотѣлъ въ дьяконы, она уперлась и все тутъ. Плюнуть бы слѣдовало на нее, а онъ влюбился, жить безъ нея не можетъ. Однимъ словомъ захороводила, власть забрала. Такія вѣдь всегда умѣютъ, имъ вѣдь себя только жалко, а не мужа. Ну, вотъ онъ и отказался отъ мѣста и вышелъ въ почтовые чиновники. Обвѣнчались. Годика полтора пожили ничего, а тутъ и нелады пошли: денегъ мало, жить скучно. А гдѣ ему взять денегъ? Жалованье маленькое... со стороны работу взять—и нѣту, да онъ и такъ пожелтѣлъ и похудѣлъ отъ службы, а она фыркаетъ... Въ дѣвушкахъ-то такая была сладкогласная, а тутъ и обращеніе другое... И пошло дальше да хуже... И мужъ сталъ глупъ, дуракомъ звать почала, а тутъ—и говорить-то срамно—слюбилась съ какимъ-то архитекторомъ, да мужа и бросила. Онъ съ горя-то запилъ и умеръ въ чахоткѣ. А вотъ ужъ Дуня не такая, этого не сдѣлаетъ. Знаешь, Яшенька, вотъ если бы тебѣ на ней жениться. То-то бы ты насъ всѣхъ обрадовалъ.

Крестовоздвиженскій грустно улыбнулся.

— Бабушка, зачѣмъ вы хитрите со мной?—сказалъ онъ:—вѣдь вы же знаете, что меня и ладятъ на ней женить...

И въ его голосѣ зазвучалъ упрекъ, соединенный какъ бы съ сожалѣніемъ, что вотъ де-и она, добрая бабушка, хитритъ съ нимъ.

Старуха вздохнула и промолвила:

— Соколикъ мой, не хитрю я съ тобою. Не отоцрусъ, что знаю, а если не говорила, то потому, что не хотѣла тебя тревожить. Нѣтъ у меня хитрости. А это ты вѣрно сказалъ, хотятъ тебя женить на Дунѣ твои родители, и по-моему это хорошо. Лучше дѣвушки и не найдешь. А только вотъ что, милый мой: жениться—не лошадь купить. И тамъ нужна добрая воля, а женить тебя безъ твоего желанія и подавно нельзя. Это я матери твоей и о. Аванасію говорила. Уразумѣешь самъ, что счастье твое тутъ,—женишься, а то сохрани Богъ. А я тебѣ потому все и говорю теперь, что хочу тебѣ глаза открыть. Ты вотъ, можетъ быть, Дуню глупой считаешь, оттого только и отказываешься.

— Бабушка,—перебилъ Крестовоздвиженскій:—вы говорите, что у васъ нѣтъ хитрости... Ну, а скажите: знаете вы что нибудь про Сону?

И онъ устремилъ на старуху пристальный взглядъ.

Та улыбнулась и отвѣтила:

— И опять не откажусь, не буду врать—знаю. Да только что же я знаю, милый мой? Ну, Соня тебѣ очень нравится... и все. А кто она, что такое? Все это для меня потемки. Ты вотъ, соколикъ, тоже не откровененъ со мной, хотя и говоришь, что любишь меня, и знаешь, что и я люблю тебя. Зачѣмъ же скрывается?

— Тяжело говорить, бабушка,—со вздохомъ произнесъ Крестовоздвиженскій.

— А тяжело, такъ и подѣлись со мною. Я ли тебя не люблю? Вѣдь я тебя больше дѣтей своихъ люблю. Твое счастье мнѣ жизни дороже. Вотъ скажи сейчасъ, что умереть надо, лишь ты былъ бы счастливъ,—и умру.

На ея глазахъ навернулись слезы.

— Бабушка,—промолвилъ Крестовоздвиженскій, тронутый словами старухи,—я это знаю.

— Ну, такъ что же молчишь?

— Да что же я скажу? Родители противъ брака... Въ академію не отпускаютъ...

— Голубчикъ мой...

Старуха взяла его за руку и погладила ее, какъ это дѣлала давно, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

— Голубчикъ мой,—повторила она:—да ты увѣренъ ли, что Соня тебя любитъ?

— Увѣренъ, бабушка.

— Да такъ ли? На чемъ твоя вѣра-то держится? Эхъ, Яша, словамъ да ласкамъ дѣвушки вѣрить еще не нельзя. Ты красивъ, она молода, ну, понравился, что мудренаго. А надолго ли? И любовь ли еще это, Яша?

— Она обѣщалась ждать, бабушка.

— А ты мнѣ вотъ что скажи: если бы ты ей объявилъ, что идешь въ попы... что она?

— Она не хочетъ этого.

— Вотъ видишь. Это—какъ и та, о которой я тебѣ рассказывала. Я не выдумала, не скажи, что изъ хитрости старуха все подвела... Перекрещусь, что правда. Вотъ ты говоришь, она это не хочетъ, а если такъ, то, стало быть, любви нѣтъ, не ты ей и дорогъ. Если бы ты-то былъ нуженъ, такъ она бы такъ не говорила. А то значитъ, если ты не согласился бы, она за другого пойдетъ. Гдѣ же любовь—посуди самъ? Если мнѣ человекъ дороже всего, такъ я ни на кого не промѣняю его. Куда бы онъ ни пошелъ—и я съ нимъ. А тутъ она сама себя любитъ, а не тебя. Вотъ ты-то ее любишь, это я вижу, потому что на нужду хочешь итти, съ родными готовъ поссориться. А съ ея стороны я никакой любви не вижу. Не дастъ она тебѣ счастья, не любить она тебя такъ, какъ надо любить мужа.

Крестовоздвиженскій задумался. Простыя слова бабушки встревожили его. «Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ?»

А старуха продолжала:

— Ты вотъ что, Яшенька, спроси-ка ее: я де такъ и такъ... въ лѣкарѣ итти передумалъ, а выхожу въ попы. Согласна повѣнчаться? Что она тебѣ отвѣтитъ? Ты ей не писалъ?

— Н-нѣтъ,—солгалъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, а вотъ напиши. А то ты, того гляди, свою любовь за ейнюю принимаешь, и отъ своей-то любви тебѣ и самому тепло... Ты хорошій, сердечный... Какъ полюбилъ, такъ на все готовъ. А вотъ она-то...

Крестовоздвиженскій молчалъ.

«Если въ самомъ дѣлѣ написать?—мелькнула у него мысль.— А вдругъ она откажетъ?».

И ему сдѣлалось страшно.

Старуха, какъ бы угадывая мысли внука, проговорила:

— Конечно, больно правду узнать, да лучше до вѣнца, чѣмъ опосля.

Въ комнату вошелъ Михай.

— Яковъ Аванасьевичъ, а васъ Петръ спрашиваетъ. Говорить, зачѣмъ-то нужно.

Крестовоздвиженскій поспѣшно всталъ и вышелъ.

На дворѣ у крыльца стоялъ работникъ старосты.

— Ну, что?—спросилъ Яковъ Аванасьевичъ съ тревогой.

— Ничего нѣтути. Справлялись, искали, нѣтъ, говорятъ.

Сердце упало въ груди Крестовоздвиженскаго. Нѣтъ! «Но вѣдь онъ же просилъ ее немедленно отвѣтитъ, умолялъ... что же это такое? Неужели она увлеклась купцомъ? Неужели бабушка права?»

— Ну, значить, еще не пришло,—промолвилъ молодой человекъ, стараясь подавить волненіе.

Онъ не могъ вернуться въ комнату, боясь выдать передъ бабушкой свое душевное состояніе.

XXV.

Анна Михайловна возвращалась изъ торговыхъ рядовъ въ квартиру Пушкиныхъ, у которыхъ она ночевала. Проходя мимо почтовой конторы, она приостановилась на мгновеніе. «Не зайти ли?» зада-ла она сама себѣ мысленный вопросъ и сейчасъ же рѣшила: «А зачѣмъ? Марки у попа есть... письма?—не отъ кого, а если какія есть, приилются въ волостное правленіе. А тутъ еще жди да справляйся». Ей хотѣлось пить, она порядкомъ устала, обойдя чуть ли не всѣ лавки, выбирая получше и подешевле. Попадья стала спускаться съ высокаго тротуара на бульварчикъ. Но ее что-то потянуло на почту, словно, кто шепнулъ: «зайди лучше». Какъ бы по-

коряясь этому невѣдомому внушенію, она вернулась и зашла въ контору. Она подошла къ прилавку и обратилась къ сидѣвшему угреватому чиновнику, смотрѣвшему на публику съ величіемъ, по крайней мѣрѣ, губернатора.

— Нѣтъ ли писемъ въ Домкино на имя протоіерея Крестовоздвиженскаго?—спросила Анна Михайловна.

Чиновникъ медленно поднялся, лѣнливой поступью подошелъ къ полкѣ, раздѣленной на множество перегородокъ, и досталъ изъ крайняго отдѣленія пачку писемъ. Онъ пересмотрѣлъ ихъ и сухо промолвилъ:

— Ничего нѣтъ.

Другой чиновникъ замѣтилъ ему:

— Кажется, сегодня утромъ было письмо до востребованія Крестовоздвиженскому, мнѣ что-то помнится.

Чиновникъ величаваго вида небрежно досталъ изъ другого ящика толстую пачку писемъ и быстро началъ ихъ пересматривать.

— Вы кому спрашиваете письмо?—сказалъ онъ, задерживая въ рукахъ небольшой конвертикъ.

— На имя протоіерея Аѳанасія Крестовоздвиженскаго,—отвѣтила попадья.

— Ему нѣтъ. А вотъ тутъ есть письмо на имя Якова Аѳанасьевича Крестовоздвиженскаго.

— Все равно, дайте. Это моему сыну.

— Я не могу отдать вамъ.

— Отчего же? Неужели ему нарочно ѣхать за столько верстъ?— съ удивленіемъ спросила Анна Михайловна.

— Да, а то пусть пришлетъ довѣренность.

Въ эту минуту къ попадѣ подошелъ помощникъ почтмейстера.

— Здравствуйте, матушка. Что это, вы за письмами пріѣхали?

— Да, Ефимъ Григорьевичъ. Но вотъ не отдають мнѣ письмо. Говорять, на имя сына, нужна довѣренность.

— До востребованія,—пояснилъ угреватый чиновникъ уже другимъ тономъ.

— Ничего. Отдайте, Глушицкій, письмо.

Угреватый чиновникъ подалъ письмо Аннѣ Михайловнѣ.

«Отъ кого это?—въ недоумѣніи подумала она.—Рука будто женская». Она взглянула въ штемпель и разобрала «Петербургъ». Ее словно что-то осѣнило. «Это отъ той! Они переписываются!»

Ей захотѣлось сейчасъ же прочесть письмо. Но на почтѣ было неудобно. Она вышла на улицу. «Что она пишетъ? А если не она? Рука женская, но бываетъ и мужской почеркъ похожъ на женскій». Анна Михайловна находилась въ недоумѣніи. Ей очень хотѣлось прочесть письмо, и она не рѣшалась.

Попадья уже шла по бульвару, держа въ рукахъ загадочное письмо. Ее такъ и подмывало разорвать конвертъ. «Непремѣнно

отъ той, изъ Петербурга. Отъ кого же? Я вчера не повѣрила Пушкиной, что Яковъ не переписывается черезъ нее. А, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ такъ». Мысли Анны Михайловны вернулись къ вчерашнему разговору съ Марьей Ивановной.

Пушкова радушно встрѣтила попадью. Появился самоваръ, угощеніе. Мужа не было дома.—«По какому случаю вы въ городъ надумали?»—спросила Пушкина. Попадья отвѣтила уклончиво: «Купить кое-что надо».—«Ну, а что Яковъ Аванасьевичъ? Скоро ли на мѣсто?» Въ вопросѣ Пушкиной послышалось участіе. Попадья зорко посмотрѣла на нее, но ничего не могла разгадать по лицу. «Да вотъ все еще урезонить не можемъ,—отвѣтила она.—Забралъ себѣ въ голову какую-то глупость и стоитъ на своемъ». Марья Ивановна выразила удивленіе:—«Неужели это въ самомъ дѣлѣ серьезно? Да куда Якову Аванасьевичу ѣхать? Неужели онъ такой упорный? Кажется, онъ мягкій, кроткій». Попадья опять зорко посмотрѣла на Пушкину. «Да, онъ-то мягкій,—сказала она съ улыбкой,—но вѣрно есть кто нибудь подтверже его и руководить имъ». Пушкина еще болѣе удивилась.—«Кто же это?»—спросила она.—«Неужели Псалмопѣвцевъ имѣетъ на него такое вліяніе?» Попадья подумала: ну, и хитрая же ты, кажется, и промолвила вслухъ: «А я думаю, подальше кто нибудь». Пушкина молчала. «Я прямо думаю,—продолжала попадья,—не сердитесь на меня, Марья Ивановна, всему виною ваша племянница».—«Соня?»—воскликнула Пушкина.—«Да что вы!»—«А что же,—возразила попадья:—что Яковъ въ нее влюбленъ, я въ этомъ убѣдилась, да и вы, я полагаю, не могли не замѣтить?» Она подчеркнула послѣднія слова. Марья Ивановна отвѣтила вполнѣ искренно: «Не стану лгать, замѣтила. Даже больше, догадываюсь, что и Соня его любитъ. Но вѣдь это все вздоръ. Мало ли кто нравится».—«А вотъ видите, не вздоръ»,—сказала Анна Михайловна.—«Все равно ничего не выйдетъ,—промолвила Пушкина:—сестра не выдастъ Соню за Якова Аванасьевича, пока онъ еще безъ всякаго опредѣленнаго положенія, а вѣдь не ждуть же нѣсколько лѣтъ. Соня не уродъ, женихи будутъ. Вонъ ужъ и теперь какой-то купецъ чуть не ежедневно у нихъ. Соня ему, очевидно, нравится. Нѣтъ, это пустяки, Анна Михайловна. Вы вотъ жените его скорѣе, и будетъ лучше». Искренній тонъ Пушкиной подкупилъ попадью, и она откровенно призналась: «Ахъ, матушка Марья Ивановна! Да какъ же его женишь? Не за шиворотъ же тащить его въ церковь. Измучилась я вся. О. Аванасій молчитъ, а вѣдь я знаю, что внутри-то у него творится. Вы вотъ правду говорите, и я то же самое говорю Яшѣ. Не слушаетъ, почему я и сказала вамъ, что кто нибудь его поддерживаетъ: такой смиренный, и вдругъ—на!»—Марья Ивановна махнула рукою.—«Да что вы, развѣ я бы позволила? Я очень люблю Якова Аванасьевича, но когда онъ былъ здѣсь у насъ недавно, я ему прямо ска-

зала: «если вы забрали въ голову насчетъ Сони что нибудь, то все это вздоръ, ничего не выйдетъ». Хоть побойтесь вамъ, такъ сказала. Не стану скрывать, если бы съ вашей стороны было соглаше, я рада бы была видѣть Сою за нимъ. Но теперь совсѣмъ другое дѣло. Нѣтъ, Анна Михайловна, на меня вы и не думайте, не обижайте подозрѣніемъ». «Вы простите меня, Марья Ивановна, — сказала попадья: — вѣдь такое горе, не знаешь, на что и подумать». Все это припомнилось теперь Аннѣ Михайловнѣ.

Марья Ивановна сама отперла двери.

— А и долго же вы ходили, — сказала она. — Я ужъ не утерпѣла, выпила чашечку кофею. Поди, устали? Чего это вы такъ много накупили?

— Надо, Марья Ивановна, надо, — съ улыбкой отвѣтила попадья, кладя осторожно въ карманъ платья письмо.

— И письмо получили отъ кого-то?

— И письмо. Вотъ поговоримъ потомъ. Дайте только напиться, въ горлѣ пересохло.

Она положила нѣсколько свертковъ на диванъ въ переднюю, а одинъ изъ нихъ оставила у себя.

— Что же вы этотъ-то здѣсь не положили?

— А это, голубушка, вамъ за вашу ласку и заботы о Яшѣ.

— Зачѣмъ, Анна Михайловна, что вы? — возразила Пушкиова, на самомъ дѣлѣ очень довольная подаркомъ.

Она развернула свертокъ, заключавшій въ себѣ кусокъ шерстяной матеріи.

— Напрасно тратились, Анна Михайловна. Очень, очень вамъ благодарна. Только, право, мнѣ и совѣстно. Ничего я не сдѣлала особеннаго для вашего сына.

— Ну, что вы! Вы всегда къ нему относились, какъ родная, и теперь вотъ вижу, что жалѣете, добра хотите ему. Охъ, устала я! Крестовоздвиженская грузно опустилась на стулъ.

Вошла кухарка и подала Марьѣ Ивановнѣ письмо. Пушкиова взглянула на конвертъ и промолвила: «а, отъ сестры! Посмотримъ, что пишетъ».

Она разорвала конвертъ, положила на столъ и принялась читать письмо. Анна Михайловна привстала, какъ бы для того, чтобы взять сахару, но при этомъ нагнулась и посмотрѣла на адресъ на конвертѣ. Почеркъ былъ тотъ же самый, что и на письмѣ, которое она получила на почтѣ. Сомнѣнія больше не было. Но она все-таки хотѣла какъ бы подтвержденія со стороны Марьи Ивановны.

— А и красивъ же почеркъ у вашей сестрицы, — замѣтила она.

— Что? — спросила Пушкиова, отрываясь отъ письма.

— Почеркъ красивъ у вашей сестрицы, — повторила Анна Михайловна, указывая глазами на конвертъ.

— О, это не ея рука, это рука Сони. Она всегда пишетъ адреса.

Тяжелый вздох вырвался из груди попадьи. Марья Ивановна дочитала письмо и сказала:

— Ну, вотъ, Анна Михайловна: у Сони и женихъ готовъ почти. Сестра пишетъ, что фабрикантъ такъ ухаживаетъ за Соней, что надо непременно ждать предложенія. Онъ даже намекалъ объ этомъ.

— Еще неизвѣстно, что отвѣтитъ ваша племянница.

— Какъ что? Такая партія...

Крестовоздвиженская улыбнулась.

— Всяко бываетъ.

Она помолчала и прибавила:

— Говорить ли ужъ все вамъ?

— Что такое?—съ недоумѣніемъ спросила Пушкива.

— Да отъ васъ нечего скрывать. Помните, я вчера говорила вамъ о перепискѣ Якова съ вашей племянницей, еще подумала, что черезъ васъ идетъ переписка?

— Ну, ну!

— А они безъ васъ обошлись, прямо переписываются.

— Почему вы такъ думаете?

— Не думаю, а знаю. Вотъ вамъ.

Попадья вынула изъ кармана письмо и показала его Пушкивой.

— Чей почеркъ?

— Это... это рука Сони, — отвѣтила Пушкива тономъ искренняго удивленія.

— Вотъ видите! Значить, всерьезъ дѣло.

— Важно знать, что она пишетъ, — сказала Пушкива.

— А какъ это узнать?

— Возьмите и прочтите.

— Вы совѣтуете? — спросила попадья, которой очень хотѣлось прочесть, но она все еще не рѣшалась.

— Непремѣнно.

— А не лучше ли ему отдать, и...

— Пусть онъ самъ покажетъ?—подхватила Марья Ивановна.— И такъ можно.

Она разсмѣялась и прибавила:

— У меня, признаюсь, не хватило бы терпѣнія. Пускай нехорошо, а прочла бы.

— Ну?

Попадья вдумчиво посмотрѣла на хозяйку.

— А и въ самомъ дѣлѣ,—вдругъ рѣшила она.—Можетъ быть, тутъ такое есть, что и показать ему не слѣдуетъ. Вы правы. Вѣдь я же добра ему хочу.

— Конечно!

Пушкивой, очевидно и самой интересно было узнать содержаніе письма племянницы.

Однако, Анна Михайловна не разорвала конверта, а положила его на столъ.

— Вѣдь, можетъ быть, это и не первое, — сказала она.

— Можетъ быть, — согласилась Пушкова. — Только едва ли. Яковъ Аоанасьевичъ сказалъ бы мнѣ. Знаете, — добавила она, какъ бы припоминая что-то: — когда онъ былъ у насъ недавно, онъ писалъ въ своей комнатѣ кому-то письмо. Я еще спросила: кому? Онъ отвѣтилъ: товарищу. Можетъ быть, онъ ей тогда и писалъ. Адресъ я ему сказала.

Она налила гостѣ кофе и промолвила, подвигая чашку:

— А все-таки, скажите мнѣ, Анна Михайловна: если бы Яковъ Аоанасьевичъ не послушался и уѣхалъ бы и, — хоть этого не можетъ быть, но допустимъ для примѣра, — если бы онъ женился на Сонѣ, вѣдь простилъ же бы о. Аоанасій?

— О, что вы, голубушка! — воскликнула попадья, махнувъ рукой. — И думать объ этомъ нечего.

— Неужели никогда бы не простилъ?

— Ни за что! Вы его не знаете. Сдѣлай такъ Яковъ, — никогда бы не простилъ и гроша мѣднаго не далъ бы.

— Хотя сынъ умиралъ бы съ голода?

— Все равно. Да вотъ вамъ: былъ у него племянникъ, не дурно учился въ семинаріи и вдругъ не захотѣлъ кончать, вышелъ изъ перваго класса философіи, влюбившись въ какую-то портниху, и сдуру поступилъ въ почтальоны. Аоанасій Григорьевичъ его уговаривалъ, тотъ не послушался. Прошло два года; заболѣла жена, ребенокъ... Пришелъ Константинъ просить денегъ. Онъ его не пустилъ даже. Онъ не злой, Марья Ивановна, а въ такихъ случаяхъ упорный. Ужъ такая порода у нихъ. Случись съ Яковомъ, пожалуй, и плакать бы сталъ втихомолку, а отказалъ бы навѣрно, на глаза бы не пустилъ. Сохрани, Господи! — съ испугомъ закончила попадья.

— Вѣдь это ужъ и не по-христіански, Анна Михайловна, — замѣтила Пушкова.

— Что дѣлать! такой характеръ! Отецъ его былъ еще тверже. Нѣтъ, избави, Господь, отъ такой напасти! И думать нечего!

— Да я и не думаю, — возразила Пушкова. — Вы, можетъ, полагаете, что я съ той цѣлью спросила, чтобы узнать, желая все-таки устроить свадьбу? Совсѣмъ нѣтъ! Я вотъ напишу сестрѣ, чтобы она не вздумала отказывать фабриканту. Такой богачъ, и такъ ее любить! Можетъ быть, сама судьба...

Попадья вздохнула и взяла письмо со стола.

— Такъ какъ же: прочесть, а?

И, не дожидаясь отвѣта, она быстро разорвала конвертъ, изъ котораго выпалъ листокъ красной почтовой бумаги.

— Какая бумага-то, самая пылкая, — съ грустной усмѣшкой замѣтила попадья и стала читать письмо.

Пушкова слѣдила за нею, желая по лицу отгадать то впечатлѣніе, какое произвело письмо на попадью. Анна Михайловна безъ перерыва медленно прочла все письмо и положила его обратно на столъ.

— Ну, что, что?—полюбопытствовала хозяйка.

— Да что,—отвѣтила попадья съ разстановкой:—любить Якова, ждсть его, ободрять, успокоиваетъ. Вы, вѣрно, Марья Ивановна, говорили ему что нибудь о купцѣ?

— Да, да. А что?

— Ну, вотъ. А онъ, видно, ей написалъ объ этомъ, тревогу выказалъ, она его и успокоиваетъ.

Попадья взяла письмо и, отыскавъ необходимое мѣсто, прочла вслухъ: «О какой новой любви пишете вы? Какъ вамъ не грѣшно? Это васъ тетя смутила, вѣрно. Такъ знайте; что все вздоръ. Вы хотѣли подтвержденія, такъ вотъ вамъ. Я дала слово и буду ему вѣрна, пока вы не измѣните своему. Приѣзжайте скорѣе. Мнѣ думается, что вы сами-то не выдержите, хотя и пишете, что боретесь со всѣми препятствіями. Дай Богъ! Я молюсь за васъ. Я отвѣчаю вамъ скоро, какъ только могу. Отвѣчайте немедленно и вы: когда приѣдете? Я беспокоюсь за васъ, и у меня для этого больше основанія. Меня никто ни къ чему не принуждаетъ, а на васъ навѣрное дѣйствуютъ всѣ и со всѣхъ сторонъ».

Крестовоздвиженская пропустила нѣсколько строкъ и продолжала: «не сдавайтесь, помните, что думами всегда съ вами, горячо любящая васъ Соня».

— Видите?—промолвила Анна Михайловна, подымая глаза на Пушкову.

— Да-а,—протянула Марья Ивановна.—Ну, я этого не ожидала. Значитъ, Софья откажетъ купцу. Это видно по тону письма.

Анна Михайловна молча глядѣла на Пушкову.

— Какъ же теперь быть съ письмомъ?—спросила она.—Не отдавать же его Якову распечатаннымъ.

— Да вы просто совсѣмъ ему не отдавайте и ничего не говорите.

— Ладно ли будетъ?—усомнилась Анна Михайловна.

— Что же иначе сдѣлать? Сказать, что прочитали? Это еще больше его раздражитъ.

— Что правда, то правда,—согласилась попадья.

— Разумѣется. Лучше ужъ солгать. Знаете: и ложь во спасеніе, говорятъ. Вы теперь видите, матушка, что я не хитрю и не противъ васъ.

— Спасибо вамъ,—промолвила гостья.—Я знаю, что вы хотите добра Яшѣ. Да вѣдь и вашей племянницѣ—это на пользу.

— Да, не думала я, что дѣло выйдетъ такое серіозное,—произнесла Пушкова.—Я еще смѣялась: не влюбитесь, говорю. А такъ и вышло. Я дивлюсь на Соню: положимъ, вашъ сынъ красивъ, это

вѣрно, и симпатиченъ, да вѣдь видѣла же она мужчинъ въ Самарѣ, были же и красивые, навѣрно, и симпатичные, а тутъ долго ли вѣдь пожила, и влюбилась.

— Вотъ подите,—сказала Анна Михайловна, разводя руками.— И я-то дивлюсь на своего. Откуда что взялось: уперся, спорить. Бывало, стѣбитъ слово молвить, и сейчасъ же уступитъ.

— Видно, Анна Михайловна, правда поется въ романсѣ, что «любовь чувство не простое, если всѣмъ волнуетъ кровь».

Пушкова задумалась на минуту и произнесла съ легкимъ вздохомъ:

— Всѣ мы прошли то же самое. Что скрывать: и я дѣвченкой влюбилась въ офицера. Казалось, если не за него, такъ лучше смерть.

— А вотъ и вышли же за другого.

— Противъ воли, Анна Михайловна. Мачиха была у меня суровая. Какъ прикрикнула, я и осѣла. Только плакала.

— А теперь не жалѣете?

— Нисколько. Дай Богъ всѣмъ такую жизнь. Павелъ чудный человѣкъ... А мой-то кумиръ женился на купчихѣ, да въ подлогѣ попался, изъ службы выгнали, и теперь золоторотцемъ сталъ.

— Ай-ай-ай! Вотъ она глупость-то наша въ молодости. Да ужъ что. Если пошло на то, и я скажу: не по любви за Аѳанасія Григорьевича вышла. Чиновникъ одинъ нравился. И вотъ тоже прожила, слава Богу, не на смѣхъ людямъ.

— И теперь, Анна Михайловна, и у Якова Аѳанасьевича то же: перемелется—мука будетъ. Соня веселая, долго грустить не станетъ. Выйдетъ за купца и заживетъ отлично. Характеръ у нея хорошій, правду скажу. Жаль, что такъ, а то жена для вашего сына она была бы прекрасная. А вотъ вѣдь что, Анна Михайловна: если бы она согласилась и за священника выйти, тогда что? Какъ вы?

— Да гдѣ же мѣсто, родная? Надо Аѳанасію Григорьевичу свое отдавать. А при чемъ же дочери? Ну, Оеклуша еще ничего, эта не засидится. А Стешу безъ мѣста никто не возьметъ.

— Это вѣрно,—согласилась Пушкова.—Да вѣдь я такъ только и говорю къ примѣру, а Соня за попа едва ли поидетъ, она умретъ со скуки въ деревнѣ.

Онѣ еще долго разговаривали на эту тему, какъ двѣ союзницы. Въ концѣ концовъ онѣ рѣшили дѣйствовать дружно. Попадья не должна была ничего говорить сыну о письмѣ, а напротивъ сообщить, что Соня, кажется, уже дала слово купцу. Такъ де можно понять изъ письма матери. А она, Пушкова, напишетъ Сонѣ, въ видѣ слуха, но почти вѣрнаго, что Крестовоздвиженскій сговоренъ на дочери о Никифора и беретъ его мѣсто. А тѣмъ временемъ дѣйствовать на молодого человѣка и скорѣе кончать дѣло.

— Правда, не совсѣмъ прямое дѣло-то наше,—призналась Пушкова,—но какъ же иначе? Если купецъ посвѣтается, и Соня

откажетъ—другой такой блестящей партіи ей не дождаться. Онъ не уродъ, не старикъ и такой капиталъ. И при всемъ томъ она ему очень нравится. Нечего и говорить, что она его потомъ полюбитъ. А сгоряча все можно испортить. Я для блага ея все и дѣлаю.

— А если они спишутся снова,—сказала Анна Михайловна:— все и узнается.

— Вы слѣдите за нимъ, а я напишу сестрѣ. Надо ужъ ей все открыть. Пусть она посматриваетъ за получаемыми письмами. Соня у нея вѣдь полной свободой пользуется. Конечно, отъ случайностей не уберешься. Надо дѣйствовать, а что выйдетъ, не угадаешь. Если ничего не выгоритъ, значить тогда такая судьба.

— О Господи, что только и будетъ!—проговорила Анна Михайловна.—Я сегодня обнадежила тетку Дуни: все, говорю, скоро уладится. А кто вѣдь знаетъ? Право, и ихъ-то стыдно... Словно уродъ дѣвушка и мѣсто плохое, что уговаривать надо. Вѣдь только объяви, десятки жениховъ явятся.

— Видно, Дунечкѣ Яковъ Аванасьевичъ очень нравится,—замѣтила Пушкина.

— Въ томъ-то и дѣло, что очень нравится, потому и ждуть. Къ нимъ уже прѣзжали двое, такъ Дуня и слышать не хочетъ.

Въ то время, какъ двѣ союзницы заключали между собой условіе, въ Домкинѣ Крестовоздвиженскій получилъ письмо отъ Неофита. Псалмопѣвецъ извѣщалъ пріятеля кратко: «Пока и здѣсь не удача. Юса нѣтъ, отецъ усмалъ его за озеро, скоро будетъ. Я жду, и пока съѣзжу къ одному пріятелю, а оттуда снова въ Дубровки. Къ тому времени юсъ вернется. Крѣпись!

«Р. С. О документахъ. Понялъ? Я явлюсь или со щитомъ, или на щигѣ. Знаешь меня».

Веселый тонъ пріятеля мало ободрилъ Крестовоздвиженскаго, на котораго сильно вліяли рѣчи бабушки и еще болѣе молчаніе Сони. Прочитавъ письмо товарища, Яковъ Аванасьевичъ вздохнулъ и подумалъ: «опять неудача, все неудачи». Видно, сама судьба противъ. А много ли осталось времени?

Молчаніе Сони прямо убивало молодого человѣка, который ходилъ, какъ потерянный.

Анна Михайловна вернулась ранѣе Дуни и Анюсы Леонтьевны, которыя остались еще въ городѣ. Попадья была довольна содѣйствіями и планомъ Пушкиной, хотя ей было тяжело «такъ обманывать сына». Совѣсть неволью упрекала ее. Но Анна Михайловна успокаивала себя тѣмъ, что «все это для счастья Яши». Вѣдь и Пушкина, рассуждала она, для племянницы старается. Это было вѣрно. Марья Ивановна, узнавши изъ письма сестры о томъ, что фабрикантъ намѣренъ сдѣлать предложеніе Сонѣ, рѣшила во что бы то ни стало устранить всѣ препятствія

къ этой свадьбѣ. Обѣ женщины считали, что онѣ дѣйствуютъ для пользы и счастья близкихъ людей. Имъ обѣимъ казалось, что счастье именно тамъ, гдѣ видятъ онѣ, а не увлекающіеся молодые люди.

XXVI.

Слова бабушки: «а ты спроси ее, согласится ли она выйти за тебя, за попа»,—смutilи Якова Аванасьевиича, но онъ рѣшилъ такъ, какъ рѣшаетъ всегда истинная любовь. Зачѣмъ требовать жертвъ отъ Сони? Онъ не хочетъ, чтобы счастье Сони было чѣмъ нибудь отравлено.

Съ этими мыслями онъ возвращался домой съ прогулки.

Оеклуша, кормившая на дворѣ куръ и утокъ, увидѣла входившаго брата и кинулась къ нему на встрѣчу.

— Мама вернулась!

— Давно ли?

— Сейчасъ только. Она пріѣхала на ямщицкихъ, а Дуня съ теткой еще остались въ городѣ.

Въ столовой Анна Михайловна показывала какія-то матеріи Агнии Капитоновнѣ.

— Красивая и доброта хорошая,—говорила старуха.

Она оглянулась, заслышавъ шаги. Анна Михайловна подняла голову отъ куска матеріи.

— Вотъ я и вернулась,—сказала она вошедшему сыну.—Привезла тебѣ поклоны отъ Марьи Ивановны и Павла Ивановича.

Крестовоздвиженскій съ тревогою ждалъ, что скажетъ мать дальше. Онъ вдругъ почувствовалъ, что она должна сообщить что-то важное для него. Лишь она заговорила, и вдругъ по ея ли голосу, по выраженію ли ея лица, онъ понялъ какимъ-то необъяснимымъ внутреннимъ чувствомъ, что услышитъ что-то серьезное, важное.

И онъ не ошибся.

Мать, начавшая складывать матерію, добавила съ тревогой, которой она не могла скрыть:

— Да вотъ что.. Я тебѣ какую новость сообщу... Племянница Марьи Ивановны, Соня.. — такъ кажется? — почти помолвлена за какого-то фабриканта. Они съ нимъ еще въ Москвѣ встрѣтились.

У Крестовоздвиженскаго помутилось въ глазахъ. Онъ инстинктивно схватился за стулъ, вблизи котораго стоялъ. Смертельная блѣдность покрыла его лицо.

Бабушка взглянула на внука и какъ бы невольно промолвила, обращаясь къ дочери:

— Ну, Аннушка, можетъ быть, это и не правда.

Старуха поняла сердцемъ всю боль, переживаемую внукомъ, и постаралась смягчить ударъ, нанесенный ему матерью. Она даже

упрекнула мысленно дочь за ея слова, брошенные прямо безъ всякой подготовки. Аннѣ Михайловнѣ также стало жаль сына. И она отвѣтила матери нѣсколько уклончиво:

— Не знаю, маменька, но письмо получила Пушкива изъ Петербурга отъ сестры.

— Этого не можетъ быть,—медленно, какъ бы про себя, но вслухъ проговорилъ Яковъ Аванасьевичъ и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

Старуха пытливо воззрилась на дочь и сказала:

— Аннушка, правда это?

Анна Михайловна на мгновенье поколебалась, но затѣмъ отвѣтила твердо:

— Марья Ивановна получила письмо, я вамъ говорю.. и при мнѣ читала, дѣло почти слажено.. Это же понятно, маменька: фабрикантъ миллионщикъ, такая блестящая партія, тутъ всякая дурь изъ головы выскочить.

— Такъ-то такъ, но нельзя было говорить сразу. Ты посмотри, какъ на него подѣйствовало... Вѣдь мало ли что... Пойду-ка я, погляжу, что съ нимъ...

И она, спѣша по-старушечьи, вышла изъ комнаты.

— Гдѣ Яковъ?—спросила она у Стеши, встрѣтивъ ее въ передней.

— Въ спальнѣ,—коротко отвѣтила внучка.

Старуха отворила дверь и окликнула внука:

— Яша!

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ на кровати въ застывшей позѣ, устремивъ въ пространство неподвижный взоръ.

Агнія Капитоновна посмотрѣла на него, и ей сдѣлалось страшно.

Она сѣла съ нимъ рядомъ, обняла его и заговорила:

— Яшенька, соколикъ мой, что съ тобою? Полно! Это еще, можетъ быть, не правда, какъ можно такъ сразу... Что ты!

Онъ слегка повернулъ голову къ бабушкѣ.

— Этого не можетъ быть,—произнесъ онъ, точно онъ забылъ всѣ слова, кромѣ этихъ, и только ихъ повторялъ въ умѣ и вслухъ.

— Да, да, соколикъ, надо узнать все...

У Якова Аванасьевича вдругъ изъ глазъ покатались слезы.

Агнии Капитоновнѣ сдѣлалось невыразимо жаль внука, но она была рада этимъ спасительнымъ слезамъ.

— Яша, голубчикъ мой,—проговорила она, заглядывая ему въ лицо:—ты не отчаивайся, надо все узнать хорошенько.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Какъ же узнать? И зачѣмъ?

У него словно все помутилось въ головѣ. Онъ твердилъ: «этого не можетъ быть, этого не можетъ быть», и въ то же время какъ бы уже признавалъ фактъ и съ увѣренностью отчаянія спрашивалъ: «зачѣмъ, когда уже все совершилось?»

— Какъ зачѣмъ? — возразила бабушка. — Да чтобы узнать, правда ли все.

Онъ глядѣлъ на нее и, видимо, дѣлалъ напряженіе, чтобы привести въ ясность мысли и понять, что ему говоритъ она.

— Вѣдь письмо изъ Петербурга... Маменька сказала.

— Милый мой! Да вѣдь, можетъ быть, ее, Соню-то, такъ же, какъ тебя, убѣждаютъ, настаиваютъ. Тотъ посватался, она не хочетъ, а мать настаиваетъ. Ты пойми это.

Молодой человѣкъ воззрился на бабушку, словно она сказала ему что-то такое, чего онъ не могъ ожидать, но что сразу вносило свѣтъ туда, гдѣ все было покрыто тьмою.

Радость мелькнула въ его глазахъ, и кровь прилила къ лицу.

— Вы думаете? вы думаете, что это такъ? — сказалъ онъ, оживляясь.

— Все можетъ быть, Яша. Я говорю потому, что надо узнать, а не отчаиваться.

Онъ вскочилъ съ кровати, глаза его заблестѣли.

— Я поѣду въ городъ!

— Поѣзжай, голубчикъ. Только возьми Михея. Тебѣ не до того, чтобы возиться съ лошадыю.

— Хорошо. Я ей пошлю депешу.

-- Пошли, пошли...

Яковъ Аванасьевичъ чувствовалъ, что онъ воскресаетъ. Жизнь снова возвращалась къ нему съ надеждами, съ тепломъ и свѣтомъ. Потрясенный, взволнованный, онъ стремительно обнялъ бабушку и тихо заплакалъ.

Это уже были слезы надежды, радости.

— Бабушка, бабушка, — проговорилъ онъ, — простите меня!

— Въ чемъ, въ чемъ, Яшенька?

— Что я сомнѣвался, что я могъ вамъ не вѣрить.

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

«Ахъ, Яша, Яша!» — проговорила старуха, вздыхая. Въ эту минуту ей даже хотѣлось, чтобы Соня не выходила за фабриканта, чтобы она стала женою внука. Любовь къ нему все наполнила собою въ душѣ старухи.

Когда она вышла изъ спальни, ей попалась навстрѣчу дочь.

— Маменька, куда это Яковъ побѣжалъ?

— Въ городъ ѣдетъ.

— Въ городъ? — съ недоумѣніемъ промолвила Анна Михайловна. — Зачѣмъ?

— Депешу послать Сонѣ.

Анна Михайловна посмотрѣла на мать такими глазами, какими смотрятъ на сумасшедшихъ, когда они заговариваются.

— Маменька, что вы сказали? Сонѣ депешу?

— Да, Аннушка, и не мѣшайся ты лучше, — съ нѣкоторой досадою перебила старуха. — Если не хочешь погибели сына, не мѣшайся.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ?—повторяла дочь, ничего не понимая.

— А затѣмъ, чтобы онъ... не сдѣлалъ надъ собою чего нибудь сейчасъ, или не сошелъ бы съ ума, вотъ зачѣмъ.

Анна Михайловна молча посмотрѣла на мать и промолвила медленно, покорно:

— Но что же изъ этого будетъ?

— А Богъ знаетъ, что будетъ,— отвѣтила старуха.— Только пусть не будетъ того, что можетъ случиться безъ этого.

— А если все-таки подтвердится?

— Ну, что же, и пусть. Я и сама увѣрена, что подтвердится, если такъ пишеть сестра... Но пройдетъ время, Яша освѣжится. Вѣдь пока онъ будетъ ждать отвѣта, мысль о возможности выхода замужъ Сони за купца все-таки будетъ съ нимъ жить, и онъ исподовольно примирится, такъ что всякій отвѣтъ приметъ легче.

— А если, маменька, та откажетъ фабриканту, что тогда?— спросила Анна Михайловна.

Старуха развела руками.

— Что тогда? Я ужъ не знаю. Да что,—прибавила она,—говорить о той тучѣ, которой еще нѣту, надо ту-то отвести, которая надъ головой виситъ, вотъ о чемъ подумай.

Она помолчала и промолвила:

— Всему предѣлъ есть, Аннушка. Надо настаивать, ну, а если... и противъ Божьей воли не пойдешь: если суждено иначе, что дѣлать...

— Маменька, да вѣдь вы знаете волю Аѳанасія Григорьевича?

— А что-жъ такое?—вдругъ сердито промолвила старуха:—что же Аѳанасію Григорьевичу: легче въ гробу сына видѣть, что ли? И тебѣ тоже? умри, или по-нашему, такъ что ли? Да ты ему мать, или нѣтъ?

Рѣзкимъ укоромъ прозвучали эти слова и, какъ ножомъ, пронзили сердце Анны Михайловны. «Неужели я его меньше люблю, чѣмъ бабушка?» задала она сама себѣ вопросъ. «Нѣтъ, нѣтъ! Ужъ лучше»... Она почувствовала, въ какія тенета попала теперь, и ужасъ охватилъ ее. Но вдругъ опять ее ободрила надежда: «а, можетъ быть, все пройдетъ благополучно, уладится».

Вошелъ о. Аѳанасій.

— Гдѣ Яковъ?—спросилъ онъ.

— Онъ собирается въ городъ,—отвѣтила жена.

— Какъ въ городъ? это зачѣмъ?

Анна Михайловна взглянула на мать, какъ бы прося ея помощи. Старуха подошла къ зятю.

— Батюшка о. Аѳанасій, надо это, чтобы грѣха не случилось.

— Да что такое?—съ невольнымъ испугомъ спросилъ онъ.

Теща объяснила ему все дѣло.

— Гм...—повторилъ онъ, хмурясь.—Это что же такое выходитъ: опять...

— Ничего не опять, батюшка,—сказала Агнія Капитоновна:—дѣло уже къ концу клонится, не надо только портить его, да и Яшу губить. Надо его пожалѣть и о себѣ подумать, случись грѣхъ какой съ нимъ, всѣмъ намъ тяжело будетъ.

— Гм!—произнесъ о. Аванасій, пройдясь по комнатѣ.—Ну, что же, пусть разрядится, это вы вѣрно надумали. А хорошо, что та выходитъ.

— Конечно, батюшка,—подтвердила теща:—а Яшенька пусть проѣдется и, какъ ты изволилъ по-умному-то выразиться, пусть разрядится.

XXVII.

Еще не было четырехъ часовъ утра, когда Яковъ Аванасьевичъ и Михай въѣхали въ городъ. На улицахъ царил тишина. На Архангельскомъ проспектѣ, у воротъ большого купеческаго дома на лавочкѣ сладко дремалъ полицейскій стражъ. Стукъ деревенской таратайки по мостовой не разбудилъ его.

— Ишь какъ спитъ, хошь укради его самого,—съ усмѣшкой произнесъ Михай.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ спросилъ у Якова Аванасьевича:

— Что-жъ, прямо на телеграфъ ѣхать?

— Надо заѣхать на почту сперва, узнать, нѣтъ ли писемъ,—сказалъ Яковъ Аванасьевичъ.

— Да нешто почта теперь открыта? — съ усмѣшкой проговорилъ Михай.

— Да, это вѣрно, — согласился Крестовоздвиженскій и добавилъ: — тогда нельзя и подавать депеши.

Онъ надѣялся еще получить письмо отъ Сони. Онъ тревожится, мучится, хочетъ посылать телеграмму, а на почтѣ, можетъ быть, лежитъ письмо, и въ немъ все разъяснено. Да, надо непременно сначала справиться.

И онъ повторилъ вслухъ свою мысль:

— Надо на почту сперва заѣхать.

— Почта открывается въ восемь часовъ, я ужъ это знаю, — сказалъ работникъ.

— Тогда заѣдемъ въ трактиръ выпить чаю,—произнесъ Яковъ Аванасьевичъ.

— Это можно, — радостно одобрилъ работникъ, и добавилъ: — къ Пальцеву, въ «Зеленый Островокъ», Яковъ Аванасьевичъ? Чудно! Съ пяти часовъ открытъ, и чистая половина есть, а ситникъ... у, какой ситникъ, точно конфета!

Въ трактиръ въ первой комнатѣ было уже много народа. Пили чай и закусывали плотники, каменщики и разные мастера, вые,

шедшіе на работу. Сидѣло и нѣсколько извозчиковъ. Яковъ Аѳанасьевичъ не пошелъ на чистую половину, а присѣлъ къ свободному столику у окна и потребовалъ чаю «на двоихъ». Михай поставилъ лошадь къ колодѣ, задалъ корму и вошелъ въ трактиръ.

— Да вы что же тутъ-то, Яковъ Аѳанасьевичъ, а не на чистой?— съ удивленіемъ проговорилъ онъ.

— Все равно.

— Какъ можно! Тамъ не въ примѣръ лучше.

Михею очень хотѣлось попить чаю «на чистой», гдѣ пьютъ подрядчики и хозяева. Но онъ не сталъ настаивать и оживленно принялся хлопотать около чайниковъ. Наливъ поповичу стаканъ крѣпкаго чаю и подвигая его, Михай замѣтилъ:

— А какъ же ситничку... не худо бы ситничку?

— Я не хочу, а ты спрости, если хочешь, — отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

Михей воспользовался предоставленнымъ ему правомъ и потребовалъ полтора фунта «ситнику перваго сорта съ изюмомъ».

Они просидѣли въ трактирѣ около двухъ часовъ. Михай выпилъ чашекъ десять и съѣлъ весь ситникъ. Онъ два раза спрашивалъ сахару, съ удовольствіемъ распивая чай въ накладку. Крестовоздвиженскій все время сидѣлъ задумчивъ. Чай его простылъ, и онъ выпилъ стаканъ залпомъ передъ самымъ уходомъ изъ трактира.

Почта только что открылась, когда Яковъ Аѳанасьевичъ подѣхалъ. Публики еще никого не было, даже не всѣ чиновники явились на службу. Крестовоздвиженскій обратился за справкой къ почталіону, разбиравшему письма. Тотъ посмотрѣлъ въ отдѣленіи до востребованія и сказалъ, что ничего нѣтъ.

— Это вѣрно? — переспросилъ Крестовоздвиженскій.

— Что же мнѣ за корысть врать? — довольно грубо отвѣтилъ почталіонъ.

— Можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ?

— До востребованія всѣ тутъ, — тѣмъ же тономъ произнесъ почталіонъ.

Одной надеждой стало меньше, и тяжелое предположеніе получило какъ бы новое доказательство. Съ угнетеннымъ сердцемъ вышелъ Крестовоздвиженскій изъ конторы и поѣхалъ на телеграфъ.

«Какъ составить депешу?» Онъ испортилъ нѣсколько листковъ, прежде чѣмъ написалъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Петербургъ, Н—скій дѣтскій пріютъ. Софья Львовна Карышевой. Получили ли письмо? Отвѣчайте немедленно и рѣшительно. Отъ этого зависитъ все. Яковъ».

Телеграфистъ принялъ депешу, сосчиталъ слова и, сдѣлавъ помѣтки, обратился къ Крестовоздвиженскому.

— Вашъ адресъ?

— Я пріѣзжій.

— Все равно, гдѣ остановились. Куда же доставить вамъ отвѣтъ?

— Я найду самъ.

— Тогда припишите, что до востребованія, и оговорите приписку.

Крестовоздвиженскій исполнилъ все это.

— Когда можетъ быть отвѣтъ? — робко спросилъ онъ.

— Смотря, какъ скоро отвѣтятъ.

— Но когда телеграмма будетъ въ Петербургѣ?

— Часа черезъ четыре будетъ навѣрное.

— А ночью телеграфъ открытъ?

— Да, все время.

Было уже около девяти часовъ. Теперь можно было вернуться къ Пушкинымъ. Крестовоздвиженскій отправился къ нимъ, а Михай поѣхалъ на постоянный дворъ къ знакомому.

Около Свѣтлыхъ рядовъ Крестовоздвиженскій столкнулся съ Пушкинымъ.

— Господи, откуда такое явленіе! — съ удивленіемъ воскликнулъ Павелъ Ивановичъ, останавливаясь. — По какому случаю? — добавилъ онъ, здороваясь.

— По дѣлу, — уклончиво отвѣтилъ семинаристъ.

— Вы не къ намъ ли шли? — спросилъ Пушкивъ.

— Да.

— Очень жалко... И Марья Ивановны нѣтъ дома.

— А гдѣ же она? — спросилъ Крестовоздвиженскій, вообразившій, что она поѣхала на свадьбу племянницы.

— Марья Ивановна задумала Богу молиться и вчера со знакомыми отправилась въ Семигородное. Раньше четырехъ, пяти дней назадъ не будетъ. Вы теперь куда? намъ не по пути?

— Мнѣ все равно.

— Такъ проводите меня до палаты.

Они пошли по бульварчику.

— Ну, что ваши дѣла? Ахъ, да! знаете, вѣдь Соня-то замужъ выходитъ.

— Вы это, какъ фактъ, сообщаете? — проговорилъ Крестовоздвиженскій, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы произнести фразу спокойно.

И все-таки это ему не удалось, его голосъ дрогнулъ.

— Мать Сони писала женѣ... Все слажено...

— И сговоры были?

— Сговоры? Ну, ужъ я этого не знаю... Самъ я письма не читалъ... Должно быть, были, или назначены... Однимъ словомъ —

дѣло слажено... Соня дала слово и выходить за этого... Вообразите: фабрикантъ, капиталу около милліона. Жирнаго гуся подцѣпила Сонька!

Какъ бы спохватившись, Пушкивъ добавилъ, взглядывая на Крестовоздвиженскаго:

— Вѣдь вамъ Соня нравилась, я помню, ну, да вѣдь...

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ сторбленный старичекъ съ портфелемъ подъ мышкой.

— Павлу Ивановичу, — проговорилъ онъ, покосясь на Крестовоздвиженскаго.

— А, Евгенію Петровичу! И вы сегодня раненько на службу.

Крестовоздвиженскій воспользовался появленіемъ старичка и простился съ Пушкивымъ.

— Да вы заходите ко мнѣ, я буду очень радъ,—проговорилъ Пушкивъ.—Вы долго ли пробудете? Вѣдь не уѣдете сегодня?

— Думаю, что не уѣду.

— Тогда заходите ко мнѣ ночевать.

— Можетъ быть... благодарю васъ.

Крестовоздвиженскій повернулъ вправо. Онъ сдѣлалъ это машинально; ему было все равно, куда ни итти. Онъ шагаль по неровной панели, а въ головѣ билась мысль, давя мозгъ, словно свинцомъ: «какого же еще отвѣта ждать? дала слово... выходить— не все ли равно, какъ и почему? Оттого и молчить». У него даже мелькнулъ вопросъ: не отправиться ли сейчасъ домой? Но ему не хотѣлось ѣхать, точно здѣсь, на этомъ шумѣ, въ толпѣ, было лучше и легче, чѣмъ въ деревнѣ. Еще смутная надежда на что-то теплилась въ его душѣ, и какъ утопающій, онъ хватался за соломинку.

Онъ шелъ впередъ, погруженный въ думы. Вдругъ до его слуха донесся тоненькій церковный перезвонъ. Онъ оглядѣлся: невдаликѣ бѣлѣли казармы, изъ-за которыхъ виднѣлась колокольня съ золотымъ крестомъ. Онъ узналъ церковь подгородной пустыньки, куда онъ ходилъ иногда во время семинарскаго ученія къ обѣднѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ товарищами на клиросѣ. Его вдругъ потянуло въ церковь, въ обитель Того, Кто призываетъ всѣхъ страдающихъ и обремененныхъ и общаетъ имъ успокоеніе. Истрадавшаяся, мятущаяся душа молодого человѣка возжаждала тѣхъ сладкихъ молитвенныхъ звуковъ, которые несутъ миръ огорченнымъ сердцамъ.

— Тутъ вѣдь священникомъ Трудолюбовъ,—вспомнилось Якову Аванасьевичу.

Ему захотѣлось увидать Трудолюбова, который былъ его старше на четыре года.

Церковь была почти совсѣмъ пуста. Впереди стоялъ толстый мужчина въ длинномъ сюртукѣ, рядомъ съ нимъ пожилая женщина, въ шелковой повязкѣ на головѣ, а позади, на разныхъ

мѣстахъ, три—четыре старушки,—вотъ и всѣ молящіяся, если не считать слѣпого нищаго, пріютившагося у самыхъ дверей. Обѣдня только-что началась. Дьякона не было, и священникъ служилъ одинъ. Онъ дѣлалъ возгласы высокимъ теноромъ, какъ бы съ нѣкоторой натугой. Яковъ Аеанасьевичъ всталъ въ уголокъ за свѣчной ящикъ и началъ молиться. Прямо передъ нимъ, на боковой колоннѣ, висѣла икона Спасителя греческаго письма. Онъ всегда любилъ образа такого письма, потому что они всего болѣе вызывали у него религіозное настроеніе. Они не давали никакого опредѣленнаго реального облика и не превращали Христа въ обыкновеннаго человѣка.

Передъ иконой горѣла лампадка, и ея мерцаніе, освѣщавшее ликъ Спасителя, наполнило сердце Крестовоздвиженскаго тихимъ врачующимъ свѣтомъ. Онъ опустился на колѣни и сталъ молиться безъ словъ, не слыша того, что читалось и пѣлось. Онъ весь унесся куда-то мыслію, и видѣлъ предъ собою только этотъ почернѣвшій ликъ божественнаго Учителя, какъ бы не нарисованнаго, но живого, слушающаго, страдающаго. Молодой человѣкъ не устами, а сердцемъ взывалъ: «Спаси и защити!» И ему сдѣлалось такъ хорошо, такъ спокойно, словно Христось прикоснулся къ его изболѣвшей душѣ своей цѣлящей десницей. Вотъ до слуха Якова Аеанасьевича донеслись слова: «Твоя отъ Твоихъ»... У него какъ-то неволью мелькнула мысль: «да давно ли же началась обѣдня и уже»... Онъ не замѣтилъ, какъ простоялъ на колѣняхъ въ забытіи такъ долго. Ему и теперь не хотѣлось вставать,—такъ было отрадно тутъ, въ уголку, бесѣдовать съ Тѣмъ, Которому близки печали и скорби людей. И вдругъ онъ подумалъ: «а вѣдь какъ хорошо молиться не только за себя, а и за всѣхъ, быть всегда близко къ Христу, служить ему, совершать безкровныя жертвы». Нервная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, онъ взглянулъ на образъ, и ему показалось, что Спаситель съ ласковымъ укоромъ глядитъ на него съ иконы и какъ бы говоритъ: «а ты бѣжишь отъ Меня и не хочешь служить у Моего алтаря». «Господи!..—воскликнулъ Яковъ Аеанасьевичъ:—не суди меня, не суди! Я слабъ... Что же мнѣ дѣлать?»—и слезы, въ которыхъ разрѣшилась тягота душевной скорби, потокомъ хлынули изъ глазъ. Онъ упалъ ничкомъ на полъ и продолжалъ шептать лежа: «Господи, Господи!» А дребезжащій голосъ стараго дьячка тянулъ на клиросѣ: «И молимитися, Боже нашъ!».

Когда Яковъ Аеанасьевичъ поднялся съ пола, лицо его было влажно отъ слезъ.

Во время запричастнаго стиха въ церковь вошелъ невысокаго роста брונетъ въ пиджакѣ и съ соломенной шляпой въ рукахъ. Онъ остановился посреди церкви, перекрестился и оглядѣлся вокругъ. Увидѣвъ въ углу Крестовоздвиженскаго, онъ радостно улыбнулся и направился къ нему.

— Ты отчего не въ деревнѣ?—спросилъ онъ, здороваясь.

— Приѣхалъ по дѣлу. А ты какимъ образомъ?

— Взялъ отпускъ, ѣду къ роднымъ.

Отворились царскія врата. Священникъ вышелъ со Святыми Дарами. Крестовоздвиженскій сдѣлалъ земной поклонъ, но недавнее настроеніе уже начало покидать его. Появленіе брונета и его разговоръ мѣшали Якову Аванасьевичу. Когда священникъ вышелъ для заамвонной молитвы, брונетъ обратился къ Крестовоздвиженскому:

— Вѣдь ты знаешь о. Леонида?

— Знаю.

— Зайдемъ къ нему послѣ обѣдни.

— Хорошо,—согласился Яковъ Аванасьевичъ.

По окончаніи обѣдни брונетъ отправился въ алтарь, а Крестовоздвиженскій остался дожидаться его на клиросѣ. Вскорѣ изъ алтаря вышелъ о. Леонидъ въ лиловой рясѣ. Это былъ еще молодой человекъ—лѣтъ подь тридцать. Его простое русское лицо, съ легкимъ загаромъ, было очень симпатично. Въ свѣтлыхъ глазахъ виднѣлась ласка и привѣтливость. Русые волосы, длинные, но не густые, были аккуратно расчесаны и припомажены. О. Леонидъ радушно поздоровался съ Крестовоздвиженскимъ и пригласилъ его завернуть «въ хижину» и выпить чайку.

— А мы все ожидаемъ указа о васъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Якову Аванасьевичу, когда они вышли уже изъ церкви.—Скоро ли ваша свадьба?

Женщина, подошедшая подь благословеніе «батюшки», помогла справиться съ смущеніемъ Якову Аванасьевичу, и онъ, когда женщина отошла, могъ отвѣтить довольно спокойно:

— Все еще не опредѣлено пока.

— Да вы что это, — усмѣхнувшись произнесъ о. Леонидъ,—не раздумали братъ мѣсто? Я что-то слышалъ такое, да, по правдѣ сказать, не обратилъ большого вниманія и не придалъ значенія.

Они подходили къ небольшому одноэтажному домику, выкрашенному въ дикій цвѣтъ. Теперь брונетъ неожиданно пришелъ на помощь Крестовоздвиженскому.

— А вѣдь это твой собственный домикъ?—спросилъ онъ.

— Да, то-есть женинъ,—отвѣтилъ Трудюбовъ.

— Хорошій домикъ, и какой садикъ, прелесть! — продолжалъ брונетъ.

— Сами ухаживаемъ,—произнесъ о. Леонидъ и съ любовью посмотрѣлъ на куртины въ палисадникѣ.

Трудюбовъ забылъ о томъ, что онъ сдѣлалъ вопросъ, приведшій въ замѣшательство Крестовоздвиженскаго, чему этотъ послѣдній былъ очень радъ. Дворъ, какъ игрушечка: подметенъ, усыпанъ песочкомъ. Посрединѣ двора находился колодець съ колесомъ, дальше въ глубинѣ надворныя постройки.

— И это все сами? — проговорилъ брюнетъ, указывая глазами на песокъ.

— Ну, — отвѣтилъ о. Леонидъ: — тутъ есть труды и сторожа, а, впрочемъ, и я самъ подметаю и посыпаю для моціона.

— Поди, коровки, лошадки свои? — спрашивалъ брюнетъ, поднимаясь на низенькое крыльцо.

— Да, двѣ коровки, а лошади нѣтъ. Зачѣмъ мнѣ лошадь? Мой приходъ весь тутъ, да вотъ на той сторонѣ, за рѣкою, нѣсколько домиковъ.

Изъ маленькой передней двери вели въ гостиную, также небольшую, но уютно и красиво обставленную. Въ ту самую минуту, когда всѣ трое вошли въ переднюю, откуда-то донесся плачь ребенка.

— Э-э, молодое поколѣніе, кажется? Какого пола? — спросилъ брюнетъ.

— Мальчишка! — съ улыбкой отвѣтилъ о. Леонидъ и добавилъ: — проходите въ гостиную, я сейчасъ скажу только Дашѣ.

Молодые люди прошли въ гостиную.

— Ишь, — замѣтилъ вполголоса брюнетъ: — не хочеть свою жену называть попадѣей... Даша!

Онъ осмотрѣлъ обстановку гостиной и проговорилъ:

— Ничего себѣ, очень хорошо устроился, куда лучше нашего.

— А ты развѣ худо живешь? — спросилъ Крестовоздвиженскій, подходя къ дивану, надъ которымъ висѣла фотографія, изображавшая священника съ молодой женой, державшей на рукахъ ребенка.

— Да, не жирно. На сорокъ рублей не раскутишься, особенно при двухъ ребятахъ.

— Уже? — съ удивленіемъ проговорилъ Крестовоздвиженскій.

— Что же, братъ, вѣдь мы съ Леонидомъ на одной недѣлѣ вѣнчаны. Онъ четыре года попомъ. Тутъ не только двое, а трое могло быть.

Вошелъ хозяинъ. Брюнетъ обратился къ нему:

— А ты славно устроился. Просто зависть беретъ.

— Ну, вотъ, чего же самъ не шель въ попы, вѣдь тебѣ предлагали.

— Не хотѣлось рясы надѣвать, и вышелъ въ чиновники. А теперь вижу, что сглупилъ. Въ запахахъ сытнѣе и спокойнѣе.

— Развѣ тебѣ такъ худо? — замѣтилъ о. Леонидъ. — Вѣдь не голодаешь?

— Не голодно, да и не жирно, а главное неприятностей много. Начальникъ такой злока, я ужъ переводиться хотѣлъ. Да и дѣло такое мертвое. Вѣдь ты помнишь Добронравова?

— Ивана? Съ кудластой головой? Какъ же! Онъ въ Сольскѣ служить?

— Да, мы вмѣстѣ ѣхали на пароходѣ. Тоже, братъ, жалуется. Заѣла, говоритъ, канцелярщина. Вѣдь вотъ тоже давали мѣсто, да гдѣ еще: на кладбищѣ! не взялъ. Дѣятельности хотѣлъ. Ну, вотъ и нашель. Теперь жалѣеть, что не пошелъ въ попы.

— Пусть выходитъ, правъ не потерялъ,— сказалъ Трудолобовъ.

— Сюда чай-то, или въ столовую?

Оба гостя обернулись.

— Въ столовую, Даша,— сказалъ о. Леонидъ.— Вотъ позволь тебя познакомить. Это мой товарищъ по семинаріи, Ѳедоръ Алексѣевичъ Доброумовъ, служить въ казначействѣ въ Кольскѣ. А это—Яковъ Аванасьевиичъ Крестовоздвиженскій, сынъ домкинскаго благочиннаго, котораго ты видѣла какъ-то у о. Всеволода. Помнишь?

— Какъ же, помню.

Попадья привѣтливо улыбнулась, подавая Крестовоздвиженскому маленькую пухлую руку.

Фотографія прекрасно передавала лицо молодой попадьи: то же полное, круглое, напоминающее кошачью мордочку, лицо, съ небольшимъ носикомъ, освѣщаемое парюю добродушныхъ, веселыхъ карихъ глазъ, съ длинными черными рѣсницами. Гладкая прическа нѣсколько скрадывала красоту черныхъ волосъ, но придавала молодой женщинѣ видъ той скромности, которая такъ шла къ ея положенію. Она была одѣта въ ситцевое платье, свободно сшитое, съ широкаими рукавами. Когда попадья вышла изъ комнаты, Крестовоздвиженскій снова взглянулъ на фотографію и подумалъ: «если бы придать этимъ глазамъ жизнь, которая свѣтится въ нихъ у оригинала, то изъ рамки глядѣло бы совсѣмъ живое лицо хозяйки».

— Да,— промолвилъ о. Леонидъ, поправляя скатерть на предиванномъ столикѣ:—Добронравовъ хотѣлъ дѣятельности, а попалъ въ бумажное царство. Если говорить правду, въ нашемъ дѣлѣ больше жизни для того, кто хочетъ быть настоящимъ пастыремъ.

— Ты доволенъ жизнью, стало быть?—спросилъ Доброумовъ.

— Да.

— А хотѣлъ вѣдь тоже въ свѣтскіе.

— Ну, чего тамъ хотѣлъ,—возразилъ о. Леонидъ.—Такъ только болталъ, Добронравовъ же меня и сбивалъ. А я всегда думалъ въ попы итти. Не хотѣлось только мнѣ брать мѣсто съ невѣстой.

— Развѣ у тебя была другая на примѣтѣ?

— Никого не было, а просто...

И о. Леонидъ, видимо не желавшій продолжать разговоръ на эту тему, обратился къ Крестовоздвиженскому:

— Вотъ, Яковъ Аванасьевиичъ, не прельщайтесь очень-то свѣтской службою: видите, выходятъ, да и жалѣютъ.

Въ столовой гостей ждалъ не только чай, а настоящій завтракъ. Была подана яичница, творожнички, горячіе пирожки, масло, сардинки и какое-то печенье.

— Да когда же вы все это успѣли приготовить, матушка?—воскликнулъ Доброумовъ, разводя руками.

— Долго ли же сдѣлать яичницу?—съ улыбкой сказала попадья.—А пирожки уже были готовы.

Она перевела взглядъ на мужа, продолжая улыбаться свѣтло и радостно.

— Можетъ быть, они желаютъ водки?—сказала она, спустя минуту, обращаясь къ мужу.

— Ты пьешь?—спросилъ онъ у Доброумова.

— Выпиваю, а ты?

— Я почти не пью, но если ты...

— Нѣтъ, что же, не надо.

— Я тоже не пью,—поспѣшилъ заявить Крестовоздвиженскій.

— Не надо, Даша,—сказалъ о. Леонидъ женѣ.

За чаемъ Доброумовъ сообщалъ разныя новости изъ кольской жизни, рассказалъ о скандалѣ въ клубѣ, закончившемся протоколомъ.

— Однако, у васъ жизнь историческая,—съ усмѣшкой замѣтилъ о. Леонидъ.

— Именно: что ни день, то исторія—подтвердилъ Доброумовъ.— Да что же иначе дѣлать? Скучища смертная. Вѣдь и здѣсь тоже, даромъ, что губернский городъ. Тоже пьютъ, въ карты играютъ и сплетничаютъ.

— Это вѣрно,—согласилась попадья,—просто хоть куда не ходи: пересуды да карты, только и всего.

— Да, что же въ гостяхъ дѣлать? Вотъ къ вамъ гости ходятъ, вѣдь, поди, тоже въ карты играютъ?

— У насъ рѣдко гости,—отвѣтила попадья:—городъ далеко, а здѣсь кто же?

— Такъ какъ же вы не соскучитесь?—спросилъ Доброумовъ.

— Развлекаемся понемножку, чѣмъ можемъ,—сказалъ о. Леонидъ.

— Да чѣмъ же? По хозяйству?

— Всѣмъ. Надо же чѣмъ нибудь заняться, а то поневолѣ запьешь. Я вотъ слышалъ недавно, что мой сокурсникъ, о. Аркадій Соколовъ,—онъ вѣдь за вашимъ городомъ,—тоже пить началъ.

— Горькую пьеть,—отвѣтилъ Доброумовъ, махнувъ рукою.

— Ну, вотъ. Нельзя опускать себя, чѣмъ нибудь слѣдуетъ заниматься. Вѣдь строго говоря,—произнесъ о. Леонидъ, покачавъ головой,—дѣла у насъ по горло, если относиться къ обязанностямъ, какъ слѣдуетъ, по-пастырски. Ну, да на это мы лѣнны и мало пригодны часто. А кто хочеть да можетъ, здѣсь такое поле для дѣятельности, что не только о водкѣ, а и объ отдыхѣ, о снѣ некогда думать. Сколько душевныхъ драмъ однѣхъ узнаешь, да и мало ли что еще.

— Да, это такъ,—согласился Доброумовъ:—только вотъ...

Онъ вмѣсто окончанія фразы сдѣлалъ выразительный знакъ глазами.

— Въ этомъ вся суть,—сказалъ о. Леонидъ:—мало такихъ пастырей. Я вотъ первый скажу про себя: далекъ отъ идеала. Ну, такъ вотъ мы чѣмъ нибудь стараемся заняться, чтобы наполнить время.

— У васъ, я слышалъ, есть школа, — спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Есть маленькая. Не особенно ревностно, а занимаюсь. Ну, да по дому, въ саду. Занимаюсь фотографіей. А теперь вотъ я задумалъ выпиливаніемъ разныхъ вещицъ заняться. Тоже дѣло.

Послѣ чая о. Леонидъ повелъ гостей въ свой кабинетъ. Это была небольшая комната въ два окна, въ которой посрединѣ стоялъ письменный столъ, вблизи его, у окна, кушетка, а вдоль стѣны шкафы съ книгами. На столѣ лежали книжки «Странника» и «Русскаго Вѣстника» и развернутый номеръ «Сына Отечества».

— Да ты и за литературой слѣдишь?—сказалъ Доброумовъ.— Неужели всѣ выписываешь?

— Газету и «Странникъ» выписываю, а «Русскій Вѣстникъ» беру въ библіотекѣ.

— Я положительно тебѣ завидую,—проговорилъ Доброумовъ.— У меня нѣтъ ни времени, ни возможности. Утромъ—на службу; тамъ съ этихъ чертовскихъ бумагъ голова кругомъ идетъ. Придешь домой, пообѣдаешь, немножко отдохнешь, а тамъ опять часто на службу, а то дома работаешь... или кто придетъ. Нѣтъ совсѣмъ времени. А у тебя его, видно, много?

— Достаточно,—сказалъ о. Леонидъ.—Конечно, я не служу ежедневно, это оттого.

— Ты что же: только разъ въ недѣлю?

— По воскресеньямъ и по праздникамъ и изрѣдка на недѣлѣ. Хотите посмотрѣть мою школу и кстати мои владѣнія?—предложилъ Трудолюбовъ.

— Пожалуйста,—отозвался Доброумовъ и прибавилъ, обращаясь къ Крестовоздвиженскому:—вотъ, Яковъ Аванасьевичъ, приглажайся, учись. Самъ скоро будешь іереемъ, бери примѣръ, какъ надо жить. Видишь, какъ хорошо устроиваются отцы, не то, что мы, чиновныя клячи.

Онъ засмѣялся, и въ его смѣхѣ послышались зависть и недовольство своимъ положеніемъ.

Сначала Трудолюбовъ повелъ гостей въ огородъ.

— Для чего у тебя столько этихъ инструментовъ?—спросилъ Доброумовъ, указывая на удочки и мережки, просушивавшіяся на огородномъ тынѣ:—рыбачишь, что ли?

— Да, съ дьячкомъ. И занятно, и подспорье.

— Что же, дѣло безгрѣшное. Это и попу можно, не то, что охота съ ружьемъ.

— Конечно,—согласился о. Леонидъ.—Рыболовствомъ и апостолы занимались.

Почти весь огородъ былъ занятъ грядами и парниками.

— У тебя, стало быть, все свое?

— Да, всякій овощъ. Я вотъ хочу еще расширить огородъ, а пока яблонекъ насадилъ. Вотъ видите тамъ, за баней. Плодовъ-то пока придется подождать, а зато, должно быть, будутъ хорошіе. Хочу вотъ еще разбить малинникъ и смородникъ.

— Только недостаетъ ульевъ,—сказалъ Доброумовъ.

— Будутъ и они,—отвѣтилъ о. Леонидъ.—Я уже тутъ веду переговоры съ опытнымъ пчеловодомъ изъ мужичковъ. Надо устроить: дѣло интересное и полезное. Кажется, у твоего отца тоже есть ульи?

— Какъ же, любитель,—промолвилъ Доброумовъ:—только старъ ужъ становится, трудно заниматься.

Крестовоздвиженскій съ любопытствомъ разсматривалъ все, показываемое о. Леонидомъ, и думалъ: «а въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо онъ устроился. Отчего это отецъ ничѣмъ не займется? Только и знаетъ, что строится да увеличиваетъ пашню. Наступитъ зима, скучаетъ и спитъ цѣлые дни. Кто хочетъ, тотъ можетъ очень хорошо устроиться на священническомъ мѣстѣ. Можно строже исполнять обязанности пастыря, и то время будетъ на разное другое».

— Какъ вамъ у меня нравится?—спросилъ его Трудолобовъ, когда они, выйдя изъ огорода, направились въ школу, стоявшую черезъ дорогу противъ дома священника.

— Очень хорошо!—искренно воскликнулъ Крестовоздвиженскій.

— Все, братъ, отъ жены зависитъ,—рѣшительно промолвилъ Доброумовъ:—какая жена попадетъ. Другая всю жизнь въ каторгу обратитъ. Возьми-ка Троицкаго. Парень былъ добрый, не пилъ, а попалась баба-яга, что за жизнь у него! Цѣлый день грызня: то она ревнуетъ его, то ворчитъ, что мало принесъ денегъ, то зачѣмъ кому-то помочь, потомъ ругаетъ... Какая она жадная, просто бѣда! Тебѣ вотъ посчастливилось, у тебя, я вижу, славная женка.

— Даша хорошая жена,—серіозно и съ довольствомъ произнесъ о. Леонидъ.—Она простая, а сердце хорошее у нея.

Школа очень понравилась Крестовоздвиженскому. Комнатка чистая, уютная, свѣтлая. Въ переднемъ углу образъ прекрасной работы, на стѣнахъ портреты государя, государыни и мѣстнаго архіерея. Около печки шкафикъ съ книжками.

— А гдѣ же столы и парты?—спросилъ Доброумовъ.

— Перекрашиваютъ. Обратите вниманіе на образъ. Спасителя,—сказалъ священникъ:—это рѣдкой работы. Намъ подарила его здѣшняя купчиха, лично знавшая покойнаго художника. Она у насъ попечительницей.

— А учите вы съ женой?

— Я Закону Божію, жена рукодѣлю, а предметамъ дѣвушка сирота, дочь прежняго дьячка. Она уродецъ: горбачья, и на лѣвой рукѣ всего три пальца, но хорошая дѣвушка, старательная. Она получаетъ всего восемь рублей и живетъ у теперешняго дьячка. Ну, а мы ей помогаемъ немного изъ церковныхъ суммъ, попе-

чительница рублей десять даетъ на Пасху. Школка у насъ небольшая.

— Славно, славно у тебя!—восхищенно произнесъ Доброумовъ.— Вотъ-то устроился! И вѣдь небогатый приходъ, кажется?

— Такъ себѣ, Бога гнѣвить нечего, жить можно, особенно пока дѣтей нѣтъ, Мишка еще что—клопъ, на него немного надо. Конечно, не такой приходъ, какой достается Якову Аванасьевичу. Тамъ не житье, а масленица.

Онъ не отпустилъ гостей, и они остались обѣдать. Послѣ обѣда всѣ трое ходили на набережную, осматривали близълежащій кожевенный заводикъ и вернулись какъ разъ къ вечернему чаю. Послѣ чая Крестовоздвиженскій заявилъ, что онъ не можетъ болѣе оставаться, что ему нужно итти по дѣлу. У него уже поднималась внутренняя тревога. Доброумовъ еще остался у о. Леонида.

— Ну, до свиданія, дружище,—сказалъ Доброумовъ, прощаясь съ Крестовоздвиженскимъ:—значить, скоро увидимся: поѣду къ роднымъ, вѣдь черезъ Домкино придется, заверну, можетъ быть, и къ тебѣ.

Крестовоздвиженскій отправился въ городъ.

Александръ Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ ¹⁾.

ХІІІ.

Отъѣздъ въ Волковыскъ.—Прощаніе съ ихъ величествами.—Дорожные подарки.—Путь до Волковыска.—Пріѣздъ.—Первое знакомство съ офицерами полка.—Холодная квартира.—Развлеченія въ Волковыскъ.—Неожиданный подарокъ вдовствующей императрицы.—Выступленіе полка въ Москву.—Курьезный поѣздъ.—Обѣдъ для начальника дивизіи въ Слонимѣ.—Пріѣздъ въ Москву.—Губернаторъ Синельниковъ.—Свиданіе съ государемъ.—Усердный полицейскій.—Поѣздка въ Петербургъ.—Великая княгиня Александра Петровна.—Дача въ Всесвятскомъ.—Вечеръ въ павильонѣ, устроенномъ Синельниковымъ для офицеровъ.—Высочайшій смотръ.—Грубое обхожденіе шефа жандармовъ, князя Долгорукова.—Разводъ отъ Павловскаго полка.—Наслѣдникъ цесаревичъ объявляетъ мнѣ о назначеніи моего мужа генераль-адъютантомъ.—Посѣщеніе государемъ танцовальнаго вечера въ павильонѣ.

НАКОНЕЦЪ пришло письмо, вызывающее насъ въ Волковыскъ, Гродненской губерніи, гдѣ полкъ оставался на зимовку. Помѣщеніе и городокъ, наполненный евреями, были описаны весьма непривлекательно; но мнѣ рѣшительно было все равно; не быть бы только въ разлукѣ съ Сашей.

Наканунѣ отъѣзда я поѣхала проститься съ ихъ величествами; прощаніе было самое сердечное: государь поручилъ поцѣловать мужа, а императрица передать ему поклонъ.

Я вынесла самое отрадное впечатлѣніе отъ ихъ приѣма. О матушкѣ царицѣ говорить нечего, мы простились со слезами, она благословила меня такъ же, какъ и Сашу при отъѣздѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 851.

Императрица Марія Александровна прислала мнѣ, какъ она выразилась, на представительность три куска матеріи траурной и полутраурной, а государь—на дорогу большой ананасъ и двѣ корзины съ персиками и абрикосами; послѣдними мы угощались въ дорогѣ, а ананасъ я отвезла Сашѣ, какъ царскій гостинецъ.

6-го сентября подъѣхали двѣ четырехъ-мѣстныхъ дорожныя кареты; одна была собственная, а другая, по повелѣнію государя, намъ была прислана съ царской конюшни. За каретами были крытыя сидѣнья. Въ каретахъ помѣстились шестеро дѣтей, я, гувернантка и няня, за каретами на одномъ сидѣньѣ гувернеръ, на другомъ горничная, а на козлахъ возлѣ ямщиковъ—дядька и данный мнѣ почталіонъ въ видѣ проводника. Съ Божьимъ благословеніемъ мы тронулись въ путь.

8-го утромъ мы прибыли въ Псковъ, прослушали тамъ обѣдню по случаю праздника Рождества Богородицы и вмѣстѣ съ тѣмъ дня рожденія нашей старшей дочери Адини. Меньшихъ приобщали Святыхъ Тайнъ, и съ этого дня я перестала кормить Сережу.

На остановки мы употребляли только необходимое время, чтобъ запастись свѣжею провизіей и накормить дѣтей и свиту.

Во время перепряжки лошадей мы разминали отекишия ноги отъ долгаго сидѣнья, а дѣти рады были побѣгать; случалось, что мы уходили впередъ за версту.

На станцію Лиды Саша выслалъ намъ своего кучера съ лошадьми. Какъ мы обрадовались этой неожиданной встрѣчѣ; нашъ бѣлый пудель Шумла прыгалъ отъ радости, визжалъ и облизалъ руки всѣхъ дѣтей, которыя цѣловали его. Два мѣсяца не видѣлись. Въ одну карету впрягли нашу четверку, а въ другую шестерикъ чахлахъ почтовыхъ, такъ какъ предстояли пески. Ночная тѣнь быстро надвигалась, совсѣмъ смерклось, когда, переѣхавъ Двину по пловучему мосту, мы начали подниматься въ гору по крутому берегу. Тутъ въ сыпучемъ песку почтовый застряли; хотя всѣ вышли изъ кареты, но наличныхъ силъ не хватало высвободить ее.

Несмотря на шабашъ, ямщику удалось собрать нѣсколько человѣкъ, которые помогли лошадямъ выбраться на прямую дорогу. Проѣхавъ нѣкоторое время лѣсомъ, мы остановились у какого-то домика, изображавшаго собою станцію или заѣзжій домъ. Тутъ кучеръ объявилъ, что такъ какъ ночь темная, дороги лѣсомъ не видать, и можно заплутаться, то генералъ приказалъ дожидаться здѣсь разсвѣта. Я вышла, но дѣтей боялась ввести въ такое грязное помѣщеніе, напоила всѣхъ и тутъ же переодѣлась въ сѣрое платье, чтобъ не приѣхать къ мужу въ глубокомъ траурѣ.

Нетерпѣніе видѣть Сашу было слишкомъ велико, чтобъ дожидаться полного разсвѣта, а потому, едва свѣтъ началъ пробиваться сквозь ночную темноту, мы тронулись съ мѣста, а къ восьми часамъ утра 14-го сентября остановились у подъѣзда сѣраго, не-

взрачнаго покосившагося отъ ветхости дома съ заплатами на крышѣ, но двухъэтажнаго, съ балкономъ, который въ грустномъ раздумьѣ наклонился въ одну сторону.

Дѣти высунулись изъ окна и крикнули кучеру: «Сысой! неужели папа живетъ въ такомъ гадкомъ домѣ?» Но когда папа выбѣжалъ къ намъ, то радость свиданія затмила всѣ невыгодныя впечатлѣнія косога дома съ маленькими окнами, крышу въ заплаткахъ и бѣгавшихъ за каретами грязныхъ жиденятъ съ пейсами. Саша, не ожидая насъ такъ рано, только что собирался ѣхать намъ навстрѣчу въ сопровожденіи нѣкоторыхъ офицеровъ; лошади были осѣдланы, и одноколки готовы, но я предупредила его своимъ появленіемъ.

Я знала изъ писемъ, что у мужа обѣдаютъ постоянно штабъ полка и командиръ съ офицерами той роты, которая занимала караулы. Когда пробило 2 часа, и никто не явился, не желая, вѣроятно, стѣснить насъ, Саша послалъ имъ сказать, что мы ожидаемъ ихъ. Явилось только нѣсколько человѣкъ въ сюртукахъ, хотя принято было собираться въ солдатскихъ шинеляхъ; примѣръ былъ данъ полковымъ командиромъ. Когда Саша мнѣ представилъ пришедшихъ, то я просила ихъ, чтобъ мое присутствіе не измѣняло никакихъ порядковъ, и поручила передать это всѣмъ остальнымъ. Кажется, этимъ вступленіемъ я расположила всѣхъ къ себѣ. Они были поражены, что я знала имя и отчество каждаго: это—благодаря присланному мнѣ Сашей списку, который я вызубрила во время дороги.

Послѣ обѣда передъ балкономъ играла полковая музыка, улица была запружена евреями, которые пришли глазѣть на семью полкового командира, а собравшаяся куча жиденятъ держа себя за одно ухо и наклонивъ голову, припѣвая, вторила музыкѣ и очень не дурно.

Устроились мы совсѣмъ по-походному, дѣтей помѣстили внизу, тамъ было просторнѣе и удобнѣе, сѣнники были приготовлены для всѣхъ, для себя же я привезла сафьянный мѣшокъ и такой же поменьше для головной подушки.

Лѣтомъ пріятно спать на сѣнѣ, но зато зимой, когда стѣна у кровати и полъ подъ нею покрываются инеемъ, совсѣмъ другое. Бывало ляжешь въ лебяжью постель и часа два дрожишь и щелкаешь зубами, пока не согрѣешься отъ собственной теплоты. Нагрѣвать комнаты печами было невозможно, онѣ были какого-то допотопнаго устройства, безъ оборотовъ, съ прямой трубой; въ которую, если просунешь голову, небо видно; вода мерзла въ комнатѣ; когда я писала письма (переписка у меня была очень обширная), возлѣ меня на полу ставился самоваръ, и надъ нимъ я отогрѣвала коченѣвшіе пальцы.

Въ дѣтскихъ комнатахъ всѣ мѣры были приняты противъ холода, и въ нихъ дѣйствительно было тепло; когда къ чаю и обѣду

дѣти приходили на верхъ, ихъ одѣвали теплѣе. Къ счастью, осень была длинная, зима сравнительно короткая, а весна ранняя. Несмотря на всѣ неудобства, на всѣ лишенія, я съ удовольствіемъ вспоминаю проведенные тамъ почти восемь мѣсяцевъ.

Волковскъ считался городомъ, но это былъ жалкій грязный еврейскій городишка, состоящій изъ одной только улицы. Не далеко отъ насъ была православная церковь, устроенная въ бывшемъ когда-то сараѣ. Внутренняя обстановка былъ очень прилична; было, по крайней мѣрѣ, гдѣ помолиться, полковой священникъ служилъ хорошо, а офицеры составили хоръ пѣвчихъ, въ которомъ участвовали и сами.

Передъ обѣдомъ я обыкновенно отправлялась съ дѣтьми навстрѣчу мужу, который возвращался изъ лазарета, гдѣ по нѣсколько разъ въ день навѣщалъ больныхъ; тифъ свирѣпствовалъ между нижними чинами.

Дѣтей очень потѣшало, когда во время прогулокъ имъ удавалось видѣть, какъ случайно забредшая въ полуразвалившійся домъ корова съ любопытствомъ смотрѣла на насъ въ одно изъ отверстій, но дѣти приходили въ негодованіе, когда видѣли въ сѣняхъ еврейскаго дома на перинѣ развалившуюся тощую корову. Не возможно было примириться съ такою грязью; днемъ скотина отдыхаетъ, а ночью хозяева спятъ на той же перинѣ.

Со всѣми офицерами я успѣла познакомиться, и они меня не дичились.

Развлеченія наши состояли въ прогулкахъ и катаньѣ, по вечерамъ собирались, передавали другъ другу вѣсти изъ столицы, занимались секретеромъ и задавали рѣшмы; при этихъ играхъ время проходило незамѣтно. Мнѣ часто случалось въ продолженіе вечера разливать до двухъ сотъ стакановъ чая, но это было и единственное средство — согрѣвать комнату самоварами. Весной я съ Сашей ходила на офицерскую стрѣльбу; стрѣляла только изъ форменнаго пистолета и попадала очень мѣтко.

Въ одинъ изъ почтовыхъ дней принесли небольшую посылку на имя Саши; въ ней было два футляра; въ одномъ для Саши была закладка для Евангелія: на одномъ концѣ золотомъ затканной тесьмы былъ крестъ, а на другомъ сердце, въ которомъ подъ крышкою былъ въ миниатюрѣ портретъ императора Николая на смертномъ одрѣ. Въ другомъ футлярѣ—медальонъ синей эмали съ брилліантовымъ крестомъ и напугтвенной звѣздочкой, тоже съ портретомъ императора. Письма никакого при посылкѣ не было, но догадаться, кѣмъ она прислана, было не трудно.

Я тотчасъ же написала матушкѣ царицѣ, что сердца подсказали намъ, что этотъ драгоценный подарокъ могъ быть присланъ только ею.

Весной пришло наконецъ извѣстіе, что полку предстоитъ выступить въ скоромъ времени изъ Волковиска въ Москву, чтобы быть тамъ ко времени коронованія ихъ величествъ.

На просьбу мою слѣдовать съ полкомъ походомъ Саша не согласился, доказывая, что я съ дѣтьми стѣсно всѣхъ офицеровъ. Было рѣшено, что мы выѣдемъ одновременно съ выступленіемъ 1-го эшелона, и въ Слонимѣ я дождусь Сашу, который долженъ былъ со штабомъ и вторымъ эшелonomъ выступить днемъ позже. Сборы у насъ были не долгіе. Въ день отъѣзда мы встали рано, чтобъ присутствовать на молебствіи подъ открытымъ небомъ; погода была хорошая, но утро свѣжее.

Напились чаю, закусили на дорогу и разложили послѣднія вещи по каретамъ; когда ихъ подали, мы невольно расхохотались: въ первой каретѣ запряжены были шесть лошадей, по двѣ въ рядъ, а во второй восемь воловъ по парѣ; на одномъ волѣ отъ каждой пары сидѣлъ крестьянинъ, вѣроятно, собственникъ воловъ. Это былъ настоящій маскарадъ; всѣхъ такихъ кучеровъ и фореиторовъ было до 9-ти человекъ, и всѣ въ разныхъ костюмахъ; пестрота была неимовѣрная: у кого шляпа круглая съ огромными полями, у кого картузь или соломенная шляпа, но попадались и старыя военныя фуражки.

Къ нашему выѣзду все населеніе выползло изъ своихъ норъ провожать насъ. Бѣдняки, которые до десяти человекъ ежедневно кормились на нашей кухнѣ, съ грустью смотрѣли на удаляющійся полкъ, который изъ ротныхъ котловъ тоже кормилъ ихъ. Между крестьянами была страшная нищета, они положительно находились въ рукахъ евреевъ, которые, какъ вампиры, высасываютъ у нихъ все.

Когда мы догнали эшелонъ, я съ двумя старшими дѣтьми вышла изъ кареты, и мы пошли пѣшкомъ вмѣстѣ съ ротой. Выступили пѣсенники съ бубнами и ложками, и мы незамѣтно немного не дошли до послѣдняго привала; непрошенный дождь заставилъ насъ сѣсть въ экипажъ.

Въ Слонимѣ меня встрѣтилъ квартирьеръ, который указалъ ямщикамъ дорогу, куда везти. Квартира была отведена у воинскаго начальника, который встрѣтилъ насъ и любезно предложилъ занять всю квартиру. Мнѣ было совѣстно воспользоваться его любезностью; я сказала, что двухъ комнатъ мнѣ достаточно, но онъ настоялъ на своемъ и перешелъ къ знакомому.

Зная, что на слѣдующій день полкъ будетъ въ сборѣ, и начальникъ дивизіи сдѣлаетъ ему смотръ, надо было подумать, какъ принять и накормить всѣхъ. Поваръ и кухня были при мужѣ. Благодаря моему хозяину, я добыла фактора, который обѣщалъ достать всю провизію, а хозяинъ предложилъ добыть посуду и даже повара, если нужно.

Вечеромъ Саша пріѣхалъ неожиданно; онъ вспомнилъ объ обѣдѣ, о которомъ у насъ рѣчи не было, боялся, что я не догадаюсь, не сумѣю распорядиться въ чужомъ мѣстѣ съ незнакомыми людьми, и поэтому опередилъ эшелонъ, привезъ повара и

кухню съ собой. Когда же онъ узналъ, что все заказано на 60-ть человѣкъ, и онъ можетъ пригласить къ обѣду всѣхъ, то похвалилъ и сказалъ: «спасибо! молодець, что догадалась».

Когда насчетъ стола всѣ распоряженія были сдѣланы, я отправилась съ дѣтьми на смотръ дивизионнаго. За одного нашего вольноопредѣляющагося я очень боялась; онъ никакъ не могъ попасть въ ногу, вѣчно спутается. Какъ я его ни просила быть внимательнѣе, не осрамить полкового командира и весь полкъ, но онъ былъ неисправимъ: передъ самымъ дивизионнымъ прошель не въ ногу и былъ отправленъ на гауптвахту. Пригласивъ дивизионнаго со штабомъ къ обѣду, я выпросила прощенье для неисправимаго въ маршировкѣ юноши; онъ былъ отпущенъ и обѣдалъ у насъ со всѣми офицерами; хозяинъ квартиры, понятно, былъ въ числѣ приглашенныхъ.

Послѣ обѣда мы пошли осматривать городокъ, въ лавкахъ купили кое-какія бездѣлушки, а на другое утро выѣхали изъ Слонима. Саша и многіе изъ офицеровъ провожали насъ до выѣзда на большую дорогу, гдѣ я простилась съ мужемъ до прибытія его съ полкомъ въ Москву.

На пути нашемъ въ Москву Двина была въ полномъ разливѣ: хаты, деревья торчали изъ воды; при переѣздѣ черезъ плувучій мостъ, казалось, что ѣдемъ по морю; кругомъ только и была видна вода, вода и вода! Изъ всѣхъ городовъ, которые мы дорогой проѣзжали, Рославль понравился мнѣ больше всего по своему живописному мѣстоположенію; о тѣхъ, по которымъ проѣзжали ночью, судить не могла.

Прибывъ въ Москву, гдѣ въ то время губернаторомъ былъ Н. П. Синельниковъ, я заѣхала къ нему узнать, гдѣ онъ нанялъ для насъ дачу, о чемъ я письменно просила его изъ Волковыска, какъ стараго добраго знакомаго, къ тому же считавшаго себя въ родствѣ съ нами по женѣ своей. Оказалось, что дачи онъ не нанялъ, а приготовилъ намъ помѣщеніе въ одномъ изъ надворныхъ флигелей. Принявъ временно его любезное предложеніе, мы тамъ остановились. Губернаторскій домъ помѣщался на Тверской. Спустя нѣкоторое время, Синельниковъ зашелъ сообщить мнѣ, что государь на слѣдующее утро проѣздомъ будетъ въ Москвѣ. Желая видѣть его величество послѣ такого долгаго промежутка, я попросила Николая Петровича взять меня съ собой въ Кремль.

Подъѣхавъ къ дворцу, мы вышли изъ экипажа; Синельниковъ поставилъ меня у самыхъ воротъ, въ которыя государь долженъ былъ вѣхаться. Должностныхъ лицъ и народу было множество.

Вскорѣ подъѣхалъ его величество. Увидѣвъ меня, онъ остановилъ кучера, вышелъ изъ коляски, привѣтливо подошелъ, поцѣловалъ мнѣ руку и съ теплымъ участіемъ разспрашивалъ о мужѣ и дѣтяхъ и освѣдомился, давно ли я здѣсь.

Когда государь вошелъ во дворецъ, я попросила Синельникова дать мнѣ кого нибудь, чтобъ проводить меня до Иверской Божіей Матери; я боялась, что не найду дороги изъ Кремля.

Оберъ-полицеймейстеръ Лужинъ предложилъ мнѣ въ проводники одного изъ своихъ подчиненныхъ, который такъ усердно расчищалъ дорогу, несмотря на мою просьбу не дѣлать этого, что ставилъ меня въ весьма непріятное положеніе. Когда я увидѣла, что онъ собирается войти въ часовню, чтобъ расчистить и тамъ дорогу, я поблагодарила его, просила не беспокоиться, такъ какъ по Тверской дорога мнѣ извѣстна.

Выйдя изъ часовни, я опять увидѣла своего проводника; онъ любезно началъ помогать мнѣ сходить со ступеней, наступилъ на платье какой-то дамы, шедшей передъ нимъ, и съѣлъ, бѣдняжка, «дурака» изъ-за меня.

Тутъ я простилась окончательно съ нимъ. Встрѣтивъ на дорогѣ старшаго сына и гувернера его, идущихъ въ Кремль, я совѣтовала имъ торопиться, если хотятъ застать царя.

Возвратившись домой, сынъ передалъ мнѣ, что полицейскій офицеръ остановилъ ихъ, чтобъ освѣдомиться, кто эта барыня, съ которой они говорили. Оказывается, что онъ слѣдилъ за мной и, во что бы ни стало, хотѣлъ узнать, кто я. Когда сынъ сказалъ ему, что я его мамаша, и удовлетворилъ его любопытство касательно моей фамиліи и званія, онъ воскликнулъ: «Скажите, пожалуйста! такая важная особа, у которой государь императоръ поцѣловалъ руку, такъ просто одѣта; кто могъ бы подумать, а наши-то купчихи ходятъ такими расфуфыренными и воображаютъ себя барамы».

Я была въ сѣромъ кашемировомъ платьѣ, трауръ по свекрѣ продолжался еще; забыла упомянуть, что Саша былъ вызванъ въ декабрѣ изъ Волковыска въ Ревель эстафетою къ умирающему отцу. Во время его отсутствія по его желанію мнѣ пришлось угостить обѣдомъ командировъ и офицеровъ двухъ проходившихъ ополченій, не помню какихъ губерній.

Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе послѣ заутрени у насъ разгавливались офицеры лейбъ-гвардіи Московскаго полка, имѣвшіе тамъ дневку. Эти эпизоды были развлеченіемъ въ нашей однообразной походной жизни.

Возвращаюсь въ Москву. Понимая, что мужу удобнѣе находиться вблизи Ходынскаго поля, гдѣ расположенъ будетъ полкъ, чѣмъ на Тверской, я поѣхала въ Всесвятское, и тамъ удалось нанять прекрасную дачу Маврокордатовой съ большимъ тѣнистымъ паркомъ, прилегающимъ вплотную къ Ходынскому полю.

Синельниковъ въ первую минуту обидѣлся, что я не хотѣла продолжать пользоваться его любезностью; но я доказала ему, что пыль, которая стоитъ на дворѣ, вслѣдствіе какой-то каменной постройки, вредна для дѣтей (Сереза былъ слабенькій), и, кромѣ того, мужу слишкомъ далеко отъ полка.

До прихода полка мнѣ пришлось съѣздить на нѣсколько дней въ Петербургъ, чтобы привести въ порядокъ мои наряды для коронационныхъ торжествъ. Въ Петергофѣ была у императрицы и великихъ княгинь. Великая княгиня Александра Петровна, которой я не видѣла еще послѣ ея бракосочетанія, тронула меня своимъ пріемомъ, вышла мнѣ навстрѣчу въ садъ, поцѣловала, сказавъ, что никогда не забудетъ, какъ въ то время, когда она не была еще замужемъ, я была добра къ ней на вечерѣ у матушки царицы.

Какъ малымъ она довольствовалась! — вотъ въ чемъ состояла, по ея мнѣнію, моя доброта.

Будучи принцессой Ольденбургской, она была приглашена въ Царское Село на вечеръ императрицы. Молодая, застѣнчивая, она не знала тамъ почти никого. Императрица поручила мнѣ ее, и я старалась, насколько могла и умѣла, занять ее разговоромъ.

Поговаривали, что прочать ее въ невѣсты великому князю Николаю Николаевичу. Хотя я очень любила его, но было на него досадно, что, сидя возлѣ нея, онъ въ продолженіе цѣлаго вечера такъ мало обращалъ на нее вниманія: изрѣдка скажетъ ей слово, а любезничалъ съ фрейлиной Пилларъ. Принцессу мнѣ было жаль, великій князь видимо нравился ей.

Возвратившись въ Бѣлокаменную, мы вскорѣ перебрались на дачу въ Всесвятское, гдѣ устроились очень удобно. Дѣти были рады дышать чистымъ воздухомъ и чувствовать себя на свободѣ, бѣгая въ обширномъ паркѣ. Все было хорошо, только вечерняя серенада несмѣтнаго количества лягушекъ, благодаря близости большого пруда, или спать не давала или дѣйствовала на нервы, но съ этимъ зломъ мириться было не очень трудно; остальные удобства вознаграждали за этотъ непріятный концертъ вполне.

Узнавъ, въ какой день и приблизительно въ какой часъ пріѣзжаетъ матушка царица въ Петровскій паркъ, я заблаговременно отправилась туда ожидать ее. Вскорѣ туда же явился министръ двора; на вопросъ его, назначено ли мнѣ встрѣчать ея величество, я отвѣтила, что разрѣшенія ничего не спрашивала и спрашивать не намѣрена, а пріѣхала сюда, чтобъ быть первой, которая поцѣлуетъ ей руку. Видя, какъ императрица обрадовалась мнѣ, графъ В. О. Адлербергъ убѣдился, что у матушки царицы я никогда лишней не бываю.

Наконецъ, я дождалась дня вступленія полка, а съ нимъ и пріѣзда Саши; я выѣхала къ нему навстрѣчу съ дѣтьми.

Выборомъ нанятой мною дачи онъ остался вполне доволенъ, главнымъ для него удобствомъ была близость полка, ему надо было только пройти нашъ паркъ и перейти маленькій мостикъ, чтобъ быть въ полку. Дѣйствительно, эта дача была чистой находкой, хотя цѣна была не дешева; но сравнительно съ тѣмъ, что дерутъ такъ

немилосердно въ такіе экстренные случаи, наша плата была еще благоразумная.

Во время лѣта Н. П. Синельниковъ выстроилъ на Ходынскомъ полѣ большой павильонъ съ паркетнымъ поломъ, чтобъ устраивать въ немъ танцевальныя вечера во время пребыванія войскъ и тѣмъ дать возможность молодежи, лишенной въ походѣ всякаго развлечения, повеселиться немного.

Онъ просилъ меня быть хозяйкой со стороны военныхъ на этихъ вечерахъ, а жену генераль-губернатора, графиню Закревскую, со стороны московскаго общества.

Николай Петровичъ былъ оригиналъ, но добрый, честный и благородный человѣкъ, готовый помочь каждому. Нѣсколько разъ онъ возилъ меня на постройку павильона и спрашивалъ моего мнѣнія, хотя и не всегда соглашался со мною.

Когда войска совсѣмъ устроились, отдохнули и всѣ были въ сборѣ, начались вечера въ павильонѣ. Собирались разъ въ недѣлю, очень было оживленно, многолюдно. Хозяйкой оказалась я одна, такъ какъ графиня Закревская бывало пріѣдетъ, сядетъ въ кресло и цѣлый вечеръ съ мѣста не встаетъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда ихъ величествъ въ Петровскій паркъ назначенъ былъ высочайшій смотръ войскамъ, какъ дѣйствующимъ, такъ и резервнымъ полкамъ.

Мужу въ первый разъ приходилось представить свой полкъ его величеству, да еще въ двойномъ составѣ, до расформированія резервнаго.

Признаться, мнѣ ѣхать не хотѣлось, я слишкомъ волновалась; но дѣти такъ упрашивали меня ѣхать съ ними, что я уступила ихъ желанью и отправилась съ двумя дочерьми и тремя сыновьями; старшій, какъ всегда, былъ въ своей гродненской гусарской курткѣ, а двое въ павловскихъ шинелькахъ, которыя я заказала имъ.

Толпа наводила на меня всегда паническій страхъ, я боялась, чтобъ дѣтей какъ нибудь не оттиснули, но мы пробрались благополучно; стали недалеко отъ царской палатки, передъ одной изъ натянутыхъ веревокъ, прикрѣпленной къ колу для поддержки палатки.

Вдругъ подѣхалъ шефъ жандармовъ, князь Василій Андреевичъ Долгорукій, котораго я знала хорошо, и началъ кричать: «назадъ! передъ веревкой не стоять!»; затѣмъ подозвавъ жандарма, сказалъ: «дави, если не слушаются!» Намъ осадить не было никакой возможности, за веревкой стояла сплошная масса, которая, несмотря на веревку, напирала на насъ. Точный исполнитель приказаній своего начальства, жандармъ повернулъ лошадь задомъ и началъ осаживать ее прямо на насъ; отъ страха, что онъ задавитъ дѣтей, я хлопнула лошадь ладонью и закричала: «Государю прошу, князь, какъ вы обращаетесь съ его вѣрноподданными», и при-

казала жандарму немедленно отъѣхать. Князь, услышавъ мою угрозу, повернулъ лошадь и ускакалъ. Что было обиднѣе всего, это—то, что эти господа, блюстители порядка, поставили около самой палатки нѣсколько дамъ изъ своихъ protégées, которыя никакого права не имѣли стоять тамъ. Я никогда не была такъ зла, какъ въ эту минуту, и не могла простить себѣ, что отправилась въ эту давку.

Смотръ сошелъ блистательно.

Вскорѣ послѣ этого смотра былъ назначенъ разводъ съ церемоніей отъ Павловскаго полка.

Опять новыя тревоги и волненія; какъ-то онъ сойдетъ?

Разводъ былъ передъ самымъ полкомъ. Перейдя изъ нашего парка прямо къ палаткамъ, я скромно стала за одной изъ солдатскихъ палатокъ, а не участвующіе въ разводѣ офицеры разобрали дѣтей и повели ихъ смотрѣть, какъ проходятъ солдаты.

По окончаніи развода я пошла отыскивать дѣтей, издали видѣла, какъ государь, сидя верхомъ на лошади, нагибался и говорилъ что-то мужу, который нѣсколько разъ кланялся. Слава Богу, подумала я, вѣрно, государь остался доволенъ.

Не найдя по близости дѣтей, я вошла въ толпу, прошла порядочное разстояніе, гдѣ нашла ихъ наконецъ всѣхъ въ сборѣ. Отъ офицеровъ узнала, что разводъ сошелъ блистательно.

Въ это самое время я услышала, что кто-то кричитъ: «гдѣ м-ше Паткуль? гдѣ генеральша Паткуль?». Каково было мое удивленіе, когда я увидѣла пробиравшася верхомъ сквозь толпу князя Долгорукова, того шефа жандармовъ, который за нѣсколько дней велѣлъ давить насъ. Не успѣла спросить, что ему надо, какъ онъ издали закричалъ мнѣ: «Наслѣдникъ васъ ищетъ». Я тотчасъ пошла навстрѣчу цесаревичу, но мнѣ не пришлось сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ мы сошлись съ нимъ.

Его высочество, протянувъ мнѣ руку, сказалъ:

— «Государь прислалъ меня передать вамъ, что онъ остался вполне доволенъ разводомъ, и поручилъ поздравить вмѣстѣ съ тѣмъ съ назначеніемъ вашего мужа генералъ-адъютантомъ».

— Благодарю ваше высочество за добрую вѣсть, я тронута до глубины сердца, что вамъ поручено передать ее мнѣ.

Когда великій князь отошелъ, стоявшая возлѣ меня, должно быть, крестьянка, схватила мою руку и, поцѣловавъ ее, спросила: «съ чѣмъ тебя, матушка, поздравилъ наслѣдникъ?». Когда я удовлетворила ея любопытство, она сказала: «вѣрно, батюшка царь очень тебя любитъ, что прислалъ къ тебѣ своего сына». «А что это все твои ребята?»—спросила она, указывая на дѣтей.—«Мои, голубушка!»—«Какая молодая, а ужъ пятеро». Я улыбнулась и сказала: «а шестой остался дома».

Дойдя съ дѣтьми и нѣкоторыми офицерами до полка, я застала еще тамъ Сапу, который благодарилъ офицеровъ и солдатъ за бли-

стательный разводъ, доставившій ему высокое званіе генераль-адъютанта.

Не стѣняясь никѣмъ, я бросилась Сашѣ на шею и поздравила его. Оказывается, что государь, узнавъ отъ Саши, что я здѣсь, подозвалъ наслѣдника и поручилъ ему отыскать меня и передать мнѣ удовольствіе и поздравленіе его величества. Какое трогательное вниманіе!

Въ этотъ день былъ назначенъ танцевальный вечеръ въ павильонѣ, и государь прислалъ сказать намъ, что онъ пріѣдетъ тоже.

Залъ былъ полонъ военныхъ и дамъ; всѣ московскія дамы, которыхъ я вовсе не знала, подходили ко мнѣ, знакомились и просили представить кавалеровъ ихъ дочерямъ или молодымъ барышнямъ. Я должна отдать полную справедливость всей тогдашней военной молодежи; никто не отказывался танцевать, приходилось просить знакомыхъ и незнакомыхъ, и всѣ охотно приглашали танцующихъ дамъ. Благодаря этому, танцы были въ полномъ разгарѣ, когда пріѣхалъ государь и сказалъ, протягивая мнѣ руку, что нынче онъ пріѣхалъ собственно для меня; я поблагодарила его за сдѣланную мнѣ честь и лестное назначеніе мужа генераль-адъютантомъ.

Во время присутствія государя я не танцевала. Его величество нашелъ вечеръ очень удачнымъ и благодарилъ Синельникова за счастливую мысль устроить павильонъ, чѣмъ далъ возможность молодежи повеселиться.

На слѣдующее утро Саша поѣхалъ благодарить государя за присланную ему полную генераль-адъютантскую форму, которую его величество привезъ для него изъ Петербурга.

XIV.

Коронація императора Александра Николаевича.—Неудобства, испытанныя мною.—Любозный приемъ императрицы Маріи Александровны.—Ея подарокъ.—Поздравленіе государя и государыни.—Московскія дамы.—Шутка вдовствующей императрицы.—Придворные балы.—Римская-Корсакова и ея выходка.—Балъ у англійскаго посланника.—Народный обѣдъ.—Обѣдъ, устроенный московскимъ купечествомъ Павловскому полку.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Время командованія моего мужа Павловскимъ полкомъ.—Наши вечера и концерты.—Посѣщеніе государя.

Парадный въѣздъ ихъ величествъ изъ Петровскаго дворца въ Кремль былъ величественный, погода чудная, солнце сіяло во всей своей красотѣ и блескомъ своихъ лучей украшало эту прекрасную картину.

Мы смотрѣли изъ оконъ губернаторскаго дома.

26-го августа мы поднялись ни свѣтъ ни заря, т.-е. въ 5-ть часовъ утра, а къ 7-ми въ полномъ парадѣ были уже въ кремлев-

скомъ дворцѣ. Долго пришлось ожидать высочайшаго выхода; если не ошибаюсь, ихъ величества проходили по заламъ, направляясь въ Успенскій соборъ около одиннадцати часовъ.

Государь шелъ величественный, а императрица была трогательна въ своей скромной прическѣ, на головѣ не было никакого украшенія, только два длинные локона спускались изъ-за ушей по плечамъ. На остальной нарядъ я не обратила никакого вниманія, а только смотрѣла на нее; она была поразительно мила съ ея глубокимъ сосредоточеннымъ взглядомъ.

Какъ только ихъ величества прошли, намъ указали балконъ надъ теремами, рядомъ съ Краснымъ крыльцомъ, куда дамы и устремились, чтобъ видѣть, когда государь и государыня будутъ сходить съ Краснаго крыльца. Народъ привѣтствовалъ появленіе ихъ величествъ громкимъ «ура», провожавшимъ царскую чету до входа въ соборъ, куда былъ доступъ только свитѣ, двумъ первымъ классамъ и иностранному посольству.

Отъ солнца желѣзный или цинковый полъ накалился и неимоверно грѣлъ мнѣ ноги, обутыя въ тонкіе бѣлые атласные башмаки. Сверху солнце палило своими жгучими лучами, зонтиковъ для защиты у насъ не было, тяжелый кокошникъ, обшитый брилліантами и жемчугомъ, давилъ голову, не было ни одного стула, чтобъ присѣсть. У меня начала болѣть голова и ноги, и заговорилъ голодъ, когда наконецъ въ третьемъ, или около трехъ часовъ, матушка царица вышла изъ собора и подъ балдахиномъ начала подниматься по Красному крыльцу. Дойдя до верхней площадки, она остановилась, обратившись лицомъ къ народу и къ намъ, и три раза поклонилась на всѣ стороны. Мы низко присѣли ей, а снизу грянуло оглушительное «ура». У меня невольно навернулись слезы на глазахъ отъ этого умилительнаго зрѣлища, такъ бы и бросилась къ ней цѣловать ея руки. Верно ей припомнилось, какъ тридцать лѣтъ назадъ она поднималась, не одна, какъ теперь, а съ царственнымъ своимъ супругомъ, послѣ подобнаго же торжества коронаціи, по тому же Красному крыльцу.

Вскорѣ показались два балдахина: подъ первымъ шелъ государь въ брилліантовой коронѣ, въ мантии со всѣми регаліями императора. Балдахинъ несли министръ двора и генералъ-адъютанты, въ числѣ которыхъ былъ Саша.

Подъ вторымъ шла императрица тоже въ мантии и коронѣ.

Когда ихъ величества по красному сукну, разостланному на площади, прошли мимо насъ къ Архангельскому собору приложиться къ мощамъ, насъ пригласили войти въ залъ и стать на мѣста. Мы были поражены, когда насъ остановили въ очень небольшой комнатѣ, гдѣ выстроены были рядъ дворцовыхъ гренадеръ, и не позволили итти дальше. Мы положительно были сдавлены тамъ, какъ сельди въ боченкѣ, и, понятно, очень недовольны, что съ нами

обращаются такъ безцеремонно. Я стояла совсѣмъ позади и прислонилась къ стѣнѣ, ноги еле поддерживали меня.

Вошелъ министръ двора и видя, что нѣкоторыя дамы заняли мѣста передъ гренадерами, сказалъ: «mesdames, vous ne voudrez certainement pas etre au rang des soldats, veuillez donc ne pas les cacher».

На это я громко отвѣтила: «je suppose qu'on ne nous a pas fait venir au palais, pour admirer les dots des soldats». Кто это отвѣтилъ, онъ не зналъ и видѣть меня не могъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ же удалился.

Было около пяти часовъ, когда Саша подошелъ наконецъ ко мнѣ и спросилъ, хочу ли остаться обѣдать или ѣхать домой. Я предпочла послѣднее; но когда мы выходили изъ залы, гофмаршалъ уговорилъ насъ остаться обѣдать, прибавивъ, что подадутъ сію минуту. Столы были накрыты во многихъ комнатахъ, но, въ какую мы ни совались, вездѣ мѣста были заняты. Наконецъ въ одной мы увидѣли два пустыхъ стула у самаго окна и усѣлись. Прошло полчаса, часъ, а обѣда нѣтъ какъ нѣтъ. Въ половинѣ седьмого мы рѣшили обѣда не дожидаться, выпили по бокалу шампанскаго за здравіе ихъ величествъ и уѣхали.

Я просто изнемогла отъ утомленія; пріѣхавъ домой, бросилась въ кресло, вытянула ноги, которыя горѣли и опухли, разоблачили меня, и такъ, не двигаясь съ мѣста, отказавшись отъ обѣда, выпила чай и въ девять съ наслажденіемъ легла спать одновременно съ дѣтьми.

Если я такъ устала, то что должна была чувствовать императрица Марія Александровна послѣ такого утомительнаго дня. Кромѣ физической усталости, сколько волненій испытано ею; на нее, кромѣ того, должно было сдѣлать непріятное впечатлѣніе, что корона, плохо прикрѣпленная статсъ-дамами, скатилась назадъ во время богослуженія, такъ что пришлось вторично укрѣпить ее.

На слѣдующее утро я поѣхала узнать, какъ чувствуетъ себя императрица послѣ вчерашняго насколько физически, настолько морально утомительнаго дня.

Бывъ тотчасъ же принята, я застала ея величество въ бѣломъ пенюарѣ отдохавшей на кушеткѣ. При входѣ моемъ она извинилась, что приняла меня en deshabillé, но это-то именно было мнѣ дорого, и я прямо высказала, какъ я цѣню ея безцеремонное ко мнѣ отношеніе. Она была такъ мила, такъ интересна въ своемъ бѣломъ пенюарѣ, что я любовалась ею. Припоминая, какъ болѣли вчера опухшія ноги, вполне сочувствовала ея бѣднымъ ногамъ, отдохавшимъ на кушеткѣ въ однихъ ажурныхъ чулкахъ.

Передъ тѣмъ какъ отпустить меня, императрица позвонила свою камеръюнгферу, велѣла принести два муаръ антикъ платья, розовое и голубое, которыя передала мнѣ. Такіе роскошные подарки заставили считать меня щеголихой, хотя сама же я никогда

не позволяла себѣ лишней траты на туалетъ. Что сказала бы княгиня Салтыкова, видя меня сидящей возлѣ отдохавшей на кушеткѣ императрицы, въ задушевной съ нею бесѣдѣ. Хотя я не злопамятна, давно простила ей сдѣланный мнѣ приѣмъ въ предыдущемъ году, 23-го іюля, но такіе случаи припоминаются какъ-то невольно, точно такъ же, какъ и любезное обращеніе шефа жандармовъ на высочайшемъ смотру.

Я имѣла деликатность никогда не намекнуть ни той, ни другому, о необдуманномъ ихъ поведеніи; но подозреваю, что это дошло до свѣдѣнія ихъ величествъ, иначе мнѣ трудно объяснить себѣ происшедшую въ нихъ перемяну. Княгиня Салтыкова, статсъ-дама, пожилая особа, первая съ тѣхъ поръ дѣлала мнѣ визиты и была любезна, а князь во время коронаціонныхъ празднествъ чуть ли не ухаживалъ за мной. Какъ все это было смѣшно и жалко!

Въ день принесенія поздравленій ихъ величествамъ я пожалѣла бѣдныхъ церемоніймейстеровъ: они просили, увѣщевали дамъ не проталкиваться впередъ и дать имъ возможность пропускать насъ по старшинству, по заведенному церемоніалу, но все было тщетно. Петербургскія дамы знали свои мѣста, но московскія вели себя неподобающимъ образомъ; одна изъ нихъ просто выдернула у генеральши Мердеръ шлейфъ, который она держала, протиснулась между нами съ цѣлой вереницей другихъ дамъ и оттолкнула насъ, женъ генераль-адъютантовъ, совсѣмъ назадъ, такъ что мы очутились въ хвостѣ и заканчивали шествіе.

Когда дошла до насъ очередь подойти къ ихъ величествамъ, и пока императрица милостиво разговаривала съ С. Н. Мердеръ, за которою я стояла, государь обратился ко мнѣ со словами:

— Марія Александровна, вы не на своемъ мѣстѣ.

Въ первую минуту я была въ недоумѣніи, но тотчасъ отвѣтила:

— Ваше величество, мы, кажется, послѣднія.

— Да! но вамъ давно слѣдовало подойти, что же смотрятъ церемоніймейстеры?

Я заступилась за нихъ, объяснивъ ему, что дамы брали мѣста приступомъ, такъ что церемоніймейстеры тутъ не повинны.

На слѣдующій день приносили поздравленіе матушкѣ царицѣ, которая по слабости здоровья сидѣла въ креслахъ. Графиня Баранова называла подходящихъ дамъ. Когда до меня дошла очередь, она назвала меня Озеровой; взглянувъ на нее съ удивленіемъ, я поправила ее, думая, что она оговорилась, но когда цѣловала ручку матушкѣ царицѣ, послѣдняя улыбаясь сказала: «*Ma chère, c'était plaisanterie de ma part*» ¹⁾.

¹⁾ Императрица, увидя меня подходящую, сказала Барановой, чтобъ она ради шутки назвала меня Озеровой.

Мнѣ было пріятно, что матушка царица захотѣла пошутить. Сколько силы воли она выказала во время торжества коронаціи; преклоняться надо было передъ этой чудной женщиной.

На придворномъ балѣ маскарадѣ, куда допускались лица всѣхъ сословій, мнѣ пришлось дѣлать грустное сравненіе между 1849-мъ годомъ, когда женою полковника, адъютанта наслѣдника, я стояла за рѣшеткой со всей царской семьей, принцами и свитой, имѣла счастье пройти въ польскомъ съ его величествомъ, съ наслѣдникомъ и прочими и прочими, а 1856-мъ, когда ни меня, бывшую уже женою генераль-адъютанта, ни С. Н. Мердеръ за рѣшетку не пустили, и мы стояли въ залѣ, затертыя толпой; никто не вспомнилъ о насъ!

Былъ прекурьезный случай на другомъ придворномъ балѣ. Явилась г-жа Римская-Корсакова, вычеркнутая изъ списка приглашенныхъ. Увидѣвъ ее, министръ двора подошелъ къ ней и спросилъ, получила ли она приглашеніе, на что она отвѣтила отрицательно, прибавивъ, что, вѣроятно, это была ошибка. На предложеніе министра уѣхать до выхода ихъ величествъ она отвѣтила, что, если она пріѣхала, то никакой силой ея не выведутъ. Увѣщеванія министра и оберъ-гофмаршала графа Шувалова не были уважены ею; она осталась и даже имѣла нахальство танцевать въ царской кадрили.

Про бабушку Корсаковой, которая вывозила ее дѣвицей въ свѣтъ, рассказывали, что на одномъ балѣ, когда внучка вальсировала съ какимъ-то восточнымъ княземъ, бабушка ему закричала: «*toi! roi! arrêtez, arrêtez, la Varinka vomira!*» Я забыла, кто была урожденная знаменитая ла-Варинька, которая потомъ хотѣла разыгрывать роль въ Царскомъ Селѣ, гдѣ она провела одно лѣто.

Балъ у французскаго посла и дворянскій были блестящіе; къ австрійскому послу мужъ ни за что не соглашался ѣхать; послѣ Венгерской кампаніи онъ даже ни разу не надѣвалъ пожалованный ему императоромъ орденъ Желѣзной Короны и забросилъ его. За своего благодѣтеля императора Николая онъ былъ сердитъ на австрійскаго и былъ совершенно правъ.

О балѣ у англійскаго посла умолчать не могу, постараюсь описать его вкратцѣ.

Такъ какъ въ нанятомъ имъ домѣ большого зала не было, то была сдѣлана пристройка, въ которой устроенъ былъ залъ палаткой, обитый полосатымъ тикомъ, бѣлымъ съ краснымъ. Люстра и стѣнныя бра были въ видѣ обручей, бѣлаго некрашеннаго дерева, свѣчи вставлены безъ стеклышекъ, стеаринъ отъ жары стекалъ на полъ, образуя бѣлыя высокія кучки, которыя причиняли паденіе танцующимъ, но что было обиднѣе всего, это то, что бѣлый мундиръ государя оказался весь закапанъ стеариномъ. Копоть стояла, точно густой туманъ, наши бѣлыя платья казались грязными или сѣрыми.

Самъ посланникъ имѣлъ дерзость выразиться «*mon bal à l'air d'une quinquette*». Духота была невыносимая за отсутствіемъ вентиляціи. Мнѣ захотѣлось освѣжиться мороженымъ, и я отправилась въ буфетъ. Тамъ на столахъ были разставлены большихъ размѣровъ ростбифы, и между ними красовались блюда вареныхъ раковъ— самое подходящее бальное угощеніе! Я отказалась отъ мороженаго, когда увидѣла, что человѣкъ вытаскивалъ его изъ-подъ стола на деревянной лопаточкѣ и сбрасывалъ на блюде; это слишкомъ было неаппетитно, и я вернулась въ залъ. Съ бала мы уѣхали рано, поэтому не знаю, былъ ли сервированъ ужинъ, или ростбифы и раки должны были замѣнить его. Мы съ Сашей простить себѣ не могли, что поѣхали на этотъ балъ; во-первыхъ, мы были возмущены, какъ смѣли такъ принять ихъ величество, а, во-вторыхъ, я потеряла брилліантовую вѣтку отъ букета.

Къ сожалѣнію, и народный обѣдъ былъ болѣе, чѣмъ неудаченъ; распорядительная комиссія такъ неумѣло и непрактично взялась за это, что никакого не заслуживаетъ оправданья.

Вмѣсто того, чтобъ сдавать съ подряда, предложили бы полкамъ, стоявшимъ лагеремъ на Ходынскомъ полѣ, гдѣ обѣдъ долженъ былъ состояться, взять на себя спечь къ назначенному дню такое-то количество ватрушекъ, сжарить столько-то барановъ и проч.; тогда въ самый день обѣда все было бы выставлено по мѣстамъ, а не мокло бы цѣлую недѣлю подъ дождемъ на накрытыхъ столахъ.

Намъ почти ежедневно приходилось проѣзжать близъ мѣста обѣда, и мы видѣли, какъ подъ конецъ ватрушки совершенно расползлись, бараны съ золочеными рогами и въ красныхъ мантильяхъ сдѣлались черезчуръ *faisandés* и распространяли далеко не привлекательный аромать. Чужая, голодная собака стаями бѣгали около заманчивыхъ столовъ, задавая немалую работу разгонявшимъ ихъ сторожамъ.

День былъ воскресный, Саша поѣхалъ во дворецъ, а я съ дѣтьми къ обѣднѣ въ Всесвятскую церковь. Возвращаясь домой, я была поражена встрѣчею съ идущимъ народомъ. Кто несъ въ рукахъ рогатую подставку, на которой висѣли колбасы, кто барана съ золочеными рогами, а кто лоханку отъ творага или простокваши.

Хотя у насъ были билеты въ ложѣ на эстрадѣ, но погода была такъ мало заманчива, что я рѣшила не ѣхать смотрѣть обѣдъ.

Каково было мое удивленіе, когда Саша вернулся гораздо раньше, чѣмъ я могла ожидать его, и сказалъ, что ѣхать не зачѣмъ, обѣдъ съѣденъ до приѣзда государя.

Взволнованный и недовольный, онъ разсказалъ, что когда государь подѣхалъ со всеми иностранными принцами, посольствами и свитой, то засталъ столы опустошенными, на нихъ ровно ничего ужъ не оставалось, а народъ угощался, сидя на мокрой травѣ, тѣмъ,

что кому удалось схватить со стола, и при появлении государя вскакивали, кричали «ура» и бросали шапки вверхъ. Оказалось, что комиссія, не желая, чтобы государь видѣлъ, чѣмъ угощали народъ, подняла часомъ раньше бѣлый флагъ, служившій сигналомъ начала обѣда. Бѣдному государю ничего не оставалось, какъ только разсмѣяться и объяснить, что нетерпѣливый народъ самъ преждевременно распорядился обѣдомъ. Тѣмъ не менѣе слѣдствіе было напряжено; комиссія оправдывалась тѣмъ, будто бы флагъ былъ поднятъ въ видѣ опыта, а народъ принялъ его за сигналъ.

По окончаніи всѣхъ торжествъ московское купечество, желая угостить Павловскій полкъ обѣдомъ, испросило разрѣшеніе губернатора устроить его на Ходынскомъ полѣ въ павильонѣ.

Въ назначенный день Саша отправился на этотъ званый обѣдъ. Около часа спустя, пріѣхала карета съ запиской отъ Саши, въ которой онъ сообщалъ убѣдительную просьбу ко мнѣ старшинъ пріѣхать, такъ какъ они желаютъ выпить въ моемъ присутствіи за мое здоровье. Это было послѣ моего обѣда.

Когда я подѣхала къ павильону, всѣ вышли мнѣ навстрѣчу съ бокалами въ рукахъ. Саша представилъ мнѣ главнаго распорядителя, г-на Алексѣева, а онъ въ свою очередь всѣхъ остальныхъ. Подоспѣвъ къ десерту, я заняла мѣсто, оставленное для меня возлѣ г-на Алексѣева, очень образованнаго, милаго и разговорчиваго молодого человѣка. Послѣ обѣда пѣлъ хоръ цыганъ, но я не плѣняюсь ими, а потомъ подъ звуки военной музыки протанцовали вальсъ и двѣ кадрили; я, какъ единственная дама, — съ хозяевами, а остальные танцевали между собой. Когда въ 8 часовъ мы простились, всѣ вышли провожать насъ и вынесли въ карету корзины съ фруктами и конфетами для дѣтей.

Саша былъ вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, душою общества, да не была ли и я баловнемъ судьбы?

Когда мысленно возвращаешься къ давно прошедшему, невольно задаешь себѣ вопросъ, почему именно на мою долю выпадали и оваціи и выборъ быть хозяйкой на устраиваемыхъ вечерахъ въ московскомъ, красносельскомъ павильонахъ, на семейныхъ вечерахъ въ Царскомъ, быть предсѣдательницей разныхъ комитетовъ.

Я не была никакой выдающейся личностью и не представляла собою ничего особеннаго; но, можетъ быть, выборъ падалъ на меня, потому что я была энергична, предприимчива, къ тому же проста и вѣжлива.

Въ половинѣ или концѣ сентября мы переѣхали въ отведенную намъ квартиру у Серпуховскихъ воротъ въ домъ вдовы одного изъ купцовъ. Она предоставила намъ цѣлый меблированный этажъ въ занимаемомъ ею собственномъ домѣ. Въ день нашего переѣзда я пошла поблагодарить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласила ее съ дочерью вечеромъ къ намъ на чай. Пробывъ тамъ около пяти недѣль,

дочери наши успѣли подружиться въ это время и разстались не безъ слезъ.

Сашѣ было много дѣла по расформированію резервнаго полка, увольненію нижнихъ чиновъ и проч. и проч. Когда все по этой части было закончено, онъ отправилъ меня съ дѣтьми впередъ, а самъ выѣхалъ изъ Москвы съ полкомъ.

Въ Петербургъ мы прибыли вечеромъ, отправились прямо въ Павловскія казармы, гдѣ ожидала насъ сестра моя Аline Бекманъ съ мужемъ. Дѣти напились чая, съ восторгомъ улеглись въ хорошія постельки, которыхъ они были лишены болѣе года, по случаю нашей бивуачной жизни.

Когда мы совершенно устроились, мужъ пригласилъ всѣхъ дежурныхъ и штабныхъ офицеровъ приходить ежедневно обѣдать къ намъ запросто; молодежь была холостая, не богатая, для которой это составляло расчетъ, а Саша соблюдалъ интересъ своихъ офицеровъ. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой доброты, входилъ въ нужды каждаго изъ своихъ подчиненныхъ и помогалъ, какъ и чѣмъ могъ. Къ службѣ онъ относился строго, провинившагося въ чемъ нибудь приметъ у себя въ кабинетѣ, расписать, сдѣлаетъ родительское наставленіе, а затѣмъ виновнаго оставить или обѣдать, или къ чаю, это зависело отъ времени, когда происходила респеканція. Но зато во все время его командованія ни разу не случилось, чтобъ провинившійся заслужилъ вторичный выговоръ, такъ всѣ цѣнили ласковое и деликатное обращеніе своего начальника. Число офицеровъ по сляніи резервнаго и дѣйствующаго полковъ доходило до шестидесяти человѣкъ; всѣ жили мирно и дружно между собой. Для солдатъ Саша былъ настоящимъ отцемъ, они его такъ и называли «нашъ павловскій отецъ». Онъ берегъ ихъ, не дѣлалъ по нѣскольکو часовъ ученья передъ высочайшимъ смотромъ или майскимъ парадомъ, ученья кончались живо, скажетъ солдатамъ: «ребята, я мучить васъ не буду, а вы не ударьте лицомъ въ грязь и заслужите царское спасибо». Дѣйствительно, въ продолженіе пяти съ половиною лѣтъ командованія Саши Павловскій полкъ не только ни разу не ударилъ лицомъ въ грязь, но былъ всегда по отзыву его величества однимъ изъ первыхъ.

Пріютъ солдатскихъ дѣтей я взяла подъ свое попечительство, мы устраивали спектакли, которые вполнѣ удавались; много оказалось между офицерами талантливыхъ актеровъ, а женскія роли Е. А. Леонтьева и я вывозили на своихъ плечахъ. «Свадьба Кречинскаго» сошла у насъ безукоризненно; на каждую мужскую роль являлось по два, по три желающихъ испытать свои силы. На репетиціяхъ, куда всѣ сходились, судъ офицеровъ рѣшалъ, кто лучше выполнить какую роль, и за кѣмъ ее оставить. Братъ мой Николай мастерски сыгралъ роль Кречинскаго, а М. И. Семевскій, впоследствии издатель «Русской Старины», былъ неподражаемъ въ роли Расплюева.

Въ то время былъ директоромъ театровъ Сабуровъ, тотъ самый, про котораго въ 1841-мъ году, на балѣ у графа Воронцова-Дашкова, наслѣдникъ спросилъ меня, правда ли, что я выхожу за него замужъ. Познакомилась я съ нимъ, много лѣтъ спустя, и должна отдать ему справедливость, что онъ всегда былъ со мною очень любезенъ. Когда мы желали видѣть на русской или французской сценѣ ту пьесу, которую мы собирались разыграть у себя въ казармахъ, мнѣ стоило только написать Сабурову записку, и не только желаемая пьеса была дана, но предоставлялась на этотъ вечеръ директорская его ложа въ мое распоряженіе, и мы ее занимали со всѣми нашими актерами, долженствовавшими участвовать въ этой пьесѣ. Мужъ мой былъ самый вѣрный и строгій критикъ въ исполненіи нашей игры, но самъ не участвовалъ никогда.

Государь и великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи удостоивали неоднократно своимъ посѣщеніемъ наши спектакли, къ которымъ печать отнеслась съ похвалою, хотя мы не только не приглашали репортеровъ, но не подозрѣвали даже присутствія ихъ.

Устранялись у насъ также танцевальные вечера; разъ въ двѣ недѣли собирались всѣ офицеры, дамы полковныя, которыхъ впрочемъ было очень мало, родные и добрые знакомые. Музыка была полковая бальная, и несмотря на скромность и незатѣйливость нашихъ вечеровъ, веселились на нихъ отъ души.

Въ великомъ посту музыкальные вечера замѣняли танцевальные. При любезномъ участіи гг. Герке и Равина, игравшихъ на двухъ рояляхъ, извѣстныхъ флейтиста Чарди, корнетиста а пистонъ Вурма и нѣкоторыхъ любителей, концерты наши были весьма удачны. Принцъ П. Г. Ольденбургскій, большой любитель музыки, нѣсколько разъ посѣтилъ наши вечера и вполне одобрилъ исполненіе участвующихъ. Онъ даже сказалъ разъ мужу: «*Mon cher Patkul, ces soirées doivent vous couler les yeux de la tête*», на что Саша отвѣтилъ: «*Mon Seigneur, je ne suis pas assez riche pour payer les artistes, ils se sont offerts eux-mêmes; aussi cela ne me coûte qu'une visite, un souper et l'équipage*».

Съ семьею Герке мы были давно знакомы домами, а Чарди и Вурмъ бывали у насъ въ Москвѣ; я часто аккомпанировала имъ на рояли. Къ женамъ ихъ я ѣздила съ визитомъ, и онѣ бывали у насъ на вечерахъ съ мужьями.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ старшій сынъ нашъ приглашался постоянно въ дворецъ для совмѣстныхъ игръ съ великими князьями.

Вторая дочь Маруся отправлялась съ своей воспитательницей въ Мраморный дворецъ противъ нашихъ казармъ, къ великимъ княжнамъ Ольгѣ и Вѣрѣ Константиновнамъ, а меньшей Сережа, бывъ ровесникомъ великаго князя Николая Николаевича Младшаго, ѣздилъ иногда къ нему на цѣлый день.

У ихъ высочествъ великаго князя Николая Николаевича и великой княжны Александры Петровны устраивались танць-классы, куда приглашались и наши дѣти.

Послѣ чая дѣтей увозили домой, а взрослые замѣняли ихъ въ танцахъ. Эти немногочисленные вечера у ихъ высочествъ были очень симпатичны, всѣ веселились отъ чистаго сердца. Хозяева такъ радушно и любезно принимали у себя.

Нынче пресыщенная молодежь веселиться не умѣетъ такъ, какъ веселились прежде.

Государь не забывалъ насъ и заѣзжалъ отъ времени до времени къ намъ въ казармы.

Однажды, во время довольно продолжительнаго визита, люди, не дождавшись его отъѣзда, накрыли столъ. Проходя обратно черезъ столовую, его величество спросилъ: «У васъ сегодня обѣдъ?» Улыбаясь я отвѣтила, что мы обѣдаемъ каждый день. «Это я знаю,— смѣясь сказалъ государь:—но развѣ васъ ежедневно такъ много за столомъ»? Когда я отвѣтила ему, что менѣе 24 чловѣкъ не садится за столъ, такъ какъ, кромѣ многочисленной семьи, у насъ обѣдаетъ штабъ полка, дежурные, и часто приходитъ кто нибудь изъ ротныхъ командировъ или офицеровъ; его величеству видно это было пріятно, и онъ замѣтилъ: «это дѣлаетъ вамъ честь».

XV.

Рожденіе дочери Ольги.—Скачки.—Паденіе съ лошади наслѣдника цесаревича Николая Александровича.—Его ушибъ во время пробы силы съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.—Болѣзнь и кончина императрицы Александры Теодоровны.—Роковая ошибка придворныхъ врачей въ опредѣленіи болѣзни императрицы.—Болѣзнь наслѣдника цесаревича.—Augustine.—Спектакль въ пользу христіанъ Сириі.—Графиня Ламбертъ.—И. С. Тургеневъ.—Мои литературныя попытки.—Рожденіе дочери Вѣры.—Оригинальный обѣдъ.—Болѣзнь дочери Маруси.—Ея чудесное спасеніе.—Карусель.—Воспоминанія объ императрицѣ Александрѣ Осодоровнѣ.—Ея поребеніе.—Посмертныя ея подарки нашему семейству.

Въ 1857-мъ году родилась въ Царскомъ Селѣ, гдѣ мы постоянно проводили лѣто, дочь наша Ольга. Восприемниками были государь, а за матушку царицу у купели стояла великая княгиня Александра Петровна, которая, пріѣхавъ къ намъ гораздо раньше государя, все время нянчилась съ малюткой. Нѣжная мать и вообще добрая, простая и ласковая, она находила удовольствіе возиться съ дѣтьми. Третьей восприемницей была королева виртембергская Ольга Николаевна, которой, къ сожалѣнію, крестницу свою никогда видѣть не удалось. Не представился къ тому случай.

Какъ-то лѣтомъ, наслѣдникъ Николай Александровичъ устроилъ скачку, въ которой въ числѣ товарищей участвовалъ старшій сынъ нашъ Александръ. Лошади были не большія. Огибая при поворотѣ

ипподрома уголь, наслѣдникъ упалъ, но тотчасъ же вскочилъ, сѣлъ на лошадь и продолжалъ начатый кругъ. Испугъ августѣйшихъ родителей, матушки царицы и присутствующихъ былъ большой; его высочество немного испугался, но не ушибся и ни на что не жаловался.

Въ запискахъ Ө. А. Оома совершенно ошибочно высказано мнѣніе докторовъ, будто бы болѣзнь и кончина цесаревича были слѣдствіемъ его паденія на скачкѣ. Нѣтъ! не это паденіе унесло преждевременно въ могилу это юное милое существо, а спустя три или четыре года, пробужая силы свои съ принцемъ Лейхтенбергскимъ, онъ такъ сильно ударился объ уголь мраморнаго стола, что, если бы его не поддержали, то онъ упалъ бы.

Мужъ мой, бывшій въ этотъ день дежурнымъ въ Зимнемъ дворцѣ при государѣ, въ это самое время вошелъ въ залъ, гдѣ играли ихъ высочества, чтобы поздороваться съ ними.

Увидя наслѣдника блѣднымъ и не имѣющимъ силы даже подняться съ мѣста, Саша побѣжалъ и принесъ стаканъ воды, о чемъ никто не подумалъ. Тутъ онъ разспросилъ, въ чемъ дѣло, и, узнавъ отъ великаго князя Александра Александровича всѣ подробности, сказалъ графу Строгонову, что слѣдуетъ немедленно послать за докторомъ, что на такой серьезный ушибъ, какъ ушибъ спиннаго хребта, надо обратить вниманіе. Повидимому, графъ не считалъ ушиба этого опаснымъ, а напротивъ старался пристыдить наслѣдника, назвавъ его нѣженкой, которому при пустомъ толчкѣ дѣлается дурно до слезъ. «Развѣ вы мужчина послѣ этого?»—закончилъ онъ свои замѣчанія.

Саша вернулся съ дежурства возмущенный и съ негодованіемъ передавалъ мнѣ, какъ графъ Строгоновъ безсердечно отнесся къ этому несчастному случаю; «вотъ какъ берегутъ наслѣдника русскаго престола»,—заклучилъ онъ.

Судя по грустнымъ послѣдствіямъ, никакихъ энергическихъ мѣръ принято не было, а на близъ стоящихъ къ нему точно какое-то затменіе нашло: никто не замѣчалъ, что съ этого времени великій князь худѣлъ, блѣднѣлъ, однимъ словомъ угасалъ; онъ подъ конецъ не могъ даже выпрямиться, а ходилъ немного согбеннымъ. Но и тутъ упрекали его, что онъ ходитъ старикомъ. Всего обиднѣе то, что не вѣрили его страданіямъ, пока наконецъ не прозрѣли и не убѣдились въ ужасной истинѣ, но, увы, тогда было уже поздно. Упомянувъ о паденіи цесаревича на скачкѣ, я считала удобнѣе всего тутъ же опровергнуть мнѣніе докторовъ, считавшихъ паденіе съ лошади главной причиной его смертельной болѣзни. Если бы Саша не былъ случайнымъ свидѣтелемъ этого событія, то никто изъ насъ не зналъ бы истины. Вѣроятно, это скрыли отъ государя и императрицы, чтобъ не тревожить ихъ; я заключаю это потому, что никогда не упоминалось объ этомъ ушибѣ, а только о паденіи на скачкѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ сезоно́въ мы взяли для совмѣстнаго ученія съ нашими дѣтьми тринадцати-лѣтнюю дѣвочку, за которую мать послѣ смерти мужа своего не въ состояннн была платить въ пансіонъ, гдѣ она воспитывалась и шла по способностямъ своимъ одною изъ первыхъ. Взявъ ее только на лѣто, мы и дѣти такъ привязались къ ней, что разстаться не рѣшились и оставили ее у себя. Augustine была милая, умная и очень развитая дѣвочка, она была не много старше Маруси, съ ней она была болѣе всѣхъ дружна, но всѣ дѣти полюбили ее. Родители ея были люди со средствами, но, какъ это часто случается, со смертью главы семейства, по той или другой причинѣ, семья остается безъ средствъ къ жизни.

Не помню, въ которомъ это было году, вслѣдствіе воззванія изъ Сиріи, гдѣ бѣдствовали христіане, и разорены были церкви, я по возвращеннн царской фамиліи изъ Петергофа послѣ лагеря устроила спектакль въ Китайскомъ театрѣ, предоставленномъ мнѣ его величествомъ съ полнымъ освѣщеніемъ и капелъдинерами.

Извѣстнн, что государь и вся царская семья будутъ присутствовать на спектаклѣ, разнеслось мгновенно; ложъ и креселъ далеко не хватило, чтобъ удовлетворить всѣхъ желающихъ, хотя цѣны назначены были оперныя, по 25 рублей бельэтажъ и такъ далѣе, всѣ платили чуть ли не вдвое. Нашлись два очень щедрые жертвователя, кажется, откупщики, которые заплатили одинъ за свое кресло тысячу рублей, а другой пятьсотъ рублей.

Одна пьеса была французская: «Dieu vous benisse», другая русская: «Не люблю—не слушай, лгать не мѣшай». Самымъ добросовѣстнымъ образомъ актеры исполнили свои роли, а поступившій со спектакля сборъ съ этого сравнительно маленькаго театра превысилъ всякое ожиданіе. Расходъ былъ самый незначительный, такъ что черезъ одно изъ нашихъ министерствъ было отправлено пять тысячъ съ чѣмъ-то рублей въ Сирію, откуда священникомъ при благодарности былъ присланъ отчетъ въ расходованн денегъ.

Не упомянула я о томъ, что когда мы переѣхали въ нашъ новый домъ, матушка царица прислала намъ на новоселье пару серебряныхъ вазъ для шампанскаго. Когда мы съ мужемъ отправились благодарить ее, она сказала, что наружность дома очень нравится ей, и обѣщала какъ нибудь заѣхать къ намъ осмотрѣть его. Когда пріѣхала гостить къ ней сестра ея, герцогиня Мекленбургская, то ея величество съ своей сестрой два раза заѣзжала къ намъ, но къ великому нашему огорченію не застала насъ дома, такъ какъ мы въ это время гуляли съ дѣтьми. Благодаря матушку царицу, мы высказали, что, не предупредивъ насъ о днѣ своего милостиваго посѣщенія, она лишила насъ счастья принять ее у себя. Хотя намъ было обѣщано еще разъ пріѣхать, но не привелось намъ дожидаться этой счастливой минуты; что помѣшало, не помню, — кажется, отъѣздъ за границу.

Когда я начала собирать и приводить въ одно общее свои воспоминанія, я предупредила, что хронологія и послѣдовательность будутъ отсутствовать. Дневника своего я не вела, поэтому помню только тѣ года и числа, которыхъ забыть невозможно.

Проводя зимы въ Петербургѣ, мы очень сблизились съ семействомъ графа Ламберта, товарища мужа по службѣ при государѣ. Я подружилась съ графиней, рожденной Канкриной, а сынъ ихъ съ нашимъ старшимъ сыномъ. Она была женщина умная; у нея познакомилась я съ И. С. Тургеневымъ, который прочелъ намъ въ рукописи «Отцы и дѣти», предлагая намъ высказать свое мнѣніе. Ни ей, ни мнѣ Базаровъ не понравился, въ чемъ откровенно признались ему. Онъ не опровергалъ, что личность Базарова антипатична, но объяснилъ, что именно онъ хотѣлъ доказать то отталкивающее впечатлѣніе, которое производитъ подобная Базарову личность.

Къ сожалѣнію, Тургеневъ ошибся въ своемъ расчетѣ, тогдашняя легкомысленная, чтобъ не сказать, сумасбродная, молодежь старалась напротивъ подражать герою этого романа.

Графиня Ламбергъ имѣла неосторожность сказать Ивану Сергѣевичу, что передъ его приходомъ я прочла ей нѣсколько писемъ, никому не адресованныхъ, но написанныхъ мною въ видѣ опыта, которыя понравились ей, и она желаетъ знать его мнѣніе. Можно себя представить, въ какое она поставила меня положеніе; долго я не рѣшалась читать, но когда Тургеневъ мнѣ сказалъ, что никогда не надо бояться строгаго критика, и обѣщалъ мнѣ по совѣсти высказать свое сужденіе, я повиновалась. Голосъ у меня дрожалъ, я чувствовала это. Когда я кончила, онъ не только не сдѣлалъ замѣчаній, а отозвался лестно о легкомъ слогѣ моемъ, нашелъ картинныя описанія, еще что-то, чего не помню, и подѣ конецъ посовѣтовалъ задать себя тему и написать повѣсть, обѣщая быть редакторомъ моего перваго произведенія. Хотя фантазіей я богата, но не надѣялась на успѣшность своего литературнаго опыта. Подѣ конецъ онъ взялъ съ меня слово, что я попробую написать, а онъ, какъ человѣкъ опытный въ литературѣ, не покривитъ душой въ своемъ отзывѣ. Давъ ему слово, я дѣйствительно написала нѣсколько вещей, впрочемъ кончила только одну, которую приготовила для него. Тургеневъ уѣхалъ за границу, мы больше не встрѣчались съ нимъ, слѣдовательно ему не пришлось исполнить своего обѣщанія просмотрѣть и редактировать ее. Впрочемъ, это къ лучшему, знаю сама, что писано было неопытнымъ перомъ. Многое у меня написано, многое не кончено, и ровно ничего не отдѣлано. Чтобъ заняться литературой, надо имѣть много свободнаго времени, а у меня его не было, къ тому же для меня это было только забавой, на которую я удѣляла иногда вечерніе поздніе часы, когда въ домѣ всѣ предавались отдыху.

Рожденіе дочери нашей Вѣры, 1-го мая 1859 года, задержало переездъ на лѣтнее пребываніе почти до конца мѣсяца. Царская семья была уже въ Царскомъ. Воспріемниками при святомъ крещеніи были государь и матушка царица.

Лѣто я безвыѣздно провела съ дѣтьми въ Царскомъ, Саша пріѣзжалъ изъ лагеря по субботамъ, если не препятствовало дежурство его.

Во все время командованія Сашею полкомъ, въ день моего рожденія и именинъ, онъ со всѣми свободными отъ службы офицерами пріѣзжалъ ко мнѣ.

Государь былъ такъ милостивъ, что разрѣшилъ давать для офицеровъ придворныя линейки, чтобъ проѣздъ не былъ для нихъ сопряженъ съ расходомъ. Обѣдъ готовился въ эти дни на 60 и 70 человекъ, такъ какъ съѣзжались и родные.

Памятенъ мнѣ одинъ достопримѣчательный обѣдъ. Мы наняли новаго человѣка, далеко не молодого, бывшаго буфетчикомъ у старушки графини Лаваль. Такъ какъ онъ имѣлъ слабость—выпивать подчасъ лишнюю рюмочку, я просила его еще наканунѣ воздержаться въ день пріѣзда гостей, что онъ и общалъ мнѣ.

На другой день, утромъ, все обстояло благополучно, но потомъ дѣти прибѣжали сказать, что Иванъ выпустилъ до половины щеки крѣпко накрахмаленныя брыжи, что служило первымъ доказательствомъ посѣщенія бахуса, и пригласили меня посмотреть, какъ Иванъ приготовилъ закуску. Войдя въ буфетъ, его я не застала, онъ куда-то скрылся, но увидѣла куски растрепанной селедки, разложенной по краю тарелки, а въ срединѣ набросано было нѣсколько кусочковъ сыру. Было и смѣшно и досадно; бѣда была въ томъ, что онъ успѣлъ заснуть непробуднымъ сномъ, а время подходило къ обѣденному часу, однако рѣшительно ничего приготовлено не было.

Когда всѣ съѣхались, гости вмѣстѣ съ нами дружно взялись за дѣло, и столъ былъ накрытъ, какъ по мановенію волшебства. Много было смѣха, бѣготни, сами мѣняли приборы, приносили блюда съ кушаньемъ. Однимъ словомъ, обѣдъ былъ въ полномъ смыслѣ семейный, безцеремонный, оживленный, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный. Наврядъ ли съ кѣмъ случилось что нибудь подобное; хорошо, что не было передъ кѣмъ стѣсняться, случись это при другихъ обстоятельствахъ, въ какое непріятное положеніе была бы поставлена хозяйка дома.

Такъ какъ 30-го августа тоже собирались у насъ по случаю именинъ мужа, старшаго сына и дня рожденія Сережи, то во избѣжаніе повторенія скандала буфетчикъ съ знаменательными брыжами былъ уволенъ въ отставку.

Въ началѣ шестидесятаго года Маруся заболѣла брюшнымъ тифомъ, ей было въ то время 12 лѣтъ. Съ воспитательницей дѣтей

я по очереди дежурила днемъ и ночью при ней. Тяжело было слышать ни на одну минуту неумолкаемый бредъ. Какое ужасное мы пережили время! На 18-й день Маруся была такъ плоха, что спасенія ея мы могли ожидать только свыше.

Какъ не отнести выздоровленія ея къ числу чудесъ?

Возвратившись изъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ Радости, я положила подъ голову дочери вату, привезенную отъ чудотворной иконы.

Полчаса спустя, Маруся въ первый разъ уснула и, когда она проснулась послѣ трехчасоваго сна, узнала насъ всѣхъ. Съ этого дня она начала поправляться. Доктора недоумѣвали, какъ кризисъ могъ быть на 18-й день, а не на 21-й, это вовсе не согласовалось съ наукой медицины.

Господу Богу все возможно, и не даромъ говорится: вѣра спасетъ тя!

Когда выздоравливающая настолько окрѣпла, что могла стоять на ногахъ, чудотворная икона была привезена къ намъ, и отслуженъ благодарственный молебень.

Во время болѣзни Маруси царская семья приняла трогательное участіе; два и три раза въ день присылали узнавать о здоровьѣ больной; особенное вниманіе оказала великая княгиня Александра Иосифовна, у которой Маруся такъ часто цѣлые дни проводила съ великими княжнами Ольгой и Вѣрой Константиновнами.

Лѣто мы безвыѣздно провели въ Царскомъ, Саша же, какъ школьникъ, по субботамъ пріѣзжалъ къ намъ, а на дежурство и царскіе праздники ѣздилъ въ Петергофъ. Находясь въ Петергофѣ, онъ постоянно заѣзжалъ справляться о здоровьѣ матушки царицы, которая если была только у себя, то всегда принимала его.

Въ одинъ изъ такихъ дней императрица сообщила ему переданное ей государемъ намѣреніе назначить его оберъ-полицеймейстеромъ, на должность, которой она не сочувствовала для своего воспитанника, но когда она замѣтила это государю, то онъ отвѣтилъ, что Паткуль именно теперь нуженъ ему на этомъ мѣстѣ, какъ самый вѣрный, преданный и любящій его человѣкъ.

Въ началѣ 1861 года ожидалось объявленіе уничтоженія крѣпостного права.

Мужъ чистосердечно признался своей августѣйшей благодѣтельницѣ, что должность эта далеко не улыбается ему, но если это желаніе государя, то онъ не считаетъ себя въ правѣ отказываться и всѣми силами будетъ стараться оправдать довѣріе государя. Императрица оставила его обѣдать, а послѣ обѣда передала ему на память свой приборъ съ петергофскимъ гербомъ, состоящій изъ тарелки, стакана и рюмки. Это былъ послѣдній ея подарокъ.

Съ переѣздомъ изъ Петергофа въ Царское, попрежнему собирались по вечерамъ у матушки царицы самые приближенные, но

это видимо утомляло ее, и я какъ-то спросила, зачѣмъ она собираетъ насъ у себя, тогда какъ ей слѣдовало бы отдыхать. На это она отвѣтила:

— Que fera ma jeunesse, si je ne la réunis chez moi?

Она всю жизнь свою посвящала другимъ.

Наступила осень. Такъ какъ матушка царица не выѣзжала, то государь пожелалъ сдѣлать сюрпризъ своей матери и устроилъ передъ ея окнами карусель. Пригласили участвовать насъ и старшую дочь Адини, которая превосходно ѣздила верхомъ. Я, давно уже не ѣздившая, отказалась, но такъ какъ Адини объявила, что безъ меня она ни за что не будетъ участвовать, то я отправилась съ ней на первую репетицію. Увидѣвъ меня въ амазонкѣ, государь, здороваясь со мной, сказалъ:

— Вотъ приятный сюрпризъ! Мнѣ сказали, что вы отказались?

Я отвѣтила государю, что въ сущности я только зрительница, а въ случаѣ надобности буду служить подставной.

Въ полномъ составѣ никогда никто не собирался, а потому волею-неволею мнѣ пришлось участвовать.

Мои мъ кавалеромъ былъ принцъ П. Г. Ольденбургскій, а Адини выбрала себѣ отца своего, который чудный былъ кавалеристъ, хотя числился по пѣхотѣ.

Репетиціи дѣлались сначала въ придворномъ манежѣ, потомъ на дворѣ Большого дворца. Когда карусель была разучена, собрались у Большого дворца, а оттуда верхами направились къ Александровскому, гдѣ передъ окномъ матушки царицы, у котораго она сидѣла, продѣлали подъ звуки музыки всю программу.

Императрица Марія Александровна вмѣстѣ съ матушкой царицей смотрѣли на карусель, а когда мы кончили и салатовали имъ, выстроившись въ шеренгу, онѣ кивали намъ головой и махали платками въ знакъ одобренія.

Вспомнила я еще нѣсколько эпизодовъ, подтверждающихъ мои слова, что матушка царица была ангельской доброты. Приходится вернуться къ прошедшему. Адини была въ дѣтствѣ дикарка, стоило только сказать: «посмотри на меня или покажи свои глаза», которые у нея были большіе черные, она моментально пряталась за мое платье, или же бывало уткнется носомъ въ полъ.

Привезла я ее однажды, когда ей было лѣтъ шесть, къ императрицѣ; она все пряталась и конфузила меня. Въ это время наслѣдникъ былъ тамъ; ея величество попросила его принести что-то изъ сосѣдней комнаты. Наслѣдникъ вернулся, держа въ рукахъ тяжеловѣснаго бронзоваго слона съ сидящимъ на немъ китайцемъ. Адини начала любоваться слономъ, а затѣмъ стала смотрѣть на всѣхъ открыто; за это императрица подарила ей слона.

Другой случай былъ въ полномъ смыслѣ трогательнымъ.

Наканунѣ семнадцатилѣтняго дня рожденія Адини, ея величество прислала узнать у прислуги, когда день рожденія барышни, 8-го или 9-го сентября, только не велѣла говорить намъ, такъ какъ мы можемъ обидѣться, что она забыла праздникъ своей крестницы. 8-го утромъ новорожденная получила отъ августѣйшей крестной матери своей много подарковъ: ожерелье, состоящее изъ крупныхъ коралловъ, бѣлую шелковую матерію на платье, цвѣты для бала и проч.

Вечеромъ Адини была приглашена съ нами во дворецъ; это былъ первый выѣздъ ея въ свѣтъ, взрослой дѣвицей.

Здоровье матушки царицы начало сильно тревожить насъ, вечера отминылись часто по случаю ея слабости.

Въ началѣ октября мы съ Сашей были приглашены къ ней, застали ее во внутреннемъ покоѣ лежащей на кушеткѣ. Кромѣ насъ двоихъ и графа Апраксина, не было никого, и я разливала чай. Императрицѣ подавался постоянно отдѣльный приборъ съ чаемъ изъ *fleurs d'oranges*.

Это былъ послѣдній разъ, что я видѣла ее въ живыхъ.

19-го октября, дѣти возвращались съ гулянья и, проходя мимо Александровскаго дворца, узнали, что матушкѣ царицѣ хуже, и она прощается со всѣми. Мужъ тотчасъ побѣжалъ туда; всѣ уже простились, но когда государь, сидѣвшій у кровати больной, сказалъ: «*Maman, Patkul veut vous baiser la main*»,—она сдѣлала знакъ, что желаетъ видѣть его. Когда Саша поцѣловалъ ей руку, она обѣими руками взяла его за голову, нѣсколько разъ погладила, перекрестила и, повернувъ голову къ государю, указывая на Сашу, что-то тихо сказала ему. По отвѣту его величества: «*Soyez tranquille, maman, je n'abandonnerai jamais ni Patkul, ni sa famille*»,—Саша догадался, что она поручала его своему царственному сыну.

Хотя я пошла вслѣдъ за мужемъ, но къ великому моему горю опоздала; послѣ него никого не впускали къ императрицѣ.

Поздно вечеромъ мы пошли узнать изъ бюллетеня о состояніи здоровья. Въ передней встрѣтились съ докторомъ Кареллемъ, который на вопросъ нашъ опредѣлилъ, что къ утру ожидается конецъ, такъ какъ остался только маленькій кусочекъ легкаго.

20-го, въ началѣ седьмого часа, насъ разбудили! Государь прислалъ сказать, что матушка царица кончается, насъ приглашаютъ во дворецъ.

Одѣвшись наскоро во что попало, я побѣжала вслѣдъ за Сашей, который въ двѣ минуты былъ одѣтъ и опередилъ меня.

Погода была темная, пасмурная, моросилъ осенній пронизывающій мелкій дождикъ. Природа точно вторила грустному настроенію нашей души. Въ камеръ-юнгферской, гдѣ насъ собралось нѣсколько человѣкъ, царила полная тишина, чувствовался гнетъ

надвигающагося на насъ несчастья. Всѣ стояли безмолвно, прислонясь къ стѣнѣ. Графъ Апраксинъ, окончивъ свою обычную работу—заводъ карманныхъ часовъ императрицы, сидѣлъ передъ столомъ, понутивъ голову.

Когда съѣхалась царская семья, дверь отворили, и насъ впустили въ сосѣднюю комнату рядомъ съ спальней императрицы.

Августѣйшая больная лежала за перегородкой, а семья стояла по сю сторону передъ окнами. У самой перегородки былъ поставленъ аналой, передъ которымъ, когда всѣ опустились на колѣни, духовникъ ихъ величествъ, отецъ Бажановъ, началъ читать отходную.

Долго ли читались молитвы, этого опредѣлить не могу, но когда послышался тихій протяжный вздохъ, чтеніе прекратилось, и мы поняли, что матушки царицы не стало.

Минуту спустя, камерфрау г-жа Рорбекъ, высунулась изъ за перегородки и кликнула: «*Patkul, kommen Sieher*». Во время агоніи голова императрицы скатилась съ подушки, и она позвала его на помощь. Поднявъ и уложивъ ее на мѣсто, онъ имѣлъ то утѣшеніе, что первымъ поцѣловалъ еще не остывшую руку своей второй матери и благодѣтельницы. Пока онъ помогалъ m-me Рорбекъ, ситцевая портъера дверей, между которой я стояла на самомъ порогѣ на колѣняхъ, вдругъ сильно заколыхалась безъ всякой видимой на то причины. Я подняла глаза и точно чувствовала, что душа отлетѣвшаго отъ насъ ангела пронеслась невидимкой надъ моей головой и произвела колыханіе драпировки.

Минуты этого впечатлѣнія мнѣ не забыть никогда.

Дѣти, которыхъ мы привели проститься съ матушкой царицей до панихиды, назначенной въ 11 часовъ, безутѣшно плакали цѣлый день, взрослые и подростки сознавали понесенную всѣми нами утрату, а маленькіе подражали старшимъ.

Когда мы собрались опять вечеромъ, то до панихиды гробъ съ дорогими останками былъ перенесенъ государемъ, братьями его, графомъ Апраксинымъ и Сашей на половину императора Николая Павловича.

Во дворцѣ мы узнали, что желаніе матушки царицы было, чтобы ее вскрыли ради науки.

Можно представить себѣ, въ какомъ сконфуженномъ положеніи оказался лѣчившій ее докторъ, когда при вскрытіи легкія оказались совершенно здоровыми, а лѣчили отъ чахотки; въ мнимомъ аневризмѣ одинъ сердечный клапанъ дѣйствовалъ немного слабѣе, что не имѣло никакого значенія, а вся болѣзнь сосредоточилась въ желудкѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ кишечномъ отдѣлѣ. Какъ можно было ошибиться такъ непростительно! Одинъ докторъ Тильманъ вѣрно опредѣлилъ болѣзнь, но придворные эскулапы не повѣрили ему.

Въ день, когда тѣло матушки императрицы было перевезено въ крѣпость, я была назначена въ первую очередь дежурства, которое исполняли дамы, принадлежащія къ 4-мъ первымъ классамъ, не считая фрейлинъ.

Къ двумъ часамъ мы всѣ были собраны въ соборѣ, и, когда гробъ былъ поставленъ на катафалкъ, мы заняли свои мѣста; первые чины встали въ головахъ, младшіе въ ногахъ, а двѣ фрейлины впереди. Смѣна была каждые два часа, а такъ какъ я даже послѣ смѣны не покидала собора, то замѣняла или запоздавшую къ дежурству или ту, которая не въ состояніи была стоять такъ долго неподвижно. Такъ какъ читалось непрерывно Святое Евангеліе, то я не садилась во все время нахождения моего въ церкви. Только въ часъ ночи мнѣ стало холодно, и я пошла на квартиру коменданта выпить чашку чая. Тамъ застала всѣхъ суетившихся около М. Т. Пашковой, которая какъ-то неловко упала съ дивана и при своей тучности такъ сильно ушибла себѣ ногу, что лишилась сознанія. Я предложила ей взять всѣ часы ея дежурства на себя; она согласилась и уѣхала домой.

Мое дежурство не обошлось мнѣ даромъ! Всю ночь я простояла въ соборѣ, не чувствуя ни усталости, ни голода, ни холода, ни сонливости, но передъ самой обѣдной мнѣ такъ сдѣлалось не хорошо, что, оставивъ мужа и Адина въ церкви, я уѣхала. Приѣхавъ домой, я тотчасъ легла, а, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, просто испугалась: лицо мое распухло до безобразія. Отъ слезъ могли вспухнуть глаза, ни никакъ не лицо и руки, а такъ какъ вдобавокъ я чувствовала сильный ознобъ, то пришлось послать за докторомъ. Пришлось пролежать десять дней въ постели и лишиться возможности присутствовать на панихидахъ. М. Т. Пашкова подверглась той же участи, благодаря своей ногѣ.

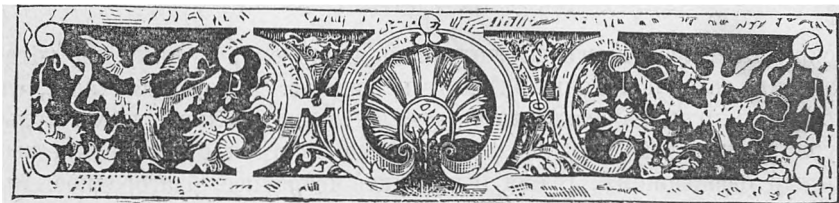
Пока матушка царица стояла еще въ Царскомъ, государь сказалъ Сашѣ: «Матан не забыла тебя, оставила 25 тысячъ».

Тогда же и m-me Рорбекъ передала мнѣ, что императрицею назначено было для меня ожерелье изъ 3-хъ нитокъ жемчуга, а Адина брилліантовый крестъ, о чемъ она заявила великому князю Николаю Николаевичу, который былъ назначенъ распорядителемъ. Но ни жемчуга, ни креста мы не получили: вѣроятно, заявленіе камерффрау сочли голословнымъ и не придали ему значенія.

Большое спасибо г-жѣ Рорбекъ; зная, какъ искренно мы любили матушку царицу, она передала Сашѣ одну половину фланелевой кофты, въ которой скончалась матушка царица, оставивъ вторую половину себѣ, а мнѣ локонъ волосъ, который я по сіе время ношу въ медальонѣ. Это дороже всякихъ жемчуговъ.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЙ РАЗСКАЗЪ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ, расскажите, пожалуйста, когда вы начали писать?.. Что собственно васъ побудило? Очень интересно узнать!..—быстро проговорила молодая съ сѣрыми глазами женщина.

Литераторъ задумался, но затѣмъ улыбнулся.

— Что собственно меня побудило писать и стать беллетристомъ?—спросилъ онъ.—А какъ вы думаете?..

Бывшіе на этомъ вечерѣ гости оживились, заинтересовались и подвинулись ближе къ писателю. Въ самомъ дѣлѣ интересный вопросъ!

— Право, не знаю, — отвѣчала бойкая дама: — влюбилась, вѣроятно, или съ вами произошло что нибудь такое... особенное...

— Нѣтъ, первый рассказъ меня побудила написать... картина!..

— Какъ картина!?. Какая картина?..—послышались голоса.

— Картина на выставкѣ «передвижниковъ», картина небольшая, теперь уже покойнаго художника Ярошенко, но картина, тогда произведшая на меня глубокое впечатлѣніе... Давно это было... Если хотите, расскажу...

— Да, непременно... Нечего и спрашивать! — прибавила сѣроглазая дама.

Наступило нѣкоторое молчаніе.

— Да, давно это было... въ 1884 году... Я жилъ тогда на хуторѣ въ С—ской губерніи, — началъ Иванъ Ивановичъ: — на хуторѣ-сѣ, гдѣ мы сами работали, пахали, косили и прочее... Были мы молоды, сильны, полны вѣры въ жизнь и въ людей, и было нашимъ

искреннимъ желаніемъ служить нашему народу, мужику, на котораго мы даже походили внѣшнимъ видомъ. Загорѣлыя лица, съ мозолями руки радовали насъ, думаю, гораздо больше, чѣмъ культурнаго человѣка надиво вычищенные ногти и бѣлыя руки, вымытыя одеколономъ. Время было такое искреннее, благородное. Вы не думайте, что это была игра въ мужики, нѣтъ, ошибетесь... Мы дѣйствительно въ потѣ лица добывали хлѣбъ. Трудно было, господа!.. Но опять повторяю: мы были молоды и вѣрили... Русскіе идеалисты на что неспособны?! Это—такая сила, надъ которой напрасно смѣются нѣкоторые...

— Но зачѣмъ все это вы дѣлали?.. Мучили себя?.. — перебила нетерпѣливая слушательница:— мнѣ кажется, напрасно...

— Не перебивайте, Вѣра Ивановна, — раздались недовольные голоса:— не мѣшайте, пожалуйста...

— Мы думали, что не напрасно,—продолжалъ рассказчикъ:— мы хотѣли ближе стать къ народу, показать ему, что баринъ съ его точки зрѣнія также можетъ прокормить себя чистымъ земледѣльческимъ трудомъ. Тогда еще было свѣжо воспоминаніе крѣпостного времени, когда на барина работали, ухаживали и его выкармливали... Мы ненавидѣли тѣ времена и считали ихъ позоромъ своей родины и это чувство хотѣли выразить конкретно...

— Ну, и что же?..—начала Вѣра Ивановна, но на нее набросились со всѣхъ сторонъ.

Рассказчикъ взглянулъ на нее, хитро улыбнулся и продолжалъ:— «Можетъ быть, думаете, что мы были смѣшны... О, нѣтъ!.. Все было просто и ясно... донъ-кихотства никакого... работали и только, вставали со свѣтомъ и кончали работу съ закатомъ. Жили дружно, ѣли простую пищу, пили молоко да квасъ, и были бодры и здоровы... За народомъ былъ опытъ, за нами кое-что такое, въ чемъ народъ тоже нуждался... Я говорю о научныхъ приложеніяхъ и о томъ, что всякій честный и дѣйствительно образованный человѣкъ всегда можетъ быть полезенъ въ деревнѣ... Вотъ-съ!.. Однимъ словомъ мы устроились, на работѣ, какъ говорятъ крестьяне, «обтерпѣлись» и жили хорошо. Изъ городовъ пріѣзжали къ намъ пробовать работать, учиться... Нѣкоторые оставались подолгу, но большинство по трудности скоро уходило... Но къ дѣлу!.. Покосякъ былъ въ разгарѣ, работы, что называется, по горло, отъ зари до зари. Урожай тогда былъ превосходный и хлѣба и травы. Погода стояла прямо хозяйственная...

Иванъ Ивановичъ задумался, закурилъ папиросу, взглянулъ на слушателей и продолжалъ:

— Кажется, въ воскресенье или въ какой-то другой праздникъ, въ послѣобѣденное время, когда мы сидѣли на крыльцѣ дома, по дорогѣ къ нашему хутору показалась небольшая женская фигура съ котомкой за плечами. Это была молодая дѣвушка, которая, приблизившись къ намъ, спросила хозяина.

— Что угодно? Я самый,—отвѣчалъ послѣдній.

— Возьмите меня въ работницы, — тихо проговорила пришедшая и облокотилась о перила крыльца. Она была блѣдна, вся въ пыли и видимо устала страшно. Мы попросили ее сѣсть и спросили, издалека ли.

— Изъ Ч—ой губерніи... Насилу добралась,—отвѣчала странница.

— Какъ?.. Неужели пѣшкомъ?..—изумились мы, смотря на ея слабую фигуру и блѣдное, совсѣмъ молодое личико.

— Да, пѣшкомъ,—прошептала она.

Ее пригласили отобѣдать, отдохнуть, оставивъ до болѣе удобнаго времени дальнѣйшіе разспросы.

Странное на меня тогда впечатлѣніе произвела эта незнакомая дѣвушка. Вся она была такая нѣжная, изящная, только въ ея небольшихъ карихъ глазахъ порой проскальзывало выраженіе чего-то фанатическаго. Бываютъ такія молодыя монашенки, охваченныя религіознымъ экстазомъ, вѣрующія беззавѣтно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то болѣзненно.

— Куда ей работать?!—проговорилъ хозяинъ, когда незнакомка ушла отдыхать:—это какой-то слабый ребенокъ!.. Что мы съ ней станемъ дѣлать?!

— Ну, какъ нибудь,—сказалъ я:—будетъ помогать, ворошить сѣно, найдемъ работу...

— Чудно!.. Пѣшкомъ пришла! Да вѣдь это верстъ двѣсти будетъ... Деньги, говоритъ, есть... Я спрашивалъ: отчего не пріѣхала по желѣзной дорогѣ?.. а она въ отвѣтъ: развѣ я дурно поступила, если пришла пѣшкомъ? Не дурно, а глупо... волновался хозяинъ... Къ чему это?.. Теперь и бабы и мужики всѣ по чугункѣ ѣдутъ, развѣ когда на богомолье—тогда идутъ!.. Право, странная особа!.. Что я съ ней буду дѣлать? Картошку копать еще время не пришло... Коровъ доить куда ей!..

Дѣйствительно, новоприбывшая на всѣхъ произвела странное впечатлѣніе, но мы думали, что дѣвушка, привыкнувъ и ближе познакомившись съ нами, и устроится и успокоится. Но произошло нѣчто иное... Нервность и возбужденность не оставили ея и на другой день... Прежде всего она сейчасъ же и очень настойчиво потребовала себѣ работы и накинулась на нее, какъ голодная на кусокъ хлѣба... Ея маленькія руки плохо владѣли неуклюжими деревенскими граблями. Съ непривычки она забирала слишкомъ большіе клоки сѣна, которые не подъ силу были для ея слабого организма. Тяжело было смотрѣть на дѣвушку, на ея непомятныя усилія, но она была такъ серьезна, поглядывала по сторонамъ почти враждебно, что посоветовать ей не утруждать себя на первое время никому не хотѣлось... Пусть ее!..

Такъ продолжалось день, другой. Дѣвушка не переставала дичиться, сторониться. Она крайне неохотно говорила о себѣ, о своемъ

прошломъ. Тѣмъ не менѣе мы узнали, что она училась въ гимназiи, имѣла брата, были живы и родители. Фамилія дѣвушки была Во-лынцева, по имени Софьи Ивановна, но она просила звать ее Софьей.

По простествіи недѣли странная дѣвушка подружилась съ молодой бабой Матреной, съ которой она стала неразлучной. Впрочемъ, и другія деревенскія женщины относились къ Софьѣ Ивановнѣ душевно, но видимо съ жалостью.

Мы привыкли къ слабому созданію, которое во что бы то ни стало хотѣло мучить себя непосильнымъ трудомъ, и относились къ ней сдержанно и деликатно. Перемѣны въ ней не было, напротивъ еще задумчивѣе, сдержаннѣе становилась Волынцева и смотрѣла нелюдимкой.

Мнѣ было жаль дѣвушку.

Возвращаясь какъ-то разъ вечеромъ съ рѣки, я присѣлъ около бугра и сталъ смотрѣть на живописный ландшафтъ, разстилающійся передъ моими взорами и уходящій къ далекому синему лѣсу. Небольшая рѣчка, причудливо извиваясь, заворачивала вправо и, обогнувъ на высокомъ берегу деревню, сверкала среди поемныхъ луговъ; слѣва небольшая березовая роща выступала особенно картинно къ полямъ золотой ржи, частію уже тронутой жнищами. Я любилъ это мѣсто и часто подолгу сидѣлъ и смотрѣлъ на простую красоту русской природы... Вотъ и теперь!.. Но вдругъ голоса... Что это? Кто-то тихо плачетъ... Я сталъ прислушиваться...

— Болѣзная, не нудь себя, оставь заботы!..

Я узналъ голосъ Матрены и догадался, что съ ней была Волынцева. Стало быть, это она плакала.

— По силамъ Богъ труды кладетъ,—продолжала сердобольная баба:—съ малаго да со стараго не взыщется... Гдѣ тебѣ надъ нашей мужицкой работой убиваться... смотри, твои товарищи ровно меренъе сытое!.. Пошла бы на покой къ родителямъ... не бойсь, они страдаютъ по дочкѣ... Ну, чего ты?!

Волынцева продолжала плакать еще горьчѣе.

— Что-жъ я,—заговорила сквозь слезы дѣвушка:—не могу ничего... не человѣкъ... всѣ могутъ... а я... такая... несчастная... Смѣются надо мной, думаютъ, зачѣмъ пришла... мѣшаю!..

И снова слезы, слезы...

— Въ учебу ребятъ бы взяла, чѣмъ серпомъ-то колоть руки, аль вязать, шить что...—продолжала Матрена.

«Экая умная и хорошая баба,—думалъ я:—въ самомъ дѣлѣ изъ Софьи Ивановны отличная бы вышла учительница!»

Я не сталъ больше слушать и, чтобы не быть замѣченнымъ, спустился внизъ къ рѣкѣ и поднялся на хуторъ другой тропинкой.

Однако Волынцева съ бабой откровенна, а съ нами нѣтъ. Что въ самомъ дѣлѣ въ ней за бѣсъ сидитъ? Да, права Матрена: не для тяжелой работы эта субтильная дѣвушка.

Я рѣшилъ при удобномъ случаѣ переговорить съ ней, убѣдить ее бросить работать. Долго выбиралъ я подходящее время, когда, наконецъ, въ воскресенье, подъ вечеръ, встрѣтилъ дѣвушку, возвращавшуюся изъ деревни. На этотъ разъ у нея былъ нѣсколько оживленный видъ.

Мы пошли вмѣстѣ.

— Долго еще пробудете у насъ?—спросилъ я не совѣмъ тактично.

— А что вамъ?—испуганно и жалобно взглянула на меня Во-лынцева.

— Мнѣ, конечно, ничего, Софья Ивановна, да вамъ-то трудно!..

— А вы почему знаете?.. развѣ я говорю?!

— Мнѣ кажется,—отвѣчалъ я,—впрочемъ не мое дѣло...

— Вы всѣ гордые... эгоисты... бездушные...—вдругъ разгорячилась Волынцева и посмотрѣла на меня сверкающимъ взоромъ.

— Помилуйте!—возразилъ я.

— Вы горя не понимаете... страданія... не чувствуете!..

Я не зналъ, что сказать на такіе неожиданные упреки. Совѣтъ взяться за учительскую дѣятельность показался мнѣ теперь и грубымъ и нелѣпымъ... Да не совѣты и нужны были этому еще ребенку-идеалисту!

— Простите меня, Софья Ивановна, — сказалъ я, сворачивая въ сторону.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заволновалась она, взявъ меня за руку.—Я злая, злая... васъ обидѣла... вы мнѣ добра желали... Простите меня!..

Мы разстались, и я никому не передавалъ объ этомъ случаѣ.

Все продолжалось попрежнему до Успеньева дня. Наканунѣ этого праздника рано, со свѣтомъ, Софья Ивановна въ обществѣ нѣсколькихъ бабъ ушла на храмовой праздникъ въ дальнее село. Ушла и больше не возвращалась. Возвратившіяся баба говорили, что онѣ потеряли ее въ толпѣ богомольцевъ.

Мы побесѣдовали о странной дѣвушкѣ, каждый о ней высказалъ свое мнѣніе, но всѣ пришли къ одному выводу, что она человѣкъ странный и даже ненормальный. Вотъ и все!..

Не стану вамъ рассказывать тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ наша компанія разстроилась. Нѣкоторые остались на хуторѣ и продолжали работать, другіе ушли въ городъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ вашъ покорный слуга, промѣнявшій сермягу на пиджакъ и культурную обстановку.

Какъ-то утромъ, часовъ въ 11, я затопилъ каминъ. Сырыя дрова плохо разгорались. Звонокъ отвлекъ меня отъ растопки. Къ моему удивленію, въ комнату вошла Волынцева.

— Узнаете?—спросила она.

— Еще бы!.. очень радъ... Садитесь, пожалуйста!..

Волынцева подвинула стулъ къ камину и какъ-то съежилась.

Я смотрѣлъ на нее. Переменны не было, только еще худѣ стало ея тѣло, и больше, выразительнѣе казались черные глаза.

— Давно въ Москвѣ?

— Нѣтъ... недавно!.. Случайно узнала вашъ адресъ и пришла спросить о тѣхъ...

Софья Ивановна подробно разспросила о каждомъ изъ товарищей на хуторѣ. Потомъ, смотря на огонь въ каминѣ, она вынула бумажку, другую, подержавъ ихъ въ рукѣ, бросила въ огонь. Слабая улыбка на мигъ появилась на ея блѣдныхъ губахъ, и снова выраженіе ея лица стало строгое.

— Что вы теперь, Софья Ивановна, думаете дѣлать?

— Дѣлать?! я, дѣлать? — горько усмѣхнулась Волынцева: — я ничего не могу дѣлать... Помните, тогда... вы хотѣли мнѣ посовѣтовать быть учительницей...

— Почему вы такъ думали?—удивился я.

— Такъ... Многіе совѣтовали мнѣ эту дѣятельность.

— И что же?

— Не могу!—коротко отвѣчала Волынцева и стала прощаться.

Дня три прошло со времени ея визита, когда въ полученной мною газетѣ я прочелъ: «Въ меблированныхъ комнатахъ N.N. выстрѣломъ изъ револьвера покончила жизнь С. И. Волынцева. Причины самоубійства неизвѣстны». Я обомлѣлъ. Не выдержала бѣдная! Страдать не хватило силъ, какъ не было ихъ, чтобы работать крестьянскую работу. Въ народѣ она была лишней, а культурный міръ считала эгоистичнымъ. И вотъ страдающая душа нашла покой...

Конечно, въ столицѣ такой случай остался незамѣтнымъ. Я долго не могъ забыть ея маленькой фигуры съ блестящими мрачными глазами.

— Когда же картина?—перебила Вѣра Ивановна.

— Сейчасъ, сейчасъ... Осталось самое интересное...

Пришла весна, и въ Москвѣ открылась обычная выставка «передвижниковъ». Я люблю живопись и на другой день открытія отправился смотрѣть. Помню, особенно много было народа около картины Рѣпина «Не ждали», дѣйствительно, благородной работы и по сюжету и по исполненію. Отъ толкотни и движенія я усталъ и вошелъ въ уголокъ, гдѣ пустовалъ одинъ стулъ. Усѣвшись, я взглянулъ на обыкновенный русскій пейзажъ, который, странно... напоминалъ мнѣ именно то мѣсто, гдѣ Волынцева бесѣдовала съ Матреной. Но что это? Мое сердце страшно забилося. Рядомъ, да, рядомъ съ этой картиной, висѣла другая, на которой распростертой лежала молодая дѣвушка. Это была самоубійца, и подъ полотномъ заглавіе: «Причины неизвѣстны».

Я хорошенько не разобралъ, не рассмотрѣлъ всѣхъ подробностей этой картины и подъ вліяніемъ какого-то необъятнаго внутренняго страха покинулъ выставку. Куда дѣвалось мое спокойное

настроение! Я бродил по городу безъ цѣли, мнѣ вдругъ сталъ противенъ этотъ большой городъ, непріятны незнакомыя лица, и образъ Волинцевой вставалъ въ моемъ воображеніи съ неотразимой ясностью, словно тѣнь ея носилась предо мною.

Прошелъ день, наступила ночь, и кошмаръ продолжался. Я не зналъ, что дѣлать, какъ убить это ужасное время. На столѣ лежали листы бумаги. Я сталъ машинально писать, поставивъ заголовокъ: «Причины извѣстны». Я писалъ про Волинцеву, писалъ, что она была сельской учительницей, о томъ, какъ ее любили и дѣти, и бабы, и мужики, я писалъ и о природѣ и о развитіи дѣвушки-идеалистки, писалъ много, писалъ горячо и не замѣчалъ, какъ бѣжитъ время, и листъ за листомъ покрывается словами, фразами, скорбной повѣсти. Къ утру рассказъ былъ готовъ. Учительница Волинцева покончила жизнь самоубійствомъ. Вотъ и все!.. Теперь понимаете, какую роль играла картина въ моемъ первомъ рассказѣ... Усталъ я, господа, позвольте попрощаться,—грустно окончилъ Иванъ Ивановичъ, взявъ въ руки свою шляпу.

Всѣ молча простились съ нимъ.

С. Васюковъ.

МОЯ ПРАБАБУШКА.

(Изъ семейной хроники).

ИОЧТИ въ каждомъ семействѣ сохраняются, болѣе или менѣе, любопытныя преданія. Такъ моя мать, Тимирязева, Аделаида Клементьевна, урожденная баронесса Боде, часто рассказывала намъ, дѣтямъ, патетическую одиссею ея бабушки—также баронессы Боде—во время французской революціи. Эта энергичная, предприимчивая и практическая женщина бѣжала съ мужемъ и дѣтьми изъ принадлежавшаго имъ помѣстья Сульцъ, въ Эльзасѣ, сначала въ Германію, а потомъ въ Россію, гдѣ она была осыпана милостями императрицы Екатерины II и императора Павла I. Моя мать въ своихъ разсказахъ упоминала и относительно похощеній прабабушки въ Россіи, гдѣ державные покровители пожаловали баронессѣ Боде помѣстья въ Петербургской и Екатеринославской губерніяхъ, а также въ Крыму. Но насъ, дѣтей, особенно занималъ эпизодъ ея бѣгства изъ Сульца, при чемъ одинъ изъ ея сыновей потерялъ башмакъ и продолжалъ путь полубосой.

Этотъ эпизодъ упоминался и въ «Мемуарахъ» прабабушки, которыми очень дорожили въ нашемъ семействѣ. Они представляли небольшой рукописный томикъ въ зеленомъ переплетѣ, и въ немъ прабабушка рассказывала на французскомъ языкѣ, довольно кратко, всѣ приключенія изъ своей жизни. Съ теченіемъ времени эти «Мемуары» неизвѣстно куда исчезли, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ семействѣ не осталось ихъ слѣда. Позже я узналъ, что послѣ прабабушки сохранилась другая книга, написанная въ послѣдніе годы ея жизни, подъ заглавіемъ: «Recit d'avantures», которую

перевела съ англійскаго языка на французскій ея дочь, графиня Коломби. По всему вѣроятію, «Мемуары», бывшіе у насъ, составляли копію съ этой книги, но я никогда ея не видаль.

Несмотря на это, память о прабабушкѣ живо сохранялась на каждомъ шагу въ имѣніи Ропшѣ, подаренномъ ей императоромъ Павломъ, близъ Нарвы. Въ дѣтствѣ и юности я часто живаль въ немъ, и невольно мнѣ грезилась въ каждомъ уголкѣ длиннаго стараго деревяннаго дома, построеннаго ея сыномъ и моимъ дѣдушкой, барономъ Клементіемъ Карловичемъ Бодѣ, высокая, строгая старуха. Все, начиная съ мебели краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями, въ стилѣ «empire», до вѣковыхъ деревьевъ на берегу рѣки противъ оконъ дома, носило отпечатокъ того стараго времени, когда прабабушка царствовала здѣсь.

Въ мое время хозяйкой имѣнія была бабушка, баронесса Шарлотта Францовна Бодѣ, такъ какъ ея мужъ и сынъ постоянно находились въ Англии, гдѣ вели послѣдовательно, одинъ за другимъ, въ продолженіе болѣе сорока пяти лѣтъ, миллионный процессъ. Даже въ этомъ процессѣ сохранилась память о прабабушкѣ, такъ какъ они добивались осуществить ея завѣтную мысль—возвращеніе Сульца. Мысль объ этомъ впервые пришла въ голову ея старшему сыну послѣ водворенія во Франціи Бурбоновъ, но вскорѣ оказалось, что возвращеніе Сульца было невозможно, и приходилось довольствоваться ходатайствомъ о вознагражденіи за потерю богатаго помѣстья. Надѣясь, что дѣло выиграется скоро, баронъ не возвратился въ Россію послѣ походовъ 1812—1815 гг., въ которыхъ онъ принималъ участіе, въ качествѣ русскаго полковника. Императоръ Александръ выдалъ ему на расходы по этому дѣлу около тысячи фунтовъ стерлинговъ. На основаніи того, что онъ родился въ Англии, баронъ обратился, въ качествѣ ея подданнаго, къ англійскому правительству съ просьбою выдать ему вознагражденіе, какъ англійскому эмигранту, изъ полученной отъ Франціи на этотъ предметъ суммы. Однако, англійское правительство всѣми мѣрами воспротивилось этой уплатѣ, хотя Франція и упомянула барона Бодѣ въ числѣ пострадавшихъ эмигрантовъ.

Такимъ образомъ возникъ знаменитый Бодевскій миллионный процессъ, который до того сталъ извѣстенъ всѣмъ и каждому въ Англии, что Диккенсъ основалъ на немъ свой романъ: «Холодный домъ». Сначала баронъ оцѣнилъ свое требованіе въ 541.162 фунта стерлинговъ, впослѣдствіи же эта сумма возросла съ процентами до 1½ миллиона фунтовъ стерлинговъ, т. е. около 15 миллионъ рублей. Ему пришлось ходатайствовать по всѣмъ судамъ, начиная отъ низшихъ до высшихъ, судиться во всѣхъ инстанціяхъ и въ обоихъ парламентахъ, въ верхнемъ и нижнемъ. Дѣло вели лучшіе въ то время юристы и политическіе дѣятели: лордъ Дерби, бывший лордъ-канцлеръ Труро, членъ нижняго парламента

Давенпортъ Гиль, лордъ Линдгурстъ, лордъ Бругамъ и проч. Оно было выиграно нѣсколько разъ въ высшихъ судахъ, и по старинному англійскому обычаю, какъ въ судахъ, такъ и въ парламентахъ была провозглашена традиціонная фраза: «Let right be done» (да будетъ правда). Но какъ только дѣло доходило до выдачи денегъ, то англійское правительство находило какую нибудь новую придирку, и дѣло начиналось сызнова. Наконецъ въ 1846 году баронъ умеръ въ самомъ несчастномъ положеніи, не имѣя средствъ продолжать свой процессъ.

За это взялся его старшій сынъ и братъ моей матери, баронъ Клементій Клементьевичъ Боде. Онъ служилъ прежде въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ первымъ секретаремъ посольства въ Персіи и бросилъ блестящую карьеру, чтобы довести это дѣло до развязки. Снова потянулся процессъ въ палатѣ пэровъ и въ палатѣ общинъ; лорды высказывались въ пользу барона, находя, что его дѣло было очень «жестокое и несправедливое», а палата общинъ въ 1861 году назначила комитетъ для разсмотрѣнія дѣла. Казалось, оно было выиграно, и оставалось лишь англійскому правительству рѣшить, гдѣ взять денегъ для уплаты барону. Но въ этомъ-то и заключалась причина упорства англійскаго правительства. По словамъ извѣстнаго сэра Теодора Мартина, біографа принца консорта: «деньги, которыми надо было уплатить барону требуемую имъ сумму, или, по крайней мѣрѣ, часть ея, были издержаны, и могущественное казначейство заглушало голосъ чести». Существовала даже легенда, что на Бодевскія деньги былъ перестроенъ и заново отдѣланъ Букингамскій дворецъ въ Лондонѣ, гдѣ жила тогда королева Викторія.

Баронъ такъ мало вѣрилъ въ честность англійскаго правительства, что телеграфировалъ своей матери: «не слишкомъ надѣйтесь на успѣхъ». Дѣйствительно, этотъ мнимый успѣхъ былъ лебединой пѣснью знаменитаго процесса. Англійское правительство снова затянуло дѣло, изобрѣтая новыя закорючки, и баронъ, подобно отцу, за неимѣніемъ средствъ, долженъ былъ отказаться отъ него. Онъ вернулся въ Россію и послѣ смерти матери, продавъ имѣніе Ропшу, поселился въ Московской губерніи, гдѣ умеръ, оставивъ послѣ себя сына, теперь молодого инженернаго офицера, барона Августина Клементьевича Боде.

Такимъ образомъ драматическая эпопея жизни прабабушки имѣла не менѣе драматическій эпилогъ въ погонѣ за милліонами ея сына и внука, желавшихъ во что бы то ни стало исполнить ея завѣтъ—возвратить семьѣ Сульцъ или его стоимость.

Прошло много, много лѣтъ, и ребенокъ, игравшій въ старомъ домѣ въ Ропшѣ и слушавшій рассказы матери о прабабушкѣ, сдѣлался старикомъ. Неожиданно мнѣ пришлось увидать въ англійскихъ газетахъ извѣстіе о появленіи новой книги, подъ загла-

віемъ: «Баронесса Боде 1775—1803 г.г., сочиненіе Вилльяма Чайльдъ-Пембертона». Выписавъ книгу, я съ любопытствомъ ее прочиталъ; она оказалась біографіей моею прабабушки, составленной на основаніи ея переписки съ англійскими родственниками и преимущественно съ двумя сестрами. Одна изъ нихъ, мистриссъ Аддерлэй, завѣщала переписку своему внуку, лорду Нортону, который передалъ эту рукопись Пембертону. Въ одномъ изъ писемъ прабабушки, относившемся къ послѣдней эпохѣ ея жизни, видно, что она также писала свою подробную автобіографію на англійскомъ языкѣ. Уже два тома были готовы, и она принялась за третій, какъ внезапно рѣшила не печатать своей книги, до поры, до времени. Эта перемѣна была вызвана боязнью обидѣть когонибудь изъ живыхъ современниковъ. Дальнѣйшая судьба этой рукописи неизвѣстна, и отрывки ея писемъ, приводимые Пембертономъ, составляютъ все, что сохранилось отъ прабабушки.

Вообще содержаніе ея писемъ, судя по напечатаннымъ отрывкамъ, главнымъ образомъ касается ея походовъ въ Германію и Францію, жизнь же въ Россіи описана чрезвычайно кратко. Большая часть писемъ посвящена лишь семейной сторонѣ ея существованія, тогда какъ о жизни двора при Екатеринѣ, Павлѣ и Александрѣ говорится слегка, какъ бы вскользь. Не менѣе скупо упоминаетъ прабабушка и о русской аристократіи, съ которой она была въ дружескихъ отношеніяхъ. Главной причиной служить то обстоятельство, что она всю свою жизнь заботилась только о своемъ многочисленномъ семействѣ. Не имѣя состоянія, она старалась связями, протекціей высокихъ лицъ и сношеніями съ людьми вліятельными обезпечить семейству не только насущный хлѣбъ, но и будущность. Естественно, что вслѣдствіе этого ея переписка была чрезвычайно осторожна изъ боязни скомпрометировать когонибудь изъ власть имѣющихъ. Съ этою цѣлью она мало говоритъ о происшествіяхъ, случившихся въ ея время при дворѣ, или въ свѣтскомъ обществѣ. Наконецъ, это было сто лѣтъ назадъ, и въ то время она могла опасаться, что ея письма могутъ быть вскрыты правительствомъ и прочитаны. Впрочемъ, помимо этого, ея отличительной чертой было благородство, которое заставляло ее не все говорить, что видѣла у друзей.

Однако, несмотря на это, нельзя упрекнуть прабабушку въ томъ, что ея переписка совершенно безынтересна; она все-таки освѣщаетъ достаточно нравы и обычаи того времени. Съ перваго взгляда покажется, что ея поступки и дѣйствія въ большинствѣ случаевъ походятъ на выпрашиваніе и ухаживаніе съ корыстной цѣлью за знатными лицами. Но не надо забывать ту эпоху, когда ухаживать за вліятельными лицами и получать отъ нихъ подарки считалось вполне естественнымъ. Лично прабабушка не была корыстной женщиной, а напротивъ честной, доброй, благородной, лю-

бившей больше всего на свѣтъ свою семью. Конечно, ради мужа и дѣтей она вѣчно хлопотала, суетилась, а также искала средствъ къ обогащенію.

Еще остается прибавить, что самыя письма написаны очень просто, ясно и занимательно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, касающихся чисто семейныхъ подробностей—очень интересныхъ, можетъ быть, для ея сестеръ, но на постороннихъ онѣ навѣваютъ скуку. Въ очеркѣ ея жизни я старался передать читателямъ только то, что любопытно для всякаго, особенно русскаго. Вообще, ея характеристика, рисуемая этими письмами, не только имѣетъ психологическое значеніе, но и отчасти историческое.

I.

Прабабушка была четвертой дочерью Томаса Киннерзлея, владѣльца Локслэя-Парка, въ Стафортширѣ. Онъ былъ дворянскаго происхожденія, богатъ, и имѣлъ хорошія связи. Его дочь, Мэри (прабабушка), съ юности выказывала большое пристрастіе къ заграничнымъ путешествіямъ, и во Фландріи увидѣла впервые своего будущаго жениха. Онъ ей очень понравился, и, 21-го октября 1775 года, она вышла за него замужъ. Его звали барономъ Карломъ-Августомъ Боде. Онъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше ея и по происхожденію нѣмецъ, а по положенію французскій офицеръ. Онъ былъ очень добрый и хорошій человекъ, но мягкій и безхарактерный, что не мѣшало ему всю жизнь горячо и преданно любить свою жену, которая, напротивъ, отличалась твердостью воли, энергіей и необыкновенной предприимчивостью.

Сначала они поселились въ Лилѣ, гдѣ стоялъ полкъ барона, но вскорѣ онъ перешелъ въ полкъ герцога Сарбрюкенъ-Нассау, при чемъ все-таки не покинулъ службы французскаго короля. Жена его сблизилась съ герцогиней Нассауской и сдѣлалась ея придворной дамой. «Она была,—замѣчаетъ прабабушка:—безукоризненной нравственности, хотя въ то время аристократическія дамы не всѣ отличались этимъ качествомъ». Однако, чрезъ два года, герцогиня умерла, и тѣмъ прекратилась придворная жизнь баронессы, которая въ это короткое время совершенно превратилась изъ скромной застѣнчивой дѣвушки въ опытную свѣтскую даму.

Вскорѣ семья Боде завела дружбу съ другими нѣмецкими владѣтельными особами, именно: герцогомъ Цвейбрюкенскимъ и его женою, игравшими важную роль въ войнѣ за Баварское наслѣдство, втеченіе которой прекратилась переписка баронессы съ сестрой, такъ какъ она принуждена была выѣхать на время въ Англію. По заключеніи Тешенскаго мира она вернулась къ своему мужу въ Германію. Между тѣмъ, она родила трехъ сыновей, изъ

которыхъ одинъ умеръ въ младенчествѣ. Съ увеличеніемъ семейства положеніе молодой четы становилось затруднительнымъ, такъ какъ имъ приходилось жить на небольшое офицерское жалованье барона и еще меньшее содержаніе, получаемое отъ Цвейбрюкенскаго двора. Тутъ начала выказывать прабабушка свои замѣчательныя практическія способности. Хотя она и писала сестрѣ: «повѣрь мнѣ, что если мужъ и лучшій изъ людей, то все-таки холостая жизнь—предпочтительнѣе», но выказывала замѣчательную любовь къ своему мужу и дѣтямъ и всячески заботилась, чтобы обезпечить ихъ будущность. Лучшимъ средствомъ къ этому она нашла распространеніе связей съ вліятельными, знатными особами.

Въ 1782 году, все семейство переехало въ Бергцабернъ, на границу Германіи и Франціи, близъ Сарбрюкена, резиденціи Цвейбрюкенскаго двора. Баронъ часто ѣздилъ въ Мецъ, гдѣ стоялъ его полкъ, а баронесса затѣяла открыть фабрику кружевъ, съ благотворительной и финансовой цѣлью. Однако, это предпріятіе не имѣло успѣха, а семейство баронессы ежегодно увеличивалось. Тогда она рѣшилась уговорить мужа продать свой полковничій патентъ, чего нельзя было сдѣлать безъ согласія герцога Нассаускаго и французскаго короля. Оба они согласились, и дѣло имѣло успѣшное окончаніе. Нашелся юноша, купившій патентъ за 5.000 фунтовъ стерлинговъ. Эта сумма поправила дѣла семейства, которое осталось жить въ Бергцабернѣ. Ихъ жизнь протекала мирно и благополучно, хотя семейство все прибывало, и баронесса очень заботилась, чтобы дѣтей ея крестили важныя лица, какъ императрицы, королевы, ландграфы, герцоги и т. д. «Кто знаетъ,—говорила она:—можетъ быть, они будутъ могущественными покровителями моихъ дѣтей».

1788 годъ былъ счастливѣйшимъ для прабабушки. Неожиданно, въ предыдущемъ году умеръ бездѣтнымъ принцъ Роганъ-Субизъ, владѣлецъ значительнаго лена Сульцъ, въ Эльзасѣ, поэтому означенное владѣніе возвратилось къ верховному феодальному владѣтелю, епископу Кельнскому, младшему брату Маріи-Антуанеты и императора Юсіфа II. Къ нему обратился баронъ Годе съ просьбой передать ленъ, и послѣ долгихъ переговоровъ епископъ согласился уступить свои права за 8.000 фунтовъ стерлинговъ. У барона же было только пять тысячъ, вырученныхъ за продажу офицерскаго патента, и онъ остальные три тысячи занялъ у англійскихъ родственниковъ жены. Такимъ образомъ дѣло сладилось, но, кромѣ того, ему необходимо было получить верховную инвеституру отъ Людовика XVI, такъ какъ по феодальнымъ правамъ король былъ высшимъ сюзереномъ всѣхъ владѣтелей. Это, конечно, требовало нѣкоторыхъ расходовъ и принятія французскаго подданства. Наконецъ, все устроилось: баронъ сдѣлался леннымъ владѣльцемъ Сульца.

Баронесса была въ восторгѣ и писала своей сестрѣ:

«Наша резиденція Сульцъ—очень хорошенькій городокъ. Но, кромѣ того, мы имѣемъ семь деревень. Мы полные хозяева этого лена. Вся гражданская власть сосредоточивается въ нашихъ рукахъ. По крайней мѣрѣ, двѣнадцать должностей зависятъ отъ насъ, и уже насъ бомбардируютъ со всѣхъ сторонъ искатели мѣстъ. Я рѣшительно не могу объяснить тебѣ, въ чемъ заключаются эти должности, потому что онѣ совершенно разнятся отъ англійскихъ. Прежде всего здѣсь есть bailli, нѣчто въ родѣ окружнаго судьи; онъ имѣетъ большое значеніе, и хотя это мѣсто занимаетъ не важное лицо, но онъ имѣетъ карету и ѣсть не хуже англійскаго лорда. Второй чиновникъ называется greffier, то-есть секретарь, также человѣкъ вліятельный и принадлежащій къ обществу; потомъ слѣдуютъ мэръ, управляющій, фискаль, смотритель тюрьмы и прочее. Я уже сказала, что Сульцъ—хорошенькій живописный городокъ: въ немъ есть католическій соборъ, протестантская церковь и еврейская синагога. У насъ живутъ до двадцати четырехъ еврейскихъ семействъ; они намъ платятъ за право жительства. Намъ принадлежитъ также десятинная подать. Наши подданные обязаны поставлять намъ индѣекъ, курицъ, каплуновъ, хлѣбъ, картофель и сѣно въ такомъ количествѣ, что мы не можемъ ихъ уничтожить. Невозможно тебѣ объяснить всѣхъ правъ, которыми мы обладаемъ; мы этого даже сами не знаемъ. Всякая женщина должна доставить мнѣ ежегодно два фунта льняной или пеньковой пряжи; каждый мужъ и жена обязаны работать на насъ десять дней въ году. Точно также десять дней въ году работаетъ на насъ каждый фургонъ и каждая телѣга. Всѣ трактирщики обязаны платить намъ известную сумму, а также намъ платятъ столько-то съ cadaго галлона вина, ввозимаго на нашу землю. Всѣ штрафы идутъ въ нашу пользу, и намъ также принадлежатъ наслѣдственные пошлины. Мы одинаково же пользуемся доходами съ солеваренъ, которыми владѣемъ на алодіальномъ основаніи. Въ нашемъ ленѣ находятся угольные копи, которыя обѣщаютъ принести намъ большой доходъ. Уголья намъ необходимы для соляного и дегтярнаго производства, такъ какъ все дѣлается огнемъ, а лѣса въ окрестностяхъ очень мало. Есть основаніе полагать, что у насъ находится купоросъ. Что же касается до поверхности земли, то она чрезвычайно плодородна: это—страна хлѣба, масла и вина... Если Богъ послалъ намъ множество дѣтей, то онъ далъ намъ и множество всего необходимаго для нихъ».

Цѣль всей жизни прабабушки была достигнута. Все ея семейство, уже состоявшее изъ восьми человѣкъ, такъ какъ четверо умерли, было вполне обезпечено. У нихъ было собственныхъ подданныхъ 4.000 человѣкъ, и они получали болѣе 12.000 ливровъ въ годъ. Съ особымъ торжествомъ новые владѣльцы Сульца были

введены во владѣніе, въ присутствіи всего семейства барона, представителя короля, какъ верховнаго сюзерена, и значительной части вѣрноподданныхъ. Кромѣ официального пріема съ многочисленными рѣчами и стихами на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ, было парадное богослуженіе въ церквахъ католической и лютеранской; потомъ роскошный банкетъ съ тостами, наконецъ, балъ и иллюминація.

Однако, послѣ этого веселья имъ пришлось вернуться въ свое скромное жилище въ Бергцабернѣ, такъ какъ старинный замокъ въ Сульцѣ находился въ развалинахъ, и баронъ приступилъ къ постройкѣ новаго дома. Онъ задуманъ былъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что только часть его была готова въ 1790 году, и владѣльцы могли переѣхать въ свой домъ, хотя онъ никогда не былъ окончательно отстроенъ.

Впрочемъ, новоселье совпало уже съ печальной эпохой судьбы баронской семьи. Въ 1789 году, грянула французская революція и вмѣстѣ съ ней уничтоженіе старинныхъ феодальныхъ порядковъ. Прабабушка, еще за годъ передъ тѣмъ радовавшаяся обезпеченію своей семьи, потеряла большую часть состоянія: у нихъ остался только Сульцъ, но безъ подданныхъ и доходовъ. «Если бы мы предвидѣли революцію, то, конечно, не поселились бы во Франціи», говорила она. Какъ бы то ни было, она продолжала надѣяться безъ надежды и окончательно поселилась съ мужемъ и дѣтьми въ Сульцѣ, энергично эксплуатируя въ своихъ владѣніяхъ все, что было возможно. Но чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе увеличивались республиканскіе порядки, и въ 1791—1792 г.г. семейству Боде пришлось то спастись изъ Сульца отъ угрозы яacobинцевъ, то снова возвращаться туда, подъ еще большой угрозой секвестраціи имущества всѣхъ отсутствующихъ французскихъ владѣльцевъ. Дѣлать нечего, семейство Боде возвратилось въ Сульцъ и стало жить въ постоянномъ страхѣ преслѣдованія республиканцами.

Дѣла дошли до того, что барону прямо угрожали смертью; освободившись отъ опасности своимъ краснорѣчіемъ, онъ принужденъ былъ, однако, бѣжать за Рейнъ, въ нѣмецкіе предѣлы. Прабабушка преслѣдовала за нимъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ они снова вернулись во Францію въ надеждѣ не потерять окончательно Сульца и поселились въ его окрестностяхъ, въ Виссембургѣ. Тамъ они называли себя гражданами: баронъ исполнялъ должность простого солдата національной гвардіи, а баронесса принуждена была ходить за больными французами и стирать на нихъ рубашки. «Хороша свобода,—говоритъ она:— и если дѣйствительно существуетъ равенство, то лишь въ томъ, что всѣ одинаково нищіе».

Наконецъ наступилъ самый критическій моментъ для мужа и жены, уже не говоря о бѣдныхъ дѣтяхъ. Не желая воевать противъ нѣмцевъ, Боде сказался больнымъ и слегъ въ постель. Но и тутъ

его не оставили въ покоѣ и за нимъ прислали жандармовъ. Такъ какъ это была эпоха террора, то, очевидно, его засадили бы въ тюрьму, отдали бы подъ революціонный судъ, и черезъ двадцать четыре часа онъ очутился бы подъ гильотиной. Ради спасенія мужа, баронесса совершила удивительные подвиги мужества. Прежде всего она отдѣлалась отъ жандармовъ, увѣривъ ихъ, что мужъ уѣхалъ; а затѣмъ, боясь вторичнаго ихъ прихода, объявила всѣмъ въ домѣ о дѣйствительномъ отъѣздѣ барона и спрятала его въ стогъ сѣна у сосѣдняго каменщика. Черезъ два дня она убѣдила мужа бѣжать въ въ Вогезскія горы, что онъ и исполнилъ, переодѣвшись крестьяниномъ. Послѣ благополучнаго его удаленія, она сама устроила свое бѣгство ночью пѣшкомъ, въ ненастную погоду, по горамъ, лѣсамъ и долинамъ. вмѣстѣ съ нею были ея старшія дѣти, а младшія остались въ Сульцѣ, подъ присмотромъ вѣрныхъ слугъ.

Въ это время войска коалиціи овладѣли Виссембургомъ, дѣти баронессы были освобождены отъ грозившей имъ опасности, и все семейство собралось на нѣмецкой границѣ. Но успѣхъ войскъ коалиціи былъ непродолжительный. Побѣдоносная республиканская армія двинулась въ предѣлы Германіи, и въ концѣ 1793 г. семья Боды была принуждена бѣжать все далѣе и далѣе. Наконецъ, они достигли до Альтенбургскаго монастыря, возлѣ Франкфурта-на-Майнѣ, гдѣ сестра барона была настоятельницей, и благополучно прожили тамъ около полгода. Хотя они были совершенно разорены и существовали только на деньги, вырученныя отъ продажи оставшихся у нихъ вещей, баронъ и его жена были такъ рады своему избавленію отъ всѣхъ опасностей, что проводили время очень весело. Въ эту эпоху монастырская жизнь въ Германіи не отличалась строгостью, и сестры не только устраивали балы и маскарады между собою, но и приглашали знакомыхъ на свои празднества.

II.

Въ 1794 г. началась для моей прабабушки самая замѣчательная эпоха ея энергичной, предприимчивой жизни. Случайно она съ мужемъ прочитала въ газетахъ, что русская императрица предложила принцу Кондэ землю на югѣ Россіи въ полную собственность съ тѣмъ, что онъ возьметъ съ собою туда своихъ офицеровъ и даже солдатъ, которымъ онъ дастъ жилище, лошадей, коровъ, овецъ и т. д. При чтеніи этого широкаго плана императрицы населить иностранцами свои обширныя, но малолюдныя владѣнія, Боды рѣшили отправиться въ Россію и выпросить у щедрой императрицы обширный участокъ земли, на которомъ они могли бы устроиться съ своимъ громаднымъ семействомъ до возвращенія имъ эльзасскихъ помѣстій, на что они не теряли надежды.

Дѣло задумано и быстро приведено въ исполненіе, такъ какъ семейное положеніе прабабушки было печально въ эту критическую минуту. Однако, она одна предприняла это далекое странствіе, въ виду того, что была гораздо рѣшительнѣе и смѣлѣе мужа; къ тому же долженъ былъ кто нибудь остаться съ многочисленной семьей въ Альтенбургѣ до счастливаго результата отважнаго предпріятія. Захвативъ съ собою своего старшаго сына, Клементія (моего дѣда), она пустилась въ путь, но не прямо, а окольнымъ путемъ. По обыкновенію, она прежде всего прибѣгла къ протекціи и помощи различныхъ покровителей. Она посѣтила ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго, герцогиню Цвейбрюкенскую, графиню Лейденскую, ландграфиню Гессенъ-Кассельскую и т. д.; всѣ они надавали рекомендательныхъ писемъ въ Петербургъ и снабдили ее средствами для путевыхъ расходовъ. Всего же полезнѣе ей было знакомство съ прусской королевой Фредерикой, женой Фридриха-Вильгельма II, которая написала чрезвычайно лестное письмо къ русской императрицѣ о баронессѣ Боде и щедро наградила ее сорока золотыми, которыхъ хватило на ея путешествіе. Наконецъ, она получила отъ маркграфини Баденской очень любезное письмо къ ея внучкѣ Елисаветѣ, недавно вышедшей замужъ за великаго князя Александра Павловича, и которую баронессу знала ранѣе въ Германіи.

Изъ Пруссіи прабабушка, нагруженная подарками и рекомендательными письмами отъ высокопоставленныхъ особъ, отправилась въ Стокгольмъ и уже оттуда въ Россію.

Черезъ двѣнадцать дней путешественники достигли Кронштадта, гдѣ пробыли три дня, прежде чѣмъ отправиться въ Петербургъ. Такимъ образомъ черезъ два съ половиною мѣсяца странствія прабабушка явилась въ началѣ августа въ русскую столицу. Она съ сыномъ остановилась у знакомой, 1-жи Болимани, которая приняла ее очень любезно. Однако, большое неудобство заключалось въ томъ, что она жила на правомъ берегу Невы, и, слѣдовательно, чтобы достигнуть многолюдныхъ и богатыхъ кварталовъ города, приходилось переправляться въ лодкѣ чрезъ Неву. Вскорѣ посѣтилъ баронессу сэръ Чарльзъ Витвортъ, англійскій посланникъ въ Россіи, и обѣщалъ ей всяческое содѣйствіе. Онъ самъ въ это время жилъ на дачѣ, а потому предложилъ присылать ежедневно новой знакомой свою карету парой, такъ какъ, по его словамъ, «ни одна свѣтская женщина не могла обойтись безъ экипажа».

Какъ ловкая и практическая женщина, прабабушка не удовольствовалась этой любезностью англійскаго посланника, а воспользовалась его обширными связями въ петербургскомъ обществѣ, чтобы сразу проложить себѣ дорогу въ большомъ свѣтѣ. Онъ началъ съ того, что познакомилъ ее со своею интимной пріятельницей, 1-жей Жеребцовой, сестрой могущественнаго Зубова, послѣдняго фаворита Екатерины, а чрезъ нее—съ самимъ временщикомъ.

Кромѣ этихъ вліятельныхъ людей, она близко сошлась «съ добрымъ Роджерсономъ», придворнымъ докторомъ императрицы, чрезвычайно популярнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, пользовавшимся значительнымъ вліяніемъ. Такимъ образомъ баронесса сразу составила основу быстро распространившагося вокругъ нея тѣснаго дружественнаго кружка. Она старалась отдалиться, какъ можно далѣе, отъ толпы французскихъ эмигрантовъ, которые наводняли Петербургъ и были сначала очень радушно приняты императрицей и петербургскимъ обществомъ, но мало-помалу всѣмъ надоѣли своей навязчивостью. Она, напротивъ, выдавала себя за знатную англичанку, желавшую помочь императрицѣ въ ея заботахъ о населеніи страны полезными людьми. Эта уловка, какъ нельзя болѣе, удалась ей въ отношеніи Зубова и Жеребцовой, которые терпѣть не могли французскихъ эмигрантовъ, а были большіе англофилы, оказывая всевозможныя любезности англичанамъ.

Поставивъ себѣ такимъ образомъ главной задачей, во что бы то ни стало, составить полезныя связи въ петербургскомъ обществѣ, прабабушка дѣйствовала энергично и прежде всего представилась великой княгинѣ Елисаветѣ, которой вручила привезенныя ею рекомендательныя письма. При ея аудіенціи у великой княгини присутствовалъ ея мужъ, великій князь Александръ Павловичъ; онъ оказалъ баронессѣ большое сочувствіе, обѣщаль свое покровительство и взялся передать своей матери, великой княгинѣ Маріи Теодоровнѣ, письмо отъ прусской королевы. Мало того, онъ не только прочелъ и одобрилъ прошеніе, написанное баронессой императрицѣ, но указалъ, какимъ путемъ всего успѣшнѣе подать его.

Заручившись рекомендаціей официальной и неофициальной, прабабушка приступила къ дѣйствіямъ. Вотъ какимъ образомъ она описываетъ въ письмѣ къ сестрѣ результаты своихъ хлопотъ.

«До сихъ поръ мнѣ везетъ въ моемъ предпріятіи, благодаря находившимся у меня рекомендательнымъ письмамъ. Гдѣ я ни бываю, меня принимаютъ съ уваженіемъ и дружбой, но я никому не совѣтую безъ рекомендаціи отважиться на нѣчто подобное. Въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста неудача безусловна. Императрица и министры чрезвычайно добры ко мнѣ. Я видѣла великую государыню во всемъ ея блескѣ, въ пышномъ нарядѣ и въ бриллиантовой діадемѣ на головѣ. Это было на торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ честь кавалеровъ ордена Александра Невскаго. Я никогда не видала въ жизни такъ много золота. На столахъ все было золотое, начиная съ блюдъ, съ крышками, да тарелокъ, ложекъ, ножей и вилокъ. Всего подавали шестьдесятъ три блюда, кромѣ десерта, чрезвычайно роскошнаго. Вечеромъ слѣдовалъ необыкновенный балъ, и я имѣла удовольствіе видѣть мою дорогую покровительницу танцовавшей вмѣстѣ съ молодыми членами императорской фамилии. Только великая княгиня (мать) не присутствовала

на этихъ увеселеніяхъ, такъ какъ беременна и находится на дачѣ. Что же касается великой княгини Елисаветы, то она чрезвычайно добра ко мнѣ, и я бываю у нея частнымъ образомъ въ ея личныхъ апартаментяхъ. Императрица уже прислала мнѣ шестьсотъ рублей на расходы и приказала меня помѣстить на удобной квартирѣ, а также взяла на свой счетъ всѣ расходы по содержанию меня съ сыномъ. Такимъ образомъ мы переѣхали на другую сторону Невы, въ модный кварталъ и живемъ чрезвычайно хорошо въ роскошномъ домѣ. Что касается до нашего дѣла, то оно тянется довольно долго, хотя мнѣ обѣщаютъ гдѣ-то далеко домъ и помѣстье. Первый, говорятъ, будетъ въ Херсонѣ, а послѣднее на югѣ Крыма, странѣ очень дикой и необработанной, но прекрасной по климату и плодородной».

Какъ только баронесса успѣла добиться покровительства императрицы и временщика, такъ свѣтское общество окружило ее безконечнымъ радушіемъ и любезностью. Впрочемъ, должно быть, она и сама обладала умѣніемъ привлекать къ себѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась большимъ тактомъ, благоразуміемъ и осторожностью не только на словахъ, но и въ письмахъ. «Вмѣшивающіеся въ чужія дѣла люди,—замѣчала она:—могутъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ странахъ, попадать впросакъ, но это по ихъ собственной винѣ». Она находила, что въ Россіи все прекрасно: люди—хорошіе и совершающіеся дѣла—выше всѣхъ похвалъ. Она чрезвычайно хвалила правительство и писала: «надо дѣлать большое различіе между правительствомъ неограниченнымъ и деспотическимъ. Первое въ хорошихъ рукахъ—очень мягкое; признаюсь, я его предпочитаю излишней свободѣ. Подъ его эгидой чувствуешь себя безопаснѣе отъ различныхъ козней. Удивительно, какъ здѣсь все спокойно: нѣтъ никакихъ беспорядковъ и толпы на улицѣ. Каждого за пьянство или ссору садятъ въ тюрьму на 24 часа. Двери домовъ часто остаются открытыми до часу или двухъ часовъ утра, и рѣдко слышишь о воровствахъ».

Неудивительно, что при такой политикѣ баронесса скоро очутилась среди лучшаго петербургскаго общества. Ее приглашали на обѣды, вечера, балы, театральныя представленія, концерты и т. д. Что касается до ея сына Клементія, то семнадцатилѣтній юноша былъ съ самаго начала назначенъ Зубовымъ въ гвардейскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, и такъ какъ онъ не дурно танцевалъ, то молодыя придворныя дамы наперебой танцевали съ нимъ.

«Мы часто видимся,—пишетъ прабабушка:—съ графиней Шуваловой (съ вдовою графа Андрея Петровича Шувалова), которая была гофмейстериной при великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и жила во дворцѣ. Мы часто обѣдали у нея. Она чрезвычайно добра къ намъ и хлопочетъ о моемъ дѣлѣ у министровъ. Я была два раза въ ея ложѣ въ итальянской оперѣ. Она познакомила меня со

своей дочерью, княгиней Голицыной, и съ своей золовкой, княгиней Салтыковой. Съ ними обѣими я часто вижуся. Довольно странно, что въ Петербургѣ русскіе, нѣмцы и англичане держатся совершенно отдѣльно. Русское общество исключительно дворянское. Англичане—всѣ купцы и живутъ богато, даже чудовищно богато; у нѣкоторыхъ изъ нихъ дома лучше, чѣмъ у знатнѣйшихъ аристократовъ въ Лондонѣ. Нѣмцы представляютъ смѣсь дворянства и купечества. Они происходятъ преимущественно изъ курляндскаго и лифляндскаго дворянства, а служатъ почти всѣ въ военной службѣ. На улицахъ встрѣчаются большею частью экипажи въ шесть лошадей, что дозволяется только извѣстнымъ чинамъ. Русскіе имѣютъ большой вкусъ въ архитектурѣ, но часто рядомъ съ красивымъ домомъ находится дрянной, полуразвалившійся домишко, такъ что въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, они представляютъ замѣчательную смѣсь. Военные—чрезвычайно красивые люди, въ современномъ вкусѣ, простой же народъ никогда не бреется, и у купцовъ, и также у мужиковъ, часто лица почти совершенно покрыты волосами... Я учусь русскому языку, но, признаюсь, никогда не встрѣчала такого труднаго языка, не имѣющаго ничего общаго съ другими европейскими языками, однако намъ необходимо ему научиться, такъ какъ безъ него здѣсь рѣшительно ничего нельзя сдѣлать».

Баронесса была такая практическая и дѣловая женщина, что, несмотря на неизвѣстность будущихъ благъ, она уже писала той же сестрѣ длинный списокъ вещей, которыя ей понадобятся въ крымскихъ помѣстьяхъ. Эти вещи она просила собрать у знакомыхъ, между прочимъ у герцогини Кумберландской. При этомъ она говорила, что ей «не стыдно брать у другихъ, потому что ее безжалостно ограбили». Заботясь такимъ образомъ о приготовленіяхъ къ устройству хозяйства въ крымскихъ воздушныхъ замкахъ, она терпѣливо ожидала ихъ осуществленія и попрежнему веселилась въ свѣтскомъ обществѣ. Между прочимъ она близко сошлась съ г-жей Загряжской, дочерью графа Разумовскаго. Послѣдняя такъ полюбила ее, что, въ виду отсутствія изъ Петербурга своего мужа, пригласила баронессу погостить у нея болѣе трехъ недѣль.

«Она очень добра ко мнѣ: — говоритъ прабабушка,—у нея бываетъ много народа изъ высшаго общества. Я также встрѣчаюсь тамъ съ герцогомъ Серра-Каприолли. Мы расходимся обыкновенно въ два часа. Англійскій посланникъ часто пріѣзжаетъ и днемъ, оставаясь съ нами часъ или два, весело болтая. Такъ какъ г-жа Загряжская—урожденная Разумовская и жена генераль-лейтенанта и оберъ-шенка, то живетъ очень роскошно. У нея въ домѣ тридцать слугъ, но это немного для Россіи; на примѣръ, графиня Салтыкова имѣетъ прислуги двѣсти человѣкъ».

Къ величайшему удовольствію баронессы, она часто ѣздила на придворные балы вмѣстѣ съ сыномъ, который былъ переведенъ въ артиллерію, въ чинѣ поручика. Это обстоятельство, однако, не помѣшало Зубову продолжать ему покровительствовать и сшить ему на свой счетъ всю новую экипировку. Баронесса, принимая отъ богатыхъ друзей подарки, заботилась отплатить имъ, чѣмъ могла; такъ она выписывала изъ Англіи различныя садовыя растенія для графини Шуваловой, которая была страстной любительницей садоводства.

Въ январѣ мѣсяцѣ прабабушка случайно упала въ квартирѣ г-жи Жеребцовой и повредила себѣ ногу. Императрица тотчасъ же послала къ ней доктора Роджерсона, и большинство ея великосвѣтскихъ друзей навѣщали ее каждый день, пока она не выздоровѣла. Эта болѣзнь, заставившая ее жить нѣкоторое время у сестры Зубова, дала ей возможность еще болѣе сблизиться съ семьей временщика.

«Я не могу,—пишетъ она своей сестрѣ:—рассказать тебѣ, какую баснословную жизнь я веду здѣсь. Я не рѣшаюсь открыть тебѣ, какъ я провожу свое время. Меня столько лицъ приглашаютъ, что я не могу принять всѣхъ приглашеній. Петербургъ, право, это—островъ Калипсо. Я не знаю, какъ я рѣшусь уѣхать изъ него. Жаль, что я не могу рассказать тебѣ всего, ибо много чего изъ осторожности нельзя передать бумагѣ. Если мы когда нибудь свидимся, то, Боже мой, сколько я тебѣ расскажу! Я очень долго беспокоилась о мужѣ и дѣтяхъ; они почти умирали съ голода. Но нѣсколько времени тому назадъ Зубовъ написалъ русскому посланнику въ Франкфуртѣ, графу Румянцеву, чтобы онъ позаботился о нихъ и снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ. Вчера я ужинала у княгини Голицыной, а завтра ѣду праздновать день рожденія ея мужа на дачу, находящуюся въ 13-ти верстахъ отъ города».

Между тѣмъ баронессѣ дѣлали различныя предложенія насчетъ обѣщанныхъ помѣстій, но она не торопилась выборомъ и затруднялась въ немъ. Она прямо отказалась отъ помѣстья на Днѣпрѣ, потому что графъ Клермонъ-Тоннеръ, получившій тамъ большой участокъ земли, писалъ, что, несмотря на прекрасный климатъ и траву въ ростъ человѣка, на сто миль вокругъ нѣтъ ни одного дерева, такъ какъ, по словамъ француза, все было вырублено въ послѣднія войны.

Такъ протекло время до лѣта, и графиня Шувалова предложила баронессѣ свою дачу близъ Петербурга. «Нѣтъ людей на всемъ свѣтѣ гостепріимнѣе русскихъ,—замѣчаетъ она:—но у нихъ странный и неудобный обычай—брать съ собою свою постель». Около этого времени наконецъ устроились дѣла ея мужа и семейства. Они отправились въ Россію изъ Альтенбурга, близъ котораго уже

находились французы. Графъ Румянцевъ, по порученію Зубова, выдалъ имъ на путешествіе пятьсотъ сорокъ пять гиней, и на эти деньги они пустились въ дальній путь, въ Херсонъ. Хотя еще не рѣшено было окончательно, дадутъ ли баронессѣ помѣстье въ Крыму или въ окрестностяхъ Петербурга, но на авось баронъ съ семью дѣтьми выѣхалъ на югъ Россіи, рассчитывая, что по дорогѣ онъ получитъ опредѣленный адресъ той мѣстности, куда онъ долженъ былъ ѣхать.

Послѣднее письмо прабабушки изъ Петербурга было отъ 19-го іюля 1795 года; оно такъ интересно, что его стоитъ привести цѣликомъ.

«Я уѣзжаю, — пишетъ она: — чрезъ недѣлю и буду въ пути дней шестнадцать или двадцать. Графъ Зубовъ желаетъ, чтобы я приняла на первый случай землю въ Екатеринославской губерніи, на Днѣпрѣ, ближе отсюда, чѣмъ Херсонъ. Эта мѣстность чрезвычайно плодородная. Онъ обѣщалъ построить намъ домъ въ Екатеринославѣ, но такъ какъ знаетъ, что я не люблю плоскую страну безъ деревьевъ, то посоветовалъ мнѣ поѣхать посмотрѣть весь Крымъ для выбора помѣстья, расположеннаго въ живописной мѣстности, и гдѣ находятся обильныя руды. Когда я выберу себѣ подходящую землю, то мнѣ стоитъ только написать ему, и, если она въ распоряженіи правительства, дѣло будетъ въ шляпѣ. Что касается до моего сына, то Зубовъ позволилъ ему ѣхать со мною, на сколько времени я желаю, съ сохраненіемъ жалованья; когда же онъ вернется, Зубовъ обѣщалъ позаботиться о немъ, точно также и объ остальныхъ моихъ дѣтяхъ, которыхъ я поручу ему. Онъ далъ мнѣ письмо къ своему зятю, который былъ губернаторомъ Екатеринослава; онъ поручилъ ему приготовить намъ домъ въ Екатеринославѣ и помочь намъ въ выборѣ имѣнія въ той же губерніи. Кромѣ того, онъ прислалъ мнѣ на путешествіе двѣ тысячи рублей. Наконецъ, онъ велѣлъ мнѣ сказать, чтобы я не церемонилась насчетъ земли и брала сколько хотѣла. Это прекрасно, и такъ какъ въ этой мѣстности отличная трава, то можно будетъ содержать много скота. Великая княгиня Марія прислала мнѣ 250 рублей на дорогу. Вообще я глубоко обязана своимъ здѣшнимъ друзьямъ и правительству: стоитъ только мнѣ чего нибудь попросить, и я получаю желаемое. Всѣ мои расходы въ Петербургѣ покрыты на счетъ императрицы. Прощай, милая сестра; пиши мнѣ часто, но не касайся политики, за исключеніемъ такихъ извѣстій, которыя уже напечатаны въ газетахъ; также никогда не позволяй себѣ шутокъ насчетъ этой страны или какого бы то ни было замѣчанія насчетъ здѣшняго правительства».

«Чтобы мнѣ привыкнуть къ путешествію, я надняхъ ѣздила на пикникъ въ Финляндію къ знаменитому водопаду Иматрѣ, близъ Выборга. Наше маленькое общество состояло изъ сэра Чарльса

Витворта, его племянника, г-жи Жеребцовой, ея сына и его учителя, французскаго аббата, и меня съ сыномъ. Сэръ Чарльсъ и аббатъ видѣли Шапгаузень въ Швейцаріи и говорятъ, что его нельзя сравнить съ Иматрой. Это зрѣлище превзошло всѣ наши ожиданія: представъ себѣ рѣку широкую, какъ Темза, сжатую по обѣимъ сторонамъ высокими скалами; она съ неистовой силой низвергается внизъ, образуя безконечную массу пѣны. Достигнувъ до клокочущей бездны, она съ шумомъ продолжаетъ свой путь. День былъ жаркій, и мы прилегли въ тѣни, на зеленой муравѣ, усѣянной земляникой и черникой. Зрѣлище вокругъ насъ было великолѣпное и торжественное; мы нѣсколько часовъ любовались имъ съ удовольствіемъ. Въ Выборгѣ насъ принялъ очень любезно мѣстный губернаторъ, князь Щербатовъ. Мы проѣздили всего пять дней и брали съ собой три фургона съ кроватями и провизіей, на что требовалось двадцать лошадей. Черезъ нѣсколько дней мы предприняли другую экспедицію, съ цѣлью осмотрѣть Нарвскій водопадъ. Онъ совершенно иного рода и хотя красивый, но мнѣ менѣе понравился, чѣмъ Иматра. Нарва—любопытный старинный городъ; близъ него было сраженіе Петра Великаго и Карла XII. Домикъ Петра, со многими предметами его собственнаго произведенія, заслуживаетъ вниманія. Намъ потребовалось на это путешествіе четыре дня».

Наконецъ, 16-го августа, баронесса покинула Петербургъ послѣ годового въ немъ пребыванія. «Я должна сознаться, — говоритъ она: — что уѣзжала изъ этого города съ стѣсненнымъ сердцемъ. Меня ожидала встрѣча съ моимъ семействомъ, но я должна была проѣхать громадное пространство среди народа, говорящаго на малоизвѣстномъ мнѣ языкѣ».

III.

По пути въ Екатеринославъ моя прабабушка пришла въ восторгъ отъ прекрасныхъ дорогъ, «по которымъ въ каретѣ шестерней ѣхали чрезвычайно быстро». «Почти на всемъ свѣтѣ,—прибавляетъ она,—нѣтъ лучше и шире дорогъ, такъ какъ по нимъ могутъ проѣхать по шести экипажей въ рядъ». Проѣхавъ около 800 верстъ отъ Петербурга, она остановилась въ Шкловѣ у генерала Зорича, очень богатаго человѣка, бывшаго когда-то фаворитомъ Екатерины.

«У меня было рекомендательное письмо, — пишетъ она: — и я намѣревалась остаться тамъ одинъ день, чтобы отдохнуть; но оттуда нельзя было скоро выбраться, какъ съ острова Калипсо. Мы съ сыномъ были принуждены остаться тамъ двѣнадцать дней и ночей, переходя отъ одного очарованія къ другому. Каждый вечеръ были оперы и балетъ, не хуже, чѣмъ въ Петербургѣ, затѣмъ начинался балъ, и въ 12 часовъ подавался великолѣпный ужинъ,

и это повторялось ежедневно. Именины генерала случились во время нашего пребыванія у него, и по этому случаю были еще блестящія увеселенія, въ продолженіе двухъ недѣль. По утрамъ устраивались кавалькады и карусели, которыя намъ очень нравились. Молодые люди изъ училища, открытаго Зоричемъ на свой счетъ въ Шкловѣ для мѣстныхъ дворянъ, очень ловко скакали верхомъ и отличались джигитовкой, при чемъ пиками, на всемъ скаку, поднимали перчатку съ земли и срывали голову куклы, прикрѣпленной на высококомъ шестѣ. Въ самый день его именинъ былъ обѣдъ на триста человекъ; на немъ присутствовали мѣстные поляки въ великолѣпныхъ національныхъ костюмахъ. Сынъ мой былъ очень доволенъ танцевать каждый вечеръ, хотя чаще всего тамъ танцевали польскій, танецъ очень медленный, въ сущности, походившій на простое расхаживаніе по комнатамъ подъ прелестную музыку, сопровождаемую хоромъ. Наконецъ я вырвалась изъ Шклова, но, признаюсь, была почти обязана сыграть роль ментора, который бросилъ Телемака въ воду».

Безъ дальнѣйшихъ приключеній мать и сынъ доѣхали благополучно до Екатеринослава, гдѣ чрезъ нѣсколько дней баронесса имѣла счастье свидѣться со своимъ мужемъ и остальными дѣтьми. Но это была до того энергичная и дѣятельная женщина, что на другой же день послѣ счастливаго свиданія съ семействомъ она отправилась въ Крымъ для выбора себѣ помѣстья. Ее сопровождалъ знаменитый ученый Палласъ, котораго она видѣла въ Петербургѣ. Теперь онъ жилъ въ Крыму со своимъ семействомъ и взялся быть ея проводникомъ. Эта поѣздка была тѣмъ болѣе кстати, что губернаторъ, зять Зубова, былъ въ отсутствіи, и она могла въ это время приготовить свой выборъ. Въ Крыму ей особенно понравились виноградники Судака, одинъ изъ которыхъ былъ подаренъ не задолго предъ тѣмъ Палласу, и она рѣшила, что подобный виноградникъ будетъ непременно принадлежать ей.

«Невозможно себѣ предстравить,—говоритъ она:— всю красоту южнаго берега Крыма, гдѣ море обыкновенно тихо, и горы живописны». Кромѣ Судака, она посѣтила въ Крыму Симферополь, гдѣ жили Палласы, и Бахчисарай, гдѣ она съ удивленіемъ нашла совершенно модное общество, имѣвшее слугъ, экипажи и т. д. Наконецъ она вернулась въ Екатеринославъ. Тамъ встрѣтилъ ее губернаторъ чрезвычайно радушно и чрезъ нѣсколько дней прочелъ ей полученную отъ императрицы бумагу, въ которой она подтверждала всѣ пожалованныя баронессѣ милости: именно домъ въ Екатеринославѣ, обширныя земли въ той же губерніи, помѣстье въ Крыму и еще пенсію, которою вся семья могла существовать. Баронъ нашель необходимымъ написать благодарственное письмо императрицѣ и сообщить Зубову, какое помѣстье съ виноградниками нашла жена. Вручивъ эти письма губернатору для отсылки

въ Петербургъ, баронъ и баронесса поселились въ своемъ новомъ домѣ и стали заниматься новымъ помѣстьемъ на Днѣпрѣ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ баронъ и его старшій сынъ отправились обозрѣвать свою новую землю. «Они очень довольны ею,—пишетъ баронесса:—скотъ на ней чрезвычайно хорошъ; рѣки, озера и пруды, принадлежащія намъ, прелестны и изобилуютъ рыбой. Земля наша очень плодородна, а луга даютъ 7.000 возовъ сѣна. Я съ нетерпѣніемъ жду, когда мнѣ удастся посѣтить Крамерово, какъ называется наше помѣстье, но туда нельзя ѣхать раньше, чѣмъ готовъ будетъ домъ, который поспѣетъ къ лѣту».

Дѣйствительно, лѣтомъ она поѣхала въ Крамерово, но домъ еще не былъ готовъ, и ей пришлось жить въ хижинѣ и питаться рыбою и дичью, которыхъ было въ изобиліи. Къ зимѣ она вернулась въ Екатеринославъ и въ письмахъ къ англійскимъ родственникамъ писала о странѣ, «въ которую свалилась будто съ неба». «Однако, не воображайте, что здѣсь совершенные дикари,—объясняла она:—дворянство крупное и мелкое такъ же образовано, какъ въ другихъ странахъ, а крестьяне всѣ—христіане греческой церкви, которая гораздо строже католической. Они очень умны и умѣютъ работать все, что угодно; даже женщины строятъ дома и печки. Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что то и другое дѣлается изъ дерева, но печки обыкновенно складываются изъ сучьевъ, которые артистически свиты и покрыты глиной. Единственный инструментъ, которымъ производятся всѣ работы,—топоръ. Мужская одежда такова, что, пока къ ней не привыкнешь, поселяне похожи на медвѣдей. Женщины лѣтомъ носятъ длинную рубашку, застегнутую на горлѣ, и, кромѣ того, кусокъ шерстяной матеріи, служащій имъ юбкой, связанной кушакомъ на тальѣ. Зимой они надѣваютъ овчинные тулупы, какъ мужчины. Въ Крыму поселяне преимущественно татары и магометане, но очень хорошій народъ. Мы еще не получили тамъ имѣнья, но надѣемся, что все обдѣлается къ будущей зимѣ. Крымъ славится плодоносной землей, и она никогда не нуждается въ удобреніи, и стоитъ бросить только сѣмя въ землю, чтобы получить богатую жатву. Вообще въ Россіи мужчины и женщины любятъ водку; за стаканъ ея они готовы сдѣлать все на свѣтѣ. Они пьютъ до такой степени, что прошедшей зимой одна женщина, пропивъ зашоемъ три, четыре дня, сгорѣла внутреннимъ пламенемъ. Говорятъ, что это часто здѣсь случается. Удивительно, что изъ-за пьянства не происходитъ ссоръ; пьяницы полагаютъ, что они напившись находятся на небѣ, и потому чувствуютъ себя въ самомъ лучшемъ настроеніи».

Такимъ образомъ протекло время до начала 1797 г., и баронесса съ мужемъ стали очень беспокоиться о своей будущности, такъ какъ не получали никакого отвѣта изъ Петербурга насчетъ Крымскаго имѣнья и пенсіи. Оказалось, что письма барона къ импе-

рагрицѣ и Зубову вовсе не были отправлены губернаторомъ, но онъ взялся самъ исправить эту ошибку во время своего предстоящаго пребывания въ Петербургѣ. Однако, онъ съѣздивъ въ столицу и вернулся назадъ, не передавъ писемъ. Тогда явилась необходимость лично отправиться баронессѣ и ея мужу въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ.

Пока они собирались въ это долгое путешествіе, случилась неожиданная смерть «миллой, доброй, прелестной императрицы», какъ прабабушка называла Екатерину, и баронессѣ грозила совершенная перемѣна въ существованіи. Она вмѣстѣ съ мужемъ и старшимъ сыномъ поспѣшила въ Петербургъ.

Будущность всего семейства рисовалась въ мрачныхъ краскахъ, такъ какъ оно не было нимало обезпечено, и хотя новая императрица была надежнымъ другомъ баронессы, а великая княгиня Елисавета одинаково благоволила къ ней, но ей трудно было надѣяться на капризную натуру императора Павла. Однако ловкая, практическая женщина сумѣла при свиданіи съ нимъ такъ обойти его, что онъ осыпалъ ее милостями. Она представилась не бывшей protégé Зубова, но жертвой, какъ его безпечности, такъ и непростительнаго поведенія его зятя. Оказалось, что это былъ лучший способъ снискать благосклонность императора. Онъ терпѣливо выслушалъ ея печальную исторію и немедленно подарилъ ей двѣсти душъ и помѣстье близъ Нарвы, на берегу Финскаго залива, называвшееся Ропшей, какъ и извѣстное царское помѣстье подъ Петербургомъ.

Дѣла семейства Боде поправились. Новое ихъ имѣніе состояло изъ шести деревень; съ одной его стороны протекали двѣ судоходныя рѣчки, а съ другой лежало море. Громадные лѣса примыкали къ землѣ, и такъ какъ она находилась въ ста тридцати верстахъ отъ Петербурга, то прабабушка рѣшила сдѣлать его, несмотря на сѣверное положеніе, резиденціей всего семейства. Баронъ долженъ былъ тотчасъ поѣхать въ Крамерово и продать его, а также привезти дѣтей. Хотя въ письмахъ баронессы не упоминается ни одного слова, что она добилась укрѣпленія за ними, какъ Екатеринославскаго помѣстья, такъ и Судакскаго виноградника, но этотъ фактъ ясенъ самъ по себѣ изъ продажи перваго и сохранившагося въ семейныхъ преданіяхъ воспоминанія о завѣдываніи впослѣдствіи виноградникомъ однимъ изъ сыновей баронессы, барономъ Александромъ Карловичемъ Боде.

Что же касается до самой прабабушки, то она осталась въ Петербургѣ, чтобы быть поближе къ имѣнію, гдѣ она вскорѣ выстроила хорощенькій домикъ на высокомъ берегу рѣки Мертвицы. Она посѣтила при этомъ всѣ свои деревни, расположенныя чрезвычайно живописно среди рѣкъ, озеръ и лѣсовъ. Благодаря близости Петербурга, она постоянно ѣздила въ столицу и снова возобно-

вила свои аристократическія связи, въ особенности съ г-жею Загряжской. Лѣтомъ ея дача находилась рядомъ съ великолѣпной виллой графа Строгонова, съ пріятнымъ семействомъ котораго баронесса была близка. Напротивъ Строгонова на Каменномъ островѣ жилъ бывшій польскій король, нѣкогда фаворитъ Екатерины. Онъ былъ еще красавцемъ, несмотря на свою старость, чрезвычайно любезенъ со всѣми и давалъ великолѣпные балы, на которыхъ бывала прабабушка.

Въ концѣ года, столь счастливаго для баронессы, случилось, однако, большое несчастье. Ея мужъ, находясь съ дѣтьми въ Крамеровѣ, помѣстился въ хижинѣ, такъ какъ домъ еще не былъ готовъ, гдѣ простудился и скоропостижно умеръ. Бѣдная вдова была въ отчаяніи и рѣшилась послать старшаго сына за остальными дѣтьми, но и онъ заболѣлъ, такъ что ей пришлось ѣхать самой. Несмотря на горе, обычная матеріальная удача не оставляла ея. Великая княгиня Елисавета и ея мужъ Александръ Павловичъ были чрезвычайно милостивы къ ней и не только приняли на свой счетъ ея путешествіе, но и путевые расходы всего ея семейства. Кромѣ того, ея пріятели, константинопольскій посланникъ Тамара и его жена, пригласили ее ѣхать съ ними до Москвы.

Прежде ея отъѣзда, она сдѣлала выгодную аферу, продавъ князю Куракину четыре деревни около своего имѣнія Ропши и взявъ еще въ промѣнъ одну деревню. Такимъ образомъ у нея осталось 2.928 десятинъ земли, и она получила довольно значительную сумму денегъ, на проценты съ которыхъ могла воспитывать своихъ дѣтей. «Хотя земля не такая плодородная, какъ на югѣ Россіи,—замѣчаетъ она съ чисто практической расчетливостью,—но трехъ деревень мнѣ будетъ достаточно для прожитія, такъ какъ по близости Петербурга можно возить оттуда дрова и сѣно. Несмотря на все, у насъ осталось до 5 миль морского берега и судоходная рѣка, хотя здѣсь нельзя отдавать землю фермерамъ, какъ въ Англіи. Ее надо воздѣлывать самому или имѣть управляющаго, что очень убыточно, такъ какъ управляющій обыкновенно обманываетъ, поэтому здѣсь предпочитаютъ отпускать крестьянъ на оброкъ, получая съ нихъ по столыку-то съ души. Этотъ способъ, однако, приноситъ доходу въ десять разъ меньше, чѣмъ можно было бы выручить изъ помѣстья».

Достигнувъ Крамерова, баронесса должна была остаться тамъ и въ Екатеринославѣ около года, для устройства своихъ дѣлъ. Наконецъ продажа имѣнія состоялась, но очень убыточная, и, забравъ все свое семейство, она возвратилась въ октябрѣ 1799 г.

Между тѣмъ старшій ея сынъ, Клементій, былъ назначенъ матерью полнымъ хозяиномъ имѣнія Ропши. Онъ выстроилъ большой одноэтажный домъ, и въ немъ поселились мать и всѣ дѣти. Однако, сначала ему не повезло въ хозяйствѣ, и въ морѣ погибло одно изъ построенныхъ имъ судовъ, нагруженное дровами. Хотя баро-

несса и поручила всѣ дѣла сыну, но все-таки дѣятельно занималась домоводствомъ. Особенно она хвалитъ въ своихъ письмахъ крестьянокъ, которыя работаютъ, по ея словамъ, гораздо больше и лучше, чѣмъ на югѣ. «Онѣ, наравнѣ съ мужчинами, рубятъ деревья, управляютъ лошадьми и занимаются всѣми сельскими работами, что не мѣшаетъ имъ ткать и шить».

Въ 1800 году прекращается на время переписка баронессы съ сестрами, такъ какъ письма, отправленныя изъ Россіи въ Англію, возвращались назадъ въ виду воинственныхъ отношеній обѣихъ странъ. 15 апрѣля слѣдующаго года переписка снова возобновилась. Въ Петербургѣ все уже измѣнилось, и она писала:

«Теперь всюду распространена надежда, что въ безпокойной Европѣ вскорѣ водворится миръ и спокойствіе. Великое событіе, случившееся здѣсь, заключается въ восшествіи на престолъ Александра I-го, которое наполнило радостью всѣ сердца. Онъ и его ангельская императрица просто обожаемы. Трудно описать восторгъ, овладѣвшій всѣми; я полагаю, что нѣтъ на свѣтѣ другой такой прекрасной четы; ихъ сердца созданы для того, чтобы царствовать и дѣлать счастливыми многочисленный народъ. Первые дни своего царствованія они посвятили заботамъ о томъ, чтобы сдѣлать счастливыми несчастныхъ, опечаленныхъ прошедшимъ царствованіемъ. Каждый классъ народа вскорѣ почувствовалъ облегченіе, и счастливые дни великой Екатерины снова возобновились. Мы видѣли Павла I на его смертномъ одрѣ и его богатыя похороны. Послѣ того мы были въ Михайловскомъ дворцѣ: онъ намъ показался маленькимъ въ сравненіи съ Зимнимъ дворцомъ, но онъ до того роскошенъ, что мнѣ невольно казалось, будто я нахожусь въ волшебномъ замкѣ. Говорятъ, что онъ стоитъ безъ мебели и украшеній семь милліоновъ рублей. Во многихъ комнатахъ стѣны обвѣшаны бархатомъ и золотыми матеріями. Каминны сдѣланы изъ агата, сердолика и другихъ драгоценныхъ сибирскихъ камней. У вдовствующей императрицы я была съ дочерью Маріей частнымъ образомъ, а при дворцѣ новаго императора мы были уже два раза».

Во Франціи въ это время водворился первымъ консуломъ Наполеонъ, и новый порядокъ вещей обѣщалъ эмигрантамъ не только разрѣшеніе вернуться въ отечество, но и возвращеніе ихъ имущества. Какъ практическая и дѣловая женщина, прабабушка вздумала вернуть себѣ свои Эльзасскія помѣстья. Съ этой цѣлью она отправилась въ Германію, Эльзасъ и Парижъ. Предъ отъѣздомъ она представилась вдовствующей императрицѣ. «Ничего нельзя себѣ представить,—говоритъ она:—болѣе лестнаго и милостиваго, какъ обращеніе со мною. Молодая императрица также приняла меня частнымъ образомъ. Она только что возвратилась съ прогулки верхомъ и сидѣла въ прелестномъ *pegligé*. Она болѣе часа продержала меня и мою дочь, разговаривая съ нами съ необыкновеннымъ радушіемъ».

Она обѣщала покровительствовать другимъ моимъ дѣтямъ и просила не забывать ея, когда прїѣду опять въ Петербургъ».

Въ концѣ 1801 г. баронесса отправилась съ дочерью Маріей и сыномъ Генрихомъ во Францію, гдѣ прежде всего заглянула въ свой Сульцъ, который во время революціи былъ проданъ и частью переданъ въ аренду. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что на немъ лежало баронскаго долга 13.000 фунтовъ стергинговъ. На мѣстѣ она ничего не могла выхлопотать, а поѣхала въ Парижъ, по совѣту мѣстныхъ жителей. Однако ей не повезло и во французской столицѣ. Первый консулъ ненавидѣлъ англичанъ, а у баронессы не было другой протекціи, какъ лордъ Витвортъ, тогда посланникъ въ Парижѣ. Естественно, что онъ не оказалъ ей никакого покровительства, и она, боясь, что ее засадятъ въ тюрьму за долги, если она вернется въ Сульцъ, поѣхала обратно въ Россію, по совѣту русскаго посланника.

По возвращеніи домой она проводила время среди своихъ знатныхъ знакомыхъ въ Петербургѣ, пользовалась милостями коронованныхъ особъ, которыя воспитывали на свой счетъ ея дѣтей, и жила весело нѣкоторое время въ имѣніи. Сдѣлавшись въ послѣднее время полнымъ хозяиномъ, ея сынъ, баронъ Клементій Карловичъ, женился на миссъ Гарднеръ, дочери богатаго англичанина, члена англійской колоніи и основателя извѣстнаго въ Петербургѣ англійскаго клуба. Однако дѣла дѣда шли не очень блестяще, такъ какъ онъ потерялъ три судна, погибшія въ морѣ со всѣмъ экипажемъ. Остальныя семеро дѣтей баронессы—четыре мальчика и три дѣвочки—были благополучно размѣщены по различнымъ учебнымъ заведеніямъ, институтамъ и полкамъ.

23-го февраля 1803 года кончается переписка прабабушки съ ея сестрами, и въ послѣднемъ ея письмѣ заключается любопытный взглядъ на всю ея жизнь.

«Наша добрая императрица,—пишетъ она:—обѣщала мнѣ пенсію, на которую я буду жить независимо, и это меня очень успокоитъ. Я такъ и писала ей; главное меня радуетъ, что мнѣ не придется болѣе надѣдаться ей своими просьбами. Смотри теперь на мое прошедшее, я не могу не сказать, что климатъ того уголка Франціи и Германіи, въ которомъ я провела столько счастливыхъ лѣтъ, не можетъ сравниться съ здѣшнимъ. Я также вспоминаю съ сожалѣніемъ моихъ друзей въ Германіи и Франціи. Россія, теперешняя моя единственная родина, такъ далека отъ всего, что мнѣ было дорого въ прежнее время, но теперь въ Россіи у меня столько хорошихъ друзей и знакомыхъ, что я не могу нахвалиться ими. Вмѣстѣ съ тѣмъ я должна быть вѣчно благодарной русскимъ за ихъ гостепрїимство и императорской фамиліи за ея великія милости».

Почему прабабушка перестала писать своимъ сестрамъ,—нѣтъ никакого свѣдѣнія, и послѣднія девять лѣтъ ея здоровье стало за-

мѣтно ослабѣвать, но все-таки она попрежнему разтѣзжала между Петербургомъ и Ропшей, навѣщала богатаго милліонера, шотландца Гаскойна, строителя оружейнаго завода въ Петрозаводскѣ, и даже съѣздила въ Англію навѣстить родственниковъ. Последнее событіе упоминается въ ея книгѣ «*Recit d'aventures*», изъ которой Пембертонъ приводитъ отрывокъ. Здѣсь еще разъ мы встрѣчаемъ описаніе придворной пышности, къ которой она такъ привыкла. Вдовствующая императрица пригласила ее съ старшей дочерью въ Павловскъ. «Тридцать человекъ обѣдало за столомъ,—пишетъ она:— тутъ были великій князь Константинъ, великія княжны, Марія и Екатерина, эрцъ-герцогъ Палатинъ, а также герцогъ и герцогиня Вюртембергскіе. Всѣ гости держались безъ стѣсненія, и ея величество разговаривала съ каждымъ. Послѣ обѣда перешли въ залъ, гдѣ пили кофе; затѣмъ императрица пригласила насъ сопровождать ее въ ея апартаменты, а потомъ въ садъ. Она уговаривала насъ остаться въ Павловскѣ вечеромъ, такъ какъ будетъ спектакль, но лэди Ворэнъ, съ которой мы ѣздили къ императрицѣ, почувствовала себя нездоровой, и мы должны были вернуться въ Петербургъ. Императрица сказала, что она надѣется видѣть меня вскорѣ въ Россіи послѣ пріѣзда изъ Англіи, и она не сомнѣвается, что въ мое отсутствіе будутъ обращаться съ моими дочерьми хорошо, подѣ ея покровительствомъ. Какъ она была милостива и обязательна! Какъ мать можетъ быть спокойна, имѣя для своихъ дѣтей такихъ покровителей».

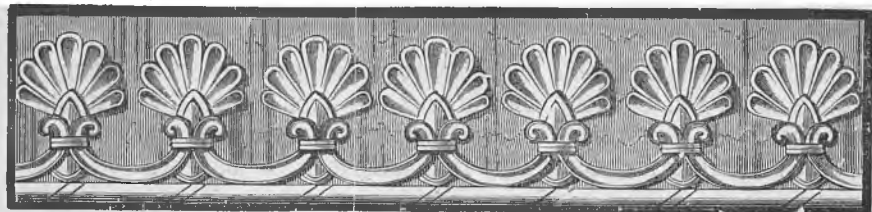
Смерть прабабушки была такъ же романтична, какъ вся ея жизнь. Зимой она отправилась къ своему сыну, Александру, въ Крымъ, такъ какъ надѣялась, что теплый климатъ принесетъ пользу ея здоровью. По дорогѣ въ Москвѣ она остановилась у г-жи Самариной, дочери графини Шуваловой, и за совершеннымъ упадкомъ силъ принуждена была оставаться тамъ до весны 1812 года. Узнавъ о движеніи на Москву арміи Наполеона, она говорила со страхомъ:

— Боже мой, неужели французы прогонятъ меня также изъ этой страны, которая служить мнѣ спасительнымъ убѣжищемъ?

Однако, судьбѣ было не угодно допустить ее до вторичнаго бѣгства отъ французовъ, такъ какъ она умерла въ Москвѣ на шестидесятомъ году отъ роду, незадолго до вступленія Наполеона въ Москву.

В. А. Тимирязевъ.

ЮНЫЕ АДМИНИСТРАТОРЫ ВЪ БОЛГАРИИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ИХОДЪ въ Турцію въ 1877 году я дѣлалъ съ однимъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, въ которомъ служилъ и съ которымъ дошелъ до Силиври, что на Мраморномъ морѣ. Въ этомъ городѣ, послѣ занятія Санъ-Стефано, когда наша гвардія уже расположилась подъ стѣнами Константинополя, во всѣ гвардейскіе полки былъ присланъ вызовъ офицерамъ, желающимъ быть временно командированными въ распоряженіе завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандовавшемъ дѣйствовавшей арміей. Въ виду нѣкоторыхъ личныхъ обстоятельствъ, желая остаться дольше за предѣлами Россіи для поправленія здоровья, я, въ числѣ другихъ офицеровъ полка: штабсъ-капитана В. и поручика К., заявилъ о своемъ желаніи быть командированнымъ, хотя и побаивался этой командировки, не будучи знакомъ съ гражданской службой.

11-го марта 1878 года, послѣ товарищескихъ проводовъ, съ грустью въ сердцѣ, я покинулъ городъ Силиври, оставляя родной полкъ. Изъ Силиври мы всѣ трое отправились въ Санъ-Стефано, по прибытіи куда представились исправлявшему должность завѣдующаго гражданскими дѣлами Болгаріи, генералу Анучину. Отправивъ предварительно своихъ людей и лошадей въ городъ Четалджу, гдѣ послѣдніе должны были ожидать дальнѣйшихъ нашихъ распоряженій, мы рассчитывали, что скоро получимъ назначеніе по гражданской части.

Однако назначеніе это послѣдовало лишь черезъ мѣсяць; лучше сказать, мы были задержаны въ Санъ-Стефано, хотя и были на-

значены въ распоряженіе софійскаго губернатора Алабина и предназначались для занятія должностей въ Македоніи. Я былъ даже назначенъ въ Демотику. Нашъ выѣздъ къ мѣсту назначенія затянулся вслѣдствіе осложненія политическаго вопроса о Македоніи.

Сѣтовать, однако, на это замедленіе мы не могли; намъ было выдано невзачетъ 2-хъ-мѣсячное содержаніе, какъ начальникамъ округовъ, считая по 17 полуимперіаловъ въ мѣсяцъ. Содержаніе это было выдано въ видѣ подъемныхъ и, кромѣ того, прогоны по занимаемой должности на 4 лошади до города Софіи, что вмѣстѣ составило съ прибавкой невольно оставшейся экономіи отъ похода, ибо въ походѣ тратить было некуда, довольно значительную сумму, при выдачѣ которой намъ еще была объявлена полная свобода на неопредѣленное время, съ разрѣшеніемъ отправиться даже на жительство въ Константинополь.

Такъ какъ въ Санъ-Стефано пріискать помѣщеніе было трудно, то мы и отправились въ Константинополь, гдѣ наняли себѣ комнаты въ одномъ изъ небольшихъ отелей, оказавшемся впослѣдствіи занятымъ уже артистами изъ театра Конкордія, съ которыми мы очень часто проводили время за общимъ табльдотомъ.

Въ Константинополѣ мы жили въ этомъ отелѣ, пользуясь большими удобствами, и, будучи офицерами одной гвардейской дивизіи, жили припѣваючи. Къ нашей компаніи, между прочимъ, скоро присоединился извѣстный писатель Крестовскій, и жизнь пошла еще интереснѣе, такъ что время пролетѣло настолько быстро, что мы не успѣли приготовиться къ отъѣзду въ Софію, т. е. закупить все необходимое для обстановки.

Между тѣмъ было получено приказаніе отправиться въ Софію; пришлось снимать штатское платье, и тутъ только я вспомнилъ о своихъ людяхъ и лошадяхъ, оставленныхъ въ Четалджѣ. Сѣвъ на поѣздъ, я отправился туда. Пріѣхавъ въ Четалджу, я долженъ былъ пройти довольно большое разстояніе пѣшкомъ, пока разыскалъ своего денщика. Сдѣлавъ всѣ распоряженія къ отъѣзду, поставивъ на поѣздъ лошадей, я вновь отправился въ Константинополь, откуда мы уже всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Софію.

По прибытіи въ Софію, мы явились къ губернатору Алабину, отъ котораго узнали, что собрались уже всѣ «македонцы», такъ называли офицеровъ, предназначенныхъ въ эту мѣстность. Съ грустью мы узнали отъ Алабина, что ѣхать намъ къ мѣсту служенія еще нельзя, и мы вновь должны ждать неопредѣленное время, ничего не дѣлая, получая, однако, содержаніе по мѣсту.

Нанявъ болгарскую «кышту» (домъ; хорошихъ домовъ не было, Софія представляла собою маленькій разоренный городишко), мы, однополчане, помѣстились втроемъ, устроившись вполне на мирномъ положеніи.

Вскорѣ насъ стала одолѣвать, за неимѣніемъ книгъ и общества, страшная тоска, вслѣдствіе чего я обратился къ губернатору Алабину съ просьбою дать мнѣ какое либо занятіе. На мою просьбу онъ мнѣ предложилъ заняться нумераціей домовъ города Софіи и наименованіемъ улицъ этой будущей столицы Болгаріи. Несмотря на всю скучную обстановку набиванія №№ на дома, я въ виду интереса присканія названій улицамъ согласился и сталъ заниматься этимъ дѣломъ. Названія улицъ я придумывалъ по боевымъ событіямъ, по главнымъ городамъ Россіи и по именамъ выдающихся дѣятелей по освобожденію Болгаріи.

Списки просматривались губернаторомъ, послѣ чего названія переписывались на желѣзныя дощечки масляною краскою и торжественно мною прибывались при посредствѣ болгарскихъ жандармовъ (полиціи) на углахъ и поворотахъ софійскихъ улицъ. При этомъ меня всегда сопровождала большая толпа зѣвакъ; для болгаръ названіе улицъ было дѣло совершенно новое и очень ихъ интересовало. Номера на дома набивать было труднѣе, ибо много было разоренныхъ домовъ и пустопорожнихъ мѣстъ. Приходилось разыскивать имена хозяевъ посредствомъ опросовъ; имена эти вносились тутъ же, уже подъ номеромъ, въ списки болгаринномъ, полицейскимъ надзирателемъ, который находился въ моемъ распоряженіи. Такимъ образомъ городъ Софія съ его обитателями былъ мною вполне изученъ, хотя занятіе это продолжалось недолго, такъ какъ городъ былъ разоренъ.

Въ теченіе нашего пребыванія въ Софіи гражданская часть Болгаріи получила самостоятельность, и былъ назначенъ императорскій русскій комиссаръ, генераль-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, приказомъ котораго, отъ 30-го мая, мы были откомандированы въ распоряженіе адрианопольскаго губернатора.

При отправленіи насъ въ Адрианополь намъ было предложено явиться въ Филиппополь къ князю Дондукову-Корсакову, куда мы и отправились 30-го мая, купивъ для переѣзда лошадей и экипажъ, въ которомъ и доѣхали до самаго Филиппополя. Генераль-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ на пріемѣ объяснилъ намъ, что главная наша обязанность слѣдить за успѣшнымъ поступленіемъ податей, а равно и во всемъ остальномъ управлять уѣздами Адрианопольскаго санджака (губерніи).

Выйдя изъ пріемной князя, мы порѣшили ѣхать далѣе всѣ вмѣстѣ до Адрианополя, куда немедленно и отправились по желѣзной дорогѣ.

Прибывъ въ г. Адрианополь, мы представились адрианопольскому военному губернатору, генераль-лейтенанту Липинскому. Онъ принялъ насъ въ очень короткой аудіенціи, объявивъ, что ему нѣтъ времени съ нами бесѣдовать, что и было понятно, такъ какъ онъ былъ и начальникомъ штаба корпуса.

Генераль Липинскій приказаль намъ отправиться къ вице-губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику Баумгартену, который, по словамъ генерала Липинскаго, долженъ былъ намъ все разсказать, указать и познакомить насъ съ нашей новой дѣятельностью; къ нему мы тотчасъ и отправились, обрадованные, что наконецъ насъ посвятятъ во всѣ тайны гражданскаго управленія. Вице-губернаторъ Баумгартенъ, служившій ранѣе въ лейбъ-гвардіи Гродненскомъ гусарскомъ полку и по выходѣ изъ полка состоявшій на гражданской службѣ, былъ командированъ въ Болгарію въ распоряженіе императорскаго комиссара. Явившись къ нему, мы были крайне удивлены и озадачены, когда за разъясненіемъ нашихъ обязанностей онъ намъ предложилъ обратиться къ краткому сборнику описаній гражданскаго управленія при туркахъ (доподлинно не помню названія этой брошюры въ нѣсколько страницъ). Тутъ же Баумгартенъ предложилъ намъ разыграть округа въ лотерею; мнѣ ужасно хотѣлось попасть на Мраморное море, но жребій выпалъ на округъ Узунъ-Кепри, что означаетъ «длинный мостъ». Городъ этотъ лежитъ на желѣзной дорогѣ, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Адрианополя.

Разыгравъ Адрианопольскій санджакъ въ лотерею, мы всѣ гурьбою отправились въ лучшую адрианопольскую гостиницу. Каждый изъ насъ захватилъ съ собою брошюрку; было постановлено прочесть и собраться вечеромъ, въ назначенный часъ, на совѣтъ, такъ сказать, на административное (корнетское) засѣданіе.

Въ назначенный часъ, вечеромъ, всѣ юные администраторы были налицо; усѣлись по-настоящему за столъ и открыли засѣданіе, выбравъ предсѣдателя и секретаря. Послѣднимъ, если не ошибаюсь, былъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка поручикъ графъ Стенбокъ-Ферморъ.

Въ первой очереди выяснили положеніе окружныхъ начальниковъ; при турецкомъ правительствѣ такой начальникъ назывался «каймаканъ», названіе это, вѣроятно, дано было потому, что, какъ первое лицо въ округѣ, и притомъ обезпеченное, каймаканъ имѣетъ возможность пить кофе съ каймаканомъ, т. е. съ наваромъ въ видѣ пѣнокъ. Каймаканы жили въ особыхъ казенныхъ зданіяхъ и представляли собою мѣстную, высшую, административную власть, имъ подчинялись совѣты: административный и судебный, состоявшіе изъ предсѣдателя и выборныхъ отъ народа, а равно и казначейская часть. Каймаканы обязаны были слѣдить за точнымъ исполненіями всѣми служащими чинами въ округѣ ихъ обязанностей, озабочиваясь и своевременнымъ поступленіемъ податей. Въ распоряженіи каймакана находилась вся полиція, и вообще до него касалось все въ районѣ его вѣдѣнія.

Такихъ административныхъ засѣданій у насъ было нѣсколько, и постепенно мы начали примѣняться къ новому положенію.

По разсмотрѣніи главныхъ обязанностей нашей будущей дѣятельности, т. е. отвѣтивъ на вопросъ: «что надо будетъ дѣлать?» — мы перешли къ вопросу: «какъ сдѣлать?» и послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ, вспомнивъ курсъ администраціи, мы выработали форму книгъ и журналовъ по дѣлопроизводству, добиваясь ясности и однообразія, равно установили форму книгъ для сбора податей. Податныя книги были установлены такъ, чтобы номерной корешокъ квитанціи съ распиской получателя оставался при книгѣ, а оторванная квитанція выдавалась плательщику. Такимъ образомъ, выяснивъ всѣ вопросы, мы заказали по одному образцу книги, бланки, журналы и т. п., книги зашнуровали, припечатали и представили вице-губернатору, послѣ чего всѣ разѣхались по своимъ округамъ.

Выработанное нами положеніе было представлено губернатору и оказалось въ послѣдствіи настолько удовлетворительно, что почти цѣликомъ было взято для Сѣверной Болгаріи.

Пріѣхавъ въ Узунъ-Кепри, я представился командиру корпуса, генералу Ганецкому, который назвалъ меня маленькимъ губернаторомъ, объявивъ, что прикажетъ временно завѣдующему городомъ сдать мнѣ текущія дѣла; поселился я, какъ и слѣдуетъ каймакану, въ конакъ, воспользовавшись прекрасной квартирой моего турецкаго предмѣстника, гдѣ мнѣ и представлялись всѣ мѣстныя власти.

Совѣты уже существовали, такъ что мнѣ только оставалось назначить казначея, что я и сдѣлалъ, назначивъ, по указанію мѣстныхъ старожилловъ, одного изъ богатыхъ жителей, престарѣлаго турка, Сулеймана-эффенди; ему я и вручилъ книги по сбору податей, какъ-то: книгу «эмлякъ» съ имущества, книгу на «ашаръ» (т. е. десятинный сборъ, по которому десятая часть урожая отходила въ казну, будучи продана въ Адрианополѣ съ торговъ), «бегликъ» — подать съ овецъ; «серчимъ-перчимъ» (т. е. подать со свиней и чубовъ, носимыхъ на головѣ; современемъ эта послѣдняя подать была отмѣнена императорскимъ комиссаромъ, какъ обидная для жителей) и проч. и проч.

Самый трудный вопросъ для меня былъ найти толковаго правителя канцеляріи; за неимѣніемъ лицъ, годныхъ для этого дѣла, пришлось назначить полуграмотнаго болгарина Христу, и то больше изъ жалости: очень онъ много рассказывалъ о своихъ бѣдствіяхъ въ Эскизагрѣ.

Словомъ дѣлопроизводство было настолько трудно, что пришлось все вести самому лично, довѣривъ секретарю лишь входящія и исходящія журналы.

Главная моя дѣятельность состояла, какъ я уже говорилъ, въ наблюденіи за поступленіемъ податей; денегъ поступало довольно много, которыя я постоянно отвозилъ подъ конвоемъ въ Адрианополь и сдавалъ въ казначейство. Помню, разъ получаю телеграмму отъ губернатора съ приказаніемъ привезти немедленно всѣ имѣющіяся

деньги въ Адрианополе. Телеграмма пришла какъ разъ утромъ въ царскій день; въ виду экстренности я занялся немедленно приѣмомъ денегъ отъ казначея; на молебствіе, назначенное корпуснымъ командиромъ, на площади, я не пошелъ, а послалъ за себя заступающаго мое мѣсто во время моего отсутствія, предсѣдателя административнаго совѣта Чумакова, приказавъ, совмѣстно съ другими представителями уѣзда, принести поздравленіе корпусному командиру, какъ старшему, съ высокаторжественнымъ днемъ. Занимаюсь спокойно приѣмкой денегъ. Прибѣгаетъ жандармъ и докладываетъ, что меня къ себѣ требуетъ корпусный командиръ. Уже полъ-стола было занято столбиками золотыхъ монетъ, которыя я уже принялъ; уходить не было никакой возможности, надо было окончить приѣмку тѣмъ болѣе, что поѣздъ желѣзной дороги ходилъ только разъ въ день.

Сказавъ жандарму, что я занятъ службой и не могу отлучиться, продолжалъ свое занятіе. Къ моему удивленію, за первымъ жандармомъ послѣдовательно вскорѣ пришли еще два съ тѣмъ же приказаніемъ. Окончивъ свои занятія, запечатавъ мѣшки и представивъ часовыхъ, я отправился домой и, надѣвъ соответствующую форму, явился къ командиру корпуса, котораго засталъ въ большой залѣ его дома, окруженнаго массою офицеровъ. Я крайне былъ удивленъ, когда генераль сталъ мнѣ громко высказывать неудовольствіе, что я не явился на парадъ. Я доложилъ, что я занимался службой.

«Какой? — спрашиваетъ генераль: — въ этотъ день?» Говорю деньги принималъ. «Какія деньги? выбросить всѣ деньги!» Слушаю, говорю, исполню по полученіи предписанья! «Ну, ну, садитесь, будемъ пироги ѣсть».

Но мнѣ не удалось воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ гостепріимнаго хозяина, ибо я торопился къ отходу поѣзда, о чемъ я и доложилъ командиру корпуса.

По выраженному командиромъ корпуса желанію, видѣть на церковномъ парадѣ кметовъ (старшинъ) отъ селъ всего округа, отъѣзжая, я приказалъ временно заступающему мое мѣсто вызвать кметовъ большихъ селъ, но послѣдній вызвалъ всѣхъ, а таковыхъ въ округѣ было около трехъ сотъ, и вотъ по окончаніи парада онъ подходитъ во главѣ чиновниковъ и кметовъ съ поздравленіемъ. Генераль въ этотъ моментъ былъ безъ фуражки, и ему пришлось выдержать поздравленія, по очереди, всей этой толпы. Хорошо, что начальникъ штаба распорядился ихъ группировать, ибо солнце страшно жгло.

Мнѣ часто приходилось объѣзжать округъ, для очищенія и поимки разбойниковъ и по другимъ случаямъ, при чемъ меня всегда сопровождали казаки и мѣстные «залти» (полицейскіе). При объѣздѣ округа я нашелъ одно изъ большихъ селъ опустѣвшимъ, жители переселились въ Малую Азію и ушли внезапно, не успѣвъ даже

продать хлѣбъ, частью собранный въ скирдахъ, а частью даже нескатый. Переселеніе это приняло широкіе размѣры, въ виду распространившихся слуховъ, что Адрианопольскій санджакъ отойдетъ къ Болгаріи.

Чрезвычайно было трудно установить охрану брошеннаго имущества, пришлось много ѣздить и наблюдать лично, а средствъ для охраны не было почти никакихъ, кромѣ полицейскихъ, въ большинствѣ турокъ. Поставивъ сторожей и установивъ разѣздную службу, я донесъ по телеграфу о найденныхъ мною богатствахъ въ Адрианополь по начальству. Немедленно было дано распоряженіе по всѣмъ округамъ составить точныя описи, послѣ чего по таковымъ были назначены торги въ Адрианополь. Сумма за вырученный въ моемъ округѣ хлѣбъ, сколько помню, достигала до 20 тысячъ франковъ, что въ совокупности съ другими округами составило крупную цифру. Ко мнѣ явился извѣстный въ Турціи хлѣботорговецъ г. Кирбязи и представилъ мнѣ квитанцію о взносѣ въ казначейство денегъ за купленный на торгахъ хлѣбъ, которую я и заприходовалъ, что впоследствии сбило меня, не твердаго въ бухгалтеріи, съ толку, ибо налицо денегъ не было, а я, при повѣркѣ суммъ, до того засчитался, что не могъ скоро сообразить, что квитанція есть тѣ же деньги. По округу потомъ я ѣздилъ свободно съ двумя казаками. Жители ко мнѣ привыкли, а турки особенно довѣрчиво ко мнѣ относились, послѣ того какъ я оказалъ покровительство вдовѣ турецкаго билибаши (батальоннаго командира), снабдивъ ее одеждой и пищею; у вдовы была дочь Фатьма, обѣ онѣ приходили ко мнѣ и обѣдали ежедневно, при чемъ не закрывались яшмакомъ (покрывало на лицѣ).

Населеніе объ этомъ узнало, и я черезъ это получилъ между турками популарность, такъ что никакіе разбойники для меня не были страшны, почему я и ѣздилъ только съ двумя казаками по округу. Впоследствии мнѣ удалось отправить мать и дочь въ Константинополь, куда ихъ вызвали родственники для полученія наслѣдства и содержанія послѣ убитаго на войнѣ мужа; вообще моя жизнь и отношенія къ населенію округа Узунъ-Кепри были удачны; когда я уѣзжалъ, населеніе мнѣ сдѣлало проводы и поднесло адресъ.

Населеніе округа Узунъ-Кепри состояло изъ турокъ, грековъ и частью болгаръ. При этомъ долженъ замѣтить, что турки поселяне—прямой и честный и вполне симпатичный народъ. Каждому турку можно вѣрить на слово, ибо онъ вполне господинъ своего слова.

Приказомъ, 30-го сентября 1878 года, російскаго комиссара Болгаріи, я былъ назначенъ изъ Адрианопольскаго санджака въ сѣверную Болгарію начальникомъ Никопольскаго округа, куда и

отправился черезъ Константинополь на Варну, Русчукъ и по Дунаю пароходомъ. Путь этотъ хотя и дальнѣй, но я его выбралъ потому, что онъ меня интересовалъ. Прибывъ въ Никополь и принявъ округъ, я устроился уже совершенно комфортабельно, такъ какъ расположенный противъ Никополя румынскій городъ Турнь-Северинъ представилъ къ тому полную возможность.

Съ дѣятельностью начальника округа я уже былъ знакомъ и не нуждался въ изученіи таковой, тѣмъ болѣе, что дѣлопроизводство почти сходилось съ установленнымъ въ Адрианополѣ.

Изъ дѣятельности моей въ Никопольскомъ уѣздѣ остались въ памяти особенно выборы депутатовъ въ народное собраніе, для избранія князя Болгаріи, на что были получены точныя инструкции, для исполненія которыхъ потребовалось немало хлопотъ и энергіи.

Когда представители отъ уѣзда, то-есть, сель и деревень, были выбраны, то они собрались всѣ въ городѣ, въ конакѣ, въ числѣ почти трехсотъ человѣкъ; вся эта толпа помѣстилась на скамейкахъ сравнительно небольшого зала, при чемъ всѣ двери были заперты съ приставленіемъ часовыхъ, дабы не допускать постороннихъ, а равно для удержанія депутатовъ.

Выборы депутатовъ въ народное собраніе велись подѣ моимъ предсѣдательствомъ, при чемъ голосованіе производилось съ помощью кукурузы и бобовъ.

Выбрали депутатовъ, и начались пренія о претендентахъ на болгарскій престолъ. Длилось это засѣданіе съ 12-ти часовъ дня до 2-хъ часовъ ночи; когда засѣданіе было окончено, и я вышелъ на свѣжій воздухъ, отправляясь домой, то у меня на воздухѣ закружилась голова, и я упалъ въ обморокъ. Оказалось, что спертый воздухъ и лукъ съ чеснокомъ, который ѣли съ хлѣбомъ болгары, меня отравили; когда я пришелъ въ себя, то чувствовалъ во рту вкусъ чеснока и лука; этотъ вкусъ исчезъ лишь на другой день. Въ декабрѣ мѣсяцѣ я по волѣ начальства вновь былъ назначенъ въ Разградскій округъ, вмѣсто полковника К., оказавшагося больнымъ; переводъ этотъ служилъ какъ бы поощреніемъ, такъ какъ Разградскій округъ самый большой въ губерніи со смѣшаннымъ населеніемъ и съ большимъ городомъ Разградомъ. Въ Разградѣ я пробылъ до передачи округовъ чиновникамъ изъ болгаръ, послѣ чего былъ назначенъ въ распоряженіе русскаго губернатора, генералъ-лейтенанта Акимова, впоследствии начальника Павловскаго училища, при которомъ и состоялъ до вступленія на престолъ князя болгарскаго Александра Баттенбергскаго. Во время моего пребыванія въ Разградѣ, по моей инициативѣ, на городской площади, средствами жителей была заложена часовня, въ память освобожденія болгаръ отъ турецкаго владычества; на закладку часовни по просьбѣ жителей прибылъ самъ

императорскій російскій комиссаръ, князь Дондуковъ-Корсаковъ. Закладка была обставлена очень торжественно съ парадомъ мѣстной болгарской дружины, съ обѣдами, рѣчами и тостами.

По сдачѣ Разградскаго округа я переѣхалъ на жительство въ Рушукъ и присутствовалъ при моментѣ перваго шага на болгарскую землю избранника народа, князя Александра Баттенбергскаго, который по сходѣ на берегъ отправился тотчасъ же въ городъ Тырново, гдѣ уже образовалось народное собраніе. При пріѣздѣ князя Александра въ Рушукъ случился небольшой инцидентъ. Мнѣ для одной свадьбы была нужна карета; губернаторъ предложилъ свою; я отправилъ за каретою своихъ лошадей и человѣка; случилось это за нѣсколько дней до прибытія князя; человѣкъ мой, придя въ сарай, гдѣ помѣщалась карета губернатора, выбирая фонари и дышло, рѣшилъ, что лучше взять новые, какъ болѣе блестящіе; карета оставалась у меня, такъ какъ я въ ней ѣхалъ тоже въ Тырново смотрѣть торжество избранія. Когда нужно было запрягать карету, для пріѣзжающаго князя, то у совершенно новенькой, стоявшей тоже въ сараѣ губернатора, кареты не оказалось дышла и фонарей. Такъ какъ никто не зналъ, кто взялъ, то полицей-мейстеру, гвардіи штабсъ-капитану К. (стрѣлковаго батальона), пришлось хлопотать о разысканіи недостававшихъ предметовъ, которые, находясь у меня, задержали карету князя и причинили много волненія, такъ что самъ князь Александръ потомъ вспоминалъ объ этомъ случаѣ, какъ задержавшемъ приготовленную встрѣчу.

Пріѣздъ князя въ Тырново былъ обставленъ весьма торжественно, и въ Рушукѣ онъ былъ встрѣченъ всѣми высшими властями Болгаріи и двумя назначенными къ нему, чрезвычайно симпатичными гвардейскими офицерами, лейбъ-гвардіи Коннаго полка поручикомъ Мосоловымъ и Егерскаго полка поручикомъ Ползиковымъ, въ качествѣ его адъютантовъ, съ которыми князь и отправился въ Тырново.

Послѣ избранія князя я вскорѣ былъ назначенъ въ Софію, въ болгарскія войска, куда и отправился.

В. Вознесенскій.

ЛѢВЫЙ ГЛАЗЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ПОКОЙНЫЙ Василий Алексѣевичъ Митрофановъ, во время нахождения моего въ донскомъ учебномъ казачьемъ полку, которымъ онъ командовалъ въ 50-хъ годахъ минувшаго столѣтія, рассказывалъ мнѣ слѣдующее о службѣ своей въ Варшавѣ, гдѣ онъ два раза состоялъ ординарцемъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ концѣ 30-хъ или началѣ 40-хъ годовъ ¹⁾.

«По окончаніи курса въ университетѣ,—говорилъ Митрофановъ,—я былъ записанъ въ одинъ изъ донскихъ полковъ, назначенныхъ въ царство Польское, гдѣ тогда же и произведенъ въ офицеры. Освоившись, какъ слѣдуетъ, съ военною выправкою, я вскорѣ прослылъ за хорошаго наѣздника, а порядочныя средства, которыми располагалъ мой отецъ, дали мнѣ возможность имѣть прекрасную фронтową лошадь и всю амуницию и сбрую, что называется, съ иголочки, чѣмъ вслѣдствіе нищенскаго жалованья могъ похвастать рѣдкій изъ офицеровъ тогдашнихъ донскихъ армейскихъ полковъ. Черезъ годъ службы моей въ Варшавѣ получено было извѣстіе, что въ скоромъ времени туда прибудетъ императоръ и, какъ нужно было ожидать, произведетъ смотръ всѣмъ бывшимъ тамъ воинскимъ частямъ. Полковой командиръ мой, порядочно перетрусивъ, тогда же предложилъ мнѣ, если потребуется, быть царскимъ ординарцемъ. Я съ удовольствіемъ согласился, будучи увѣренъ, что не ударю лицомъ въ грязь, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія государя. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда императора назначенъ былъ смотръ нашему полку. И походный ата-

¹⁾ Митрофановъ впоследствии былъ окружнымъ атаманомъ Черкаскаго округа и новочеркасскимъ комендантомъ. Скончался въ 1893 году. Авт.

манъ, и командиръ полка, наканунѣ смотра понадавали мнѣ множество совѣтовъ: какъ сказать, когда остановить свою лошадь предъ государемъ, какъ смотрѣть на него, какъ салютовать, рапортовать и проч. Все это мнѣ хорошо было извѣстно и безъ нихъ. Передъ выходомъ полка на площадь командиръ три раза перекрестилъ меня своей дрожащею рукою. Замѣтная растерянность моихъ начальниковъ не вызывала у меня и тѣни робости; если я и безпокоился, то единственно о томъ, что могу не получить отъ императора усиленнаго одобренія, которое, какъ я былъ увѣренъ, вполне заслужу. И вотъ лихо понесъ меня мой парадиръ, лихо, какъ вкопанный, остановился онъ на извѣстной дистанціи; не менѣе молодецки я отсалютовалъ, глядя прямо въ глаза государя, громкимъ голосомъ и внятно произнесъ извѣстный рапортъ: «къ вашему императорскому величеству отъ донскаго казачьяго № (такой-то) полка на ординарцы наряженъ». Но между тѣмъ временемъ, какъ я остановилъ коня и окончилъ приведенную фразу, прошло съ десятокъ секундъ. За это время взглядъ мой, вперившійся въ глаза императора еще до начала словеснаго рапорта, вскорѣ невольно упалъ сначала на грудь государя, а потомъ на гриву его коня. При всей моей смѣлости я не могъ выдержать ужаснаго блеска, его лѣваго глаза, изъ котораго ярко свѣтился конецъ докрасна раскаленнаго гвоздя и прожигалъ мои глаза. Несмотря на краткость времени, я успѣлъ сравнить этотъ лѣвый глазъ съ правымъ; но въ этомъ послѣднемъ, кромѣ строгаго спокойствія, я ничего не замѣтилъ; что же касается лѣваго, то онъ пронизывалъ насквозь и могъ привести въ трепетъ даже не робкаго человѣка... Спросивъ мою фамилію, государь отрывисто произнесъ: «хорошо», и освѣдомился, не служилъ ли я въ гвардіи. Это короткое и обыденное «хорошо» далеко не удовлетворило меня, а вопросъ о гвардіи прямо оскорбилъ: точно хорошіе наѣздники могутъ быть только изъ гвардіи. И походный атаманъ, и командиръ полка, а особенно товарищи-офицеры были въ восторгѣ отъ моего дебюта; но я самъ чувствовалъ въ себѣ полный упадокъ духа, хотя никому не далъ возможности замѣтить это. Когда я пришелъ домой, то предался своей думѣ и горько упрекалъ себя въ томъ, что не выдержалъ царскаго взгляда и, точно дѣвица какая, опустилъ свои глаза вопреки воинскихъ правилъ. Долго думалъ я о лѣвомъ глазѣ императора, улегшись на кровать и погасивъ свѣчу, и послѣ усиленныхъ размышленій порѣшилъ, что у государя такіе жгучіе глаза оба; лѣвый же казался мнѣ ужаснымъ только потому, что я остановился нѣсколько влѣво отъ фигуры императора, правый глазъ котораго смотрѣлъ на меня не прямо, а искоса, почему и огонь его не былъ столь пронзителенъ, какъ блескъ лѣваго глаза. Но такъ ли это? На вопросу такого заключенія моего не имѣлось надежды, а спраши-

вать у кого либо мнѣ не хотѣлось изъ-за опасенія обнаружить свою тайну. Однако же вскорѣ я былъ обрадованъ извѣстіемъ, что смотръ всѣмъ войскамъ и нашему полку повторится. Снова получивъ назначеніе на ординарцы, я съ бодрымъ духомъ и неудержимымъ желаніемъ провѣрить свое недоумѣніе выѣхалъ въ поле. Нашъ полкъ стоялъ на лѣвомъ флангѣ, и предъ тѣмъ, какъ до него дошла очередь, мы всѣ услышали серебряный, громкій, отчеканивающій каждое слово, голосъ императора, производившаго разность одному начальнику кавалерійской дивизіи за фронтовые неисправности. Но вотъ наступилъ и мой моментъ. Полагая, что государь взволнованъ, а потому глаза его еще сильнѣе засвѣтятся огненнымъ блескомъ, я собралъ все свое мужество, имѣя предъ собою заранѣе начертанный планъ: остановиться предъ нимъ такъ, чтобы мое лицо было параллельно его лицу; за нѣсколько сажень до остановки начать смотрѣть ему прямо въ глаза до тѣхъ поръ, пока не кончится церемонія, при чемъ произвести сравненіе лѣваго его глаза съ правымъ. Все это исполнилъ я микроскопически точно. Вперивъ глаза свои въ глаза императора еще за нѣсколько сажень до остановки, я замѣтилъ на лицѣ его еще не улегшуюся разгнѣванность и остановилъ коня такъ, что мое лицо было en face къ лицу государя, смотрѣвшаго на меня обоими глазами въ одинаковомъ направленіи. Пока я отсалютовалъ и отчетливо-медленно произнесъ извѣстную фразу, я нѣсколько разъ попеременно впивался обоими глазами то въ правый, то въ лѣвый глазъ императора и замѣтилъ: правый глазъ былъ гнѣвенъ, но смотрѣлъ, не имѣя въ себѣ рѣшительно никакого пронизывающаго блеска, а лѣвый—все тотъ же горящій уголь, все тотъ же раскаленный гвоздь, пронизавшій меня насквозь и еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Произошло то же самое: послѣднія слова словеснаго рапорта и поднятіе пашки къ лицу по окончаніи его произведены были мною уже при опущенномъ книзу взорѣ, который я, какъ ни усиливался, не въ состояніи былъ поднять до уровня глазъ государя. Только тогда я убѣдился, что лѣвый глазъ императора былъ снабженъ отъ природы какимъ-то особеннымъ сіяніемъ, на которое, несмотря на усилія, можно было глядѣть впродолженіе только двухъ, много трехъ секундъ... Послѣ того мнѣ ни разу не пришлось видѣть императора Николая Павловича, и я остался при полной увѣренности, что глаза его были не одинаковы; что же касается его лѣваго глаза, то до самой смерти своей я не забуду его насквозь пронизывающаго блеска, могущаго привести въ смущеніе не только людей робкихъ, но и такихъ, какъ я, принадлежащихъ не къ трусливому десятку».

А. Карасевъ.

ТУРКМЕНСКІЙ АЛАМАНЪ.

(Эскизъ).

ВА СЛОВА въ видѣ приступа къ разсказу и въ объясненіе его заглавія.

До завоеванія Россіей Закаспійской области обитатели ея, туркмены, сравнительно мало занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Къ этому ихъ приводили, съ одной стороны, неблагоприятныя природныя условія, недостатокъ удобной земли и оплодотворяющей ее влаги, а съ другой — слишкомъ легкая возможность существовать гораздо болѣе привлекательнымъ занятіемъ, далеко не столь обременительнымъ и тяжелымъ, а именно — грабежемъ своихъ слабыхъ сосѣдей.

И въ самомъ дѣлѣ, могъ ли долго колебаться въ своемъ выборѣ между упорнымъ трудомъ земледѣльца и быстрымъ, хотя и сопровождавшимся извѣстною опасностью, аламаномъ (набѣгомъ) дикій туркмень — это дитя природы, этотъ смѣлый и подвижной номадъ съ его болѣе чѣмъ необременительнымъ багажемъ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній? Ни сердце и совѣсть его, ни «благочестивые» муллы и ишаны — ничто не возбраняло ему заниматься грабежемъ и разбоемъ; соблазнъ же легкой добычи былъ слишкомъ великъ... И, конечно, онъ изошрялъ всѣ силы свои и способности, чтобы стать настоящимъ карабчи (разбойникомъ) и батыремъ (героемъ), и не стѣснялся предавать огню и мечу цѣлыя персидскія селенія, лишь бы добыть то, что ему было нужно...

И должно отдать справедливость этимъ дѣтямъ природы (не во вкусѣ, конечно, Жанъ-Жака Руссо), они довели «технику» своихъ аламановъ до высокой степени художественности. Все воспи-

таніе, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ ближайшихъ друзей и помощниковъ—лошадей, было приноровлено къ наилучшему выполненію разбойническихъ набѣговъ. Никакія разстоянія, никакія пустыни не были страшны для нихъ. Вездѣ находили дорогу ихъ хищныя шайки, и всюду несли онѣ съ собою смерть, огонь и тяжелое рабство. Жизнь человѣка и его страданія не имѣли въ ихъ глазахъ ни малѣйшаго значенія, и они избивали при сопротивленіи или уводили на веревкахъ въ плѣнъ и на продажу въ Хиву и Бухару сотни и тысячи несчастныхъ персіянъ и персіянокъ.

«На конѣ туркменъ не знаетъ ни отца, ни матери!» — гласить ихъ поговорка.

И, дѣйствительно, они не знали предѣловъ своему хищничеству и, будучи полными хозяевами закаспійскихъ степей и пустынь, гдѣ такъ легко было укрываться отъ преслѣдованій, грабили и нападали на все и на всѣхъ, не дѣлая даже различія между своими и чужими. «Тутъ всѣ грабили всѣхъ, и единственнымъ правомъ признавалась сила, — говоритъ ученый изслѣдователь Туркменіи, генералъ Н. Г. Петрусевичъ, столь безвременно погибшій въ той же Туркменіи во время осады Геокъ-Тепе ¹⁾, — сарыки ²⁾ нападали на салыровъ ²⁾, на текинцевъ ²⁾ и на бухарскія, хивинскія и персидскія земли. Текинцы дѣлали то же самое, грабя вдобавокъ еще и іомудовъ ²⁾ и гокланъ ²⁾; гокланы и іомуды тоже не оставались въ долгу. Но больше всего доставалось отъ туркменскихъ грабежей Персіи, ея сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ провинціямъ, составляющимъ громадную область, извѣстную подъ именемъ Хорасана. Сюда обрушивались и іомуды, и гокланы, и текинцы Ахала, и текинцы Мерва, и салыры, и сарыки. Весь сѣверъ Хорасана и вся восточная часть его до границы съ Гератомъ были разорены окончательно, и теперь ³⁾ по этимъ мѣстностямъ встрѣчаются только развалины бывшихъ деревень. Въ одномъ только округѣ Пяссъ-и-Кухъ-и-Харабэ, лежащемъ по лѣвому берегу рѣки Герируда, насчитывалось до 460 деревень, отъ которыхъ теперь не осталось и двадцати, и къ названію этого округа «Пяссъ-и-Кухъ» прибавилось слово «харабэ» (разоренный), такъ что теперь этой части Хорасана никто иначе не называетъ, какъ «Пяссъ-и-Кухъ-и-Харабэ», то-есть округомъ загорныхъ развалинъ. Почти то же встрѣчается и на сѣверѣ провинцій: Келата, Дерегеза, Кучана и Буджнурда; поселенія держатся только тамъ, гдѣ они, пріютившись между скаль, прикрыты недоступностью мѣстности. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ поселенія уничтожены... На хивинскихъ и бухар-

¹⁾ См. статьи его въ «Запискахъ Кавказскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества», кн. IX, Тифлисъ, 1880.

²⁾ Туркменскія племена.

³⁾ Писано, какъ уже отмѣчено, до заво ванія Туркменіи Россіей.

скихъ владѣнiяхъ набѣги туркменъ не такъ отражаются... но и туда текинцы ежегодно приходятъ для грабежей. Такъ, въ 1876 г. былъ ограбленъ г. Питнакъ въ Хивѣ, а въ 1877 году текинцы уничтожили караванъ въ урочищѣ Балыклы, и въ томъ же году дѣлали нападенiя на селенiе Исмамудъ... Афганскимъ владѣнiямъ тоже достается немало, но тутъ уже арена сарыковъ. Они проникаютъ въ самую глубь Афганистана, увозя оттуда плѣнныхъ; округу же Маймэнэ достается болѣе всѣхъ»...

И слабые сосѣди ничего не могли подѣлать съ этими хищниками. Правда, и Хива, и Бухара, и особенно Персiя предпринимали походы въ глубь туркменскихъ степей и разоряли иногда ихъ поселки; но это не могло умѣрить необузданной дерзости грабителей. Измѣнить этотъ порядокъ вещей могла одна лишь Россiя. Уже съ занятiемъ Красноводска (1868 г.) прикаспiйскiе туркмены должны были стихнуть. Покоренiе же затѣмъ Хивы и Бухары закрыло для всѣхъ туркменъ важнѣйшiе рынки сбыта невольниковъ и тѣмъ отняло главный мотивъ къ грабежамъ—добычу плѣнныхъ для продажи. Но окончательнымъ ударомъ было, конечно, завоеванiе самыхъ гнѣздъ грабежа—Ахала (1881 г.), Мерва (1884 г.), Сарахса, Иолотана и Пенде. А пораженiе афганцевъ на Кушкѣ (17-го марта 1885 года) доказало и нашимъ добрымъ друзьямъ англичанамъ, что Россiя стала твердой ногой во вновь присоединенныхъ областяхъ, и что никакiе корреспонденты, въ родѣ О'Донавана, и никакiе военные и дипломатическiе агенты, на подобiе капитана-бехадуря Iэта или генерала-бехадуря Лемедена, не въ состоянiи замутиль тамъ воду въ своихъ личныхъ интересахъ.

И со времени этихъ событiй миръ и спокойствiе воцарились въ сосѣднихъ земляхъ, и несчастная Персiя вдохнула полной грудью...

Описанiю одного изъ такихъ-то набѣговъ (аламановъ) на эту многострадальную страну и посвященъ настоящiй разсказъ.

I.

Въ туркменской степи.

Весна въ самомъ началѣ, весна теплая и благоуханная...

Вся необъятная туркменская степь, политая обильными дождями, забыла зимнiе холода и вьюги и всѣмъ существомъ своимъ рвется навстрѣчу теплымъ солнечнымъ лучамъ. Самыя разнообразныя травы и цвѣты покрыли поверхность ея сплошнымъ ковромъ, и, уходя во всѣ стороны на десятки и сотни верстъ, ровной, какъ столъ, гладью стелется она вдоль и вширь, пока не встрѣтитъ на своемъ пути или горной цѣпи Копетъ-Дага, или ужасныхъ песча-

ныхъ пустынь, на которыхъ никакая весна и никакая влага не въ силахъ поднять или поддержать хотя бы самую жалкую животную или растительную жизнь...

Въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ весеннихъ дней, когда вся природа была проникнута общимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, по этой степи, уже въ предѣлахъ Ахальскаго оазиса ¹⁾, двигалась небольшая группа всадниковъ.

По одеждѣ и вообще по внѣшности въ нихъ не трудно было узнать самихъ владѣтелей степи—гордыхъ и неустрашимыхъ туркменъ-теке.

Въ теплыхъ ваточныхъ халатахъ и въ огромныхъ бараньихъ папахъ, съ ружьями разнообразныхъ системъ за плечами и съ кривыми клычцами (саблями) у пояса, они двигались мелкой рысью, направляясь къ ставшему въ послѣдствіи знаменитымъ Голубому холму (Гекъ-тепе).

Впереди, немного отдѣлившись отъ остальной группы, ѣхало двое всадниковъ, халаты и оружіе которыхъ обличали большую состоятельность сравнительно съ остальными товарищами. Между ними шелъ горячій разговоръ.

— Найдемъ ли мы теперь охотниковъ поаламанить?—говорилъ одинъ изъ нихъ, молодой еще юноша, съ еле пробивающимися усами и бородой.

— Будь покоенъ, Оразъ-Берды,—отвѣтилъ ему его спутникъ, человекъ уже довольно пожилыхъ лѣтъ, съ большою хотя и довольно рѣдкой бородою:—будь покоенъ, на это дѣло всегда найдутся охотники. Что же и дѣлать доброму туркмену, какъ не ходить аламаномъ на подлыхъ и трусливыхъ кизилбашей ²⁾?

— Это вѣрно, Юсуфъ,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—но вѣдь теперь мы затѣваемъ не обыкновенный аламанъ. Мы хотимъ итти далеко въ Хорасанъ, къ самому Мешхеду.

— О, ты еще молодъ, Оразъ-Берды, но пора бы знать и тебѣ, что для настоящаго туркмена только тамъ и утѣха, гдѣ больше опасностей. Что за слава схватить безоружнаго въ полѣ и утащить его въ свой аулъ! Нѣтъ, пройти, какъ ураганъ, по чужой странѣ, разгромить города и села, увести въ плѣнъ тысячи рабовъ и рабынь, набить хурджины серебромъ и дорогими вещами, вотъ это хорошо, на это способенъ только добрый туркменъ, не успѣвшій обабиться у подола матери или жены.

— Не говори такихъ словъ, Юсуфъ,—крикнулъ Оразъ-Берды, сверкая глазами и судорожно хватаясь за рукоятъ своего клычца:—

¹⁾ Лучшая часть пынѣшняго Асхабадскаго уѣзда, въ восточной части которой расположенъ г. Асхабадъ, а въ западной—Кизиль-Арватъ.

²⁾ Такъ называютъ туркмены персіянь за то, что они красятъ себѣ волосы красной краской: кизиль—красный, башъ-голова (отсюда наша башка).

я не погляжу, что ты мой дядя, и что тебѣ поручилъ меня мой отецъ!... Если я и говорилъ объ опасностяхъ, то только потому, что боюсь, какъ бы онѣ не помѣшали намъ собрать большую партію, а за себя я не боюсь и готовъ доказать это передъ кѣмъ угодно.

— Ну, и горячъ же ты, Оразъ-Берды,—отвѣтилъ улыбаяся Юсуфъ: сейчасъ за клынчъ схватился! Видно, что—сынъ славнаго хана и сердаря¹⁾). Даромъ, что тебя не выпускали еще изъ аула...

— Ты самъ знаешь, Юсуфъ, что я въ этомъ не виноватъ,—продолжалъ горячиться молодой туркменъ:—сколько разъ я тайкомъ уходилъ съ товарищами въ аламанъ, и всегда меня возвращали обратно, всегда отецъ и мать упрашивали не подвергать своей жизни опасности. А для чего же и жить, какъ не для опасностей? Вѣдь не для того же я родился, чтобы пасти барановъ и верблюдовъ, какъ кизилбаши, или торговать на базарѣ, какъ сарты!

— Правда, правда, Оразъ-Берды. Сынъ нашего хана самъ долженъ быть ханомъ и сердаремъ. Вотъ почему я и упросилъ твоего отца отпустить тебя теперь. Да поэтому же и думаю затѣять теперь аламанъ въ самую глубь Хорасана. Будетъ, гдѣ потѣшиться и разойтись тебѣ.

— Я уже это зналъ, Юсуфъ, и очень благодаренъ тебѣ и другимъ.

— А сейчасъ чуть было клынча на меня не обнажилъ,—замѣтилъ тотъ, улыбаяся.

— Не сердись за это, дядя: это я такъ, стгоряча.

— Знаю, знаю и не сержусь. Отцовская кровь ходитъ въ твоихъ жилахъ, и я вѣрю, что не одна персидская башка слетитъ съ плечъ отъ твоей руки. Однако, погоняй лошадь, а то намъ не одинъ агачъ²⁾ еще остался впереди.

Оба всадника слегка ударили своихъ скакуновъ, и тѣ пошли крупнымъ галопомъ, любимымъ аллюромъ у туркменъ. За нимъ понеслись и остальные всадники.

Часа два продолжалась эта ѣзда, пока, наконецъ, вдали не показалась длинная глинобитная стѣна, изъ-за которой виднѣлись верхушки деревьевъ.

— Ну, теперь близко и Гѣкъ-тепе,—сказалъ Юсуфъ, сдерживая своего коня:—поѣдемъ потише и дадимъ отдохнуть нашимъ лошадямъ.

Всѣ послѣдовали этому приглашенію, и между Юсуфомъ и Оразъ-Берды завязался вновь разговоръ на ту же тему о предстоящемъ аламанѣ.

¹⁾ Предводителя отряда въ аламанѣ.

²⁾ Мѣра длины, равная приблизительно десяти верстамъ.

— Послушай, Юсуфъ,—говорилъ ему молодой спутникъ:—зачѣмъ ты задумалъ приглашать въ этотъ набѣгъ ахальскихъ теке ¹⁾? Развѣ мало однихъ нашихъ мервцевъ? Кликнуть кличъ, живо набралась бы тысяча, а то и болѣе молодецвъ...

— Да все для тебя же хлопочу,—отвѣтилъ улыбаясь Юсуфъ:—хочу, чтобы ты познакомился поближе съ ахальцами и не пренебрегалъ ими, когда впослѣдствіи самому придется быть сердаремъ и водить аламаны. А потомъ отсюда удобнѣе вести дѣло, чѣмъ изъ нашего Мерва. Оттуда очень долго нужно итти степью, гдѣ хотя и есть трава въ эту пору, но мало воды. Изъ этихъ же мѣстъ, какъ ты самъ видишь, рукой подать до горъ, а за ними уже начинается Хорасанъ, гдѣ много воды и всякаго добра.

— Правда,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—хотя я уже и бывалъ въ Ахалѣ, но дѣйствовать вмѣстѣ съ ними мнѣ, конечно, не приходилось. Но посмотри, Юсуфъ, какъ будто кто-то ѣдетъ къ намъ навстрѣчу.

И дѣйствительно, впереди показалась группа всадниковъ, двигавшихся, очевидно, навстрѣчу нашимъ знакомцамъ. По мѣрѣ приближенія все яснѣе вырисовалось десятка два фигуръ въ тѣхъ же ваточныхъ халатахъ, съ тѣми же папахами на головахъ и клынками у пояса.

— Это ахальцы прослышали уже о нашемъ пріѣздѣ,—зимѣтилъ Юсуфъ:—и выѣхали къ намъ навстрѣчу. Дѣло, значить, идетъ хорошо, и можно надѣяться, что аламаны состоится. Да, впрочемъ, и они вѣдь также любятъ кизилбашей и ихъ серебро, какъ и мы.

Не прошло и десяти минутъ, какъ обѣ группы всадниковъ сѣхались, и ахальцы, не сходя съ коней, задали мервцамъ обычный въ туркменской степи вопросъ.

— Ягы-му, иль-му (враги вы или друзья)?

— Мы прибыли друзьями,—отвѣтилъ Юсуфъ:—и привезли добрыя вѣсти отъ мервъ-теке. Теперь мы ждемъ гостепримства отъ нашихъ братьевъ ахальцевъ.

Тогда хозяева сошли съ коней и привѣтствовали своихъ гостей по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета. Ставъ другъ передъ другомъ и опустивъ глаза въ землю, они простояли такъ нѣкоторое время съ поднятыми кверху руками, а затѣмъ уже начали обмѣниваться дружескими рукопожатіями.

— Аманъ гельдингизъ (добро пожаловать)! — сказали ахальцы своимъ гостямъ.

¹⁾ Туркмены дѣлятся на разные племена, изъ которыхъ самое воинственное и многочисленное — теке (текинцы), разбивающееся по мѣсту жительства на ахальскихъ (т.е. Ахальскаго оазиса, гдѣ теперь Асхабадъ) и мервскихъ теке. Среди этихъ группъ есть еще свои подраздѣленія...

Затѣмъ, по окончаніи привѣтствій, всѣ сѣли снова въ сѣдла и тронулись вмѣстѣ къ недалекому уже оуба ¹⁾, все населеніе котораго высалало навстрѣчу мервскимъ гостямъ и привѣтствовало ихъ криками и выстрѣлами изъ мултуковъ ²⁾.

II.

Джумъ-гуріе.

Утромъ на другой день по пріѣздѣ Юсуфа и Оразъ-Берды въ Гѣкъ-тепе, на вольномъ воздухѣ около кибитки выборнаго хана ахальскихъ текинцевъ собрался джумъ-гуріе ³⁾ для обсужденія предложенія пріѣхавшихъ мервцевъ о совмѣстномъ аламанѣ въглубь Персіи.

Немало тутъ было батырей, насчитывавшихъ на своемъ вѣку десятки аламановъ, но еще болѣе было молодыхъ людей, которые ни разу пока не вынимали клынка изъ ноженъ и въ народныхъ собраніяхъ, по установившемуся адату (обычаю), не рѣшались подавать своихъ голосовъ, а прислушивались къ тому, что говорили старшіе.

— Какую же вѣсть привезли намъ наши мервскіе друзья?—заговорилъ первымъ выборный ханъ, почтенный старикъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди своего племени:—надѣюсь, что кибитки ихъ стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, что среди нихъ нѣтъ болѣзней, и поля ихъ попрежнему хорошо орошены и даютъ богатые урожаи?

— Мервскій народъ привѣтствуетъ своихъ братьевъ-ахальцевъ и желаетъ имъ всякаго благополучія,—отвѣтилъ Юсуфъ, сидѣвшій рядомъ съ ханомъ и посадившій съ другой стороны отъ себя Оразъ-Берды:—мервцы желаютъ имъ, чтобы кибитки ихъ были полны рабами и всякимъ добромъ, и чтобы весь домашній скотъ ихъ давалъ хорошей приплодъ.

— Сагъ олъ, сагъ оласизъ (благодаримъ)!—раздались со всѣхъ сторонъ голоса, и всѣ присутствующіе погладили въ знакъ удовольствія свои бороды.

— А пришли мы сюда,—продолжалъ Юсуфъ:—чтобы звать своихъ братьевъ на большой аламанъ въ Персію. Давно уже кизилбашскіе города не видѣли на своихъ стѣнахъ туркменскихъ значковъ, и ихъ илъхани ⁴⁾ разжирѣли, думая, что мы здѣсь обабились и не смѣемъ больше забираться въ глубину Хорасана. Покажемъ же

¹⁾ Туркменское названіе населенныхъ пунктовъ. Русская администрація ввела теперь кавказское названіе аулъ, не употребительное у туркменъ.

²⁾ Ружья.

³⁾ Совѣщаніе, народное собраніе.

⁴⁾ Правители.

этимъ презрѣннымъ трусамъ, что наша сила и удалъ не прошли еще, и что туркмену на конѣ и при клыначѣ путь открытъ повсюду.

— Яхши, чоъ яхши (хорошо, очень хорошо),—заговорили и закричали кругомъ:—правда, правда, давно уже мы не ходили большой партией на Хорасанъ, и пора напомнить тамъ вновь о себѣ. Мы и сами думали уже объ этомъ и хотѣли пригласить съ собою нашихъ братьевъ-мервцевъ.

— Благодарю отъ всего мервскаго народа,—отвѣтилъ Юсуфъ:—мы знали, что не встрѣтимъ отказа съ вашей стороны, и готовы сами итти въ Персію хоть черезъ недѣлю.

— И мы готовы, —раздались крики со всѣхъ сторонъ:—идемъ на кизилбашей! Соберемъ нѣсколько партій и нагрянемъ на самый Мешхедъ! Покажемъ этимъ разжирѣвшимъ свиньямъ, что туркменъ-теке хватить, чтобы забрать въ плѣнъ и отвести въ Бухару на веревкахъ весь Хорасанъ! Напомнимъ имъ, что клынчи наши рубятъ безъ промаха и сносятъ головы съ одного удара!

— Ну, на этихъ подлыхъ трусовъ незачѣмъ и вынимать клынчи изъ ноженъ,—сказалъ одинъ старый батырь съ сѣдой бородой и съ глубокимъ шрамомъ черезъ все лицо:—для нихъ достаточно однѣхъ плетей и веревокъ.

Голоса и крики все росли и росли. Каждый старался перекричать сосѣдей, каждый выражалъ или, лучше сказать, выкрикивалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, что говорили другіе. Да, впрочемъ, это была бы и совершенно излишняя забота, такъ какъ насчетъ аламановъ у туркменъ никогда не бывало различныхъ мнѣній, и всякое время считалось пригоднымъ для нихъ...

А подъ эти крики наиболѣе зеленая молодежь уже вытаскивала изъ ноженъ свои клынчи, пробуя, хорошо ли они отточены и будутъ ли рубить съ одного взмаха кизилбашскія головы. Готовые хоть сейчасъ летѣть черезъ горы, молодые номады не хотѣли уже слушать дальнѣйшихъ переговоровъ и, горячо толкуя между собой, стали расходиться по селенію. И только наиболѣе солидная часть собранія осталась на мѣстѣ, обсуждая подробности предстоящаго аламана и необходимую численность партій.

— Мервъ-теке можетъ дать для этого аламана нѣсколько тысячъ коней,—говорилъ между прочимъ Юсуфъ:—но я думаю, что если мы соберемъ вмѣстѣ четыре партіи по тысячѣ коней каждая, то этого будетъ довольно, чтобы разорить хоть самый Мешхедъ.

— Хорошо,—отвѣтили хозяева:—у насъ, какъ вы сами видѣли, есть много молодежь, готовыхъ итти хоть сейчасъ. Мы всегда соберемъ, сколько потребуется. Нужно опредѣлить только время, чтобы подготовить и лошадей, и людей къ походу.

— У насъ уже все подготовлено, — сказалъ Юсуфъ: — черезъ 9—10 дней мы будемъ здѣсь съ своими молодцами.

— Яхши, гой ела олсунъ (хорошо, пусть будетъ такъ),—заговорили ахальцы:—дѣло, значить, готово. А пока мы просимъ васъ быть нашими гостями и принять отъ насъ угощеніе.

III

Т о й.

И въ тотъ же день къ вечеру выборный ханъ и другія выдающіяся лица ахальскаго племени чествовали мервцевъ, устройвъ для нихъ той (праздникъ).

Передъ большой кибиткой хана было послано нѣсколько кусковъ войлока, покрытыхъ сверху прекрасными текинскими коврами, ставшими, впрочемъ, отъ грязи и пыли почти не узнаваемыми. На этихъ коврахъ размѣстилось нѣсколько десятковъ старыхъ и молодыхъ туркменъ, при чемъ у самаго входа въ кибитку помѣстились самъ ханъ и наши знакомцы Юсуфъ и Оразъ-Берды. Передъ ними же лежала толстая, достаточно грязная скатерть изъ грубаго холста (достарханъ), и на ней одни за другими появлялись деревянныя блюда и чашки съ разными кушаньями.

Прежде всего появилось любимѣйшее блюдо всей Средней Азіи — палау (пловъ). Приготовленное совсѣмъ своеобразнымъ способомъ, не такъ, какъ готовятъ его въ Персіи или Турціи, это блюдо состояло изъ отдѣльныхъ не смѣшанныхъ между собою слоевъ: внизу—риса, плававшего въ курдючномъ салтѣ, затѣмъ—рѣпы, а сверху всего—нарѣзаннаго кусочками бараньяго мяса.

За пловомъ шелъ берекъ—супъ съ лепешками, начиненными рубленнымъ мясомъ и пряностями, потомъ торама — мягко разваренное лошадиное мясо съ лукомъ, рыбой и прибавкой муки, потомъ нѣсколько сортовъ каши...

И все это было такъ вкусно, а аппетиты пирующихъ такъ велики, что около получаса только и было слышно одно чавканье челюстей да тѣ мало гармоничные звуки, про которые говорятъ, что это душа съ Богомъ бесѣдуетъ.

А чтобы восполнить картину, добавлю, что единственнымъ орудіемъ для доставленія всѣхъ перечисленныхъ кушаній въ ротъ служила каждому его собственная пригоршня, и, надо отдать ей справедливость, она весьма ловко извлекала изъ чашекъ не только твердые куски мяса, но и полужидкія части пищи. Если же при этомъ тонкія струйки жидкости бѣжали между пальцами обратно въ чашку, а съ бороды или изъ рта скатывалось въ нее все, чему не суждено было въ данный моментъ попасть по назначенію, то это обстоятельство, конечно, нисколько не смущало остальныхъ

сотрапезниковъ, обходившихся тѣми же орудіями и тѣмъ же способомъ...

Немало было выпито затѣмъ зеленого чая, айрана¹⁾ и чала²⁾, а неизбѣжный чилимъ³⁾ ходилъ изъ рукъ въ руки въ теченіе всего обѣда...

Во время пира, когда надо утолять голодь, не мѣсто вести какіе бы то ни было и особенно серьезные разговоры. Какъ хозяйева, такъ и гости прекрасно понимали это правило хорошаго мусульманскаго тона и оставили бесѣду на послѣобѣденное время, когда молодежь должна была, по случаю тоя, устроить скачку и столъ любимую въ туркменской степи игру въ сѣраго волка (кокъ-бури).

Много великолѣпныхъ лошадей появилось передъ ауломъ въ открытомъ полѣ, когда ханъ объявилъ, что въ честь дорогихъ гостей онъ жертвуетъ въ видѣ приза наѣзднику-побѣдителю одну изъ своихъ красивыхъ рабынь-персіянокъ, а тому, кто прискачетъ вторымъ, — новую кибитку. Даже нашъ знакомецъ Оразъ-Берды не утерпѣлъ и по ханскому крику «кетъ» (пошелъ) полетѣлъ вмѣстѣ съ другими молодыми номадами къ еле виднѣвшемуся вдали одинокому холму, на которомъ заблаговременно были положены двѣ шапки—одна хана, а другая — Юсуфа. Ихъ-то и должны были доставить побѣдители въ знакъ того, что они определили своихъ товарищей.

Лихая это была скачка, въ которой побѣдить могъ дѣйствительно только сильнѣйшій и наиболѣе ловкій. И какъ гордо глядѣлъ кругомъ Юсуфъ, когда всѣ увидѣли, что впереди другихъ несется обратно съ одною изъ шапокъ его племянникъ Оразъ-Берды.

— Молодецъ, молодецъ!—привѣтствовали его ханъ и почетные аксакалы⁴⁾, когда онъ, доскакавъ до оуба, быстро соскочилъ съ своего тяжело дышавшаго коня и подаль хану его папаху:—рабыня твоя. Бери и вези ее съ собою въ Мервъ...

Во второй игрѣ кокъ-бури, состоявшей въ томъ, чтобы, доскакавъ ранѣе другихъ до назначеннаго мѣста, захватить тамъ барана и привезти его живымъ или мертвымъ обратно, не отдавъ другимъ, въ этой игрѣ Оразъ-Берды не принималъ участія, въ виду усталости своей лошади, и барана привезъ, хотя уже безъ переднихъ ногъ, оторванныхъ соперниками, и съ сильно пострадавшимъ туловищемъ, одинъ изъ сыновей хана, совсѣмъ молодой, еще безусый юноша, очень понравившійся Оразу, который не

1) Разведенное водой кислое лошадиное молоко.

2) Такое же верблюжье молоко.

3) Трубка въ родѣ упрощеннаго кальяна (дѣлается обыкновенно изъ тыквы).

4) Сѣдобородые, старики.

замедлил тутъ же, въ знакъ зародившейся симпатіи, подарить ему въ видѣ приза рабыню и затѣмъ побрататься съ нимъ. Этими поступками онъ заслужилъ всеобщее одобреніе и закрѣпилъ связь между обоими племенами...

Долго еще продолжались шумъ и веселіе при свѣтѣ костровъ и взошедшей на небѣ полной великолѣпной луны.

Особенно большой кружекъ собрался около одного изъ костровъ, подлѣ котораго помѣстились рассказчики и столь любимые туркменами пѣвцы—бахши, съ ихъ двуструнными балалайками—ситарами.

Одинъ бахши, молодой еще туркменъ съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ, одѣтый въ дорогой халатъ и игравшій на украшенной инкрустаціей ситарѣ, заслужилъ особое благоволеніе публики.

Онъ пѣлъ прекраснымъ теноромъ и съ огромнымъ чувствомъ. Разныя героическія пѣсни о Керъ-оглы и любимѣйшемъ національномъ героѣ и поэтѣ туркменъ Махдумъ-Кули занимали, конечно, первое мѣсто. Пѣніе это состояло изъ гортанныхъ, довольно однообразныхъ звуковъ и скорѣе напоминало щебетаніе птицы, чѣмъ пѣніе человѣка. Также однообразенъ былъ вначалѣ и аккомпанементъ, но по мѣрѣ развитія описываемыхъ дѣйствій и усиленія драматичности положенія бахши постепенно входилъ въ экстазъ и все сильнѣе и порывистѣе дергалъ за струны и ударялъ по инструменту. И этотъ энтузіазмъ пѣвца передавался его внимательнымъ слушателямъ и наэлектризовывалъ ихъ и безъ того приподнятое настроеніе. И они вслѣдъ за пѣвцемъ стали издавать глухіе стоны и дикіе крики, бросали свои шапки на землю, рвали на себѣ волосы и, казалось, готовы были сейчасъ же сѣсть на коней и летѣть въ бой, навстрѣчу приближающемуся свирѣпому врагу.

И долго еще мирная степь, далеко раскинувшаяся во всѣ стороны подъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ луны, оглашалась воинственными кликами расходившихся туркменъ, звуками ихъ барабановъ и выстрѣлами изъ мултуковъ и зембурековъ...

Подъ эти же выстрѣлы и громъ барабановъ выѣхали изъ Гекъ-тепе къ себѣ обратно наши знакомцы Юсуфъ и Оразъ-Берды, чтобы скорѣе добраться до Мерва и затѣмъ, собравши свои силы, привести ихъ въ Ахаль.

IV.

Въ аламанъ!

Не прошло послѣ описанныхъ событій и двухъ недѣль, какъ подъ стѣнами Гекъ-тепе, — тѣми самыми стѣнами, которыя черезъ короткое сравнительно время стали знаменитыми на весь міръ, — произошла встрѣча мервскихъ теке съ ахальскими.

И та и другая сторона уже вполне изготовились къ аламану, и любо-дорого было смотрѣть на всѣхъ этихъ молодцевъ, какъ

старыхъ, такъ и молодыхъ, вооруженныхъ длинными пиками съ крюками для захватыванія плѣнныхъ, громадными клычцами у пояса и тяжелыми мултуками и зембуреками.

Но особаго вниманія заслуживали ихъ прекрасныя лошади, уже самой природой подготовленныя для длинныхъ и трудныхъ переходовъ, а особымъ специальнымъ воспитаніемъ доведенныя до высочайшей степени крѣпости и выносливости.

Происшедшая отъ смѣшенія арабской породы съ мѣстной ¹⁾, туркменская лошадь не отличается красотой статей, но на зна-тока, цѣнящаго въ конѣ внутреннія качества и способность къ большимъ переходамъ, она всегда производитъ самое лучшее впечатлѣніе.

При сухомъ тѣлѣ, съ подобраннымъ животомъ, съ длинной шеей и нѣсколько угловатой головой, высоко поднятой кверху, она отличается тонкими, но чрезвычайно мускулистыми ногами, сразу указывающими въ ней отличнаго ходака.

И дѣйствительно туркмены на своихъ лошадяхъ совершаютъ, или, вѣрнѣе сказать, совершали положительныя чудеса. Для нихъ не состовляло особеннаго труда проходить до 600 верстъ въ 6—7 дней. И эта быстрота, въ связи съ крайней неприхотливостью и способностью оставаться подолгу безъ пищи и воды, давала туркменамъ громадныя преимущества и позволяла имъ совершать тѣ удивительныя набѣги—аламаны, которыми они приводили въ страхъ и трепеть своихъ сосѣдей—персіанъ.

Но зато какъ холили и лелѣяли туркмены своихъ лошадей!

Ни жена, ни дѣти никогда не вызывали такихъ заботъ съ ихъ стороны, какъ лошадь. Ее воспитывали не въ табунѣ, а тутъ же въ особомъ помѣщеніи, близъ кибитки хозяина. И самъ владѣлецъ, взваливающій всю домашнюю работу на женщинъ и рабовъ и гнушавшійся самаго незначительнаго труда въ своемъ обычномъ обиходѣ, не щадилъ ни силъ, ни времени для ухода за лошадью. Онъ самъ кормилъ ее три раза въ день, самъ ухаживалъ за ней и по-

¹⁾ Сохранились преданія, что эта мѣстная порода была не хуже арабской и славилась высокими качествами еще во времена Искендера Дулькарнайна (Двурогаго, т. е. Александра Македонскаго). Марко Поло въ своемъ путешествіи по Татаріи (1286 г.) рассказываетъ, что въ тѣхъ странахъ, которыя теперь носятъ названіе Туркестана, существовали незадолго до его посѣщенія лошади, происходившія отъ Буцефала—коня Александра, и имѣвшія на лбу особый природный знакъ. Для нихъ былъ устроенъ особый конскій заводъ, принадлежавшій дядѣ одного изъ королей страны Баласіаны. Племянникъ-король пожелалъ приобрѣсти этотъ заводъ въ свою собственность, а такъ какъ дядя не соглашался, то онъ приказалъ убить его. Королева же, возмущенная этимъ злодѣяніемъ, велѣла тайно придурить всѣхъ лошадей на заводѣ. Такъ и погибла эта рѣдкая конская порода... Тѣмъ не менѣе въ странѣ продолжали водиться прекрасныя лошади, замѣчательныя своей выносливостью и такой крѣпостью копытъ, что онѣ не нуждались въ подковахъ даже при переходахъ по горамъ и скаламъ.

степенно приучалъ ее къ сѣдлу и долгимъ труднымъ переходамъ. А передъ набѣгомъ онъ въ теченіе извѣстнаго времени тренировалъ ее, какъ наши наѣзники тренируютъ своихъ скакуновъ.

Чтобы приучить къ обычнымъ въ походѣ лишеніямъ, онъ постепенно уменьшалъ количество корма и въ то же время долго и быстро скакалъ на ней каждый день, давая затѣмъ ей воды и наблюдая, какъ она будетъ пить: если она пила долго и жадно, то это значило, что въ ней еще было много жиру, и что она нуждалась въ дальнѣйшей тренировкѣ. И вотъ онъ снова морилъ ее голодомъ и снова подвергалъ ежедневнымъ скачкамъ до тѣхъ поръ пока наконецъ не добивался требуемой худобы и выносливости...

Вотъ на такихъ-то прекрасныхъ скакунахъ и собрались знакомые намъ туркмены сдѣлать свой кровавый набѣгъ на Персію.

Задумавъ аламанъ въ широкихъ размѣрахъ, они не прибѣгали къ обычнымъ хитростямъ и уловкамъ и не наблюдали особенной тайны относительно своихъ плановъ. Но, впрочемъ, мало кто и изъ самихъ участниковъ набѣга зналъ настоящую цѣль его. Это должны были вѣдать лишь одни предводители, лишь одни сердари, которымъ, вопреки обычаямъ мирнаго періода, всѣ участники должны были повиноваться въ теченіе аламана подъ страхомъ смертной казни.

Пришедшіе за 300 верстъ мервскіе теке потребовали себѣ три дня отдыха, чтобы затѣмъ со свѣжими силами двинуться на кизилбашскія земли. Этотъ срокъ имъ былъ данъ, несмотря на горячее желаніе молодежи ринуться, какъ можно скорѣе, въ аламанъ.

И за этотъ срокъ были выбраны 4 сердаря ¹⁾, по числу четырехъ партій, на которыя разбились участники похода—на двѣ партіи съ каждой стороны, мервской и ахальской. И эти опытные и искусные предводители выработали на своихъ совѣщаніяхъ всѣ подробности предстоящаго похода.

Передъ выступленіемъ же въ набѣгъ всѣ аламанщики собрались въ стѣнахъ Гекъ-тепе и тутъ, при внушительной обстановкѣ, дали торжественную клятву повиноваться своимъ сердарямъ и взаимно поддерживать другъ друга до послѣдней крайности. А для закрѣпленія этой клятвы они прибѣгли къ освященному временемъ и преданіемъ дебу (обычаю).

Вблизи cadaго изъ четырехъ угловъ крѣпости были вырыты неглубокія ямки, и къ нимъ подходили одинъ за другимъ всѣ аламанщики и плевали въ нихъ. Ямки постепенно заполнялись слю-

¹⁾ Персидское слово, означающее столицей во главѣ. Происходитъ отъ серъ—голова, и да ръ—имѣющей (производное отъ даштенъ—имѣть).

ной, и когда не осталось болѣе ни одного, не исполнившаго этого обычая, ямки засыпали и сравнивали съ окружающею почвою ¹⁾).

— Теперь эта земля,—говорилъ, указывая на засыпанную ямку, нашъ знакомецъ Юсуфъ, выбранный сердаремъ въ одной изъ двухъ партій мервскихъ теке:—эта земля будетъ свидѣтельницами вашей клятвы. Нарушившій ее не будетъ достоинъ имени туркмена и будетъ преданъ смерти или выброшенъ изъ нашей среды, какъ послѣдняя собака.

И онъ сурово оглянулъ всѣхъ окружавшихъ его, и каждый туркменъ, шедшій въ аламанъ впервые, понялъ, что это не шутка, и что теперь онъ лишился самостоятельнаго голоса и долженъ идти, куда велятъ, и дѣлать то, что прикажутъ.

V.

Бей, руби кизилбашей!

«Если непріятель грабить домъ твоего
отца, грабь вмѣстѣ съ нимъ».

Туркменская поговорка.

Близился разсвѣтъ. Въ воздухѣ было свѣжо и тихо. По небу плыль сильно убывшій уже дискъ луны и, то прячась за облака, то вновь показываясь между ними, освѣщаль роскошную персидскую долину съ разбросанными по ней селеніями. Небольшая рѣчка, журча въ пологихъ берегахъ, сверкала подъ лучами мѣсяца и извивалась среди сочныхъ пажитей и богатыхъ, покрытыхъ уже густою листвою садовъ.

Все было тихо кругомъ. Вся природа спала крѣпкимъ предразсвѣтнымъ сномъ. Спали вмѣстѣ съ ней и обладатели этихъ прекрасныхъ полей и садовъ, богатые и бѣдные персеяне, не чувствуя и не подозрѣвая надвигавшейся на нихъ бѣды.

А бѣда была уже близка, и мечъ былъ занесенъ надъ ихъ головами.

И при неровномъ, слабомъ свѣтѣ луны не трудно было замѣтить спускавшіяся съ горъ, охватывавшихъ долину, большія, темныя группы всадниковъ. Ихъ было нѣсколько, и всѣ онѣ, отдѣльно одна отъ другой, двигались молча и тихо къ разбросаннымъ по долинамъ селеніямъ. Бывалые скакуны осторожно и почти неслышно ступали на мокрую отъ росы землю, а всадники лишь изрѣдка обмѣнивались между собой отдѣльными словами, стараясь говорить, какъ можно тише, и не нарушая господствовавшаго въ природѣ молчанія.

¹⁾ Объ этомъ оригинальномъ обычаѣ авторъ лично слышалъ нѣсколько разъ, а затѣмъ нашелъ подтвержденіе въ печатныхъ матеріалахъ («Закаспійское Обозрѣніе» 1898 г., «Ежемѣсячныя приложенія», № 1).

Но вдругъ рѣзкій, полный ужаса крикъ раздался въ воздухѣ и понесся во всѣ стороны. И вслѣдъ за нимъ раздалися другой и третій крики, и гулкое эхо понесло ихъ въ разные концы долины...

А въ отвѣтъ на эти крики заночевавшихъ въ полѣ мальчиковъ-пастуховъ слышались дикія завыванія и бѣшеные вопли, способные оледенить кровь въ жилахъ самаго безстрашнаго человѣка. И всѣ эти темныя группы всадниковъ, какъ бы по одному общему знаку, ринулись впередъ къ заранѣ намѣченному цѣлямъ и адскими криками подгоняли летѣвшихъ во весь махъ рьяныхъ скакуновъ своихъ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ эти бурно несшіяся волны ударились о глинобитныя стѣны персидскихъ селеній. И въ отвѣтъ на дикія завыванія сыновъ свободной Туркменіи слышались вопли и стоны мирныхъ поселенцевъ, вскочившихъ среди сна и метавшихся по узкимъ и кривымъ переулкамъ въ полномъ безуміи отъ ужаса и отчаянія.

— Бей, руби подлыхъ кизилбашей! — кричалъ вскочившій въ главѣ своей шайки въ одинъ изъ ауловъ извѣстный уже намъ сердаръ Юсуфъ.

И, какъ ураганъ, несся онъ впереди другихъ и, будто тѣшась и играя, разсыпалъ направо и налево тяжелые удары своего остраго клынка, сразу однимъ взмахомъ снося головы или разсѣкалъ тѣла пополамъ.

А за нимъ слѣдомъ мчались и другіе туркмены, добывая всѣхъ встрѣчныхъ, которые не успѣли спрятаться и уйти отъ меча преслѣдователей...

Дикіе вопли, стоны и крики, жалобное мычаніе скота, лай и вой собакъ, выстрѣлы изъ мултуковъ—все это сливалось въ одинъ общій хаосъ звуковъ и неудержимой волной несло въ даль и тамъ сталкивалось съ такими же волнами полныхъ ужаса и дикаго, бѣшеннаго торжества звуковъ.

Всѣ аулы по долинамъ однимъ взмахомъ перешли въ руки номадовъ. Сопротивленія они не встрѣтили никакого, и всѣ эти пролитые ручьи крови, эти снесенныя сотнями головы, эти изрубленныя тѣла мужчинъ, женщинъ и дѣтей, эти пылающія сакли—все это было излишней жертвой богу мести и дикаго насилія.

И при свѣтѣ горящихъ домовъ, а затѣмъ и поднявшагося солнца возбужденные кровью номады продолжали свое ужасное дѣло убійства и грабежа.

Убивали, впрочемъ, уже немногихъ, такъ какъ это становилось убыточнымъ для кармановъ: зачѣмъ уничтожать этихъ собакъ—шітовъ, зачѣмъ сносить имъ ихъ красныя головы, если за нихъ на правовѣрныхъ суннитскихъ базарахъ въ Хивѣ и Бухарѣ дадутъ по нѣсколько тумановъ. А женщины-рабыни, онѣ, вѣдь, могутъ быть оставлены дома для работъ въ кибиткѣ и въ полѣ, а при молодости и красотѣ—и для любовныхъ утѣхъ своего хозяина.

Но дѣти—къ чему могутъ служить эти маленькія щенята, съ которыми только возня и забота, которыхъ нужно тащить на сѣдлѣ, а потомъ долго растить и кормить, пока, наконецъ, они будутъ въ состояніи впрячься въ хозяйское ярмо и обрабатывать его поле ¹⁾? Бейте же и кидайте въ огонь этихъ маленькихъ отродій! Слышите, какъ пріятно шипятъ на огнѣ ихъ нѣжныя тѣла, какъ уморительно пищатъ они и какъ смѣшно корчатся среди пылающихъ обломковъ?!..

Но что это за крики, несутся изъ того отдаленнаго края аула. Неужели же среди этихъ мирныхъ и обезумѣвшихъ отъ ужаса поселенъ нашлись таки храбрецы, рѣшившіеся съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою жизнь, свободу и имущество отъ звѣрства дикихъ номадовъ?

Нѣтъ, то была лишь ссора между самими грабителями, столкнувшимися у одной и той же добычи. И добычей этой была молодая и удивительно красивая дѣвушка—персіянка, стоявшая въ одной рубахѣ у стѣны загоравшейся сакли и высоко поднимавшая правой рукой кинжалъ, готовый вонзиться въ перваго, кто подойдетъ къ ней.

Но, конечно, не эта геройская поза и не это мужество въ слабой дѣвушкѣ удерживали окружившихъ ее туркменъ отъ нападенія: вѣдь одного удара длиннымъ клыччѣмъ было бы достаточно, чтобы выбить кинжалъ изъ слабыхъ рукъ и завладѣть заманчивой добычей... Но именно эта-то заманчивость жертвы, эта удивительная красота дѣвушки, дававшая ей особенную цѣну даже въ глазахъ дикихъ номадовъ, и послужили ей на пользу, возбудивъ среди грабителей взаимную зависть и желаніе захватить лакомый кусокъ въ свои руки.

И ближе всѣхъ къ дѣвушкѣ стоялъ нашъ знакомецъ Оразъ-Берды. Съ высоко поднятымъ клыччѣмъ онъ загородилъ ее своимъ тѣломъ отъ напавшихъ со всѣхъ сторонъ туркменъ и громкимъ повелительнымъ голосомъ заявлялъ, что она принадлежитъ ему по праву, такъ какъ онъ первый проникъ въ саклю и первый же замѣтилъ тамъ эту дѣвушку.

Однако, слова молодого номада встрѣтили оживленные протесты среди окружающихъ. Нѣсколько голосовъ заговорило и закричало кругомъ, доказывая свои права на дѣвушку. А отъ словъ, взаимныхъ угрозъ и все усиливавшихся криковъ ссора была уже готова перейти въ кровавую схватку. Уже клыччи засверкали въ воздухѣ и поднялись надъ головами спорящихъ, какъ вдругъ могучій и

¹⁾ Впрочемъ, авторъ долженъ отмѣтить, что въ большинство случаевъ туркмены забираютъ въ плѣнъ и дѣтей и затѣмъ или оставляютъ ихъ у себя, воспитывая, какъ своихъ сыновей—и тогда изъ этихъ воспитанниковъ выходятъ обыкновенно самые отчаянные разбойники—или продавая ихъ въ Хивѣ и Бухарѣ.

повелительный голосъ раздался около толпы и заставилъ ее разступиться, чтобы дать дорогу подошедшему.

То былъ сердарь Юсуфъ, поспѣшившій къ мѣсту происшествія, дабы личнымъ присутствіемъ и своей неограниченной властью прекратить готовившуюся кровавую схватку.

— Это что такое?—громовымъ голосомъ прокричалъ онъ:—кто осмѣлился начать эту ссору? Кто рѣшился первый поднять клынчъ на своего брата изъ-за проклятой шитки? Тотчасъ же вложить клынчи въ ножны и разойтись отсюда! А кто ослушается, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною...

И сердарь обвелъ своими грозными, сверкающими глазами толпу номадовъ. И всѣ взоры потупились, всѣ сабли скользнули въ ножны. Только одинъ Оразъ-Берды, хотя и опустившій клынчъ по примѣру другихъ, не потупилъ своихъ глазъ и рѣшительнымъ тономъ заявилъ дядѣ, что онъ не отступится отъ своего права, и что эта дѣвушка—его законная добыча, такъ какъ онъ первый нашелъ ее въ саклѣ.

— Молчать!—грозно крикнулъ на него Юсуфъ:—здѣсь я одинъ говорю и распоряжаюсь! Мурадъ-Гуссейнъ-оглы, возьми эту дѣвушку подъ свою охрану. Въ свое время она будетъ отдана тому, кому принадлежитъ по праву, а пока ты присоединишь ее къ общей нашей добычѣ.

Никто, даже и Оразъ-Берды, не осмѣлился противорѣчить этому властному приказу, и всѣ посторонились, чтобы дать дорогу уходившему сердарю.

А виновница всей этой сцены, хотя и не понявшая ни одного слова изъ разговора туркменъ, стояла между тѣмъ въ той же геройской позѣ у стѣны загорѣвшейся сакли. Но когда она увидала, какъ всѣ клынчи исчезли въ ножнахъ, и поняла, что непосредственная опасность миновала для нея, она потеряла все свое мужество, поддерживавшее ее до сихъ поръ. Ноги подкосились у нея, и она съ истерическимъ воплемъ опустилась на землю.

Мурадъ-Гуссейнъ-оглы подошелъ тутъ къ ней, чтобы исполнить приказъ сердаря. Но только что онъ успѣлъ прикоснуться къ рукѣ дѣвушки, какъ она, будто подъ вліяніемъ электрическаго тока, вновь вскочила на ноги и приняла свою прежнюю геройскую позу. Однако, теперь ничто уже не могло отсрочить ея захвата. Мурадъ однимъ движеніемъ клынча выбилъ у нея изъ рукъ кинжалъ и, ловко обхвативъ, скрутилъ ей руки сзади веревкой. И, понявъ свою беспомощность, бѣдная дѣвушка перестала сопротивляться и только истерическимъ плачемъ выразила свой протестъ противъ грубаго насилія.

А на этотъ вопль изъ сосѣдней, наполовину уже сгорѣвшей сакли выбѣжала вдругъ какая-то пожилая женщина съ груднымъ младенцемъ на рукахъ и, какъ пантера, набросилась на Мурада,

стараясь оттолкнуть его и развязать руки дѣвушки. Но подскокившіе туркмены быстро овладѣли этой новой жертвой, вырвали у нея младенца, бросивъ его въ самую середину пламени, и скрутили ей руки, а чтобы она не оглашала воздуха своими неистовыми криками, заткнули ей ротъ тряпкой.

То была мать бѣдной дѣвушки, спрятавшаяся сначала съ своимъ маленькимъ сыномъ въ далекомъ углу сакли, но потомъ выгнанная оттуда пожаромъ и истерическимъ воплемъ своей дочери. Въ дикомъ отчаяніи билась она и каталась по землѣ, пока, по знаку Мурада, ея вмѣстѣ съ дочерью не подхватили на руки и не отнесли въ поле, гдѣ и посадили около груди награбленныхъ вещей и среди толпы такихъ же плѣнниковъ и плѣнницъ.

Не прошло и получаса послѣ описанной сцены, какъ цвѣтушій еще вчера аулъ превратился въ груды развалинъ и пепла, а все уцѣлѣвшее его населеніе, вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ и разнымъ движимымъ имуществомъ, было собрано на сосѣдней полянѣ.

Сюда же постепенно собрались и хозяева награбленнаго — эти дикіе хищники, для которыхъ человѣческіе вошлы — лучшая музыка, а видъ чужихъ страданій — пріятнѣйшее зрѣлище.

Подъ предсѣдательствомъ самого сердаря собрался совѣтъ изъ почетнѣйшихъ туркменъ и рѣшилъ, не производя дѣлежа добычи, отправить ее, подъ начальствомъ Мурада-Гуссейнъ-оглы въ Ахальтеке, а остальному отряду спѣшить на условленное мѣсто для дальнѣйшаго выполненія заранѣе намѣченнаго плана набѣга.

VI.

Итти или не итти на Мешхедъ?

Широкой и бурной волной разлились по Хорасану шайки дикихъ туркменъ.

Разбившись на мелкія партіи и пробравшись незамѣченными въ среднія части провинціи, они затѣмъ вошли въ связь между собой и двинулись на сѣверъ, забирая въ полонъ все годное къ труду населеніе и грабя цѣнное имущество, а все остальное предавая мечу и огню.

Отчаяніе и ужасъ распространились среди персіянъ, и они, не полагаясь уже на глинобитныя стѣны селеній, бросали свои жилища и уходили въ горы, еле слышавъ о приближеніи надвигающейся бури, одинъ изъ взрывовъ которой описанъ въ предшествующей главѣ. А если кое-гдѣ и встрѣчались храбрецы, готовые съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою жизнь и достояніе, то они представляли только каплю въ этомъ общемъ морѣ отчаянія и апатіи и гибли бесплодно подъ ударами враговъ...

Не доходя нѣсколькихъ переходовъ до столицы Хорасана — г. Мешхеда, туркмены встрѣтили новыя партіи своихъ сородичей, при-

педшія за ними изъ Ахала и Мерва съ тою же цѣью грабежа. Такимъ образомъ силы ихъ почти удвоились, и теперь можно было итти хотя бы на самый Тегеранъ...

Но, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ приближенія къ Мешхеду номады становились все осторожнѣе и осмотрительнѣе.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ большомъ и торговомъ городѣ, глубоко чтимомъ всѣми персіянами въ виду нахождения въ немъ гробницы святого имама Ризы, стоялъ сравнительно значительный гарнизонъ, а по слухамъ въ его стѣнахъ стало собираться и все способное носить оружіе населеніе сосѣднихъ деревень. Сверхъ того, стѣны его были вооружены, хотя и мало дѣйствительными, но все-таки весьма страшными для туркменъ пушками.

Всѣ эти свѣдѣнія нашли себѣ подтвержденіе, какъ въ донесеніяхъ туркменскихъ лазутчиковъ, такъ и въ разказахъ плѣнныхъ персіянъ, передававшихъ много всякихъ извѣстій о вооруженіи Мешхеда. И, конечно, подобное положеніе вещей не могло нравиться дерзкимъ, но въ то же время осторожнымъ туркменамъ, руководствовавшимся въ своихъ аламанахъ мудрымъ правиломъ: «попробуй разъ, попробуй два, а на третій ступай назадъ». А тутъ, пожалуй, и первая-то проба могла быть очень опасной!

Не мудрено поэтому, что вмѣсто предполагаемаго ранѣе быстрого и непосредственнаго нападенія на Мешхедъ туркмены рѣшили обсудить, какъ слѣдуетъ поступить при данныхъ условіяхъ. И для этой цѣли всѣ шайки грозныхъ грабителей собрались въ одномъ изъ горныхъ ущелій, и пока люди и лошади отдыхали отъ трудовъ похода, сердари и выдающіяся батыри сошлись около костра на маслахатъ, водрузивъ тутъ же значки партій съ конскими хвостами и полулуніями или съ шелковыми полотнищами съ вышитыми на нихъ различными фигурами.

И когда неизбѣжный чилимъ обошелъ кругъ вождей, начался обмѣнъ мнѣній между ними.

Много было высказано при этомъ различныхъ предположеній.

— Нужно сейчасъ же итти на Мешхедъ,—говорилъ одинъ изъ молодыхъ еще богатырей, энергично жестикулируя и сверкая своими черными глазами:—нужно немедленно напасть на городъ и разграбить его! Чего бояться этихъ подлыхъ кизилбашей? Если бы ихъ собралось тамъ хоть въ десять разъ больше, хотя бы все населеніе Хорасана, то и тогда достаточно было бы послать на нихъ нашихъ женщинъ, и онѣ забрали бы въ плѣнъ всѣхъ этихъ трусовъ! А насъ здѣсь вонъ сколько, и все какіе молодцы!..

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ ему сидѣвшій рядомъ сердаръ съ небольшой сѣдой бородкой:—не дѣло ты говоришь, Танатаръ. Зачѣмъ намъ нападать на Мешхедъ и вести въ жестокую битву нашихъ воиновъ? Мало развѣ мы собрали уже добычи, двигаясь сюда? У каждаго изъ насъ есть уже довольно имущества, рабовъ и ра-

бынь. Не нужно совсѣмъ ходить на Мешхедъ. Одна капля крови туркмена не стоитъ цѣлой рѣки поганой шіитской крови. А тамъ безъ боя дѣло не обойдется. Лучше не ходить туда, а разграбить сосѣднія селенія, гдѣ много есть всякаго добра, и гдѣ можно набрать еще много плѣнныхъ...

— Ну, Хидыръ-Кули,—набросился на него Танатаръ,—если бы ты не былъ такимъ извѣстнымъ батыремъ и нашимъ сердаремъ, я подумалъ бы, что ты трусишь, и что тебѣ лучше было бы сидѣть дома и дѣлать ковры, чѣмъ водить въ аламанъ нашихъ храбрецовъ.

— Танатаръ!—грозно крикнулъ сердарь, выпрямляясь во весь ростъ и хватаясь за свой клыньчъ.

Но, остальные вожди успѣшили успокоить ихъ и не дали разгорѣться ссорѣ. Да и къ тому же мнѣніе Хидыръ-Кули не осталось безъ поддержки, такъ какъ нѣсколько наиболѣе осторожныхъ голосовъ также высказалось за оставленіе въ сторонѣ Мешхеда, гдѣ неизбѣжно пришлось бы пролить немало туркменской крови.

Но верхъ одержало мнѣніе сердаря Юсуфа, который своимъ планомъ сумѣлъ примирить самые противоположные интересы.

— Зачѣмъ намъ отказываться отъ той добычи, которая сама ждетъ насъ въ Мешхедѣ?—говорилъ онъ:—все, что мы собрали до сихъ поръ, все это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что можно найти въ этомъ богатомъ городѣ. Каждый изъ насъ унесетъ отсюда груды дорогихъ товаровъ, шелковыхъ матерій, ковровъ. А народу тамъ собралось столько, что мы не въ состояніи будемъ перевязать всѣхъ и столько нагонимъ ихъ на базары Хивы и Бухары, что потомъ долго совсѣмъ не нужно будетъ ходить на аламанъ. Правду ли я говорю?

— Правду, правду,—заговорили кругомъ.

— А если это правда, то, значитъ, нужно итти на Мешхедъ,—продолжалъ Юсуфъ,—да и намъ ли, храбымъ туркменамъ, бояться этихъ подлыхъ трусовъ, которые сами подставляютъ свои шеи подъ веревку? Конечно, нужно жалѣть нашу чистую кровь, и нельзя равнять её съ поганой шіитской кровью. Но кому судьба умереть въ бою, тотъ все равно умретъ, сколько бы ни берегся. Да и не отомстимъ мы, какъ слѣдуетъ, кизилбашамъ за ихъ набѣги на наши земли и за мученія нашихъ плѣнныхъ, если не возьмемъ и не разграбимъ Мешхеда!

— Яхши, яхши,—заговорили и закричали кругомъ, при чемъ особенно громко раздавался голосъ Танатара:—идемъ на Мешхедъ, разграбимъ его и предадимъ все мечу и огню!

— Но нужно беречь нашу кровь,—продолжалъ Юсуфъ, когда волненіе нѣсколько улеглось:—зачѣмъ мы пойдемъ на городъ сейчасъ, когда тамъ все настоужѣ, и насъ готовы встрѣтить и ружья-

ми и пушками? Нужно употребить хитрость, обмануть ихъ и напасть тогда, когда они совсѣмъ не будутъ насъ ждать...

— Трудно обмануть хитраго, какъ лисица, персюка, когда онъ насторожѣ,—замѣтилъ Хидыръ-Кули.

— Да, они трусы и потому хитры, — отвѣтилъ ему Юсуфъ, — но обмануть ихъ все-таки можно. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ. Пускай часть нашихъ воиновъ идетъ теперь же къ Мешхеду, но не такъ, какъ предлагалъ Танатаръ, не для того, чтобы сейчасъ напасть на городъ. Пускай эта партія только видѣ дѣлаетъ, что хочетъ взять городъ: пускай она бросится на стѣны разъ или два, а потомъ и отступить совсѣмъ оттуда. Персюки и подумаютъ, что они отбили насъ, и перестанутъ бояться и беречься. Вотъ тогда-то мы и нападёмъ на нихъ всѣми нашими силами. А пока передовая партія будетъ ходить къ Мешхеду, остальные будутъ ждать здѣсь или уйдутъ куда нибудь подальше, но только, чтобы во-время опять сойтись и ударить вмѣстѣ всѣми нашими силами на Мешхедъ. Хорошо ли такъ будетъ?

— Хорошо, очень хорошо, — отвѣтили всѣ вожди, и только одинъ старый Хидыръ-Кули продолжалъ настаивать на томъ, чтобы совсѣмъ бросить столицу Хорасана и не ходить туда; но никто уже и слушать его не хотѣлъ. Каждый лелѣялъ разыгравшіяся мечты о той громадной добычѣ, которая ждетъ его въ богатомъ городѣ.

Еще нѣкоторое время просидѣли вожди за костромъ, обсуждая подробности плана, предложеннаго Юсуфомъ.

Въ передовую партію, на которую возлагалась демонстрація, рѣшено было отрядить половину всѣхъ наличныхъ силъ, чтобы «персюки» не догадались, что это одинъ лишь обманъ со стороны туркменъ. А остальная затѣмъ часть должна была двинуться на западъ, гдѣ лежало много богатыхъ селеній, и откуда мѣстный ильхани (правитель) прислалъ тайно уже двухъ посланцевъ, приглашая къ себѣ «дорогихъ гостей» и обѣщая имъ хорошую добычу.

Какъ это ни странно, но правители персидскихъ областей извлекали однѣ лишь выгоды изъ набѣговъ туркменъ на подвѣдомственные имъ земли.

Благодаря аламанамъ, ильхани сохраняли за собой разныя льготы, предоставленныя имъ центральнымъ правительствомъ относительно сбора податей и отбыванія военной повинности мѣстнымъ населеніемъ. Тогда какъ правители другихъ областей должны были посылать большее или меньшее количество податей въ Тегеранъ, ильхани сѣверныхъ провинцій, страдавшихъ отъ набѣговъ туркменъ, даже получали отъ шаха значительныя суммы для содержанія у себя въ постоянной готовности военной силы, способной отразить нашествіе хищниковъ.

Но, конечно, при томъ глубокомъ развращеніи, которое существовало, да существуетъ и теперь, среди персидскихъ чиновниковъ, и при полной ихъ деморализации, деньги эти, а равно и подати, шли въ ихъ собственные карманы, и они богатѣли, оставляя подвластное населеніе на произволь судьбы. И когда шайки дикихъ номадовъ почему либо долго не приходили, и, слѣдовательно, обстоятельства грозили отнятіемъ установившихся уже льготъ и выгодъ «военнаго положенія», то сами ильхани и серкерде (владѣтели деревень) посылали тайно своихъ вѣрныхъ слугъ къ туркменамъ, любезно приглашая ихъ пожаловать и пожать обильную жатву...

VII.

Отбиты.

Въ ту же ночь, когда состоялось совѣщаніе, описанное въ предшествующей главѣ, туркмены приступили къ исполненію плана, предложеннаго Юсуфомъ. И Мешхеду, вѣроятно, пришлось бы сильно пострадать, если бы счастливое стеченіе обстоятельствъ не избавило его отъ этого разгрома...

Сердарь Юсуфъ, поставленный во главѣ той партіи, которая должна была произвести демонстрацію къ столицѣ Хорасана, прекрасно исполнилъ взятую на себя задачу.

Ни въ чемъ не измѣняя обычной тактикѣ аламановъ, черезъ три дня послѣ описанныхъ событій, подошелъ онъ въ темную ночь къ Мешхеду. Но, конечно, движеніе это, несмотря на приданный ему обычный характеръ скрытности и внезапности, не ускользнуло отъ вниманія насторожившихся персіянъ, и Юсуфъ встрѣтилъ тутъ полную готовность къ бою, запертыя ворота и дымящіяся пушки на стѣнахъ. Хотя ему, въ цѣляхъ одной лишь демонстраціи, достаточно уже было только показаться подъ стѣнами города, но онъ рѣшилъ, для полного обмана осажденныхъ, сдѣлать еще ложную атаку.

Разбивъ своихъ воиновъ на мелкіе отряды, онъ передъ разсвѣтомъ повелъ ихъ на приступъ. Туркмены выполнили все, что дѣлали въ подобныхъ случаяхъ, но, конечно, они легко были отбиты и быстро ушли, не повторяя своей попытки, но все-таки оставляя за собой грозные слѣды аламана въ видѣ горящихъ подгородныхъ поселковъ и уводя съ собой большія стада скота, который хозяева не успѣли во время спрятать.

А черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда въ Мешхедѣ успѣли уже успокоиться послѣ отбитаго аламана и вознести молитвы передъ гробницей имама Ризы за избавленіе отъ грозившей бѣды, въ мрачную и бурную ночь весь соединенный отрядъ туркменъ, прошедшій въ 5—6 часовъ громадное разстояніе, собрался вблизи

города, занявъ опустѣвшіе подгородные сады. И тутъ, въ полной тишинѣ и строгомъ порядкѣ, были окончательно распредѣлены тѣ задачи, которыя выпадали на долю каждаго отдѣльнаго начальника.

Главной цѣлью атаки была выбрана восточная стѣна, оказавшаяся, по собраннымъ справкамъ и по свѣдѣніямъ, добытымъ Юсуфомъ, наиболѣе доступной. Всѣ лошади были оставлены въ занятыхъ садахъ подъ присмотромъ части воиновъ, а остальные номады, забравъ съ собою заранѣе приготовленныя лѣстницы, двинулись въ тишинѣ и порядкѣ къ намѣченной цѣли.

Но имамъ Риза уберегъ свой городъ отъ грозной опасности...

Среди персидскихъ сарбазовъ (солдатъ) во всякое время бывало, какъ есть и теперь, известное количество русскихъ бѣглыхъ солдатъ. Бѣгутъ они и отъ строгости службы, и изъ жажды къ новизнѣ, и отъ страха передъ грозящимъ за что либо наказаніемъ... Въ Персіи же такихъ дезертировъ встрѣчали всегда съ большимъ удовольствіемъ и назначали въ свои войска, хотя предварительно заставляли все-таки принимать мусульманство и совершали установленное обрѣзаніе. При известныхъ способностяхъ и умѣннн понравиться начальству, многіе изъ этихъ дезертировъ быстро двигались въ служебной іерархіи и достигали иногда весьма почетнаго положенія.

Нѣсколько такихъ бѣглецовъ было и въ стѣнахъ Мешхеда во время описываемыхъ событій. Одинъ же изъ нихъ, получившій въ персидской службѣ имя Якубъ-хана, занималъ даже большой постъ начальника всѣхъ войскъ въ священномъ городѣ.

Пропеидши у себя на родинѣ лишь небольшой практическій курсъ военнаго дѣла, но будучи одаренъ отъ природы хорошими способностями и призваніемъ къ своей службѣ, что собственно въ связи съ страстью къ приключеніямъ и заставило его бѣжать въ Персію,—Якубъ-ханъ сумѣлъ въ короткое время своего пребыванія въ Мешхедѣ обучить болѣе или менѣе сносно порученныхъ ему сарбазовъ (солдатъ) и организовать изъ нихъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, подобіе европейскаго войска. Онъ научилъ персидскую артиллерію стрѣлять изъ ея допотопныхъ орудій, а при слухахъ о движеніи большихъ шаекъ туркменъ искусно разставилъ эти орудія по стѣнамъ и распредѣлил пѣхотныя части, такъ что городъ могъ считаться сравнительно хорошо защищеннымъ. Сверхъ того, зная всю важность развѣдочной службы, онъ вызвалъ охотниковъ сарбазовъ и русскихъ бѣглецовъ и, пообѣщавъ имъ хорошее вознагражденіе, сталъ посылать ихъ для осмотра окрестностей города.

И эти-то мѣры въ связи съ проницательностью Якубъ-хана и спасли священный городъ отъ грозившаго ему разгрома.

Уже атака Юсуфа, несмотря на всю опытность и умѣлость сердаря, возбудила подозрѣніе въ Якубъ-ханѣ.

Самъ не умѣя себѣ объяснить причину и основаніе своихъ догадокъ, начальникъ персидскихъ войскъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что эта первая атака была одной лишь демонстраціей, и что вслѣдъ за нею должна послѣдовать другая, которая собственно и будетъ гибельной для города. Мучимый этими предчувствіями, онъ доложилъ о нихъ принцу-правителю Хорасана, но тотъ поднялъ его на смѣхъ и, ссылаясь на свое знаніе обычаевъ туркменъ, заявилъ, что все это вздоръ, и что атака никогда не повторится.

Но, тѣмъ не менѣе, уступая настойчивымъ представленіямъ Якубъ-хана, принцъ, отправляясь на торжественное молебствіе у гробницы имама Ризы, разрѣшилъ все-таки начальнику своихъ войскъ дѣйствовать по его усмотрѣнію.

И Якубъ-ханъ тотчасъ же воспользовался этимъ разрѣшеніемъ. Онъ подвергъ новому осмотру защиту стѣнъ, вошелъ во всѣ мелочи обороны и распредѣленія войскъ и, пообѣщавъ еще большее вознагражденіе, сталъ чаще прежняго высылать развѣдчиковъ по окрестностямъ города.

Правда, быстрый налетъ туркменскихъ шаекъ, подошедшихъ въ нѣсколько часовъ къ окрестностямъ города, ускользнулъ все-таки отъ его вниманія. Но не прошло и часа послѣ прибытія ихъ на это условленное мѣсто, какъ Якубъ-ханъ зналъ уже о немъ отъ одного изъ любимѣйшихъ и расторопнѣйшихъ изъ своихъ подчиненныхъ—такого же бѣглеца изъ Россіи, какъ и онъ самъ. И всѣ затѣмъ планы туркменъ, распредѣленіе ихъ силъ, рѣшеніе итти на восточную стѣну, приготовленіе лѣстницъ и оставленіе всѣхъ лошадей подъ небольшимъ прикрытіемъ въ садахъ,—обо всемъ этомъ онъ узнавалъ почти тотчасъ же отъ своихъ лазутчиковъ и быстро принималъ нужныя мѣры для парализованія замысловъ врага.

Прежде всего онъ составилъ отрядъ въ нѣсколько тысячъ конныхъ сарбазовъ для отбитія туркменскихъ лошадей и, давъ точныя инструкціи начальнику, выслалъ его на мѣсто туркменскаго бивака хорошо извѣстными скрытными путями. Затѣмъ, по мѣрѣ возможности, онъ усилилъ вооруженіе восточной стѣны, перевелъ на нее сарбазовъ съ другихъ участковъ и велѣлъ снабдить ихъ возможно обильнѣе метательными орудіями и снарядами для отраженія туркменской атаки. Подготовивъ же все это, онъ въ послѣдній разъ обошелъ своихъ воиновъ, ободряя ихъ и внушая увѣренность въ успѣхъ.

Послѣ этого оставалось только ожидать приступа.

Зная хорошо, что туркмены производятъ свои нападенія обыкновенно передъ разсвѣтомъ, Якубъ-ханъ сообразилъ съ этимъ всѣ свои дѣйствія и указалъ тотъ же предразсвѣтный часъ и для отраженія атаки, и для нападенія на становище враговъ.

И вотъ, когда турмены, вполне убѣжденные въ успѣхѣ своего предпріятія и предвкушавшіе сладость огромной и легко доставшейся добычи, подошли къ намѣченной ими стѣнѣ и были уже готовы приставить къ ней свои лѣстницы, чтобы одолѣть послѣднее препятствіе,—сверху грянули неожиданно пушки, зачастила дробь разнокалиберныхъ ружей, посыпались внизъ бревна, камни, и начали дѣйствовать разные метательные орудія и снаряды.

Дикіе хищники оторопѣли передъ такимъ неожиданнымъ отпоромъ и быстро отошли отъ стѣны... Впрочемъ, едва ли, привлекаемые слишкомъ заманчивой добычей, они не повторили бы своей попытки къ эскаладѣ, но въ это время со стороны ихъ становища послышались дикіе крики и завыванье, лязгъ оружія, щелканье выстрѣловъ и гулъ отъ топота лошадиныхъ копытъ...

Не трудно было догадаться, что значилъ этотъ шумъ.

Понявъ сразу, что враги проникли въ ихъ планы, и что если они опоздаютъ, то могутъ остаться безъ главнаго средства къ нападенію и защитѣ—безъ своихъ дивныхъ скакуновъ, туркмены оставили всякіе помыслы о дальнѣйшихъ атакахъ и бросились съ возможной быстротой къ своему биваку.

А тамъ между тѣмъ шелъ полный разгромъ и беспорядокъ.

Почти все уже прикрытіе пало подъ ударами скрытно подошедшихъ сарбазовъ, а туркменскіе скакуны, перепуганные шумомъ нападенія и вспыхнувшимъ затѣмъ пожаромъ, стали обрывать свои уздечки и путы и метаться изъ стороны въ сторону, пока не выскакивали совсѣмъ изъ круга битвы и пожара и не исчезали во мракѣ ночи.

Нѣтъ сомнѣнія, что запоздай еще хоть немного главныя силы туркменъ, они оказались бы безъ всякихъ средствъ къ передвиженію и едва ли уцѣлѣли бы въ борьбѣ съ гораздо болѣе многочисленными врагами. Но имъ удалось еще энергичнымъ натискомъ отбросить нападеніе. Переловивъ же затѣмъ своихъ лошадей, они быстрой и беспорядочной толпой бросились прочь отъ этого города, подъ стѣнами котораго вмѣсто добычи чуть-чуть не нашли своей смерти.

Не одна сотня отбитыхъ номадовъ легла, однако, подъ ударами вышедшихъ изъ Мешхеда конныхъ и пѣшихъ отрядовъ, но главныя силы успѣли все-таки ретироваться, уже не думая о нападеніи и помышляя единственно о возможно быстромъ отступленіи отъ опаснаго города.

Впрочемъ, едва ли туркменамъ слѣдовало особенно жалѣть о постигшей ихъ неудачѣ. Награбленные уже ранѣе богатства и толпы рабовъ и рабынь, отправленныхъ на сѣверъ, достаточно вознаграждали за всѣ труды и лишенія аламана, а гибель тѣхъ сотенъ товарищей, которые легли подъ стѣнами Мешхеда, оставалось предать пока на волю Аллаха, карающаго и милующаго по своему усмотрѣнію...

VIII.

Въ «благородной Бухарѣ».

«Благородная Бухара» (Бохара-и-Шерифъ) жила своей обычной жизнью.

Бадеветъ Мозафаръ-эдъ-Динъ¹⁾!—да прибавитъ ему Аллахъ 120 лѣтъ жизни!—былъ въ отсутствіи въ виду войны съ кокандскимъ ханомъ, но это мало отражалось на жизни столицы Трансоксаніи²⁾, этого «благоуханнѣйшаго цвѣтка ислама и просвѣщенія».

Такъ же, какъ и всегда, двигалась по узкимъ улицамъ шумная, разноплеменная толпа, также шелъ торгъ подъ темными сводами базаровъ, и въ караванъ-сараяхъ также молились въ мечетяхъ и, какъ всегда, судили и казнили на площадяхъ преступниковъ.

Но особенно большое скопленіе народа было около нѣсколькихъ караванъ-сараявъ, расположенныхъ вблизи знаменитаго Леби-Гаузъ-Диванъ-беги (резервуаръ Диванъ-беги). Громадная толпа запружала всѣ свободныя мѣста, переполняла чайхане (чайныя), двигалась, шумѣла, кричала и торговалась.

Предметомъ торга тутъ былъ уже живой товаръ: только что привезенные изъ дикихъ степей вольной Туркменіи персіяне и персіянки, захваченные въ плѣнъ во время послѣднихъ аламановъ. Давно уже оторванные отъ разоренныхъ и сожженныхъ родныхъ очаговъ своихъ и вдоволь натерпѣвшіеся всевозможныхъ и физическихъ, и нравственныхъ мученій, очутились они наконецъ на послѣднемъ этапѣ—на рынкѣ «благородной Бухары». Здѣсь уже окончательно должна была рѣшиться ихъ судьба, и здѣсь они должны были попасть въ тѣ руки, изъ которыхъ, быть можетъ, не суждено было вырваться во всю остальную жизнь...

Но тутъ прежде, чѣмъ продолжать рассказъ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о торговлѣ людьми въ Средней Азій, — объ этой гнусной профессіи, которой положило предѣлъ только завоеваніе Россіей, какъ главнѣйшихъ рынковъ этого торга, Бухары и Хивы, такъ и земель «солиднѣйшихъ» поставщиковъ живого товара, дикихъ номадовъ-туркменъ.

Вообще торговля эта велась въ Средней Азій съ давнихъ временъ. Но предметомъ ея были сначала лишь «несвободные» люди—кафиры (невѣрные), т. е. представители всѣхъ религій, кромѣ ислама. Когда же, однако, въ 945 году гиджры уроженецъ Самар-

¹⁾ Бадеветъ значитъ собственно благоденствующій, въ данномъ же случаѣ имѣетъ значеніе—«его величество эмиръ».

²⁾ Т. е. странъ за Оксусомъ (Аму-Дарьей).

канда, знаменитый въ свое время мулла Шемсединъ-Магометъ, объявилъ въ своей фетвѣ (заклятїи, молитвѣ), что отдѣлившїеся отъ истинной правой вѣры пророка шїиты—такіе же невѣрные, какъ и всѣ немусульмане, тогда вся Средняя Азія перестала смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ собратьевъ, и стала торговать и шїитами-персіянами на рынкѣ такъ же, какъ торговала до того китайцами или христіанами. А затѣмъ мало-помалу, по мѣрѣ увеличенїя спроса на рабовъ и рабынь, забылась уже и разница между своими и чужими, и на рынкахъ стало появляться все болѣе и болѣе даже несомнѣнныхъ правовѣрныхъ, настоящихъ мусульманъ-суннитовъ. И лицемѣрная Бухара, громогласно объявлявшая себя истиннымъ свѣточемъ ислама, хранительницей ученїя пророка во всей его неприкосновенности, шла тутъ впереди другихъ и, выводя на свои базары толпы суннитовъ, заставляла ихъ съ помощью побоевъ и притѣсненїй выдавать себя за невѣрныхъ-шїитовъ. И только одни евреи, гонимые и въ Средней Азіи, какъ и во всемъ свѣтѣ, признавались недостойными чести быть проданными въ рабство и поэтому могли сравнительно спокойно вести свои торговые дѣла даже въ самыхъ туркменскихъ пустыняхъ.

Однако, возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Мы въ лавкѣ богатаго сарта Сеидъ-Назара-Курбанъ-оглы. Онъ давно уже принадлежитъ къ почтенному цеху догмафурунъ (торговцевъ невольниками) и нажилъ все свое состояніе на этомъ «честномъ» ремеслѣ. Безчисленное множество рабовъ и рабынь прошло черезъ его руки.

Вдоль и поперекъ исходилъ онъ и извѣздилъ туркменскїя степи, разыскивая тамъ подходящїй для себя товаръ или заказывая его впередъ своимъ друзьямъ-туркменамъ и выдавая имъ авансы въ видѣ денегъ или разныхъ нужныхъ въ домашнемъ обиходѣ предметовъ. Но не стѣснялся онъ при этомъ разыгрывать и обратную роль и не разъ выводилъ изъ Бухары или изъ туркменскихъ пустынь въ города Персіи похищенныхъ оттуда аламанщиками дѣтей или родственниковъ богатыхъ людей, не щадившихъ денегъ, лишь бы вернуть изъ плѣна дорогихъ имъ людей. И къ кому же обратиться несчастнымъ отцамъ для этого, какъ не къ «честному» Сеидъ-Назару-Курбанъ-оглы, этому доброму человѣку, который такъ ненавидитъ гнусныхъ туркменъ за ихъ разбойническїй нравъ и такъ проклинаетъ жестокость и презрѣнную жадность бухарцевъ, покупающихъ своихъ же собратьевъ мусульманъ для обработки полей и домашнихъ работъ!

Правда, услуги Сеидъ-Назара стоятъ очень дорого: но вѣдь сколько же трудовъ стоитъ и ему самому разыскать нужнаго плѣнника или плѣнницу и сколько хлопотъ, чтобы выкупить его изъ рукъ рабовладѣльца, а затѣмъ препроводить въ цѣлости и сохранности черезъ степи дикихъ разбойниковъ-туркменъ?!

Съ полнымъ безстрастіемъ на своемъ красивомъ лицѣ стоитъ онъ теперь въ бѣлоснѣжной чалмѣ и яркомъ цвѣтномъ халатѣ на порогѣ своей лавки и поджидаетъ хорошихъ покупателей на свой ходкій товаръ.

А этимъ товаромъ переполнено нѣсколько отдѣленій его магазина.

Мрачные и угрюмые, вытерпѣвшіе всевозможныя физическія и нравственныя муки, стоятъ и сидятъ съ опущенными головами бѣдные персидскіе рабы. Еле прикрытые жалкими обрывками одежды, черезъ которые виднѣется ихъ изнуренное и засинѣвшее кое-гдѣ отъ побоевъ тѣло, тупо и равнодушно взглядываютъ они на каждаго приходящаго покупателя и безпрекословно поднимаются, даютъ себя ощупывать и осматривать при выборѣ, а затѣмъ и покидаютъ лавку, уходя за своимъ новымъ хозяиномъ. Перенесшіе уже все нравственныя страданія, оторванные безнадежно отъ родины и близкихъ людей, вынесшіе пытки и ужасы продолжительныхъ переходовъ съ веревкой на шеѣ вслѣдъ за грабителемъ-туркменомъ, ѣдущимъ рысью и подгоняющимъ плетью своихъ измученныхъ рабовъ,—чего могутъ бояться они впереди? Самый тяжелый трудъ, самая изнурительная работа лучше оставшихся уже сзади пытокъ и мученій!.. А кто знаетъ, можетъ быть, новый хозяинъ окажется хорошимъ человѣкомъ? можетъ быть, онъ не станетъ подавлять непосильной работой своего несчастнаго раба, а наоборотъ за усердіе и стараніе предоставитъ ему извѣстныя льготы, дастъ какое нибудь вознагражденіе, а затѣмъ, черезъ установленныя семь лѣтъ, предоставитъ и возможность выкупиться на свободу? А то все вѣдь въ рукахъ Аллаха!—можетъ быть, этотъ же жестокий Сеидъ-Назаръ-Курбанъ-оглы долженъ будетъ черезъ какой нибудь десятокъ лѣтъ кланяться ему, своему бывшему рабу, если небо будетъ особенно благосклонно къ нему и, что не разъ уже бывало, дастъ ему не только свободу, но и почетъ и высокое положеніе на новой его родинѣ?..

— Селямъ'алеикюмъ!—произнесъ вдругъ хозяинъ лавки, почти-тельно отступая съ порога и низко кланяясь входившему дородному узбеку въ огромной чалмѣ и парчевомъ парадномъ халатѣ.

— Алейкюмъ селямъ!—отвѣтилъ нѣсколько небрежно вошедшій и тотчасъ же, почти не обращая вниманія на продавца, приступилъ къ осмотру его товара.

— Эй, ты, вставай!—произнесъ онъ, ткнувъ носкомъ сапога въ бокъ приглянувшагося ему персіянина-мужчину, лѣтъ тридцати, высокаго ростомъ и крѣпкаго тѣлосложенія. Когда же тотъ поднялся, онъ сталъ внимательно осматривать и ощупывать его: попробовалъ его мускулы, велѣлъ поднять лежавшій около тяжелый чурбанъ, постучалъ по грудной клѣткѣ...

— Какая же ему цѣна?—спросилъ онъ хозяина, оставшись, видимо, доволенъ результатами осмотра.

— Онъ мнѣ стоитъ 80 тилль¹⁾,—отвѣтилъ, низко кланяясь, Сеидъ-Назаръ:—но для такого важнаго господина я готовъ уступить за семьдесятъ.

— Яхши, гой ела олсунъ (хорошо, пусть будетъ такъ),—отвѣтилъ узбекъ:—менъ истерамъ гяна гегчачъ кизи (я хочу еще красивую дѣвицу).

— Гедачъ меннанъ (пойдемте сомной),—пригласилъ его хозяинъ:—у меня есть много красивыхъ дѣвицъ, но одна—настоящій цвѣтокъ и навѣрно понравится эфенди.

И они оба прошли въ боковую комнату, гдѣ въ тѣхъ же безучастныхъ позахъ, хотя и въ нѣсколько лучшихъ нарядахъ, сидѣли жены и дѣвы Ирана, долженствовавшія украсить собою гаремы бухарскихъ богачей или, при отсутствіи красоты, вступить въ ряды другихъ невольницъ и исправлять разныя домашнія работы.

Миновавъ нѣсколько ближайшихъ женщинъ, покупатель и продавецъ подошли прямо къ молоденькой персіянкѣ, удивительную красоту которой не могли испортить ни всѣ тягости огромнаго перехода, ни мученія и нравственныя пытки плѣна. То была несчастная Фальма, извѣстная уже читателю по одной изъ предшествующихъ главъ, гдѣ описаны и ея попытка къ героической защитѣ, и тотъ азартъ, который она возбудила въ туркменахъ и особенно въ молодомъ нашемъ знакомцѣ Оразъ-Берды.

Засверкали глаза важнаго узбека, когда онъ увидалъ красавицу, и, даже не спросивъ о цѣнѣ, онъ оставилъ ее за собою. Красавица покорно встала, когда ей объявили о состоявшемся торгѣ, и послѣдовала за своимъ новымъ господиномъ. У порога лавки къ нимъ присоединился купленный рабъ, и всѣ они вышли на улицу, гдѣ узбека ждала его свита. Шумная и плотная толпа почтительно разступилась, давая проѣздъ важному эфенди и его свитѣ.

Много глазъ устремилось съ любопытствомъ на поѣздъ узбека и на купленныхъ имъ раба и рабыню, удивительная красота которой плохо скрывалась истрепаннымъ одѣяніемъ и полуразорванной чадрой. И среди этихъ глазъ были два глаза, черныхъ, какъ угли, и засверкавшихъ, какъ огонь, при взглядѣ на дѣвушку. И принадлежали глаза эти молодому Оразъ-Берды.

Судорожно ухватившись за висѣвшій сбоку клынчъ, молодой туркменъ, казалось, готовъ былъ ринуться черезъ всю эту толпу, чтобы выхватить изъ рукъ узбека красавицу-персіянку, завладѣвшую еще тогда, при первой встрѣчѣ въ пылавшемъ аулѣ, всѣми его помыслами и всѣмъ сердцемъ. Но крѣпкія руки схватили его сзади, и властный голосъ сказалъ:

— За тѣмъ развѣ пришли мы сюда, чтобы здѣсь погибнуть подъ ножами презрѣнныхъ торгашей? Я обѣщаль уже тебѣ, что мы ото-

¹⁾ Тилль—золотая бухарская монета.

бьемъ полюбившуюся тебѣ персіянку, но не сейчасъ, среди этой толпы. Будь мужественъ и успокойся.

— Да, ты правъ, Юсуфъ,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—но не будемъ же упускать ее изъ вида. Сколько намъ стоило труда разыскать ее, и теперь, когда мы такъ счастливо подошли къ этой лавкѣ и встрѣтили тутъ Фатьму,—ее могутъ увезти.

— Не безпокойся, теперь она не уйдетъ отъ насъ,—возразилъ Юсуфъ, котораго мы видѣли въ предшествующихъ главахъ грознымъ сердаремъ въ аламанѣ на Персію.

И раздвигая толпу мощными плечами, оба туркмена послѣдовали за удалявшимся поѣздомъ узбека. У одного же чайхане стояли привязанными ихъ лошади. Они вскочили на нихъ и быстро догнали интересовавшую ихъ кавалькаду.

Судьба, видимо, покровительствовала туркменамъ.

На одномъ изъ безчисленныхъ поворотовъ къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человекъ ихъ собратьевъ. Всѣ они пришли сюда вмѣстѣ съ Юсуфомъ и Оразъ-Берды, кто изъ желанія помочь предпріятію, а кто, будучи соблазненъ обѣщаннымъ хорошимъ вознагражденіемъ и страстью къ приключеніямъ. Разбившись затѣмъ въ Бухарѣ для поисковъ, они удачно встрѣтились теперь у самой цѣли своего дерзкаго замысла. Оставалось только ждать удобнаго момента для приведенія его въ исполненіе.

Нѣсколько отдѣлившись отъ поѣзда узбека, чтобы не возбуждать подозрѣній, и разбившись вновь на двѣ отдѣльныя группы, слѣдовали они потихоньку за двигавшейся впереди кавалькадой.

А бухарцы между тѣмъ миновали площадь, лежащую передъ аркомъ (дворцомъ эмира), пересѣкли рядъ узкихъ, кривыхъ улицъ и послѣ почти часового пути подѣхали къ стѣнѣ, охватывающей со всѣхъ сторонъ благородную Бухару.

Тутъ черезъ открытыя ворота выѣхали они въ поле, направляясь, очевидно, къ какому либо изъ окрестныхъ ауловъ.

— Самъ Аллахъ за насъ,—сказалъ съ улыбкою Юсуфъ, когда обѣ группы всадниковъ очутились въ полѣ:—вотъ теперь дадимъ имъ еще немного отѣхать, да и нагрянемъ сзади.

И какъ только миновали послѣдніе признаки жилья, и дорога совсѣмъ вышла на просторъ, туркмены подняли плети надъ своими скакунами и, мгновенно съ дикимъ крикомъ налетѣвъ на передній поѣздъ, разбросали его въ разные стороны. И не успѣлъ еще ошеломленный неожиданнымъ нападеніемъ вельможа-узбекъ прійти въ себя, какъ группа туркменъ скакала уже вдали, увозя съ собою красавицу персіянку.

— Догоняй, лови ихъ!—закричалъ въ изступленіи узбекъ, замѣтивъ, что всѣ слуги его цѣлы, и даже рабъ-персіянинъ остался на мѣстѣ, а не доставало только красавицы-дѣвушки.

И, взмахнувъ плетью, онъ самъ полетѣлъ вслѣдъ за туркменами, сопровождаемый своими слугами.

Но гдѣ же было тяжелымъ бухарскимъ всадникамъ съ ихъ непривычными къ большимъ переходамъ и скачкѣ лошадьми догнать великолѣпныхъ туркменскихъ коней? Далеко за собой оставили Юсуфъ и Оразъ-Берды своихъ преслѣдователей, и, потерявъ уже ихъ изъ виду, они сдержали своихъ скакуновъ и поѣхали шагомъ. Красавица-персіянка лежала безъ чувствъ въ сѣдлѣ Оразъ-Берды.

— Ну, что, доволенъ ты нашей удачей?—спросилъ его улыбаясь Юсуфъ.

— О, я очень благодаренъ тебѣ, дядя,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:— все устроилось, какъ нельзя лучше.

— Значить, я сдержалъ свое слово, которое далъ тебѣ во время твоей болѣзни? Я обѣщалъ тебѣ, когда ты лежалъ весь въ огнѣ и потерявши столько крови отъ ранъ, что мы достанемъ, во что бы то ни стало, приглянувшуюся тебѣ красавицу-персіянку, не доставшуюся тебѣ при раздѣлѣ добычи только оттого, что всѣ считали уже тебя умершимъ. Да, по правдѣ говоря, я и самъ, подобравъ подъ Мешхедомъ твое тѣло, никакъ уже не думалъ, что удастся вернуть тебя къ жизни. Очень ужъ исполосовали тебя проклятые сарбазы. И отчего ты не уходилъ тогда вмѣстѣ съ нами? Нужно было еще бросаться въ бой и показывать свою храбрость!

— Но не могъ я вытерпѣть, дядя,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—тѣхъ издѣвательствъ, которыя посылали намъ сзади презрѣнные шиты. Они смѣялись и кричали, что намъ нападать только на сонныхъ да на женщинъ и стариковъ, а что съ настоящими воинами мы боимся сразиться. Я уговаривалъ тогда скакавшихъ со мною товарищей повернуть на персюковъ. Нѣсколько человѣкъ согласилось на мое предложеніе, и мы повернули назадъ...

— Да, и всѣ вы упали подъ ударами враговъ, которыхъ было по сотнѣ на каждаго. Я потомъ уже узналъ о твоей выходкѣ. И сколько мнѣ труда и хлопотъ стоило, чтобы въ слѣдующую же ночь разыскать тебя на полѣ битвы! И не думалъ я, что удастся вернуть тебя къ жизни. Ну, да, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ оставлять твоего тѣла на проклятой шитской землѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, пришлось бросить трупы другихъ туркменъ.

— Да, ты поступилъ со мною, какъ отецъ,—съ чувствомъ сказалъ Оразъ-Берды:—и я не знаю, когда удастся мнѣ отплатить тебѣ и за спасеніе жизни, и за эту красавицу.

— Ну, красавица-то досталась намъ ужъ очень легко,—отвѣтилъ улыбаясь Юсуфъ:—но теперь нужно подумать и о ней. Вонъ никакъ не можетъ прійти въ себя! Нужно будетъ положить ее на землю и вспрыснуть водой,—быстро очнется.

Черезъ пять минутъ путники подѣхали къ караванъ-сераю и рѣшили расположиться тамъ на отдыхъ, поставивъ, однако, одного изъ воиновъ насторожѣ у воротъ, на случай могущей быть погони.

Но погони не было, и Оразъ-Берды имѣлъ полную возможность привести въ чувство свою красавицу и дать ей отдохнуть.

Долго не могла дѣвушка прійти въ себя отъ ужаса, когда увидала кругомъ тѣхъ же дикихъ грабителей, которые сожгли ея аулъ, а среди нихъ и сильно врѣзавшіяся ей въ память лица Оразъ-Берды—перваго туркмена, нашедшаго ее въ саклѣ, и этого грознаго сердаря, который тогда однимъ появленіемъ своимъ прекратилъ готовившуюся подлѣ нея схватку, и послѣ ухода котораго ее схватили и связали вмѣстѣ съ ея дорогой матерью. Но только теперь уже эти туркмены ухаживали за нею, приводили ее въ чувство, предлагали ей ѣсть и пить... И особенно хлопоталъ этотъ молодой туркменъ, который тогда первымъ нашелъ ее и не хотѣлъ уступить другимъ. Онъ не отходилъ отъ нея, а когда напряженные нервы ея не выдержали, и она разразилась слезами, онъ привелъ откуда-то переводчика и сталъ говорить ей слова утѣшенія.

— Тебѣ никто теперь не сдѣлаетъ зла,—говорилъ онъ ей:—ты поѣдешь теперь въ мою землю и будешь тамъ моею женою. Всѣ мы—твои друзья, и никто не посмѣетъ пальцемъ тронуть тебя. Перестань же плакать, успокойся, пей и ѣшь.

А когда эти слова, а особенно тотъ тонъ, которымъ они были сказаны туркменомъ, и нѣжные взгляды, сопровождавшіе ихъ, произвели свое дѣйствіе, Оразъ-Берды, вспомнивъ о похищенной вмѣстѣ съ дѣвушкой ея матери, спросилъ о ней Фатьму.

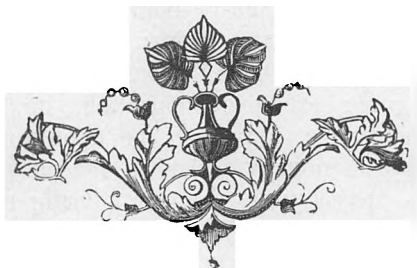
— О, ана джанъ, ана джанъ (дорогая мать)!—вскрикнула дѣвушка, выслушавъ вопросъ и вновь залившись слезами:—ее убилъ злой разбойникъ! Онъ взялъ меня къ себѣ въ сѣдло, а мать привязалъ сзади на веревкѣ. Я просила привязать тамъ меня вмѣсто нея, но онъ не хотѣлъ и слушать. А когда моя бѣдная мать устала бѣжать за лошадыю, онъ сначала билъ ее кнутомъ, а потомъ, когда она совсѣмъ упала, онъ однимъ взмахомъ отрубилъ ей голову! И ея кровь залила меня всю, и теперь еще на моей одеждѣ есть пятна отъ нея.

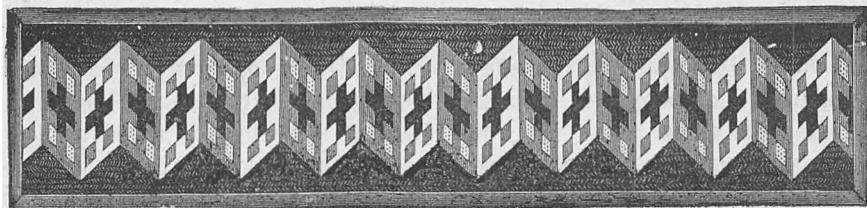
И она, указавъ эти пятна, залилась горькими слезами. Но Оразъ-Берды приложилъ новыя старанія, чтобы успокоить ее, и когда бѣдная дѣвушка почувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы продолжать путь, маленькій караванъ двинулся далѣе къ предѣламъ туркменскихъ пустынь...

Вы видите, читатель, что и въ сердцѣ дикаго туркмена могли уживаться рядомъ съ самыми звѣрскими наклонностями порывы «страсти нѣжной» и готовность къ самопожертвованію, и другія проявленія чистой и высокой души. Все это въ обыкновенной обстановкѣ скрывалось подъ толстымъ слоемъ невѣжества, грубости и съ незапамятныхъ временъ усвоенныхъ привычекъ къ грабежу и

разбою. Но въ нужную минуту всё эти добрыя чувства могли всплыть на верхъ и зачастую совершали чудеса. И, право, за такіе проблески, если даже они бывали и не часто, да за любовь туркменъ къ своей родинѣ, за ихъ своеобразную честность и несомнѣнную храбрость имъ можно, если не совсѣмъ извинить эти дикіе набѣги на несчастныхъ сосѣдей, то во всякомъ случаѣ найти «смягчающія вину обстоятельства», и особенно, если вспомнить исторію средневѣковой Европы съ ея рыцарствомъ и разбойниками—баронами, герцогами и даже епископами. Да кстати ужъ будетъ припомнить и то, что всё эти ужасы аламановъ также отошли, съ завоеваніемъ среднеазиатскихъ ханствъ и покореніемъ Туркменіи, въ область исторіи, какъ и подвиги прославленнаго Геца фонъ-Берлихенгена и другихъ достойныхъ представителей средневѣковаго рыцарства...

А. П. Андреевъ.

КЪ БЮГРАФІИ М. Н. ЗАГОСКИНА.

(1835—1840).

ВЪ ЭТОМЪ году, 23-го іюня, исполнилась пятидесятая годовщина со дня смерти М. Н. Загоскина, извѣстнаго автора «Юрія Милославскаго». Между другими эпизодами его разнообразной, но всегда искренней дѣятельности, вѣроятно, не пройдутъ молчаніемъ его работу на пользу русскаго театра. Загоскинъ послужилъ ему, и какъ драматургъ (многія комедіи его въ свое время пользовались успѣхомъ) и какъ администраторъ, на послѣднемъ поприщѣ занимая въ теченіе 11-лѣтъ (1831—1842 г.г.) отвѣтственный постъ директора Московскихъ императорскихъ театровъ. Все лучшее, чѣмъ когда либо могла похвастаться русская сцена, связано съ эпохой его управленія. Щепкинъ, Мочаловъ, Львова-Синецкая, Сабурова и Живокіни играли въ Маломъ театрѣ; подъ сводами Большого—«заливался соловьемъ Бантышевъ, звучно-серебряный голосъ Лаврова»¹⁾. Отзывчивый, мягкій, иногда слишкомъ довѣрчивый Загоскинъ умѣлъ привлекать къ себѣ всѣхъ знавшихъ его; душевная чистота была основнымъ качествомъ его прямого и честнаго характера. Дѣлая много добра, онъ, по словамъ лучшаго своего біографа С. Т. Аксакова²⁾, никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онъ радовался душою, находя въ людяхъ добрыя качества. Въ ноябрѣ 1835 года, Загоскинъ впервые ставилъ въ

¹⁾ Отрывки изъ памятной книжки отставнаго режиссера («Ежегодникъ императорскихъ театровъ», 1895—1896, прилож., кн. I, стр. 120).

²⁾ Біографія Загоскина, Москва, 1853, стр. 52.

Москвѣ свою новую комедію «Недовольные». Донося объ этомъ министру двора князю Волконскому, онъ писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: «Комедія моя въ 4-хъ дѣйствіяхъ и въ стихахъ «Недовольные», которая съ дозволенія цензуры собственной канцеляріи государя императора ставится на сценѣ Московскаго театра, входитъ въ разрядъ драматическихъ пьесъ, за кои на основаніи высочайшаго постановленія дирекція платитъ автору десятую часть съ двухъ третей сбора каждаго представленія, а посему я покорнѣйше прошу вашу свѣтлость предписаніемъ вашимъ утвердить по сему предмету нижеслѣдующее мое распоряженіе: 1) десятую часть съ двухъ третей сбора съ каждаго представленія на императорскомъ Московскомъ театрѣ комедіи моеи удерживать въ пользу экстерновъ школы Московскаго театра, болѣе другихъ имѣющихъ надобность въ семъ пособіи; 2) назначеніе сихъ пособій производить по усмотрѣнію директора, и, наконецъ, 3) если комедія моя останется въ репертуарѣ Московскаго театра, то продолжать удерживать вышеозначенную десятую часть въ пользу экстерновъ московской школы, на основаніи § 7 высочайше утвержденнаго положенія, въ которомъ предоставляется право сочинителямъ играныхъ пьесъ пользоваться слѣдующею имъ частію сборовъ во всю ихъ жизнь»¹⁾. Министръ, конечно, приказалъ удовлетворить просьбу Загоскина, при чемъ просилъ увѣдомить его, какой успѣхъ будетъ имѣть пьеса. Отвѣтъ Загоскина помѣченъ 4-мъ декабремъ. «Исполняя предписаніе вашего сіятельства,—писалъ онъ,—имѣю честь довести, что комедія моя «Недовольные», данная 2-го декабря на сценѣ Большого театра, имѣла гораздо болѣе успѣха, нежели я могъ ожидать, потому что въ числѣ зрителей, безъ всякаго сомнѣнія, весьма многіе не могли быть довольны сюжетомъ оной: По окончаніи комедіи я былъ вызванъ. Театръ былъ наполненъ зрителями, и несмотря на то, что этотъ спектакль былъ данъ въ счетъ абонеента, сборъ простирался до 4-хъ тысячъ 162 р. 24 к. Такъ какъ комедія много потеряла отъ обширности сцены и глухоты Большого театра, то во второй разъ она будетъ дана на Маломъ театрѣ. Коль скоро моя комедія выйдетъ изъ печати, я буду имѣть счастье доставить ее вашей свѣтлости»²⁾. Любопытно, что дѣйствительный успѣхъ комедіи немножко расходился съ отзывомъ о ней автора. Аксаковъ, напримѣръ, сообщаетъ, что «Недовольные» были представлены на московскомъ театрѣ «безъ большого успѣха, несмотря на многія комическія сцены и на множество прекрасныхъ и сильныхъ стиховъ. Вообще въ чтеніи она нравилась гораздо больше»³⁾. Для насъ, конечно, было важно отмѣ-

¹⁾ Общ. арх. мин. имп. двора, оп. 10/905, д. № 115.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Біографія Загоскина, стр. 36.

тить великодушную черту характера Загоскина, въ полномъ смыслѣ слова благодѣтеля своихъ подчиненныхъ ¹⁾. Не забывалъ онъ также и казеннаго интереса. Знаменательно его сопоставленіе успѣха «Недовольныхъ» съ цифрой театральнаго сбора; недаромъ формуляръ его пестритъ отмѣтками о «высочайшемъ благоволеніи за труды и попеченіе о сохраненіи казеннаго интереса» ²⁾. Загоскинъ какъ-то умудрялся комбинировать то, что совершенно не удавалось его предмѣстникамъ и преемникамъ. Внѣшній блескъ театральнаго распорядка (прекрасная труппа, великолѣпная обстановка) гармонировалъ при немъ съ театральнымъ бюджетомъ, даже съ небольшою пользою для театральнаго финансовъ. Въ 1851 году Загоскину минулъ 51 годъ. Безпрерывная литературная и административная дѣятельность утомила старика. Захотѣлось тишины, отдыха. Въ этомъ году онъ собственноручно пишетъ князю Волконскому:

«Ваша свѣтлость! Въ первый еще разъ я осмѣливаюсь просить васъ о самомъ себѣ. Вы были всегда ко мнѣ милостивы и, вѣроятно, не откажетесь быть моимъ благодѣтелемъ до конца. Я почелъ бы за счастье служить всю жизнь подъ начальствомъ вашего сіятельства, но чувствую, что становлюсь уже неспособнымъ въ настоящей моей дѣятельности; здоровье мое съ каждымъ годомъ становится хуже, зрѣніе и память тупѣютъ, а начальникъ московскаго театра, котораго способности такъ ограничены, долженъ замѣнять этотъ недостатокъ средствъ непрерывной дѣятельностью, видѣть все собственными глазами и, слѣдовательно, въ теченіе цѣлаго года не имѣть почти ни одного дня для своего отдохновенія. Я не говорю уже, ваше сіятельство, о безчисленномъ множествѣ непріятностей, неразлучныхъ съ моимъ званіемъ; для постороннихъ онѣ кажутся совершенно ничтожными. Надобно быть директоромъ театра, то-есть всегдашнею цѣлью злословія публики, надобно быть начальникомъ актеровъ и актрисъ, чтобы понять, до какой степени эти мелкія, но непрерывныя непріятности становятся подъ конецъ тягостными. Я могу еще и желаю продолжать службу; но, чтобы служить безъ укоризны и выполнять въ точности всѣ мои обязанности, мнѣ должно имѣть мѣсто, не требующее такой непрерывной дѣятельности. Если бы я по ходатайству вашего сіятельства былъ помѣщенъ въ число почетныхъ опекуновъ Московскаго опекунскаго совѣта съ сохраненіемъ при мнѣ настоящихъ моихъ окладовъ, то я почелъ бы себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ. Это была бы не награда за мою долготѣнную службу,—такой награды я ничѣмъ не заслужилъ,—но величайшая милость,

¹⁾ «Десятая часть двухъ третей сбора» могла равняться въ среднемъ (при сборѣ въ 4 тыс.) почти 250 рублей. Если допустить, что пьеса выдержала 10 представлений, то въ пользу экстерновъ театральнаго училища должно было очиститься свыше 2 тыс. рублей.

²⁾ См. приложение.

за которую я сталъ бы во всю жизнь мою благодарить васъ, государя и Бога. Я не смѣлъ бы просить объ этой милости, если бы не было примѣровъ, что дѣйствительные статскіе совѣтники занимаютъ мѣста почетныхъ опекуновъ; въ здѣшнемъ опекуновомъ совѣтѣ служилъ почетнымъ опекуномъ г. Арсеньевъ; онъ одного со мною чина и, вѣроятно, моложе меня по службѣ. Я въ 1805 году имѣлъ уже офицерскій чинъ и съ тѣхъ поръ служу непрерывно. Клянусь честью, ваше сіятельство, что только совершенная тѣлесная и душевная усталость побуждаютъ меня просить васъ объ исходатайствованіи мнѣ сей высоко монаршей милости. Повторяю еще разъ, что я за счастье почелъ бы служить всю жизнь мою подъ начальствомъ вашимъ. Со страхомъ и надеждою буду ожидать отвѣта вашего сіятельства, но во всякомъ случаѣ не сомнѣваюсь, что вы употребите все отъ васъ зависящее, чтобы только навсегда упрочить счастье и спокойную будущность вашего подчиненнаго, который всегда былъ и вѣчно будетъ вамъ преданъ всею своею душою. Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія за счастье почитаю называться вашего сіятельства и т. д.

«Михаилъ Загоскинъ» ¹⁾.

Но Волконскому не хотѣлось отпускать Загоскина. Онъ зналъ давно М. Н., дорожилъ его дѣятельностью, и въ такомъ смыслѣ, вѣроятно, сдѣлалъ докладъ государю. 22 апрѣля Загоскинъ получилъ отвѣтъ министра:

«По всеподданнѣйшему докладу моему письма вашего превосходительства, — писалъ Волконскій, — о перемѣщеніи васъ въ опекунскій совѣтъ почетнымъ опекуномъ, государь императоръ соизволилъ отозваться, что, оставаясь доволенъ службою вашей, его величество желаетъ, дабы вы продолжали оную въ настоящей должности, тѣмъ еще болѣе, что строящійся въ Москвѣ театръ ²⁾ долженъ быть оконченъ подъ вашимъ распоряженіемъ» ³⁾. Пришлось остаться. Только въ 1842 году отпустили его съ миромъ, но почетнымъ опекуномъ не сдѣлали, а опредѣлили директоромъ оружейной палаты, въ каковой должности онъ и оставался до самой своей кончины. Послѣ ухода Загоскина общее управление петербургскими и московскими театрами принял на себя Гедеоновъ.

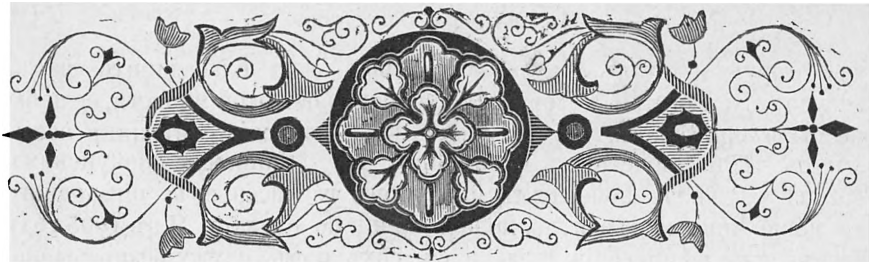
Баронъ Н. В. Дризенъ.

¹⁾ Общ. арх. мин. имп. д., оп. ^{3/935}, д. № 66.

²⁾ Какой театр? Кромѣ Большого и Малаго театровъ, въ Москвѣ, какъ извѣстно, императорскихъ театровъ въ то время не существовало. Можетъ быть, здѣсь подразумѣвается перестройка Большого театра, но по официальнымъ даннымъ «Ежегодника императорскихъ театровъ» такая перестройка начата была лишь въ 1843 году.

³⁾ Общ. арх. мин. имп. д., оп. ^{3/935}, д. № 66.

«истор. вѣстн.», июль, 1902 г., т. LXXXIX.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ШТАКЕНШНЕЙДЕРЪ.

В ТЕКУЩЕМЪ году исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Андрея Ивановича Штакеншнейдера, плодовитаго и талантливаго строителя-художника своего времени, создавшаго за 30 слишкомъ лѣтъ, сравнительно не долговременный срокъ, своей архитектурной дѣятельности, массу грандіозныхъ и великолѣпныхъ сооружений, которыя сохранились до сего времени. Они разсѣяны не только по нашей сѣверной столицѣ и ея окрестностямъ, принадлежащимъ въ большинствѣ высочайшимъ особамъ, какъ-то: Петергофъ, Сергіево, Михайловка, Стрѣльна, Ораніенбаумъ, Царское Село, Павловскъ, но и по такимъ отдаленнымъ окраинамъ, какъ Севастополь и южный берегъ Крыма. Разсѣяны и по всей Россіи, въ губерніяхъ: Тамбовской, Тверской, Новгородской и т. д.

Сто лѣтъ назадъ, въ многочисленной семьѣ владѣтеля мельницы и мызы Ивановка, близъ Гатчины, что нынѣ полустанокъ Пудость, у Ивана Θεодоровича Штакеншнейдера, 22 февраля 1802 г. родился сынъ Андрей. Съ раннихъ лѣтъ болѣзненный и слабый, онъ не увлекался играми сверстниковъ, братьевъ и сестеръ своихъ, и любимымъ занятіемъ его было придумывать и исполнять различныя сооружения, которымъ онъ предавался со страстью. Получивъ домашнее образованіе, Андрей Ивановичъ тринадцати лѣтъ, по собственному желанію и по совѣту родителей, въ 1815 г. поступилъ въ академію художествъ пансіонеромъ съ платою 360 рублей ассигнаціями. Прилежно изучая предметы по избранной спе-

ціальности и будучи по природѣ скромнымъ работникомъ, А. И. черезъ два года по своемъ вступленіи былъ исключенъ изъ академіи за невзносъ платы, но въ скоромъ времени снова принятъ и продолжалъ попрежнему упорно работать. Не выдвигаясь изъ среды своихъ сотоварищей, онъ въ 1820 году восемнадцати лѣтъ окончилъ курсъ. Выпущенный на самостоятельный жизненный путь, онъ до самой смерти оставался истиннымъ труженникомъ и неутомимымъ работникомъ. Первые шаги его были очень затруднительны. Штакеншнейдеру былъ выданъ лишь аттестатъ, т. е. свидѣтельство объ окончаніи курса академическихъ наукъ, что не давало молодому человѣку полныхъ правъ, какими пользовались его сотоварищи, получившіе, во время пребыванія въ академіи, поощрительныя медали и другія награды, что особенно принималось во вниманіе при поступленіи на службу. Его матеріальное положеніе нѣсколько улучшилось, когда онъ въ 1821 году опредѣлился чертежникомъ въ комитетъ строительныхъ гидравлическихъ работъ. Черезъ 4 года, а именно 17 іюля 1825 г., А. И. перешелъ чертежникомъ и рисовальщикомъ къ Монтферану, при постройкѣ Исакиевскаго собора; знаменитый строитель, при своей наблюдательности, тотчасъ же замѣтилъ въ своемъ молодомъ помощникѣ выдающійся вкусъ и поручилъ ему составить общіе и детальныя рисунки катафалковъ, сначала для императора Александра I и въ скоромъ времени для императрицы Елисаветы Алексѣевны. За эти рисунки А. И. получилъ первую награду. Состоя на службѣ, онъ занимался и частными постройками. Одной изъ первыхъ самостоятельныхъ работъ его былъ памятникъ въ видѣ храма въ имѣніи барона Николаи «Mon heros».

Монтферанъ, видя необыкновенную усидчивость и любовь къ труду и искусству Штакеншнейдера, особенно заботился о судьбѣ его и, когда здоровье послѣдняго ухудшилось, выхлопоталъ ему поѣздку за границу съ усиленнымъ окладомъ для поправленія здоровья и совершенствованія. Но болѣзнь А. И. настолько осложнилась, что онъ не могъ предпринять далекое путешествіе. Представленный Монтфераномъ графу Бенкендорфу, онъ всю жизнь съ благодарностью и умиленіемъ вспоминалъ заботы и доброту своего начальника и учителя.

Знакомство съ гр. Бенкендорфомъ положило прочное основаніе дальнѣйшему развитію таланта въ молодомъ архитекторѣ. Въ 1830 году гр. Бенкендорфъ увезъ А. И. къ себѣ въ имѣніе «Fall» подъ Нарву; здѣсь, слегка окрѣпнувъ, онъ по порученію графа составилъ планъ перестройки стараго замка, а затѣмъ принялся и за самую постройку въ древне-германскомъ стилѣ, гдѣ вся трудность композиціи состояла, по желанію заказчика, въ сочетаніи прежняго разрушающагося съ новымъ моднымъ вѣяніемъ, и все же производило впечатлѣніе средневѣковаго. Восхищенный быстрымъ

и блестящимъ исполненіемъ своей идеи, графъ Бенкендорфъ, 1831 г. принимая въ «Fall» императора Николая I и высочайшихъ особъ, представилъ имъ Штакеншнейдера и заказалъ ему воздвигнуть памятникъ въ честь посѣщенія государемъ его дома. Николай I, поощрявшій молодые таланты, обласкалъ Штакеншнейдера и съ этого дня не оставлялъ его своими милостями, поручая ему различныя постройки и назначивъ его архитекторомъ двора великаго князя Михаила Павловича. Первою постройкою этого періода была дача принца Ольденбургскаго на Каменномъ островѣ, гдѣ впервые были замѣчены самостоятельный вкусъ и удобство постройки. Тогда же (1834 г.) Штакеншнейдеръ получаетъ званіе «академика» за проектъ небольшого загороднаго дворца. Талантъ его находитъ обширное поле для своего развитія. Вся масса передѣлокъ старыхъ, обширныхъ, но не удобныхъ по тогдашнему времени дворцовъ была возложена на А. И.

Перестройки наружныя и внутреннія, проведеніе водопроводовъ, тогда еще впервые примѣненныхъ только въ дворцовыхъ зданіяхъ, проведеніе дорогъ, распланировка садовъ, построеніе мостовъ даютъ молодому академику разнообразное поприще для примѣненія теоріи. Онъ учится на своихъ собственныхъ произведеніяхъ, пополняетъ свои знанія на опытѣ. Судьба благоприятствовала успѣху Штакеншнейдера и росту его недюжиннаго таланта. По высочайшему повелѣнію онъ воздвигаетъ цѣлый рядъ дворцовъ, какъ городскихъ, такъ и загородныхъ, для августѣйшихъ дѣтей и родственниковъ императора. Въ 1835 г. ко дню рожденія государя молодой академикъ исполняетъ сельскій домикъ (нынѣ Охотничій) въ русскомъ вкусѣ въ Петергофѣ. Въ этомъ домикѣ и понынѣ находится акварель работы Штакеншнейдера—посѣщеніе вновь возведенной постройки высочайшими особами. Это была первая попытка постройки въ русскомъ стилѣ, начавшей только тогда входить въ моду. Въ 1837 году строитель былъ посланъ въ Москву осмотрѣть Коломенскій дворецъ, для составленія проекта возобновленія онаго, по желанію государя, въ стилѣ готическо-русскомъ, что и было исполнено. По составленному проекту дворецъ представлялъ грандіозное зданіе, увѣнчанное съ двухъ сторонъ большими высокими башнями, обширная дворцовая площадь образовывала цѣлый рядъ террасъ съ распланированными садами. Проектированный, величественный дворецъ былъ высочайше одобренъ, но, превысивъ по смѣтѣ ассигнованную на построеніе его сумму, не приведенъ въ исполненіе. За разрѣшеніе этой сложной задачи по составленію проекта А. И. удостоился нѣсколькихъ высочайшихъ наградъ. Въ іюлѣ того же года, онъ былъ посланъ за границу для усовершенствованія. Былъ въ Итали, Франціи и Англии, неутомимо изучая западные образцы, и черезъ годъ вернулся на родину со свѣжими силами и новыми знаніями, которыми онъ и воспользовался въ ожидающей его постройкѣ Ма-

Андрей Иванович Штакенштейдеръ.

ринскаго дворца, этого до сей поры блестящаго и интереснаго зданія, возведеніе котораго продолжалось около шести лѣтъ (1839—1844 гг.). Одна изъ самыхъ блестящихъ построекъ его сороковыхъ годовъ — это дворецъ въ имѣніи великой княгини Маріи Николаевны, Сергіевкѣ. Къ этому же періоду относятся и большинство небольшихъ самостоятельныхъ построекъ въ Петергофѣ: Сельскій домикъ, Ольгинъ островъ, Царскій островъ, собственная его величества дача въ Александріи, дача наслѣдника цесаревича, вилла въ Знаменкѣ, въ Петергофѣ же Озерки, Самсоніевскій каналъ и мостъ и т. д. Но самой крупной задачею, вѣнчающей этотъ періодъ, надо считать постройку дома князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, нынѣ дворца великаго князя Сергія Александровича на Невскомъ, у Аничкова моста, затѣмъ — постройку домовъ: графа Кушелева у Симеоновскаго моста, Олсуфьева противъ Инженерскаго замка и др. Начало же второго періода ознаменовалось исполненіемъ многосложной и трудной задачи постройки по составленному имъ и высочайше утвержденному проекту большаго дворца для великой княгини Маріи Николаевны, нынѣ государственнаго совѣта. Мѣсто для построенія этого грандіознаго зданія было выбрано у Синяго моста на мѣстѣ, занятѣмъ домомъ графа Захарія Чернышева, выстроеномъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія первымъ профессоромъ архитектуры нашей академіи Валенъ-де-Монтомъ. Въ немъ помѣщалась школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. По составленному проекту, вслѣдствіе недостатка мѣста, согласно предложенію строителя, были прибрѣтены смежные дома: доктора Савенка, Демута, Малиновскаго и купца Вульфerta, а также по всему фасаду дворца расширенъ мостъ, образовавшій передъ нимъ обширную площадь. Постройка эта потребовала отъ архитектора большихъ усилій и опытности. Часть стѣнъ бывшаго дома, а именно выходящая на Вознесенскій проспектъ была сохранена Андреемъ Ивановичемъ и предназначена для внутреннихъ покоевъ высочайшихъ особъ. Употреблены были металлическія стропилы и балки, въ то время еще новостъ, — висячія колонны церкви, устройство фонарей для просвѣтовъ, сѣтки для намета штукатурки потолковъ. Все это неожиданно представило массу преградъ и затрудненій. Примѣненіе металлической системы не удавалось, но послѣ долгихъ стараній усовершенствовать ее] труды эти привели къ желаемому результату. Поставленъ былъ гранитный куполъ съ чугунными вазами; часть наружныхъ украшеній высѣчена изъ песчаника, привезеннаго изъ имѣнія Бистрома, близъ Нарвы; отдѣлка оконъ, капителей, карнизы, пилястры, колонны, базы и кронштейны отлиты изъ англійскаго цемента. Въ парадныхъ сѣняхъ поставлены четыре колонны съ пилястрами для поддержанія сводовъ изъ тивдійскаго мрамора. Затѣмъ была отдѣлана церковь; все внутреннее помѣщеніе и залъ, покрытый скульптурою, расписаны. Дворецъ совершенно оконченъ

и сданъ 20 января 1845 г., а годъ передъ тѣмъ Штакеншнейдеръ за эту постройку былъ признанъ академіей профессоромъ архитектуры, именно, 24 сентября 1844 г., получилъ высочайшія награды отъ государя и великой княгини, которая приказала поставить внутри зданія мраморный бюстъ строителя. За время построенія дворца, А. И. возобновилъ и перестроилъ Большой китайскій дворецъ въ Ораніенбаумѣ, составилъ проектъ новгородскаго дворянскаго собранія, проектъ постройки дворца и зданія въ имѣніи ея величества «Оріанда» въ Крыму, проектъ дома Потемкиныхъ въ Гостилицахъ, въ Петергофѣ, по случаю свадьбы великой княгини Ольги Николаевны, на Старомъ дворцѣ пристроилъ третій этажъ, со стороны сада, комнаты и залъ со стороны церкви, тамъ же построилъ фазанное отдѣленіе. Былъ командированъ въ Крымъ для осмотра мѣстности Оріанда и приступилъ къ проектѣ тамошняго дворца. Перестроилъ домъ графа Потоцкаго. Устроилъ садъ на Ольгиномъ островѣ, построилъ церковь въ Сергіевкѣ, имѣніи великой княгини Маріи Николаевны. Передѣлалъ около ста двадцати комнатъ въ Большомъ и Константиновскомъ дворцахъ, провелъ водопроводы въ Павловскѣ, гдѣ возобновилъ съ нѣкоторыми измѣненіями послѣ пожара вокзалъ, имъ же раніѣе выстроенный. Тамъ же построилъ церковь; составилъ проекты церквей для княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, для генерала Офенберга. Построилъ въ Петербургѣ домъ для гофмаршала Олсуфьева у Пантелеймоновскаго моста. По высочайшему повелѣнію воздвигъ памятникъ почившей великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ въ Царскосельскомъ саду, перестроилъ близъ Петергофа ферму «Александрія» и дворецъ на Каменномъ островѣ. 24 марта 1843 г., Штакеншнейдеръ возведенъ былъ въ званіе вольнаго общника академіи.

Въ 1846 г. А. И. построилъ «Ренеллу» на Знаменской мызѣ, возобновилъ картинную галерею въ Большомъ петергофскомъ дворцѣ, построилъ собственную дачу его величества и въ Александріи молъ. Въ то же время онъ строилъ и составлялъ проекты частнымъ лицамъ, наблюдалъ за постройками въ Стрѣльнѣ; выстроилъ тамъ же каменную конюшню и перестроилъ дворецъ. Въ 1849 году, по высочайшему повелѣнію, вторично командированъ въ Крымъ для наблюденія за постройкой Оріандскаго дворца. Отъ департамента военныхъ поселеній имѣлъ порученіе, на пути въ Крымъ, осмотрѣть разныя воинскія зданія и постройки въ Екатеринославѣ, Перекопѣ, Симферополѣ, Бахчисараѣ, Карасубазарѣ, Евпаторіи, Керчи, Никополѣ, Новогоріевскѣ и Кременчугѣ. Въ томъ же году построилъ домъ на Каменномъ островѣ для князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ и составилъ проектъ средневѣковаго замка для г. Слизна. Въ 1851 г. А. И. перестроилъ Старый Эрмитажъ и павильонъ Малаго Эрмитажа, залы государственнаго совѣта, комитета министровъ и т. д. Въ Петергофѣ построилъ бель-

ведеръ на Бабигонскихъ высотахъ и церковь во имя царицы Александры. Составилъ проектъ каменнаго дома герцога Лейхтенбергскаго, загороднаго дома для графини Толстой, памятника кн. Кочубею, часовни надъ могилою гр. Бенкендорфа, мавзолеей для егермейстера Васильчикова. Составилъ проектъ Николаевской часовни на Благовѣщенскомъ (нынѣ Николаевскомъ мосту), проектъ искусственныхъ руинъ близъ Петергофа и много другихъ. Въ 1852 г. составилъ проектъ дворца великаго князя Николая Николаевича (нынѣ Ксеніевскій институтъ) и дома герцога Лейхтенбергскаго въ имѣніи Тамбовскомъ. Построилъ каменную оранжерею на дачѣ Михайловской и загородный домъ графа Куселева въ имѣніи Лигово. Въ Зимнемъ дворцѣ передѣлалъ покои императрицы Александры Ѳеодоровны, угольный кабинетъ государя и столовый залъ. Въ Стрѣльнѣ провелъ дороги и построилъ водяную мельницу. Въ 1853 г. выстроилъ пятиэтажный флигель и оранжерею при дворцѣ Маріи Николаевны, перестроилъ флигель при Михайловскомъ дворцѣ, составилъ проектъ артиллерійскихъ казармъ. Въ 1854 г. выстроилъ въ Старомъ Эрмитажѣ сѣни и мраморную лѣстницу. Въ Петергофѣ построилъ два золотокупольныхъ съ колоннадами павильона, перестроилъ Львиный каскадъ, выстроилъ каменный гротъ подъ дворцомъ у Самсоніевскаго канала. Составилъ проектъ церкви въ имѣніи генерала Романовича и проектъ церкви для Тверской губ., составилъ также памятникъ Нестору-Лѣтописцу. Въ 1855 г. продолжалъ постройку Николаевскаго дворца. Въ 1857 г. по порученію князя Васильчикова имъ былъ составленъ идейный проектъ памятника-церкви надъ могилами севастопольскихъ героевъ; но судьба готовила Штакеншнейдеру неприятность: исполненіе проекта было поручено другому архитектору, а именно — Авдѣеву, который почему-то, несмотря на доводы профессора, составителя проекта, измѣнилъ его, безъ всякой видимой причины. Вотъ что пишетъ самъ Штакеншнейдеръ въ отвѣтъ на эту выходку Авдѣева: «Въ № 19 «Русскаго Вѣстника» 1857 года помѣщено описаніе закладки храма во имя Святителя Николая въ Севастополѣ надъ могилами павшихъ воиновъ. Въ описаніи упомянуто, что храмъ сей строится по проекту архитектора Авдѣева. Вѣроятно, г. Авдѣевъ по ошибкѣ присвоиваетъ себѣ составленный мною проектъ. Планъ сего храма-памятника, во имя св. Николая Чудотворца надъ могилами воиновъ, павшихъ при защитѣ Севастополя, составленъ мною по порученію генералъ-адъютанта кн. В. Н. Васильчикова въ февралѣ 1857 года. Проектъ представленъ его сіятельству при слѣдующей запискѣ: при начертаніи проекта имѣлось въ виду, чтобы самая форма этого храма соотвѣтствовала идеѣ его построенія. Поэтому церкви, предназначенной для священнаго воспоминанія о герояхъ, положившихъ здѣсь жизнь свою за царя и отечество, и для служенія о нихъ божественныхъ панихидъ, предполагено дать

видъ надгробнаго памятника. Это—увѣнчанная крестомъ четырехсторонняя пирамида, съ присоединенною къ ней частью, въ которой устроенъ входъ, и надъ которою возвышается колокольня. Часть эта проектирована въ древне-византійскомъ вкусѣ. Сверхъ того, вся постройка въ проектѣ своемъ приспособлена къ тому, чтобы выполненіе ея требовало сколь возможно менѣе издержекъ, чтобы она представляла наибольшую прочность и въ послѣдствіи не требовала ремонтной издержки. Для соблюденія двухъ послѣднихъ условій единственными матеріалами къ сооруженію храма полагаются камень и металлъ. Верхнему бронзовому вызолоченному кресту предположено дать значительный размѣръ, также примѣняясь къ главной идеѣ устроенія церкви надъ прахомъ павшихъ въ брани, поднятой за святыню креста Господня. По четыремъ наружнымъ сторонамъ пирамидальнаго храма предназначается помѣстить барельефныя изображенія: Николая Чудотворца, Георгія-Побѣдоносца, Святаго Равноапостольнаго князя Владимира и св. Александра Невскаго; подъ ними же на тесаномъ инкерманскомъ или артекскомъ камнѣ ¹⁾ начертать имена храбрыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, положившихъ животь свой при твердыняхъ Севастополя. Куполь колокольни полагается мѣдный съ позолотою; наружный входъ и колонны на церковной паперти—изъ розоваго оріандскаго мрамора; прикрытіе, вѣнчающее наружный входъ въ церковь, — изъ мѣди. Надъ главными входными дверями храма на мраморной доскѣ имѣеть быть высѣчена славянскими литерами на память вѣковъ слѣдующая надпись: «Храмъ сей сооруженъ надъ могилами воиновъ, павшихъ при защитѣ Севастополя въ 1854 и 1855 годахъ». Внутри храма—мраморный иконостасъ, полъ—изъ того же камня; по стѣнамъ на мраморныхъ же доскахъ полагается изобразить имена доблестныхъ генераловъ, павшихъ при незабвенной оборонѣ Севастополя, съ краткимъ означеніемъ ихъ дня рожденія, смерти и достопамятнѣйшихъ совершенныхъ ими подвиговъ; а надъ этими начертаніями иконы соименныхъ имъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Образа и стѣны внутри предполагается расписать восковыми красками. Величина храма—въ слѣдующихъ размѣрахъ: каждая сторона основанія снаружи въ 10 саж., плоскость же основанія внутри—45 квадратн. сажень; вышина церкви безъ креста 12, а съ крестомъ 15 сажень. Стоимость храма отъ 85 тыс. до 100 тыс. рублей. Постройка онаго храма передана архитектору Авдѣеву по приказанію князя Васильчикова. Г. Авдѣевъ являлся ко мнѣ сообщить, что въ проектѣ предполагается сдѣлать нѣкоторыя переменны, между

¹⁾ Вѣроятно, послѣдній должно будетъ предпочесть первому, такъ какъ артекскій камень, хотя и дороже нѣсколько, но зато тверже инкерманскаго и, будучи темнѣе и отчасти сходствуя съ порфиромъ, болѣе соответствуетъ общей идеѣ постройки.

прочимъ, колокольню, которая въ моемъ проектѣ находится при входѣ отдѣльно, помѣстить въ самой пирамидѣ, такъ что лѣстницу съ колокольни придется устроить по весьма узкому проходу съ чрезвычайно высокими ступенями, что, по моему мнѣнію, которое я и сообщилъ г. Авдѣеву, будетъ гибельно для здоровья понамаря. Колокольня же, помѣщенная въ верхней части пирамиды надъ сводами храма, съ открытыми со всѣхъ 4-хъ сторонъ отверстіями по неотвѣснымъ стѣнамъ, подвергая и самые своды храма всѣмъ непогодамъ, въ послѣдствіи должна будетъ дѣйствовать разрушительно на зданіе, которое по этому уже не будетъ соответствовать цѣли вѣкового памятника, не говоря уже, что храмъ сей отъ измѣненія также и цоколя теряетъ общую пропорцію и свой характеръ. Но, какъ видно по перспективному небольшому рисунку храма, приложенному къ вышеозначенному описанію въ № 19 «Русскаго Вѣстника», перемѣна сія будетъ приведена въ исполненіе».

Письмо это является какъ бы пророчествомъ опытнаго и тонкаго знатока своего дѣла. Не такъ давно въ газетахъ достаточно писалось о плохомъ, почти разрушающемся видѣ памятника участниковъ знаменитой Севастопольской обороны. Документъ этотъ приведенъ мной, какъ доказательство справедливаго негодованія А. И.

Съ 1855 по 1858 г. Штакеншнейдеръ продолжалъ начатыя постройки и составлялъ проекты, какъ-то: памятника баронету Вилліе, церкви со склепомъ для гр. Куселевой при Сергіевскомъ монастырѣ и многихъ другихъ построекъ частнымъ лицамъ. По высочайшему повелѣнію составилъ проектъ дворца для великаго князя Михаила Николаевича и волею государя назначенъ строителемъ его; мѣсто построенія дворца отведено на Дворцовой набережной, гдѣ помѣщался департаментъ удѣловъ, выходившій, какъ нынѣ дворецъ, и на Милліонную улицу; онъ оконченъ былъ въ 1862 году. Это была лебединая пѣсня А. И.

Еще въ 1854 г. рескриптомъ августѣйшаго президента, великой княгини Маріи Николаевны онъ былъ назначенъ профессоромъ академіи, а въ 1857 г. архитекторомъ высочайшаго двора; утомленный непрестаннымъ трудомъ, вскорѣ по окончаніи дворца великаго князя Михаила Николаевича, во время занятій съ учениками въ академіи, А. И. почувствовалъ себя очень плохо, и съ этого дня здоровье его замѣтно ухудшалось; но, привыкшій къ труду, онъ не покидалъ обязанностей службы и любимой работы. Болѣзнь совершала свое разрушительное дѣло. Штакеншнейдеръ, назначенный экспертомъ въ комиссію по присужденію конкурсныхъ премій, долженъ былъ отказаться отъ участія въ ней и наконецъ по настоянію докторовъ отправленъ былъ въ Самару для лѣченія кумысомъ, гдѣ по истеченіи нѣкотораго времени почувствовалъ облегченіе и пожелалъ вернуться въ Петербургъ; но по дорогѣ, остановившись въ Москвѣ, внезапно скончался, 8-го августа 1865 года.

Для большаго выясненія личности А. И. считаю не лишнимъ привести нѣкоторыя данныя изъ семейной хроники родителей его. Императоръ Павелъ I, еще будучи наслѣдникомъ, выписывая изъ Германіи опытныхъ людей по различнымъ производствамъ, вытребовалъ дѣда А. И. для учрежденія подъ Гатчиной кожевеннаго завода, гдѣ таковой и былъ выстроенъ; заводъ этотъ Павелъ Петровичъ часто посѣщалъ, подолгу оставаясь у владѣльца его. Однажды, отдыхая тамъ послѣ обѣда на диванѣ, его высочество оповѣщенъ былъ гонцомъ о внезапной и опасной болѣзни императрицы Екатерины II. Диванъ, на которомъ почивалъ высокій гость, доселѣ хранится въ семьѣ Штакеншнейдеровъ. Кромѣ того, въ семьѣ находятся портреты августѣйшихъ супруговъ, писанные масляными красками сыномъ знаменитаго Лампи, пожалованные ими въ память излѣченія отъ ревматизма въ ногахъ великой княгини Маріи Феодоровны женой Штакеншнейдера. За это же была пожалована въ арендное пользованіе окружающая заводъ земля, впоследствии подаренная императоромъ Александромъ II внуку А. И. Близость семьи Штакеншнейдера къ императору Павлу не могла не отразиться на впечатлительной натурѣ ихъ сына. Такъ, постройки, возведенныя въ непродолжительное царствованіе Павла I въ Гатчинѣ, въ Пріоратѣ, по сосѣдству съ мызой «Ивановкой», имѣніемъ Штакеншнейдеровъ, гдѣ маленькій А. И. провелъ свое дѣтство, и откуда часто гулялъ въ дворцовый садъ, гдѣ все дышало эпохой Павла Петровича,—его маленькій замокъ надъ озеромъ Пріората прямо отразился въ первой постройкѣ Андрея Ивановича подъ Нарвой, въ имѣніи «Fall» графа Бенкендорфа. Слѣдующая затѣмъ постройка дворца въ Сергіевкѣ—прямое наслѣдіе пышнаго, но строгаго стиля временъ императора Александра I. Сельскій домикъ въ Петергофѣ—вольность художника. Дворецъ нынѣ великаго князя Сергѣя Александровича—остатокъ впечатлѣній пышности временъ Екатерины II.

Будучи придворнымъ архитекторомъ въ продолженіе всей своей служебной дѣятельности, Штакеншнейдеръ являлся исполнителемъ воли монарховъ, по возможности сохраняя самобытность. Его нельзя укорять въ пристрастіи къ тому или другому стилю, къ той или иной конструкціи: онъ съ одинаковымъ вниманіемъ и интересомъ относился ко всему новому и полезному, равно какъ и старому, въ строительномъ искусствѣ. Уже будучи извѣстенъ не только у насъ, но и на Западѣ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ за границу, онъ, объѣзжая Италію, остановился въ своей любимой Помпеѣ, цѣлые дни проводилъ на раскопкахъ, гдѣ изучалъ конструкціи лѣстницъ и пропорціи различныхъ сооружений, снимая со всего этого точные промѣры. Объ этомъ профессоръ Иорданъ, впоследствии ректоръ академіи, упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, удивленный любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу уже тогда знаменитаго строителя. Пло-

домъ такихъ изученій является разносторонность въ постройкахъ А. И., какъ-то: въ многочисленномъ сооруженіи церкви и памятниковъ, мостовъ и прочихъ построекъ, требующихъ специальныхъ знаній, гдѣ легкость и вкусъ, присущіе ему, можно наглядно прослѣдить. Эту рѣдкую черту особенно цѣнили строгій и взыскательный императоръ Николай I, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіеся документы съ резолюціями императора въ особо сложныхъ вопросахъ по части архитектуры—«представить на разсмотрѣніе Штакеншнейдеру. Николай». За эти же цѣнные качества А. И. былъ награждаемъ, какъ отличіями, такъ подарками, деньгами и вотчинами. Въ семьѣ сохраняются бюстъ Николая I, присланный имъ въ знакъ особаго благоволенія, и портретъ Александра II, пожалованный вдовѣ Штакеншнейдера въ память посѣщенія дома ея на мызѣ Ивановкѣ въ 1868 году. Назначенный профессоромъ въ академію, Штакеншнейдеръ снискалъ себѣ особую любовь учениковъ, и какъ учитель и какъ человѣкъ, что доказывается ихъ количествомъ черезъ четыре года, а именно въ 1858 году ихъ было у него 51 человѣкъ.

Изъ сохранившихся писемъ къ покойному многія заключаютъ въ себѣ просьбы учениковъ о поддержкѣ нравственной или матеріальной, которыя ихъ учитель по возможности старался удовлетворять, входя въ ихъ положеніе.

Какъ частный человѣкъ, Штакеншнейдеръ, въ домашнемъ и общественномъ быту, интересовался всѣмъ окружающимъ его строемъ, не только искусствами. Въ обширномъ домѣ его жены собирався тогда весь цвѣтъ представителей общественной дѣятельности сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ гостепріимномъ салонѣ А. И. можно было встрѣтить литераторовъ: Ѳ. Н. Глинку, Бенедиктова, Тургенева, Гончарова, графа Сологуба, и тогда еще совѣмъ молодыхъ: Григоровича, Достоевскаго, Данилевскаго, Крестовскаго, Аверкіева, Помяловскаго, Курочкина, Полонскаго (оставшагося до послѣднихъ дней своихъ другомъ дома), А. Н. Майкова, Шевченка и многихъ другихъ; художниковъ: Бруни, Басина, Майкова, графа Толстого, князя Гагарина, Бейдеманъ, барона Клодта, Иванова, Айвазовскаго, Сорокина, Шарлеманя, Тихобразова, Петцольда, Гоха, Зичи, и совершенно молодыхъ, теперь знаменитыхъ, баталиста В. В. Верещагина, историческаго жанриста Маковскаго, Микѣшина, Сухоровскаго и прочихъ; извѣстныхъ актеровъ: Самойлова, Олриджа; выразителей общественной мысли: Герцена и Лаврова; учредителя теперь столь популярныхъ понедѣльниковъ—Мюссара и многихъ представителей мыслящей и золотой молодежи. Все это сосредоточивалось у Штакеншнейдеровъ въ сплоченный и дружный кругъ, обмѣниваясь мыслями и знаніями. Живописцы писали, музыканты играли и пѣли, актеры декламировали, литераторы читали свои произведенія, словомъ всякій давалъ все,

чѣмъ могъ быть пріятель и полезенъ другому. Кружокъ этотъ долго еще собирался по смерти А. И. въ домѣ вдовы его, хотя и рѣдѣлъ отъ покидающихъ міръ сей друзей. Я. П. Полонскимъ была описана въ прекрасномъ стихотвореніи, посвященномъ вдовѣ Андрея Ивановича, мыза Ивановка—гнѣздо Штакеншнейдеровъ, гдѣ знаменитый поэтъ часто проводилъ свои молодые годы.

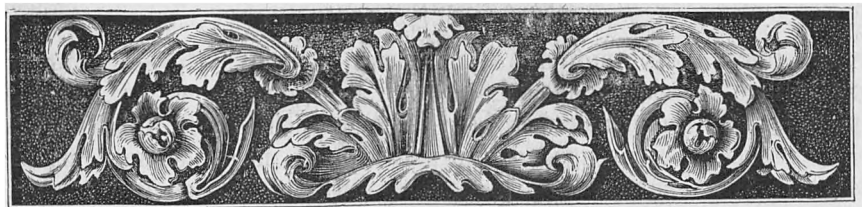
«А тамъ: сквозь тѣнь—огни за часмъ,
 Сквозь окна—музыка... серпомъ
 Блеститъ луна, и лѣсъ кругомъ,
 Съ его росой и соловьемъ...
 И ты назвать готова расмъ
 И этотъ садъ, и этотъ домъ.
 Страну волковъ преобразая
 Въ подобіе земного рая,
 Здѣсь рѣчка вышла изъ болотъ;
 На тундрахъ домъ возникъ,—и вотъ
 Трудомъ тяжелымъ, неустаннымъ,
 Кругомъ все ожило: нежданнымъ
 Паденьемъ безмятежныхъ водъ
 Возмущены ночныя тѣни,
 И усыпительно для дѣни,
 Однообразно жернова
 Шумятъ,—и лодка у плотины,
 И Термуса изъ бѣлой глины
 Вдали мелькаетъ голова»...

Кромѣ строительной дѣятельности, А. И. вмѣсто отдыха занимался составленіемъ рисунковъ для различныхъ вещей, какъ-то: для бронзы, фарфора и мебели (исполнителями послѣдней были въ то время знаменитые Гамсъ и Туръ), дѣлалъ миниатюры, акварели на слоновой кости, родныхъ и близкихъ людей, при чемъ проявилъ большія способности портретиста. Очень интересны сохраняющіяся у сыновей его акварели: «Любопытные у Исаакіевскаго собора», «Путешествіе на яхтѣ императора Николая» и рисунокъ съ натуры «Постановка Александровской колонны».

Какъ бы предчувствуя близкій конецъ, въ 1862 году А. И. задумалъ составить собраніе снимковъ, какъ общихъ, такъ и детальныхъ, съ главнѣйшихъ своихъ произведеній, для помѣщенія ихъ въ общественномъ изданіи, на чтѣ получилъ высочайшее разрѣшеніе. Идеи этой ему не удалось осуществить при жизни; но надо надѣяться, что найдется человекъ, который сумѣетъ оцѣнить труды Штакеншнейдера.

А. П. Эйсеръ.

ЖИВЫЕ МОНСТРЫ.

ОДНИМЪ изъ любимѣйшихъ созданій Петра Великаго была кунсткамера. Начиная съ 1698 г. Петръ пріобрѣталъ за границей разнообразныя коллекціи и присылалъ ихъ въ Россію; сначала онѣ помѣщались въ Москвѣ, а затѣмъ переведены въ Петербургъ, гдѣ въ 1722 г. было построено особое зданіе для кунсткамеры и библіотеки.

Но Петръ хотѣлъ обезпечить поступленіе въ кунсткамеру и русскихъ «монстровъ» и издалъ указъ объ этомъ, но поступили всего три «монстра»—«два младенца, каждый о двухъ головахъ, два, которые срослись тѣлами». Тогда уже Петръ рѣшилъ написать обширный указъ, который представляетъ превосходный образецъ его умѣнья обходить щекотливые вопросы.

Указъ отъ 13 февраля 1718 г. начинается слѣдующими словами: «понеже извѣстно, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичѣй природѣ случается, что рождаются монстры, т. е. уроды, которые во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки». Далѣе указывается, что до сихъ поръ получено всего три монстра. «Однакожь въ такомъ великомъ государствѣ можетъ быть болѣе; но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды рождаются отъ дѣйства діавольскаго, черезъ вѣдовство и порчу, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари Богъ, а не діаволь, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго, такъ же отъ страха и мнѣнія материнскаго, какъ тому многіе есть примѣры».

Поэтому указъ назначаетъ денежную плату за доставку монстровъ и наказаніе за утайку. Они должны были доставляться мѣстнымъ комендантомъ, и монстры оцѣнивались: «за человѣческую по 10 рублей, за скотскую и звѣриную по 5 рублей, а за птичью по 3 рубля за мертвыхъ; а за живыхъ за человѣческую 100 рублей, за скотскую и звѣриную по 15 рублей, за птичью по 7 рублей, а ежели гораздо чудное, то дадутъ и болѣе».

Само собою, утайку монстровъ трудно было открыть обыкновеннымъ путемъ, поэтому указъ предлагаетъ на утайщиковъ «возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ брать вдсятеро противъ платежа за оныя и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ».

Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ во вниманіе и тотъ стыдъ, который должны были испытывать родители, у которыхъ родился «монстръ», и установилъ особый порядокъ для приѣма у комендантовъ человѣческихъ уродовъ: «тѣ не повинны были сказывать, кто принесетъ, а коменданты неповинны спрашивать, чье». Это подтверждается и въ особомъ указѣ губернаторамъ и комендантамъ: «когда кто принесетъ какой монструмъ или урода человѣчи, тому давъ деньги по указу отпускать не мѣшкая, отнюдь не спрашивая—чье, подъ потерянїемъ мѣста и жестокаго наказанїя».

Послѣ этого указа монстры положительно посыпались, хотя въ 1725 г. въ числѣ другихъ «монстровъ», присланныхъ изъ Москвы, красовались «двѣ собачки, которыя родились отъ дѣвки 60 лѣтъ».

Монстры доставлялись сначала въ Московскую и Петербургскую аптеки, а съ 1725 г., съ основанїи академіи и перехода къ ней кунсткамеры и библіотеки, въ академію наукъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей кунсткамеры были и живые монстры. Еще въ 1722 г. управленіе кунсткамеры просило «на пропитанїе живыхъ монстровъ трехъ человѣкъ», а въ 1724 г. требовали, чтобы «обрѣтающійся въ госпиталѣ уродливый малый къ кабинету взятъ былъ и съ прочими пропитанїемъ содержанъ былъ».

Изъ этихъ четырехъ монстровъ перешло въ академію только двое: Яковъ Васильевъ и Ѳома Игнатьевъ, но, въ чемъ состояла ихъ монструозность, неизвѣстно.

23 апрѣля 1734 г. они обратились въ академію наукъ съ прошенїемъ, въ которомъ излагали, что «по изустному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго указу велѣно намъ давать жалованье, такожъ и мундиръ солдатскій черезъ три года», а мундиръ данъ былъ только въ 1730 г., и просители «мундиръ, кафтаны, камзолы и штаны износили, а нынѣ ходить намъ стало не въ чемъ, о чемъ съ покорностью просимъ кунсть-камеры монстры Яковъ Васильевъ и Ѳома Игнатьевъ».

Академія не вняла на этотъ разъ ихъ просьбѣ, и монстрамъ пришлось повторить свое прошеніе почти черезъ годъ 10 февраля 1735 г. Теперь академія смилостивилась. Сдѣлана была «раскладка, что надлежитъ на дѣло мундировъ Якова Васильева и Ѳомы Игнатѣева», и оказалось 21 р. 1 к. Мундиръ былъ «дѣланъ зеленого сукна со обшлага красными, камзолъ и штаны красные-жъ», а шляпы съ тесьмой. Когда «мундиръ» былъ готовъ, то президентъ академіи распорядился: «мундиры отдать имъ, монстрамъ, съ расписками, съ объявленіемъ, дабы оный мундиръ содержали во всякой чистотѣ и сохранности».

Но оказалось, что монстрамъ не пришлось проносить мундиры три года. Въ 1736 г. умеръ Ѳома Игнатѣевъ какъ-то незамѣтно, извѣстно только, что его «анатомили». Больше извѣстій сохранилось о смерти Якова Васильева, который умеръ 10 апрѣля 1737 г. Онъ жилъ и кормился у служителя Конона Данилова и рассказывалъ ему, что онъ — «россійской націи, рейтарской сынъ, родомъ изъ Казани». 5 апрѣля монстръ сказалъ Конону, что «прежняя животная болѣзнь умножается, желалъ исповѣдываться и Святыхъ Тайнъ приобщиться, который Васильевъ по тому его желанію исповѣдыванъ и приобщенъ», а 10 апрѣля «послѣ полудня во второмъ часу оный монстръ Яковъ Васильевъ отъ той своей болѣзни умре».

Академія постановила: «объявленнаго монстра мертвое тѣло анатомить доктору и профессору Дюверноа и по анатоміи оное тѣло, разобравъ по частямъ, для куріозности всѣ части отдать въ кунсткамеру».

Но едва успѣли «анатомить» тѣло Якова Васильева, какъ появился новый монстръ, «присланный изъ Сибирской губерніи тюменскаго разночинца Гаврилы Воробьева сынъ его Петръ». Монструозность его заключалась въ слѣдующемъ: «у лѣвой руки ладонь толщиною въ три четверти и пальцы не такъ, какъ надлежитъ, да у правой ноги нѣтъ пальцевъ, и повыше ноги, какъ ниткою перевязано». Этотъ монстръ прибылъ въ Петербургъ съ отцомъ, и тотъ на поставленные академіей вопросы отвѣтилъ, что сынъ его Петръ родился въ 1728 г. (въ 1737 г. ему было 9 лѣтъ), когда матери было 28 лѣтъ, а отцу 25. Роды прошли благополучно, и жена передъ родами не болѣла и не пугалась и не видѣла никого закованнаго. Петръ былъ первый, а послѣ него было трое дѣтей, и всѣ нормальны. Что касается до расширенія ладони, то отецъ сообщилъ: «отъ рожденья сколько оной сынъ его растеть, то у той руки та шишка растеть, въ четыре мѣсяца въ окруженіи вершокъ прибавляется и не отворяется никогда».

Академія постановила принять Петра Воробьева и «для пропитанія жалованья давать противъ умершаго монстра Ѳомы Игнатѣева по восемнадцати рублией въ годъ». Какъ Яковъ Васильевъ у

Конона Данилова, такъ Петръ Воробьевъ состоялъ на попеченіи Петра Андреева, который «содержалъ его, какъ трактиромъ, такъ и покупкою на него рубашекъ, чулковъ и обуви, также и мытьемъ рубашекъ».

Въ 1739 г. «академіи монстръ Петръ Воробьевъ нижайше доносилъ», что «жалованье получаю токмо денежное», а потому «сталъ нагъ и босъ, и дабы указомъ его императорскаго величества повелѣно было противъ бывшаго монстра Ѳомы Игнатьева давать мнѣ мундиръ». И Воробьеву пришлось повторить прошеніе, но въ концѣ концовъ ему сдѣлали такой же мундиръ, какой былъ у Ѳомы Игнатьева.

Въ 1739 г. изъ той же Сибири присланъ былъ изъ Сургута, «служилаго человекъ Ивана Тарасова сынъ его Ѳедоръ, 11 лѣтъ, у котораго кругомъ голова безъ вершка аршинъ, лобъ и борода въ длину четь и полтретья вершка, туловище отъ шеи до вилковъ двѣ чети и два вершка, ноги по три чети, тонки, руки по двѣ чети и по три вершка, носъ вершокъ, ротъ полвершка, а лицомъ гладокъ». Однако этотъ монстръ показался академіи не заслуживающимъ вниманія, и его отправили обратно въ Сургутъ.

Въ 1742 г. кунсткамера обогатилась четырьмя скопцами, по русскому названію, а академія называла ихъ то армофродитами, то амофродитами. И эти скопцы прибыли изъ Сибири. Сибирь такимъ образомъ доставила четырехъ монстровъ, но это не значитъ, что ихъ тамъ больше рождалось,—въ то время въ Сибири находилась Камчатская экспедиція, не добравшаяся, впрочемъ, до Камчатки. Въ ней участвовалъ профессоръ естествознанія Гмелинъ, онъ-то и выискивалъ монстровъ.

Курьезно, что эти четыре скопца родились въ «Красногорскомъ острогѣ Исецкой провинціи», но происходили изъ двухъ семей. Два были сыновья «церковнаго дьячка» Ивана Кузнецова и два отставнаго солдата Василя Яковлева. Кузнецовыхъ звали Аврамомъ и Терентьемъ, а Яковлевыхъ—Михаиломъ и Иваномъ. Исецкая канцелярія препроводила скопцовъ съ отцами, съ наказомъ «оныхъ младевцовъ хранить и давать имъ питье и пищу нескудно».

Въ академіи около этихъ монстровъ начинается разыгрываться плачевная исторія. У отцовъ отбираютъ старшихъ дѣтей, и они вошли въ академію со слѣдующимъ прошеніемъ: «мы, нижайшіе, у себя въ Сибири имѣемъ еще по сыну, токмо не скопцы, и никакой курьезности нѣтъ, и оныя наши дѣти въ малыхъ лѣтахъ, которыхъ тамъ содержатъ и пропитать некому, а мы уже при самой старости. И дабы указомъ ея императорскаго величества повелѣно было намъ, нижайшимъ, изъ помянутыхъ скопцовъ нашихъ дѣтей по одному, Михаилу да Аврама, для прокормленія обрѣтающихся въ Сибири ихъ братьевъ къ нимъ отдать и отпустить въ дома свои».

Канцелярія передала вопросъ въ конференцію «для разсужденія, всѣхъ ли оныхъ скопцовъ оставить или двоухъ», и въ конференціи было «разсуждено скопцовъ всѣхъ при академіи оставить для курьезу».

Такимъ образомъ ходатайство отцовъ было принесено въ жертву «курьезу». Канцелярія осталась этимъ недовольна и обратилась въ сенатъ съ «репортомъ»: въ немъ излагалось, что монстръ Воробьевъ получаетъ жалованья 18 рублей и мундиръ: «и ежели нынѣ сенатъ присланнымъ четверемъ младенцамъ противъ Воробьева 18 рублей въ годъ опредѣлить прикажетъ, то имѣетъ быть въ годъ всѣмъ 72 рубля; притомъ же будутъ требовать мундиръ, то изъ какой суммы жалованье имъ давать и мундиръ дѣлать,—въ академіи не имѣется. Того ради академія наукъ снмъ покорнѣйше доноситъ: не соблаговолить ли сенатъ изъ оныхъ скопцовъ двухъ отпустить въ дома съ ихъ отцами, давъ на путевые расходы и на прогоны деньги, а двухъ удержать при академіи».

Сенатъ, однако, не сдѣлалъ никакого распоряженія, и всѣ четыре скопца остались при кунсткамерѣ, но академія 12 января 1742 г. рѣшила: «оныхъ четырехъ дѣтей отдать въ гимназію для обученія русской грамоты, а притомъ и нѣмецкаго языка, дабы ихъ со временемъ къ тому употребить, къ чему каждый изъ нихъ способенъ будетъ». Жалованье назначили «противъ Петра Воробьева» по 18 рублей, а «за малолѣтствомъ отдать ихъ въ смотрѣніе Андрею Богданову, которому и жалованья на содержаніе ихъ деньги отдавать».

Однако академія скоро передумала, и 16 февраля состоялось постановленіе: «четырехъ армофродитовъ для содержанія и обученія по-русски читать и писать отдать на руки академическимъ служителямъ, а именно солдата Василія Яковлева дѣтей Михайлу и Ивана канцеляристу Худякову, а двухъ дьячка Ивана Кузнецова Аврама да Терентья капралу Анцыгину». Будущимъ учителямъ данъ наказъ «содержать и учить у себя съ прилежнымъ за ними смотрѣніемъ, дабы оныя дѣти не рѣзвились и въ напрасномъ гуляніи времени не теряли, но черезъ годъ отъ сего времени по-русски читать и писать обучены были; ибо они потомъ отданы быть имѣютъ въ гимназію».

Прошелъ годъ. Насколько преуспѣвали «скопцы», неизвѣстно, но въ августѣ оказалось одному «армофродиту» не въ моготу... 25 августа 1744 г. канцеляристъ Худяковъ «репортовалъ»: «Михаилъ Васильевъ (по отцу) сего августа 22 числа изъ дому моего по утру ушелъ, который и понынѣ въ квартиру не является, а гдѣ онъ обрѣтается, о томъ я неизвѣстенъ».

Академія подождала до 4 сентября въ надеждѣ на возвращеніе бѣглеца. Въ этотъ же день она постановила: «о публикаціи послать въ полицію промеморію и въ Вѣдомостяхъ припечатать».

Въ промеморіи потребовали, «чтобъ отъ реченной полицеймейстерской канцеляріи по сообщеннымъ при семъ 8 билетамъ о помянутомъ амофродитѣ въ пристойныхъ мѣстахъ опубликовано было съ барабаннымъ боемъ».

Приводимъ цѣликомъ этотъ «билетъ»:

«Отъ академіи наукъ черезъ сіе объявляется во всенародное свѣдѣніе.

«Минувшаго августа 22 дня сего года обрѣтающійся въ академіи наукъ амофродитъ Михайло Васильевъ бѣжалъ, а оному Васильеву отъ роду 13 лѣтъ, примѣтами: волосомъ русъ, глаза сѣрые, носъ плосковатъ. Того ради по указу ея императорскаго величества и по резолюціи академіи наукъ велѣно: ежели кто онаго амофродита въ домѣ у себя имѣетъ или у кого другого вѣдаетъ, привести въ академію наукъ и болѣе его никому не держать. А ежели кто изобличенъ будетъ въ держаніи онаго амофродита, то поступлено будетъ съ тѣмъ по силѣ указовъ».

Ничто не помогло: Михайло Яковлевъ исчезъ безслѣдно...

Въ 1746 г. академія окончательно освободилась отъ живыхъ монстровъ. Освобожденіе началось съ Петра Воробьева, который 14 іюня доносилъ академіи: «нынѣ я, нижайшій, намѣреніе имѣю для свиданія съ родственниками и просить объ увольненіи меня, нижайшаго, въ свое жилище. Того ради академіи наукъ всепокорно прошу, дабы повелѣно было меня, нижайшаго, отъ академіи наукъ уволить».

Академія нашла, что «въ ономъ монстрѣ при академіи нужды не признается», и отпустила его въ Тюмень. Въ это время въ Петербургѣ находился вызванный Ямской канцеляріею «въ Сибири надъ ямщиками управитель», отставной поручикъ И. В. Баженовъ. Онъ взялся свести монстра «на своемъ коштѣ». Академія дала ему инструкцію «съ подтвержденіемъ, чтобы оной поручикъ его, монстра, отдалъ тамъ матери. А когда онъ, Воробьевъ, волею Божьею умретъ, объ ономъ объявлено бѣ было отъ матери или отъ родственникововъ въ тюменской канцеляріи, которая канцелярія должна, сыскавъ ближайшаго лѣкаря и по его лѣкарскому разсужденію, что онъ изъ тѣхъ частей сего монстра найдетъ примѣчанію достойное, оное отправить въ спиртѣ въ академію незамедля».

Мѣсяцемъ позже академія избавилась и отъ скопцовъ. Въ этотъ промежутокъ времени умеръ отецъ Кузнецовыхъ, и осталась старуха мать. Солдатъ Василій Яковлевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и просилъ отпустить «скопцовъ» въ Сибирь, «понеже дѣтей никого не осталось, кромѣ находящихся здѣсь, и при старости насъ призрѣть некому».

Академія очень обрадовалась этому исходу, такъ какъ исчезновеніе Михайлы не могло не тревожить академиковъ. Состоялось такое опредѣленіе: «разсуждая объ оныхъ амофродитахъ, что въ

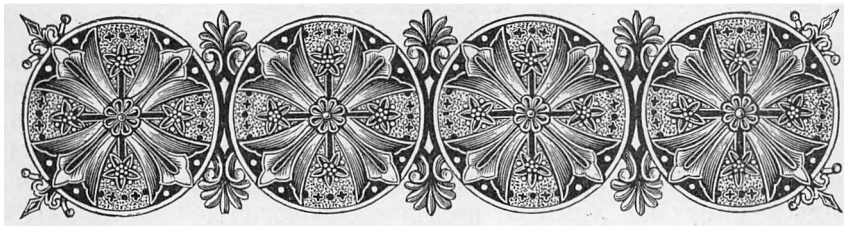
оныхъ никакой нужны при академіи и куріозности нѣтъ, и жалованье они берутъ напрасно, и плода отъ оныхъ не токмо, чтобъ въ гимназіи обучались, но и въ грамотѣ русской, читать и писать, понинѣ въ совершенство не пришли; къ тому же сего августа 9 числа объ оныхъ армофродитахъ поданъ отъ доктора и профессора Вейтбрехта репортъ, въ которомъ объявляетъ, что оныя при нынѣшнемъ случаѣ по осмотру его доктора имѣютъ мужское свойство».

Академія поэтому отдала Яковлеву всѣхъ трехъ дѣтей...

Такъ кончилась плачевная исторія скопцовъ, которые всѣ были отняты для «куръезу», а черезъ три года никакой «куръезности» не оказалось, да еще и погибъ одинъ ребенокъ....

И. Г. Иноземцевъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНУ ¹⁾.

V.

Ожиданіе Святой Земли.—Ночью на палубѣ парохода.—Благоуханіе Ливана.—Предразсвѣтная картина.—Ливанскія горы.—Вѣрность Израили своему Богу.—Арабы-лодочники.

ДАВНИШНЯЯ моя мечта осуществляется: я приближаюсь къ Сири, къ горамъ Ливана, къ Святой Землѣ!.. Всю жизнь свою я мысленно виталъ по горамъ Іудей и по берегамъ Галилейскаго моря. И вотъ теперь, наконецъ, воочию увижу страну моей поэзи, моего вдохновенія, моей вѣры и надежды...

Съ вечера я узналъ, что пароходъ подойдетъ къ Триполи утромъ, и потому поспѣшилъ пораньше лечь, чтобы подняться съ разсвѣтомъ и привѣтствовать давно желанную землю. Оттого ли, что въ каютѣ душно, или отъ душевнаго волненія,—спать я не могъ и часа въ четыре ночи вышелъ наверхъ.

Было еще темно. На востокѣ, прямо передъ носомъ парохода, надъ едва замѣтной полоскою берега сіяла луна. Ясно различаемый темный кругъ ея красиво окаймлялъ узкій серебристый серпикъ. Волненіе было совсѣмъ слабое, и тщательно закутанные паломники спокойно спали плотными группами по всей палубѣ.

Легкій вѣтерокъ дулъ прямо съ берега. Но откуда такой пріятный запахъ? Можетъ быть,—подумалъ я,—кто нибудь изъ паломниковъ купилъ розоваго масла въ Смирнѣ и нечаянно пролилъ на палубѣ...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 962.

Я сталъ ходить по площадкѣ взадъ и впередъ, постоянно выглядывая на берегъ. На поблѣвшемъ горизонтѣ луна понемногу начинала блѣднѣть. Все сильнѣе и сильнѣе чувствовался аромать въ воздухѣ и напоминалъ померанцевые цвѣты. Тутъ меня осѣнила мысль: да вѣдь это съ берега несется чудный запахъ! вотъ оно, вотъ «благоуханіе Ливана», воспѣтое Соломономъ!

«Поднимись вѣтеръ съ сѣвера и принеси съ юга, повѣи на садъ мой,—и польются ароматы его!»...

А мы находились въ это время болѣе, чѣмъ въ двадцати миляхъ отъ берега!..

Утренняя заря разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Палуба зашевелилась. Въ разныхъ мѣстахъ, выбиваясь изъ-подъ одѣялъ и платя, стали подыматься паломники. Точно возстаніе изъ гробовъ при общемъ воскресеніи мертвыхъ. Зазвенѣли чайники и кувшины съ водою. Послышался шумъ и въ трюмѣ, гдѣ паломники располагаются на ночь въ два яруса.

Ожидая перваго луча солнца, я жадно выглядывался въ темные силуэты Ливана и весь перенесся мыслию въ библейскія времена этой благоухающей страны. Черезъ часъ ожиданія и восторга вдругъ блеснули розовымъ цвѣтомъ снѣжныя вершины горъ. Тутъ ужъ я не утерпѣлъ, не могъ одинъ перенести всей радости и восхищенія отъ представшей картины. Я бросился внизъ на палубу и, указывая на сияющія вершины, говорилъ столпившимся у борта паломникамъ:

— Смотрите, смотрите, вѣдь это Ливанскія горы!

Многіе изъ русскихъ паломниковъ первый разъ въ своей жизни видятъ горы съ снѣжными вершинами и потому выказывали большое удивленіе; другіе же просто не хотѣли вѣрить, чтобы это былъ снѣгъ. Но когда достали бинокль и разсмотрѣли на темномъ кражѣ снѣжныя полосы,—изумленію и восхищенію не было конца. Большинство благоговѣйно обнажали головы и крестились.

Подъ звуки утреннихъ молитвъ и припѣвовъ къ акаѳисту, которые неслись изъ трюма, я переходилъ отъ одной группы паломниковъ къ другой и всемъ старался сообщить что нибудь о Ливанѣ. На кормѣ парохода еврейскій раввинъ только что окончилъ свои утреннія молитвы и снималъ съ головы полосатый талесъ.

— Вотъ видите,—говорю ему,—бѣлый Ливанъ! Моисей подошелъ къ обѣтованной землѣ съ юго-востока и молилъ Господа, чтобы онъ «показалъ ему добрую землю за Иорданомъ и Ливанъ», а мы теперь подходимъ къ ней съ противоположной стороны, то-есть съ сѣверо-запада, и прежде всего видимъ цвѣтущій Ливанъ.

— А, такъ это Ливанъ!—оживился раввинъ и произнесъ нѣсколько фразъ по-еврейски.

Я напомнилъ ему, какъ пророкъ Іеремія, указывая на постоянное пребываніе снѣга на Ливанскихъ горахъ, противопоставлялъ ему непостоянство народа Израильскаго по отношенію къ Богу.

Сразу раввинъ ничего не отвѣтилъ и занялся укладкою въ ящикъ книгъ и талеса, но потомъ вдругъ быстро поднялся и, указывая на Ливанъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ:

— Какъ этотъ снѣгъ всегда на горахъ, такъ и Израиль никогда не оставитъ того Бога, съ которымъ говорилъ Моисей.

Въ семь часовъ мы подходили къ Триполи. Солнце уже высоко стояло на небѣ и заливало городъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Еще пароходъ не стопорилъ машины и подвигался довольно быстро, а арабскія лодки одна за другой приставали къ борту, невзирая на крики команды и офицеровъ. Тутъ мы полюбовались поразительною ловкостью лодочниковъ сирійцевъ. На волненіи, на быстромъ ходу фелюкъ, они смѣло перепрыгивали съ одной на другую, легко сохраняя равновѣсіе, и въ то же время сильно работали руками и ногами. Крику и гаму было довольно. Иные вскарабкались по борту парохода на палубу и стали предлагать паломникамъ свои услуги перевезти ихъ въ Ель-Мину, въ портъ Триполи.

VI.

Задержка на пристани.—Школа въ Ель-Минѣ.—Русская грамота у арабовъ.—
Дѣтскій садъ.—Арабки-учительницы.—Школьное преподаваніе.

Поѣхалъ и я съ небольшою группою паломниковъ на цвѣтушій берегъ Сиріи. На всякій случай мы захватили свои паспорта и приготовились къ требованію бакшиша. Одна лодка остановилась на нашихъ глазахъ у пристани, и пассажиры безпрепятственно вышли на берегъ и разошлись по улицамъ города. Почему-то нашу лодку подвели арабы къ таможнѣ. Лишь только мы поднялись на ея помость, какъ передъ самымъ носомъ нашимъ закрыли дверь и окружили ее не то сторожами, не то полицейскими.

— Паспорты!

Мы показали. Но они не удовольствовались этимъ и стали ихъ отбирать. Этотъ пріемъ былъ совершенно иной, чѣмъ въ Константинополь или Смирнѣ, и мы поспѣшили взять свои паспорта назадъ. Насъ не пускаютъ.

— Ведите насъ къ русскому консулу!—настойчиво потребовали мы.

Послѣ небольшихъ препирательствъ они куда-то послали сирійца, и минутъ черезъ пять насъ препроводили къ агенту Русскаго общества пароходства и торговли. Какъ многіе наши консулы на Востокѣ, онъ ни слова не понималъ по-русски. Пришлось прибѣгнуть къ французскому языку, на которомъ агентъ объяснилъ намъ, что мы свободны, и намъ нѣтъ никакихъ препятствій итти въ городъ.

Но куда итти? Нѣкоторые изъ паломниковъ, узнавъ, что здѣсь нѣтъ «святыхъ мѣстъ» для поклоненія, сдѣлали небольшія покупки

тутъ же на берегу и поспѣшили вернуться на пароходъ. Я предложилъ своимъ спутникамъ посѣтить здѣшнюю русскую школу, находящуюся почти въ центрѣ христіанскаго квартала. Арабы скоро довели насъ до небольшого бѣловатаго зданія, и мы по восточному обычаю постучали металлической ручкой въ дверь. Насъ встрѣтила учительница, а вслѣдъ за нею и начальница женской школы, Валентина Михайловна Соколова, которая любезно предложила осмотрѣть классы и послушать занятія съ арабскими дѣвочками. Въ каждомъ классѣ при нашемъ входѣ всѣ дѣти вставали со своихъ мѣстъ и медленно нараспѣвъ привѣтствовали по-русски, твердо выговаривая послѣднюю гласную:

— Здрав-ствуй-тэ!

Большинство учительницъ были молодыя дѣвушки арабки, но въ одномъ классѣ мы застали русскую, которая вызвала маленькую ученицу къ классной доскѣ и попросила ее написать молитву: «Царю небесный». Дѣвочка арабка быстро и отчетливо стала писать по-русски. Мои спутники пришли въ умиленіе.

— Смотрите-ка, въ турецкой землѣ, а какъ научены по-русски!— замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Переходя изъ комнаты въ комнату, мы были поражены числомъ дѣтей.

— Наша школа двухклассная,—поясняла намъ попутно начальница.—Первый классъ имѣетъ три отдѣленія, и первое изъ нихъ раздѣлено на три параллельныхъ группы по сорока человѣкъ въ каждой. Второй классъ пока еще имѣетъ только первое отдѣленіе.

— А сколько же всѣхъ дѣтей?

— Шестьсотъ. Есть и трехлѣтнія дѣвочки, но есть и очень взрослыя. Одной, напримѣръ, ученицѣ двадцать два года.

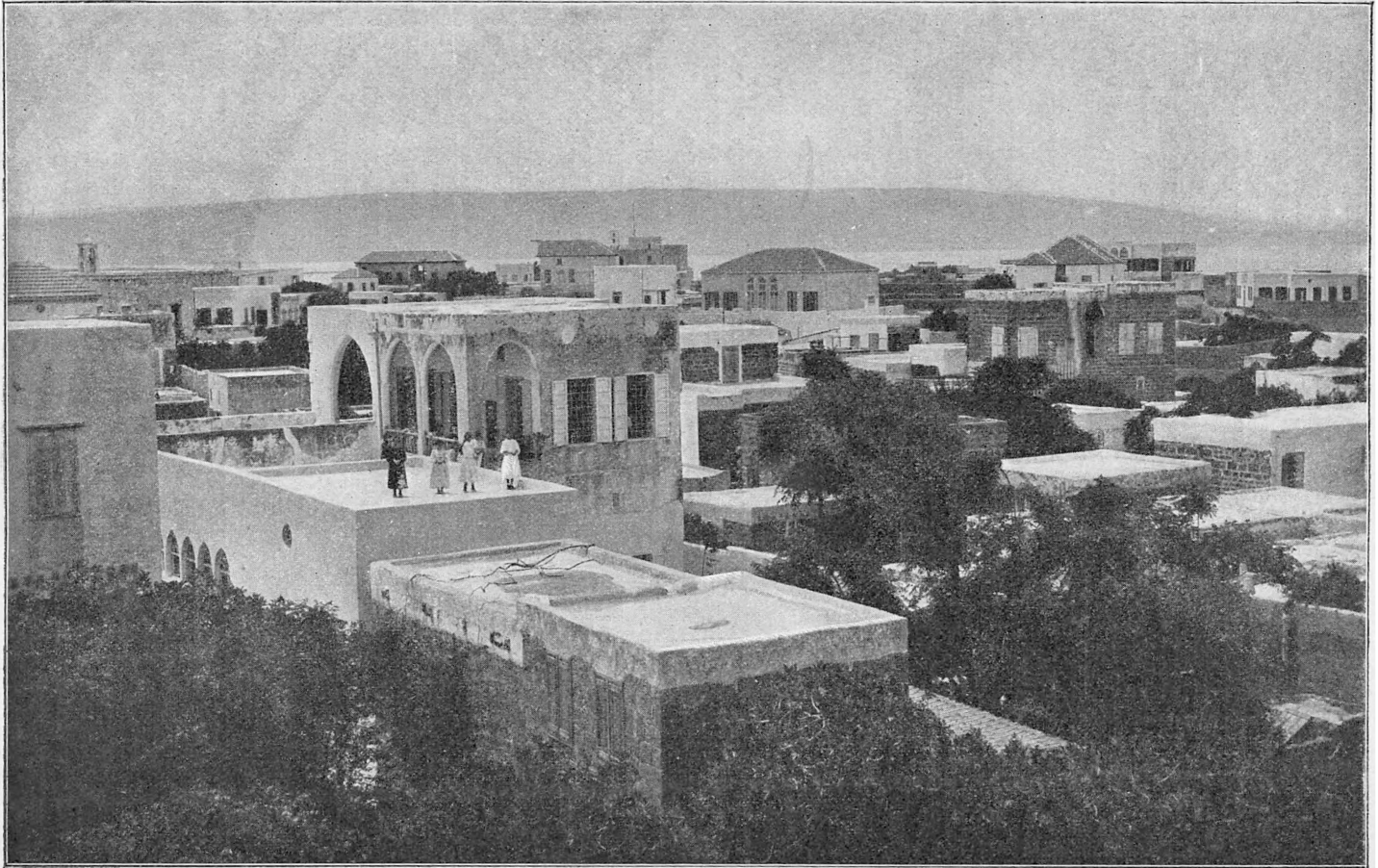
— Даже трехлѣтнихъ принимаете!

— Въ дѣтскій садъ. Если желаете взглянуть на него, то пожалуйста въ другое зданіе.

И любезная начальница школы повела насъ черезъ улицу въ другой арабскій домъ, на обширной террасѣ котораго мы застали массу маленькихъ дѣтей. Подъ руководствомъ старшихъ, они составляли изъ себя длинныя вереницы и на ходу пѣли пѣсни, хлопывая въ тактъ крошечными рученками.

Ель-Минская женская школа открыта въ октябрѣ 1897 г. и пока не имѣетъ собственнаго спеціальнаго зданія. Осмотрѣнные нами два дома нанимаются здѣшнимъ благотворительнымъ обществомъ, а все содержаніе школы и учительницъ беретъ на себя наше Палестинское общество. Одна изъ главныхъ задачъ этой школы—поддержаніе православной вѣры среди арабскаго населенія, а потому покровителемъ ея состоитъ триполійскій митрополитъ Григорій.

— Сколько же всѣхъ учительницъ?—спрашиваемъ мы Валентину Михайловну.

Женская школа въ Ель-Минѣ.

— Кромѣ меня, еще три русскихъ учительницы, да арабокъ одиннадцать. Вотъ позвольте васъ познакомить съ двумя арабскими учительницами, окончившими курсъ въ Бетъ-Джалъскомъ пансіонѣ¹⁾. Онѣ у насъ служатъ также и переводчицами.

Вѣра Николаевна Халеби и Е. Хури, очень миловидныя дѣвушки, съ типичными у арабокъ черными глазами, на самомъ дѣлѣ прекрасно говорятъ по-русски. У нихъ пламенное желаніе побывать въ Россіи, для которой онѣ такъ много поработали. И, мнѣ кажется, вполне было бы законно, если бы Палестинское общество пришло имъ на помощь и осуществило ихъ завѣтныя мечты.

Совмѣстными усиліями учительницы преподають дѣтямъ на арабскомъ языкѣ Законъ Божій, ариметику и географію, кромѣ того, три языка: арабскій, русскій и французскій. Обучають также рукодѣлію и пѣнію по-русски и по-арабски. Помимо непосредственнаго занятія съ дѣтьми, русскія учительницы еще играютъ здѣсь роль руководительницъ преподаванія предметовъ, такъ какъ у арабокъ познанія небольшія, да и съ педагогическими приѣмами онѣ не вполне знакомы.

VII.

Переѣздъ въ Триполи.—Страна, гдѣ апельсины зрѣютъ.—Мужская школа.—Учитель Дагеръ Хайрула.—Осмотръ окрестностей города.—Русскія учительницы въ Сиріи.—В. М. Соколова.—Школы Палестинскаго общества.

Въ вѣдѣніи В. М. Соколовой находится еще другая недавно открытая женская школа въ городѣ Триполи, въ семи верстахъ отъ порта Ель-Мины. Она пригласила насъ и ее осмотрѣть, да кстати и самый городъ.

Дорога шла среди цвѣтущихъ садовъ. Яркая зелень, благоухающіе цвѣты и одновременно желтые и оранжевые плоды 16-го марта! Какой контрастъ съ русскими полями и лѣсами, которые мы оставили подъ снѣгомъ. Наше зрѣніе, вкусъ и обоняніе вполне были здѣсь насыщены апельсинами. Вотъ ужъ, можно сказать, страна, гдѣ буквально апельсины зрѣютъ. На однѣхъ и тѣхъ же вѣтвяхъ висятъ большіе созрѣвшіе плоды и рядомъ—маленькіе начинающіеся.

Моихъ спутниковъ, не выдавшихъ жаркихъ странъ, это занимало, кажется, больше всего. Сильный ароматическій запахъ цвѣтовъ, особенно лимоновъ, сладостно кружилъ наши головы, но онъ же, говорятъ, причиняетъ и боль, какъ отъ угара. По крайней мѣрѣ, приѣзжіе изъ сѣверныхъ странъ первое время, пока не при-

¹⁾ Православное Палестинское общество устроило два пансіона для подготовленія учителей и учительницъ въ сельскія арабскія школы. Въ 1886 г. былъ основанъ мужской пансіонъ въ Назаретѣ, а въ 1890 г. женскій—въ Бетъ-Джалѣ, близъ Внолесама.

Кедры ливанские.

выкнутъ, жалуются на удушливое благовоиѣ лимоновъ и апельсиновъ.

Посѣтивъ въ Триполи женскую школу, гдѣ были однѣ только арабки, мы заинтересовались и мужскою. Она помѣщается въ центрѣ города, на дворѣ церкви св. Николая. Это тоже двухклассная школа для арабскихъ мальчиковъ и поставлена на такихъ же началахъ, какъ и женская въ Ель-Минѣ. Всюду насъ любезно встрѣчали и охотно все показывали и объясняли. Очень трогательно было мое свиданіе съ преподавателемъ школы, Дагеромъ Хайрулою. Начальникъ триполійской школы молодой арабъ, Иосафъ Жерьесъ, заранѣе предупредилъ меня, что въ лицѣ Д. Хайрулы я встрѣчу араба, извѣстнаго въ Сиріи своею ученостію. Лишь только показался я на порогѣ его класса, какъ онъ оживленно крикнулъ, широко улыбаясь:

— Арабъ! арабъ!

Онъ не сомнѣвался, что я русскій, но мое сильно загорѣвшее отъ весенняго солнца лицо и черная борода дали ему поводъ сдѣлать это сравненіе. Чуть не обнимая другъ друга, мы взаимно наговорили массу любезностей и крайне сожалѣли, что не могли иначе объясняться, какъ черезъ переводчика. Дагеръ Хайрула уже пожилой человекъ, невысокаго роста, съ живымъ симпатичнымъ лицомъ. Мнѣ самому лично потомъ пришлось убѣдиться, какую популярностію пользуется этотъ учитель среди арабовъ за свои сочиненія.

Здѣсь же мы познакомились и съ инспекторомъ школъ сѣверной Сиріи, Ефимомъ Ивановичемъ Тарасовымъ. Онъ присоединился къ нашей группѣ и предложилъ намъ взобраться на ближайшій холмъ, гдѣ до сихъ поръ сохранилась крѣпость крестоносцевъ, обращенная турками въ тюрьму. Отсюда былъ прекрасный видъ на окрестности города. Рощи маслинъ и смоковницъ вперемежку съ садами апельсиновъ и лимоновъ покрывали прибрежную долину на большое пространство. У подножія Ливана естественно было вспомнить про кедръ ливанскіе, но они, оказывается, давно вырублены на ближайшихъ склонахъ къ Триполи. Сохранилась еще небольшая роща кедровъ, но она отсюда порядочно далеко въ горахъ.

Посѣтивъ греческій и арабскій храмы, мы тѣмъ же путемъ на трамваѣ вернулись въ Ель-Мину, опять въ гостепріимную школу, гдѣ любезная хозяйка постаралась насъ угостить обѣдомъ въ арабскомъ вкусѣ. Тутъ мы познакомились съ П. П. Быстровой, С. М. Солоковой и А. Ѳ. Юдиной, молодыми учительницами, пріѣхавшими сюда года два тому назадъ изъ Россіи.

Конечно, благословляешь ихъ дѣятельность и радуешься за нихъ, видя, съ какимъ достоинствомъ онѣ несутъ православное знамя просвѣщенія и вѣры, но съ другой стороны и пожалѣешь ихъ. Вѣдь эти всѣ молодыя дѣвицы не отказались отъ личнаго

счастья и отъ радостей жизни. А между тѣмъ обстановка ихъ жизни такова, что волей-неволей имъ приходится быть вдали отъ родныхъ и друзей, внѣ всего русскаго. Съ арабскимъ языкомъ сами онѣ не знакомы, а потому одиночество среди чужого народа становится еще тяжелѣе. Кромѣ учительницъ, русскихъ людей здѣсь почти нѣтъ никого. Правда, по дорогѣ въ Палестину паломники заглядываютъ сюда, но вѣдь это не такъ часто и притомъ только весною. Жалуются, что въ Ель-Минѣ господствуютъ весною и осенью лихорадки, но и здѣшнее лѣто съ тропической жарой, мнѣ кажется, тоже не легко для сѣверянокъ.

Среди учительницъ особенно выдѣлялась начальница школы, В. М. Соколова. Озабоченное выраженіе лица, поспѣшная походка, толковыя объясненія намъ, краткія, но дѣловитыя фразы учительницамъ и служанкамъ, все обличало въ ней энергичную распорядительницу и хорошую хозяйку. А распорядиться въ двухъ школахъ есть чѣмъ. Какъ много надо умѣнья и такта обращаться съ одними только арабами, съ народомъ столь пылкаго темперамента!

Вечеромъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ учительницъ, Валентина Михайловна поѣхала съ нами на пароходъ. Здѣсь, внѣ школы, она представилась намъ въ новомъ свѣтѣ, какъ ласковая, спокойная, умиротворяющая подруга своихъ учительницъ. Такъ и кажется со стороны, что съ ней имъ легко и пріятно живется. А это здѣсь очень важное обстоятельство, для удержанія учителей и учительницъ въ Сиріи и Палестинѣ. Частая смѣна учителей—слабое мѣсто здѣшнихъ школъ. Немногіе выжили здѣсь болѣе двухъ лѣтъ. Сама Валентина Михайловна представляетъ въ этомъ отношеніи исключительный примѣръ. Она работаетъ въ этомъ краѣ съ 1890, а въ здѣшней школѣ—съ 1899 года.

Ель-Минская школа молодая, и еще рано подсчитывать ея успѣхи. Но и теперь уже замѣтно ея вліяніе на православное населеніе. Въ католическихъ и протестантскихъ низшихъ школахъ въ Ель-Минѣ и Триполи немного осталось православныхъ арабовъ, да и то, говорятъ, заманены сюда подарками. Чѣмъ инославные миссіонеры сильны—это средними и высшими учебными заведеніями, съ блестящимъ преподаваніемъ европейскихъ языковъ.

Наше Палестинское общество въ своихъ школахъ вообще не вводитъ преподаванія французскаго языка, но, уступая просьбѣ сирійцевъ, оно допустило и этотъ языкъ въ Ель-Минской школѣ, такъ какъ торговыя сношенія въ здѣшнихъ городахъ происходятъ главнымъ образомъ на французскомъ языкѣ.

VIII.

Почная бесѣда.—Необходимость русскаго языка для арабовъ.—Конкуренція между инославными миссіонерами.—Просьба сирійскаго духовенства.—Численность русскихъ школъ въ Сиріи.—Успѣхъ ихъ.—Три типа учебныхъ заведеній.—Распространеніе русскаго языка въ Палестинѣ.

Пароходъ снялся ночью. Яркія звѣзды на небѣ вызвали меня любоваться ими на верхнюю площадку. Но у меня еще не вытѣснились изъ головы образы видѣннаго сегодня днемъ, и я искалъ, съ кѣмъ бы подѣлиться своими впечатлѣніями. Среди пассажировъ находился одинъ изъ служащихъ въ Православномъ Палестинскомъ обществѣ. Мнѣ интересно было слышать о школахъ общества вообще, объ ихъ возникновеніи и цѣли, объ условіяхъ жизни учителей и многое другое, и я обратился къ нему со своими вопросами. Мнѣ казалось, что онъ сообщаетъ свѣдѣнія о школахъ очень охотно и откровенно, и я позволилъ себѣ затронуть нѣкоторые щекотливые вопросы, о которыхъ писалось въ послѣднее время въ русскихъ газетахъ.

— О, это пишутъ люди, имѣющіе личные счеты съ обществомъ. Такимъ писаніямъ нельзя довѣрять,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Но скажите, пожалуйста,—спрашиваю его,—насколько необходимо для арабскихъ дѣтей русскій языкъ? Я читалъ, да мнѣ и говорили, все то немногое по русскому языку, что изучать дѣти въ сельской школѣ за три года, скоро ими забывается. Даже учителя и учительницы, окончившіе Назаретскій или Бетъ-Джалъскій пансіонъ, гдѣ преподаваніе предметовъ ведется на русскомъ языкѣ, и гдѣ они усваиваютъ его настолько хорошо, что свободно объясняются и читаютъ съ пониманіемъ образцовыя произведенія русскихъ писателей, и эти арабы, если попадутъ въ отдаленныя школы среди арабскаго населенія, въ значительной степени, утрачиваютъ пониманіе русской рѣчи ¹⁾. Къ чему имъ такое нетвердое знаніе русскаго языка, когда здѣсь пришлые иностранцы, или франки, преимущественно говорятъ на французскомъ языкѣ?

Мой собесѣдникъ, до сихъ поръ такъ мирно настроенный, вдругъ заволновался, потерялъ свой спокойный тонъ и, какъ будто съ кѣмъ полемизируя, сталъ крайне возбужденно доказывать необходимость русскаго языка въ сирійскихъ школахъ. Мнѣ неприятно было, что я вызвалъ въ человѣкѣ нежелательное огорченіе, затронувъ, какъ видно, больной вопросъ, а потому я скоро замолкъ, и мы разстались. Впослѣдствіи, объѣхавъ всю Палестину и присмотрѣвшись къ положенію дѣлъ Православнаго Палестинскаго общества, я самъ пришелъ къ тому убѣжденію, что русскій языкъ дѣйствительно необходимъ въ здѣшнихъ православныхъ школахъ.

¹⁾ См. «Сообщенія Православнаго Палестинскаго общества» за 1899 годъ.

Видъ Бейрута съ юго-западной стороны.

Въ Сиріи и Палестинѣ, какъ извѣстно, идетъ сильная конкуренція между различными исповѣдниками Христа. Каждый изъ нихъ хочетъ привлечь православнаго араба на свою сторону и чаще всего увлекають его не будущими небесными, а настоящими земными благами. Нельзя сказать, чтобы араба легко можно было соблазнить. Но миссіонеры отлично поняли, что есть тонкій и вѣрный способъ обращенія арабовъ въ католичество или протестантство. Это провести дѣтей ихъ чрезъ миссіонерскія школы. Толпы инославныхъ мужчинъ и женщинъ, всецѣло отдавшія себя, какъ монахи, на служеніе идеѣ, наводнили здѣшній край и настроили множество блестящихъ школъ, и низшихъ, и высшихъ. Ну, какъ не соблазниться арабу даровымъ обученіемъ! И онъ отдаетъ своего сына или дочь въ прекрасно обставленный пансіонъ, гдѣ дѣти скоро усваивають французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ они находились, и вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно поддаются вліянію своихъ наставниковъ. Если бы не пришли сюда на помощь русскіе, то скоро не было бы араба сирійца, а были бы арабы французы, арабы нѣмцы, арабы англичане.

Для удержанія мѣстнаго населенія въ православіи, очевидно, надо создать для него школы въ православномъ духѣ, и при томъ такого устройства, чтобы онѣ могли выдержать конкуренцію съ инославными. Но какъ это сдѣлать? Сами арабы, какъ мало культурный народъ, да еще подъ турецкимъ гражданскимъ и подъ греческимъ духовнымъ режимомъ, не въ состояніи открыть не только высшей или средней, но и порядочной сельской школы.

Вотъ тутъ-то наше Палестинское общество и пришло на помощь арабамъ со своими русскими учителями. Но какъ скромно и деликатно это было сдѣлано въ Сиріи!

Осенью 1895 г., іерархи Антиохійской церкви, видя успѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній въ Палестинѣ, стали горячо просить наше Палестинское общество, чтобы оно взяло на свое попеченіе и сирійскія школы. Несмотря на свои небольшія средства, общество пошло себя нравственно обязаннымъ не отказывать въ такомъ святомъ дѣлѣ, а потому распространило свою учебную дѣятельность и на Сирію.

Въ короткое время общество взяло подъ свою опеку сорокъ двѣ школы и раздѣлило ихъ на двѣ инспекціи: Южно-Сирійскую съ Дамаскомъ во главѣ и Сѣверо-Сирійскую, къ которой принадлежитъ Ель-Мина, Триполи и Хомсъ. Бейрутскія школы выдѣлены пока въ отдѣльный округъ, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ М. А. Черкасовой.

Въ Южно-Сирійской инспекціи представителя общества, Дмитрія Ѳедоровича Богданова (изъ Казанской духовной академіи), было семь мужскихъ школъ, двадцать смѣшанныхъ и одна исклю-

М. А. Черкасова со своею школою въ Бейрутѣ.

чительно женская. Въ нихъ насчитывается 2.111 учениковъ и 1.333 ученицы. Сѣверо-Сирийскія учебныя заведенія были въ вѣдѣніи инспектора Ефима Ивановича Тарасова (изъ Петербургскаго историко-филологическаго института). Въ мое время здѣсь насчитывалось четыре мужскихъ школы, девять смѣшанныхъ и одна женская. Всѣхъ учащихся въ нихъ 2.519 мальчиковъ и 1.446 дѣвочекъ.

Успѣхъ нашихъ школъ больше всего очевиденъ въ селлахъ. Напримѣръ, въ Рахбэ и Джироилѣ дѣти покинули протестантскія школы съ открытіемъ русскихъ. Въ другихъ же селлахъ жители упорно отказываются отъ назойливыхъ предложеній латинянъ и терпѣливо ждутъ православныхъ школъ.

Палестинское общество, какъ я говорилъ, радо исполнить ихъ просьбы; но помимо того, что для этого нужны большія деньги, надо еще создать контингентъ надежныхъ учителей, которые, взявшись за орано на арабской почвѣ, не оглядывались бы назадъ въ Россію. Какъ бы то ни было, общество дало арабамъ семьдесятъ школъ, гдѣ обучаются до 10.000 человекъ¹⁾.

Кромѣ двухъ учительскихъ пансіоновъ въ Назаретѣ и Бетъ-Джалѣ, созданныхъ по типу російскихъ учительскихъ семинарій, всѣ остальные школы общества дѣлятся на одноклассныя и двухклассныя. Въ первыхъ, съ тремя послѣдовательными группами и тремя годами обученія, преподаются: Законъ Божій, ариѳметика, арабскій и русскій языки и пѣніе. Въ двухклассныхъ же училищахъ, съ тремя послѣдовательными группами въ 1-мъ классѣ, т.-е. съ пятью годами обученія, преподается то же самое, что и въ одноклассныхъ, конечно, съ расширенной программой и, кромѣ того, еще турецкій языкъ и географія.

Кстати сказать, число русскихъ паломниковъ въ Палестинѣ съ годами все увеличивается и увеличивается. Иные проводятъ въ ней нѣсколько мѣсяцевъ, а есть, которые живутъ въ Палестинѣ и годы. Весь этотъ русскій людъ находится здѣсь въ постоянномъ движеніи, а слѣдовательно, и въ общеніи съ мѣстными жителями во всѣхъ городахъ и селлахъ. Теперь неудивительно встрѣтить араба, знающаго нѣсколько словъ и даже нѣсколько фразъ по-русски. Мнѣ попадались мукари (проводники), которые очень развязно объяснялись по-русски съ паломниками, научившись языку только отъ нихъ въ караванныхъ шествіяхъ по святымъ мѣстамъ. Въ этихъ видахъ для насъ, конечно, выгодно распространеніе русскаго языка среди арабовъ.

Замѣчу кстати, что теперь, кромѣ Православнаго Палестинскаго общества, заботится еще другое—общество Востоковѣднія—о рас-

¹⁾ Къ 1-му мая 1900 г. Въ настоящее время общество насчитываетъ 87 русскихъ школъ, которыя 1-го марта 1902 г. турецкимъ правительствомъ признаны законно существующими.

пространеніи русскаго языка вообще въ Азіи, чтобы тѣмъ содѣйствовать сближенію Россіи съ восточными странами и служить проводникомъ русской культуры и производительности среди восточныхъ народностей.

Нѣкоторые дальновидные экономисты предвидяютъ сближеніе этого края съ Россіей чрезъ соединеніе желѣзною дорогою порта Александретты съ Закавказьемъ, но объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить.

IX.

Бейрутъ.—Восточные порядки.—Греческій храмъ.—Георгіевскій госпиталь.—Мусульманскія женщины.—Молебень у источника св. Георгія.—Учительница Назира Н.—Въ церкви за богослуженіемъ.—Молитвы М. А. Черкасовой.

Рейсы парохода вдоль Сирійскаго берега, мнѣ кажется, очень удачно распредѣлены для туриста. Заснувъ въ Триполи, онъ просыпается въ Бейрутѣ, и опять почти цѣлый день въ его распоряженіи для осмотра города.

Бейрутъ въ торговомъ отношеніи главный городъ Сиріи. Отсюда идетъ дорога въ Дамаскъ черезъ Ливанскія горы, которыя и здѣсь красуются своими снѣжными вершинами. Городъ окруженъ пахучими садами. На первомъ планѣ видно много домовъ съ европейскими крышами.

Въ 8 ч. утра, со мной опять съѣхала на берегъ вчерашняя компанія паломниковъ. На этотъ разъ, если мы и не встрѣтили запертыхъ воротъ, все же толпа сирійцевъ съ грубыми криками попробовала загородить намъ путь.

Среди насъ была родная сестра моряка—героя послѣдней китайской войны.

— Что на нихъ смотрѣть!—крикнула она намъ и рѣшительно прошла между сирійцами. За нею послѣдовали и другіе.

Такъ какъ я старался держать себя корректно и не рвался напроломъ, то сирійцы успѣли задержать меня и моего товарища по каютѣ Ф. А. А. Пробившіеся спутники махнули намъ не слушать ихъ и итти впередъ, что мы и сдѣлали. Это былъ хорошій намъ урокъ, какъ понимать турецкіе порядки на востокѣ вообще. Потомъ я видѣлъ, что для англичанъ, на примѣръ, здѣсь законъ не писанъ. Они идутъ впередъ, несмотря ни направо, ни налево, какъ у себя дома. Даже больше того, иногда они расчищаютъ себѣ дорогу хлыстомъ и тѣмъ только возбуждаютъ къ себѣ большее уваженіе...

«Святые мѣста» Бейрута связаны съ именемъ св. великомученика Георгія. Небольшими группами мы направились по главной улицѣ за городъ, гдѣ указываютъ источникъ Георгія Побѣдоносца. По дорогѣ прежде всего зашли въ греческій храмъ. Въ немъ, какъ и вообще во многихъ греческихъ церквахъ, было подвѣшено мно-

жество лампадъ, блестящихъ шаровъ и страусовыхъ яицъ, что должно напоминать вселенную, наполненную звѣздами и планетами. Очень представительнаго вида грекъ-священникъ давалъ намъ объясненія на французскомъ языкѣ.

Зашли и въ госпиталь св. Георгія для православныхъ христіанъ. На большомъ дворѣ, среди одноэтажныхъ флигелей для больныхъ, разбитъ садъ съ фонтаномъ. Его украшаютъ два бюста докторовъ изъ бѣлаго мрамора. Завѣдующій госпиталемъ предложилъ мнѣ осмотрѣть палаты больныхъ. Не знаю, каковъ за ними уходъ, но съ внѣшней стороны госпиталь производитъ благоприятное впечатлѣніе: очень чисто и свѣтло.

Далѣе мы пришли къ источнику, гдѣ, по мѣстному преданію, св. Георгій Побѣдоносецъ убилъ чудовищнаго змія. Это мѣсто, какъ видно, уважается и мусульманами, построившими здѣсь свою молельню. Сюда собралось, вѣроятно, ради пятницы, множество мусульманокъ съ ребятами. Мужчинъ не было, и вслѣдствіе этого, можетъ быть, поведеніе ихъ женъ и дѣвицъ было довольно странно и даже нескромно. Обыкновенно, на улицахъ восточныхъ городовъ мусульманки, прикрытыя густой чадрой, идутъ очень степенно и какъ бы сторонятся отъ взглядовъ франковъ; а здѣсь, въ отсутствіи мужей, собравшись вмѣстѣ громадною толпой, онѣ не только позволяли себѣ открывать покрывало съ лица, но и сами заговаривали съ паломниками, бросая въ нихъ апельсинными корками.

Изъ церкви св. Георгія пріѣхалъ къ колодцу на осликѣ священникъ и отслужилъ по-гречески молебень, при чемъ произнесъ наши имена и спѣлъ по-русски трижды: «Господи, помилуй!»

Отдавъ дань поклоненія св. Георгію, паломники отправились на пароходъ. Только я со своимъ товарищемъ, Ф. А. А., поѣхалъ къ завѣдывающей бейрутскими школами, Маріи Александровнѣ Черкасовой.

Проводникъ привелъ насъ сперва въ небольшую одноклассную школу, гдѣ навстрѣчу намъ вышла молодая учительница, арабка Назира. Она немного владѣетъ русскимъ языкомъ, и потому могла намъ объяснить, какъ найти г-жу Черкасову. Но тутъ сказала у ней арабская кровь. Узнавъ, что намъ надо нанять экипажъ по часамъ, она быстро выбѣжала на улицу, отыскала извозчика, привела его, горячо поторговалась съ нимъ, рассказала ему, куда ѣхать, затѣмъ сорвала на дворѣ нѣсколько распущенныхъ розъ и съ милостивою улыбкой подала намъ.

— Вотъ вторая библейская Ревекка!—подумалъ я.—Когда рабъ Авраама попросилъ у Ревекки напиться, она тотчасъ спустила съ плеча кувшинъ и сказала ему: «Пей, и верблюдовъ твоихъ напою». И стала быстро черпать воду для верблюдовъ. Вотъ такое же ретивое проворство и ласковое гостепріимство оказала намъ и Назира.

На нашъ разговоръ вышла служанка изъ школы. Какъ видно, и ей страстно хотѣлось поговорить съ нами, но мы не понимали ея гортанныхъ звуковъ. Пришлось и этой доброй женщинѣ ограничиться подачею намъ свѣжихъ чайныхъ розъ.

Мы не застали Маріи Александровны Черкасовой дома. Она была съ учащимися въ церкви на преждеосвященной обѣднѣ. До отхода парохода оставалось немного времени, и мы были крайне смущены, опасаясь не увидать этой замѣчательной труженицы въ Сириі. Послѣ небольшого раздумья—итти ли къ обѣднѣ или ѣхать на пароходъ—рѣшились попросить у нея нѣсколько минутъ вниманія въ церкви.

Православный храмъ, гдѣ находилась Марія Александровна, былъ недалеко отъ ея дома. Мы вошли въ сѣверныя боковыя двери. Церковь была полна. Посреди стояли мальчики, съ лѣвой стороны—взрослый народъ, а съ правой—дѣвочки.

Арабы сообразили, что мы ищемъ Марію Александровну, и указали намъ на почтенную даму въ черномъ одѣяніи, сидящую сзади всѣхъ въ формѣ, т.-е. въ деревянномъ креслѣ, какія принято устраивать во всѣхъ греческихъ храмахъ вдоль стѣнъ. Болѣе удобно было подойти къ ней съ западныхъ дверей. Мы такъ и сдѣлали.

Марія Александровна успокоила насъ, что пароходъ не такъ скоро уйдетъ, какъ намъ сказали, и просила подождать до конца службы.

Пришлось выстоять всю преждеосвященную обѣдню и даже нѣсколько больше, но мы не раскаялись въ этомъ.

Священникъ служилъ по-гречески, а дѣвочки пѣли по-русски. Мнѣ казалось, это онѣ для насъ поютъ на понятномъ намъ языкѣ. «Да исправится молитва моя» пѣлъ самъ священникъ поочередно съ клиромъ. Порядокъ службы почти ничѣмъ не отличался отъ принятаго у насъ въ Россіи.

По окончаніи обѣдни, мальчики поспѣшили выйти черезъ западныя двери, а дѣвочки и молящійся народъ остались. Началось оригинальное богослуженіе, которое установила Марія Александровна послѣ каждой обѣдни.

Не выходя изъ своей формы, Марія Александровна громко и отчетливо прочитала рядъ молитвъ за Царя и Россію, за арабовъ и Палестинское общество. Послѣ чего дѣвочки спѣли по-русски: «Спаси, Господи», «Достойно есть» и др. церковныя пѣсни. Затѣмъ Марія Александровна проходитъ черезъ весь храмъ и останавливается у амвона. Здѣсь опять она читаетъ длинную молитву по-арабски. Священникъ, какъ бы въ отвѣтъ на это, сказалъ ектенію. Однимъ словомъ, вышло небольшое богослуженіе, продолжавшееся съ четверть часа, если не больше.

Я смотрѣлъ на эту невысокаго роста женщину, съ такою твердостью читающую молитвы, съ такою самоувѣренностью дѣйствующую

щую, и немало удивлялся. Да, правда, надо посмотрѣть на Марію Александровну въ церкви, чтобы понять, почему ея имя пользуется такимъ почетомъ въ Сиріи, почему арабы относятся къ ней съ такимъ благоговѣніемъ.

Вотъ и сейчасъ въ храмѣ. Народъ, вѣроятно, приутомился продолжительной обѣдной, соединенной съ вечерней, но никто и не думаетъ уходить. Всѣ чинно и благоговѣнно слушаютъ молитвы Маріи Александровны. И это происходитъ, какъ я потомъ узналъ, каждое воскресенье, каждый праздникъ; кромѣ того, Великимъ постомъ — каждая среду и пятницу.

Мнѣ говорили, что нѣкоторымъ изъ русскихъ странно было видѣть, какъ въ присутствіи священника отъ лица всей церкви читаетъ женщина молитвы по-русски и по-арабски. Но въ Бейрутѣ кто бы могъ замѣнить ее въ данный моментъ ¹⁾? А главное, кто бы вложилъ въ свою молитву столько духовной силы, столько сердечности и горячей вѣры?!

X.

Бейрутскія школы. — Въ гостяхъ у М. А. Черкасовой. — Поведеніе русскихъ въ храмѣ. — Случай съ митрополитомъ Иннокентіемъ. — Дѣятельность г-жи Черкасовой. — Трогательное прощаніе. — Успѣхъ сирійскихъ школъ. — Блужданіе по базару. — Выходъ въ море.

Послѣ священническаго отпуска изъ храма стали выходить дѣвочки чинно, безъ шума. Не надо много ходить по классамъ школы, чтобы сразу усмотрѣть, какая у нихъ выдержка, дисциплина! Съ арабскими дѣтьми трудно справиться, и нами видѣнный порядокъ школы только дѣлаетъ честь ея начальницѣ.

Сама Марія Александровна занимается въ смѣшанной школѣ св. Ілии—Мусайбе съ 15 марта 1887 г., но завѣдуетъ и другими школами Палестинскаго общества: Мазра—школа архангела Михаила, Хай-Румели—св. Николая, Расъ-Беруть—Пресвятой Богородицы и Хай-Румели—школа св. великомученика Георгія. Во всѣхъ пяти школахъ во время моего путешествія (мартъ 1900 г.) насчитывалось 151 мальчикъ и 864 дѣвочки.

Съ какимъ дружелюбнымъ довѣріемъ относятся жители Бейрута къ Маріи Александровнѣ и къ ея школамъ, можно было судить по поведенію кучки арабовъ, которая сопровождала ее изъ церкви до дому. Насъ, пріѣзжихъ гостей изъ Россіи, Марія Александровна пригласила въ гостиную и, угощая по восточному обычаю прохладительными напитками, объяснила намъ, почему она насъ держала въ церкви.

Арабы очень религіозный народъ и строгіе исполнители церковныхъ обрядовъ. У нихъ сложилось убѣжденіе, что настоящіе

¹⁾ Среди арабскихъ священниковъ до сихъ поръ встрѣчаются малограмотные.

христіане — это русскіе. А между тѣмъ много разъ приходилось Маріи Александровнѣ краснѣть за своихъ соотечественниковъ, когда они показывали свое невниманіе или небрежность къ богослуженію и къ храму. Развивая въ дѣтяхъ религіозное чувство, понятно, она оберегаетъ ихъ отъ дурныхъ примѣровъ. Вотъ почему ей всегда пріятно, если зашедшіе въ храмъ русскіе имѣютъ терпѣніе выстоять богослуженіе до конца.

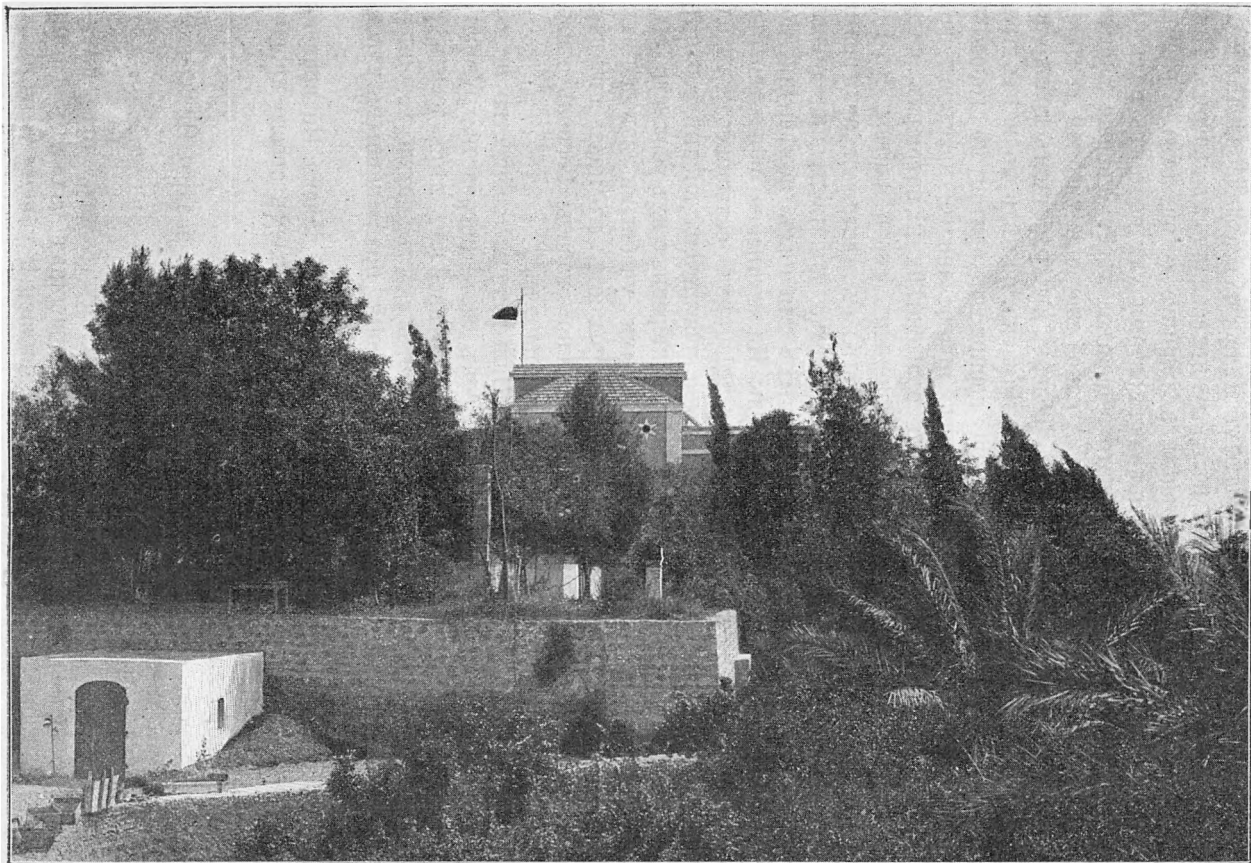
Марія Александровна рассказала намъ по этому поводу одинъ случай изъ практики московскаго митрополита Иннокентія, когда онъ былъ на Алеутскихъ островахъ. Новообращенные туземцы съ самаго начала оказали большую ревность и усердіе къ церковнымъ молитвамъ и ко всѣмъ обрядамъ. А такъ какъ самъ проповѣдникъ вѣры былъ русскій, и вся священная утварь, образа, свѣчи шли изъ Россіи, то у нихъ составилось мнѣніе, что русскіе — идеальные христіане. Но вотъ приходитъ судно изъ Россіи. Алеуты во всѣ глаза смотрятъ за русскими и, какъ прозелиты, интересуются главнымъ образомъ ихъ поведеніемъ въ церкви. И вдругъ какое разочарованіе!.. Они спрашиваютъ Иннокентія, и тому пришлось сказать, что настоящіе русскіе другіе...

Увидя, что мы торопимся ѣхать на пароходъ и въ то же время выражаемъ большое желаніе услышать отъ нея хотя бы краткую повѣсть о себѣ, она сказала:

— Я не скрываю своего прошлаго, но рассказывать подробно о себѣ надо много времени. Начиная съ семнадцатилѣтняго возраста, тотчасъ по окончаніи институтскаго курса, я обратилась къ той дѣятельности, которой и теперь предана всей душой. Но прежде чѣмъ основаться гдѣ либо, я много изѣздила по свѣту Божію. Между прочимъ работала года три въ Японіи при русской духовной миссіи. Наконецъ, нашла себѣ мѣсто въ Сиріи, и, Богъ дастъ, навсегда. Я уже здѣсь работаю тринадцать лѣтъ. Только одинъ разъ, года четыре тому назадъ, съѣздила ненадолго въ Россію, и то по вызову. Въ этомъ-то все дѣло и есть, господа, что пріѣзжаютъ сюда люди съ искреннимъ желаніемъ поработать, но пройдетъ годъ, два, — смотришь, явившіеся дѣятели уже и назадъ въ Россію ѣдутъ. Мимо меня въ этомъ краѣ прошло около пятидесяти человѣкъ учителей и другихъ служащихъ Палестинскому обществу, а изъ нихъ удержались здѣсь развѣ только человѣка два-три, не болѣе.

Нашей бесѣдѣ помѣшали другіе гости, пришедшіе къ Маріи Александровнѣ, да и время подошло ѣхать намъ на пароходъ.

Провожая насъ до лѣстницы, Марія Александровна спросила наши имена, чтобы помянуть ихъ на молитвѣ. Такое христіански-умилительное вниманіе насъ окончательно растрогало, и мы не знали, какъ благодарить эту добродѣтельную женщину. Сколько сердце подсказало намъ самыхъ лучшихъ пожеланій и благословеній, все было горячо высказано ей на прощаніи.

Русское мѣсто близъ Яффы.

Дай Богъ, конечно, всякаго успѣха русскимъ труженикамъ въ Сиріи! Они не преслѣдуютъ здѣсь никакихъ политическихъ, экономическихъ и другихъ скрытыхъ цѣлей; ихъ задача одна: внести христіанскій свѣтъ истины въ среду православныхъ арабовъ. Такъ это и понимаютъ и сами арабы, и здѣшнее духовенство. А работы въ Сиріи еще немало! И тѣ школы, которыя уже состоятъ подъ попеченіемъ нашего Палестинскаго общества, требуютъ еще многого для своего усовершенствованія. А какое еще поле учебной дѣятельности остается для будущаго! Теперь мы работаемъ только въ треугольникѣ Триполи, Бейрута и Дамаска, но вѣдь во всѣхъ тринадцати епархіяхъ Антіохійской церкви находятся 20 городовъ и 180 деревень, съ 356.000 душъ православнаго населенія! Мы только можемъ порадоваться, что блаженнѣйшій патріархъ Мелетій такъ охотно занимается просвѣщеніемъ своей паствы. Въ Сиріи существуютъ попечительные совѣты, съ мѣстными архіереями во главѣ, которые заботятся о средствахъ для постройки домовъ для школъ или для найма временныхъ для нихъ помѣщеній, потому что при открытіи новой школы Палестинское общество ставитъ непремѣннымъ условіемъ для здѣшнихъ сельскихъ и городскихъ обществъ, чтобы школа была обезпечена вполнѣ соответственнымъ помѣщеніемъ. Несмотря на теперешнее ихъ убожество сравнительно съ блестящими инославными учебными заведеніями, все-таки арабы инстинктивно предпочитаютъ въ нихъ отдавать своихъ дѣтей. Вотъ уже поистинѣ можно сказать: Господь отверзаетъ очи слѣпымъ и умудряетъ младенцевъ!

Понятно, въ настоящее время Палестинское общество не можетъ вести дѣло просвѣщенія арабовъ безъ посредства русскаго языка, безъ русскихъ руководителей, но пройдетъ лѣтъ десять, и, Богъ дастъ, арабы будутъ имѣть своихъ собственныхъ хорошихъ преподавателей, и тогда дѣло просвѣщенія православныхъ туземцевъ пойдетъ большими шагами.

Отъ дома г-жи Черкасовой до пристани не далеко. По времени мы давно должны бы были пріѣхать. Спрашиваемъ своего проводника (конечно, по-французски):

— Скоро ли будетъ пристань?

— А вотъ сейчасъ, лишь только пройдемъ базаръ. Не желаете ли купить древнихъ вещей, antiques?

— Нѣтъ, нѣтъ, скорѣй на пароходъ!

Но вотъ мы проѣхали еще одну улицу базара, проѣзжаемъ другую, третью, и на каждой нашъ проводникъ находитъ что нибудь предложить для покупки. Появилась и у него въ карманѣ цѣлая куча монетъ. Наконецъ, намъ очевидно стало, что онъ насъ водить взадъ-впередъ по базару, тогда какъ пристань находится въ двухъ-трехъ шагахъ. Всѣ наши вѣжливыя просьбы не имѣли никакого воздѣйствія на проводника, и пришлось прибѣгнуть къ

азиатскому способу обращенія: энергично отказавшись отъ всѣхъ назойливыхъ предложеній, особенно отъ порнографическихъ карточекъ, надо было покричать и показать ему свое раздраженіе, чтобы онъ послушался и моментально доставилъ насъ къ лодкамъ. Да и пора было. Только что мы прибыли на пароходъ, какъ онъ снялся и направился къ послѣднему пункту нашего морского путешествія—Яфѳѣ.

Тепло. Каютные пассажиры высыпали на верхнюю площадку. До захода солнца еще было время попрощаться съ Сиріей. Выйдя изъ залива св. Георгія, пароходъ обогнулъ мысъ Бейрута и направился на юго-западъ. Песчаная прибрежная полоса скрылась. Только Ливанскія горы синеватою лентою растянулись по восточному горизонту. Небо было не чисто. Небольшое волненіе наводило нѣкоторыхъ на безпокойное раздумье — какова-то завтра будетъ высадка въ Яфѳѣ? Взглянулъ я на палубу: тамъ совершенно спокойно, съ твердымъ упованіемъ на Бога паломники готовятъ себѣ постели на ночь. А изъ трюма несутся умиротворяющіе звуки вечернихъ молитвъ и припѣвовъ къ акаѳисту Божіей Матери...

XI.

Яффа. — Переправа черезъ буруны. — Проводникъ-арабъ. — Восточная баня. — На желѣзнодорожной станціи. — Мѣсто воскресенія Тавионы. — Невниманіе къ русскому мѣсту. — Опять на станціи. — Тѣснота въ вагонахъ.

Чтобы съ восходомъ солнца встрѣтить первый для насъ палестинскій городъ Яфѳу, я поспѣшилъ пораньше улечься на своей койкѣ. То же сдѣлалъ и мой почтенный компаніонъ. Но я не обладалъ его безмятежнымъ спокойствіемъ духа и не могъ заснуть въ душной каютѣ. Опять пришлось провести всю ночь на верхней площадкѣ подъ открытымъ небомъ.

Утромъ, 18-го марта, немного покачиваясь, пароходъ подошелъ къ Яфѳѣ. Вѣтра большого не было, но порядочная зыбь на рейдѣ давала себя знать. Паломники, особенно женщины, съ нескрываемымъ смущеніемъ посматривали на берегъ. Тамъ на грядѣ камней яростно клокотали бѣлые буруны.

Переправа въ Яфѳѣ хорошо извѣстна русскому народу. Чуть ли не въ каждой избѣ разсказывается паломниками, съ какимъ страхомъ и трепетомъ приходится отдать себя въ руки арабовъ и затѣмъ съ сжатымъ сердцемъ въ продолженіе получаса ожидать желаннаго берега.

Какъ бы ни было страшно, надо съѣзжать! Есть женщины, которыя боятся сѣсть въ яликъ въ тихую погоду на Невѣ, здѣсь же онѣ рѣшаются прыгнуть съ трапа въ бросаемую волнами лодку. Но зато инныя, какъ повалятся ничкомъ на мѣшки паломниковъ, такъ и не двигаются до самаго берега.

Мнѣ лично не страшны были бѣлѣющіе буруны на камняхъ, за которыми находится тихая бухта съ пристанью, не пугали меня и гигантскія волны на рейдѣ, временами скрывающія лодку изъ глазъ береговыхъ зрителей, но у меня опять явилось тоскливое ожиданіе возни съ необузданными сирійцами-лодочниками.

Къ моей радости, на нашъ пароходъ пріѣхалъ агентъ Русскаго общества пароходства и торговли, Исса Фокичъ Самури. Любезный командиръ парохода познакомилъ меня съ нимъ и просилъ его помочь мнѣ въ Яфѣ. Этотъ уроженецъ Палестины, свободно объясняющійся на пяти языкахъ, оказался очень милымъ и внимательнымъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня въ свою шлюпку, хотя много меньшую тѣхъ, на которыхъ перевозили паломниковъ, но зато обладавшую четырьмя сильными и ловкими гребцами. Они не пошли сѣвернымъ обходомъ вокругъ буруновъ, а смѣло направили лодку въ средній проходъ между камней. Мнѣ много приходилось на маленькихъ лодочкахъ нырять по морскимъ волнамъ, но такого гигантскаго буруна я ни разу раньше не испытывалъ. Арабы стараются грести сильно и мѣрно въ тактъ, чтобы не свернуло ихъ лодку поперекъ прохода. Съ боковъ стоятъ пѣнистыя горы яростныхъ волнъ на скалахъ... Вотъ ужъ мы миновали линію опасныхъ камней. Еще одинъ ударъ гигантскаго вала въ корму,—и мы вошли въ затишье.

Благодаря агенту, я избавился отъ назойливости таможенныхъ сторожей, но лодочники, улучивъ минуту, когда отошелъ отъ меня И. Ф. Самури, приперли меня, какъ говорится, къ стѣнѣ со своимъ попрошайничествомъ, хотя я отдалъ рулевому и билетъ, по которому они получаютъ отъ агентства установленную плату за перевозку пассажировъ съ парохода на берегъ, и хорошій бакшишъ.

Всѣ паломники, какъ только съѣхали на берегъ, сейчасъ же потянулись пѣшкомъ длинною вереницею къ желѣзнодорожной станціи за городъ. Немногіе ѣхали на ослахъ. Проводниками имъ служили паломники, не одинъ разъ раньше побывавшіе въ Палестинѣ. У меня былъ свой проводникъ изъ мѣстныхъ арабовъ. Когда-то онъ находился въ услуженіи на русскихъ постройкахъ въ Яфѣ, а потому довольно сносно объяснялся по-русски. Для своей рекомендаціи этотъ арабъ перекрестился нѣсколько разъ и показалъ одобрительныя свидѣтельства русскихъ путешественниковъ.

До отхода поѣзда было еще много времени, и я воспользовался имъ, чтобы помыться въ турецкой банѣ. Меня, давно знакомаго съ обстановкой восточныхъ бань, не удивили ни низкіе диваны въ общей раздѣльной, ни деревянныя сандалія для ногъ, чтобы не обжигаться отъ каменнаго пола, ни отдѣльныя каменные комнатки для мытья ¹⁾.

¹⁾ Обнажаться передъ другими на Востока считается грѣхомъ (Левит. 18 гл., 2 Царств. 6,20).

Разборъ багажа паломниками въ Иерусалимѣ.

Указали и мнѣ одну изъ нихъ.

Тамъ находился каменный диванъ и другой большой съ чашеобразнымъ углубленіемъ подъ кранами воды. Лишь только я расположился мыться, какъ приходитъ въ мою комнатку арабъ-цирульникъ съ открытой бритвой въ рукахъ и предлагаетъ мнѣ побриться по мусульманскому обычаю. Я энергично замахалъ руками и головой, чтобы онъ уходилъ скорѣй.

Своему проводнику-арабу я далъ нѣсколько рублей авансомъ и просилъ его всюду, гдѣ только надо, разсчитываться за меня съ мѣстными жителями. Это до нѣкоторой степени избавляло меня отъ многихъ непріятностей. Осмотрѣвъ яфѣскіе базары и сдѣлавъ необходимыя покупки на дорогу, я пришелъ на желѣзнодорожную станцію. Поѣздъ въ Іерусалимъ еще не отправлялся. На площади и на платформѣ толпы паломниковъ. Среди нихъ выдѣляется высокая фигура каваса Марко Джуричъ въ національномъ черногорскомъ костюмѣ. Онъ присланъ въ Яффу нашимъ Палестинскимъ обществомъ для встрѣчи и препровожденія паломниковъ въ Святой городъ. Оказывается, общество позаботилось заранѣе нанять къ приходу парохода нѣсколько поѣздовъ специально для русскихъ паломниковъ. Билеты раздавалъ кавасъ Марко изъ походной сумки кассы, висѣвшей у него черезъ плечо. Мѣста въ вагонахъ брались чуть ли не съ бою. Давка ужаснѣйшая. Я рѣшилъ поѣхать на послѣднемъ поѣздѣ, а до тѣхъ поръ—посѣтить съ своимъ проводникомъ здѣшнюю русскую церковь св. Тавиѣы, находящуюся въ вѣдѣніи русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Она была недалеко за городомъ, въ двухъ верстахъ отъ пристани, а потому мой проводникъ предложилъ мнѣ пройти туда пѣшкомъ.

Дорога пролегла мимо отдѣльно стоящихъ домовъ, утопавшихъ въ зелени садовъ. Послѣ утомительнаго перехода подъ горячимъ солнцемъ мы приблизились къ обширному саду, окруженному высокою стѣною. Надъ зданіями высилась высокая колокольня храма. Мы вошли въ открытыя ворота на небольшую площадь передъ двухъэтажнымъ домомъ, гостиницею для русскихъ паломниковъ. Насъ встрѣтилъ послушникъ въ черномъ подрясникѣ—единственный представитель Русской миссіи въ Яфѣ. Кромѣ него, тутъ былъ еще садовникъ магометанинъ.

По преданію, это мѣсто ознаменовано воскрешеніемъ св. Тавиѣы по молитвѣ апостола Петра. Осмотрѣвъ церковь и пещеру, гдѣ погребена была Тавиѣа, мы обошли великолѣпный фруктовый садъ съ пальмами и съ прекрасной аллеей эвкалиптовъ. Здѣсь я полюбовался на искусственный бассейнъ съ плававшими въ немъ золотыми рыбками, выпилъ свѣжей воды изъ чистаго источника, заглянулъ въ братскій корпусъ и... огорчился за русскихъ православныхъ христіанъ.

Покойный начальникъ духовной миссіи въ Палестинѣ, архимандритъ Антонинъ, много хлопоталъ, чтобы приобрести этотъ очаро-

вательный уголокъ Яффы, выстроилъ прекрасную церковь, развелъ садъ. Во всемъ видна заботливая рука... Но для кого все это? Для одного инока-сторожа? Черезъ Яффу ежегодно проходятъ русскіе паломники тысячами, большими караванами и маленькими группами они исходятъ пѣшкомъ всю Палестину, побываютъ въ иныхъ мѣстахъ по два, по три раза; а спросите, многіе ли изъ нихъ были въ русской церкви въ Яффѣ. Десятки! Да и то заглянуть сюда на самое короткое время. Многіе по моимъ разспросамъ даже не слышали, что есть русское мѣсто въ Яффѣ. Очевидно, надо позаботиться объ этомъ самой миссіи. Надо посылать навстрѣчу къ каждому пароходу проводника-монаха, надо оповѣщать, знакомить русскихъ паломниковъ съ мѣстомъ важнаго библейскаго событія.

Правда, у каждаго паломника, сошедшаго съ парохода на берегъ, всѣ мысли направлены прежде всего въ Иерусалимъ, но вѣдь въ Яффѣ приходится имъ быть не одинъ разъ.

Помимо того, что почти всѣ паломники, какъ пріѣзжаютъ, такъ и уѣзжаютъ черезъ Яффу, они бываютъ здѣсь еще и при переѣздѣ въ Галилею по морю. Правда и то, паломникамъ удобнѣе остановиться въ греческомъ монастырѣ, ради близости его къ пароходной пристани. Но если принять во вниманіе всѣ неудобства для ночлега на грязныхъ, холодныхъ каменныхъ плитахъ коридоровъ, террасъ и разныхъ переходовъ греческаго монастыря, то многіе предпочтутъ сдѣлать лишніхъ двѣ версты и воспользоваться чистой гостиницей съ кроватями.

Съ другой стороны, какая масса русскаго народа остается монахами на Аеонѣ, и какъ мало ихъ здѣсь въ Палестинѣ! Въ Яффѣ тоже мѣстность здоровая, красивая, обильная фруктами. Здѣсь столько связано съ нею священныхъ преданій! И не обидно ли—такой благоустроенный готовый монастырь пустуетъ!

Незнаніе—вотъ, мнѣ кажется, главная причина такого пренебреженія къ яффскимъ постройкамъ о. Антонина со стороны русскихъ. Расскажи имъ про него обстоятельно, и они валомъ двинутся въ этотъ палестинскій рай.

Придя на станцію, я еще засталъ много народу въ ожиданіи поѣзда. Здѣсь паломники цѣлый день жарились подъ знойнымъ солнцемъ съ самаго утра. Въ паломническомъ поѣздѣ не было раздѣленія на первый и второй классы. Заходилъ кто куда хотѣлъ. Пришлось и мнѣ втиснуться въ толпу людей и стоять въ вагонѣ всю дорогу до Иерусалима. Прислуга поѣзда переходила черезъ головы пассажировъ по спинкамъ скамеекъ. Платформы вагоновъ тоже были заняты.

— Да,—подумалъ я,—мы теперь съ этою желѣзною дорогою много выигрываемъ въ скорости, зато сколько тяремъ въ поэзіи этого благочестиваго путешествія!

XII.

Въ вагонѣ Иерусалимской дороги.—Воспоминанія о Лиддѣ.—Саронская равнина.—Безбилетный пассажиръ.—Въ каменныхъ горахъ Іудей.—Иерусалимъ.—Переѣздъ отъ станціи въ городъ.—Русскія постройки.

Какъ только тронулся поѣздъ, всѣ перекрестились и обратились къ окнамъ. Потянулись передъ нашими глазами прославленные яффскіе сады съ апельсинами, лимонами, миндаемъ, маслинами, финиками и смоквами. Одни восторгались видомъ оранжевыхъ плодовъ, другихъ больше занимали кактусовыя изгороди. Но о томъ, что мы ѣдемъ, наконецъ, по землѣ, полной библейскихъ воспоминаній,—ни слова.

Кончились сады,—вступили въ полосу хлѣбныхъ полей... Встрѣчались феллахи—здѣшніе земледѣльцы. Паломники поражались, что въ мартѣ мѣсяцѣ пшеница и ячмень въ колосѣ.

Проѣзжая мимо Лидды, я сталъ рассказывать объ извѣстномъ евангельскомъ событіи, бывшемъ въ этомъ городѣ: исцѣленіи ослабленнаго Энея апостоломъ Петромъ. Но для народа и этого было довольно, чтобы съ нескрываемымъ любопытствомъ обернуться ко мнѣ и спрашивать «о здѣшнихъ святыхъ мѣстахъ».

— Такъ вы говорите,—обращается ко мнѣ широкобородый мужчина, должно быть, изъ купеческаго званія,—въ этихъ мѣстахъ, что мы ѣдемъ, апостоль Петръ проповѣдывалъ?

— Не одинъ онъ. Здѣсь ходилъ и извѣстный Филиппъ, одинъ изъ семи первыхъ діаконовъ.

И сталъ я рассказывать про Филиппа. Паломники внимательно слушали меня, и нѣкоторые не могли удержаться, чтобы не замѣтить вслухъ:

— И откуда все это вы, господинъ, вычитали?

— Да вѣдь это въ «Дѣяніяхъ апостоловъ» написано. Развѣ вы не читали?

— Какъ не читать!—откликнулся купецъ.—Да, вѣдь, всего не запомнишь.

Я очень часто поражался, какъ нашъ народъ слабо знакомъ не только съ книгами Ветхаго Завѣта, но и Новаго. Даже грамотные набожные люди, и тѣ выказывали большее знакомство съ нѣкоторыми богослужебными книгами, съ житіями святыхъ, чѣмъ съ евангеліемъ.

Понемногу мы стали взбираться все выше и выше. Саронская равнина, а за нею синее море, стали закутываться легкимъ туманомъ. Почва становилась все болѣе и болѣе каменной. Кое-гдѣ еще встрѣчались по склонамъ разработанные куски земли, но и они поражали обиліемъ крупнаго и мелкаго камня. Это вызывало немалое удивленіе со стороны русскихъ хлѣбопашцевъ.

— Экій народъ лѣнивый!—не выдержалъ купецъ.—У насъ землю раздѣлають, какъ пухъ. А тутъ, наось, смотрите!

Кто-то изъ бывалыхъ въ Палестинѣ заступился за феллаховъ и самые камни на поляхъ призналъ необходимыми.

Во все время переѣзда народъ усердно утощался апельсинами. Многимъ они утоляли жажду. У нѣкоторыхъ запасливыхъ людей нашлась вода въ чайникахъ. Удушье и жара не покидала насъ и при вѣздѣ въ іудейскія горы.

Среди паломниковъ находился одинъ рясоносецъ съ чернымъ колпакомъ на головѣ, въ родѣ скуфьи. Это былъ типичный русскій странникъ по монастырямъ, со всѣми атрибутами своей профессіи, т. е. съ длинными волосами, съ котомкой за плечами, съ чайникомъ и съ палкой въ рукахъ. Когда вошелъ въ вагонъ контролеръ и сталъ провѣрять и считать билеты, то этотъ странникъ ловко уклонился въ толпѣ. Контролеръ, для провѣрки себя, сталъ считать пассажировъ. Оказывается, однимъ больше.

— Кто не показывалъ своего билета?—обращается онъ черезъ переводчика.

Всѣ молчатъ. Молчитъ и странникъ. Тогда контролеръ снова сталъ провѣрять билеты. Нѣкоторые изъ сосѣдей странника говорятъ ему шопотомъ, чтобы онъ спрятался внизъ. Но тотъ спокойно сидитъ на своемъ мѣстѣ и въ тѣсной толпѣ опять ускользнулъ отъ вниманія контролера.

— Одно билета не хватаетъ!—раздраженно замѣчаетъ контролеръ по-французски. Я боялся скандала и хотѣлъ было предложить деньги за билетъ, но контролеръ махнулъ рукой и скрылся.

Чѣмъ дальше мы лѣзли въ горы, тѣмъ безотрадиѣе, безплодниѣе, безжизненниѣе былъ видъ ихъ: камень, камень и камень. Это были не тѣ монолитныя гранитныя скалы Финляндіи, мѣстами представляющія гладкія площадки на десятки квадратныхъ саженъ. Нѣтъ, здѣсь онѣ какъ-то ужасно изрыты, представляя безформенныя ноздреватыя громады, съ массою отдѣльныхъ камней на неровной поверхности. И все это голо, безъ дерева, безъ кустика. Мѣстами встрѣчаются развалины—тоже сѣрый камень. Унылая страна! Да еще при такомъ палящемъ солнцѣ! И вспоминаются мнѣ пророческія слова Моисея: «И небеса твои, которыя надъ головою твоею, сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобою—желѣзомъ; вмѣсто дождя Господь дастъ землѣ твоей пыль».

Я смотрю на нашихъ паломниковъ и думаю себѣ: ожидали ли вы такого вида отъ Земли Обѣтованной, текущей молокомъ и медомъ? Но паломчики, кажется, больше заняты были высотой горъ. Только тамъ, гдѣ поѣздъ дѣлалъ крутую кривую, или пробирался по обѣченному скату горы, или несся по насыпи, они невольно выказывали свое удивленіе инженерному искусству.

День сталъ клониться къ вечеру. Скоро долженъ и Иерусалимъ показаться. Я заранѣе въ своемъ воображеніи рисую картину, какъ такая масса паломниковъ шумно начнетъ привѣтствовать Святой Городъ, какъ женщины заплачутъ отъ умиленія и, чего добраго, будутъ, какъ крестonosцы, цѣловать землю, освященную ногами Спасителя, Божіей Матери и апостоловъ.

Я вышелъ на площадку вагона, гдѣ между другими пассажирами стоялъ русскій нѣмецъ, исполняющій здѣсь, въ Палестинѣ, роль гида для большихъ господъ. Разговорились. Онъ рекомендовалъ себя, какъ единственнаго знающаго проводника въ Палестинѣ, и рѣзко подчеркивалъ, что здѣсь нѣтъ ученыхъ проводниковъ, хорошо знакомыхъ съ географіей и исторіей Палестины. По дорогѣ онъ мнѣ указывалъ болѣе или менѣ замѣчательныя мѣста и предупредилъ о близости Иерусалима. Впрочемъ, объ этомъ можно было и безъ него догадаться по встрѣчающимся все чаще и чаще постройкамъ изъ камня.

Паломники завязали свои узлы, взвалили ихъ на плечи и прижались къ выходнымъ дверямъ. Не успѣлъ я обратить должнаго вниманія на указанные нѣмецкимъ проводникомъ пункты, какъ сразу подкатили къ Иерусалиму, съ южной стороны его. Мелькнули его стѣны, башни, но все тотъ же сѣрый колоритъ.

На станціи насъ встрѣтила толпа извозчиковъ, носильщиковъ, проводниковъ... Пошла торговля, сдѣлки... Я опять посѣтовалъ на желѣзную дорогу. Гдѣ же эта умижительная картина встрѣчи съ Иерусалимомъ?!

Ко мнѣ подскочили два русскихъ парня:

— Кладъ у васъ есть?—спрашиваютъ меня.

— Есть, вотъ два чемодана. Да, вы тутъ что?

— Мы тоже паломники. А теперъ желаемъ заработать что нибудь.

Я отдалъ имъ свой багажъ и въ душѣ благодарилъ ихъ. Мнѣ не хотѣлось на первый разъ вѣзжать въ Иерусалимъ на извозчикѣ, а потому я пошелъ пѣшкомъ за моими носильщиками.

Хорошая шоссейная дорога проходила вдоль Вади-ер-Рабаби (Гинномова долина), мимо еврейской колоніи. Ради субботняго дня мы много встрѣтили гуляющихъ евреевъ въ праздничныхъ одеждахъ. Тутъ я впервые увидѣлъ бархатныя шапки, отороченныя какимъ-то темнымъ мѣхомъ. Лапсердаки и пейсы нѣсколько длиннѣе видѣнныхъ мною въ Россіи. Отъ еврейской колоніи по мосту перешли на другую сторону оврага, или вади, какъ здѣсь называютъ, и пошли вдоль западныхъ стѣнъ Святого Города, прямо на сѣверъ, къ «Русскимъ постройкамъ» Палестинскаго общества. По дорогѣ страшная известковая пыль. И безъ того-то все сѣро, а эта пыль еще больше придаетъ однотонный колоритъ всѣмъ предметамъ. Даже небо и то отъ насыщенія воздуха пылью ка-

жется сфриватымъ. На первый разъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе. Гдѣ же сады іерусалимскіе? Гдѣ тотъ лѣсъ, который ростъ по сосѣднимъ горамъ? Впрочемъ, внизу, у подошвы Сіона, виднѣются деревья и кусты.

Прошли довольно близко мимо Яффскихъ воротъ (Бабъ-ел-Халиль). Здѣсь толпился народъ, ослы, верблюды. Этотъ уголокъ напомнилъ еще библейскія картины. Далѣе съ внѣшней стороны городскихъ стѣнъ тянулись постройки, преимущественно магазины.

Паломники неудержимою толпою вошли, наконецъ, въ улицу, которая заканчивалась воротами «Русскихъ построекъ». Здѣсь мы встрѣтили множество нашихъ соотечественниковъ, покупающихъ у торговцевъ свѣчи, масло, ладанъ, образа, кресты, книги, картины, а также—съѣстные припасы. Тутъ всѣ торговцы говорятъ по-русски и съ удовольствіемъ принимаютъ нашу монету.

Стало смеркаться, когда мы вступили въ ограду русскихъ построекъ, извѣстныхъ у паломниковъ подъ именемъ «Палестины». Надо было пройти черезъ весь дворъ, огороженный стѣнами, мимо больницы, дома духовной миссіи, красиваго собора и мужского корпуса. Черезъ противоположныя ворота мы выходимъ къ конторѣ и къ гостиницѣ съ номерами. Здѣсь отобрали отъ насъ паспорта и дали намъ всевозможныя указанія и справки. Затѣмъ всѣхъ паломниковъ пригласили въ столовую, гдѣ священникъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

И. П. Ювачевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТНИКЪ ГЕТМАНУ СТЕФАНУ ЧАРНЕЦКОМУ ВЪ ТЫКОЦИНЬ.

В СЪВЕРО-ВОСТОЧНОМЪ углу Ломжинской губернии, на берегу Нарева, въ 56 верстахъ отъ губернскаго города и въ разстоянн 13 верстъ отъ Кнышина, ближайшей желѣзнодорожной станціи сѣти юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, лежитъ древній городъ Тыкоцинъ¹⁾. Годъ основанія его неизвѣстенъ, но первое упоминаніе о Тыкоцинѣ встрѣчается въ первой четверти XV ст. Въ 1424 г. Янушъ старшій, князь мазовецкій, выдалъ въ Ломжѣ на имя тыкоцинскаго войта Петра изъ Гумова привилегію, кою

¹⁾ Тыкоцинъ уже не разъ оставививалъ на себѣ вниманіе историковъ и былъ предметомъ ихъ изслѣдованія. О его прошломъ писали: М. Балинскій и Липинскій въ «Starożytna Polska» (т. III, ч. I, изд. 2), кс. Станиславъ Яміолковскій («Przegląd katolicki» за 1879 и 1880 гг., № 41, 43—47, 49—51, 3), кс. Янчакъ (тамъ же 1879 г., № 22), Янъ Яриутовскій («Bibl. Warszaw.» 1885 г., т. IV), Собѣщанскій во II томѣ своихъ «Wiadom. historyczn. o sztukach pięk. w daw. Polsce» (собственно о костѣлѣ). Описание Тыкоцина находимъ также: въ календарѣ-альманахѣ «Niszarominajki» на 1843 г., въ «Tygod. Ilustr.» за 1863 и 1871 гг. (съ рисунок.), «Encykl. Orgelbranda» и «Słown. geograf. król. Polskiego» В. Хлѣбовскаго (т. XII). Изъ перечисленныхъ трудовъ наибольшее предпочтеніе слѣдуетъ отдать труду кс. С. Яміолковскаго, который при составленнн его имѣлъ случай пользоваться рукописными сборниками актовъ (относящихся къ исторіи Тыкоцина и особенно его фары), собранныхъ Игнатіемъ Капицею (1787—1800 гг.) и дѣтописцемъ тыкоцинскаго монастыря Бернардиновъ «Syntagma Archivisticum» (1773 г.—важно для исторнн монастыря), обширныя выписки изъ которыхъ приводятся кс. Яміолковскимъ. Въ русской литературѣ имѣются свѣдѣнн о Тыкоцинѣ въ «Памятной книжкѣ Ломжинской губерніи на 1894 г.» (Городъ Тыкоцинъ, ст., составленная по печатнымъ польскимъ источникамъ, главнымъ образомъ по «Słown. geograf.») и очень краткій этюдъ «Тыкоцинъ» въ книжкѣ—«Историческое обозрѣніе» района большого маневра въ 1897 г. подѣ Вѣлостокомъ (Спб., 1897 г.). Авторъ настоящихъ строкъ избралъ исторію Тыкоцина темою для своего реферата на III съѣздѣ историковъ, проходившемъ въ Краковѣ въ первыхъ числахъ юня (нов. ст.) 1900 г. Извлеченн изъ этого реферата по-русски («гор. Тыкоцинъ») помѣщено имъ въ «Памятной книжкѣ Ломжинской губ. на 1901 годъ».

продоставлялъ Тыкоцину Магдебургское право. Очень вѣроятно, что Тыкоцинъ возникъ первоначально въ видѣ небольшой крѣпости, назначеніе которой состояло въ защитѣ Мазовіи отъ нападений сѣверо-восточныхъ сосѣдей. Во второй четверти XV столѣтія литовцы захватили его. Городъ вмѣстѣ съ окружающими его поселеніями достался воеводѣ Яну Гаштолду и оставался во владѣніи Гаштолдовъ, переходя отъ одного къ другому, болѣе ста лѣтъ, пока, наконецъ, былъ присоединенъ къ короннымъ землямъ. Послѣдній изъ рода Гаштолдовъ—троцкій воевода Станиславъ Гаштолдъ, умеръ бездѣтнымъ. Вдова его—Варвара, урожденная Радзивиллъ, вышла въ 1547 году замужъ за польскаго короля Сигизмунда II Августа. Сигизмундъ II во время своихъ поѣздокъ на Литву всегда останавливался въ Тыкоцинѣ, лежавшемъ на королевскомъ пути. Онъ выстроилъ здѣсь каменный замокъ ¹⁾, собралъ въ немъ много сокровищъ, устроилъ бібліотеку и арсеналь ²⁾.

Въ 1572 г. сюда перевезли изъ Кнышина тѣло Сигизмунда-Августа, и оно оставалось въ замкѣ болѣе года ³⁾. Сокровищами и оружіемъ воспользовался Стефанъ Баторій (въ іюлѣ 1576 г.), когда шелъ добывать непокорный Гданскъ (Данцигъ). Въ 1630 г., во время свирѣпствовавшей въ Польшѣ моровой язвы, Сигизмундъ III удалился въ Тыкоцинъ вмѣстѣ съ семействомъ и дворомъ и оставался здѣсь до тѣхъ поръ, пока эпидемія не прекратилась. Сынъ и преемникъ Сигизмунда—Владиславъ IV, благоволилъ Тыкоцину ⁴⁾. Во время шведской войны 1657 г. шведскій отрядъ Дитриха Розе занялъ тыкоцинскій замокъ. Гетманы Павелъ Сапѣга и Викентій Гонсѣвскій осадили послѣдній. Осажденные подожгли порохъ и взлетѣли на воздухъ. Хотя стѣны замка сильно пострадали отъ взрыва, но онъ тогда еще уцѣлѣлъ. Сюда послѣ одержанной подъ Полонкою ⁵⁾ надъ московскимъ воеводою кн. Ив. Хованскимъ побѣды (1660 г.) Стефанъ Чарнецкій прислалъ свои трофеи—болѣе 20 орудій. Сюда же были доставлены взятые Чарнецкимъ московскіе плѣнные, въ числѣ 75 человекъ. Съ нихъ онъ требовалъ выкупа «16.000 рублей, мѣхъ рысій или за него 100 рублей денегъ, да

¹⁾ Никакихъ слѣдовъ отъ замка теперь не осталось. Указываютъ—и то лишь по преданію—мѣсто, гдѣ онъ стоялъ: островъ, образуемый рукавами р. Нарева.

²⁾ Знаменитый Лука Гурицкій († 1602 г.), авторъ «Польскаго дворянина» («Dworzain Polski»), съ 1565—1569 гг. былъ здѣсь бібліотекаремъ, а послѣ королевскимъ секретаремъ и старостою.

³⁾ 10 сентября 1573 г. его отправили въ Краковъ.

⁴⁾ Такъ, когда сгорѣли во время опустошительнаго пожара 1642 г. городскія привилегіи, онъ даровалъ мѣщанамъ магдебургское право, цеховые уставы, развѣшилъ три ярмарки и свободное производство питей. Не говоритъ уже о разныхъ привилегіяхъ, данныхъ имъ, въ видѣ милости, нѣкоторымъ частнымъ лицамъ изъ среды горожанъ.

⁵⁾ Полонка—дер. въ Минской губ. въ 35 верстахъ отъ Слонима.

барса»¹⁾. Награждая великія заслуги Чарнецкаго государству, сеймъ Рѣчи Посполитой въ 1661 г. подарилъ Стефану и его потомкамъ Тыкоцинское староство. Изданный по этому случаю королею Яномъ-Казимиромъ привилей²⁾ кончается слѣдующими словами: «... а если чего не достанетъ для награды безсмертныхъ заслугъ Чарнецкаго, то воздастъ ему позднѣйшее потомство. Мы же не одну только доблесть Стефана, но и славу нашу увѣнчать желали, вознаграждая его заслуги, дабы всѣ тѣ, кто стремится потрудиться для отечества, узнали, что путь доблести прекраснѣе (пути) праздности, и чтобы отселѣ каждый гражданинъ, обладающій мужественнымъ сердцемъ, почиталъ за начало своего счастья такую доблесть, какую имѣлъ Чарнецкій». Новый владѣлецъ въ воззваніи (18 іюля 1661 г.) къ городскому и сельскому населенію обѣщалъ сохранить всѣ его права и свободы. Въ концѣ февраля 1703 г. Тыкоцинъ снова былъ занятъ шведами, поддерживавшими кандидатуру Станислава Лещинскаго на польскій престолъ.

Въ 1705 году шведовъ выгнали сандомирскіе конфедераты и издали манифестъ, въ которомъ протестовали противъ коронаціи Лещинскаго³⁾. 1-го ноября того же года пріѣхалъ въ Тыкоцинъ изъ Саксоніи тайкомъ курфирстъ Августъ II. Онъ прожилъ здѣсь недѣлю и, между прочимъ, установилъ орденъ Бѣлаго Орла. Есть извѣстіе у одного изъ русскихъ авторовъ, будто Петръ Великій былъ и жилъ въ Тыкоцинѣ⁴⁾. Но гдѣ доказательства этого? Карлъ XII прожилъ въ Тыкоцинѣ три дня (3—6 февраля) въ 1708 году. 2-го октября 1819 года, проѣздомъ въ Варшаву, останавливался въ Тыкоцинѣ императоръ Александръ I. Тыкоцинъ, какъ крѣпость, еще и въ то время не потерялъ своего значенія. Въ 1706 году онъ былъ занятъ союзниками поляковъ — русскими. Заключая въ 1706 г. альтранштадтскій договоръ, Карлъ II поставилъ, между прочимъ, условіе, чтобы «Тыкоцинская крѣпость со всѣми пушками и военными снарядами была сдана комиссарамъ короля Станислава Лещинскаго». Въ русско-польскую войну 1831 года, во время отступленія русскаго гвардейскаго корпуса передъ арміею Скржинецкаго за Наревъ, у Тыкоцина произошло 9-го мая аріергардное дѣло. По смерти Стефана Чарнецкаго, Тыкоцинъ достался дочери его, Александрѣ-Екатеринѣ. Она вышла замужъ за короннаго маршала Яна Браницкаго. Внукъ Александры, каштелянъ краковскій гетманъ Янъ-Клеменсъ Браницкій (род. 1689 г.

¹⁾ Соловьевъ, «Ист. Россіи», XI, 1880, 144—145.

²⁾ Краевскій, М. Д., «Hist. star. Czarneckiego», 399. Въ томъ же духѣ король говорилъ и на сеймѣ, когда нѣкоторые изъ недоброжелателей Чарнецкаго противились награжденію его (Ю.-У. Нѣмцевичъ, «Spiewy historycz.», I-е изд.).

³⁾ Albetrandy. «Dzieje królestw. Polskiego», 1768, 304.

⁴⁾ «Альбомъ 200-лѣтн. юбилея дня рожд. императора Петра Великаго», изд. Гоппе. Спб.

† 1771 г.) много добра сдѣлалъ для Тыкоцина. По смерти жены Яна-Клеменса, Елизаветы-Изабеллы (урожд. Понятовской, сестры короля), Тыкоцинъ перешелъ, по наслѣдству, къ графу Яну-Алоизию Потоцкому (starościcu szczurzyckiemu). Отъ Потоцкаго Тыкоцинъ перешелъ въ собственность жены его, графини Антонины Потоцкой, а отъ послѣдней, по наслѣдству, къ дочерямъ ея Леонии и Иоаннѣ. Иоанна вступила въ бракъ съ гр. Людовикомъ де-Флѣри и, по добровольному соглашенію, раздѣлилась (1855 г.) съ сестрою, при чемъ Тыкоцинъ оставила за собою. Впослѣдствіи она продала его Адаму Ростворовскому. Когда Ростворовскій умеръ, Тыкоцинъ приобрѣлъ Петръ фонъ-Раабентъ, владѣлъ нѣсколько времени и продалъ Вольфу Брамсону.

Въ настоящее время Тыкоцинъ — безуѣздный городъ ¹⁾ съ населеніемъ, по послѣднимъ (1899 г.) официальнымъ свѣдѣніямъ, 7.626 душъ обоего пола, при чемъ еврей, разумѣется, преобладаютъ. По своей наружности Тыкоцинъ рѣшительно ничѣмъ не различается отъ подобныхъ ему городковъ. Мостовыя такія, что переломаешь себѣ ноги, на каждомъ шагу слѣды навоза, вездѣ и впередъ бродятъ свиньи, оставленныя хозяевами безо всякаго призора, спуютъ подъ ногами куры, пачкаются въ грязи чумазые ребятишки. Домишки деревянные (рѣдко гдѣ попадется каменный), покосившіеся, почернѣвшіе отъ времени, одноэтажные въ 2—3 окна. Обитатели ихъ такъ же убоги и грязны, какъ и ихъ жилища. Но есть здѣсь и достопримѣчательности, которыя дѣлаютъ этотъ бѣдный въ настоящее время городокъ интереснымъ не только для присяжнаго историка-археолога, но и для каждаго любознательнаго путника, сюда попавшаго.

Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ возвышающійся на площади противъ костѣла памятникъ гетману Стефану Чарнецкому. Стефанъ Чарнецкій, характеристику дѣятельности котораго найдемъ въ приводимыхъ ниже надписяхъ на памятникѣ, род. въ 1599 году. Военную службу онъ началъ подъ начальствомъ гетмана Конецпольскаго. Впервые выдвинулся во время московской войны Владислава IV съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ (1633 г.). Участвовалъ въ побѣдоносныхъ войнахъ съ казаками-мятежниками, татарами, шведами, Москвою; разъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ (1648 г.) и пробылъ въ неволѣ цѣлый годъ, два раза былъ тяжело раненъ, совершилъ экспедицію въ Данію (1658 г.), при чемъ переправился вплавь черезъ морской заливъ. За свои труды Чарнецкій получилъ титулъ русскаго воеводы, а почти наканунѣ смерти — гетманскую булаву. Умеръ во время похода, въ январѣ 1665 г., на Украинѣ, въ дер. Соколовкѣ, въ крестьянской хатѣ, похороненъ въ костѣлѣ дер. Чарниці (Кѣлецкой губерніи, Влощовскаго

1) Въ административномъ отношеніи входитъ въ районъ Мазовецкаго уѣзда.

уѣзда)¹⁾. Памятникъ стоитъ на срединѣ обширной, въ формѣ продолговатаго четырехугольника, площади противъ костѣла, лицомъ къ послѣднему.

Гетманъ, гроза внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Рѣчи Посполитой, представленъ одѣтымъ въ мѣховую делію, съ открытою головою, отдающимъ приказанія, съ простертою (металлическою, вызолоченною) булавою въ правой рукѣ.

Любопытно, что пруссаки въ началѣ XIX столѣтія, занявъ Тыкоцинъ, взяли эту булаву. Въ № 30 *Gazet'y Warszawsk'ой*, отъ 12-го апрѣля 1808 г., находимъ описаніе торжества, происходившаго 8-го марта въ Тыкоцинѣ по случаю возвращенія статуи Чарнецкаго булавы, сооруженной на этотъ разъ иждивеніемъ народнаго войска. Въ торжествѣ приняли участіе части войскъ, стоявшихъ въ городѣ, гражданскія власти, цехи и обыватели. Говорили рѣчи, славили Наполеона, «избавителя и попечителя» польскаго народа. На булавѣ была сдѣлана надпись: «Roku 1807, a pierwszego powrotu oyczyzny naszej, tobie Bohатыrze wraca żołnierz z twego narodu znak, który ci chciwy żołnierz pruski obdarł»²⁾; а подъ нею имена: «Z pułku 2-go lekkiej jazdy Legionu pierwszego pod-pułkownik i szef szwadronu, Franciszek Pogonowski — kapitan Piotr Lagowski, Joachim Nowowiejski — porucznicy Józef Olszewski, Jan Kurniewski — pod-porucznicy Wincenty Chełmicki, Wojciech Dębiński, Szczesny Wysocki»³⁾.

Статуя Чарнецкаго изъ мѣстнаго камня, вышиною 8 футовъ. Она стоитъ на четырехстороннемъ, суживающемся вверху, пьедесталѣ высотой тоже въ 8 футовъ. Пьедесталъ зиждется на квадратномъ основаніи, вышиною въ 4 фута, а послѣднее, въ свою очередь, утверждено на фундаментѣ въ 6 футовъ. Памятникъ сооружень въ 1770 г. помянутымъ выше гетманомъ Я. К. Браницкимъ.

¹⁾ Героическая личность С. Чарнецкаго и его подвиги не разъ вдохновляли польскихъ писателей и художниковъ. О Чарнецкомъ писали: кс.-піаръ М. Д. Кравевскій (Варшава, 1787); знаменитый Ю. У. Нѣмцевичъ воспѣлъ его въ своихъ «*Spiew'achъ historycznychъ*» (1815); Л. Іенике въ «*Księdze świata*» (Варшава, 1855) и Ю. Бартошевичъ въ большой «*Encykl. Powsz. Orgelbranda*» (т. III). Извѣстный своими приключеніями Мих. Чайковскій (Садыкъ-паша) написалъ повѣсть «*Stefan Czarniecki*» (2 т., Парижъ, 1840), заимствовавъ содержаніе ея изъ жизни Чарнецкаго, а Кастанъ Козьмянъ — поэму въ 12 пѣсняхъ, въ духѣ Виргиліевой «Энеиды»: «*Stefan Czarniecki*» (Познань, 1858). Покойный Леопольдъ Лѣффлеръ (1830—1898) написалъ картину «Смерть Чарнецкаго», слѣдую рассказу Коховскаго, будто умирающій герой пожелалъ проститься со своимъ боевымъ конемъ и, когда послѣдняго ввели въ хату, приласкалъ его и поручилъ попеченію присутствующихъ.

²⁾ т. е. 1807 года и перваго возврата нашей родины, тебѣ—герою—возвращаетъ солдатъ изъ твоего народа знакъ отличія, который у тебя отнял алчный прусскій солдатъ.

³⁾ Существующая въ настоящее время булава несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ при осмотрѣ ея мною никакихъ на ней надписей не найдено.

Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкоцинѣ.

Съ четырехъ сторонъ пьедестала помѣщаются латинскія надписи— текстъ постановленія сейма 1661 года. Вотъ онѣ:

На сторонѣ, обращенной къ костелу:

Stephano in Czarca Czarnecki
Palatino Russiae, Duci Copiarum
Regni, Omnium, quotquot Ejus
Aetate Fuerunt Poloniae
Hostium, Victori Regis Vindici,
Patriae Liberatori
Clemens in Branice et Ruszcza
Branicki Palatinus Cracoviensis,
Supremus Dux Exercituum Regni
Ejus ex Filia Nepos posuit.
Cum frontem, vultum Laurusque
Trophaeaque cum tam nobile posteritas
sera videbit opus quid dicet. Posuit Statuam
monumentaue claro Heros Heroi debita
Duxque Duci dicet, quod Civi sit gloria sum-
ma probari laudari quesuis Regibus et Patriae
Privatae sileant laudes cedantque sequenti.
Ingentem celebrant, Patriae Rexque Virum
Exceptum ¹⁾).

На правой сторонѣ:

Exceptum e Diplomati Ioannis
Casimiri Regis voluntati Ordinum
Regni in Comitibus Generalibus
Czarneccio an. MDCLXI, XIII Junii
Varsaviae dato.
Majestatis nostrae nos puderet
nisi Stephani Czarnecki Pal. Russiae tota
Europa celebratas virtutes testimo-
nio nostro posteris consignaremus.
Nihil enim magnum in armis aetate
nostra sine Czarneccio, quae non mirabi-

¹⁾ Стефану на Чарницъ Чарнецкому, воеводѣ русскому, вождю всѣхъ войскъ королевства, разгромителю наѣздниковъ, защитнику короля, спасителю отечества, Клеменсъ на Браницѣ и Руцѣ Браницкій, воевода краковскій, верховный вождь войскъ королевства, внукъ по дочери его, воздвигъ. Когда потомство увидитъ чело и лицо, увѣнчанныя лавровыми вѣнками, и, благодаря имъ, вспомнить столь великое дѣло, то несомнѣнно скажетъ, что этотъ памятникъ справедливо поставилъ герой герою, вождь вождю, и сознаетъ, что самое высшее достоинство каждаго—дать доказательство сыновней признательности къ отечеству и заслужить расположеніе королей, ибо самыя высокія заслуги сгущаются передъ тѣми, за кои король и отечество удостоить своею милостью.

tur aetas, animum in arduis felicem, in
 periculis non magis fortem, quam providum
 Rebus perditis unica salus, numinis providentia.
 Datus Stephanus effusa per Regni provincias
 faedissima calamitas, religiones pollutae,
 omnia capta, direpta, dirruta. Nos ipsi fide
 Civium destituti, misserrima ubique strages
 nulli ad obsistendum virtus, donec Czarnecki
 Fortitudo supra opinionem emicuit,
 optabant ¹).

На лѣвой сторонѣ:

Optabant omnes virum, qui
 Statum Reipublicae in pristinum
 reduceret, spem in desperatis casi-
 bus erigeret refractarium militem
 saeviori disciplinae restitueret,
 labentem Regni dignitatem stabi-
 liret. Haec omnia a Czarnecko
 impeta esse admiramur Civem in
 illo Resp: experta est, qui vulneri-
 bus Patriae suis vulneribus mederetur.
 Bellicae virtutes quae uspiam gentium
 esset in Eum confluxere summis
 meritis aut raris nefas illi negare,
 qui omnibus omnia dedit: capiti nostro
 Coronam patriae civibus cives urbibus.
 Urbes provincias provinciis Regno et M. ducati
 Lituaniae reddidit gentis utriusque famam
 summa gloria restituit
 fines ²).

¹) Извлеченіе изъ привиліи короля Іоанна-Казимира совѣту (сейму) коро-
 левства (даннаго) на генеральномъ сеймѣ въ Варшавѣ іюня 13-го 1661 г. Было
 бы намъ стыдно, если бы мы подвиги Стефана Чарнецкаго, воеводы русскаго,
 извѣстные всей Европѣ, не увѣковѣчили какимъ либо памятникомъ. Въ царство-
 ваніе наше безъ участія Чарнецкаго не было ничто ни начато, ни окончено. Міръ
 восхищается великимъ умомъ его, который въ критическомъ положеніи былъ
 счастливъ, при угрожающей опасности столько же храбръ, сколько и предусмо-
 трителенъ въ поддержаніи государства, клоняющагося къ упадку. Провидѣніе
 Божіе ниспослало намъ спасителя народа—Стефана, тогда, когда цѣлый рядъ
 смутъ и несчастій постигъ всѣ провинціи королевства, когда была нарушена при-
 сяга королямъ, вѣрность позабыта, когда даже одно цѣлое развѣдинялось, когда
 все было разграблено врагами, присвоено и уничтожено, намъ самимъ, потерян-
 шимъ довѣріе къ подданнымъ, и всѣмъ правдивымъ, съ печалью взирающимъ
 на эти смуты и неминуемую гибель, недоставало уже того необходимаго муже-
 ства, съ которымъ неожиданно явился Чарнецкій.

²) Всѣ искали мужа, который бы государство, тонущее уже въ своихъ разо-
 реніяхъ, возстановилъ въ прежнемъ состояніи, воскресилъ бы надежды въ от-
 чаяніи, солдата бушующаго и упрямаго привелъ въ повиновеніе, ослабѣвшей

Назад:

Fines patrios victoriis praevectus
aequora et insulas suo nomine
illustravit paucis copiis ingentis
Exercitus Fudit aut fugavit. Ser-
vent Superi dui superstitem in
ampla Nepotum sobole, quorum
ex eadem fortunata radice.

Fides in principem et virtus
adolescat in hostem, quo itaque
Vindice Resp: patio pene pulsa solo
nuper suas haereditates recepit, Ei
Tykocinum gratiae nostrae monumen-
tum aeternum unanimi Ordinum Reipb.
Consensu et comitorum constitutione
in haereditatem locamus et donamus.
Ioannes Casimirus Rex ¹⁾).

Присматриваясь ближе къ памятнику, нельзя не замѣтить, что онъ нуждается въ ремонтѣ (и притомъ неотложномъ). Пьедесталь его отъ времени нѣсколько наклонился на бокъ, мѣстами треснулъ, статуя Чарнецкаго, подъ влияніемъ атмосферы, дала поры. Необходимо поднять и укрѣпить пьедесталь, залить образовавшіяся поры и выкрасить всю статую полководца краскою, которая бы предохранила ее отъ вредныхъ вліяній атмосферы. На все это, какъ я узналъ, потребуется какихъ нибудь 300—400 руб. Но кто этимъ займется? Хотя и существуютъ у насъ циркуляры объ охранѣ историческихъ памятниковъ, но они, къ сожалѣнію, примѣняются не всегда и не вездѣ даже въ Россіи, а кто же станетъ заботиться о «польскихъ» памятникахъ? Въ этомъ случаѣ

власти возвратилъ необходимую силу. Все это исполнилъ Чарнецкій. Восхищаетъ насъ, что въ лицѣ его государство нашло вѣрнаго гражданина. Онъ своими ранами заживлялъ раны отечества. Храбрость солдата, вмѣстѣ съ мужествомъ полководца, столь рѣдкія, въ этомъ вождѣ достигли громаднхъ размѣровъ. Было бы преступленіемъ оскорбить честь того, который каждому свое вернулъ: главѣ нашей—корону, отечество—гражданамъ, города—провинціямъ и возсоединилъ королевство и великое княжество Литовское. Онъ поставилъ славу народа на значительную высоту.

¹⁾ Предѣлы отечества побѣдами расширилъ, моря и острова своею храбростью прославилъ, немногочисленнымъ войскомъ непріятельскія арміи поразилъ или разогналъ. Пусть небеса память его продлятъ во вся вѣки, размножатъ его единокровное потомство, которое наступающимъ вѣкамъ будетъ примѣромъ, какъ относиться къ королямъ и давать доказательство храбрости врагамъ. Тому, котораго мужествомъ государство, уже клонящееся къ разоренію, возстановило свои предѣлы,—тому Тыкоцинъ, въ память признательности и благоволенія нашего, единогласно съ сенатомъ и сеймомъ государства, въ вѣчное наслѣдство отдаемъ и даруемъ. Іоаннъ-Казимиръ, король.

всегда явится отговорка: откуда взять средства? Поэтому очень желательно, чтобы въ данномъ случаѣ пришли на помощь потомки тѣхъ фамилій, которыя когда-то владѣли Тыкоциномъ.

Кромѣ памятника Чарнецкому, въ Тыкоцинѣ заслуживаютъ также вниманія два костела—приходскій (faga) и помонастырскій, инвалидный домъ, именуемый «Тыкоцинскимъ алюмнатомъ», и старинная еврейская синагога. Существующій нынѣ каменный приходскій костель—красивой архитектуры, въ стилѣ Возрожденія—построенъ между 1742—1746 г.г. гетманомъ Я. К. Браницкимъ. Въ 1752 г. Браницкій вызвалъ къ нему миссіонеровъ, подъ управленіемъ которыхъ приходъ находился до 1864 г. Въ костелѣ замѣчательны главный алтарь во имя Пресвятой Троицы, сплошь вызолоченный, рѣзной работы и нѣсколько памятниковъ, а также богатая ризница ¹⁾).

Костель помонастырскій, т.-е. монастыря ордена бернардиновъ, упраздненнаго въ 1871 г., существованіемъ своимъ обязанъ тому же Браницкому. Первоначально монастырь бернардиновъ находился на островѣ рѣки Нарева, вблизи того мѣста, гдѣ позднѣе стоялъ королевскій замокъ. Строителями его были Мартинъ Гаштолдъ, воевода троцкій, и его жена Софья. Въ 1480 году буллою (отъ 13-го февраля) папы Сикста II монастырь былъ утвержденъ. Но съ одной стороны страшная сырость, оказывавшая разрушительное вліяніе на стѣны строеній и на здоровье монаховъ, а съ другой стремленіе Сигизмунда-Августа занять монастырскія земли подъ зданія строившагося въ то время замка заставили бернардиновъ искать для своего монастыря другое мѣсто. Тогда на помощь имъ пришелъ извѣстный намъ Браницкій. Въ 1771 году онъ началъ возводить зданія для существующаго нынѣ монастыря. Но въ томъ же году гетманъ умеръ. Начатую постройку окончила вдова его при содѣйствіи короннаго полковника Антонія Островскаго. Въ 1777 г. онъ завѣщалъ 95.000 злотыхъ, занятыхъ у него придворнымъ подскарбіемъ литовскимъ Антономъ Тизенгаузомъ, со всѣми причитавшимися отъ этой суммы процентами. Въ настоящее время помонастырское зданіе остается заброшеннымъ. Въ немъ живутъ ксендзъ, завѣдывающій бывшимъ монастырскимъ костеломъ, органистъ и сторожъ.

Тыкоцинскій алюмнатъ — одно изъ древнѣйшихъ благотворительныхъ заведеній въ Польшѣ. Учрежденный въ 1633 году старостою тыкоцинскимъ, маршаломъ великаго княжества Литовскаго, Христофоромъ Веселовскимъ, онъ получилъ уставъ, утвержденный на сеймѣ 17-го марта 1638 года. Основатель постановилъ, что въ

¹⁾ При костелѣ, въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ, до 1862 г. помѣщалась римско-католическая духовная семинарія, переведенная затѣмъ въ Сейны, Сувальской губ.

сооруженномъ имъ каменномъ домѣ найдутъ убѣжище 12 военныхъ инвалидовъ-католиковъ, изъ дворянъ, хорошо послужившихъ отечеству, потерявшихъ здоровье на службѣ или ослабѣвшихъ отъ старости и вслѣдствіе бѣдности не имѣющихъ другихъ средствъ къ жизни. На содержаніе каждаго призрѣаемаго Веселовскій назначилъ 200 злотыхъ въ годъ. Сумма эта была обезпечена жертвователемъ на его помѣстьяхъ Радзе и Долистово, относительно которыхъ жертвователемъ въ записи сказано: «*żeby pomienione dobra, ani in toto, ani in parte, na żadną inszą rzecz obroczone nie byli*».

Съ теченіемъ времени о завѣщаніи Веселовскаго забыли, и алюмнатъ пересталъ существовать. Вспомнили объ немъ при Браницкихъ и на сеймѣ 1790 года снова его возстановили. Въ 1846 году, по повелѣнію императора Николая I, число призрѣаемыхъ увеличено до 23, съ преимуществомъ дворянъ-католиковъ передъ другими сословіями, согласно избранію намѣстника царства. Въ настоящее время алюмнатъ состоитъ въ вѣдѣніи мѣстнаго совѣта общественнаго призрѣнія, владѣеть капиталомъ въ 20 слишкомъ тысячъ рублей. Содержится на проценты съ капитала, а, кромѣ того, получаетъ ежегодно съ имѣній Радзе и Долистово 360 рублей. Призрѣаемыхъ на лицо 16 человекъ. Живутъ они по большей части со своими семействами, въ отдѣльныхъ квартирахъ, состоящихъ изъ одной комнаты съ кухоннымъ очагомъ. При богадѣльнѣ находится каплица, куда инвалиды ежедневно, два раза, собираются на молитву. Богослуженій здѣсь уже давно не отправляется. Зданіе алюмната порядочно таки запущено. Еврейская синагога—каменная массивная въ романскомъ стилѣ. Судя по характеру постройки относится ко второй половинѣ XVII столѣтія. Въ ней замѣчателенъ древній алтарь или шкафъ (*uron-kojdesz*), въ которомъ хранится священный свитокъ Закона, покрытый затѣйливыми арабесками, и богатая утварь XVII столѣтія ¹⁾.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Волѣ подробныя свѣдѣнія о городѣ Тыкоцинѣ и его достопримѣчательностяхъ желающіе могутъ найти въ нашей монографіи «Городъ Тыкоцинъ» (Памятная кн. Ломж. губ. на 1901 г., отд. V), тамъ же виды костела и синагоги.

МАРКО РОССЪ, ОНЪ ЖЕ МАРКА ТОЛМАЧЪ.

(Историческая замѣтка)¹⁾.

В СТАРИННОМЪ путешествіи 1473 года Амвросія Контарини, посла Венеціанской республики къ персидскому шаху Узунъ-Гассану, озаглавленномъ «Il Viaggio del magnifico M. Ambrosio Contarini», переведенномъ на русскій языкъ еще въ первой половинѣ XIX вѣка²⁾, я прочелъ между прочимъ о нѣкоемъ «Маркѣ Россѣ, посланникѣ великаго князя московскаго, государя Бѣлой Россіи» (del Duca di Moscovia Signor della Rossia Bianca).

Этотъ посолье Ивана III выѣхалъ вмѣстѣ съ Контарини изъ Тавриза черезъ Тифлисъ и Кутаисъ въ городъ Фазисъ, теперешній Поти, терпя по пути всякаго рода притѣсненія и грабежи; въ Фазисѣ они узнали роковую для нихъ вѣсть, что страшные для всѣхъ турки-оттоманы овладѣли богатою Генуэзской колоніей Кафою, теперешнею Теодосіею, черезъ которую каждый изъ нихъ надѣялся безопасно вернуться на свою родину. Приходилось выбирать другой путь, и Марко Россѣ, повидимому, болѣе знакомый съ мѣстностью и условіями дальнихъ путешествій, повернулъ назадъ, чтобы черезъ владѣнія Горгоры, государя Халцихана и Вати (Signore di Calcican et delle terre Vati), городовъ, пограничныхъ съ

¹⁾ Статья эта составитъ начало небольшого изслѣдованія по сохранившимся актамъ исторіи древняго рода дворянъ Марковыхъ.

²⁾ Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, подъ редакціей Семенова, т. I, Спб., 1836 г.

оттоманами и платящихъ имъ дань, -- ѣхать въ Шемаху (Samachi) и оттуда пробраться берегомъ Каспійскаго моря на Дербентъ и Астрахань, въ Татарію и Россію.

Контарини же, не рѣшаясь ѣхать этимъ путемъ, предпочель остаться въ Фазисѣ, хотя и дорожилъ спутничествомъ русскаго посла.

Однако, очутившись съ своими четырьмя спутниками безъ всякихъ средствъ и помощи среди чужого, враждебно настроеннаго населенія и страдая жестокою кавказскою лихорадкою, — Контарини не придумалъ ничего лучшаго, какъ послѣдовать примѣру опытнаго Марка Росса и направить свой путь въ ту же Шемаху дней черезъ 40 послѣ отъѣзда туда русскаго посла.

Это было 17 сентября 1475 года.

Въ Шемахѣ, принадлежавшей тогда «Сивансѣ, государю Медіи» и вассалу персидскаго шаха, Контарини снова встрѣтился съ Маркомъ Россомъ. Обрадованный итальянецъ упросилъ русскаго посла взять его съ собою, и Марко, по русскому добродушію, охотно согласился провезти его въ своей свитѣ въ Московію. 6-го ноября выѣхали они всѣ вмѣстѣ въ г. Дербентъ, лежавшій тогда «на границѣ Татаріи и принадлежавшій также Сивансѣ». По совѣту опытныхъ людей въ это время года было невозможно пускаться ни въ далекое путешествіе черезъ степи кочующихъ татаръ, ни по бурному Каспійскому, или, какъ называлъ его Контарини, Бакинскому морю; и Марко рѣшился зимовать въ Дербентѣ съ тѣмъ, чтобы въ апрѣлѣ переправиться на судахъ «черезъ Бакинское море (Mare di Bachau) въ Цитрахань (Citrasan)», т. е. Астрахань.

Хотя Контарини и хвалитъ добродушіе мусульманскихъ обитателей Дербента, но изъ его же разсказа видно, что ему приходилось скрывать отъ нихъ и свое настоящее званіе, и свою національность.

«Иногда прохожіе, глядя на меня, останавливались и говорили между собою: этотъ человѣкъ, повидимому, не рожденъ для того, чтобы самому таскать припасы», передаетъ между прочимъ Контарини, описывая свои странствованія за провизіей по улицамъ и рынкамъ Дербента въ изорванномъ овчинномъ полушубкѣ, старомъ тулупѣ и бараньей шапкѣ, то-есть, подлинной русской одеждѣ, вѣроятно, данной ему русскимъ посломъ съ цѣлью выдать его за одного изъ своей свиты.

«Марко Россъ передавалъ мнѣ слова ихъ, — продолжаетъ далѣе Контарини, — убѣждая всякій разъ не дѣлать этого впередъ и помнить, что мы не во франкской землѣ; но я отвѣчалъ ему, что не могу поступать иначе и даже удивляюсь, какимъ образомъ можно открыть званіе мое подъ такою одеждою».

Изъ этихъ словъ видно, что русскій посолъ, открыто зимовавшій съ своими людьми во владѣніи азіатскаго царька, пользовалъ-

ся тамъ полной безопасностью и авторитетомъ, въ то время какъ посолъ итальянской республики долженъ былъ скрываться и трепетать за свою судьбу.

Видно также, что Марко владѣлъ татарскимъ или персидскимъ языкомъ, если свободно понималъ разговоры уличной толпы. Съ другой стороны, все заставляетъ думать, что Марко бесѣдовалъ безъ переводчика и съ самимъ Контарини, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется постоянное стремленіе итальянца подѣ покровительство Марка Росса, помимо очевидной авторитетности русскаго посла въ этихъ полудикихъ странахъ и его практической опытности, столь необходимой въ подобныхъ опасныхъ и трудныхъ путешествіяхъ.

Вообще Контарини смотрѣлъ на Марка Росса, какъ на своего надежнаго защитника и покровителя. Въ книгѣ своей онъ наивно признается, что передъ выѣздомъ ихъ въ Астрахань, когда Марко Россъ, накучивъ въ продолженіе 8-ми дней ждать со всею поклажею на берегу, возвратился въ городъ и остался тамъ до самаго отплытія, бѣдные итальянцы, «оставшись совершенно одни, на-терпѣлись довольно страха».

Маркъ заранѣ нанялъ судно для переѣзда въ Астрахань, и 6-го апрѣля 1476 года они наконецъ благополучно вышли въ море.

Всего народу было 35 человекъ вмѣстѣ съ хозяиномъ судна, матросами и персидскими купцами, отправлявшимися въ Астрахань съ своими товарами.

Спутники эти тоже подозрительно относились къ Контарини, и ихъ успокаивали только увѣренія Марко Росса, будто это врачъ, сынъ придворнаго медика московской великой княгини, дочери деспота Оомы, Софіи Ооминичны, и что онъ ѣдетъ въ Москву искать счастья при тамошнемъ дворѣ.

Послѣ бурнаго многодневнаго плаванія по Каспію, гдѣ судно едва не погибло, а пассажиры его терпѣли жестокой голодъ и холодъ, Маркъ съ Контарини только на 24-й день добрались до Астрахани. Даже день Свѣтлаго праздника пришлось провести въ глухихъ камышахъ, гдѣ они разговѣлись девятью утиными яйцами, разысканными между камней людьми Марка, и которыми русскій посолъ великодушно подѣлился съ чужестранцами.

Въ Астрахани татары не хотѣли было пускать путешественниковъ на берегъ, пока не осмотрятъ ихъ на слѣдующій день. «Но Маркъ съ помощью нѣкоторыхъ пріятелей, бывшихъ у него въ городѣ, исходатайствовалъ для себя это позволеніе, а къ вечеру и меня со свитою моею выпустили также изъ лодки и отвели въ маленькій домикъ, гдѣ находился уже Маркъ», рассказываетъ Контарини. Маркъ, очевидно, вездѣ являлся его хранителемъ и покровителемъ. Очевидно также, что Маркъ не впервые входилъ въ сношенія съ восточными народами, сосѣдными съ Мо-

сковіей, если у него были дружественныя связи даже въ далекой Астрахани.

Книга Контарини вполне подтверждаетъ эти предположенія.

«На утро пришли къ намъ трое татаръ съ лицами узкими и плоскими, какъ доски,—повѣтствуетъ онъ дальше,—и, потребовавъ меня къ себѣ, объявили, что Марку опасаться нечего, ибо онъ другъ ихъ государю; но что я, какъ франкъ и врагъ хана, долженъ непременно сдѣлаться рабомъ его. Таковой приемъ крайне поразилъ насъ. Но Маркъ взялся отвѣчать за меня, совѣтуя мнѣ молчать и предаться совершенно ихъ покровительству. 1-го мая 1476 года возвратился я назадъ въ свою каморку, почти полумертвый отъ страха и не зная самъ, чѣмъ все это кончится; а между тѣмъ опасность съ каждымъ днемъ увеличивалась».

«Мнѣ объявили черезъ посредство Марка, что я буду проданъ на рынокъ. Несмотря, однако, на такое рѣшеніе, я успѣлъ кое-какъ, съ помощью Марка и нѣсколькихъ купцовъ, отправлявшихся въ Московію, уладить это дѣло за 2.000 алермовъ, которые долженъ былъ заплатить за выкупъ свой хану, не считая въ то число разныхъ подарковъ другимъ лицамъ; а какъ у меня не оставалось ни одной копейки, то деньги эти я принужденъ былъ занять у русскихъ и у татарскихъ купцовъ, отправлявшихся въ Московію, за большіе проценты и не иначе какъ за поручительство означеннаго Марка. Такимъ образомъ удовлетворили мы хана; но этимъ дѣло еще не кончилось. Повѣренный его всякій разъ, когда Маркъ выходилъ со двора, являлся къ нашему жилищу и, стуча изо всей силы въ дверь, страшнымъ голосомъ грозилъ посадить меня на колъ, если я не выдамъ ему всѣхъ моихъ драгоценностей».

Все это несомнѣнно указываетъ, что Маркъ Россъ былъ весьма вліятельнымъ и значительнымъ лицомъ, если за его поручительствомъ чужіе люди довѣряли большія суммы неизвѣстному иностранцу, если въ его присутствіи даже варвары-татары не смѣли тревожить его спутника, а дожидались для этого ухода его изъ дома, если онъ имѣлъ въ татарской столицѣ вліятельныхъ друзей среди власть имущихъ и даже громко признавался татарами другомъ самого хана ихъ.

Изъ Астрахани Маркъ съ Контарини могли выѣхать только 10-го августа. Вещи свои и путевые запасы они отправили съ служителями на баркѣ на ту сторону Волги. Сами же пріѣхали къ мѣсту перевоза миль за 12 отъ города съ тѣмъ, чтобы переправиться на противоположный берегъ, когда стемнѣетъ.

«Вдругъ Маркъ позвалъ меня къ себѣ такимъ страннымъ голосомъ, что я подумалъ, не насталъ ли послѣдній часъ жизни моей, и велѣлъ мнѣ сѣсть немедленно на коня и..... отправиться

въ путь въ сопровожденіи одного татарина, съ самою отвратительною рожею. Болѣе не объяснилъ онъ мнѣ ничего и только промолвилъ: скачи! скачи скорѣе! Не смѣя противорѣчить, я молча повиновался и тотчасъ же поскакалъ вслѣдъ за означеннымъ татаринѣмъ. Мы ѣхали безъ отдыха всю ночь и остановились не ранѣе, какъ на другой день, около полудня. Нѣсколько разъ спрашивалъ я проводника нашего, куда онъ везетъ меня, но никакъ не могъ добиться отвѣта. Наконецъ онъ объяснилъ мнѣ, что ханъ приказалъ осмотрѣть всѣ лодки, для каравана приготовленныя, и если бы меня нашли тамъ, то я бы навѣрно былъ задержанъ. Вотъ причина, по которой Маркъ съ такою поспѣшностью отправилъ меня». Татаринъ скрылъ Контарини на маленькомъ островѣ Волги, гдѣ жили съ своими стадами и другіе татары, крайне удивившіеся при видѣ христіанина. Но проводникъ не выдалъ тайны итальянца, «страшась, какъ я полагаю, посла, который считается у нихъ весьма важнымъ человѣкомъ», прибавляетъ Контарини.

Дня черезъ три Маркъ прислалъ за нимъ одного изъ своихъ русскихъ служителей съ татаринѣмъ, приказавъ имъ перевезти Контарини на лодкѣ къ тому мѣсту, гдѣ присталъ караванъ.

«Не довольствуясь симъ, Маркъ снабдилъ еще насъ для дороги потребнымъ количествомъ лошадей»,—съ благодарностью вспоминаетъ итальянецъ.

Путешественники двинулись въ Московію вдоль берега Волги. Посоль Маркъ начальствовалъ надъ всѣмъ караванѣмъ, состоявшимъ, по словамъ Контарини, изъ 300 человѣкъ русскихъ и татаръ, имѣвшихъ при себѣ болѣе 200 заводныхъ лошадей, какъ для прокормленія своего въ пути, такъ равно и для продажи въ Россіи.

Черезъ 15 дней Маркъ переправилъ свой караванъ на другой берегъ Волги, приказавъ своимъ людямъ рубить деревья въ лѣсу и вязать изъ нихъ плоты, по 40 бревенъ въ каждомъ. Къ плотамъ были привязаны веревками за хвосты по 6 и 7 лошадей, которыми правили татары, и которыя тащили за собою эти скорѣйные поромы.

Проѣхавъ неохватныя пространства «дикого поля», гдѣ не было ни дорогъ, ни жилья, караванъ Марка добрался наконецъ черезъ 33 дня послѣ выѣзда изъ Астрахани до рубежей Рязанской области и, только очутившись въ землѣ Русской, могъ наконецъ подкрѣпить чѣмъ нибудь свои силы. Люди едва держались на лошадяхъ отъ голода и утомленія. На 48-й день черезъ Рязань и Коломну пришли въ стольную Москву.

Маркъ Россъ приказалъ отвести помѣщеніе Контарини и его людямъ, и въ самый вечеръ своего пріѣзда посѣтилъ венецейскаго посла, одарилъ его всякими съѣстными припасами «и именемъ государя своего убѣждалъ быть спокойнымъ и почитать себя, какъ бы въ собственномъ домѣ».

Контарини горячо благодарилъ его «за всѣ его одолженія», а на другой день «отправился къ Марку и, желая поскорѣе пуститься въ обратный путь, просилъ его о доставленіи ему случая представиться государю».

«Онъ охотно исполнилъ мою просьбу,—разсказываетъ Контарини,—и въ скоромъ времени послѣ того получилъ я приказаніе явиться во дворецъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій я отблагодарилъ великаго князя за вниманіе, оказанное мнѣ посломъ его Маркомъ, который поистинѣ неоднократно спасалъ меня отъ великихъ опасностей».

Хотя венецейскому послу и объявлено было отъ великаго князя, что въ его волѣ ѣхать изъ Москвы или оставаться въ ней, но необходимость расплатиться съ русскими и татарскими купцами за деньги, занятыя у нихъ подъ поручительство Марка, вынудила Контарини послать одного изъ своихъ спутниковъ за деньгами на родину, а самому остаться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ. Однако впоследствии великій князь захотѣлъ оказать особенное вниманіе свѣтлѣйшей республикѣ и приказалъ уплатить долгъ ея посла изъ своей великокняжеской казны, такъ что Контарини могъ уѣхать, не дождавшись возвращенія своего посланца. Прибывъ во дворецъ къ послѣднему прощальному обѣду, Контарини «былъ введенъ въ особенную комнату, гдѣ находился государь съ Маркомъ и другимъ своимъ секретаремъ».

Это показываетъ, что Маркъ былъ весьма близокъ къ великому князю, и этимъ же объясняется, почему онъ могъ такъ скоро устроить представленіе Іоанну венецейскаго посла, а впоследствии упросить великаго князя, по сильному ходатайству Контарини, отпустить изъ Москвы задержаннаго Іоанномъ антиохійскаго католическаго патріарха Людовика. Маркъ съ своей стороны пригласилъ спутника своихъ дальнихъ странствій вмѣстѣ съ его свитою къ себѣ въ домъ на прощальный обѣдъ «и угостилъ насъ весьма хорошо», прибавляетъ Контарини.

Вотъ все, что сохранилъ намъ въ своей крайне любопытной книгѣ старый итальянскій путешественникъ, относительно мало извѣстнаго у насъ, стараго московскаго дипломата Марка Росса, личность котораго даже въ краткомъ разказѣ Контарини обрисовывается чрезвычайно симпатичными и чисто русскими чертами великодушнаго, смѣлаго и практически смѣтливаго человѣка.

Путешествіе Контарини и самая личность Марка Росса безызвѣстны русскимъ историкамъ. Карамзинъ въ VI томѣ своей исторіи вкратцѣ разсказываетъ о посольствѣ Марка къ персидскому шаху Узунъ-Гассану и возвращеніи его въ Москву черезъ Татарію вмѣстѣ съ венецейскимъ посломъ. Но, къ сожалѣнію, какъ это видно изъ примѣчанія 136 къ 11 главѣ VI тома его исторіи, Карамзинъ не имѣлъ въ рукахъ подлинной книги Кон-

тарини, а познакомился съ нимъ изъ французскаго сочиненія Бержерона, который ошибочно перевелъ слово Rosso не «Руссомъ», какъ разумѣлъ Контарини, а «русымъ», или «рыжимъ», и замѣнилъ его соотвѣтствующимъ латинскимъ словомъ «rufus» (рыжий, русый); такъ что и у Карамзина, вмѣсто Марка Русса, появился какой-то не существовавшій Маркъ Руфъ. Но еще удивительнѣе, что Соловьевъ въ V томѣ своей русской исторіи, упомянувъ мимоходомъ въ концѣ III главы о посольствѣ въ Персію того же Марка, тоже называетъ его не Руссомъ, а Руфомъ, хотя ссылается при этомъ на русскій переводъ сочиненія Контарини въ той самой «Библиотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи», гдѣ на десяткахъ страницъ поминается Марко Руссъ, а не Руфъ, гдѣ приложенъ итальянскій текстъ сочиненія Контарини, также вездѣ именующій Марка—Rosso, а не Ruffo, и гдѣ наконецъ въ предисловіи переводчика прямо объясняется причина ошибки Карамзина, назвавшаго Марка Руфомъ по ошибочному тексту Бержерона.

Карамзинъ титулуетъ этого Марка такъ же, какъ и Контарини, посломъ московскимъ и считаетъ его почему-то «итальянскимъ или греческимъ уроженцемъ».

Не знаю, откуда почерпнулъ нашъ знаменитый историкъ это свѣдѣніе, о которомъ ничего не говорится въ книгѣ Контарини, повидимому, единственномъ литературномъ документѣ, сохранившемъ намъ имя Марка Росса, но во всякомъ случаѣ предположеніе Карамзина имѣетъ за собою большую вѣроятность.

Имя Марка, можно сказать, специально итальянское и преимущественно венеціанское; итальянскія торговыя колоніи венеціанской и генуэзской республикъ до завоеванія Византіи оттоманами процвѣтали не только на берегахъ Крыма и Кавказа, но даже и у низовьевъ Дона, какъ, на примѣръ, Тана, и только въ послѣдующія десятилѣтія послѣ разгрома Византіи были покорены турками. Выходцамъ изъ этихъ колоній, сосѣднихъ съ татарами и Русью, было особенно удобно вступать въ службу къ русскому правительству и приносить ему большую пользу знаніемъ татарскаго и итальянскаго языковъ, изъ которыхъ послѣдній былъ тогда языкомъ торговли и мореходства въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ, а языкомъ побѣдоносныхъ татаръ говорила тогда не только вся Азія, но и значительная часть теперешней восточной, южной и юговосточной Россіи. Весьма правдоподобно, что Маркъ Россъ получилъ важное дипломатическое порученіе къ могущественному восточному государю именно вслѣдствіе своего близкаго знакомства съ языками, необходимыми для тогдашнихъ сношеній съ иноземными правителями.

По крайней мѣрѣ, книга Контарини несомнѣнно убѣждаетъ, что Маркъ объяснялся безъ переводчика и съ итальянцами, и съ татарами.

Чтобы еще болѣе полно уяснить себѣ занимающую насъ личность Марка Росса, обратимся къ другимъ, не затронутымъ еще исторіею даннымъ, къ нѣкоторымъ юридическимъ актамъ, сохранившимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, нигдѣ не опубликованнымъ, но официально удостовѣренная копія съ которыхъ находится въ моихъ рукахъ.

Среди актовъ этихъ обращаетъ на себя вниманіе исковая тяжба 1737 года игумена Николаевского Угрѣшскаго монастыря Варлаама съ братіею, подавшего прошеніе въ коллегію экономіи «о завладѣніи крѣпостной монастырской крестьянской земли отъ смежныхъ помѣщиковъ артиллеріи цехватера ¹⁾ Алексѣя Гаврилова Маркова да поручика Антипа Наумова Маркова».

Въ прошеніи игумена между прочимъ говорится: «А въ духовной Марки Толмача Волошенина Дмитріева сына написано, что де его князь великій Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ селомъ Хонятинскимъ, да селомъ Хлябовскимъ, да деревнею Бердебековскою, да деревнею Гребенинскою, и Бердебековскую отдалъ онъ въ приданое за дочерью своею Лукерьею зятю своему Ивану Никифорову Басенкову».

«Та духовная котораго году, мѣсяца и числа писана, того не написано, токмо на той духовной подписано: «смирный Геронтъ митрополитъ».

«7051 году (т. е. 1543 г.) іюня 14 дня Давыдъ, Авдулла, Меньшикъ да Кондіаръ Ивановы дѣти Марковы продали они игумену Зиновію съ братіею по духовной дѣда своего Марки Дмитріева и отца своего Ивана Марковича вотчину въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Маковскомъ стану, село Хонятино да деревню Бердебековую».

Еще подробнѣе рассказано это обстоятельство въ прошеніи «выборнаго крестьянина с. Хонятина Коломенскаго уѣзда, вотчины Николаевского Угрѣшскаго монастыря», Никифора Игнатьева, который въ 1738 году ноября 29-го «билъ челомъ» о нижеслѣдующемъ:

«Въ прошлыхъ де годахъ Маркъ Толмачъ Волошенинъ Дмитріевъ сынъ въ недвижимомъ своемъ имѣніи, а именно въ Коломенскомъ уѣздѣ с. Хонятино, да село Глѣбовское, да деревню Бердебековскую, да деревню Гребенинскую и съ пустошами, и съ селищи, и со всѣмъ, что къ тѣмъ селамъ и къ деревнямъ изстари принадлежитъ, отдалъ по духовной своей сыну своему родному Ивану Маркову въ вѣчное владѣніе, а въ прошломъ 7051 г. (1543 г.) іюня въ 14 день вышеупомянутаго Маркины внучата, а Ивановы дѣти Давыдъ, да Овдуль, да Кондіаръ Ивановы дѣти Марковы по вышеупомянутой дѣда своего Марки Дмитріева сына

¹⁾ Цейхвахтера?

и отца Ивана Маркова духовной с. Хонятино съ деревнями и съ пустошами, и съ селищи да поле Глѣбовская земля, что къ тому селу изстари принадлежитъ, продали въ монастырь Николо-Угрѣшскій и дали купчую на имя того монастыря игумена Зиновья съ братіею, а во 135 и во 136 годехъ (т. е. 1627 и 1628 г.) писецъ Семень Усовъ въ тѣхъ своихъ писцовыхъ книгахъ написалъ и отмежевалъ за онымъ Николо-Угрѣшскимъ монастыремъ только одно село Хонятино да пустошь Бердебековскую, а что къ тому с. Хонятину надлежитъ по вышепомянутой духовной и по купчей, другія деревни и пустоши и селищи въ тѣхъ писцовыхъ своихъ книгахъ за онымъ монастыремъ не написалъ и не отмежевалъ, понеже та духовная и купчая за многими прежде бывшими того монастыря властями въ томъ Угрѣшскомъ монастырѣ была не въ вѣдѣніи, не отыскана, а нынѣ оная духовная и купчая въ ономъ монастырѣ отыскана, съ которыхъ и копіи къ межевому дѣлу приняты».

Изъ лѣтописи по Воскресенскому списку, изданному Археографическою комиссіею, въ «оглавленіяхъ и статьяхъ, помѣщенныхъ передъ лѣтописью», въ отдѣлѣ: «начало главамъ и о повѣсти временныхъ лѣтъ» и т. д., подъ ст. 49:

«Представленіе Геронтія митрополита» показано «въ лѣто 6995», т. е. въ 1487 году.

Слѣдовательно духовная Марки Толмача, подъ которою подписался свидѣтелемъ митрополитъ Геронтій, во всякомъ случаѣ была составлена ранѣе 1487 года, слѣдовательно при великомъ князѣ Иванѣ III-мъ, и притомъ задолго до кончины его (въ 1505 году).

Пожалованіе же Марку Толмачу великимъ княземъ различныхъ вотчинъ, о чемъ говорится въ духовной Марка Толмача, произошло, конечно, еще ранѣе и, стало быть, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ (1476 г.), когда вернулся въ Москву вмѣстѣ съ венеціанскимъ посломъ изъ своего дипломатическаго путешествія въ далекую Персію посолъ Ивана III-го Марко Россъ. Пожалованіе такимъ расчетливымъ и строгимъ государемъ, какъ Иванъ III-й, одному лицу многихъ вотчинъ въ столь близкой къ столицѣ и поэтому сравнительно дорогой мѣстности, какъ Коломенскій уѣздъ, могло быть вызвано только какими нибудь важными государственными заслугами, и несомнѣнно, что исполненіе Маркомъ Россомъ крайне труднаго и секретнаго политическаго порученія поднять противъ ненавистной русскому народу Золотой Орды грознаго владыку Персіи Узунъ-Гассана, покорившаго уже подъ свою державу чуть не половину Азіи,—не могло быть не поставлено ему въ великую заслугу передъ государемъ и землею Русскою, тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена уже одно путешествіе черезъ далекія чужія страны, населенныя полуварварскими разбойничьими народами, почти всегда кончалось мучительною смертію или многолѣтнимъ рабствомъ.

Кромѣ того, и венеціанскій посоль, котораго Марко Россъ съ рискомъ для самого себя такъ искусно сумѣлъ провезти въ Москву и спасти отъ безчисленныхъ опасностей,—горячо ходатайствовалъ о немъ передъ великимъ княземъ, въ глазахъ котораго этотъ высоко дружественный актъ по отношенію къ могущественной еще Венеціанской республикѣ тоже, конечно, имѣлъ весьма выгодное для Московскаго княжества политическое значеніе.

А такъ какъ Маркъ Дмитричъ, столь щедро одаренный великимъ княземъ въ то самое время, какъ вернулся въ Москву блестяще исполнившій свое порученіе Маркъ Россъ, называется во всѣхъ актахъ «Толмачемъ», и такъ какъ Толмачъ значилъ въ старину то же, что значить теперь драгоманъ посольства при восточныхъ дворахъ, то несомнѣнно, что Маркъ Дмитричъ принадлежалъ къ дипломатической профессіи, владѣлъ во всякомъ случаѣ восточными языками и получалъ награды отъ великаго князя за какія нибудь дипломатическія порученія. Прозваніе же его Волошениномъ указываетъ на его иноземное происхожденіе изъ какой нибудь южной страны романскаго племени, такъ какъ этимъ именемъ предки наши называли не только теперешнихъ румынъ, но не рѣдко и итальянцевъ, точно такъ же, какъ и нѣмцы звали этихъ послѣднихъ вельшами. Слѣдовательно Маркъ Дмитричъ Толмачъ былъ приблизительно того же происхожденія, которое Карамзинъ на основаніи какихъ-то бывшихъ у него источниковъ приписывалъ Марку Россу (Руфу, по его ошибочному писанію).

Маркъ Дмитричъ былъ, несомнѣнно, именитый и близкій ко двору человѣкъ, ибо иначе не получилъ бы по близости Москвы богатыхъ вотчинъ, не могъ бы отдать свою дочь Лукерью за такого знатнаго человѣка, каковъ былъ Иванъ Ѳедоровичъ Басенковъ, представитель одной изъ самыхъ первыхъ боярскихъ фамилій Московской Руси, игравшихъ очень важную роль въ дѣлахъ государства, и не могъ бы имѣть близкимъ другомъ, подписавшимъ его духовное завѣщаніе, митрополита московскаго, бывшаго первымъ духовнымъ лицомъ на Руси до времени избранія патріарховъ.

Но изъ разсказа Контарини мы видѣли, что Марко Россъ имѣлъ свободный доступъ къ великому князю и оказывалъ большое вліяніе на рѣшенія его.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства, мнѣ кажется, устанавливаютъ несомнѣнное тождество московскаго посла въ Персію Марка Росса, родомъ итальянца или грека, съ Маркомъ Дмитричемъ Толмачемъ Волошенинымъ, которому были пожалованы великимъ княземъ богатая вотчина близъ Москвы въ то самое время, когда Марко Россъ возвратился изъ Персіи, удачно исполнивъ свое дипломатическое порученіе.

Маркъ же Дмитричъ былъ родоначальникомъ того древняго рода дворянъ Марковыхъ, къ которому принадлежу я съ братьями и мои дѣти. Онъ былъ предкомъ нашимъ по прямой линіи, такъ какъ наша вѣтвь произошла, какъ видно изъ родословной нашей и изъ многихъ сохранившихся юридическихъ актовъ, отъ родного внука Марка Кондіара, сына его сына Ивана; сынъ Кондіара Матвѣй родилъ Василя, Василий Ивана, Иванъ Никифора, Никифоръ Ѳедора, Ѳедоръ Андрея, моего прадѣда, Андрей Александра, дѣда моего, Александръ Льва, моего родного отца.

Въ «Россійской родословной книгѣ», изданной княземъ Петромъ Долгоруковымъ (Спб., 1856 г., ч. III, стр. 199-201), въ главѣ о графахъ и дворянахъ Морковыхъ сказано, что «имя этой древней фамилии пишется двояко: Морковы и Марковы». Дѣйствительно, одни и тѣ же лица изъ этой фамилии даже въ официальныхъ документахъ пишутся безразлично то Морковымъ, то Марковымъ. Такъ, напримѣръ, въ имѣющихся у меня подлинныхъ высочайшихъ рескриптахъ императрицы Екатерины II и императора Александра I на имя знаменитаго героя Измаила и Отечественной войны генераль-лейтенанта Евгенія Ивановича Маркова, кавалера орденовъ Георгія 4, 3 и 2 степени, и главнаго виновника плѣненія на Дунаѣ арміи великаго визиря въ 1811 г., что дало возможность войскамъ Кутузова двинуться противъ вторгнувшихся французовъ,—Евгеній Ивановичъ именуется то Марковымъ, то Морковымъ.

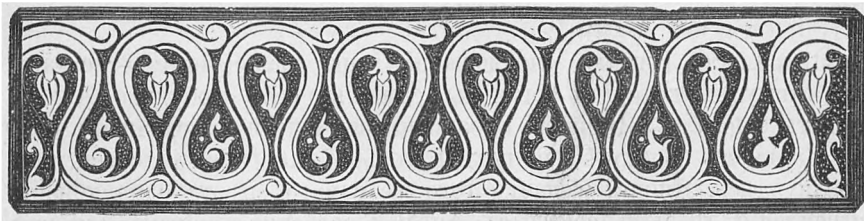
Родословная князя Долгорукова приурочиваетъ перваго извѣстнаго ей Маркова приблизительно къ тому же времени, въ какое жили Марко Россъ и Марко Толмачъ; именно, онъ упоминаетъ Ивана Ивановича Маркова, «который былъ новгородскимъ посланникомъ въ Москвѣ въ 1477 году». Марка Толмача эта родословная не упоминаетъ, но говоритъ, что «Давыдъ, Петръ, Киньдеяръ и Меньшикъ Ивановы Морковы (хотя въ юридическихъ актахъ, на которые я ссылался выше, эти внуки Марка Толмача именуются Марковыми), боярскіе дѣти, получили отъ царя Іоанна IV помѣстья въ уѣздѣ Московскомъ 2 октября 1550 года». Родословная называетъ еще Серапіона Маркова, подписавшаго грамоту избранія на царство Бориса Годунова въ 1598 г., Данилу Павловича, бывшаго стольникомъ при Петрѣ Великомъ, и другихъ, но изъ актовъ, которыми я располагаю, нѣтъ возможности судить, принадлежали ли они къ потомству Марка Толмача, нашего родоначальника. Въ II части «Общаго гербовника дворянскихъ родовъ», въ статьѣ о дворянахъ Морковыхъ, имѣющихъ титулъ Римской имперіи графовъ (№ 60), въ доказательство древности рода Аркадія, Николая и Ираклія Морковыхъ, Римской имперіи графовъ, приводится тотъ же указъ царя Ивана IV отъ 2-го октября 1550 г., коимъ онъ испомѣстилъ 3-хъ сыновей Ивана Маркова, слѣдова-

тельно, вѣтвь Марковыхъ, считающаяся теперь графами, ведетъ свой родъ отъ общихъ съ нами предковъ, хотя ни изъ ихъ, ни изъ нашей родословной не видно въ точности, дѣйствительно ли они происходятъ отъ кого либо изъ сыновей Ивана Марковича, внуковъ Марка Толмача, и отъ кого изъ нихъ именно. Въ то время какъ наша вѣтвь имѣетъ вполнѣ ясную и непрерывную преемственность отъ Марка Толмача до моихъ внуковъ, въ родословной графовъ Морковыхъ или Марковыхъ первымъ въ точности извѣстнымъ предкомъ ихъ показанъ, сколько мнѣ извѣстно, упоминаемый въ писцовой книгѣ 7145-7155 года (т. е. 1637-1647 г.) по Владимирскому уѣзду Иванъ Андреевичъ Марковъ, но въ какой связи находился онъ съ родомъ Марка Толмача, ни изъ чего не видно.

Объ указѣ 2-го октября 1550 г. «Общій гербовникъ» сообщаетъ любопытныя историческія подробности и отчасти объясняетъ причину пожалованія помѣстій внукамъ Марка Толмача: «Царь Иванъ Васильевичъ указомъ 2 октября 1550 г. тысячу человекъ молодыхъ людей изъ лучшихъ боярскихъ фамилій въ Москву созвалъ для поселенія ихъ въ окрестностяхъ сего города; въ семь числъ находились и три сына Ивана Моркова, получившіе по близости Россійской столицы помѣстья и потомъ посвятившіе себя воинской службѣ съ такимъ отличіемъ, что за вѣрныя свои услуги особенно отъ государей жалованы были въ разныхъ областяхъ вотчинами, какъ то подтверждаютъ въ сей фамиліи доннынѣ еще сохранныя жалованныя грамоты отъ царей Михаила Феодоровича, Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича, Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича».

Евгеній Марковъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

ИРАФЪ Инойе, преданнѣйшій другъ маркиза Ито, нынѣ, какъ и его патронъ, находящійся не у дѣль, счелъ нужнымъ подѣлиться съ публикой нѣкоторыми очень интересными замѣчаніями по поводу англо-японскаго союза, продолжающаго служить неистощимой темой для японскихъ публицистовъ. Когда вѣсть о заключеніи союза достигла Японіи,—говоритъ Инойе,—здѣсь было много всякихъ ликованій, празднествъ и пировъ по этому случаю. Но выпивка—не тотъ путь, какимъ осуществляются цѣли подобныхъ союзовъ. Пора взглянуть на вещи прямо и трезво. Почему Англія, отказавшись вдругъ отъ «политики величаваго единенія», которой она придерживалась послѣ Крымской кампаніи, нашла необходимымъ заключить съ нами оборонительный и наступательный союзъ? Японія до недавняго времени была для европейской дипломатіи *une quantité négligeable*. На насъ обратили вниманіе, стали смотрѣть съ уваженіемъ, когда намъ удалось благополучно покончить съ вопросомъ о пересмотрѣ трактатовъ. Затѣмъ мы выиграли кое-что въ общественномъ мнѣніи Запада войной нашей съ Китаемъ, но немного: въ Европѣ, повидимому, склонны были объяснять наши побѣды не тѣмъ, что мы сильны, а тѣмъ, что Китай слишкомъ слабъ. И только тогда, когда японскимъ войскамъ пришлось сражаться бокъ-о-бокъ съ войсками другихъ державъ въ Сѣверномъ Китаѣ во время недавнихъ смуть, ихъ качества были, наконецъ, надлежащимъ образомъ оцѣнены. Англія увидѣла, что Японія, столь сильно увеличившая свою армію и флотъ, стѣбитъ того, чтобы имѣть ее союзникомъ здѣсь. Для чего же нуженъ ей этотъ союзникъ? «Обезпеченіе

независимости Китая», «поддержаніе мира на Востокѣ» — не такіе это стимулы, которые могли бы сами по себѣ побудить Англію искать союза съ Японіей. Независимость Китая и сохраненіе мира на Дальнемъ Востокѣ ей нужны только для развитія своей торговли здѣсь. Японія желаетъ того же самаго, и эта одинаковость стремленій дѣлають союзъ съ Англіей особенно цѣннымъ для нея. Извлечь изъ своего новаго положенія возможно большія матеріальныя выгоды — вотъ задача, стоящая теперь передъ Японіей. Развитіе своей промышленности и торговли именно съ Китаемъ — вотъ цѣль, къ которой она должна отнынѣ стремиться всѣми мѣрами. Великія desiderata для нея въ этомъ дѣлѣ составляютъ капиталъ и опытъ. Капиталовъ у нея — мало; у Англіи — много, очень много. Что касается опыта, то англичане, которые первые завели крупную торговлю съ Китаемъ, приобрѣли такой, какимъ ни одна другая нація похвастаться не можетъ. И японцамъ будетъ очень трудно сравняться съ ними въ этомъ дѣлѣ. Не надо упускать изъ вида еще одного обстоятельства. Состояніе вооруженныхъ силъ Японіи, ея арміи и флота, было одной изъ причинъ, заставившихъ Англію вступить въ этотъ союзъ. Но въ наше время, когда изобрѣтенія слѣдуютъ за изобрѣтеніями, нельзя стоять на мѣстѣ, довольствуясь достигнутыми результатами: вооруженія, средства защиты и нападенія, дѣйствительныя сегодня, могутъ черезъ пять лѣтъ оказаться негодными и устарѣлыми. Необходимо быть готовыми къ дальнѣйшему развитію японской арміи и флота. Для выполненія первой программы увеличенія своихъ вооруженныхъ силъ Японія имѣла китайскую контрибуцію. Теперь этотъ источникъ исчерпанъ. Единственнымъ средствомъ получить необходимые денежные ресурсы является увеличеніе податного обложенія населенія, и къ этому народъ Японіи долженъ быть готовъ. Но чтобы онъ могъ вынести на своихъ плечахъ такую тяжесть, необходимо принять рѣшительныя мѣры къ подъему его матеріальнаго благосостоянія. Достигнуть этого можно путемъ поощренія всякой частной предприимчивости, всевозможныхъ ассоціацій, союзовъ и т. п. комбинацій, имѣющихъ своею цѣлью соединеніе различныхъ предприятий, нынѣ работающихъ въ разбродъ: такіе союзы, значительно уменьшая издержки производства, вмѣстѣ съ тѣмъ громадно увеличиваютъ выгоды предприятия. Западъ въ этомъ отношеніи далеко опередилъ Японію. Отсутствіе торговыхъ и промышленныхъ союзовъ и неумѣнье организовать — одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ этой страны. Все здѣсь разъединено, все несовершенно организовано. Китай и Корея ждуть предприимчивыхъ людей и капиталовъ для развитія своихъ колоссальныхъ, еще не початыхъ богатствъ. Японія не можетъ одна, собственными силами, взяться за такое дѣло. Она должна привлечь къ совмѣстной работѣ на этомъ поприщѣ иностранцевъ: англичанъ, французовъ, германцевъ, амери-

канцевъ, все равно кого. Поэтому всѣ законы, направленные къ ограниченію правъ и привилегій иностранцевъ въ Японіи, должны быть измѣнены или уничтожены. Иностранцамъ должно разрѣшить владѣть земельной собственностью въ Японіи, принимать въ залогъ японскія желѣзныя дороги и проводить ихъ. При существующихъ же условіяхъ, иностранные капиталы не придутъ въ Японію, и ждать ихъ—пустая мечта.

Вопросъ о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ, о развитіи мѣстной торговли и промышленности и мучительный вопросъ: «гдѣ бы и какъ бы занять» денегъ на удовлетвореніе «насущныхъ государственныхъ нуждъ», т. е. завершеніе гигантскихъ вооруженій, составляютъ теперь злобу дня въ Японіи. Немудрено, поэтому, что государственные люди страны, печать и различныя общества усиленно занимаются ими.

На одно изъ послѣднихъ засѣданій Вольно-Экономическаго общества въ Токио были приглашены, въ качествѣ почетныхъ гостей, маркизъ Ито и графъ Окума. Публика съ большимъ терпѣніемъ ожидала этого засѣданія. Такъ какъ графъ Окума и маркизъ Ито рѣзко расходятся во взглядахъ на многіе капитальнѣйшіе вопросы и внутренней и ви́шней политики своей страны, то всѣхъ очень интересовалъ вопросъ: явятся ли приглашенные почетные гости, или предпочтутъ уклониться отъ этой встрѣчи. Они явились оба. Предсѣдатель общества, баронъ Канеко, упомянувъ въ своей рѣчи о большихъ успѣхахъ, достигнутыхъ Японіей въ дѣлѣ улучшенія судебной части, въ военномъ дѣлѣ и въ развитіи началъ конституціоннаго режима, остановился на печальномъ состояніи японской торговли и промышленности и закончилъ выраженіемъ надежды, что знаменитые государственные дѣятели, почтившіе своимъ присутствіемъ это засѣданіе, не откажутся дать обществу нѣсколько цѣнныхъ указаній по вопросу, для всѣхъ одинаково важному: что надо сдѣлать, чтобы поднять матеріальное благосостояніе страны? Маркизъ Ито, согласившись съ предсѣдателемъ насчетъ успѣховъ Японіи вообще, тѣмъ не менѣе нашелъ нужнымъ замѣтить, что они далеко не такъ блистательны, какъ, можетъ быть, кажутся. Онъ, напримѣръ, не видитъ, чтобы духъ новыхъ судебныхъ уставовъ проникъ сколько нибудь глубоко въ сознаніе народныхъ массъ; утвержденіе конституціоннаго режима не достигло еще степени законченности; узкіе партійные счета поглощаютъ массу силъ и драгоцѣннаго времени; еще менѣе удовлетворительнымъ представляется ему экономическое положеніе его родины; но здѣсь онъ не чувствуетъ себя въ сферѣ своей компетенціи и полагаетъ, что ему не пристало давать какіе либо совѣты или указанія обществу ученыхъ экономистовъ: это, молъ, ваша

область, господа; вамъ и книги въ руки. Старый дипломатъ, такимъ образомъ, и здѣсь остался вѣренъ себѣ; но на этотъ разъ его хитрая, уклончивая рѣчь никого не удовлетворила и была встрѣчена очень холодно.

Графъ Окума, по экспансивности своей натуры, не могъ удержаться отъ пространнаго изложенія своихъ взглядовъ и высказалъ между прочими соображеніями одно въ высшей степени интересное. Обороты міровой торговли, говорилъ онъ, достигаютъ теперь приблизительно 30 милліардовъ енъ (30 милліардовъ рублей на наши деньги). Изъ этой суммы на долю странъ Дальняго Востока приходится около полутора милліарда. Но, принимая во вниманіе ростъ торговли этого Востока за послѣднее десятилѣтіе, можно рассчитывать, что къ концу текущаго десятилѣтія она достигнетъ трехъ милліардовъ. Львиную долю въ выгодахъ этой торговли получать, конечно, тѣ націи, которыя располагаютъ большими капиталами. У Японіи такихъ капиталовъ нѣтъ; но отсюда ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что она должна остаться въ сторонѣ отъ общаго торговаго движенія. Европейскія государства обратили свое вниманіе на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ; въ ихъ рукахъ уже около 8.000 миль такихъ дорогъ, и затрачено на ихъ проведеніе до милліарда енъ. Конкурировать съ ними на этомъ поприщѣ Японіи не подъ силу. Совсѣмъ другое представляетъ перевозка товаровъ по внутреннимъ воднымъ путямъ Китая. Это дѣло требуетъ сравнительно небольшихъ издержекъ, и на полученіе чистой прибыли можно рассчитывать уже черезъ немного мѣсяцевъ, что представляетъ огромное преимущество въ сравненіи съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, гдѣ неизбежно долженъ пройти значительный промежутокъ времени, прежде чѣмъ дорога начнетъ давать прибыль. Японія, по мнѣнію графа Окума, должна обратить самое серіозное вниманіе именно на водяные пути Китая, играющіе, при его бездорожьѣ, роль важнѣйшихъ жизненныхъ артерій страны. Наибольше культурными и самыми богатыми провинціями Китая являются тѣ, которыя прилегаютъ къ его воднымъ путямъ, и начать обслуживать эти провинціи значить получить доступъ къ важнѣйшимъ для торговли областямъ. Японіи необходимо помнить, что если она позволитъ другимъ націямъ предупредить ее здѣсь, ей потомъ будетъ очень трудно рассчитывать на сколько нибудь крупныя выгоды въ этомъ дѣлѣ.

Вопросъ, поднятый графомъ Окума, имѣетъ очень большой интересъ и для насъ, — прежде всего, конечно, интересъ политическій.

Въ настоящее время въ водахъ Дальняго Востока подъ японскимъ коммерческимъ флагомъ плаваютъ до 100 пароходовъ, подъ германскимъ — 30, норвежскимъ — около 20; «China Merchant Steam

Navigation Co» имѣеть до 40 пароходовъ; приблизительно по столько же компаніи: «Jardine Mathewson» и «Butterfield and Swire». Американцы своихъ коммерческихъ пароходовъ здѣсь не имѣють; но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что когда наступитъ удобный моментъ, они и въ Тихомъ океанѣ сумѣють устроить такой же гигантскій трестъ, какой устроили въ Атлантическомъ. Германія, по крайней мѣрѣ, уже теперь скупаетъ всѣ пароходы, какіе только можно купить, начиная отъ Сингапура вплоть до Японіи. Дѣлаетъ ли она это для того, чтобы предупредить возможность образованія, безъ ея участія, новаго океанскаго пароходнаго треста, или имѣеть въ виду какой нибудь новый захватъ въ водахъ Дальняго Востока,— сказать покамѣстъ трудно. Важенъ самый фактъ такихъ приготовленій со стороны державы, которая ничего не дѣлаетъ безъ строго опредѣленнаго и всегда очень широко задуманнаго плана. Если же и японцамъ удастся осуществить идею, высказанную графомъ Окума и забрать въ свои руки пароходное сообщеніе по внутреннимъ воднымъ путямъ Китая, то въ одинъ далеко не прекрасный день мы можемъ очутиться въ положеніи, еще болѣе критическомъ, чѣмъ это было во время послѣднихъ смуть въ Китаѣ.

Много у насъ говорили и писали о взятіи фортовъ Таку, бояхъ подъ Тяньцзиномъ, штурмѣ Пекина, и очень мало — о тѣхъ чрезвычайныхъ трудностяхъ, съ какими были сопряжены высадка нашихъ десантовъ, подвозъ жизненныхъ припасовъ, боевого матеріала, эвакуація больныхъ и раненыхъ. Только совершенно исключительной энергіей генераль-адъютанта Алексѣева да его умѣнемъ быстро ориентироваться и можно объяснить счастливый исходъ всей этой сложной операціи, которая зовется Печжилійской кампаніей. Время для полной исторіи этого въ высшей степени любопытнаго періода еще не наступило, конечно; но нѣкоторые эпизоды изъ пережитыхъ недавно тревожныхъ дней заслуживаютъ быть отмѣченными теперь же, въ виду ихъ крайней характерности и поучительности. Минувшей весной, въ одной изъ нашихъ газетъ возникла полемика по поводу высадки на берегъ въ Таку колонны генераль-майора Стесселя; но спорившіе такъ и разошлись, оставивъ открытымъ наиболѣе интересный вопросъ: имѣлось ли у начальника нашей тихо-океанской эскадры, на другой день по взятіи фортовъ Таку, достаточно средствъ для высадки десантной колонны, назначенной итти на выручку Тяньцзина, или нѣтъ? Такихъ средствъ не имѣлось. Выручила тогда неожиданная помощь частнаго лица,— одного изъ тѣхъ людей, которыхъ умѣлъ находить въ нужный моментъ Е. И. Алексѣевъ.

Въ день боя подъ Таку, на рейдъ, гдѣ стояли союзныя эскадры, пришелъ изъ Портъ-Артура, подъ германскимъ флагомъ, пароходъ «Чау-чау-фу», купленный незадолго передъ тѣмъ Гинзбургомъ, тѣмъ самымъ М. А. Гинзбургомъ, котораго хорошо знаютъ всѣ русскіе

люди, побывавшіе на Дальнемъ Востокѣ, да и весь Дальній Востокъ. Давно, лѣтъ 25 тому назадъ, юношей, почти мальчикомъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ связей, безъ знакомствъ, явился онъ въ Японію, да въ ней и остался, сумѣвъ нажить миллионное состояніе, благодаря своей смѣлкѣ, природному такту и репутаціи безукоризненно честнаго человѣка, на слово котораго можно положиться, какъ на каменную стѣну. На «Чау-чау-фу» пришелъ и его владѣлецъ, немедленно предоставившій себя и свой пароходъ въ распоряженіе начальника Тихоокеанской эскадры. Отрядъ генераль-майора Стесселя находился на нашихъ судахъ, ожидая только взятія фортовъ Таку, чтобы итти къ Тяньцзину. Но вотъ твердыни Таку пали. Нужно свозить десантъ на берегъ. Перевозочныхъ средствъ, такихъ, которыя могли бы сразу поднять артиллерію, много людей и лошадей,—нѣтъ, а дѣрогъ буквально каждый часъ. Не теряя времени, Гинзбургъ вмѣстѣ съ контръ-адмираломъ Веселаго и генераломъ Стесселемъ отправляется въ Таку. Войдя въ устье рѣки Пейхо, онъ видитъ, что къ мели приткнулись двѣ большія желѣзныя баржи съ полнымъ грузомъ товаровъ; на одной оказались желѣзнодорожныя шпалы, на другой — камфора, чай, рисъ и проч. На баржахъ были подняты флаги компаніи «Таку Lighter С^о», Гинзбургъ идетъ къ представителю этой компаніи, англичанину, который жилъ въ своемъ домикѣ тутъ же на берегу, и проситъ уступить ему баржи. Англичанинъ отвѣчаетъ, конечно, отказомъ. Гинзбургъ настаиваетъ и, наконецъ, заявляетъ, что если ихъ не отдадутъ добромъ, онъ ихъ возьметъ силой. Англичанинъ сдается, но требуетъ, чтобы ему выдали квитанцію въ томъ, что баржи взяты для русскаго правительства. Квитанція ему выдается за общей подписью командира канонерской лодки «Зобрь» и Гинзбурга. Нѣсколько часовъ спустя, обѣ баржи съ полнымъ грузомъ товаровъ (разгружать ихъ на берегъ было, конечно, некогда) стояли уже на рейдѣ, близъ нашего адмиральскаго корабля, куда ихъ привелъ, по приказанію нѣмецкаго адмирала, одинъ изъ китайскихъ буксирныхъ пароходовъ, захваченныхъ нѣмцами тотчасъ послѣ взятія Таку. Громадныя, плоскодонныя желѣзныя баржи, приспособленныя для плаванія именно по китайскимъ рѣкамъ, каждая въ 700 тоннъ, стоили вмѣстѣ около 400.000 рублей на наши деньги. Онѣ сослужили великую службу въ этотъ критическій моментъ. Товары съ нихъ частью выбросили въ море; то, что годилось по части провизіи и другихъ матеріаловъ, взяли на наши корабли, и началась спѣшная посадка казаковъ, артиллеріи и пѣхоты, составлявшихъ нашу десантную колонну. Благодаря этимъ баржамъ, генераль-майоръ Стессель могъ прійти въ Тяньцзинъ двумя днями раньше, какъ разъ во время, чтобы выручить 12-й стрѣлковый полкъ, изнемогавшій въ неравной борьбѣ съ китайскими полчищами, и спасти европейскую часть города отъ ужасовъ рѣзни.

Огромная, страшно острая потребность ощущалась тогда не въ однѣхъ баржахъ, а во всевозможныхъ перевозочныхъ средствахъ, буксирныхъ и всякихъ другихъ пароходахъ. Бралось все, что только можно было получить. Средствами не стѣснялись, и тѣмъ не менѣе нельзя было найти нужнаго числа пароходовъ, которыхъ вообще на Дальнемъ Востокѣ немного; да, кромѣ того, всѣ они, послѣ первыхъ же тревожныхъ извѣстій изъ Тяньцзина, оказались переданными въ распоряженіе правительствъ Англии, Германіи и Японіи. Гинзбургу удалось заблаговременно пріобрѣсти восемь пароходовъ (больше не оказалось свободныхъ пароходовъ на всемъ Дальнемъ Востокѣ), которые и были предоставлены имъ въ распоряженіе нашего правительства. Всѣмъ имъ нашлась бездна работы, вмѣстѣ съ пароходами Восточно-Китайской желѣзной дороги и Добровольнаго флота.

Великъ Богъ земли Русской, и, конечно, все хорошо, что хорошо кончается. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что кривая и впредь вывезетъ. Вопросъ объ увеличеніи числа русскихъ пароходовъ на крайнемъ Востокѣ выдвинуть теперь для насъ самою жизнью этого Востока въ первую очередь и такъ или иначе, но онъ долженъ быть рѣшенъ. У пароходовъ Добровольнаго флота — свои, опредѣленныя задачи, точно такъ же, какъ и у пароходовъ Восточно-Китайской желѣзной дороги. Въ критическій моментъ они могутъ оказаться слишкомъ далеко или быть занятыми исполненіемъ какихъ нибудь специальныхъ порученій. Необходимо имѣть такіе пароходы, дѣятельность которыхъ была бы ограничена водами Тихаго океана, которые никогда не покидали бы ихъ, не выходили бы изъ района, предѣльными пунктами котораго являются: на югѣ—Сингапуръ, на сѣверѣ—Камчатка, и имѣли бы своимъ назначеніемъ въ мирное время обслуживаніе портовъ Дальняго Востока, преимущественно рѣчныхъ, китайскихъ, а въ военное поступали бы въ распоряженіе правительства для несенія транспортной и всякой иной службы. Дальній Востокъ великъ необъятно. Одинъ Китай—это цѣлая часть свѣта, обширѣйшій рынокъ, въ сущности совѣтъ еще непочатый. Здѣсь найдется достаточно мѣста для всевозможныхъ предпріятій, въ томъ числѣ и для русскихъ пароходныхъ компаній, но именно такихъ, которыя сосредоточатъ свою дѣятельность на мѣстѣ. Но для того, чтобы такая русская компанія могла рассчитывать на успѣхъ, необходимо соблюденіе двухъ условій: она должна сохранить всѣ основныя черты частной компаніи, частнаго коммерческаго предпріятія, и вмѣстѣ съ тѣмъ правительство должно имѣть въ немъ настолько крупный паѣ, чтобы въ каждый данный моментъ чувствовать себя господиномъ положенія. По мнѣнію людей, компетентность которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, дѣло можетъ быть начато теперь же и поставлено вполне прочно въ десятилѣтній срокъ. Для этого необходимо поставить на

линію сразу 10—12 пароходовъ, выстроивъ ихъ въ два года. Пароходы эти должны быть всѣ одного типа, величиною отъ 1.500 до 2.000 тоннъ, со скоростью въ 10—12 узловъ, сидѣть въ полномъ грузу до 16 футовъ, а разгруженные—8—9 футовъ; возможно малая осадка ихъ крайне желательна, для того, чтобы они могли подниматься вверхъ по всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ Дальняго Востока. Такихъ именно пароходовъ очень искали германцы и англичане во время недавнихъ смутъ въ Сѣверномъ Китаѣ: они нужны были для военныхъ цѣлей. Но и въ мирное время пароходы такого типа выгоднѣ всякихъ другихъ въ этихъ водахъ для перевозки угля, риса, лѣса, бобовъ и проч. Хозяева подобныхъ пароходовъ въ послѣдніе годы имѣли громадныя выгоды, получая отъ 10 до 30 процентовъ чистой прибыли на затраченный капиталъ. Стоимость пароходовъ вышеуказаннаго типа можно считать въ 250.000 р. каждый. Полагая чистую прибыль съ предпріятія лишь въ 10 процентовъ на затраченный капиталъ, возможно въ десятилѣтній срокъ удвоить общее число пароходовъ. И эта флотилія сравнительно небольшихъ паровыхъ судовъ, при возникновеніи какихъ бы то ни было политическихъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ, затрагивающихъ наши жизненные интересы тамъ, явится въ высшей степени важнымъ дополненіемъ къ пароходамъ Добровольнаго флота и Восточно-Китайской желѣзной дороги, имѣющимъ гораздо большіе размѣры. Но, повторяемъ, существеннѣйшимъ условіемъ успѣшности и выгоды такого предпріятія является чисто-коммерческій способъ его веденія. Казенное управленіе, съ дорого оплачиваемымъ штатомъ, всегда гораздо большимъ, чѣмъ этого требуетъ самое дѣло, съ его формалистикой, мертвящимъ чиновничьимъ духомъ, счетами всевозможныхъ самолюбій, отсутствіемъ знанія Востока, его нуждъ и потребностей,—такое управленіе неминуемо и очень скоро повело бы къ гибели подобнаго предпріятія, гдѣ нужны именно не чиновники, а живые люди, съ большимъ коммерческимъ опытомъ, съ чисто-коммерческимъ чутьемъ и нюхомъ и обширными, дѣловыми связями на этомъ самомъ Востокѣ. Комбинаціей, которая могла бы удовлетворить требуемому условіемъ, является, напр., слѣдующая: для начала дѣла нужно три милліона рублей (12 пароходовъ по 250.000 р. каждый), изъ нихъ два милліона даетъ казна и одинъ милліонъ—частное лицо, или группа такихъ лицъ, знающихъ Дальній Востокъ, извѣстныхъ ему и связанныхъ съ нимъ самыми тѣсными дѣловыми отношеніями.

Года три—четыре тому назадъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана прекрасная статья «О русской торговлѣ на Дальнемъ Востокѣ». Авторъ, скрывшій свое имя подъ инициалами А. Н. Г., приведя рядъ цифръ о положеніи нашего торговаго судоходства у береговъ Восточной Азіи, закончилъ ее такимъ меланхолическимъ замѣчаніемъ: «Увы! финскія лайбы въ торговлѣ

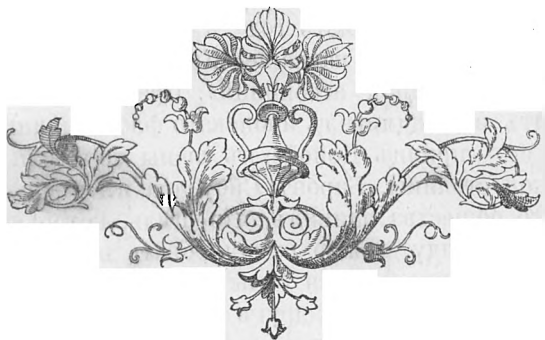
петербургскаго порта, вѣроятно, играютъ болѣе видную роль, чѣмъ русскій коммерческій флотъ въ торговлѣ Восточной Азіи!»

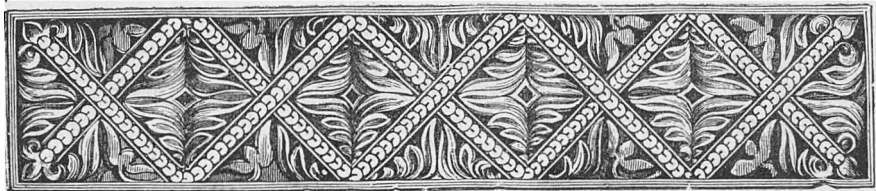
Но жизнь не ждетъ. И ускоренный пульсъ ея біенія нигдѣ не чувствуется такъ сильно, какъ на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ просыпается и подымаетъ голову гигантская сила, называемая желтой расой. Считаться съ ней въ первую голову придется намъ. Готовиться ко всевозможнымъ случайностямъ здѣсь—одна изъ самыхъ жизненныхъ задачъ, поставленныхъ на очередь. И въ ряду другихъ мѣропріятій имѣющихъ въ виду такую подготовку, увеличение числа пароходовъ, плавающихъ подъ русскимъ коммерческимъ флагомъ въ водахъ Тихаго океана,—одно изъ самыхъ нужныхъ и важныхъ. Въ военное время это—флотилія готовыхъ транспортныхъ судовъ, могущихъ подниматься по рѣкамъ, входить въ неглубокіе заливы и бухты для высадки десантовъ; въ мирное это—коммерческіе пароходы, занимающіеся крайне выгоднымъ дѣломъ, сами себя окупающіе и дающіе хорошую прибыль, не требуя отъ правительства ни гарантій, ни субсидій.

Въ концѣ апрѣля текущаго года въ Токио состоялось открытіе новаго общества, носящаго названіе «Кайжи Кіюкай», что означаетъ въ переводѣ «Мореходная ассоціація». Предсѣдателемъ этой ассоціаціи состоитъ вице-адмиралъ японскаго флота принцъ Арисугава; товарищемъ его—принцъ Конойѣ; въ члены же вошли всѣ дѣловые люди японской столицы. Баронъ Сибузава въ рѣчи своей при открытіи новаго общества заявилъ, что цѣль, которую его основатели имѣютъ въ виду, можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: привести военно-морскія силы Японіи и ея торговый флотъ въ возможно тѣсную связь другъ съ другомъ и содѣйствовать всѣми мѣрами развитію именно японскаго торговаго мореходства. Говорилъ, конечно, и графъ Окума, этотъ присяжный ораторъ на всѣхъ торжествахъ, гдѣ дѣло идетъ о «величіи и славѣ Японіи». Въ длинной и, какъ всегда, очень интересной рѣчи онъ, очертивъ положеніе различныхъ странъ на Дальнемъ Востокѣ, отмѣтилъ, между прочимъ, что хотя у Россіи есть здѣсь могущественный военный флотъ, но ея торговое судоходство не показываетъ и признаковъ сколько нибудь замѣтнаго развитія; Франція, военный флотъ которой уступаетъ только англійскому, также сдѣлала крайне мало для своего коммерческаго судоходства въ водахъ Тихаго океана; у Англии, при громадномъ военномъ флотѣ, есть и колоссальный коммерческій, представляющій собою половину всѣхъ судовъ въ мірѣ; но наиболѣе поразительны успѣхи въ этомъ дѣлѣ Германіи: императоръ Вильгельмъ ясно понялъ, что страна, претендующая на міровое значеніе, желающая быть великой и сильной, должна одинаково заботиться и о военномъ, и о коммерческомъ

своёмъ флотѣ. Графъ Окума говорилъ далѣе о четырехъ тысячахъ миль морской береговой линіи Японіи, о ея двухъ милліонахъ рыбаковъ, о быстромъ ростѣ населенія, которое черезъ 75 лѣтъ достигнетъ ста милліоновъ душъ, о ростѣ ея военнаго и коммерческаго флота. Японія, конечно, сдѣлала громадныя успѣхи на этомъ пути сравнительно съ тѣмъ временемъ (всего только 40 лѣтъ тому назадъ), когда выстроить мореходное судно являлось преступленіемъ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что ей надо успокоиться на лаврахъ: торговый флотъ ея все еще слишкомъ ничтоженъ, а на дальнѣйшее развитіе его она должна обратить самое серьезное вниманіе. Вотъ почему онъ, графъ Окума, такъ горячо привѣтствуетъ вновь учрежденное общество, видя въ немъ залогъ новыхъ, большихъ успѣховъ Японіи.

В. Д. Черевковъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Петербургъ наканунѣ Крымской кампаніи. — Отношенія Россіи къ Франціи въ 1870 году.

ВЪ ПАРИЖѢ недавно вышелъ второй томъ «Воспоминаній» графа Резэ ¹⁾, бывшаго перваго секретаря французскаго посольства въ Петербургѣ при Николаѣ I-мъ. Первый томъ, о которомъ мы уже упоминали въ «Мелочахъ» декабрьской книжки «Историческаго Вѣстника», касается пребыванія Резэ въ Римѣ, а главное въ Туринѣ, второй же томъ посвященъ воспоминаніямъ о Россіи. Въ предисловіи, написанномъ его другомъ и сотрудникомъ, Робинэ де-Клэри, благодаря упорнымъ просьбамъ котораго появились эти записки, между прочимъ говорится: «первой политической ошибкой Наполеона III было униженіе Россіи въ пользу неблагодарной Англии».

Когда графъ Резэ пріѣхалъ изъ Турина въ Парижъ, въ мартѣ 1852 года, то Наполеонъ, бывший въ то время еще президентомъ, принялъ его очень милостиво и сказалъ: «я люблю молодыхъ людей и возвышу тѣхъ, которые будутъ служить мнѣ хорошо».

Черезъ нѣсколько дней, 3 марта 1852 года, Резэ былъ извѣщенъ о своемъ назначеніи въ Петербургъ письмомъ министра иностранныхъ дѣлъ Тувнеля, совѣтовавшаго ему не отказываться отъ этого назначенія въ интересахъ его будущности. Вслѣдъ за тѣмъ, 23 юля, Резэ отплылъ на пароходѣ изъ Штетина въ Россію, и черезъ четыре дня онъ достигъ Петербурга.

Русская столица показалась ему издали волшебнымъ восточнымъ городомъ, благодаря множеству золоченыхъ церковныхъ куполовъ, блестящихъ на солнцѣ; но иллюзія разсѣялась, какъ

¹⁾ Mes souvenirs, par le comte de Reiset, vol 2. Paris. 1902.

только приблизился онъ къ берегу. Маркизь Кафельбажакъ, находившійся въ Петербургѣ съ 1850 года въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, выслалъ ему на встрѣчу находившагося при посольствѣ Камилля Дольфюса.

Вблизи Петербурга произвелъ на графа Резэ впечатлѣніе европейскаго города. «Можно подумать, что находишься въ Берлинѣ, говоритъ онъ, если бы не костюмы простолудиновъ. Широкая и длинная улицы, которыя здѣсь называются проспектами, окаймлены, большею частью, деревянными домами и нѣсколькими каменными дворцами въ итальянскомъ и французскомъ стиляхъ. Они не отличаются оригинальностью и ничѣмъ не поражаютъ, но представляютъ контрастъ съ бѣдностью проходящаго народа. Лѣтомъ коровъ выгоняютъ изъ домовъ въ поля подъ звуки пастушескаго рога, что придаетъ городу сельскій характеръ».

По своемъ пріѣздѣ Резэ поселился въ домѣ, гдѣ помѣщались находящіеся при посольствѣ лица, но не прошло и мѣсяца, какъ ему пришлось взять на себя обязанности французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, по случаю отъѣзда маркиза Кафельбажака, и переехать въ помѣщеніе, занимаемое французскимъ посланникомъ. Французское посольство въ то время находилось въ Сергіевской улицѣ. Фасадъ дома состоялъ изъ одиннадцати оконъ, и на верхъ вела прекрасная лѣстница. Во второмъ этажѣ находился громаднѣйшій бальный залъ, пять гостиныхъ и большая столовая. Личныя комнаты Резэ были въ нижнемъ этажѣ. Прислуга состояла изъ 30 человекъ. Жалованье Резэ получалъ небольшое, сравнительно съ дороговизной петербургской жизни — всего 5.000 франковъ въ мѣсяць. Прислуга оплачивалась въ то время недорого; такъ, напримѣръ, посольскій поваръ получалъ 31 р. 25 к въ мѣсяць, а его помощникъ 12 рублей, русскій лакей 30 рублей со своимъ кушаньемъ и одеждой. Но зато другіе предметы стоили довольно дорого: такъ, натирание половъ въ двухъ комнатахъ стоило каждый разъ 4 рубля.

Съ первыхъ же дней своего появленія въ Петербургѣ Резэ сблизился съ англійскимъ посланникомъ Гамильтономъ Сеймуромъ и его семействомъ, вопреки предупрежденія Николая I-го, что между Франціей и Англійей не можетъ быть соглашенія, англійскій посланникъ, прекрасно знавшій Петербургъ, предложилъ ему служить проводимъ въ высшемъ русскомъ обществѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда, Резэ сдѣлалъ вечерній визитъ графинѣ Апраксиной, урожденной княжнѣ Голицыной, старой фрейлинѣ великой княгини Елены Павловны, имѣвшей сильное вліяніе при дворѣ. При его приходѣ дамы находились въ столовой за чайнымъ столомъ, на которомъ были поставлены фрукты, пирожки и молоко. Здороваясь со многими дамами, Резэ и не подозрѣвалъ, что среди нихъ находится Елена Павловна. За-

тѣмъ, перейдя въ гостиную, онъ направился къ хозяйкѣ дома, бесѣдовавшей съ прицемъ Августомъ Вюртембергскимъ, братомъ великой княгини, съ которымъ Резэ познакомился на пароходѣ по дорогѣ изъ Штетина въ Петербургъ. Принцъ попросилъ графиню представить французскаго дипломата своей сестрѣ. Последняя обошлась съ французскимъ дипломатомъ очень любезно.

Разговаривая съ нимъ, она между прочимъ замѣтила, что находитъ Наполеона замѣчательнымъ человѣкомъ и полнымъ добрыхъ чувствъ. На замѣчаніе Резэ, что онъ человѣкъ возвышеннаго ума и любящій искренно Францію, она отвѣтила: «Если это такъ, то было бы желательно, чтобы онъ продолжалъ путь, предназначенный ему Провидѣніемъ». «Великая княгиня, — говоритъ онъ: — отличалась мужественнымъ характеромъ и не очень была расположена въ пользу Франціи. При этомъ она сильно вліяла на императора Николая I-го».

Впервые Резэ увидѣлъ императора на смотре войскъ въ Красномъ Селѣ. Государь, находясь въ двадцати шагахъ отъ шатра императрицы, обращался къ ней съ фразами, на что она отвѣчала кивками головы. Затѣмъ онъ сталъ заботливо тревожиться объ императрицѣ и обратился къ ней съ слѣдующими вопросами: «Не устали ли вы? Не пыльно ли вамъ? Сносно ли тамъ сидѣть? Это скоро кончится, потерпите!» Вскорѣ сдѣлалось холодно, однако всѣ должны были оставаться съ обнаженными головами. Кто-то въ толпѣ отважился надѣть шляпу, но императоръ громкимъ голосомъ замѣтилъ ему: «Кто смѣетъ быть предо мною въ шляпѣ?» Тотчасъ же шляпа была снята.

Между многими анекдотами Резэ рассказываетъ одинъ относительно строгости полиціи того времени. Однажды императоръ Николай встрѣтилъ на улицѣ знаменитаго французскаго актера Вернэ. Остановивъ француза, государь спросилъ у него, какую пьесу онъ будетъ играть въ этотъ вечеръ.

— «Моя жена и мой зонтикъ»,—отвѣтилъ ему актеръ.

— Прекрасно; я буду счастливъ, познакомивъ императрицу съ этой пьесой; до сегодняшняго вечера, г-нъ Вернэ.

И государь, сѣвъ въ свои дрожки, уѣхалъ.

Обрадованный такой честью, Вернэ отправился домой репетировать свою роль, какъ вдругъ къ нему подошелъ полицейскій и повелъ въ участокъ. Послѣ обычной процедуры онъ былъ арестованъ на двадцать четыре часа за то, что заговорилъ съ императоромъ безъ всякаго разрѣшенія. Напрасно онъ объяснялъ, что задержаніе повлечетъ отмѣну представленія, и, наконецъ, что императоръ самъ подошелъ къ нему,—ничто не помогло. Около 8 ч. вечера императоръ и императрица пріѣхали въ театръ. Директоръ Геденонъ объявилъ имъ объ отсутствіи Вернэ. Посланный же на квартиру къ нему сообщилъ, что его нѣтъ и не было дома, и

домашніе беспокоятся, не зная, куда онъ дѣвался. Тогда императоръ сообщилъ о своей встрѣчѣ съ актеромъ и приказалъ его разыскать. Вскорѣ ему доложили обо всемъ происшедшемъ, и Вернэ появился на сценѣ. Послѣ представленія императоръ пожелалъ его увидать и выслушать лично отъ него о происшествіи.

— Дорогой Вернэ,—сказалъ онъ актеру:—какъ заставить васъ забыть это непріятное приключеніе?

— Но, государь, ваша доброта настолько велика, что я уже вознагражденъ. Я такъ тронутъ, и мнѣ этого достаточно, чтобы не думать болѣе о происшедшемъ. Мнѣ нечего просить у вашего величества.

Императоръ снова сталъ настаивать, тогда Вернэ отвѣтилъ:

— Уже если ваше величество безусловно желаете, чтобы я попросилъ милости...

— Конечно, да,—прервалъ его императоръ.

— Такъ вотъ чего я попрошу отъ вашего величества: чтобы вы оказали мнѣ милость, никогда не обращаться ко мнѣ съ разговоромъ при встрѣчѣ на улицѣ.

Государь, государыня и великіе князья отъ души посмѣялись этой шуткѣ.

— Ахъ, ужъ этотъ Вернэ,—прибавилъ государь:—какой онъ забавный! Приходите завтра въ 12 часовъ въ Зимній дворецъ, и тамъ вамъ нечего болѣе опасаться полиціи.

На другой день Вернэ явился въ Зимній дворецъ, и послѣ длиннаго разговора о новой пьесѣ, дававшейся тогда въ Петербургѣ, государь подарилъ ему золотую табакерку съ своимъ портретомъ, украшеннымъ брилліантами.

Изъ аристократическихъ домовъ, не прерывавшихъ своихъ пріемовъ лѣтомъ, былъ между прочимъ домъ графовъ Строгановыхъ. Самъ графъ былъ пажемъ императрицы Екатерины, а затѣмъ посланникомъ въ Испаніи и Франціи. Несмотря на свои восемьдесятъ восемь лѣтъ и на слѣпоту, онъ былъ очень занимательнымъ собесѣдникомъ. Его жена, шестидесяти-пятилѣтняя женщина, принимала радушно на своей великолѣпной дачѣ у Строгановскаго моста. У нея собирався весь цвѣтъ дипломатическаго корпуса. Резэ болѣе всего посѣщалъ ихъ домъ, а также Сеймура, гдѣ, по совѣту Гумбольдта, пробовали заниматься столоверченіемъ.

Отношенія Россіи и Франціи болѣе и болѣе обострились по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ. Николай I, увѣренный въ своемъ вліяніи на Европу, считалъ моментъ благоприятнымъ для достиженія своей цѣли. Кастельбажакъ, принятый очень привѣтливо императоромъ, относился къ этому спокойно, не замѣчая плановъ Николая I-го. Напрасно Резэ старался открыть ему глаза и для этого принялся даже за біографію Николая, но все было напрасно: Кастельбажакъ вполне довѣрялъ ему. Къ довершенію всего до импе-

ратора достигла одна фраза, сказанная Наполеономъ въ своей рѣчи въ Бордо: «Когда Франція довольна — Европа спокойна». На это Николай I-й замѣтилъ: «Такъ Франція считаетъ себя осью, вокругъ которой вертится весь свѣтъ?». Князь же Шварценбергъ сказалъ по этому поводу слѣдующую юмористическую фразу: «Когда Франція простудится, — Европа чихаетъ».

«Николай I отзывается о Наполеонѣ самымъ любезнымъ образомъ, — говоритъ французскій дипломатъ, — но за ласковыми фразами проглядывало безпокойство». «Надо, — замѣтилъ государь, — чтобы принцъ не портилъ своего положенія и продолжалъ благоразумно управлять Франціей». Этими словамъ Резэ придаетъ слѣдующее значеніе: «президентъ не долженъ, по мнѣнію Николая I-го, измѣнять формы правленія». Со времени своего пріѣзда въ Петербургъ графъ давалъ понять всѣмъ, что Наполеонъ ни у кого не спроситъ совѣта относительно этого вопроса. Императору объ этомъ передали, и хотя дипломатъ ему еще не представлялся, такъ какъ Николай готовился отправиться на большіе маневры въ Чугуевъ, но государь зналъ, какъ выражается Резэ, отъ великой княгини Маріи Николаевны, особенно интересовавшейся судьбой Франціи.

Несмотря на то, что маркизъ Кастельбажакъ пользовался милостивымъ вниманіемъ императора, положеніе французскаго посланника въ Петербургѣ было не изъ легкихъ. Напримѣръ, когда въ сентябрѣ выгнали изъ Кронштадта, прибывшихъ безъ паспорта, французовъ, то графъ Резэ не могъ даже потребовать объясненія, такъ какъ онъ лично былъ окруженъ большой любезностью. Однако, вскорѣ арестовали еще одного француза. Поводомъ къ этому задержанію послужило простое ухаживаніе за одной женщиной изъ дома банкира Штиглица, у котораго служилъ этотъ французъ. На этотъ разъ графъ поѣхалъ къ начальнику III Отдѣленія, генералу Дубельту, ходатайствовать объ освобожденіи француза. Генералъ принялъ его чрезвычайно любезно и приказалъ освободить узника, уже закованнаго въ кандалы для отправленія въ Сибирь.

Между прочимъ дипломатъ упоминаетъ, какимъ вниманіемъ со стороны императора пользовался министръ Чернышевъ. Извѣстно, что государь жилъ чуть не подъ крышей, но когда онъ замѣтилъ, насколько трудно престарѣлому министру подниматься такъ высоко, то перевелъ свой рабочій кабинетъ въ нижній этажъ. Резэ удалось достать извлеченіе изъ книги, находившейся всегда на столѣ императора, въ которой онъ справлялся каждый разъ, когда хотѣлъ наградить кого либо изъ приближенныхъ. Въ ней были записаны награды по градаціямъ, а также количество и родъ подарковъ, какіе каждый изъ нихъ уже получилъ. Рядомъ съ миллионной наградой находились подарки брилліантовъ и громадныя суммы, потраченныя на подкупъ разныхъ иностранцевъ.

Въ своей характеристикѣ Николая I-го Резэ отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ съ твердой волей, презиравшемъ опасность. Его

самостоятельный характеръ представлялъ смѣсь гордости и истинной доброты. Такъ однажды онъ проѣзжалъ инкогнито по Невскому въ дрожкахъ, какъ вдругъ маленькая восьмилѣтняя дѣвочка, уцѣпившись за рессоры его экипажа, не зная, кто онъ такой, закричала ему: «Дяденька, возьми меня съ собой и покажи балаганы». Императоръ остановилъ экипажъ, взялъ съ собою ребенка и купилъ ей на балаганахъ множество игрушекъ. Затѣмъ онъ сказалъ дѣвочкѣ: «Такъ какъ ты теперь знаешь твоего дяденьку, поѣдемъ къ тетенькѣ». И онъ повезъ ее къ императрицѣ.

Резе объясняетъ его суровость отношеніями къ нему его воспитатели, графа Ламздорфа, малоспособнаго человѣка, обращавшагося съ нимъ не только строго, но даже грубо. Онъ доходилъ до того, что поднималъ руку на своего царственнаго воспитанника. Это обстоятельство еще болѣе сдѣлало черствымъ его характеръ, отъ природы мало податливый, и онъ сталъ обращаться съ другими, какъ съ нимъ обращались въ дѣтствѣ. «Его страсть къ парадамъ доходила до крайности,—говоритъ Резе:—а солдаты были для него игрушками. Онъ преувеличилъ мысль Петра Великаго и держалъ всю націю въ дисциплинѣ, какъ армію. Всѣ носили мундиры, даже семилѣтніе мальчики ходили въ каскахъ и съ важнымъ видомъ дѣлали честь проходившимъ офицерамъ, а выѣздные лакеи офицеровъ обязаны были ѣздить на запяткахъ экипажей также въ военной формѣ. Эта страсть къ парадамъ препятствовала императору заниматься науками и искусствами, къ которымъ онъ не питалъ страсти. Обыкновенно онъ былъ замѣчательно вѣжливъ, но когда гнѣвался, то становился особенно суровъ и требовалъ, чтобы всѣ преклонялись предъ его волей. «Правда, что онъ почти всегда гнѣвался справедливо, желая исправить злоупотребленія и видѣть въ администраціи имперіи порядокъ и честное отношеніе, не зная, что взяточничество было главной язвой русскаго общества той эпохи».

«Императоръ былъ крайне умѣренъ и простъ, что не мѣшало ему любить церемоніи и пышность. Приходилось нерѣдко видѣть его на первомъ попавшемся извозчикѣ, а нѣсколько часовъ спустя онъ присутствовалъ на большихъ торжественныхъ выходахъ, самыя мельчайшія подробности которыхъ были имъ лично установлены, согласно старинному этикету русскаго двора. Но при этомъ онъ просто одѣвался, бережливо носилъ одежду и не любилъ ее часто замѣнять другою. Въ семейной жизни онъ былъ очень добродушенъ со слугами, и самъ разбиралъ ихъ проступки. Вообще государь былъ великодушенъ, но любилъ картинную обстановку».

Любезность его производила сильное впечатлѣніе, и онъ вліялъ на лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Въ своихъ «воспоминаніяхъ» Вейссъ говоритъ: «Никто болѣе его не былъ господиномъ Европы,

развѣ только Наполеонъ I-й, и никто болѣе его не внушалъ столько симпатіи, гнѣва и ненависти. Въ Берлинѣ его считали чуть ли не сверхъестественнымъ существомъ; также на него смотрѣли и при другихъ нѣмецкихъ дворахъ... Я не сумѣлъ бы выразить, какое благоприятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ государь, и я никогда не забуду его большихъ голубыхъ глазъ.

Впрочемъ у него бывали припадки крайней рѣзкости. Напримѣръ, во время пребыванія Резэ въ Петербургѣ, императоръ былъ не доволенъ однимъ государственнымъ совѣтникомъ, котораго онъ очень любилъ. Осыпавъ его выговорами, онъ сказалъ ему сурово: «Объяснитесь, сударь». Но не успѣлъ несчастный произнести слово: «сударь», какъ Николай I-й перебилъ его словами: «Молчите, сударь, вы, кажется, разсуждаете».

Очень часто онъ самъ игралъ роль полиціи, и нѣсколько времени спустя послѣ пріѣзда Резэ въ Петербургъ, онъ объѣзжалъ городъ ночью въ дрожкахъ и совершенно одинъ. Замѣтивъ пьянаго солдата, преслѣдовавшаго убѣгавшую отъ него женщину, онъ приказалъ кучеру догнать ихъ; затѣмъ, смотря прямо въ глаза солдату, спросилъ его: «Узналъ ли ты меня, негодяй? Почему ты не въ казармахъ?» Всѣ солдаты гарнизона знали государя въ лицо. Ужасъ отрезвилъ пьяницу.

— Садись на козлы моихъ дрожекъ, — сказалъ Николай: — и укажи кучеру, гдѣ живетъ твой полковникъ.

Несчастный, полуживой отъ страха, повиновался. Императоръ самъ продиктовалъ, какое онъ долженъ понести наказаніе.

Однажды Николай спросилъ французскую актрису, г-жу Бра, которая явилась просить его присутствовать на ея бенефисѣ: — «Какъ вы меня находите во главѣ моего войска?» — «Ахъ, государь, — отвѣчала актриса: — вы очень подходите къ вашему амплуа». Императора очень позабавилъ этотъ отвѣтъ.

На маскарадахъ въ Большомъ театрѣ Николай I-й съ наслѣдникомъ запросто разгуливали въ толпѣ. Государь былъ въ казацкой формѣ, которая очень къ нему шла. Маски приставали къ нему, толкали его, интриговали, брали подъ руку, и онъ отъ души смѣялся, какъ обыкновенный смертный. «Это именно отпечатокъ русской жизни, — говоритъ Резэ: — рядомъ съ самымъ строгимъ этикетомъ — самая большая непринужденность».

«Когда бывали большіе обѣды при дворѣ, то съ трудомъ можно было удержать приглашенныхъ не набрасываться на блюда при встрѣчѣ слугъ, прежде чѣмъ они будутъ поданы на столъ. За десертомъ высшіе чиновники набивали свои карманы фруктами, пирожками и всякаго рода лакомствами. Лишь только блюда снимали со стола, какъ слуги набрасывались на нихъ, и происходила отталкивающая сцена».

Когда вспыхивалъ въ Петербургѣ пожаръ, государь первый отважно рисковалъ своею жизнью. Однажды, онъ подвергся опасности, и если бы одинъ пожарный грубо не схватилъ его и не оттолкнулъ, то на него обвалилась бы пылающая балка. Государь пожелалъ узнать имя спасшаго его пожарнаго и очень огорчился, когда узналъ, что честный солдатъ заставилъ засадить себя подъ арестъ, обвиняя себя въ томъ, что поднялъ на императора руку. Во время громаднаго пожара Московскаго театра одинъ крестьянинъ спасъ многихъ съ опасностью для своей жизни. Государь приказалъ привести его къ себѣ и сказалъ: «Спасибо тебѣ за добрый поступокъ; обними меня и расскажи, какъ Богъ тебѣ помогъ». Выслушавъ рассказъ и вознаградивъ, онъ проводилъ его со словами: «Теперь иди, Богъ съ тобою! Если тебѣ что либо понадобится, приходи ко мнѣ, когда хочешь».

Резе рассказываетъ подробно о бракѣ императора Александра Николаевича и говоритъ, что онъ состоялся при рѣдкихъ въ коронованныхъ семьяхъ обстоятельствахъ. Онъ узналъ подробности этого брака при дворѣ въ Дармштадтѣ и даже напечаталъ ихъ въ «Figaro» 7-го января 1880 г. Онѣ представляютъ нѣчто новое. Когда въ 1841 г. Александру Николаевичу исполнилось 23 г., и былъ поднятъ вопросъ о его бракѣ, то въ Петербургѣ былъ составленъ листъ всѣхъ нѣмецкихъ принцессъ, лѣта которыхъ подходили для брака. Вскорѣ наслѣдникъ отправился въ сопровожденіи князя Орлова и Толстого въ Германію. Посѣтивъ Берлинъ и нѣкоторые нѣмецкіе сѣверные дворы, они пріѣхали во Франкфуртъ, откуда Александръ Николаевичъ долженъ былъ отправиться прямо въ Карлсруэ, чтобы видѣть принцессу Александру, впоследствии герцогиню Саксъ-Кобургъ-Готскую, и принцессу Марію Ваденскую, впоследствии герцогиню Гамильтонъ.

Уже былъ назначенъ отъѣздъ, когда великій герцогъ Гессенъ-Дармштадтскій, узнавъ о пребываніи русскаго наслѣдника, просилъ его отобѣдать у себя во дворцѣ. Александръ Николаевичъ безъ всякой мысли или цѣли принялъ приглашеніе. Обѣдъ прошелъ семейно, и въ немъ не принимала участія принцесса Марія Гессенская, будущая его жена, а наслѣдникъ даже и не подозрѣвалъ объ ея существованіи, такъ какъ ея имени не находилъ въ спискѣ нѣмецкихъ принцессъ, предлагаемыхъ ему въ невѣсты. Вечеромъ, отправляясь пить чай, онъ встрѣтилъ въ столовой дворца молодую дѣвушку, въ сопровожденіи ея гувернантки, г-жи Гранси. Онѣ шли пить чай, и, при видѣ наслѣдника, молодая дѣвушка застѣнчиво посторонилась, чтобы его пропустить. Замѣтивъ скромную, простую принцессу, взволнованную при видѣ его, онъ спросилъ, кто—она. Ему отвѣчали, что это—дочь покойной герцогини Вильгельмины.

— А! правда,—отвѣтилъ наслѣдникъ:—а который ей годъ?

Онъ ни за что не хотѣлъ итти впереди ея, а когда пришелъ въ гостиную, то просилъ, чтобы его представили принцессѣ.

«Принцесса была очаровательная, простая, скромная дѣвушка, воспитанная въ Гессенскомъ домѣ, какъ Сандрильона. Она была очень образована и скрывала подъ застѣнчивостью твердое сердце, полное добродѣтелей. Наслѣдникъ сразу былъ пораженъ и долго бесѣдовалъ съ нею. Возвратившись къ себѣ, онъ былъ молчаливъ и озабоченъ. На утро, когда графъ Орловъ вошелъ къ нему, чтобы узнать, въ которомъ часу они отправятся въ герцогство Баденское, то онъ отвѣчалъ:

— Дорогой графъ, намъ незначѣмъ ѣхать далѣе; я сдѣлалъ свой выборъ: мое путешествіе окончено.

— Какъ?—воскликнулъ удивленный Орловъ:—кого же выбрали ваше высочество?

— Я женюсь на Маріи Гессенской, если она сдѣлаетъ мнѣ честь и отдастъ мнѣ свою руку.

— Но это невозможно со всѣхъ точекъ зрѣнія,—отвѣчалъ Орловъ:—ваше высочество можете дать себѣ въ этомъ отчетъ. Принцесса Марія не упомянута даже въ числѣ нѣмецкихъ принцессъ, которыя могутъ быть теперь невѣстами; она не отличается здоровьемъ и слишкомъ молода. Ваше высочество еще не видѣли Баденскихъ принцессъ, а, не поѣхать въ Карлсруэ, значить оскорбить великаго герцога Баденскаго.

— Я поѣду туда изъ вѣжливости, если меня принуждаютъ, но я раздумывалъ всю ночь и рѣшилъ, что не женюсь ни на комъ, кромѣ Маріи, принадлежащей къ дому, изъ котораго, кстати, уже вышла одна русская императрица; къ тому же онъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ и знаменитыхъ въ Германіи.

Графъ Орловъ пришелъ въ отчаяніе отъ этого заявленія и тотчасъ же написалъ императору. Это извѣстіе удивило Николая I и императрицу. Ихъ близкіе друзья уже проектировали другой бракъ и старались всѣми силами повліять на императорскую чету, съ цѣлію воспрепятствовать этому браку. Но императоръ, любившій болѣе остальныхъ сыновей Александра Николаевича за его преданность, почтительность и повиновеніе, не желалъ огорчать сына и заявилъ семьѣ въ присутствіи нѣсколькихъ придворныхъ:

— Принцесса Марія Гессенская, какъ и всѣ нѣмецкія принцессы, находится въ Готскомъ альманахѣ; это—прелестная дѣвушка, которая сдѣлаетъ счастье моего сына и наше. Императрица и я того же мнѣнія, какъ и Александръ, что онъ долженъ жениться по влеченію сердца.

«Я зналъ въ 1852 г. цесаревича и цесаревну, когда былъ первымъ секретаремъ посольства въ Петербургѣ,—говоритъ въ заклю-

ченіе Резэ:—и я всегда слышалъ самые почтительные и восторженные отзывы о ней и объ этомъ счастливомъ бракѣ». Между прочимъ онъ рассказываетъ, какъ въ 1852 г., въ срединѣ августа мѣсяца, онъ отправился въ Красное Село съ визитомъ къ графинѣ Тизенгаузенъ, придворной дамѣ царствующей императрицы. Послѣ визита онъ прогуливался въ паркѣ съ однимъ изъ камергеровъ императора; въ это время пошелъ дождь, и они направились къ квартирѣ камергера. Проходя мимо дворца, послѣдній указалъ Резэ на стоявшаго на караулѣ ребенка: «Это первый караулъ внука императора, посмотрите, какъ онъ хорошо исполняетъ службу». Въ это время дождь усилился, и маленькій великій князь взялъ изъ караулки шинель солдата, котораго онъ смѣнилъ, и, закутавшись въ нее, продолжалъ ходить взадъ и впередъ предъ дверьми дворца. Надъ дверью раскрылось окно, и показалась цесаревна, будущая императрица Марія Александровна; она смотрѣла то на облака, то на дежурившаго сына, присутствуя съ материнской заботой при его службѣ. «Въ самомъ дѣлѣ ничего не было забавнѣе и очаровательнѣе,—говоритъ Резэ:—какъ видѣть эту дѣтскую головку, выглядывавшую изъ большой сѣрой шинели, волочившейся по землѣ, въ то время, какъ дождь падалъ на маленькаго дежурившаго часового».

Перемокнувъ, они вошли въ квартиру камергера, находившуюся въ отдѣльномъ деревянномъ флигерѣ, гдѣ и принялись согрѣваться у огня, въ то время, какъ маленькій великій князь мокнулъ подъ дождемъ, оканчивая караулъ. Въ это время разговоръ коснулся цесаревны: «Она держится всегда въ отдаленіи...—сказалъ камергеръ.—Она также проста при русскомъ дворѣ, какъ и въ Дармштадтѣ. Цесаревна очень умна, религіозна и образованна. Когда ей позволяетъ здоровье, то она занимается, главнымъ образомъ, воспитаніемъ своего сына, который, увѣряю васъ, будетъ, въ одинъ прекрасный день, достойнымъ человѣкомъ.

Впослѣдствіи Резэ видѣлъ Марію Александровну уже императрицей у ея брата, принца Александра Гессенскаго, въ Югенгеймскомъ замкѣ, въ которомъ она провела дѣтство. Здѣсь она вела жизнь совершенно простую и любила бесѣдовать съ окрестными поселянами, знавшими ее съ юныхъ лѣтъ. Она болѣе всѣхъ дѣтей любила старшаго сына и обращала особое вниманіе на его образованіе. «Отношенія ея къ свекрови, императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, — говоритъ Резэ: — были полны достоинства и почтенія.

Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ считался болѣе всѣхъ расположеннымъ къ Франціи. Онъ любилъ науку, былъ очень образованъ и зналъ прекрасно всѣ европейскіе языки. Всѣ отзывались о немъ, по словамъ Резэ, слѣдующимъ образомъ: «Откровенный человѣкъ, честный и вѣрный другъ, который слушаетъ и даетъ благоразумные совѣты; онъ не способенъ обмануть довѣріе и не выдастъ, ни при какихъ обстоятельствахъ». Его мягкость и доброта заставляли думать, что онъ не обладаетъ твердостью характера, но тѣ, кто его видѣлъ въ интимной жизни, знали его силу воли, и что если онъ преклонялся, то изъ уваженія къ отцу. Не разъ онъ выказывалъ силу воли относительно могущественныхъ людей и въ особенности онъ питалъ ужасъ къ дести.

Резэ приводитъ случай, въ которомъ мягкость и въ то же время твердость Александра Николаевича усмирила финляндскихъ студентовъ, взбунтовавшихся изъ-за отказа просимой ими каѳедры. Николай I послалъ туда Александра Николаевича; всѣ ожидали, что дѣло окончится для студентовъ ссылкой въ Сибирь; но послѣдній появился среди нихъ совершенно одинъ и мягко обратился къ нимъ, уговаривая исполнять свой долгъ.

— Вы меня очень огорчаете,—сказалъ онъ:—прошу васъ послѣдовать моему совѣту; довѣрьтесь мнѣ, и сейчасъ же пусть прекратятся всѣ несогласія среди васъ.

Студенты, увидѣвъ столько благородства въ Александрѣ Николаевичѣ, тотчасъ же успокоились, а великій князь, пока оставался въ Гельсингфорсѣ, былъ окруженъ такими изъясвленіями симпатіи со стороны народа, что предъ отъѣздомъ онъ исполнилъ просьбу студентовъ.

Отношенія Николая I-го къ сыну Александру были самыя дружественныя и симпатичныя. Однажды, уѣзжая изъ Петербурга на югъ, Николай сказалъ одному лицу, посѣтившему его: «Я очень занятъ: необходимо привести въ порядокъ бумаги и запереть ихъ, такъ какъ въ мое отсутствіе мой сынъ будетъ тоже далеко отъ Петербурга, а я довѣряю только ему. Я хочу, чтобы онъ зналъ все, какъ я самъ, раздѣлялъ мои работы, и былъ бы подготовленъ наследовать мнѣ».

Въ разговорѣ съ маркизомъ Кастельбажакомъ императоръ сказалъ: «Александръ честный мальчикъ, вы будете также его любить. Я съ нимъ не поступаю, какъ со мною поступили: я ничего не зналъ о государственныхъ дѣлахъ, когда вошелъ на тронъ, и долженъ былъ учиться всему самъ. Мой сынъ, напротивъ, посвященъ во все, и если Богъ меня призоветъ, я вѣрю, что Россія будетъ послѣ меня хорошо управляема».

Наслѣдника очень любили за его мягкій характеръ. Однажды, рассказываетъ графъ, онъ встрѣтилъ офицера, который курилъ. Подойдя къ нему, онъ назвалъ его по имени и сказалъ: «Ты хорошо

знаешь, что запрещено курить на петербургскихъ улицахъ. Зачѣмъ ты ставишь себя въ положеніе заслужить суровое наказаніе? Ступай курить домой, но чтобы я никогда не встрѣчалъ тебя куращимъ на улицѣ».

Незадолго предъ своей кончиной императоръ пригласилъ обѣдать въ Ораніенбаумъ генерала Гэдувиля, посланнаго первымъ консуломъ. Во время десерта Павелъ разрѣзалъ пополамъ апельсинъ и послалъ съ пажемъ одну его половину французскому генералу, громко сказавъ, чтобы всѣ слышали: «Скажите первому консулу о моемъ желаніи, чтобы Франція и Россія были такъ же едины, какъ четверти этого апельсина, половину котораго я оставилъ себѣ, отдавъ вамъ другую». Эти слова надѣлали много шума. Резэ узналъ объ этомъ фактѣ отъ графа Толстого, шталмейстера Николая I-го, который въ то время былъ еще ребенкомъ и присутствовалъ, какъ зритель на хорахъ. Онъ самъ видѣлъ, какъ императоръ послалъ апельсинъ, а его отецъ, присутствовавшій на обѣдѣ, рассказалъ ему подробности.

12 ноября 1852 г. вернулся изъ Парижа Кастельбажакъ съ девятнадцати-лѣтнимъ сыномъ, назначеннымъ быть при посольствѣ.

«Императоръ Николай, считавшій себя главою всѣхъ европейскихъ государствъ,—говоритъ Резэ:—отнесся къ Наполеону III, сдѣлавшемуся императоромъ, не лучше, какъ къ Луи-Филиппу. Онъ считалъ, что въ положеніи Европы нечего сомнѣваться, и далъ полный просторъ своимъ монархическимъ стремленіямъ. Онъ только что спасъ австрійскаго императора отъ возставшихъ венгровъ, и поклоненіе Франца-Иосифа доходило до забвенія собственнаго достоинства. Такъ рассказывали, что въ Вѣнѣ австрійскій императоръ, думая, что находится наединѣ съ императоромъ Николаемъ I въ салонѣ, раздѣлявшемъ ихъ спальни, униженно поцѣловалъ руку послѣдняго, къ крайнему удивленію третьяго лица, присутствовавшего невидимо при прощаніи. Король прусскій послушно сносилъ господство надъ нимъ Николая Павловича. По словамъ Сенъ-Ренэ Тальанде, «дружба, которую внушалъ русскій императоръ Фридриху-Вильгельму IV, доходила до экзальтаціи. Онъ называлъ его «самымъ великимъ и святымъ изъ людей». Напротивъ чувства, которыя онъ питалъ къ Наполеону, «только что коронованной хищной птицѣ», доходили до ненависти. Онъ считалъ невозможнымъ соглашеніе Франціи и Англіи. Когда же осуществился «англо-французскій союзъ», Фридрихъ-Вильгельмъ IV написалъ: «Если на меня нападутъ во время кровосмѣшенія Англіи и Франціи, или вслѣдствіе этого кровосмѣшенія, если двѣ кровосмѣсительныя страны возьмутъ революцію союзникомъ, распространить ее по всему свѣту,—тогда я заключу союзъ съ Россіей на жизнь и на смерть».

Императоръ Николай хотѣлъ дать урокъ Наполеону отъ имени законныхъ государей, главою которыхъ онъ себя считалъ, и въ кредитивной грамотѣ, данной своему посланнику, онъ отказался назвать «добрымъ братомъ» Наполеона, а замѣнилъ это официальное обращеніе «добрымъ другомъ». При этомъ онъ сказалъ: «Нѣтъ, братья даются небомъ, а друзей выбираютъ. Я не могу быть братомъ Наполеона, и могу его назвать лишь другомъ. Я восторгаюсь тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, и если бы онъ спросилъ у меня совѣтъ, то я не могъ бы ему дать иной, какой подсказала ему собственная совѣсть: но, несмотря ни на что, я не измѣню своего перваго рѣшенія, какъ Пруссія и Австрія, считавшія себя обязанными это сдѣлать. По правдѣ сказать, для него лучше имѣть добраго друга, чѣмъ фальшиваго брата; повторяю: братьевъ даетъ Богъ, а друзей выбираемъ мы сами».

«Никогда бы не было крымской войны,—замѣчаетъ австрійскій первый министръ графъ Бейстъ:—если бы не вопросъ «добраго брата». Въ Петербургѣ, по выраженію Тувнели, на Наполеона смотрѣли, какъ «на шляпу, занявшую мѣсто законной короны».

Новыя кредитивныя грамоты генерала Кастельбажака были доставлены 14 января 1855 года просто по почтѣ, а не со специальнымъ курьеромъ. Онѣ были адресованы «au très excellent, très sérénissime, très puissant prince Nicolas», доброму другу. «Это была точная формула, употребленная императоромъ Николаемъ относительно Наполеона III. Черезъ два дня генералъ Кастельбажакъ былъ принятъ императоромъ, который сказалъ ему: «Puisque l'empereur Napoleon m'a pris comme je suis j'espère que nous nous entendrons. J'y suis tout disposé». И онъ два раза обнялъ генерала Кастельбажака. Принимая секретарей посольства очень милостиво, онъ сказалъ, обращаясь къ Ренвалю: «Вы—старый знакомый!.. А г-нъ Резэ? У него также вѣтреная оспа? Какъ онъ поживаетъ? Гдѣ онъ досталъ эту болѣзнь? Сожалѣю, что не видѣлъ его сегодня, но какъ только онъ поправится, надѣюсь, вы представите его мнѣ».

Въ это время графъ былъ боленъ вѣтреной оспой, свирѣпствовавшей въ Петербургѣ.

Между прочимъ французскій дипломатъ рассказываетъ анекдотъ, позабавившей въ то время аристократическое общество Петербурга. Отправляясь въ Константинополь представителемъ Россіи, князь Меншиковъ вздумалъ пошутить надъ одной извѣстной недалекимъ умомъ фрейлиной, старой дѣвицей Барановой, которая обо всемъ узнавала послѣдняя. На ея вопросъ о цѣли его поѣздки князь Меншиковъ отвѣтилъ: «Это—большой секретъ, но я вамъ его довѣрю. Я ѣду къ султану просить руки его дочери для князя Чернышева, а такъ какъ Дмитрій Нессельроде очень счастливъ въ брачныхъ миссіяхъ, то я везу его съ собою». «Это была злая шутка, говорить Резэ, такъ какъ князь Меншиковъ, ненавидѣвшій князя Черны-

шева, ставилъ его въ смѣшное положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ намекалъ на несчастный бракъ Дмитрія Нессельроде. Фрейлина Баранова не только разнесла этотъ анекдотъ повсюду, но еще рассказала его самой императрицѣ».

Приближеніе войны не прервало празднествъ и баловъ въ Петербургѣ. Концерты и спектакли слѣдовали одинъ за другимъ. Маріо, Лабланшъ, Ронкони, госпожа Вiarдо были въ сѣверной столицѣ. Маріо и Ронкони съ громаднымъ успѣхомъ пѣли въ «Риголетто» въ присутствіи императора, императрицы и всего двора. Императоръ и императрица занимали двѣ ложки, одна надъ другою; императоръ слѣдилъ за пьесой съ видимымъ удовольствіемъ и дѣлалъ дружескіе знаки Ронкони. Но когда предупредили его, что императрица уѣзжаетъ, онъ тотчасъ же послѣдовалъ за нею, не дождавшись окончанія. При всякомъ случаѣ онъ выражалъ ей свою любовь и предупредительность.

Относительно крестьянъ Резэ пишетъ: «Многіе изъ крѣпостныхъ крестьянъ были очень богаты и вели торговлю фруктами съ Петербургомъ. Такъ одинъ изъ нихъ, владѣвшій 3 милліонами рублей, крѣпостной графа Шереметева, обладателя 150.000 душъ крестьянъ, на вопросъ, отчего онъ не откупится на свободу, отвѣтилъ: «Мнѣ лучше оставаться крестьяниномъ. Такъ какъ я принадлежу графу, одному изъ могущественнѣйшихъ владѣльцевъ въ Россіи, то онъ долженъ меня защищать, если на меня будутъ нападать. Я больше выиграю, оставаясь подъ его покровительствомъ». Благородныя чувства крестьянъ выражались даже вещественно. Такъ графъ Бутурлинъ, разорившись, долженъ былъ продать имѣніе. Узнавъ объ этомъ, крестьяне собрали между собою необходимую сумму и принесли графу со словами: «не продавай земли, вотъ деньги, которыя тебѣ нужно. Ты всегда былъ добръ для насъ, мы хотимъ, чтобы ты остался нашимъ господиномъ».

20-го февраля, во время бала, даннаго наслѣдникомъ, состоялось официальное представленіе выздоровѣвшаго Резэ императору. Графъ Воронцовъ просилъ французскаго дипломата пріѣхать до начала бала, и онъ такъ постарался, что явился, когда еще царилъ полный мракъ въ залахъ. Моментально при его появленіи зажглись свѣчи посредствомъ зажигательной нитки. У двери въ залъ, блестящей огнями, стояли арапы въ великолѣпныхъ восточныхъ костюмахъ съ вышитыми русскими орлами. Затѣмъ послѣ польскаго Резэ былъ приведенъ въ сосѣднюю гостиную вмѣстѣ съ графомъ Блумомъ, состоявшимъ при австрійскомъ посольствѣ, который долженъ былъ представиться въ одно время съ нимъ. Войдя въ гостиную, императоръ подошелъ къ Резэ и очень привѣтливо сказалъ: «Очень сожалѣю, что не зналъ васъ ранѣе. Какъ вамъ нравится въ Петербургѣ?» На отвѣтъ Резэ, что все видѣнное и слышанное очень его интересуется, императоръ отвѣтилъ: «Тѣмъ лучше

надѣюсь, что вы довольны вашимъ пребываніемъ, хотя вы довольно плохо начали, получивъ вѣтреную оспу. Она не видна болѣе, благодаря Бога,—сказалъ онъ, пристально смотря на Резэ.—Я очень люблю г-на Кастельбажака, онъ это знаетъ. Онъ очень беспокоился о болѣзни сына и вашей, но, наконецъ все благополучно окончилось, и я васъ искренно поздравляю». Затѣмъ онъ перешелъ къ графу Блуму.

Императрица и прочіе члены царской фамиліи обошлись съ Резэ также любезно, и темой для всѣхъ разговоровъ служила вѣтреная оспа.

14-го марта 1853 года Резэ присутствовалъ на обѣдѣ, въ 250 кувертовъ, данномъ въ день восьмидесяти-трехлѣтняго существованія англійскаго клуба. На празднествѣ присутствовалъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Обѣды англійскаго клуба отличались всегда рѣдкимъ богатствомъ. Уха изъ стерлядей стоила восемь тысячъ франковъ. Тосты пились за императора, императрицу и царствующій домъ, а также за англійскую королеву.

1-го апрѣля 1852 года, Резэ, а также другіе, человекъ двадцать, получили приглашеніе на обѣдъ къ графинѣ Воронцовой. Когда же они явились, то въ дверяхъ имъ вручали слѣдующія записки: «*Poisson d'avril. Dieu que je suis bête*». Графиня нарочно въ этотъ день обѣдала въ гостяхъ. Въ тотъ же день Нессельроде былъ приглашенъ на свиданіе съ двадцатилѣтней дѣвушкой въ его замѣчательныхъ оранжереяхъ за городомъ. Но, пріѣхавъ туда, старый канцлеръ никого не нашелъ. Его обманула, написавъ записку, жена греческаго посланника, г-жа Зографо.

Лѣтомъ Резэ предпринялъ путешествіе въ Москву, а 7-го августа уѣхалъ въ Парижъ въ отпускъ.

Императоръ Наполеонъ удержалъ Резэ въ Парижѣ до декабря, чтобы отослать послѣднія депеши предъ войною маркизу Кастельбажаку, продолжавшему вѣрить въ миролюбивыя отношенія русскаго императора. Делепа Наполеона къ Николаю I, въ которой онъ поздравлялъ его съ побѣдой адмирала Нахимова подъ Синопомъ, произвела въ Парижѣ невыгодное для перваго впечатлѣніе. Резэ былъ принятъ Наполеономъ 25-го, 27-го, 29-го декабря 1853 года и получилъ отъ него письмо къ Николаю I, по поводу входа союзнаго флота въ Черное море: Наполеонъ писалъ: «Еще одинъ шагъ и—война». Онъ спросилъ, каково личное мнѣніе Николая I о немъ. Вопросъ крайне затруднилъ Резэ, и онъ отвѣтилъ: «онъ питаетъ къ вамъ высокое уваженіе и болѣе ничего».

Резэ пріѣхалъ въ Петербургъ 10-го января. Государь боленъ. «Извѣстіе о входѣ союзнаго флота въ Черное море привело его въ страшный гнѣвъ, говорилъ французскій дипломатъ, и у него поднялась рвота желчью. Когда онъ выходилъ изъ себя, то все лицо его искажалось, и казалось, что зубы выходили изъ рта. вмѣстѣ съ тѣмъ у него болѣла нога вслѣдствіе подагры».

«Императоръ Николай постарѣлъ на 10 лѣтъ,—писалъ Ка-стельбажакъ:—онъ дѣйствительно болѣлъ физически и морально. Императору пришлось заказать бархатные сапоги и придѣлать къ нимъ шпоры».

Въ то время, какъ вспыхнула крымская война, Рашель играла въ Петербургѣ и пользовалась громаднымъ успѣхомъ. Въ честь ея отъѣзда былъ данъ гвардейскими офицерами обѣдъ, во время котораго одинъ изъ генераловъ всталъ и, осушая бокалъ, сказалъ:

— Мы не говоримъ: прощайте, досвиданія. Скоро мы будемъ во Франціи и надѣмся снова выпить за ваше здоровье и вашу успѣхъ.

— Благодарю васъ за пожеланіе, господа, но знайте, что Франція не настолько богата, чтобы предлагать шампанское своимъ военноплѣннымъ.

До послѣдняго момента императоръ Николай I относился къ Капельбажаку очень благосклонно, и 8-го февраля 1854 года онъ послалъ ему орденъ Александра Невскаго. Императрица съ своей стороны подарила г-жѣ Капельбажакъ индѣйскую шаль. Вскорѣ Франція и Англія послали въ Петербургъ ультиматумъ. Николай I-й отозвалъ своего посланника изъ Парижа, а Капельбажакъ выѣхалъ изъ Петербурга. Разставаніе императора съ нимъ было самое нѣжное, и въ утѣшеніе Николай пожаловалъ ему орденъ св. Андрея. Это рѣдкое исключеніе въ исторіи, говоритъ Резэ, чтобы представитель Франціи получалъ объятія и награды государя, который велъ войну противъ его страны. Капельбажакъ писалъ Тувнелю 16-го сентября 1853 года: «Императоръ Николай походить на Петра Великаго, Павла I-го и на средневѣковаго рыцаря, но съ лѣтами въ немъ преобладаетъ Павелъ I, и надо схватить на лету его добрыя вдохновенія. Въ общемъ это эксцентричный государь и человѣкъ, котораго трудно распознать, столько противорѣчій между его качествами». До послѣдней минуты посланникъ повторялъ: «Сѣверный медвѣдь достаточно укрощенъ. Если онъ окажется благоразумнымъ, не будемъ его выводить изъ себя, мы только чрезъ это потеряемъ».

22-го февраля Резэ съ другимъ секретаремъ посольства уѣхали изъ Петербурга на лошадахъ чрезъ Ригу. Путь былъ не изъ легкихъ; морозъ и вьюга мѣшали продолжать непрерывно путь; при этомъ стаи волковъ преслѣдовали ихъ. Резэ былъ радъ, что покидалъ Россію и въ то же время доволенъ былъ, что вблизи изучилъ «сѣвернаго колосса», какъ вообще называли Николая I-го.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Резэ снова представился случай побывать въ Россіи, сначала въ качествѣ секретаря Морни, отправившагося на коронацію Александра II представителемъ Наполеона, а затѣмъ въ качествѣ посланника. Женитьба, однако, принудила Резэ отказаться отъ этихъ назначеній. Морни со своей стороны задумалъ тоже жениться, но на русской. Послѣ смерти принца

Лейхтенбергскаго онъ даже мечталъ о своемъ бракѣ съ великой княгиней Маріей Николаевной, и еще въ 1853 г. передалъ Резэ нѣсколько своихъ портретовъ, съ цѣлью, чтобы послѣдній какимъ нибудь способомъ показалъ ихъ великой княгинѣ. Но его планъ женитьбы на Маріи Николаевнѣ не состоялся, и онъ вступилъ въ бракъ въ княжной Трубецкой.

Послѣдующія главы «Воспоминаній» графа Резэ посвящены придворной жизни въ Парижѣ и не имѣютъ ничего интереснаго для насъ, русскихъ. Такъ какъ авторъ еще живъ, то мы въ правѣ ожидать отъ него продолженія въ скоромъ будущемъ его записокъ, во всякомъ случаѣ любопытныхъ въ историческомъ отношеніи.

Если Крымская кампанія была началомъ апогея декабрьской имперіи, то ея эпилогомъ служила франко-германская война. Кстати, въ одно и то же время, появились двѣ книги о прологахъ этихъ эпопей. Графъ Резэ описываетъ въ своихъ мемуарахъ ту эпоху, которая предшествовала Крымской войнѣ, а графъ Флѣри, извѣстный французской историкъ, на основаніи бумагъ своего отца, французскаго посланника въ Россіи въ 1870 г., рассказываетъ объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи предъ франко-германской войной и въ началѣ ея до паденія второй имперіи¹⁾.

Между этими сочиненіями большое различіе, именно Резэ занимается общественной и свѣтской подкладкой событій, предшествовавшихъ Крымской кампаніи, и главнымъ образомъ передаетъ безчисленное множество анекдотовъ изъ русской придворной жизни, а Флѣри, на основаніи переписки его отца съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и съ самимъ императоромъ, Наполеономъ III, исключительно посвящаетъ свою книгу дипломатической сторонѣ событій. Поэтому она интересна для насъ, русскихъ, только по приводимымъ подлиннымъ документамъ и имѣющимъ въ нихъ выраженіямъ Александра II и князя Горчакова.

Отношенія Россіи и Франціи со времени Крымской кампаніи оставались холодны, несмотря на попытку сближенія графа Морни во время коронаціи Александра II-го и свиданіе императоровъ въ Штуттартѣ. Событія въ Польшѣ еще тѣснѣе сблизили Россію и Пруссію общностью ихъ интересовъ и традиціонными семейными узами. Хотя императоръ Александръ и принялъ приглашеніе Наполеона посѣтить Парижъ въ 1867 г., но покушеніе Березовскаго охладило впечатлѣніе любезнаго приѣма. Тогда Наполеонъ, не довѣрявшій болѣе «неблагодарной» Англии и желавшій сближе-

¹⁾ La France et la Russie, en 1870, d'après les papiers du général Fleury. Paris. 1902. Par le comte Fleury.

нія съ Россіей, рѣшилъ вызвать Талейрана въ сенатъ, а на его мѣсто послать въ Петербургъ генерала Флѣри, въ октябрѣ 1869 г. Выборъ Наполеона выпалъ на генерала тѣмъ болѣе, что онъ уже удачно исполнялъ подобныя порученія и былъ испытаннымъ другомъ императора.

Указавъ, чего долженъ держаться генераль Флѣри въ сношеніяхъ съ русскимъ императоромъ и прочими русскими государственными лицами, Наполеонъ далъ ему между прочимъ инструкцію намекнуть Александру II объ опасности, грозящей Россіи отъ германской идеи, которая, если будетъ распространяться, то охватитъ всѣ страны, говорящія по-нѣмецки, начиная съ Курляндіи и кончая Эльзасомъ.

Флѣри очень скоро завоевалъ симпатію петербургскаго высшаго общества, а, какъ генераль, онъ пользовался почестями, какія не выпадали на долю другихъ посланниковъ. Такъ, на примѣръ, онъ присутствовалъ каждое воскресенье на смотрѣ войскъ въ Михайловскомъ манежѣ. Кромѣ того, помимо официальныхъ пріемовъ и охоты, на которую приглашали также его, онъ встрѣчался съ императоромъ и великими князьями почти каждую недѣлю. Его принимали у наслѣдника въ Аничковскомъ дворцѣ, такъ какъ наслѣдница Марія Феодоровна относилась съ большою симпатіей къ Франціи; у Маріи Николаевны, «друга Наполеона», какъ называетъ ее сынъ генерала Флѣри, и его двоюродной сестры по мужу, а также у придворныхъ и государственныхъ людей. Посланникъ писалъ: «Мои отношенія съ наиболѣе важными политическими и военными личностями превосходны, и я надѣюсь вскорѣ завоевать сильное положеніе и довести до благопріятныхъ результатовъ довѣренныя мнѣ важныя интересы».

Свиданіе посланника съ Горчаковымъ было самое дружественное, а императоръ принялъ его въ Царскомъ Селѣ весьма лестно и продержалъ въ своемъ кабинетѣ три четверти часа, противъ установленнаго этикетомъ правила. «Разговоръ былъ въ высшей степени интересный, — писалъ Флери, — и общалъ въ будущемъ близкія отношенія, если противоположное вліяніе не измѣнитъ настроенія императора. Государь коснулся всѣхъ вопросовъ, но такъ какъ надо было обратить его вниманіе на тотъ, который намъ всего важнѣе въ данный моментъ, я горячо выдвинулъ необходимость мира, посредствомъ семейнаго вліянія на умъ короля Вильгельма. Я многое могъ сказать императору, что оставалось бы безъ особаго значенія, если бы я упомянулъ объ этомъ канцлеру. Видя его величество расположеннымъ на все пріятное для Франціи, я могъ дойти до настаиванія выдачи мнѣ залога его добрыхъ намѣреній. Въ дѣйствительности его величество общалъ, что онъ изслѣдуетъ близко это дѣло и секретно переговоритъ о немъ съ королемъ. Государь прибавилъ, что нужно осторожно обращаться съ

воинственной щекотливостью короля Вильгельма, который слишком честолюбивъ, но что онъ хорошо сдѣлаетъ, если «переваритъ то, что уже поглотилъ», прежде чѣмъ сдѣлаться снова побѣдителемъ. Наконецъ, онъ сказалъ, что хотя семейныя узы не имѣютъ большого вѣса въ политикѣ, онъ все-таки намѣренъ заступиться за дѣло отца своей невѣстки».

Императоръ, говоря о любопытствѣ, возбужденномъ повсюду назначеніемъ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ генерала Флери, спросилъ его:

— Видѣли ли вы короля во время проѣзда черезъ Берлинъ?

— Нѣтъ, государь.

— Это меня не удивляетъ. Я знаю черезъ князя Рейса (нѣмецкаго посланника въ Петербургѣ), что мой дядя очень заинтересованъ вашей миссіей ко мнѣ.

Разговоръ окончился критикой Австріи, и государь замѣтилъ, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ Францъ-Юсифъ отправился въ Константинополь, откуда «онъ возвратился болѣе восточнымъ, чѣмъ когда либо». Говоря о графѣ Бейстѣ, онъ замѣтилъ:

— Онъ всегда останется безпокойнымъ, вздорливымъ человекомъ.

Послѣдствіемъ этого перваго свиданія было то, что государь взялъ въ руки дѣло Шлезвига, и Флери извѣщалъ депешей, что императоръ Александръ написалъ съ своей стороны прусскому королю. Горчаковъ замѣтилъ: «Я понимаю необходимость разсѣять это черное облако; пока оно существуетъ—миръ не обезпеченъ». По словамъ Флери, князь Горчаковъ заговорилъ новымъ языкомъ, противоположнымъ его пассивной роли относительно временнаго занятія герцогства.

Разговоръ Флери съ императоромъ Александромъ II возбудилъ въ генералѣ Швейницѣ, прусскомъ военномъ агентѣ и креатурѣ Бисмарка, чрезвычайно ревнивое вниманіе.

Но виѣшнія дружественныя отношенія къ прусскому королю Александръ поддерживалъ попрежнему. Въ день столѣтія ордена св. Георгія, по словамъ графа Павла Шувалова, императоръ, не совѣтуясь ни съ кѣмъ, послалъ дядѣ большую Георгіевскую ленту «изъ скромности и сыновней почтительности». По этому поводу генералъ Флери писалъ: «Императоръ нѣсколько стѣсненъ относительно французскаго посланника, и при различныхъ обстоятельствахъ, когда я имѣю случай приблизиться къ нему, онъ удваиваетъ ко мнѣ, если я осмѣлюсь такъ сказать, любезность и предупредительность. Чтобы выразить свое особое вниманіе къ представителю Наполеона, императоръ, противъ всякаго этикета, неожиданно явился въ посольство съ визитомъ. Наканунѣ, въ воскресенье, были въ посольствѣ великіе князья. Позволительно думать, что императоръ не измѣнилъ своихъ мыслей».

Нѣсколько дней спустя, на балу во дворцѣ императоръ принялъ замѣчательно любезно французскаго посланника, и Флери рѣшился спросить его, прислалъ ли прусскій король отвѣтъ. Императоръ сказалъ, что получилъ отвѣтъ, но уклончивый: «Прусскій король зрѣло обдумаетъ мои совѣты и замѣчанія; онъ признаетъ всю ихъ важность, но не можетъ принять окончательнаго рѣшенія». Флери добавлялъ: «Императоръ обожаетъ свою невѣстку. Она часто говоритъ ему о бѣдныхъ датчанахъ, съ которыми такъ дурно обходится ихъ честолюбивый сосѣдъ. Самъ наслѣдникъ, который выказываетъ себя все болѣе и болѣе противникомъ нѣмецкой политики, долженъ часто защищать дѣло своего тестя». По словамъ Горчакова, причины, данныя Вильгельмомъ относительно удержанія Шлезвига, были дурными. «Это ребячество желать удержанія всѣхъ деревень, гдѣ происходили сраженія, во имя славы своей арміи»,—добавлялъ Горчаковъ. Коснувшись вопроса о пожалованіи Георгіевской ленты Вильгельму, онъ сказалъ: «я повторю то же, что упоминалъ на официальномъ обѣдѣ въ министерствѣ: «императоръ не имѣлъ мысли напомнить Франціи и Австріи о свѣжихъ воспоминаніяхъ, такъ какъ вопросъ шелъ не о побѣдѣ Вильгельма подъ Садовой, и телеграммы и тосты въ день празднованія столѣтія ордена св. Георгія Побѣдоносца относились къ прошедшему, случившемуся пятьдесятъ три года назадъ». «Онъ не безъ хитрости добавилъ: «если мы гордимся Березиной, Лейпцигомъ, Ватерлоо, то вы развѣ не гордитесь Аустерлицомъ, Іеной, Эйлау и Бородинымъ? Развѣ намъ не приходится проѣзжать въ Парижѣ черезъ Севастопольскій бульваръ, имя котораго напоминаетъ поразеніе, безъ сомнѣнія, благородное, и растравляетъ рану, едва зажившую. Развѣ вы не назвали побѣдителя Крыма герцогомъ Малаховымъ? Вотъ видите, что мы не первые; каждое правительство приноситъ жертвы тѣмъ же идеямъ. Будьте увѣрены, что императоръ Александръ уважаетъ вашъ тактъ; что до меня, зачинщика идеи союза Франціи съ Россіей (который былъ бы въ настоящее время очень тѣснымъ, безъ вашего рискованнаго вмѣшательства въ дѣла Польши), защитника этой политики до тѣхъ поръ, пока я живъ, то скажу вамъ, что все происшедшее не должно мѣнять нашихъ добрыхъ отношеній, ни ихъ шансовъ на продолжительность».

Въ сущности Горчаковъ сближался съ Франціей, но въ то же время берегъ отношенія съ Пруссіей. Несмотря на свой восторгъ Бисмаркомъ и на свои «сожалѣнія» по поводу, какъ онъ называлъ, ошибки царствованія, т. е. вмѣшательства Франціи въ дѣла Польши, онъ признавалъ соглашеніе съ Франціей полезнымъ для обѣихъ странъ.

«Какое бы инстинктивное недоувѣріе ни испытывалъ я къ канцлеру,—пишетъ Флери,—но мнѣ совсѣмъ непозволительно сомнѣваться въ его словахъ. Семейныя узы и нѣжное чувство, соеди-

няющія и императора Александра и короля Вильгельма, не могут вліять на необходимость политики, и царь подчинитъ свои дѣйствія горячему мнѣнію народа».

Въ депешѣ Флери отъ 12-го января находится нѣсколько любопытныхъ замѣчаній князя Горчакова относительно внутренней политики Франціи. Онъ самъ пришелъ въ посольство, чтобы поговорить объ измѣненіяхъ въ ходѣ дѣлъ французскаго правительства. Канцлеръ восторгался великой душой и проницательностью Наполеона, сумѣвшаго стать во главѣ мирной революціи, первые результаты которой будутъ залогомъ для поддержанія мира. Свои симпатіи къ либеральному министерству Горчаковъ снова выражалъ не разъ.

Флери, какъ уже упомянуто, имѣлъ частые случаи встрѣчаться съ Александромъ II. «Въ продолженіе двухъ недѣль,—писалъ онъ,—меня приглашали два раза на охоту. На прогулкѣ или воскресномъ парадѣ, гдѣ я сопровождалъ его величество верхомъ, я часто имѣлъ честь разговаривать съ нимъ. Въ послѣдней поѣздкѣ съ императоромъ въ Гатчину онъ самъ заговорилъ со мною о Шлезвигѣ и прибавилъ: «Я уже могу обезпечить вамъ одно: скажите императору Наполеону и вашему правительству, что Пруссія ничего не сдѣлаетъ такого, что бы смутило миръ». Не было никакого сомнѣнія, что императоръ имѣлъ добрыя намѣренія и иллюзіи.

1-го марта Флери получилъ отъ Наполеона депешу, въ которой, между прочимъ, послѣдній спрашиваетъ о здоровьѣ Александра II. Въ то же время министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Дарю, осведомлялся о томъ же и о политическомъ направленіи наслѣдника. 5-го марта посланникъ отвѣтилъ:

«Царь хворалъ эту осень въ Крыму. Онъ перенесъ операцію, вслѣдствіе воспаления, причиненнаго грыжею, но съ тѣхъ поръ императоръ не только здоровъ, но никогда еще онъ не былъ такъ дѣятеленъ тѣломъ и умомъ. Что касается до его умственной жизни, то положительно извѣстно, что онъ работаетъ шесть или восемь часовъ въ день. Всѣ дѣла представляются ему. Всѣ записки, адресованныя къ нему, прочитываются и отмѣчаются имъ, и судя по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя я могу засвидѣтельствовать, императоръ узнаетъ о приходѣ дипломатическихъ депешъ изо всѣхъ странъ въ самый день ихъ прибытія. По чистой совѣсти я долженъ заявить, что императоръ не только здоровъ, но очень дѣятеленъ, веселъ въ интимной жизни, еще молодъ съ виду и по характеру, и, наконецъ, онъ много танцевалъ вчера вечеромъ. Г. Бисмаркъ вызвалъ призракъ болѣзни, лишь ради политической необходимости, которую легко объяснить. Относительно цесаревича—это правда, что онъ представитель такъ называемой русской партіи, т. е., антинѣмецкой, анти-иностранной, а это хорошая карта въ нашей игрѣ. Онъ доказалъ силу воли и твердость характера, съ которыми придется считаться. Какъ это принято съ наслѣдниками, министры по-

свящаютъ его во всѣ текущія дѣла. Въ императорскомъ совѣтѣ онъ много разъ имѣлъ случай засвидѣтельствовать свои анти-нѣмецкія чувства, именно по поводу концессіи желѣзной дороги, данной графу Ламздорфу, которому покровительствуетъ король Вильгельмъ».

Относительно появившейся въ Петербургѣ брошюры «L'impression politique», переведенной на русскій языкъ и продававшейся во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, Флери пишетъ: «Она надѣлала много шума. Баронъ Жюмини признался мнѣ, что онъ ея авторъ. Горчаковъ не выразилъ своего неодобренія ни относительно мысли, ни выраженій, а императрица, прочитавъ ее сама, отослала въ министерство, сказавъ, что не нашла ни одного слова, которое слѣдовало бы измѣнить. Всѣ эти подробности я узналъ отъ Жюмини. Князь Горчаковъ не хочетъ сказать имя автора брошюры. Онъ довольствуется лишь замѣчаніемъ, что «соглашается съ главной мыслью брошюры, и она такъ хорошо написана, что онъ былъ бы счастливъ имѣть ея автора однимъ изъ редакторовъ своего министерства».

Слухъ о пріѣздѣ Вильгельма въ Петербургъ оправдывался, и такъ же, какъ по поводу пожалованія Георгіевской ленты, поднялась тревога во французскомъ посольствѣ. «Хотя я еще не спрашивалъ Горчакова,—писалъ Флери—но онъ мнѣ самъ сказалъ вчера: «Если состоится эта поѣздка, не беспокойтесь о ней болѣе, чѣмъ о столѣтніи ордена Георгія Побѣдоносца. Россія хочетъ мира, она хочетъ быть самостоятельна».

Въ свою очередь императоръ Александръ, какъ и во время Георгіевской исторіи, сдѣлалъ неожиданный визитъ во французское посольство. Флери отправилъ слѣдующую депешу: «Три дня тому назадъ я справлялъ годовщину рожденія императорскаго принца, и какъ это принято въ Петербургѣ, когда есть официальный пріемъ, я просилъ великихъ князей и княгинь пожаловать, предупредивъ ихъ о мотивѣ собранія. Я не думалъ, что должны официально пригласить императора. Но не только вся императорская семья и князь Горчаковъ, никогда не выѣзжавшій, явились въ посольство, но и царь пожелалъ присутствовать на празднествѣ, и несмотря на усталость послѣ цѣлаго дня охоты, онъ остался до двухъ часовъ утра».

«Слишкомъ очевидно,—пишетъ Флери по поводу восточнаго вопроса,—какъ бы ни увѣрялъ князь Горчаковъ, но Россія ласкается въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ честолюбивый проектъ пойти на Константинополь».

Коснувшись славянскаго вопроса, посланникъ услышалъ отъ Горчакова слѣдующій отвѣтъ:

«Слишкомъ преувеличиваютъ работы славянофиловъ и слишкомъ нашумѣли въ вашихъ журналахъ и газетахъ по поводу извѣстныхъ манифестацій, въ которыхъ правительство не прини-

мало участія. Съ другой стороны мы не можемъ ни отречься ни порицать этихъ манифестацій; мы не имѣемъ права противиться обществамъ, цѣль которыхъ — благотворительность, усилія которыхъ — попытка распространить просвѣщеніе между страдающими братьями. Эти комитеты дѣйствуютъ открыто; ихъ центры въ Петербургѣ и Москвѣ, и я не знаю, нѣтъ ли ихъ отдѣленій въ княжествахъ. Относительно этого вопроса я повторяю вамъ то, что уже говорилъ: пусть намъ поименуютъ дѣла, назовутъ агентовъ, производившихъ политическую пропаганду подъ знаменемъ славянофильства, и мы будемъ ихъ судить, но я не могу допустить, что эти идеи братства повлекутъ за собою опасность, и что онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ глухіе происки, способные остановить на себѣ вниманіе правительства».

Изъ этого отвѣта Флери вывелъ, что «панславизмъ еще одно средство для высшихъ классовъ бороться съ нигилизмомъ, народнымъ идеаломъ, котораго они боятся; они пробуютъ занять и присоединить къ великой идеѣ слишкомъ пылкіе умы. Наконецъ панславизмъ въ Россіи то же, что въ другихъ странахъ — патріотическія мечтанія, которыя народъ лелѣетъ, не давая отчета, возможно ли будетъ также когда нибудь видѣть ихъ осуществленными... Славянскіе народы одушевлены совсѣмъ различными стремленіями, согласно ихъ политическому положенію».

«Война зависитъ отъ случая, какъ сказалъ преждевременно полковникъ Стоффель, и 3-го іюля 1870 г. кандидатура принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ послужила этимъ случаемъ, — говоритъ Флери, — и Горчаковъ, до тѣхъ поръ лавировавшій между прежнимъ союзомъ съ Германіей и будущимъ соглашеніемъ съ Франціей, выказалъ свое пристрастіе къ Пруссіи, какъ только событія приняли воинственный оборотъ».

15 іюля Россія категорически заявила Австріи, что не позволить ей дѣйствовать совмѣстно съ Франціей, и генералъ Флери долженъ считать себя счастливымъ, что въ деклараціи нейтралитета, сдѣланной Александромъ II, ничего не упоминалось о Габсбургской имперіи.

Въ депешѣ герцога Грамона къ Флери между прочимъ говорилось: «Если Пруссія будетъ настаивать на вступленіи на престолъ принца Гогенцоллернскаго, — будетъ война».

На эту депешу Флери послалъ отвѣтъ 7-го іюня, въ которомъ онъ дѣлаетъ выводъ изъ разговора, бывшаго наканунѣ съ Горчаковымъ: «Россія всегда желала установить дружеское согласіе между ею и Франціей. Но Франція должница Россіи, и было бы необходимо, чтобы она дала на Востокъ залогъ примиренія».

Черезъ день послѣ этой депеши генералъ Флери видѣлъ Александра II-го въ Красномъ, а 9-го онъ писалъ: «императоръ Александръ понимаетъ, насколько оскорбительно для Франціи предло-

женіе испанскаго престола принцу Гогенцоллерну. Его величество признаетъ, какъ бы ни былъ малозначителенъ кандидатъ, но не сдѣлался бы онъ въ данный моментъ знаменемъ для Пруссіи. Царь поручилъ увѣдомить императора, что у него есть важныя причины думать о неосуществимости заговора, составленнаго маршаломъ Примомъ».

11 іюля Флери увѣдомилъ герцога Грамона, что «канцлеръ отправился въ Германію съ приказаніемъ императора заставить въ Берлинѣ послушаться миролюбивыхъ совѣтовъ и подкрѣпить такимъ образомъ письмо, уже написанное прусскому королю въ томъ же смыслѣ. 12 іюля онъ писалъ Наполеону: «императоръ Александръ сдѣлаетъ все, что можетъ, для примиренія. Въ случаѣ войны я буду просить ваше величество довѣрить мнѣ командованіе кавалеріей, если ваше величество не пожелаетъ дать мнѣ постъ, болѣе близкій къ вамъ».

Въ тотъ же день посланникъ писалъ герцогу Грамону, что Александръ II, отъ котораго онъ только что вернулся, прочиталъ ему депешу къ дядѣ. «Онъ просилъ настоятельно прусскаго короля дать приказъ принцу Гогенцоллернскому отказаться отъ кандидатуры и взять обратно свое согласіе. Это было бы средство,—говорилось въ депешѣ,—успокоить справедливую обидчивость, возбужденную въ Парижѣ, такъ же, какъ въ Берлинѣ, съ которою обоимъ государямъ придется считаться. Александръ II прибавилъ: «Само собою разумѣется, если прусскій король приметъ это предложеніе, можно не колеблясь объявить, что онъ не заинтересованъ въ комбинаціяхъ маршала Прима. Война будетъ европейскимъ несчастіемъ, отъ котораго прибылъ получить революція. Скажите вашему правительству: я все сдѣлаю возможное, чтобы помѣшкать этому въ границахъ моихъ совѣтовъ и вліянія. Мое доброе расположеніе къ Наполеону не можетъ быть подъ сомнѣніемъ. Недавно герцогъ Омальскій и кто-то изъ его окружающихъ проектировала посѣтить великаго князя Константина и проѣхать по Россіи; я велѣлъ сказать принцамъ Орлеанскимъ, что послѣ недавняго голосованія палаты ихъ путешествіе по Россіи мнѣ кажется несвоевременнымъ».

Вмѣшательство императора Александра вызвало рѣшеніе принца Гогенцоллернскаго отказаться отъ испанскаго престола. Генералъ Флери имѣлъ долгое свиданіе съ Александромъ II, и 15 іюля онъ увѣдомилъ герцога Грамона: «Дѣло выиграно, благодаря его личному вмѣшательству. Онъ не можетъ болѣе вліять на прусскаго короля, гордость котораго уязвлена, и который также находится лицомъ къ лицу съ національнымъ чувствомъ, уже затронутымъ отказомъ принца Леопольда».

Несмотря на свой отказъ снова попытаться устроить дѣло съ Вильгельмомъ, императоръ, по словамъ Флери, опечалился,

видя, что война загорается изъ-за причины, которая не дозволяетъ ему вновь сдѣлаться посредникомъ. Французскій посланникъ получилъ 18 іюля письмо отъ Жомини. Въ немъ послѣдній, между прочимъ, говоритъ: «Если необходимость этой борьбы заставитъ Францію вовлечь въ нее Австрію, то война приметъ столь угрожающій характеръ для насъ, что, несмотря на наше желаніе, намъ будетъ тяжело оставаться безучастными зрителями. Могутъ случиться неожиданности, которыя принудятъ насъ воевать. Тогда откроется неодолимая бездна между Франціей и Россіей. Я васъ умоляю воспрепятствовать этимъ результатамъ».

Разрѣшеніе этого вопроса приходило къ концу, и посланникъ писалъ герцогу Грамону 13 іюля: «Положеніе здѣсь не безъ важности. Есть два теченія мнѣній: императоръ увлеченъ семейными идеями и вліяніемъ прусскихъ интересовъ. Наслѣдникъ и армія, напротивъ—за Францію, но приказываетъ царь. Очень важно нѣсколько руководить главными газетами и дѣйствовать на нихъ. Прошу васъ разрѣшить мнѣ благоразумные расходы, которые я считаю необходимыми сдѣлать».

Того же числа генералъ Флери извѣстилъ французскаго императора, что «Александръ проситъ Наполеона, если еще есть время, остановить окончательное рѣшеніе. Ночью онъ телеграфировалъ прусскому королю, что присоединяется къ ходатайству Англии на почвѣ трактата 1856 г. Царь теперь воодушевленъ самыми дружескими намѣреніями. Я постарался вернуть его къ его первому впечатлѣнію. Онъ обѣщаль нейтралитетъ въ случаѣ войны съ условіемъ, что Австрія не приметъ никакого участія».

Въ тотъ же день онъ писалъ герцогу Грамону: «императоръ Александръ пришелъ въ себя отъ перваго впечатлѣнія, причиненнаго ложными телеграммами изъ Берлина, увѣдомлявшими, что Грамонъ сказалъ Вертеру, будто прусскій король долженъ извиниться предъ императоромъ Наполеономъ».

Въ Россіи были убѣждены, по словамъ Флери, что Пруссія будетъ побѣждена, такъ какъ генералъ Тотлебенъ утверждалъ, будто Майнцъ былъ дурно защищенъ, и если Франція смѣло пойдетъ на него, и онъ будетъ взятъ,—успѣхъ послѣдней обезпеченъ.

Послѣ свиданія французскаго посланника съ императоромъ въ Петергофѣ 4 августа 1870 г. на замѣчаніе Александра II, что онъ очень сожалѣетъ о настойчивомъ желаніи Франціи вмѣшаться въ свой союзъ Данію, Флери отвѣчалъ: «Франція была согласна изъ угожденія Россіи лишиться участія Австріи, жертвуя выгодами отъ столь полезной диверсіи, относительно же Даніи и другихъ союзовъ не можетъ быть то-же самое». «Послѣ этого разговора Флери бесѣдовалъ тайно съ наслѣдникомъ, прося его поговорить съ отцомъ, прежде чѣмъ отправиться въ Копенгагенъ въ ту же ночь». «Наслѣдница и всѣ ея друзья совершенно намъ сочувствуютъ».

Императрица благоразумна, одинъ императоръ увлекается. Но онъ окончилъ, давъ мнѣ слово, что до послѣдняго дня не отдастъ приказа относительно передвиженія арміи, и сдѣлалъ лишь кое-какія приготовления, о которыхъ я уже вамъ говорилъ».

«Русскія газеты, очень самостоятельныя на политической національной почвѣ, оказываютъ намъ громадныя услуги. Было бы важно прійти къ нимъ на помощь и перепечатать изъ нихъ нѣкоторыя выдержки».

«Императоръ Александръ воодушевленъ честными и прямодушными намѣреніями. Онъ понимаетъ, что политикѣ и интересамъ его страны угрожаетъ успѣхъ и увеличеніе Пруссіи. Онъ признался мнѣ по этому поводу, и я вѣрю его искренности, но его затягиваютъ, какъ вы знаете, семейныя узы и нѣмецкіе инстинкты; необходимо его успокаивать безпрестанно относительно революціи во Франціи, которой онъ страшится. Чтобы узнать полное мнѣніе князя Горчакова, я объявилъ, согласно вашему предписанію, что Франція не сдѣлаетъ никогда мирнаго трактата, пока не изсякнутъ все средства защиты, какъ только подъ условіемъ неприкосновенности территоріи и сохраненія династіи. Канцлеръ отвѣтилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, династія непричастна къ этому вопросу. Онъ убѣжденъ, что перемѣна правительства во Франціи сначала повлечетъ за собою республику, и это будетъ несчастіемъ для всей Европы. Я выражаю вамъ это мнѣніе, окончилъ онъ, не для того, чтобы избѣжать вмѣшательства на этой почвѣ, такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, какъ извѣстно, мои личныя симпатіи пріобрѣли довѣріе Наполеона и его семьи».

Въ депешѣ къ Туръ д'Оверну посланникъ, упоминая о династіи, пишетъ: «Что же касается династіи, то царь первый заговорилъ о ней, и я съ удовольствіемъ вамъ сообщая, что онъ не только не поддерживаетъ, ни секретно, ни официально, какую либо орлеанскую кандидатуру, но еще убѣждаетъ меня, что прусскій король желаетъ поддерживать нашу династію. Надъ императоромъ тяготеетъ прусское вліяніе, и полезно періодически являться къ нему, чтобы оспаривать непрестанную работу Бисмарка надъ этой честной душой, но полной слабости и непостоянства. Онъ много разспрашивалъ меня относительно вѣрности и энергіи начальниковъ арміи».

6-го сентября 1870 года, послѣ Седанскаго погрома, посланникъ обратился съ просьбой объ отставкѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ временнаго французскаго правительства, Жюль Фавру, который, прежде чѣмъ получить телеграмму, уже отстранилъ его.

Несмотря на свое отвращеніе къ новому правительству Франціи, Александръ II внялъ, однако, голосу императрицы Евгеніи, умолявшей его въ письмѣ сохранить къ Франціи, какое бы ни было ея правленіе, тѣ же чувства, какія онъ выказывалъ династіи, и упо-

требить свое вліяніе, когда придетъ минута, чтобы могъ заключиться честный и продолжительный миръ. Это письмо изгнанной императрицы прибыло въ Петербургъ 17-го сентября на имя генерала Флери. Несмотря на то, что послѣдній не занималъ болѣе официального положенія, онъ немедленно добился аудіенціи у императора и вручилъ письмо лично Александру II. Посланникъ,—говоритъ его сынъ,—нашелъ, что намѣренія императора странно измѣнились. На его просьбу, посланную черезъ графа Шувалова, вмѣшательство государь отвѣтилъ, что событія измѣнили положеніе, и его намѣренія совершенно приняли другое направленіе, благодаря революціи. Насколько Евгения патріотично ступала передъ новымъ министерствомъ, настолько императоръ Александръ возмутился имъ. На письмо императрицы Евгении Александръ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Я получилъ, сударыня, письмо, которое ваше величество изволили мнѣ адресовать. Я понимаю и цѣню побужденіе, которое продиктовало его и заставило забыть ваши несчастія, чтобы думать только о несчастіи Франціи. Я искренно интересуюсь и горячо желаю, чтобы скорый миръ положилъ предѣлъ бѣдствіямъ для всей Европы. Я думаю, этотъ миръ будетъ тѣмъ болѣе солидный, чѣмъ онъ явится болѣе справедливымъ и умѣреннымъ. Я сдѣлалъ и буду продолжать дѣлать все зависящее отъ меня, чтобы споспѣшествовать тѣмъ результатамъ, которые я призываю всей душой. Благодарю васъ за добрую память и за довѣріе къ моимъ чувствамъ. Возобновляя мои увѣренія, остаюсь вашего величества

«добрый братъ

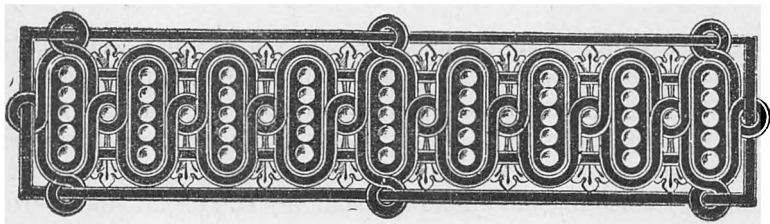
«Александръ».

Это письмо было послано изъ Царскаго Села 20-го сентября (2-го октября) 1870 года. Текстъ съ его копіи сынъ Флери доставилъ въ Петербургъ въ 1870 году.

Въ это время прежній посланникъ всѣми силами старался вліять на русскаго канцлера съ цѣлью измѣнить неблагоприятное мнѣніе о новомъ французскомъ правительствѣ 4-го сентября.

Благодаря его настояніямъ, петербургскій кабинетъ согласился посоветовать прусскому правительству начать переговоры съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Свиданіе состоялось 19-го сентября въ Феррьерѣ. Бисмаркъ сначала отказалъ въ перемиріи и принялъ Жюль Фавра свысока и напрямикъ поставилъ вопросъ объ Эльзасѣ. На другой день, посоветовавшись съ королемъ, на котораго вліялъ Александръ, Бисмаркъ рѣшился заключить миръ, съ условіемъ уступки Страсбурга съ его предмѣстьями. Жюль Фавръ, какъ извѣстно, отказался отъ исполненія этого условія, и война продолжалась. «Александръ II, видя, что его великодушное вмѣшательство, говоритъ Флери, осталось безплодно, болѣе не вмѣшивался и строго держался нейтралитета».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

**Н. Н. Лендеръ. Разказы путника. (Издание А. С. Суворина).
Спб. 1902.**

РАЗКАЗЫ путника—это уже восьмая книжка того же автора. Первые семь посвящены путешествіямъ. Г. Лендеръ основательно объѣздилъ весь югъ Россіи, Кавказъ и Черноморское побережье, Поволжье, а также посѣтилъ Царьградъ, святыя мѣста и Египетъ. Во время этихъ поѣздокъ передъ нимъ промелькнулъ цѣлый рядъ разнообразныхъ картинокъ, лицъ и характеровъ. Путешествіе очень полезно для молодыхъ писателей: оно знакомитъ ихъ съ жизнью при различныхъ обстановкахъ, даетъ рядъ живописныхъ образовъ, расширяетъ кругозоръ. Последняя книжка автора составлена изъ его беллетристическихъ работъ. Это все небольшіе наброски образовъ и положеній, болѣе или менѣе драматическихъ и довольно разнообразныхъ по содержанию. Во всѣхъ этихъ очеркахъ есть движеніе, что придаетъ имъ интересъ, есть чувство мѣры и желаніе быть правдивымъ. Во многихъ изъ нихъ авторъ является стороннимъ наблюдателемъ. Ему попалось на пути интересное лицо, интересное положеніе, которое можетъ развернуться къ драму; онъ заноситъ его въ свою книжку и, какъ истинный путникъ, идетъ далѣе, довольствуясь наблюденнымъ имъ отрывкомъ изъ жизни, какъ бы опасаясь или не желая прослѣдить эту жизнь болѣе широко.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ очерковъ составляютъ исключеніе. Таковы: «Весна», «Разрывъ», «Чужіе», «Въ деревнѣ» и «У тихой пристани». Всѣ они связаны между собою одними и тѣми же дѣйствующими лицами. Въ пяти небольшихъ главкахъ разказывается исторія нѣкоего Радшина и молодой и даровой актрисы Ольги Петровны; они женятся по любви, но безыконой артистическая натура побуждаетъ Ольгу покинуть любимаго мужа и его богатое

помѣстѣе и опять броситься въ водоворотъ бродячей актерской жизни; но истеченіи вѣкотораго времени закулисныя интриги и душевная усталость заставляютъ ее вспомнить про тихій уголокъ, гдѣ она оставила добраго и преданнаго ей человѣка; она бросаетъ сцену и возвращается къ мужу, который и встрѣчаетъ ее съ распростертыми объятіями; съ его стороны ни жалобъ, ни упрековъ... «Она же забыла обо всемъ. Она успокоилась: она дома!» Если бы было побольше такихъ мужей, то для женщинъ съ артистическими натурами было бы не житье, а масленица. Такова канва драмы, въ сущности, довольно сложной, но рассказанной г. Лендеромъ въ пяти главкахъ. При такой краткости всѣ душевныя страданія и перипетіи, пережитыя супругами, только намѣчены. По прочтеніи этихъ очерковъ, даже кажется, что Радшинъ особенно не страдалъ отъ разлуки съ вѣжно любимой женщиной, но когда она вернулась, то очень обрадовался; пассивная, но счастливая натура!

Тѣмъ не менѣе, эта исторія читается съ интересомъ, благодаря правдивости и пріятному стилю автора, а также сердечной деликатности, съ которой онъ обходитъ отрицательныя стороны своей героини. Здѣсь авторъ какъ будто измѣняетъ спокойному безстрастію путника, которому надо куда-то торопиться; онъ останавливается на симпатичномъ ему типѣ женщины и, несмотря на всѣ ея приключенія на волнахъ житейскаго моря, заставляя ее одуматься и водворять ее у семейнаго очага въ противность баснѣ, въ которой стрекозу, послѣ того какъ она все пѣла, заставляютъ еще поплясать...

А. Б—кій.

Профессоръ А. П. Лебедевъ. Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Изданіе второе. М. 1902.

Неутомимый русскій ученый, талантливый изслѣдователь судебъ христіанской церкви, плодовитый писатель и прекраснѣйшій популяризаторъ въ нашемъ обществѣ научнаго церковно-историческаго знанія, профессоръ А. П. Лебедевъ успѣшно продолжаетъ изданіе полнаго собранія своихъ сочиненій. Предъ нами новый томъ этого собранія, посвященный исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV столѣтія, т. е. отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 году. И этотъ томъ представляетъ большой интересъ въ различныхъ отношеніяхъ.

Онъ состоитъ изъ шести отдѣльныхъ очерковъ и приложенія. Въ первомъ очеркѣ (стр. 1—44) излагается взглядъ на взаимныя отношенія церкви греческой и латинской въ XI—XV вѣкахъ. Здѣсь почтенный ученый прочно устанавливаетъ тотъ научно-историческій фактъ, что въ отмѣченное время отношенія между греческой и латинской церквами были враждебныя. Причиной этого былъ рядъ новыхъ столкновеній между греками и латинянами, которые не только не содѣйствовали умиротворенію церковей, нарушенному въ IX и XI вѣкахъ, но еще болѣе усиливали взаимный антагонизмъ. Однимъ изъ значительныхъ факторовъ, содѣйствовавшихъ взаимному отчужденію грековъ и ла-

тинянь, были крестовые походы. Эти походы сопровождались, какъ извѣстно, грабежами, убійствами и варварскимъ обращеніемъ рыцарей креста съ греческимъ населеніемъ, его собственностью, святынями, монастырями и породили въ грекахъ такую ненависть къ мнимымъ ихъ братьямъ—латинянамъ, которая залегла въ народной памяти и сознаніи на цѣлые вѣка. Достаточно ознакомиться съ современными византійскими разсказами о завоеваніи латинянами городовъ Фессалоники (въ 1185 г.) и Константинополя (1204 г.), чтобы видѣть вполне основательную причину ненависти грековъ къ латинянамъ. Затѣмъ, вражда разжигалась и презрительными отзывами римскихъ папъ и западныхъ королей о греческой церкви, какъ еретической, полемическими нападками латинскихъ писателей на православную вѣру и церковные обычаи грековъ, какъ исполненные ошибокъ и заблужденій, и обличеніями со стороны латинянь греческаго духовенства и монашества въ различныхъ религіозныхъ и нравственныхъ недостаткахъ и т. п. Разумѣется, византійцы не оставались въ долгу и въ свою очередь отвѣтили латинянамъ громаднымъ числомъ полемическихъ трактатовъ и діалоговъ, въ коихъ изобличили дѣйствительныя отступленія латинянь отъ истинно-христіанской догмы и ихъ противоцерковныя обрядовыя, заблужденія. Такимъ образомъ, почва для взаимной религіозной вражды была вполне благоприятна. Однако же нельзя полагать, что въ XI—XV вѣкахъ совершенно были порваны всѣ связи между востокомъ и западомъ, напротивъ, нѣкоторые факты свидѣтельствуютъ и о чувствахъ взаимнаго братства и любви между греками и латинянами. Къ сожалѣнію, эти немногіе голоса, раздававшіеся какъ на востокъ, такъ и на западъ, призывавшіе къ единенію, были не настолько сильны, чтобы голоса, иначе звучашіе, потеряли значеніе,— и раздѣленіе между церквами не могло смѣниться согласіемъ и братствомъ.

Во второмъ очеркѣ (стр. 45—105) изображается религіозно-нравственный характеръ Византійской имперіи отъ конца XI до половины XV вѣка. Здѣсь профессоръ Лебедевъ ведетъ весьма обстоятельную рѣчь о религіозно-нравственной жизни византійскихъ императоровъ, напримѣръ, Алексѣя Комнина и его сына Іоанна, Мануила и Андроника Комниновъ, Іоанна Ватади, нѣкоторыхъ императоровъ пзъ династіи Палеологовъ, затѣмъ представляетъ характерныя черты нравственной жизни высшихъ и низшихъ классовъ византійскаго общества, духовенства и монашества. Въ заключеніи очерка авторъ говоритъ: «если безпристрастно станемъ оцѣнивать, чего больше было въ религіозно-нравственной жизни византійцевъ—хорошаго или худого, то, къ сожалѣнію, должны будемъ сознаться, что отъ стеченія различныхъ причинъ очень много зла накопилось въ греческомъ христіанскомъ народѣ изучаемыхъ вѣковъ» (стр. 103—104).

Въ третьемъ очеркѣ рѣчь идетъ объ отношеніи государственной власти къ церкви (стр. 106—167). Западноевропейскіе писатели характеризуютъ отношенія византійскихъ императоровъ къ церкви, какъ цезаропанизмъ, т. е. считали византійскихъ императоровъ одновременно и царями и первосвященниками. Это мнѣніе, по объясненію г. Лебедева, отчасти несправедливо, отчасти справедливо: оно несправедливо, когда въ подобныхъ отношеніяхъ императоровъ въ ихъ церкви хотятъ видѣть какую-то систему или законъ, будто бы су-

ществовавшие въ Византіи, и справедливо въ томъ случаѣ, когда считаютъ это явленіе единичнымъ, частнымъ и, конечно, ненормальнымъ, не имѣвшимъ для себя основанія въ законоположеніи ни церковномъ, ни гражданскомъ, но, разумѣется, послѣдняя точка зрѣнія должна быть признана единственно правильной, и никакого цезаропализма, какъ системы и законоположенія, въ Византіи не существовало. Были лишь злоупотребленія со стороны императоровъ, вслѣдствіе поущенія слабыхъ византійскихъ патріарховъ, но, съ другой стороны, можно указать цѣлый рядъ фактовъ, когда эти злоупотребленія встрѣчались энергичный отпоръ со стороны высшей церковной власти, и тогда отношенія императоровъ къ церкви входили въ обычную, установленную церковными законами норму, которая характеризовалась независимостью церкви отъ государства въ своей внутренней жизни и дѣятельности. Представивъ общую характеристику вопроса, г. профессоръ Лебедевъ разсматриваетъ далѣе отношенія къ церкви со стороны императоровъ Алексѣя и Мануила Комниновъ, Исаака Ангела, Михаила Палеолога, Андроника Старшаго и другихъ, принимавшихъ немалое участіе въ церковныхъ дѣлахъ.

Въ четвертомъ очеркѣ (стр. 168—366) обозрѣвается церковно-общественная дѣятельность іерарховъ византійско-восточной церкви. Нарисовавъ идеалъ настыря, по воззрѣніямъ византійскихъ писателей Никифора Григоры и Георгія Пахимера, профессоръ А. П. Лебедевъ обозрѣваетъ потомъ жизнь и дѣятельность выдающихся константинопольскихъ патріарховъ отъ конца XI вѣка до завоеванія Константинополя турками, а затѣмъ характеризуетъ двѣ партіи въ византійскомъ духовенствѣ—зилотовъ и политиковъ. Партія зилотовъ или ревнителей заявила себя поборницею свободы и независимости церкви, не дѣлала въ области церковной никакихъ уступокъ царской власти и не боялась, ради своихъ идей, вступать въ столкновенія съ властями и обществомъ, хотя бы это вело къ смутамъ и безпорядкамъ. Зилоты не отличались образованностью, настырей строгихъ по жизни предпочитали ученымъ, а въ личной своей жизни руководились началами суроваго аскетизма. Политики же или умѣренные искали для церкви поддержку къ государствѣ, глубоко уважали государственную власть, стремились къ образованію и высоко цѣнили людей ученыхъ. Столкновенія этихъ партій вызвали въ Византіи большія смуты, наблюдаемая почти въ теченіе всего существованія Византійской имперіи, въ частности въ XI—XV вѣкахъ, какъ это обстоятельно и показываетъ г. Лебедевъ въ разсматриваемой книгѣ. Въ этомъ же очеркѣ описывается матеріальное положеніе византійско-восточнаго духовенства, а въ заключеніи его кратко обозрѣвается состояніе церковно-общественной жизни въ патріархатахъ Александрійскомъ, Ангіохійскомъ и Іерусалимскомъ, еще въ VII вѣкѣ потерявшихъ свою политическую независимость.

Въ пятомъ очеркѣ (стр. 367—445) рѣчь идетъ о духовномъ просвѣщеніи и состояніи богословской науки въ Византіи съ конца XI до половины XV вѣка. И здѣсь на прочныхъ научныхъ данныхъ твердо устанавливается профессоромъ Лебедевымъ тотъ безспорный фактъ, что въ Византіи въ разсматриваемую эпоху просвѣщеніе стояло очень высоко, особенно въ царствованіе династіи Комниновъ и нѣкоторыхъ Палеологовъ, которые отли-

чались замѣчательнымъ меценатствомъ, сами были люди всесторонне образованные, учреждали школы, покровительствовали ученымъ и вообще всѣми средствами поддерживали научно-литературное движеніе въ странѣ. Но были въ разсматриваемую эпоху и времена упадка византійскаго просвѣщенія. Такъ было въ эпоху латинскаго господства въ Константинополѣ (1204—1261 г.) и наканунѣ турецкаго завоеванія. Византійское образованіе имѣло богословскій характеръ по преимуществу, но устойчиво держались на византійской почвѣ и традиціи классицизма, а также пышнаго, сравнительно, расцвѣта достигла и философія, въ формѣ возродившихся платонизма и аристотелизма. Охарактеризовавъ византійское просвѣщеніе въ общихъ чертахъ, г. профессоръ Лебедевъ переходитъ къ обзору литературныхъ произведеній по различнымъ отраслямъ богословской науки, именно: священной эстетики (Евѣній Зигавинъ), догматикѣ и полемикѣ (Зигавинъ, Никита Хоніатъ, Николай Метонскій), исторіи церкви (Никифоръ Каллистъ) и церковно-практическимъ наукамъ (Евѣній Фессалоникійскій, Николай Кавасила).

Въ шестомъ очеркѣ (стр. 446—458) г. профессоръ Лебедевъ описываетъ паденіе Константинополя въ 1453 году, по поводу коего онъ, между прочимъ, говоритъ: «если нынѣшнюю Турецкую имперію съ ея плохимъ финансовымъ положеніемъ, голоднымъ и разутымъ войскомъ, неурядицами въ администраціи единогласно называютъ «больнымъ человѣкомъ», то мы, право, затрудняемся, какъ назвать Византію середины XV вѣка. Теснѣющая Турція по сравненію съ тогдашней Византіей—могущественное государство. И если Византія наконецъ пала, то это значило только, что старый, давно заброшенный домъ, остававшійся безъ призора и ремонта, рухнулъ, какъ и слѣдовало того ожидать» (стр. 446). Но «паденіе Константинополя, пишетъ г. Лебедевъ въ заключеніи очерка, было такъ давно, что пора бы наступить другому событію—освобожденію этого великаго города изъ рукъ недостойныхъ его обладателей турокъ» (стр. 458).

Въ приложеніи (стр. 459—489) помѣщенъ этюдъ подъ заглавіемъ: «Общество любителей духовнаго просвѣщенія въ Византіи давняго времени». Здѣсь почтенный ученый показываетъ, что въ Византіи, начиная съ Константина Великаго и почти вплоть до паденія имперіи, существовало нѣчто въ родѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія, находившагося подъ покровительствомъ и руководствомъ императоровъ, засѣдавшего преимущественно въ царскомъ дворцѣ и проявлявшего свою дѣятельность въ ученыхъ собраніяхъ и бесѣдахъ на богословскія темы. Общество вносило большое оживленіе въ учено-литературную византійскую сферу и такъ называемую публику и представляло одну изъ замѣчательныхъ особенностей въ культурной жизни Византіи.

Новый томъ собранія церковно-историческихъ сочиненій профессора А. П. Лебедева представляетъ, какъ видно и изъ краткаго обзора его содержанія, большой научный интересъ. Почтенный ученый весьма отчетливо изобразилъ здѣсь внутреннюю жизнь византійско-восточной церкви въ XI—XV вѣкахъ, нарисовалъ яркую картину ея разнообразнаго и богатаго мощными запросами движенія и на основаніи прочныхъ научныхъ данныхъ утвердилъ свои сужденія и выводы касательно высокаго культурнаго расцвѣта Византіи.

Книга профессора Лебедева читается весьма легко, такъ какъ написана прекраснымъ популярнымъ языкомъ, который дѣлаетъ ее доступной и для читателей средняго образованія.

Σ.

В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и материалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902.

Перетцъ, не такъ давно выступившій съ первыми учеными трудами (кажется, это было лѣтъ 8 тому назадъ), но уже успѣвшій дать много объемистыхъ работъ, выпустилъ недавно 3-й томъ своихъ историко-литературныхъ изслѣдованій, примыкающій по своей темѣ непосредственно къ первому ихъ тому. Предметъ изслѣдованія — специальный въ высшей степени, не могущій заинтересовать никого, кромѣ специалистовъ. Заглавіе труда г. Перетца «Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в.» какъ будто бы заключаетъ намеки на то, что тема представляетъ общій, историко-литературный интересъ, но г. Перетцъ остановилъ свое вниманіе не на содержаніи произведеній, а на ихъ формѣ, да и здѣсь ограничилъ себя изученіемъ исторіи стихотворной формы, стихосложенія, взявъ одинъ моментъ этой исторіи — начало XVIII вѣка. Всѣмъ извѣстенъ стихъ сѣверно-русскихъ былинъ; нужно думать, что эта форма существовала искони, быть можетъ, даже была первоначальной формой стиха. Опять-таки всѣмъ извѣстенъ (изъ теоріи словесности) силлабическій стихъ, переданный впервые въ малорусскую литературу, а уже потомъ и въ великорусскую. Въ первой онъ принялся, и взаимодѣйствіе стараго народнаго стиха и силлабическаго, выразившееся въ тонизаціи послѣдняго, приводитъ къ сближенію съ народной рѣчью. Это сближеніе характеризуетъ эволюцію малорусскаго стиха; въ Великороссіи же силлабическій стихъ не получилъ распространенія и на первыхъ же порахъ встрѣтилъ помѣху въ метро-тоническомъ стихѣ. Первымъ шагомъ этого метро-тоническаго стиха, дожившаго въ XIX вѣкѣ до блестящаго расцвѣта, посвящена основная часть изслѣдованія г. Перетца, та часть, въ которой выводы свѣжи и оригинальны.

Всѣ изъ теоріи словесности знаютъ, что метро-тоническій стихъ введенъ въ русскую литературу В. К. Тредьяковскимъ, и что въ этомъ — главная его заслуга. Г. Перетцъ на основаніи массы новыхъ фактовъ лишаетъ почтеннаго поэта права на эту заслугу. Принято вѣрить признанію Тредьяковскаго, что народныя пѣсни навели его на мысль бросить силлабическій размѣръ. Но это признаніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: теоретическія соображенія въ пользу новой формы стиха высказывались въ многочисленныхъ рукописяхъ и до Тредьяковскаго, а онъ только печатно повторилъ ихъ. И не онъ первый началъ писать метро-тоническіе стихи. Тредьяковскій заимствовалъ эту форму (тутъ изслѣдователь стѣсняется обозначить настоящимъ терминомъ дѣйствія Тредьяковскаго) у двухъ ученыхъ нѣмцевъ, которые просто-напросто переводили съ своего языка размѣрами подлинника, т. е. писали тоническіе стихи. Это — пасторъ Глюкъ и магистръ философіи Галльскаго университета, I. В. Паусъ, сначала учитель въ школѣ Глюка и въ своей собственной, а потомъ, съ

1726 года—главный переводчик Петербургской академіи наукъ. Паусъ былъ очень трудолюбивый нѣмецъ; оставшіяся послѣ его смерти рукописи были переданы въ академическую бібліотеку и здѣсь пролежали до сихъ поръ, и не то, чтобы ихъ никто не касался; напротивъ, академики XVIII вѣка и касались ихъ, но считали болѣе удобнымъ не сообщать о своемъ знакомствѣ съ этими рукописями. Паусъ—дѣйствительно основательно забытый человекъ, но не справедливо: человекъ, вмѣстѣ съ Глюкомъ насадившій тоническій стихъ. Стихъ Жюковскаго и Пушкина не заслуживалъ бы такого отношенія, но г. Перетцъ спасъ Пауса отъ забвенія, не только отмѣтивъ его заслугу, но и остановившись подробно на его біографіи и давъ обзоръ его трудовъ и изданіе его стиховъ. У Тредьяковскаго отнято право на признательность потомковъ за введеніе тоническаго стиха.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе любопытнаго, обстоятельнаго и объемистаго (IV—426—168 стр.) труда г. Перетца. Выводы его о первыхъ шагахъ тоническаго стиха, конечно, основательны, изслѣдованіе сдѣлано тщательно, привлечено очень много новаго матеріала, напечатано много новыхъ текстовъ. Все бы казалось хорошо, но гдѣ-то въ глубинѣ возникаетъ вопросъ, не черезчуръ ли тщательно, не черезчуръ ли много новаго матеріала, новыхъ текстовъ. Это—вопросъ не праздный и не посягающій на научное значеніе подобныхъ трудовъ. Вѣдь, въ сущности, нельзя на виду оставлять всю черную работу, вѣдь для выводовъ, даваемыхъ трудомъ г. Перетца, можно было бы не печатать огромнаго тома въ 40 печатныхъ листовъ, можно было бы все содержаніе работы сжать въ нѣсколькихъ печатныхъ листахъ. А сырые матеріалы! Нельзя же печатать все понавнше подъ руку матеріалы! Если поставить себѣ задачей изданіе всѣхъ матеріаловъ, подумайте, что за безконечный и скучный процессъ будетъ представлять наука. Относительно матеріаловъ, напечатанныхъ г. Перетцемъ (главнымъ образомъ, матеріалы о Паусѣ), можно сказать, что ихъ слишкомъ много, и всѣ они однообразны, и всѣ они наводятъ на одни и тѣ же мысли, и всѣ они будутъ покоиться въ книгѣ г. Перетца до тѣхъ поръ, пока вновь не станутъ сырымъ матеріаломъ. Г. Перетцъ сдѣлалъ всѣ возможные выводы на основаніи трудовъ Пауса, и дальнѣйшій интересъ къ нимъ будетъ нездоровымъ. Самъ г. Перетцъ чувствуетъ, что дѣло не ладно съ этими матеріалами. «Въ этой книгѣ, пишетъ онъ въ предисловіи, можетъ быть, слишкомъ много сырого, необработаннаго матеріала. Но — «*vita brevis*»... и я буду счастливъ, если собранный и опубликованный мною матеріалъ вызоветъ среди ученыхъ живой интересъ къ затронутой мною эпохѣ и болѣе детальныя изслѣдованія». Но вѣдь это—слова, и притомъ слова, въ которыхъ чувствуется противорѣчіе. И въ наукѣ нужно заботиться о томъ, чтобы важно отдѣлять отъ неважнаго, нужно ставить на первомъ планѣ задачи науки, а не процессъ научнаго изслѣдованія, собранія и публикаціи матеріаловъ и т. д. Не наука для матеріаловъ, а матеріалы для науки, не вообще сырые матеріалы, а матеріалы для научныхъ построеній.

П. Ц.

Графъ Павелъ Шереметевъ. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. Москва. 1902.

На святкахъ прошлаго года авторъ названной книги получилъ приглашеніе отъ своего знакомаго, гр. А. А. Бобринскаго, принять участіе въ устраиваемой имъ охотѣ на лосей и медвѣдя. За косматымъ обитателемъ лѣсовъ приходилось ѣхать далеко въ самую глушь Кирилловскаго уѣзда Новгородской губерніи. Путь охотниковъ лежалъ по желѣзной дорогѣ до Вологды, а затѣмъ нужно было ѣхать болѣе 100 верстъ въ сторону на лошадиныхъ мимо занесенныхъ сугробами деревень и знаменитыхъ въ древности, но теперь запустѣвшихъ монастырей Терапонтава и Кириллова. Плодомъ этой поѣздки и явилась только что вышедшая книга. Несмотря на существованіе въ нашей литературѣ такихъ капитальныхъ трудовъ по описанію нашего сѣвера, какъ «Годъ на сѣврѣ», «Лѣсная глушь» Максимова и сравнительно недавно вышедшая книга Случевского «По сѣверо-западу Россіи», и путевыя записки гр. Шереметева окажутся у насъ далеко не лишними. Дѣло въ томъ, что изслѣдователи обращали свое вниманіе главнымъ образомъ на рѣчные пути и бѣломорское побережье, а такая глушь, въ которую забрались охотники, извѣстна пока еще мало. Авторъ, видимо, прекрасно подготовленъ къ путешествію и потому во время пути имѣлъ возможность сдѣлать немало такихъ наблюденій, которыя не заинтересовали бы обыкновеннаго проѣзжаго человѣка или бы просто ускользнули отъ его вниманія.

Послѣ пребыванія въ тѣсномъ и шумномъ городѣ, тишь и просторъ безконечныхъ снѣжныхъ равнинъ заставляютъ путника переживать немало своеобразно пріятныхъ настроеній. Естественно поэтому, что гр. Шереметевъ, не гонаясь за особенной стройностью изложенія, пожелалъ въ своей книгѣ, такъ сказать, закрѣпить все видѣнное и слышанное во время поѣздки. Трудъ его носитъ характеръ дневника, въ который авторъ вносилъ все, что встрѣчалось на пути любопытнаго и съ его точки зрѣнія цѣннаго. Бытовая сторона и условія мѣстной жизни интересуютъ автора сравнительно мало, и все его усилія направлены къ отысканію и осмотру сохранившихся остатковъ старины. Съ этой цѣлью онъ неукоснительно осматриваетъ встрѣчающіяся на пути церкви, ѣдетъ въ Терапонтонъ монастырь, гдѣ въ его памяти живо воскресаетъ фигура «собиннаго» друга царя Алексѣя, величаваго патріарха Никона, проведеннаго здѣсь нѣсколько лѣтъ въ заточеніи; посѣщаетъ знаменитый въ русской исторіи монастырь Кирилло-Бѣлозерскій и старается разыскать тамъ могилы своихъ предковъ, бояръ Шереметевыхъ. Древности и сокровища монастырскихъ ризницъ и остатки когда-то богатыхъ рукописныхъ собраній пользуются самымъ серьезнымъ вниманіемъ автора. Въ долгіе зимніе вечера, останавливаясь на ночлегъ, онъ собираетъ цѣлую коллекцію мѣстныхъ узоровъ и записываетъ заговоры, сказки и былины, еще сохранившіяся съ грѣхомъ пополамъ въ памяти вымирающихъ мѣстныхъ сказителей. Въ дневникѣ попутно рисуются иногда и жанровыя сценки въ родѣ, напримѣръ, подгулявшей компаніи молодыхъ интеллигентовъ, разсуждающихъ въ грязноватой залѣ вологодской гостиницы о политико-экономическихъ вопросахъ. Въ ихъ рѣчахъ еще слышатся отголоски

марканизма, несмотря на то, что въ столицахъ онъ уже успѣлъ сойти со сцены. Или вотъ передъ читателемъ любопытная фигура одного изъ мѣстныхъ захолаустныхъ обитателей изъ крестьянъ, который, жалуясь на произволъ мѣстнаго земскаго начальника, къ удивленію автора, распространился о неудобствѣ соединенія въ одномъ лицѣ власти судебной и полицейской. Какъ оказалось потомъ, этотъ крестьянинъ выписывалъ изъ С.-Петербургскаго комитета грамотности немало книгъ и старался распространять ихъ въ народѣ. Скоро однако просвѣтительной его дѣятельности былъ положенъ конецъ, и вотъ онъ обращается къ проѣзжимъ гостямъ съ такимъ характернымъ недоумѣніемъ: «Меня томить вопросъ, что значить это запрещеніе, стало быть, это нѣкій тормазь».

Не имѣя значенія объективнаго научнаго изслѣдованія, какъ заявляетъ и самъ авторъ, книга гр. Шереметева, написанная, кстати сказать, живымъ, не лишеннымъ своеобразной свѣжести языкомъ, сильнѣйшимъ образомъ отражаетъ его личное настроеніе и его археологическія симпатіи. Отношеніе автора къ родной старинѣ самое любовное, что представляетъ большую рѣдкость въ нашемъ беззаботномъ насчетъ старины обществѣ. Забравшись въ этотъ «свѣтлый» сѣверный край, онъ переносится мысленно въ другое время, къ другой жизни и «съ наслажденіемъ вдыхаетъ свѣжій воздухъ древности».

Книга съ вѣшной стороны издана прекрасно, въ альбомномъ форматѣ и снабжена значительнымъ количествомъ фототипій. М.

Ө. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ. Часть II. Спб. 1902.

М. О. Меньшиковъ. Критическіе очерки. Томъ II. Спб. 1902.

Жалуются на оскудѣніе литературной критики, но съ перваго взгляда эти жалобы оказываются неосновательными. Подумайте только, что никто изъ нашихъ извѣстныхъ критиковъ, ни Вѣлинскій, ни Чернышевскій, ни Добролюбовъ, ни Писаревъ, не дождался при своей жизни собранія своихъ сочиненій или даже просто отдѣльнаго изданія хоть бы только избранныхъ статей. А теперь, за послѣдніе три года, сколько появилось критическихъ трудовъ, не только этюдовъ, впервые являющихся въ отдѣльныхъ изданіяхъ, но и собраній журнальныхъ статей! Современные критики снѣшаютъ вынустить отдѣльнымъ изданіемъ собраніе всѣхъ строкъ, помѣщенныхъ ими даже и не въ журналахъ, а въ газетахъ. Но, увы, этотъ видимый ростъ критической литературы нужно поставить за счетъ расширивающагося сирота и предложенія на книги вообще, и формальный избытокъ критической литературы все-таки не можетъ покрыть внутренняго его оскудѣнія.

Передъ нами—два сборника критическихъ очерковъ, это—не первый дебютъ автора, это—уже вторые томы «очерковъ». Г. Меньшиковъ—журналистъ и критикъ по профессіи, г. Батюшковъ—ученый, выступающій на журнальномъ поприщѣ изрѣдка съ темами, почему либо глубоко его интересующими. Г. Меньшиковъ и г. Батюшковъ отличаются другъ отъ друга манерой чтенія художественныхъ произведеній. Первый—читатель-любитель съ из-

вѣстнымъ среднимъ эстетическимъ критеріемъ, съ обычными средними представлениями о художественности, искусствѣ и т. д., читатель, которому нельзя отказать въ извѣстномъ вкусѣ, все сужденія котораго опираются на его вкусъ; второй — читатель-филологъ, обладающій умѣньемъ филолога читать книги, тѣмъ умѣньемъ, которое такъ высоко цѣнить Ницше. Г. Меньшиковъ знакомъ со всеобщей литературой, именно, какъ любитель, въ ея лучшихъ, классическихъ произведеніяхъ; г. Батюшковъ — специалистъ по исторіи литературы. Общія убѣжденія г. Меньшикова носятъ слѣды ученія Толстого о мирной культурной дѣятельности и проникнуты этическимъ настроеніемъ, при чемъ этика г. Меньшикова — отраженіе этики Льва Толстого, значительно уступаетъ своему прототипу въ глубинѣ и проникновенности. Г. Батюшковъ тоже серьезно интересуется нравственными проблемами, но нѣсколько иначе. Въ художественномъ произведеніи его вниманіе приковываетъ его нравственная сторона; онъ тщательно анализируетъ данное произведеніе, стремясь найти отвѣтъ на свои вопросы. Свои разборы онъ приурочиваетъ къ выясненію опредѣленнаго вопроса, будетъ ли то вопросъ этики, или искусства. И съ внѣшней стороны очерки г. Меньшикова отличаются отъ очерковъ г. Батюшкова. Первый пишеть живо и бойко, какъ журналистъ, набившій себѣ руку; второй пишеть, какъ ученый, сжато и немного тяжело. Но этюды г. Батюшкова, вызванные не потребностями минуты, а вдумчивымъ настроеніемъ автора, представляютъ дѣйствительный интерес не только для современнаго читателя; они принадлежатъ дѣйствительно къ произведеніямъ критической литературы и сохранять свое значеніе и на будущее время. А очерки г. Меньшикова врядъ ли представляютъ интересъ и для современнаго читателя и безусловно потонуть въ морѣ другихъ критическихъ очерковъ.

«Довлѣетъ дневи злоба его»... и очерки г. Меньшикова были умѣстны въ журналѣ, газетѣ (все они, между прочимъ, печатались въ «Недѣлѣ»): читатели въ свое время прочли ихъ и забыли. Вѣдь эти очерки — разговоръ, живой и интересный, о различныхъ литературныхъ явленіяхъ, но только разговоръ, содержаніе котораго забывается по окончаніи бесѣды. Въ книгѣ г. Меньшикова именно разговоры. Вотъ, напримѣръ, разговоръ о разрядѣ изящной словесности при академіи наукъ, при чемъ на 30 страницахъ г. Меньшиковъ доказываетъ, что музы не нуждаются въ покровительствѣ. Вотъ бесѣда по случаю появленія 13-го тома сочиненій Л. Толстого; г. Меньшиковъ на 9 страницахъ обращаетъ вниманіе на то, что статьи Толстого, собранныя вмѣстѣ, производятъ впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ каждая въ отдѣльности. А вотъ «Слово о мужикахъ» — небольшой и легкій разговоръ читателя-любителя о «Мужикахъ» Чехова. Очеркъ «Замѣтки о языкѣ» — разговоръ на тему о томъ, что общество огражденія чистоты русскаго языка не можетъ направить развитіе языка въ ту или другую сторону. Болѣе содержательны очерки о Мережковскомъ и его взглядахъ на Пушкина («Клевета обожанія») и Горькомъ («Красивый цинизмъ»). Какое значеніе имѣетъ вкусъ въ разсужденіяхъ г. Меньшикова, видно хотя бы изъ слѣдующаго парадокса: «иногда, при нѣкоторомъ талантѣ, писателю достаточно красивой наружности, чтобы составить себѣ имя, — достаточно даже

эффектной шевелюры». Въ послѣднемъ очеркѣ г. Меньшикова встрѣчаемъ слѣдующія строки: «меня спросятъ, почему же въ такомъ случаѣ мы, пишущіе, пишемъ статьи и книги. По моимъ наблюденіямъ, почти всё мы пишемъ не для народа, а для себя. Въ худшемъ случаѣ хочется дешевой славы, денегъ, — въ лучшемъ—хочется облегчать свою душу отъ груза чувствъ и мыслей. Намѣреніе «послужить народу»—только оправданіе себя». Золотыя слова! Остается еще спросить: зачѣмъ выпускать отдѣльнымъ изданіемъ все, что пишешь въ журналахъ и газетахъ?

Содержаніе книжки г. Ватюшкова—довольно разнообразно. Изъ историко-литературныхъ очерковъ отмѣтимъ любопытную параллель: взгляды на мужика у Бальзака, Чехова и Короленка, интересный и содержательный этюдъ—опять параллель между Пушкинымъ и Расиномъ («Борисъ Годуновъ» и «Атталія»). Въ книжкѣ даны характеристики критическихъ взглядовъ Н. К. Михайловскаго («Критикоуравнитель»), личности Л. Н. Майкова («Гуманистъ-академикъ») —вдумчиво и тепло написанный этюдъ, личности и поэзіи Влад. Соловьева («Памяти В. С. Соловьева»). Статья «о смѣнѣ поколѣній и объ искателѣ» посвящена Вл. Короленку, произведенія котораго авторъ очень высоко цѣнить и внимательно и любовно изучалъ. Г. Ватюшковъ характеризуетъ В. Короленка, какъ искателя, и, быть можетъ, поэтому писатель, отвѣчающій его собственному настроенію, такъ дорогъ для автора «очерковъ». Статья «Отъ сумерекъ къ разсвѣту» даетъ анализъ возрѣній г. Розанова, изложенныхъ въ его книгѣ «Сумерки просвѣщенія». Въ очеркѣ «Комедія и трагедія индивидуализма» рѣчь идетъ о вопросахъ, вызываемыхъ «Накипью» Боборыкина и «Альмой» Мпнскаго. Всѣ эти статьи, написанныя немного сухо, по своему научному интересу, другія—по современному ихъ значенію, заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Щ.

Крестянинъ-писатель начала XVIII вѣка. И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Москва. 1902.

Привлекательный образъ истинно-русскаго человѣка, преданнаго сына церкви православной, крѣпкаго стояльца и страдальца за правду государеву и земскую воскрешаетъ предъ нами очеркъ И. С. Бѣляева; въ его изложеніи, основанномъ предпочтительно на сочиненіяхъ самого Посошкова, оживаетъ тотъ умный крестьянинъ-самоучка, упорнымъ трудомъ вышедшій въ люди, не закопавшій въ землю даннаго ему отъ Бога таланта, не щадившій себя, когда дѣло шло о правдѣ, о пользѣ государства и погибшій жертвою какой-то темной, глухой, загадочной вражды. Взглядъ на личность Посошкова теперь болѣе или менѣе установленъ; его считаютъ истинно-русскимъ человѣкомъ того именно пошиба, какой знала лишь Московская Русь. Горячая любовь къ родинѣ вызвала у этого умнаго и вдобавокъ знакомаго съ передовыми людьми своего вѣка мужика здравое критическое отношеніе къ русской дѣйствитель-

ности, и потому этотъ московскій патриотъ сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ реформы Петра; въ ней привлекало его не сближеніе съ Западомъ,—нѣтъ, Посошковъ на этотъ Западъ смотритъ только-только не отрицательно; онъ цѣнилъ преобразовательную дѣятельность великаго царя потому, что видѣлъ въ ней грандіозную критику всѣхъ дореформенныхъ порядковъ и непорядковъ, видѣлъ въ ней рядъ способовъ исправить условія жизни Русскаго государства; это и заставляетъ его и самого усиленно помогать Петру, то измышляя для его полковъ какія-то «рогатки съ огненнымъ боемъ», то работая у царева питейнаго дѣла, то составляя «Зеркало очевидное», направленное противъ раскола; это же заставляетъ его съ грустью смотрѣть, какъ Петръ «на гору еще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ»,—замѣчаніе, неособенно лестное для лицъ правительственной среды Петрова царствованія и, быть можетъ, тоже поставленное Посошкову въ вину.

Въ этихъ именно чертахъ рисуется личность Посошкова и г. Вѣляевъ; внимательное изученіе-произведеніи крестьянина-писателя, а равно и другого матеріала, дало ему возможность прибавить одинъ-два тонкихъ штриха къ очерку его личности и жизни; особенно подчеркиваетъ г. Вѣляевъ патриотизмъ Посошкова, въ то же время указывая въ его характерѣ такія черты, которыя роднятъ самоучку-писателя съ массой русскаго народа; горячей вѣрой въ свѣтлое будущее родного народа, дающаго Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, дышать послѣднія страницы очерка, и вѣра эта кладетъ какой-то свѣтлый, бодрый отпечатокъ на всю біографію: это именно книга русскаго патриота XX вѣка о русскомъ патриотѣ XVIII столѣтія; авторъ понимаетъ Посошкова, и пониманіе это теплымъ, живымъ, непосредственнымъ сдѣлало и рассказъ его о жизни писателя-самоучки.

М. П.—й.

Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкаскаго. Составила кн. О. Трубецкая. Томъ I. Москва. 1901.

Въ предисловіи своемъ составительница высказываетъ твердое убѣжденіе, что эпоха царствованія императора Александра II настолько отошла въ область исторіи, что обнародованіе относящихся къ ней документовъ не явится преждевременнымъ. Противъ этого положенія едва ли можно что либо возразить въ настоящее время, когда «Эпоха великихъ реформъ» покойнаго Джаншиева стала настольной книгой каждаго интеллигентнаго русскаго человѣка; но, характеризуя общій ходъ реформъ и настроеніе, господствовавшее въ то время въ обществѣ и правительственныхъ сферахъ, книга Джаншиева лишь вскользь касается личности самихъ дѣятелей этой эпохи. Послѣднее обстоятельство и побудило княгиню О. Трубецкую предложить читателямъ «Матеріалы для біографіи князя Владимира Александровича Черкаскаго» съ цѣлью «дать каждому изъ нихъ возможность воссозданія доблестнаго и благороднаго облика одного изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей царствованія Александра I». Тульскій дворянинъ, князь В. А. Черкасскій, еще будучи студентомъ Московскаго университета, подъ влияніемъ такихъ профессоровъ, какъ М. П. Пого-

динъ и Н. И. Крыловъ, всецѣло посвящаетъ себя наукѣ. Вмѣстѣ съ Лакіеромъ онъ пишетъ сочиненіе на золотую медаль на тему «Очеркъ исторіи сельскаго сословія въ Россіи». Будучи помѣщикомъ Веневскаго уѣзда, слѣдовательно человѣкомъ, матеріально обезпеченнымъ, князь не бросаетъ научныхъ занятій, готовится къ экзамену на степенъ магистра русскаго государственнаго права, но въ то же время съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ крестьянскаго вопроса въ правительственныхъ сферахъ. Несмотря на неудачу представленнаго правительству группой тульскихъ дворянъ перваго проекта (1844 г.) освобожденія крестьянъ, князь В. А. пишетъ въ 1847 г. второй проектъ и настолько отдается крестьянскому дѣлу, что въ послѣдній моментъ отказывается держать магистерскій экзамень. Между тѣмъ февральская революція во Франціи вызвала въ отношеніи правительства къ крестьянскому вопросу рѣзкій поворотъ, результатомъ котораго было распущеніе тульскаго дворянскаго комитета, созваннаго для подписанія проекта князя Черкаскаго. Со времени закрытія «Тульскаго кружка» до наступленія новаго царствованія, съ 1848 по 1855 годъ, наступаетъ пробѣлъ въ общественной дѣятельности князя Черкаскаго. Къ этому періоду относится женитьба его на Ек. А. Васильчиковой (1850 г.), сближеніе съ московскими славянофилами и ревизія имѣній Васильчиковыхъ. Но завѣтныя идеи не покидаютъ князя В. А., и онъ пишетъ записку «О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія», которую и представляетъ правительству въ 1857 г.

Въ то же время онъ сотрудничаетъ въ «Русской Бесѣдѣ» Кошелева, гдѣ публицистическія статьи его обращаютъ на себя общее вниманіе.

Между тѣмъ учрежденный въ январѣ 1859 года секретный комитетъ, послѣ года довольно безплодной канцелярской работы, былъ переименованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, при чемъ предсѣдательство въ немъ принялъ на себя самъ государь. Кошелевъ, пользуясь расширеніемъ гласности, затѣваетъ изданіе новаго журнала «Сельское Благоустройство» и привлекаетъ къ нему въ качествѣ сотрудника князя В. А., только что вернушагося изъ за границы. Осенью 1858 года открыты губернскіе комитеты; подробности о ходѣ дѣлъ находимъ въ перепискѣ членовъ отъ правительства въ комитетахъ: тульскомъ—князя В. А. Черкаскаго, самарскомъ—Ю. Ѳ. Самарина и рязанскомъ—А. И. Кошелева. Отношенія между партіями либеральной и консервативной обострились до того, что членъ отъ правительства Кошелевъ вынужденъ былъ выйти изъ комитета; та же участь ожидала князя Черкаскаго, и неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы Кошелевъ не былъ возвращенъ въ комитетъ по желанію государя, который приказалъ объявить консервативному большинству высочайшее неудовольствіе. Послѣднее обстоятельство не могло, конечно, способствовать примиренію партій, и борьба въ тульскомъ губернскомъ комитетѣ между консервативнымъ большинствомъ и либеральнымъ меньшинствомъ, съ княземъ В. А. Черкасскимъ во главѣ, продолжалась до конца 1858 года. 4 марта 1859 г. была открыта знаменитая редакціонная комиссія для разсмотрѣнія проектовъ, поступающихъ изъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, и составленія окончательнаго проекта освобожденія крестьянъ. Ростовцевъ, назначенный ея предсѣдателемъ, по совѣту Н. А. Милютина, ввелъ

въ составъ комиссiи князя В. А. Черкаскаго, Ю. Θ. Самарина и въ союзѣ съ ними, а также съ Я. А. Соловьевымъ и др., составилъ сплoшное ядро редакціонной комиссiи, проникнутое одними и тѣми же взглядами и вынесенное на своихъ плечахъ главный трудъ крестьянскаго законодательства.

На этомъ прерывается вышедшая въ свѣтъ 1-я книга I-го тома «Матеріаловъ». Весь матеріалъ, носящій чисто справочный характеръ, въ видахъ удобства изложенія вынесенъ составительницею въ отдѣлъ приложений, занимающій послѣднія 176 страницъ книги. Въ началѣ книги приложена фототипическая группа «меньшинства» тульскаго комитета.

Въ заключеніе не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ составительницы, что настоящая форма біографіи встрѣтитъ сочувствіе читателей. Г. С.

Профессоръ Евгенийъ Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія, замѣтки. Томы I—III. Казань. 1901—1902.

Заглавіе правильно указываетъ ту связь, которая существуетъ между всѣми статьями профессора Боброва, собранными въ этихъ книгахъ: всѣ онѣ освѣщаютъ различные моменты въ исторіи нашей литературы и нашего просвѣщенія въ XIX вѣкѣ. Въ этой исторіи авторъ выбираетъ явленія, или совсѣмъ забытыя, или не совсѣмъ ясныя для насъ, или тѣ, относительно которыхъ установилось опредѣленное мнѣніе, традиція, разрушающаяся первымъ критическимъ изслѣдованіемъ и держащаяся только при отсутствіи послѣдняго. Въ зависимости отъ темы каждая статья является или подборомъ матеріаловъ или пересмотромъ и критическимъ сопоставленіемъ этого матеріала. Относительно нѣкоторыхъ статей можно сказать, что онѣ готовятся превратиться въ изслѣдованія, являясь соединительнымъ звеномъ между выясненіемъ и констатированіемъ фактовъ и научнымъ ихъ изслѣдованіемъ. Дѣйствительно новыхъ, въ первый разъ появляющихся въ печати матеріаловъ немного найдется въ книгахъ профессора Боброва, но вѣдь и среди печатныхъ матеріаловъ немало такихъ, которые вполне могутъ сойти за новые: такъ основательно они забыты. Понятно, что статьи профессора Боброва имѣютъ различную цѣнность, если судить по важности затрогиваемыхъ ими вопросовъ.

Переходимъ къ обзору содержанія этихъ книгъ. Въ первомъ томѣ труда профессора Боброва помѣщено двѣ статьи. Одна изъ нихъ озаглавлена: «Поэзія Д. В. Веневитинова въ связи съ его жизнью». Содержаніе статьи вполне опредѣляется заглавіемъ: въ ней изъ произведеній Веневитинова извлеченъ весь матеріалъ, имѣющій значеніе для біографіи поэта. Этотъ очеркъ является одной изъ главъ предпринятой профессоромъ Бобровымъ специальной монографіи о Веневитиновѣ. Другая глава напечатана во второмъ томѣ «Литературы и просвѣщенія въ XIX вѣкѣ»; чтобы не возвращаться опять къ этой темѣ, скажемъ нѣсколько словъ по поводу этой второй главы. Она посвящена обзору критической дѣятельности поэта. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ А. И. Иванова въ вопросѣ о взаимоотношеніяхъ критической дѣятельности Веневити-

нова и Бѣлинскаго. Г. Ивановъ смотритъ на дѣло такъ, что Веневитиновъ предвосхитилъ идейную сторону дѣятельности Бѣлинскаго. Профессоръ Бобровъ дѣлаетъ поправку къ этому мнѣнію: «не идеи Бѣлинскаго долженъ или могъ предвосхищать Веневитиновъ, по нашему мнѣнію, а мѣсто Бѣлинскаго въ русской литературѣ и критикѣ, значеніе и авторитетъ Бѣлинскаго» (II, 173). Изъ этого вывода можно принять отрицательную его часть, но съ положительной трудно согласиться. Вообще разсужденія о томъ, что было бы, если бы Веневитиновъ не умеръ, а жилъ, не представляютъ никакой важности и являются излишними. Вторая статья перваго тома содержитъ «Матеріалы для біографіи В. С. Печерина». Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что для большой публики, живущей злобой дня, это имя пустой звукъ. И если бы не блестящая статья Герцена объ этомъ человѣкѣ, правда, доступная лишь немногимъ, это имя потерялось бы окончательно во мракѣ забвенія. А между тѣмъ это имя принадлежитъ интереснѣйшему человѣку, сначала блестящему профессору греческаго языка въ Московскомъ университетѣ, потомъ эмигранту и важному патеру іезуитскаго ордена. Его исторія представляетъ интересъ и своей внѣшней загадочностью, и по загадочности психологическихъ мотивовъ. Профессоръ Бобровъ подобралъ и напечаталъ всѣ матеріалы о Печеринѣ, напечатанные въ Россіи, и прибавилъ къ нимъ, правда, съ нѣкоторыми сокращеніями статьи Герцена. Въ этой статьѣ данъ только сводъ матеріаловъ безъ критическаго изслѣдованія личности Печерина.

Такой же сводъ матеріаловъ представляетъ и первая статья второго тома, посвященная отношеніямъ Ѳ. П. Бусласва къ своему профессору и потомъ академику П. А. Давыдову; подборъ фактовъ даетъ возможность ярко обрисовать непривлекательную личность этого ученаго, о которомъ П. П. Клюшниковъ писалъ: «въ немъ грудь полна стязанья мукой, полна расчетовъ голова, и тащится онъ за наукой, какъ за Минервою сова. Сквернить своимъ прикосновеньемъ науку Божию недантъ» и т. д. Въ статьѣ «Генезисъ одной книги» рѣчь идетъ о книгѣ Ѳаддея Булгарина «Россія» въ историческомъ, статистическомъ и друг. отношеніяхъ, вышедшей въ 1837 году, и объ участіи въ авторствѣ этой книги профессора Н. А. Иванова. Книга эта является любопытнымъ трудомъ въ области нашей исторіографіи: «книга эта, говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, построена на чрезвычайно вѣрной мысли, что русская исторія должна быть изучаема въ связи съ славянской и вообще европейской». Мысль очень новая для того времени, когда она явилась. Немудрено, что о такой выдающейся книгѣ тотчасъ по появленіи ея стали ходить слухи, будто ее писалъ не Булгаринъ, а казанскій профессоръ Ивановъ, слухи, принявшіе впоследствии форму категорическаго утвержденія. Профессоръ Бобровъ произвелъ формальное слѣдствіе по дѣлу о плагиатѣ Булгарина и пришелъ къ заключенію что предположеніе о полномъ плагиатѣ Булгарина нужно считать вполне неосновательнымъ. Къ сожалѣнію, тѣхъ изысканій, которыя могли бы окончательно рѣшить вопросъ о долѣ участія въ трудѣ Булгарина Иванова, профессоръ Бобровъ не произвелъ: пужно было сдѣлать анализъ самой книги, и по идеямъ, положеннымъ въ основу книги, рѣшить, кому можетъ принадлежать замыселъ книги. Въ третьей статьѣ второго тома профессоръ Бобровъ предла-

гаетъ «нѣкоторыя» свѣдѣнія о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго, преимущественно изъ равняго ея періода. Профессоръ Бобровъ пересмотрѣлъ первые переводы Велланскаго и первую его оригинальную статью и далъ обзоръ ихъ содержанія, выполненный съ излишней щепетильностью. Велланскій перевелъ медицинскіе учебники Медгера, Селле, Прохаски и Гартмана; и профессоръ Бобровъ считаетъ нужнымъ сообщить біографическія данныя объ этихъ медикахъ, приложить списки ихъ трудовъ и даже дать подробное нѣмецкое оглавленіе учебника Гартмана. Быть можетъ, эти перечни и необходимы въ качествѣ матеріала для всякаго Wellansky-Forscher, по выраженію профессора Боброва, но они должны были бы остаться въ черновыхъ бумагахъ этого изслѣдователя. Въ приложенияхъ ко второму тому профессоръ Бобровъ даетъ обстоятельное примѣчаніе о «блестящемъ періодѣ» въ исторіи Московскаго университета и Московскаго учебнаго округа вообще подъ управленіемъ графа С. Г. Строганова. Профессоръ Бобровъ опровергаетъ избитую и ходячую фразу о «блестящемъ періодѣ»; въ примѣчаніи находится подборъ данныхъ для характеристики Строганова.

Въ третьемъ томѣ напечатаны затерянные произведенія С. Т. Аксакова, появившіяся въ прибавленіяхъ къ «Московскому Вѣстнику» и въ изданіи сочиненій не напечатанныя. Это театральныя рецензіи, не представляющія особеннаго интереса. Въ сущности, ихъ достаточно было бы только указать для издателя сочиненій С. Т. Аксакова, но профессоръ Бобровъ счелъ необходимымъ напечатать ихъ «съ дипломатическою точностью, съ той орфографіею, interpunctіею и даже съ тѣми самыми опечатками, что и въ подлинникѣ» (III, 4). Пожалуй, это совсѣмъ излишняя щепетильность. Вторая статья посвящена дѣлу Сочинскаго: это въ высшей степени интересная статья, и по темѣ и по подбору матеріаловъ. Дѣло Сочинскаго кровавая страница въ исторіи русскаго просвѣщенія. Студентъ-фармацевтъ медико-хирургической академіи Иванъ Сочинскій былъ присужденъ военнымъ судомъ къ битью шпицрутенами и къ проведенію сквозь строй за покушеніе на убійство профессора химіи С. Я. Нечаева, у котораго онъ неоднократно проваливался на экзаменѣ, почему и не могъ кончить курса. Статья профессора Боброва представляетъ сводъ частныхъ и официальныхъ данныхъ относительно самаго событія и даетъ историческую справку о шпицрутенахъ. У рѣдкаго современника читателя есть вполне ясное представленіе о томъ что такое шпицрутены; справка профессора Боброва можетъ удовлетворить любопытству, наполнивъ ужасомъ сердца любознательнаго общества. Въ очеркѣ о П. С. Нахимовѣ профессоръ Бобровъ далъ сводъ матеріаловъ объ этомъ удивительной доброты и мягкосердечія человекѣ, инспекторѣ Московскаго университета. Всѣ его питомцы всегда вспоминали о немъ съ чувствомъ глубочайшей признательности и уваженія. Слѣдующія статьи третьяго тома заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя данныя по исторіи масонства въ Казани. Въ ней напечатана пѣснь въ честь великаго мастера, извлеченная изъ бумагъ казанскаго масона С. А. Москотильникова, и рѣчь, сказанная въ казанской ложѣ. Къ казанской старинѣ относятся и письма Г. И. Каменева къ С. А. Москотильникову, правда, давно уже извѣстныя, но напечатанныя теперь безъ всякихъ пропусковъ по рукописямъ. Послѣдняя статья тома трактуетъ о ска-

заніяхъ о корыстолюбцѣ въ козлиной шкурѣ». Этотъ очеркъ не даетъ ничего новаго.

Мы перебрали все содержаніе книгъ профессора Боброва; читатель видитъ, въ чемъ интересъ этихъ книгъ. Научное значеніе статей профессора Боброва, дающихъ сводъ матеріаловъ по данному вопросу, несомнѣнно; книги профессора Боброва освобождаютъ изслѣдователя отъ необходимости рыться по старымъ изданіямъ и подбирать матеріалы. Въ статьяхъ профессора Боброва матеріалъ не только собранъ: онъ отпечатанъ. Но книги профессора Боброва имѣютъ интересъ не только для специалистовъ: въ нихъ затрогиваются иногда темы (напримѣръ, дѣло Сочинскаго), имѣющія значеніе и для современности.

П. Ш.

Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. I. Г. И. Успенскій.—II. Кто виноватъ? (Ученіе Ѳ. М. Достоевскаго объ отвѣтственности). Спб. 1902.

Очерки г. Волжскаго, посвященные двумъ нашимъ извѣстнымъ писателямъ, соединены въ одну книгу чисто механически, не имѣя между собою внутренней связи.

Въ первомъ изъ этихъ очерковъ (стр. 1—129) авторъ выясняетъ сущность идеала Г. И. Успенскаго, его «художественное à priori», основы его «правды», подробно развивая мысли, высказанныя по этому поводу Н. К. Михайловскимъ, который сущность творчества Успенскаго опредѣлилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «общій принципъ, къ которому могутъ быть сведены всѣ волненія Успенскаго, есть принципъ гармоніи, равновѣсія», — и «условное почтеніе ко всякой гармоніи и безусловное отвращеніе ко всякой расколотости». Не претендуя исчерпать все богатое содержаніе многочисленныхъ писаній автора «Власти земли», г. Волжскій ограничиваетъ свою задачу разсмотрѣніемъ того, какъ рѣшается Успенскимъ вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу. Рѣшеніе это резюмируется авторомъ такъ: «неустойчивый, безсознательный рай народной жизни (взятой въ ея основахъ, прибавимъ мы отъ себя) силою интеллигентной мысли долженъ быть возведенъ въ сознательный. На такую высокую задачу призвана интеллигенція» (69).

Второй очеркъ (стр. 131—192) снабженъ двумя эпитафиями изъ «Братевъ Карамазовыхъ» и «Записокъ изъ мертваго дома»: «Знай, что воистину всякій и предъ всеми и за все виноватъ. Не знаю я, какъ истолковать тебѣ это, но чувствую, что это такъ, до мученія»; и—«Погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?—То-то, кто виноватъ». Этими словами Достоевскаго опредѣляется содержаніе разсматриваемой статьи, цѣль которой—выяснить философскія воззрѣнія Ѳ. М. Достоевскаго, его ученіе объ отвѣтственности, покаяніи и свободѣ. Не разбирая отдѣльныхъ типовъ и произведеній, не оцѣнивая художественныхъ достоинствъ и историческаго значенія творчества Достоевскаго, не касаясь его партійныхъ и политическихъ убѣжденій, авторъ «пробуетъ нащупать только одинъ нервъ его творческой работы, но, быть можетъ, наиболѣе жизненный и глубоко ле-

жацій нервъ». Этотъ нервъ онъ видитъ въ вопросѣ, мучительно терзавшемъ мысль художника въ теченіе всей его жизни,—въ вопросѣ: «кто виноватъ?»—кто виноватъ во всѣхъ безобразіяхъ жизни, въ униженіи и оскорбленіи, въ страданіяхъ и горѣ, дающихъ милліоны людей, не исключая и ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей? «Вопросъ этотъ съ тревожной, властной настоячивостью преслѣдуетъ сознание великаго писателя, виситъ надъ нимъ, какъ темная загадка жизни, терзая и муча его своей таинственной глубиной». Въ рѣшеніи этого вопроса Достоевскій, какъ великій психологъ и впечатлительный художникъ, не могъ ограничиться объясненіемъ зла, какъ явленія соціального, а смотрѣлъ на него съ индивидуально-психологической точки зрѣнія. Въсѣтъ съ тѣмъ рѣшеніе этого теоретическаго вопроса осложнялось у него практическимъ моментомъ,—моментомъ живой связи съ совѣстью и ея неумолкаемыми стопами. «Проблема виновности срослась съ проблемой личной отвѣтственности, и вотъ почему она получается у Достоевскаго и его героевъ такую жгуче-страстную постановку». Достоевскій прекрасно понималъ причинную обусловленность изображаемыхъ имъ страданій, необходимость всего совершающагося, но его совѣсть не могла на этомъ успокоиться, его нравственное сознание требовало признанія виновности, отвѣтственности, возмездія. Словомъ, мы видимъ здѣсь извѣстную кантовскую антиномію свободы и необходимости, которая и разрѣшается Достоевскимъ, въ общемъ, одинаково съ Кантомъ, но въ своеобразныхъ, свойственныхъ нашему художнику-психологу, терминахъ. Измученный своимъ исканіемъ виновнаго, не зная, съ кого спрашивать за все, что творится въ мірѣ, Достоевскій «взваливаетъ, наконецъ, всю отвѣтственность за огромность мірового страданія на совѣсть самого страдальца, именно на того страдальца, который мучится страшнымъ вопросомъ «кто виноватъ?», на его собственное сознание, охваченное неустойчивой, мучительной жаждой отыскать лично виновнаго». Отсюда—потребность покаяній.

Таково содержаніе книги г. Волжскаго, написанной съ знаніемъ предмета и съ строгимъ соблюденіемъ литературныхъ приличій (что рѣдко встрѣчается въ «критическихъ» статьяхъ послѣдняго времени). М. С.

Къ столѣтію комитета министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика. По документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ Н. А. Кислинымъ. Подъ главной редакціей статсъ-секретаря Куломзина. Томы 1-й и 2-й. Спб. 1902.

За послѣднее время это третье официальное изданіе, о которомъ мнѣ приходится давать отзывъ въ библиографическомъ отдѣлѣ «Историч. Вѣстника», и все по тому же желѣзнодорожному вопросу. Съ этой точки зрѣнія, я долженъ сказать, что первыя двѣ работы министерства путей сообщенія: вообще по желѣзнодорожному строителству и особенно въ частности о по-

стройкѣ Николаевской желѣзной дороги, — составляютъ, какъ и слѣдовало ждать, на три четверти сочиненія болѣе техническаго, пусть хотя бы историко-техническаго характера, чѣмъ настоящія историческія монографіи. Напротивъ, въ превосходномъ трудѣ Н. А. Кислинскаго мы встрѣчаемся въ этомъ направленіи именно съ работой характера исключительно историческаго. Словомъ эта монографія написана съ тѣмъ великимъ безпристрастіемъ и полнотою, какія приличны трудамъ историческимъ, въ самомъ дѣлѣ излагаетъ исторію нашего желѣзнодорожнаго строительства въ его государственномъ смыслѣ. Тутъ идетъ великолѣпный по выпуклости рассказъ, какъ, начиная со страннаго для насъ скептицизма такихъ большихъ умовъ и характеровъ, какъ характеръ графа Толя и умъ и опытъ министра Канкринна, — въ пользу для земледѣльческой страны желѣзныхъ дорогъ, импонировавшихъ самому императору Николаю 1-му, смотрѣвшему на тотъ же вопросъ совершенно иначе, мы дошли до постройки Варшавско-Вѣнской вѣтви, а затѣмъ съ 1842 года и Московской дороги за счетъ казны, а затѣмъ предалась вакханаліи разорительной эпохи гарантій; благодаря однако имъ, Россія получила основную сѣть своихъ современныхъ желѣзныхъ путей, которыми мы пользуемся и досегодня. Но опытъ хищеній безграничныхъ и наглыхъ, да еще и не всегда русскихъ, принудилъ остановиться на этомъ пути еще въ концѣ царствованія императора Александра II, а затѣмъ, въ царствованіе царя миротворца, радикально и рѣзко повернуть на путь строительства казенными агентами и казенными средствами, чтобы въ наше время дополнить эту же сѣть такими грандіозными желѣзнодорожными сооружениями, какъ великій транссибирскій путь, съ вѣтвью черезъ Манчжурію къ порту Артуру, въ связи съ послѣдовательнымъ и неослабнымъ выкупомъ желѣзнодорожныхъ линій Александровскаго времени въ казну.

Этими немногими строчками мы покуда указываемъ читателямъ, заинтересованнымъ вопросомъ, на прекраснѣйшій историческій источникъ по серьезнѣйшему изъ культурныхъ вопросовъ нашего времени, какъ на работу, въ высокой степени авторитетную, значительную и прекрасно исполненную.

Покуда второй томъ останавливается какъ разъ на кульминаціонной точкѣ рѣзкой перемѣны въ нашей желѣзнодорожной политикѣ, именно наканунѣ царствованія императора Александра III-го. Вотъ причина, почему и мы покуда считаемъ себя въ правѣ, по поводу этого капитальнаго историческаго документа, остановиться на точкѣ зрѣнія *fair savoir*. Когда эта работа будетъ вполне закончена, мы оставляемъ за собою право вернуться къ ней съ болѣе серьезнымъ указаніемъ и разборомъ сообщаемыхъ въ ней историческихъ фактовъ.

В. П—нъ.

Н. М. Чукмалдинъ. Записки о моей жизни. Изданіе Сергѣя Шарпова. М. 1902.

Записки Чукмалдина издалъ г. Шарповъ; онъ же въ предисловіи далъ рекомендацію и самой книгѣ и ея автору. Авторъ, по словамъ г. Шарпова, прекраснѣйшій человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова и весьма замѣчательный

русскій самородокъ, Н. М. Чукмалдинъ, сибирскій крестьянскій мальчикъ, обратившійся въ московскаго купца-милліонера. Чукмалдинъ, опять же по словамъ г. Шарарова, идеалистъ до корня волосъ и истинный поэтъ. Идеалистомъ и поэтомъ онъ былъ въ торговлѣ. Онъ такъ твердо вѣровалъ въ торжество правды и добра, что пускался въ самые смѣлые, самые рискованные торговые планы, основанные на добрѣ, и всегда выходилъ побѣдителемъ, т.-е. получалъ огромную прибыль... И вотъ съ такою философіей Чукмалдинъ открываетъ новую отрасль чайнаго дѣла, останавливаетъ новый товаръ на рынкѣ и... среди всеобщаго кризиса наживаетъ сотни тысячъ. Устраиваетъ валяльную фабрику, даетъ высокой доброты товаръ для войскъ... и опять сотни тысячъ заработка, оплачивающаго только смѣлую инициативу честности. Все это—слова г. Шарарова, чрезвычайно ярко характеризующія его самого, его оригинальныя изслѣдованія объ идеализмѣ и его восторженное умиленіе передъ смѣлою инициативой честности, приносящей сотни тысячъ заработка. Читатель ровно ничего не знаетъ о Чукмалдинѣ и предисловіемъ г. Шарарова обязывается взглянуть на Чукмалдина съ извѣстной точки зрѣнія: личность Чукмалдина крупными штрихами обрисована и отрекомендована г. Шараровымъ. Но вѣдь читатель же не можетъ чувствовать за собой такой обязанности, и не теряетъ же онъ права оставить совершенно безъ вниманія воззваніе г. Шарарова.

Записки представляютъ просто написанный разсказъ о томъ, какъ мало-помалу составлялъ свою торговую карьеру Чукмалдинъ, сначала крестьянскій мальчикъ, потомъ подручный, приказчикъ, компаньонъ, хозяинъ и т. д. Авторъ описываетъ только внѣшнюю исторію своей жизни, весьма обыкновенную, ничѣмъ не отличающуюся отъ тысячи другихъ исторій наживанія капитала, но его жизнь протекала въ оригинальной обстановкѣ, сначала въ глуши—въ раскольничьей деревнѣ въ Сибири, а потомъ въ сибирскомъ городѣ. Поэтому нѣкоторыя подробности не лишены интереса. Къ сожалѣнію, авторъ записокъ совершенно не посвящаетъ насъ въ закулисную сторону своей жизни, въ исторію своихъ торговыхъ успѣховъ. Напримѣръ, изъ исторіи чайной торговли авторъ вспомнилъ только одинъ характерный эпизодъ. Онъ въ товариществѣ съ своимъ компаньономъ сторговалъ партію чая въ 2.000 ящичковъ по 12 рублей за ящикъ, но конкуррентъ могъ дать больше 12 рублей и укупить товаръ. Поэтому авторъ съ компаньономъ выкинули фортель: они предложили конкурренту купить у него раньше купленную партію того же чая по 10 рублей за ящикъ. Конкуррентъ, дѣйствительно, испугался паденія цѣны, испугался того, что, купивъ большую партію, онъ не развяжется съ ней, и «мы, пишетъ Чукмалдинъ, въ тотъ же день купили весь остатокъ, и въ теченіе года продали его съ пользою болѣе, чѣмъ по 5 рублей на ящикъ». Итого, больше 10.000 рублей прибыли: вотъ она—вѣра въ торжество правды и добра!

Авторъ не довелъ до конца своихъ записокъ; онъ остановился на переѣздѣ своемъ въ Москву, какъ разъ на началѣ своей дѣятельности въ крупныхъ размѣрахъ, и, къ сожалѣнію, не успѣлъ разсказать о своихъ торговыхъ реформахъ en grand, хотя занять былъ торговлей кирпичнымъ чаемъ и поставками войлоковъ въ войска. Быть можетъ, этотъ разсказъ и далъ бы намъ возможность увѣровать въ реальность образа идеалиста-купца, образа, созданнаго г. Шараровымъ.

Впрочемъ, для характеристики Чукмалдина любопытна послѣдняя глава записокъ: «бѣдные классы и косвенные налоги». Любопытенъ выводъ, къ которому привело автора созерцаніе современныхъ экономическихъ противорѣчій, современной нищеты и главнымъ образомъ системы косвенныхъ налоговъ, всей своею тяжестью обрушивающихся на бѣдныхъ: «мы, люди имущіе, обязанные, кромѣ заповѣди, преподанной намъ Спасителемъ міра, помогать бѣднымъ, постуаемъ какъ разъ наоборотъ и не возвышаемъ голоса противъ системы, помогающей богатому и забывающей бѣднаго (косвенныхъ налоговъ). Пора намъ прислушаться къ голосу нашей совѣсти и сказать во всеуслышаніе корпоративно, что всѣ налоги должны быть несены людьми имущими, и что налогомъ прямымъ и косвеннымъ должны быть обложены не бѣднякъ и его насущныя потребности, а капиталъ, крупный промыселъ и роскошь» (стр. 196). Очень характерно для автора записокъ то, что панацею отъ всѣхъ настоящихъ золъ онъ видитъ только въ налогѣ на доходъ съ капитала.

Знаменательно появленіе въ печати этой книги, и знаменательно то, что въ этихъ запискахъ г. Шараповъ усматриваетъ новое слово, которому предстоитъ смести всѣ старыя слова.

Щ.

II. Ровинскій. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Томъ II. Спб. 1902.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Ровинскій издалъ первый томъ всесторонняго описанія Черногоріи. Географическое ея описаніе было снабжено картой, составленной на основаніи съѣмокъ нашихъ военныхъ топографовъ, провѣренныхъ самимъ г. Ровинскимъ; геологическое описаніе страны сдѣлано при помощи трудовъ европейскихъ ученыхъ, а въ историческомъ отношеніи всѣ данныя подвергнуты заново критической оцѣнкѣ, начиная съ первоначальной исторіи Зеты и кончая позднѣйшей исторіей Черной Горы. Но трудъ г. Ровинскаго былъ бы не полонъ, если бы авторъ не коснулся этнографіи края, какъ въ археологическомъ, такъ и въ современно-бытовомъ значеніи. Этому отдѣлу посвященъ второй томъ, обогащенный матеріаломъ не только изъ общихъ научныхъ источниковъ, но и собраннымъ путемъ личнаго и многолѣтняго общенія автора съ народомъ. Онъ самъ говоритъ объ этомъ главномъ отдѣлѣ своего труда слѣдующее: «прежде всего мы обратили вниманіе на различныя племена, изъ которыхъ составилось населеніе Черногоріи, собравъ по возможности все, что касается ихъ происхожденія и поселенія въ этихъ мѣстахъ и позднѣйшей ихъ исторіи. Затѣмъ мы остановились на изображеніи ихъ быта, начиная отъ племенныхъ или родовыхъ и общественныхъ отношеній и кончая обыденною жизнью и дѣятельностью со всею внѣшнею обстановкой въ тѣсной сферѣ дома, въ селѣ и городѣ, въ полѣ и горахъ, какъ семьянина, хозяина, пастуха и работника. Не пускаясь въ специальную область антропологіи, мы мало останавливались на описаніи физическаго, наружно-опредѣляемаго типа черногорца и взаимѣвъ того старались собрать все, что обрисовываетъ его духовно-нравственный типъ, въ чемъ выражаются его понятія въ различныхъ

сферахъ: міра внѣшняго, физическаго и духовнаго (сверхъестественнаго); міра его собственнаго личнаго, какъ человѣка вообще, и какъ единицы общественной и семейной; міра его практической жизни и дѣятельности. Наконецъ духовный типъ народа выражается въ произведеніяхъ его ума: пѣснѣ, сказкѣ, преданіи, анекдотѣ, игрѣ, шуткѣ, пословицѣ, загадкѣ и языкѣ съ его особыми оборотами и способами выраженій. Сборникъ подобнаго матеріала завершаетъ этотъ отдѣлъ». Новый трудъ г. Ровинскаго раскрываетъ бытовое прошлое Черногоріи. По словамъ ея стариковъ, «въ прежнее время черногорецъ не работалъ тяжелыхъ работъ, онъ только пасъ свой скотъ и оберегалъ его отъ волковъ и турокъ, и съ 15 лѣтъ, а иногда и съ 10, начиналъ онъ ходить на четованье. А жилось между тѣмъ хорошо. А кто много работаетъ, въ томъ нѣтъ ни большой силы, ни ловкости и легкости. Негдѣ разгуляться юначеству, потому что всякій связанъ закономъ и исполняетъ только приказанія своей власти». Безъ четованья и гайдучества (малыя войны) нельзя себѣ представить старую Черногорію. Большія войны начинали всегда турки, а черногорцы только защищались. «Въ четованьѣ, напротивъ, нападаютъ черногорцы и при этомъ заходятъ очень далеко въ глубь непріятельской страны. Турки нападали на Черногорію отъ времени до времени, и случалось, что проходило безъ войны два-три года, при томъ, проистекая изъ общаго стремленія Турціи покорить себѣ Черногорію или «поставить ее подъ «араг» (дань), нападенія эти являлись слѣдствіемъ определенныхъ поводовъ, напри- мѣръ, нападенія черногорскихъ четъ на турецкіе торговые и казенные караваны, убійство кого либо изъ беговъ или вообще знатнаго турка и т. п. Четованье же представляло собою явленіе постоянное, не зависящее ни отъ какихъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ и поводовъ. Оно представляло собою такое же періодическое явленіе, какъ и времена года: начиналось обыкновенно съ Юрьева дня (23 апрѣля), а оканчивалось Дмитровымъ днемъ (26 октября), т. е. отъ времени, когда лѣсъ одѣвается листомъ, до того времени, когда листь начинаеть опадать».

Часто четованье смѣшиваютъ съ гайдучествомъ, но г. Ровинскій ихъ строго различаетъ: «Черногорская семья составилаь изъ людей, близкихъ между собою: одного племени или братства, часто ближайшихъ родственниковъ, соединенныхъ общимъ интересомъ, состоящимъ прежде всего въ обезпеченіи себя отъ нападенія турокъ или въ отмщеніи за какой бы то ни было ущербъ; и это было однимъ изъ главныхъ условій, такъ какъ каждая мѣстность имѣла свою чету. Черногорскій четникъ не былъ лишенъ своего отечества, какъ гайдукъ; онъ былъ человѣкъ семейный и домовитый и, если не былъ хорошимъ земледѣльцемъ, то былъ хорошимъ скотоводомъ. Въ четованьѣ онъ проводилъ извѣстное время, и потомъ сидѣлъ дома. Гайдуцкая же шайка составлялась изъ личностей, собравшихся изъ различныхъ краевъ, часто предварительно не знавшихъ другъ друга. Ихъ не связывалъ никакой интересъ, кромѣ непримиримой ненависти къ притѣснителямъ своего отечества и личныхъ враговъ, которые лишили ихъ дома и заставили скитаться по бѣлому свѣту. Вообще же гайдуку оказывалось почтеніе, какъ прежнему четнику, съ тою разницей, что четники считались борцами за народное дѣло и дѣйствовали во имя своего на-

рода, тогда какъ гайдуки дѣйствовали по своему личному побужденію и преслѣдовали свои личныя цѣли, иногда расходившіяся съ интересами общины».

Но какъ только Черногорія вошла въ составъ европейскихъ государствъ, съ обязательствомъ передъ Европой не переходить чужія границы, не подавать повода къ пограничнымъ столкновеніямъ и охранять международный миръ, такъ четованью и гайдучеству пришелъ конецъ.

Четованье, связанное всегда съ нарушеніемъ границъ, стало вырождаться... Четованье въ одиночку, вдвоемъ или втроемъ напоминало уже гайдучество и даже простой разбой, ведомый иногда съ цѣлью грабежа и наживы.

Рыцарское прошлое черногорской исторіи мельчаетъ по мѣрѣ того, какъ политическія соображенія ея правительства все болѣе и болѣе идутъ въ разрѣзъ съ нравами ея населенія. А эти нравы чрезвычайно любопытны, проявляясь въ обрядовой жизни черногорцевъ.

Во второмъ объемистомъ томѣ о Черногоріи г. Ровинскій дѣлитъ обычаи и обряды жителей на слѣдующія категоріи: «А) религиозные обряды и обычаи, относящіеся къ прославленію Бога, его святыхъ и важнѣйшихъ моментовъ изъ священной исторіи и христіанской жизни; Б) семейные, относящіеся къ важнѣйшимъ актамъ житейскимъ въ кругу семейной жизни; В) общественные или внѣсемейные, относящіеся къ болѣе важнымъ актамъ изъ жизни общественной, сюда же относимъ и правовые, и наконецъ, Г) мелкіе обычаи, обряды и формальности, встрѣчающіеся въ повседневной жизни семейной и общественной».

Обстоятельное знакомство съ обрядами каждаго отдѣла раскрываетъ родство черногорцевъ не только съ сербскими племенами, но даже и съ русскими въ доисторическія времена. Описаніе ихъ одинаково интересно, какъ публикѣ, такъ и специалистамъ по этнографіи и антропологии.

Въ общемъ, несмотря на преобладаніе теологическаго міросозерцанія массъ и вырожденіе рыцарскаго «юначества», заключеніе автора о настоящемъ и прошломъ Черногоріи весьма благоприятно для нея.

Г. Ровинскій замѣчаетъ: «Одно сохраненіе политической самостоятельности такого ничтожнаго числомъ народа, среди столь сильныхъ, враждебныхъ ему державъ, какими въ свое время были Венеція и Турція, составляетъ въ исторіи явленіе весьма рѣдкое, можно сказать, загадочное и указываетъ только на его необыкновенную живучесть, силу характера и энергію, которая такъ рельефно выражается въ его вождяхъ, обладавшихъ въ то же время и политической мудростью».

Политическое значеніе Черногоріи въ европейскихъ дѣлахъ сознавалось еще Петромъ Великимъ, и Россія всегда имѣла въ ней вѣрнаго союзника.

Нѣкоторые публицисты мечтаютъ даже о томъ, чтобы Европа допустила на берегахъ «Синяго моря» образованіе новой монархіи изъ славянскихъ народовъ во главѣ съ черногорскими владыками; но, разумѣется, будетъ гораздо естественнѣе, во избѣжаніе поглощенія славянскихъ земель Австріей, образованіе изъ нихъ федераціи съ автономіей славянскихъ областей.

Аркадій Чероковъ, личный секретарь Ѳ. В. Чиждова. Ѳедоръ Васильевичъ Чиждовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ. Біографическій очеркъ по поводу 25-й годовщины его смерти, съ портретомъ. М. 1902.

Чрезвычайно претенціозная книжка! Даже обложка ея разсчитана на привлеченіе интереса: «личный секретарь покойнаго», думаетъ читатель, очевидно, разсчитываетъ сообщать что нибудь новое, интимное о жизни своего патрона, но, кромѣ того, г. Чероковъ обѣщаетъ дать новыя свѣдѣнія и о связяхъ съ Гоголемъ. На первыхъ же страницахъ г. Чероковъ взываетъ о грубыхъ искаженіяхъ и даже полномъ извращеніи личнаго характера Чиждова, допущенныхъ между прочимъ и г. Шенрокомъ; по всей книжкѣ разсыпаны фразы: невдомекъ имъ, что Чиждовъ былъ такимъ-то и такимъ-то человѣкомъ. Кому какъ, это не совсѣмъ ясно изъ словъ г. Черокова. Итакъ г. Чероковъ претендуетъ на истинное знаніе исторіи внутренней жизни Чиждова, человѣка, дѣйствительно интереснаго. Достаточно сказать, что началъ онъ свой жизненный путь безъ гроша въ карманѣ профессоромъ начертательной геометріи въ Петербургскомъ университетѣ и кончилъ крупнымъ московскимъ финансовымъ дѣятелемъ, оставивъ послѣ своей смерти около 6 милліоновъ. Въ промежуткѣ между началомъ и концомъ были спеціальныя труды по физикѣ, спеціальныя занятія по искусству, практическое знакомство съ славянскимъ міромъ, инициатива постройки Московско-Ярославской желѣзной дороги, редактированіе посмертнаго изданія сочиненій Гоголя, изданіе журнала «Вѣстникъ промышленности» и газеты «Акціонеръ», учрежденіе крупныхъ торговыхъ предпріятій. Книжка г. Черокова имѣетъ, между прочимъ, своею цѣлью напомнить москвичамъ объ ихъ дѣятелѣ; этой цѣли она, быть можетъ, и достигнетъ, но она совершенно не даетъ того, что обѣщаетъ въ заглавіи г. личный секретарь покойнаго. Прежде всего это—не біографическій очеркъ, а нѣсколько припоминаній г. Черокова, главнымъ образомъ, о финансовой дѣятельности своего патрона. Съ литературной дѣятельностью его г. Чероковъ почти незнакомъ; даже фактической исторіи его жизни вы не найдете въ этой книжкѣ.

Нѣсколько припоминаній, снабженныхъ разсужденіями весьма примитивнаго характера, доказывающими чрезвычайно сомнительное знакомство г. личнаго секретаря съ исторіей внутренней жизни Чиждова. Въ одномъ мѣстѣ г. Чероковъ пишетъ, что «Чиждовъ былъ мужъ вѣчной духовной мысли и нравственныхъ идеаловъ» (стр. 5), а въ другомъ: «Мицкевича Чиждовъ нашель крайнимъ мистикомъ и глупо вѣрующимъ идеалистомъ» (sic! стр. 12). Станный идеализмъ у Чиждова или у г. Черокова! Г. Чероковъ, постигшій личный характеръ покойнаго, стремится доказать, что въ основѣ вѣхъ его крупнѣйшихъ финансовыхъ предпріятій лежитъ глубокий идеализмъ. Вотъ, напримѣръ, постройка желѣзной дороги: невдомекъ обыкновенному человѣку, что «эта постройка была затѣяна исключительно для того, чтобы убѣдить правительство въ способности самихъ русскихъ къ такимъ постройкамъ». Ну, какъ же, развѣ это не идеализмъ? «Имъ невдомекъ, продолжаетъ г. Чероковъ, что крупная и доходная желѣзная дорога была перехвачена у иностранцевъ, чтобы прибыли отъ

нея или въ русскіе карманы, что это сдѣлалось вовсе не изъ ненависти къ нимъ а изъ сознанія высшей справедливости пользоваться своимъ добромъ самимъ же русскимъ» (стр. 6). Вотъ — она, высшая справедливость! «Невдомекъ имъ» и основаніе кунеческаго банка и учрежденіе общества взаимнаго кредита, но тутъ г. Чероковъ не объясняетъ, какъ Чижевъ «одухотворяетъ идеально банковое дѣло». Вотъ еще перлъ изъ статьи г. Черокова. «Въ одномъ Хомяковъ Чижевъ усматривалъ полное пониманіе историческаго значенія слова «славянскій міръ»,... разумѣя здѣсь названіе всего племени, и ничего политическаго» (стр. 14). Вотъ тебѣ — и полное пониманіе термина; г. Чероковъ, самъ не подозревая этого, вызываетъ въ читателѣ нелестныя представленія объ умственныхъ способностяхъ своего патрона. Мы могли бы продолжать свои выписки, но приведеннаго, кажется, достаточно для того, чтобы оцѣнить значеніе свѣдѣній г. Черокова о Чижевѣ. Перейдемъ теперь къ «связямъ Чижева съ Гоголемъ».

Интересуясь литературой о Гоголѣ и встрѣтивъ на обложкѣ эти слова, мы рассчитывали, что г. Чероковъ прибавитъ что нибудь новое объ отношеніяхъ Чижева къ Гоголю (весь ихъ интересъ, конечно, въ Гоголѣ) сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно изъ воспоминаній самого Чижева, использованныхъ біографами Гоголя гг. Кулишемъ и Шенрокомъ. Наши надежды на новизну сообщеній г. Черокова усилились, когда мы прочли въ его книжкѣ рядъ рѣзкихъ и грубыхъ фразъ, направленныхъ по адресу г. Шенрока за искаженія характера Чижева. Оказалось, что новаго въ разсказѣ г. Черокова — только грубости и рѣзкость по адресу г. Шенрока, по книгѣ котораго г. личный секретарь изложилъ (въ краткомъ и неполномъ видѣ) все, что извѣстно объ отношеніяхъ Чижева и Гоголя. Рѣзкости вызваны соображеніями г. Шенрока о мотивахъ одного письма Чижева къ Гоголю. Въ немъ Чижевъ, зная, какъ не любитъ Гоголь обѣщать свое сотрудничество, сообщаетъ ему о журналѣ, имъ затѣвасомъ, и оговаривается, что онъ вовсе не думаетъ просить Гоголя объ участіи. Дальше слѣдуютъ нѣсколько фразъ, изъ которыхъ можно заключить, что завѣтнымъ желаніемъ Чижева какъ разъ было привлеченіе Гоголя въ сотрудники. Такъ вотъ г. Чероковъ, вѣрящій въ искренность каждаго слова покойнаго, возсталъ на его защиту, извратилъ и исказилъ очень умѣренные фразы г. Шенрока о мотивахъ Чижева, воспользовался книгой этого же г. Шенрока и въ заключеніе обмолвился по его адресу нѣсколькими нелестными выраженіями. Какой неблагодарный человекъ! — г. Чероковъ!

П. Щ.

Древности. Труды императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго. Томъ XIX-й (выпуски 1—3). Москва. 1901—1902.

Настоящимъ томомъ начинается новая серія «Древностей», программа которыхъ, съ одной стороны, приближается къ программѣ первыхъ годовъ этого изданія (когда оно выходило подъ редакціей основателя Московскаго археологическаго общества графа А. С. Уварова), а съ другой — къ программѣ

прекращенныхъ съ 1900 года «Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ». Такимъ образомъ, каждый томъ этой новой серіи будетъ, сравнительно съ прежними, заключать въ себѣ, помимо отдѣльныхъ изслѣдованій, матеріаловъ и протоколовъ общества и его комиссій (по сохраненію древнихъ памятниковъ, восточной, славянской, археографической), также лѣтопись археологій (новости, обзоръ дѣятельности другихъ ученыхъ учреждений и т. д.) и библиографію.

Рецензируя первый томъ реформированныхъ «Древностей», мы имѣемъ въ виду остановиться главнымъ образомъ на разсмотрѣніи самостоятельныхъ статей, заключающихся въ лежащихъ передъ нами трехъ выпускахъ, оставляя въ сторонѣ отдѣлы протоколовъ археологической хроники, библиографіи и некрологи. Изъ отдѣльныхъ изслѣдованій особенное вниманіе обращаетъ на себя начатый печатаніемъ интереснѣйшій трудъ покойнаго члена Московскаго археологическаго общества А. А. Потанова—«Очеркъ древней русской гражданской архитектуры», снабженный многочисленными иллюстраціями, рисунками и планами. Къ сожалѣнію, талантливый авторъ не успѣлъ окончательно образомъ обработать свой обширный трудъ; какъ мы узнаемъ изъ предисловія редакціи (къ первому выпуску), г. Потановъ успѣлъ доставить лишь первыя 28 главъ (съ 33 таблицами), хотя и «есть надежда, что онъ успѣлъ кончить нѣсколько дальнѣйшихъ главъ». Редакція «Древностей» обѣщаетъ сдѣлать «все возможное, чтобы полнѣе издать этотъ замѣчательный трудъ», который является цѣннѣйшимъ вкладомъ въ исторію русскаго зодчества. Авторъ представляетъ въ своемъ трудѣ систематическое описаніе остатковъ древне-русской гражданской архитектуры, иллюстрируя тексты многочисленными, прекрасно и отчетливо исполненными рисунками, видами, планами и чертежами. Разсматриваемые г. Потановымъ памятники хотя и представляютъ почти исключительно образцы архитектуры XVII столѣтія, однако авторъ счелъ нужнымъ, въ видѣ вступленія, сказать нѣсколько словъ также о состояніи строительной дѣятельности на Руси, въ періодъ отъ X до XV вѣка, основываясь для этой эпохи почти исключительно на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ въ письменныхъ документахъ.

Далѣе, въ области раскопокъ отмѣтимъ слѣдующія статьи, находимыя во второмъ и третьемъ выпускахъ настоящаго тома: Богоявленскаго и Готье—«Отчетъ о раскопкахъ Елизаровскаго могильника, Волоколамскаго уѣзда, Московской губ. 1900 г.»; Городцова—«Замѣтка о доисторическихъ стоянкахъ побережья Бѣлаго моря»; Готье—«Докладъ о раскопкахъ 1901 г. въ окрестностяхъ с. Каменки, Харьковской губ., Изюмскаго уѣзда»; кн. Урусова—«Раскопки кургановъ Енисейской губ., Красноярскаго уѣзда». Изъ статей, относящихся къ эпиграфическимъ памятникамъ, обращаютъ на себя вниманіе весьма интересныя работы краковскаго профессора Леціевскаго и г. Щепкина. Статья профессора Леціевскаго (помѣщенная въ польскомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ г. Щепкина) трактуетъ о «Руническихъ надписяхъ на Алексановскихъ урнахъ» (о которыхъ см. статью Городцова—«Замѣтка о глиняномъ сосудѣ съ загадочными надписями» въ «Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ», 1897 г., выпускъ XII). Хотя соображенія автора относительно ру-

ническаго характера знаковъ на упомянутыхъ урнахъ и заслуживаютъ особаго вниманія, однако остальные его доводы «не имѣютъ, — какъ выражается г. Щепкинъ (въ замѣткѣхъ предпосланной переводу), — основанія въ данныхъ, изъ которыхъ должно было исходить изслѣдованіе». Самый вопросъ объ языкѣ алекановскихъ надписей продолжаетъ оставаться открытымъ. Статья г. Щепкина знакомитъ насъ съ «Новгородскими надписями—graffiti». Какъ извѣстно, при реставраціи Новгородскаго Софійскаго собора были открыты подъ современнымъ поломъ надписи и изображенія, «черченныя острымъ орудіемъ и относящіяся къ древнѣйшей эпохѣ существованія храма». Академикъ архитектуры г. Сусловъ, завѣдывавшій реставраціей храма, прислалъ въ Московское археологическое общество для изданія 42 слѣпка на мастикѣ (все они прекрасно изданы въ девяти фототипическихкихъ таблицахъ), снятые съ надписей, обнаруженныхъ при ремонтѣ 1898—1899 гг. (Надписи, открытыя въ 1894—1895 гг., готовятся къ изданію императорскою археологическою комиссіей). Работа г. Щепкина представляетъ детальное изученіе этого новаго эпиграфическаго матеріала какъ съ лингвистической, такъ и съ палеографической точекъ зрѣнія. Изученіе особенностей начертанія отдѣльныхъ буквъ заставляетъ отнести все надписи къ древнѣйшей порѣ русской письменности, а именно къ эпохѣ XI—XII вѣковъ. Что касается языка надписей, то въ немъ «на ряду съ явно выраженными русскими особенностями, отчасти даже областными, встрѣчаются лишь очень рѣдко, и то не вполне достовѣрныя черты старо-славянскаго языка». Въ числѣ этихъ надписей двѣ писаны глаголицей. Къ статьямъ, изслѣдующимъ памятники древней письменности, иллюстрированныя рисунками, принадлежитъ работа профессора Рѣдина—«О нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописяхъ «Шестоднева» Іоанна, экзарха болгарскаго» (съ 16 рис. въ текстѣ). Наконецъ, если мы упомянемъ о статьяхъ по церковной живописи г. Успенскаго—«Государевъ иконописецъ грекъ Апостоль» (весьма интересная статья, иллюстрирующая нѣкоторыя стороны русской культуры XVII вѣка) и «Исторія стѣнописи Успенскаго собора въ Москвѣ» (съ 7 рис. въ текстѣ), то мы почти закончимъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ изслѣдованій, помѣщенныхъ на страницахъ XIX тома «Древностей». Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей на интересный «Отчетъ по XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ», принадлежащій перу предсѣдателя Московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой.

Л. М.

М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II (1877—1884). Изданіе П. Юргенсона. Москва—Лейпцигъ. 1902.

Объемистое и широко задуманное г. Модестомъ Чайковскимъ жизнеописаніе его знаменитаго брата благополучно подвигается впередъ. Какъ и въ первомъ ¹⁾, во второмъ томѣ (695 стр.) главнымъ матеріаломъ служатъ письма композитора, помѣщенныя въ хронологическомъ порядкѣ. Изъ общаго числа

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», августъ 1901 г.

609 писемъ 282 письма адресованы къ разнымъ лицамъ: къ братьямъ Анатолю Ильичу (46 писемъ) и Модесту Ильичу (84 писемъ), къ П. И. Юргенсону (93 письма) главнымъ образомъ по издательскимъ дѣламъ, къ С. П. Танѣеву, ученику Чайковскаго, композитору и бывшему директору Московской консерваторіи (17 писемъ), къ Ник. Гр. Рубинштейну, другу Чайковскаго, знаменитому пианисту и основателю той же консерваторіи (8 писемъ), къ двоюродной сестрѣ Чайковскаго, А. П. Мерклингъ (7 писемъ), къ Э. Ф. Направнику, композитору и директору Петербургской Маринской оперы (6 писемъ), къ Л. Ткаченку (5 писемъ), которому Чайковскій оказывалъ по его просьбѣ нравственную и матеріальную поддержку, помѣстивъ его въ консерваторію, къ К. К. Альбрехту (4 письма), профессору Московской консерваторіи, къ П. В. Чайковской (4 письма), къ А. Бродскому (2 письма), исполнившему въ первый разъ въ Вѣнѣ скрипичный концертъ Чайковскаго, и къ прочимъ лицамъ (6 писемъ). Остальная главная масса (327) писемъ, представляющихъ наибольшій интересъ, адресована Н. Ф. фонъ-Меккъ, вдовѣ извѣстнаго желѣзнодорожнаго дѣятеля. Чайковскій лично съ ней знакомъ не былъ, тѣмъ не менѣе въ правѣ былъ назвать ее лучшимъ своимъ другомъ. Образованная, умная, энергичная, музыкальная, родственная по духу Чайковскому, женщина съ громадными средствами, она глубоко поняла и оцѣнила его талантъ, а по рассказамъ его друзей и его личности, сдѣлалась страшной поклонницей его музыки, вступила съ нимъ въ переписку и обезпечила любимому композитору матеріальное существованіе. Роль ея въ жизни Чайковскаго громадна. Благодаря ей, онъ могъ оставить тяготившее его профессорство въ консерваторіи, жить по долгу за границей (больше всего въ Италіи) или гостить, наслаждаясь желаннымъ одиночествомъ, въ помѣстьяхъ своей покровительницы и предаваться свободному творчеству, составлявшему непреодолимую его потребность.

Семилѣтній періодъ, которому посвященъ второй томъ, и который біографъ называетъ Каменскимъ по имени Каменки, главнаго тогда *ried à terre* Чайковскаго, отдохавшаго душой среди семейства родныхъ его Давыдовыхъ, является расцвѣтомъ творчества нашего композитора. За это время были написаны: четвертая симфонія (ор. 36 F-moll), посвященная «моему лучшему другу» (г-жѣ Меккъ), три сюиты для оркестра (ор. 43, 53, 55), «Итальянское каприччіо» (ор. 45), серенада для смычкового оркестра (ор. 48), торжественная увертюра 1812 г. (ор. 49) на освященіе собора Спасителя въ Москвѣ, фортепіанная соната (ор. 37.9—Dur), два скрипичныхъ концерта (ор. 35 и 44), «Воспоминаніе дорогого мѣста»—три пьесы для скрипки и фортепіано (ор. 42), литургія св. Іоанна Златоуста (ор. 41), всеобщее бдѣніе (ор. 52), тріо для фортепіано, скрипки и віолончели (ор. 50), затѣмъ оперы: «Евгеній Онѣгинъ» (лирическія сцены), «Орлеанская дѣва», «Мазепа», коронаціонная кантата «Москва» (1883 г.), коронаціонный маршъ, наконецъ концертная фантазія для фортепіано съ оркестромъ (ор. 56), масса фортепіанныхъ пьесъ и романсовъ.

Разсѣянные повсюду въ письмахъ свѣдѣнія объ этихъ сочиненіяхъ имѣютъ не только біографическій интересъ, но зачастую драгоценны и для всякаго слушателя и любителя музыки Чайковскаго. Такова, напримѣръ, даваемая са-

миль композиторомъ въ одномъ изъ писемъ къ г-жѣ фонъ-Меккъ программа 4-й симфоніи, проливающая свѣтъ на содержаніе этой симфоніи.

Съ чисто біографической точки зрѣнія можно поставить нѣкоторый упрекъ автору «Жизни П. П. Чайковскаго».

Письма безспорно одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ путей для характеристики личности пишущаго, но, во-первыхъ, одинъ этотъ путь еще недостаточенъ: важны факты, отзывы, воспоминанія лицъ, знавшихъ Чайковскаго, во-вторыхъ, помѣщаемыя не цѣликомъ, а съ пропусками (многія письма начинаются добросовѣстно поставленнымъ многоточіемъ), письма въ такомъ видѣ наводятъ на размышленіе, насколько можетъ быть полна и точна такая автобіографія. Не сомнѣваемся, что пропуски имѣютъ свои причины, какъ, напримѣръ, нежелательность увеличенія и безъ того большого объема жизнеописанія или несущественныя и интимныя подробности, но объ этихъ причинахъ необходимо было бы оговорить.

Все это съ точки зрѣнія біографической. Сами же по себѣ и въ томъ видѣ, какъ помѣщены письма Чайковскаго, они остаются, какъ и въ первомъ томѣ, весьма содержательными, заключая въ себѣ много матеріаловъ для эстетики и исторіи музыки, преимущественно русской. По своему же простодушному и искреннему тону и живости литературнаго изложенія они несомнѣнно привлекутъ къ себѣ всякаго и не музыкальнаго читателя и невольно заставятъ его обратить вниманіе и глубже проникнуть въ музыку ихъ автора. Григорій Тимофеевъ.

Памятная книжка Вятской губ. и календарь на 1902 годъ. Вятка. 1901.

Это изданіе, вступившее въ 23-й годъ своего существованія, по обыкновенію, составлено интересно и разнообразно. Послѣ длиннаго ряда статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній за 1900 годъ, слѣдуетъ обширный отдѣлъ статей, касающихся мѣстнаго края, преимущественно историческихъ. Г. Эргинъ даетъ обстоятельное обзорѣе эксплоатации Пермско-Котласской желѣзной дороги. А. С. В.—нъ выступаетъ въ календарѣ съ нѣсколькими новыми изысканіями и замѣтками. Въ статьѣ «Вятскій Успенскій монастырь при преп. Трифонѣ» онъ издаетъ интересную дозорную книгу монастыря 1601 года, отчасти уже извѣстную по изслѣдованіямъ профессора Дьяконова и Н. П. Лихачева. Дозоръ этотъ является мѣрою совершенно экстраординарною и, по остроумному соображенію г. В.—на, находится въ связи съ московскимъ боярскимъ розыскомъ 1601 г., направленнымъ въ сторону первыхъ слуховъ о царевичѣ Димитріи. Авторъ предполагаетъ вѣроятнымъ, что розыскъ отведенъ былъ чудовскими старцами въ направленіи хлыновскаго игумена, совершившаго надъ Отрещевымъ постриженіе, и что дозоръ Хлыновскаго монастыря является собственно розыскомъ о лицахъ монастыря и бумагахъ его игумена. Въ связь съ тѣмъ же розыскомъ г. В.—нъ ставитъ извѣстіе о пребываніи препод. Трифона въ темницѣ и объ его «ростригѣ» въ Москвѣ. Какъ ни любопытно приведенное сопоставленіе событій, мы рѣшительно высказываемся противъ него.

Если бы дѣйствительно шелъ въ Москвѣ розыскъ и спеціально о препод. Трифонѣ, то, конечно, слѣдствіе о немъ на Вяткѣ было бы поручено спеціальному довѣренному лицу, а ничуть не городовому приказчику, совершенно не знавшему, что собственно имѣется въ виду достигъ его дозоромъ. Да и какъ преподобный Трифонъ рѣшился бы сохранять подозрительныя бумаги въ кельѣ, и какія это могли быть бумаги? Въ житіи преподобнаго дѣйствительно говорится о пребываніи его въ темницѣ послѣ смѣщенія съ игуменской должности, но, безъ сомнѣнія, эта темница была обыкновенная монастырская, до которой городской приказчикъ не имѣлъ никакого касательства, и въ которую его легко могъ посадить любимецъ новаго игумена Юны, Федоръ. Что же касается таинственнаго и ни съ чѣмъ несообразнаго «рострига» преподобнаго Трифона, то мы здѣсь видимъ простое недоразумѣніе. Безъ сомнѣнія, въ документѣ 1615 г. извѣстную фразу нужно читать: «та грамота у прежнего архимарита у Трифона утерялась при Ростригѣ на Москвѣ», а не: «при ростригѣ», какъ напечатано издателемъ (Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края, стр. III). Преподобный Трифонъ отправился въ Москву переписывать жалованную грамоту на имя царя Димитрія и затерялъ ее тамъ, можетъ быть, гдѣ нибудь въ приказѣ. Впослѣдствіи, хотя онъ и былъ изгнанъ изъ своего монастыря, но игуменствовалъ въ другомъ, имъ же основанномъ; о ростригѣ его не можетъ быть и рѣчи. Итакъ, поводъ къ дозору Хлыновскаго монастыря 1601 г. пока не можетъ считаться опредѣленнымъ. Въ статьѣ: «Почитаніе на Вяткѣ Николая Можайскаго въ XVII вѣкѣ», приводится одинъ документъ 1679 г., уже напечатанный г. Бѣлокуровымъ, съ комментариемъ. Для насъ не ясно, былъ ли упоминаемый въ этомъ документѣ походъ въ Вобловицкую волость обычнымъ, или же по какому нибудь отдѣльному случаю. Въ послѣдней статьѣ г. В—на: «Эпизоды изъ жизни основателя Вятской семинаріи» (стр. 50—102), излагается исторія прибытія въ Вятку епископа Лаврентія Горки и первой борьбы его съ отдѣльными представителями мѣстнаго духовенства. Какъ и во всѣхъ работахъ г. В—на, здѣсь проявляется великая начитанность его какъ въ источникахъ, такъ и въ пособіяхъ. Послѣ продолженія безконечно длинной, скучной и безплодной статьи: «Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края», авторъ которой на сей разъ отваживается даже на доисторическую археологію, при чемъ созидаетъ рядъ собственныхъ философическихкихъ наблюденій, слѣдуетъ очень полная «Хроника общественной жизни г. Вятки и Вятской губерніи за 1901 годъ». Книга заключается подробнымъ адресъ-календаремъ.

А. С.

Алексѣй Веселовскій. Байронъ, біографическій очеркъ съ двумя фототипіями Фишера. Москва. 1902.

Съ именемъ великаго поэта всегда соединяется то общественно-литературное направленіе, которымъ было увлечено общество въ началѣ прошлаго столѣтія. Переводы его стихотвореній чуть ли не съ 20-хъ годовъ появлялись на страницахъ русскихъ періодическихкихъ изданій. Нельзя этого сказать о біо-

графическихъ данныхъ, которыми въ особенности бѣдна наша литература. Мы или пользовались переводными біографіями, или имѣли небольшія замѣтки въ журналахъ, при этомъ самая обширная, хотя и компилятивная работа по біографіи Байрона на русскомъ языкѣ относится къ 1850 году и была напечатана въ «Современникѣ». Изъ позднѣйшихъ біографій мы можемъ указать только на біографію, написанную Шерромъ для изданія Гербеля «Байронъ въ переводѣ русскихъ поэтовъ». За послѣдніе годы было обнаружено много новаго матеріала для біографіи Байрона въ изданіи внука его, лорда Ловлеса, куда вошли болѣе шестисотъ, раньше неизвѣстныхъ, писемъ, вариантовъ и стихотвореній поэта, которые помогли болѣе ясно обрисовать и понять важныя черты въ жизни Байрона. Въ виду этого авторъ настоящей книги, собравъ все выдающееся по данному предмету въ иностранной литературѣ и пользуясь рукописными или рѣдкими напечатанными матеріалами въ бібліотекахъ Англіи и Италіи, нашелъ своевременнымъ пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ, собравъ въ одну книгу и значительно дополнивъ свои отдѣльныя статьи, которыя печатались въ «Вѣстникѣ Европы» за 1900 годъ. Входить въ разборъ воззрѣній г. Веселовскаго на жизнь поэта не имѣетъ значенія, такъ какъ въ свое время объ этомъ писалось достаточно. Что же касается фактическаго матеріала, то большаго нельзя и требовать. Дѣтство, юношескіе годы, начало литературной славы—все это, конечно, можетъ быть темой для монографій. Но всѣ существенныя черты жизни поэта настолько хорошо обрисованы въ біографіи г. Веселовскаго, что передъ нами ясно встаетъ мощная, многострадальная личность со всѣми ея желаніями и стремленіями. Къ сожалѣнію, авторъ не вслѣдъ объективенъ и невольно идеализируетъ личность поэта, такъ что нѣкоторыя мѣста уже не носятъ характера біографіи, а становятся сплошнымъ панегирикомъ.

Написаны очерки легкимъ, прекраснымъ языкомъ, виолнѣ доступнымъ для обширнаго круга читателей. Издана книга тоже прекрасно, при чемъ особенно привлекаетъ вниманіе роскошная и удачная фототипія—портретъ Байрона.

В. Ивановичъ.

Разказы изъ русской исторіи, составленные комиссіей преподающихъ исторію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Тифлиса. Курсъ 1-го и 2-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тифлисъ. 1902.

Въ числѣ многочисленныхъ перемѣнъ, предположенныхъ для преобразованія нашей средней школы въ министерство ген.-ад. Ванновскаго, между прочимъ, стоитъ и преподаваніе русской исторіи въ двухъ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Предполагалось при этомъ, что такіе разказы изъ родного прошлаго будутъ способствовать зарожденію патріотическихъ чувствъ въ дѣтской душѣ. Въ минувшемъ учебномъ году былъ сдѣланъ опытъ постановки такого курса, и нельзя сказать, чтобы всѣ, дорожащіе пользами русской школы, вынесли полное удовлетвореніе изъ этого опыта. Прежде всего оказа-

лось одно чисто внѣшнее препятствіе къ уснѣшному веденію дѣла, именно недостатокъ подходящаго учебника. Но этого мало; принимая во вниманіе возрастъ и развитіе учениковъ двухъ младшихъ классовъ, оказалось очень труднымъ знакомить ихъ съ историческими фактами: на выборъ представлялось или свести историческій разсказъ къ дѣтской сказочкѣ, или же, не роняя достоинства историческаго преподаванія, морить дѣтей непосильной работой. Едва ли новая школа серьезно захочетъ въ число предметовъ преподаванія внести также и тѣ исторіи, что покойная скотница Хавронья разсказывала извѣстному Митрофану Простакову, а съ другой стороны врядъ ли желательно вернуться къ образу дѣйствиій старой, дереформенной школы, заставлявшей своихъ питомцевъ заниматься чѣмъ понало—посильнымъ или непосильнымъ, лишь бы были заняты. Надо поэтому надѣяться, что неудачное начинаніе прошлаго министерства не будетъ имѣть будущности.

Опытъ минувшаго года имѣлъ, однако же, и хорошую сторону, приведя къ созданію нѣсколькихъ сборниковъ историческихъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста; разумѣется, сборники эти представляютъ собою лишь рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ примирить отчужденное нами противорѣчіе.

Къ числу сборниковъ этого рода принадлежитъ книжка разсказовъ, составленныхъ преподавателями тифлискихъ учебныхъ заведеній. Авторы, насколько то было возможно, справились со своею задачею. Можно, правда, не соглашаться съ выборомъ историческаго матеріала, напримѣръ, прямо таки рѣжетъ глазъ отсутствіе разсказа о св. Ольгѣ, о Хмельницкомъ, и въ то же время развѣ лишь мѣстными нуждами можетъ быть оправдано помѣщеніе разсказовъ о присоединеніи Грузіи и покореніи Кавказа, но въ общемъ книжка производитъ впечатлѣніе благоприятное; можно лишь сомнѣваться, чтобы слогъ и даже характеръ изложенія нѣкоторыхъ разсказовъ соответствовали задачѣ усвоенія ихъ содержанія маленькими дѣтьми.

М. П.—й.

Leonard de Verdmon Jacques. Krótka monografia wszystkich miast, miasteczek i osad w Królestwie Polskiem. Nakładem Felicjana Borislawskiego. Warszawa. 1902.

Вотъ книга интересная и въ высокой степени полезная. На 330 ея страницахъ авторъ даетъ описаніе четырехсотъ шестидесяти двухъ городовъ, мѣстечекъ и посадовъ въ царствѣ Польскомъ. Въ заголовкѣ книги сказано всѣхъ, но, какъ увидимъ ниже, это не совсѣмъ такъ: пропуски въ этомъ изданіи, какъ и во всякомъ ему подобномъ, оказались неизбѣжными. Въ польской литературѣ уже существуетъ превосходный географическій словарь—«Słownik geograficzny», первый томъ котораго вышелъ въ 1860 году подъ редакцію В. Хлѣбовскаго, а теперь выходятъ къ нему томы supplementum. Въ упомянутомъ словарѣ заключаются описанія, болѣе или менѣе подробныя, не только мѣстностей, входящихъ въ районъ десяти губерній современнаго царства Польскаго, но и находящихся въ другихъ славянскихъ краяхъ (Россіи,

Богемін, Сербін и т. д.). Къ сожалѣнію, словарь этотъ очень дорогъ и, благодаря этому, для большинства желающихъ имъ пользоваться недоступенъ. И вотъ на помощь является г. Leonard de Verdmon Jacques со своею книгою. Мы, разумѣется, не можемъ утверждать, что книга его замѣняетъ вполне «Słownik» Хлѣбовскаго, но во всякомъ случаѣ она полезна и для историка и для путешественника, помогая въ изученіи края и въ ознакомленіи съ нимъ. Достоинство ея еще и въ томъ, что свѣдѣнія новыя, послѣднія по времени. Напримѣръ, описывая Виштынецъ, посады въ Вылковскомъ уѣздѣ Сувалской губерніи, авторъ упоминаетъ о прошлогоднемъ посѣщеніи Виштынца императоромъ Вильгельмомъ II, передавшимъ населенію, пострадавшему отъ пожара, высочайшее его величества императора Николая II денежное пособие (стр. 305). Говоря объ Ойцовѣ (стр. 175), чудесной климатической станціи въ Кѣлецкой губерніи, г. de Verdmon предупреждаетъ путешественниковъ, что тамъ и скверныя дороги, и недостатокъ квартиръ, и отсутствіе сноснаго ресторана... Но еще Теренцій сказалъ: «homo sum, humani nil a me alienum esse puto». Такъ и у г. de Verdmon... Описывая Ломжу (144—146), онъ говоритъ: «Въ Ломжѣ въ средѣ интеллигенціи чрезвычайно распространена игра въ карты», какъ будто бы и на самомъ дѣлѣ Ломжа представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе... А въ Сувалкахъ, а въ Плоцкѣ, а въ Варшавѣ развѣ не процвѣтаетъ это мерзкое занятіе? Памятникъ императору Александру II въ Ченстоховѣ поставленъ не въ 1879 году (41), а въ 1889 году. Ближайшая желѣзнодорожная станція къ Макову (151) не Пултускъ, который совсѣмъ не стоитъ на желѣзнодорожной линіи, а Вышковъ. Въ Ломжѣ существуетъ женскій монастырь ордена бенедиктинскокъ, а не бернардинокъ (145). Въ описаніи Кольна (100) не упомянуто, что изъ этого городка происходилъ Jan Scolnius — славянскій Колумбъ второй половины XV столѣтія¹⁾. Кромѣ того, есть и пропуски. Не упоминается о посадахъ: Червинѣ (Остроленскаго уѣзда Ломжинской губерніи), Едвабно (Кольненскаго уѣзда той же губерніи), Зарембы-Костельне (Островскаго уѣзда Ломжинской губерніи), Яблонкѣ (Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губерніи). Книга издана изящно и стоитъ очень недорого (1 р. 50 к.). Нельзя не пожелать появленія подобныхъ изданій, то есть, полныхъ по содержанию и доступныхъ по цѣнѣ, въ русской литературѣ.

Г. А. Воробьевъ.

А. Рождествинъ. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902.

Въ этой небольшой брошюрѣ—двѣ главы. Въ первой главѣ г. Рождествинъ, пользуясь общезвѣстной біографіей Н. С. Никитина, написанной М. Θ. Деппеле, даетъ краткій очеркъ жизни поэта. Достоинства очерка—доступность и простота изложенія. Ничего новаго къ біографіи Никитина г. Рождествинъ, конечно, не прибавляетъ, но зато у него есть стремленіе провѣрить ходячія мнѣнія о поэтѣ. Ему кажется не соответствующимъ дѣйствительности обычное,

¹⁾ Объ немъ наша замѣтка въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1900 г., № 2.
Г. В.

установившееся мнѣніе о происхожденіи и воспитаніи поэта. Всѣ біографы П. С. Никитина, говоря о средѣ, окружавшей его, опредѣляютъ ее, какъ среду мѣщанско-кулическую со всѣми характерными ей признаками, и отмѣчаютъ въ жизни Никитина немало слѣдовъ этой среды, царства торговли и наживы. Г. Рождествинъ пытается дискредитировать это ходячее мнѣніе, но неудачно. Г. Рождествинъ обращаетъ вниманіе на то, что отецъ Никитина происходилъ изъ духовнаго званія, но этотъ чисто внѣшній фактъ нисколько не опровергаетъ представленія объ отцѣ Никитина, какъ о торгошѣ-самодурѣ. Характеризуя личность поэта, г. Рождествинъ хочетъ создать изъ него чуткаго, перваго интеллигента съ характерной особенностью людей этого типа, отсутствіемъ специфическихъ слѣдовъ обстановки, въ которой они выросли. Съ такой характеристикой трудно согласиться. Всѣ имѣющіеся у насъ данныя, свидѣтельства современниковъ, наконецъ біографія, написанная человѣкомъ, хорошо знавшимъ Никитина, подтверждаютъ несомнѣнно вліяніе мелко-буржуазной среды. Но соображенія г. Рождествина, быть можетъ, имѣютъ вѣсь для опроверженія крайнихъ взглядовъ на значеніе обстановки для жизни и поэзіи Никитина.

Въ второй главѣ своей брошюры г. Рождествинъ даетъ характеристику «поэзіи нужды и горя». Къ сожалѣнію, въ эту часть своей работы авторъ не внесъ стремленія давать новое освѣщеніе извѣстнымъ фактамъ, и его характеристика поэзіи Никитина оказалась похожей на школьныя характеристики, перечни содержанія произведеній поэта по рубрикамъ: нужда, горе, народный бытъ, религія по произведеніямъ П. С. Никитина. Поэтому характеристика поэзіи Никитина, данная г. Рождествиннымъ, безусловно лишена всякаго значенія. Когда читаешь подобныя критическія произведенія, съ грустью думаешь о томъ, зачѣмъ они печатаются, почему же авторы ихъ не даютъ себѣ ни малѣйшаго труда задуматься надъ тѣмъ и серьезнѣе отнестись къ тому, что они пишутъ.

П. Ш.

А. Погодинъ. Виленскій учебный округъ 1803 -- 1831 годовъ. Введеніе къ IV тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія». Спб. 1901.

Темою своего труда г. Погодинъ взялъ попреимуществу общественныя настроенія польскихъ дѣятелей по народному просвѣщенію въ то время, когда, благодаря освободительнымъ взглядамъ императора Александра I, стремленія нѣкоторыхъ патріотовъ Польши тяготѣли не только къ отстаиванью самостоятельности родины, но и къ колонизаціи нѣкоторыхъ чуждыхъ ей областей. Поляки этой эпохи мечтали не только возстановить Польшу въ ея національныхъ предѣлахъ, но и присоединить къ польской коронѣ Литву и Украину.

Однимъ изъ такихъ мечтателей былъ извѣстный другъ императора Александра I, князь Адамъ Чарторыйскій, пламенный патріотъ, а потому и узкій

крайній націоналізмъ. Личность Чарторыйскаго до сихъ поръ представляеть собою личность, еще не оцѣненную, какъ сѣдуетъ, исторіей, однимъ (полякамъ) онъ кажется героемъ свободы, другимъ (русскимъ) политическимъ агитаторомъ, не колебавшимся жертвовать истиной и правдой ради націоналистическихъ убѣжденій. Какъ справедливо замѣчаетъ г. Погодинъ, «врядъ ли безпристрастная критика, для которой настанетъ время, когда политическія страсти, волновавшія Чарторыйскаго и его цѣнителей, отойдутъ въ область преданій, приметъ ту или другую изъ этихъ крайнихъ точекъ зрѣнія». Чарторыйскій явленіе историческое, обусловленное временемъ и средой своего возникновенія. Онъ былъ мечтатель, но не обманщикъ; онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій передъ вѣщеноснымъ другомъ и дѣйствовать прямо, такъ какъ, это казалось ему наиболѣе полезнымъ для Польши. Онъ понималъ всю силу просвѣщенія для господства опредѣленнаго направленія мысли. А полопофильскія идеи, не исключая даже возвращенія Польши ею нѣкогда захваченныхъ литовскихъ и украинскихъ областей, находили себѣ официальную поддержку.

Сознавая силу образования, Чарторыйскій въ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа сдѣлалъ все, чтобы пронитать высшую и среднюю школу польскимъ духомъ и такимъ образомъ воздѣйствовать и на самое общество. Старанія Чарторыйскаго въ этомъ направленіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ преобразовалъ и поднялъ высшее общеобразовательное училище въ Вильнѣ, откуда вышелъ цѣлый рядъ убѣжденныхъ борцовъ за польскую идею; онъ старался въ томъ же духѣ направлять гимназій или, какъ ихъ тогда называли въ Польшѣ, новѣтovyя (уѣздныя) школы.

Насколько было возможно, то, что дѣлалъ для Литвы Чарторыйскій, на Украинѣ исполняли Чацкій. Роль Чацкаго была скромнѣе роли Чарторыйскаго, такъ какъ онъ по своимъ обязанностямъ являлся только визитаторомъ, т. е. окружнымъ инспекторомъ трехъ украинскихъ губерній (Волынской, Подольской и Кіевской). Чацкій придавалъ среднему образованію большее значеніе, нежели вышему. Поэтому между прочимъ онъ столько старанія положилъ на преобразование Кременецкой гимназій, которая въ своемъ новомъ видѣ явилась всецѣло дѣтищемъ Чацкаго. Кременецкая гимназія-лицей немногу сдѣлалась центромъ украинскаго полопофильства.

Этой интересной эпохой занялся г. Погодинъ и достигъ не менѣе интересныхъ результатовъ. Почтенный ученый даетъ мѣткія характеристики Чарторыйскаго, Чацкаго и ихъ сподвижника Коллонтая, очерчиваетъ дѣятельность Виленскаго университета, Кременецкаго лицея, описываетъ общественныя движенія въ тогдашней польской въ существѣ, хотя и русской снаружи, школѣ. Г. Погодинъ, знакомый съ польскимъ языкомъ и потому имѣвшій возможность изучить относящуюся къ вопросу литературу на польскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ надъ подлиннымъ архивнымъ матеріаломъ министерства народнаго просвѣщенія. Помимо добросовѣстности въ настоящемъ случаѣ необходимо отмѣтить и литературность изложенія, не всегда встрѣчающуюся у патентованныхъ ученыхъ.

Гр. А. А. Бобринскій. Секта Исмаиля въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географическое распространение и организація. Москва. 1902.

Графу А. А. Бобринскому во время экскурсіи въ средне-азіатскія владѣнія пришлось посѣтить также нѣкоторые таджикскія общества на верхнемъ Пянджѣ, расположенныя между отрогами сѣвернаго склона Гиндукуша и юго-западными склонами Нампровъ. Въ данной мѣстности, какъ оказалось, населеніе принадлежит не къ шіитскому толку, а къ сектѣ Исмаиля, возникшей еще въ средніе вѣка (около 765 года). Секта Исмаиля является одною изъ самыхъ радикальныхъ шіитскихъ сектъ; философская сторона ея имѣетъ много общаго съ радикальными вѣтвями суфизма. Такъ какъ эти сектанты тщательно скрываютъ свое ученіе отъ непосвященныхъ, то нашему автору пришлось ограничиться вопросами географическаго распространенія и высшей организаціи данной секты. Свои свѣдѣнія, полученныя отъ трехъ «шировъ» (т. е. старцевъ), графъ Бобринскій излагаетъ въ видѣ трехъ отдѣльныхъ бесѣдъ съ этими главариами секты. Дѣлая общую характеристику сектантовъ, нашъ авторъ указываетъ на строгую нравственную дисциплину, царящую среди нихъ, на ихъ покойный, мягкій характеръ, привязанность «къ своему гнѣзду» и отсуствіе фанатизма по отношенію къ христіанамъ.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ слѣдующія мысли по поводу отношеній Россіи къ мусульманству въ Средней Азіи: «Въ настоящее время мы покровительствуемъ только однимъ суннитамъ, игнорируя не только мелкія секты (Исмаиля, Бабидовъ), но даже шіизмъ, какъ будто наша цѣль — объединеніе мусульманства и поглощеніе всѣхъ его развѣтвленій суннизмомъ, что, какъ мнѣ кажется, не волигъ совпадаетъ съ нашими интересами. Я же думаю, что нашъ прямой политическій расчетъ признавать за всѣми расценленіями мусульманства право на официальную и самостоятельную жизнь и... считать обязательнымъ для насъ охрану этого права отъ посягательства на него со стороны болѣе сильнаго и боевого исновѣданія».

Л. М.

В. Смоленскій. Исторія польскаго народа. Переводъ. Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1901.

Литература по исторіи Польши очень обширна на родномъ языкѣ, но систематизаторовъ ея мы имѣемъ очень мало, и въ то время, какъ одни вопросы можно считать окончательно разобранными, другіе забыты въ небольшихъ брошюрахъ или журнальныхъ статьяхъ. Между тѣмъ потребность въ систематизаціи такого обширнаго матеріала, который имѣется по исторіи польскаго народа, назрѣла давно и настолько, что даже спеціально для разработки этого вопроса созывались съѣзды польскихъ историковъ. Изъ этого ясно, что появленіе всякой новой книги по исторіи «польскаго народа» встрѣчается съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, если книга даже носитъ названіе, которое позволяетъ заранее предположить въ ея авторѣ стремленіе разобраться въ тѣхъ историче-

скихъ процессахъ, которыми такъ богата исторія народа, существующаго de facto и потерявшаго въ настоящее время административную организацію. Къ сожалѣнію, книга г. Смоленскаго въ этомъ смыслѣ удовлетворить читателя не можетъ. Да и авторъ ся самъ, видимо, не преслѣдуетъ большихъ историческихъ горизонтовъ и ограничивается совѣмъ скромной задачей не итти дальше изложенія фактического матеріала, оставивъ въ сторонѣ даже критическое отношеніе къ нему.

Начинается книга Смоленскаго такъ же, какъ и всѣ исторіи подобнаго рода. Довольно обширное введеніе, въ которомъ говорится о происхожденіи народа, начиная съ расселенія славянскаго племени, при чемъ здѣсь же отводится небольшое мѣсто и описанію славянскоѣ языческой религіи. Причину же образованія государствъ изъ славянскихъ племенъ авторъ видитъ въ «набѣгахъ непріятели», при чемъ изъ пяти возникшихъ государствъ, по его словамъ, болгарское и русское возникли подъ иноземными вліяніями, чешское же, сербское и польское были самостоятельными созданіями. Какъ же это такъ?.. то непріятели, то какое-то «самостоятельное созданіе»? Неясно, какъ для читателя, такъ и для самого автора. Далѣе идетъ чисто фактическая часть, что тотъ-то воевалъ съ тѣмъ-то, а этотъ сдѣлалъ то-то. Отказать въ обширности матеріала г. Смоленскому нельзя, но нельзя и г. Смоленскому свою книгу назвать исторіей польскаго «народа», когда ее съ большой натяжкой можно назвать, пожалуй, политической исторіей Польши. Доведена исторія польскаго народа только до 1790 года. Издана книга небрежно: скверная печать, плохая бумага. Издатель—редакція журнала «Вѣстникъ всемірной исторіи» по какому-то никому неизвѣстному причинамъ отнесъ эту книгу къ избраннымъ сочиненіямъ по исторіи народовъ, но не потрудился предислать отъ себя какое нибудь предисловіе этому «избранному» сочиненію. Если нѣтъ силъ издать книгу прилично, то не слѣдуетъ брать на себя неносильную задачу и смѣлость издавать цѣлую «бібліотеку».

В. Инскій.

Г. І. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. М. 1902.

Авторъ этого труда изучаетъ условія, отъ которыхъ зависитъ существованіе или отсутствіе рабства у дикихъ племенъ. Такъ какъ дикарь представляетъ человѣка въ первобытномъ состояніи, то изъ современнаго состоянія дикихъ племенъ этнологи выводятъ заключенія о древнѣйшемъ состояніи челоуѣчества. Сравнивая учрежденія различныхъ дикихъ племенъ, можно найти социологическіе законы, имѣющіе примѣненіе къ соціальной жизни цивилизованныхъ народовъ. Причины, приводящія къ рабству или, наоборотъ, препятствующія ему, авторъ раздѣлилъ на внутреннія и вишія. Рабство не можетъ существовать, гдѣ нѣтъ внутреннихъ побудительныхъ мотивовъ къ этому, гдѣ въ рабскомъ трудѣ нѣтъ никакой выгоды ни экономической, ни неэкономической. Но если даже есть мотивы, рабство не будетъ существовать, если нѣтъ вишнихъ причинъ, дѣлающихъ его возможнымъ, т. е. если не имѣется случаевъ приобрѣсти рабовъ и удержать ихъ за собою. Вездѣ люди были склонны взва-

ливать на другихъ тяжелую работу. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ черную работу исполняетъ слабый полъ. Австралійскія и меланезійскія женщины занимаютъ мѣсто рабовъ. Рабовъ могутъ держать ради одной роскоши, т. е. въ цѣляхъ неэкономическихъ.

Вся книга распадается на двѣ части (описательную и теоретическую) и включаетъ въ себѣ семь главъ: I—опредѣленіе рабства и его отличіе отъ родственныхъ явленій, II—географическое распредѣленіе рабства, III—истодъ и классификація, IV—охотники и рыболовы, V—пастушескія племена, VI—земледѣльскія племена и VII—заключение, содержащее программу дальнѣйшаго изслѣдованія древнѣйшей исторіи рабства. Въ главѣ второй авторъ, говоря о географическомъ распредѣленіи рабства, въ § 13 упоминаетъ Кавказъ и утверждаетъ: «рабство, несомнѣнно, существуетъ у осетинъ и черкесовъ», при чемъ ссылается на Клапрота, Моргана, Палласа и Ковалевскаго. Едва ли рѣшительно можно увѣрять, что нынѣ рабство существуетъ у названныхъ кавказскихъ народностей. Къ книгѣ приложенъ списокъ источниковъ, и пользованіе ею облегчено хорошо составленнымъ указателемъ. Переводъ русскій сдѣланъ лицомъ, извѣстнымъ въ русской этнографической литературѣ. А. Хах—овъ.

Dr. phil. Альбертъ Родэ. Гауптманъ и Нитцше. Къ объясненію «Потонувшаго колокола». Пер. съ нѣм. В. Мейерхольда и А. Ремизова. М. 1902.

Эта небольшая изящно изданная книжка въ оригинальной обложкѣ содержитъ критико-философскій этюдъ д-ра философіи Родэ, посвященный выясненію основной идеи извѣстной пьесы-сказки Гауптмана. Родэ съ полнотой основательностью устанавливаетъ связь мыслей драмы съ идеями Фридриха Нитцше. Ближайшимъ источникомъ, вдохновлявшимъ Гауптмана, Родэ считаетъ книгу Нитцше «Къ генеалогіи морали». Остроумнымъ подборомъ параллельныхъ мѣстъ изъ драмы и сочиненія Нитцше авторъ брошюры констатируетъ вліяніе Нитцше на Гауптмана не только въ мысляхъ драмы, но и въ выраженіи этихъ мыслей — въ отдѣльныхъ фразахъ. По мнѣнію Родэ, литейщикъ Генрихъ является творящимъ въ смыслѣ Заратустры, который погибаетъ отъ самого себя, который самъ былъ своимъ наибольшимъ врагомъ, потому что онъ еще не убилъ своей совѣсти. Мастеръ Генрихъ — высшій человекъ, чувствующій въ себѣ призваніе къ сверхчеловѣку. Если такова идея драмы, то возникаетъ вопросъ: «является ли судьба Генриха, его паденіе послѣ тяжелой борьбы, необходимой участью каждаго высшаго человека въ смыслѣ Нитцше? Есть ли таковы образы «Потонувшій колоколъ» — уничтожающая критика такой философіи (стр. 32)? Или окончательный отвѣтъ Гауптманъ, быть можетъ, думаетъ дать во второй части трагедіи? Родэ заканчиваетъ этимъ вопросомъ свой этюдъ. Второй части трагедіи до сихъ поръ не появлялось.

Очеркъ Родэ—интересная попытка уясненія философскаго смысла драмы Гауптмана, который у насъ въ Россіи не былъ воспринятъ читателями надлежащимъ образомъ. Поэтому данная книжка—далеко не лишняя въ нашей литературѣ. Переводъ выполненъ тщательно и съ видимою любовью. Ш.

Походъ Суворова черезъ Швейцарію. Фонъ-Редингъ Бибереггъ, подполковникъ Швейцарскаго генеральнаго штаба. Переводъ полковника Е. И. Мартынова. Спб. 1902.

Для легкаго чтенія эта брошюрка, изданная редакціей «Вѣстника иностранной военной литературы», не годится. Это какая-то «частушка», пересыпанная самыми несудобъказаемыми названиями швейцарскихъ урочищъ и поселеній около ста лѣтъ тому назадъ. Переводчикъ почему-то нашелъ необходимымъ совершенно устранить изъ своего перевода самое драгоценное въ историческомъ сочиненіи; именно: подлинныя документы, частныя свидѣтельства и монастырскія записи, въ которыхъ отразилось крупное событіе суворовскихъ дѣяній и общій тонъ картины швейцарскаго неудачнаго похода, какимъ онъ сложился въ понятіяхъ обывателей того времени и въ разказахъ живыхъ свидѣтелей происходившаго. Небольшая ссылка на комиссара Фасбинда, свидѣтельствующая о великодушіи русскихъ воиновъ, изголодавшихся и обнищавшихъ, не представляетъ исторической новости, такъ какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многіе давно опубликованные документы, а о великодушіи русскихъ войскъ, сравнительно съ грабежами союзныхъ войскъ Массены, говорятъ всѣ военно-историческія сочиненія, касающіяся этого трогательнаго и печальнаго эпизода нашей военной полптики, слишкомъ часто имѣвшей поводъ раскапываться въ вѣрѣ въ доблесть и честность австрійскихъ военачальниковъ, постоянно, какъ бы по традиціи предававшихъ въ минуту трудную всякихъ своихъ союзниковъ, чѣмъ и приобрѣтена австрійцами надлежащая историческая извѣстность. Предали они и гениальнаго Суворова, поставивъ его въ условія невозможныя и неслыханныя, изъ которыхъ могла, безъ лишняго безславія, выйти только одна сверхчеловѣческая энергія незабвеннаго покорителя Измаила.

При брошюрѣ приложена совершенно неудобочитаемая карта Швейцаріи, съ вѣмецкимъ обозначеніемъ урочищъ, въ полномъ смыслѣ слова слѣбая, да совершенно непозволительное кроки битвы въ Муутенской долинѣ русскихъ войскъ, въ которой Розенбергъ на голову разбилъ войска Массены. Подвиги эти заслуживали бы много лучшаго, и я думаю, для петыхъ историковъ эпохи имѣющія здѣсь детальныя указанія, различествующія отъ классическаго сочиненія Д. А. Милютина, едва ли покажутся убѣдительными и цѣнными, несмотря на кажущуюся мѣстами ихъ новизну.

Во всякомъ случаѣ это сочиненіе только для спеціалистовъ. Большой публикѣ оно не дастъ рѣшительно ничего интереснаго. В. П.

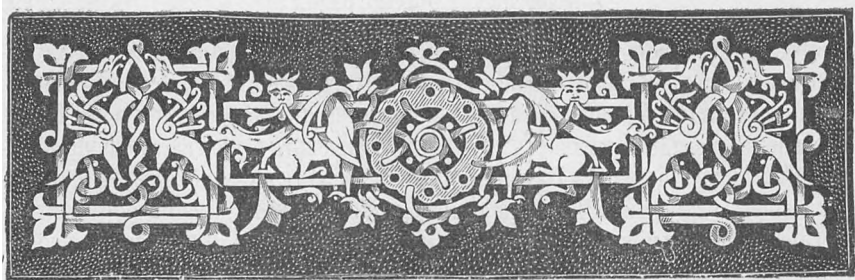
Владимиръ Бобровъ. Исторія изученія Святославова сборника 1076 года. Библиографическій обзоръ. Казань. 1902.

Въ своей брошюрѣ г. Бобровъ даетъ обстоятельную исторію вопроса о Святославовомъ сборникѣ 1076 года въ русской ученой литературѣ. Этотъ сборникъ, находящійся въ Императорской Публичной библіотекѣ, не представляетъ особаго

интереса въ историко-литературномъ отношеніи: это собраніе различныхъ переводныхъ статей было чтеніемъ набожныхъ людей и было составлено для князя Святослава. Но если обратить вниманіе на сѣдую древность памятника, то станетъ очевидной важность его въ чисто филологическомъ отношеніи, и научное изслѣдованіе языка сборника можетъ вести къ очень цѣннымъ по своему значенію выводамъ. Къ сожалѣнію, этотъ сборникъ до сихъ поръ не подвергался спеціальному изслѣдованію и даже до сихъ поръ не изданъ вполне удовлетворительно съ ученой точки зрѣнія. Изданіе памятника, сдѣланное г. Шимановскимъ, вызвало на него справедливыя нареканія авторитетныхъ спеціалистовъ. Но зато ни одинъ ученый, занимавшійся древне-русской письменностію, не оставилъ безъ своихъ замѣчаній этого сборника. Г. Бобровъ дѣлаетъ обзоръ всѣмъ этимъ замѣчаніямъ, приводитъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и излагая подробно содержаніе этихъ замѣчаній. Въ библиографическомъ отношеніи обзоръ выполненъ обстоятельно, можно даже сказать, щепетильно, такъ какъ авторъ его считается чуть ли не съ каждой строчкой, написанной о памятникѣ. Можно было бы отмѣтить отсутствіе указанія на взгляды профессора Владимірова. Работа г. Боброва имѣетъ значеніе для науки, какъ толковая исторія ученыхъ взглядовъ на памятникъ, но намъ кажется, что гораздо большее ея значеніе—субъективное для г. Боброва. Его обзоръ является введеніемъ въ предпринятое имъ изслѣдованіе Святославова сборника 1076 года съ филологической и съ историко-литературной стороны. Понятно, что, приступая къ своей работѣ, авторъ долженъ былъ отдать себѣ строгій отчетъ во всемъ, что сдѣлано его предшественниками, этимъ отчетомъ и является обзоръ. Пожелаемъ автору, чтобы и все свое изслѣдованіе онъ исполнилъ съ такою же тщательностью и добросовѣтностью, съ какой выполненъ этотъ обзоръ.

П. Ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

СНОВАТЕЛЬ китайской Великой стѣны. Во второй майской книгѣ «La Nouvelle Revue» Леонъ Шарпантье разсказываетъ исторію безумнаго китайскаго императора, Ши-Гоангъ-Тя, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ старинныхъ китайскихъ хроникъ ¹⁾. Въ XI вѣкѣ китайской эры, т. е. въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х., богатый китайскій торговецъ брилlyантами, Лю-пу-уей, возымѣлъ желаніе сдѣлаться императоромъ.

Не имѣя надежды достигнуть этого положенія самъ, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, имѣть сына, который сдѣлался бы, въ одинъ прекрасный день, Великимъ Дракономъ и Сыномъ Неба. Съ этой цѣлью онъ отправился къ торговцу невольницами и, выбравъ самую красивую дѣвушку, взялъ ее съ собою, объяснивъ ей, чего онъ отъ нея ожидаетъ. Вскорѣ она сдѣлалась отъ него беременной. Среди кліентовъ Лю-пу-уей былъ молодой принцъ П-кинъ, котораго дѣдъ, король Цинъ, отдалъ заложникомъ королю Тжау. Это было въ безпокойную эпоху великаго китайскаго феодализма, когда множество мелкихъ владѣтельныхъ князей и пять государей оснащивали первенство. Подъ предлогомъ показать принцу брилlyанты, Лю-пу-уей зазвалъ его къ себѣ и показалъ красавицу невольницу. Молодой человѣкъ безумно влюбился въ нее. Лю-пу-уей сдѣлалъ видъ, что онъ въ отчаяніи, но все-таки объявилъ о своей невозможности отказать принцу. Онъ признался при этомъ, что купилъ ее для себя и очень будетъ огорченъ, если отдастъ ее принцу, не

¹⁾ La chronique de l'empereur Chi-Hoang-Ti, par Leopold Charpentier, «La Nouvelle Revue», 15 mai 1902.

вкуспвъ счастья. Это еще болѣе подзадорило Жина тотчасъ же увезти къ себѣ красавицу, чтобы первому сорвать цвѣтокъ любви. Этому только и хотѣлъ купецъ, чтобы принцъ повѣрилъ въ невинность дѣвушки. Китайскіе историки рассказываютъ, что красавица родила мальчика въ первый день первой луны, въ 48-мъ году царствованія Джао-Сіангъ-уангъ, т. е. въ 259 г. прежде нашей эры.

Ея беременность продолжалась двѣнадцать мѣсяцевъ. Этотъ фактъ, — говоритъ Леонъ Шарпантье, — приводитъ въ сомнѣніе. Вѣроятно, китайскій историкъ хотѣлъ показать, что будущій императоръ, который долженъ былъ истребить письмена и книги, былъ предназначенъ родиться чудовищемъ. При рожденіи ребенку дали имя Чангъ-Ингъ. Позднѣе, какъ Великій Драконъ и повелитель Китая, онъ взялъ себѣ имя Цинъ-Ши-Гоангъ-Ти, или первый августѣйшій государь крови Циновъ.

Онъ вступилъ на тронъ тринадцати лѣтъ. Его первымъ министромъ былъ торговецъ брильянтамп Лю-пу-уей, выказавшій неожиданный талантъ въ этомъ званіи. Онъ заставилъ полюбить себя въ государствѣ и опасаться внѣ его. Но онъ воспылалъ опасной любовью къ матери императора, своей прежней рабынѣ, сдѣлавшейся королевой-регентшей. Последняя имѣла еще любовника, котораго и скрывала у себя подъ личиною евнуха. Она имѣла отъ него двоихъ дѣтей, отцемъ которыхъ дворъ призналъ Лю-пу-уея, и онъ былъ изгнанъ, а королеву — регентшу Ши-Гоангъ-Ти удалилъ отъ себя. Это вызвало массу неодобреній, и онъ получилъ множество писемъ съ упреками за недостатокъ сыновней любви. Последнее обстоятельство заставило его издать указъ о смертной казни тѣхъ, кто осмѣлится упоминать ему о матери. Съ этихъ поръ онъ не садился на свой тронъ, иначе какъ вооруженный мечемъ и готовый пронзить всякаго, кто вздумаетъ дѣлать ему наставленіе. Такимъ образомъ онъ убилъ двадцать семь ученыхъ, дѣлавшихъ ему замѣчанія. Но двадцать восьмого, грубо пожурившаго императора и уже раздѣвшагося, чтобы подвергнуться казни, онъ простилъ и вернулъ изъ изгнанія свою мать. Гоангъ-Ти вскорѣ былъ озабоченъ соединеніемъ подъ свое владычество всѣхъ государствъ, составлявшихъ Китай. Онъ началъ съ того, что подкупалъ цѣною золота министровъ своихъ соперниковъ, сѣялъ несогласія и гражданскія войны въ ихъ странахъ. Его побѣды сдѣлали остальное. Въ тридцать девять лѣтъ, послѣ двадцати шестого года царствованія, онъ сдѣлался властелиномъ всей имперіи, послѣ невообразимыхъ опустошеній и жестокихъ вѣроломствъ. Съ этихъ поръ голова Ти-Гоангъ-Ти завертѣлась. Онъ вздумалъ преобразовать ариметику, геометрію, географію, увѣряя, что основаніемъ всего — число шесть. Онъ отказался садиться въ экипажъ, если онъ не шесть футовъ длины и не запряженъ шестью лошадьми. Онъ не допускалъ шапки иначе, какъ въ шесть пальцевъ вышины, и приказалъ, чтобы одежда была соразмѣрна съ шапкой, а имперію раздѣлилъ на шесть провинцій. При этомъ онъ призналъ своимъ цвѣтомъ — черный. Знамена, флаги, придворные костюмы, а также военные мундиры, орудія жертвоприношеній и кухонная утварь — все было черное. Затѣмъ онъ задумалъ украсить свою столицу, Кангъ-Янгъ, въ которой находилось семьсотъ двадцать тысячъ душъ. Онъ увидѣлъ во снѣ людей, одѣтыхъ, какъ впоследствии одѣвались татары, которые угрожали низвергнуть, въ

одинъ прекрасный день, его имперію. Онъ приказалъ собрать все колокола изъ различныхъ китайскихъ государствъ и велѣлъ ихъ расплавить, чтобы приготовить какъ можно болѣе статуй, похожихъ на людей его сновидѣнія. Каждая изъ нихъ должна была имѣть пятьдесятъ футовъ вышины. Такимъ образомъ его столицу украшало цѣлое народонаселеніе бронзовыхъ гигантовъ. Вблизи города, на берегу рѣки Уей-Шун, по его приказанію выстроено множество дворцовъ и виллъ, которые служили подражаніемъ дворцамъ вассальныхъ королей и самыхъ богатыхъ принцевъ. Затѣмъ онъ овладѣлъ всемъ, что было самаго дорогого въ ихъ домахъ, и украсилъ этимъ новыя постройки. Онъ называлъ такой поступокъ искусствомъ собрать все чудеса Китая. Онъ былъ замѣчательно дѣятельнымъ администраторомъ, и послѣ соединенія имперіи подъ своей властью онъ объѣхалъ ее, оставляя вездѣ слѣды хорошихъ мѣръ и оригинальныхъ чертъ. Впрочемъ, этотъ сумасшедшій тиранъ былъ въ душѣ демократомъ. Такъ во время его путешествія для него устраивали искусственные пейзажи, при видѣ которыхъ онъ выразилъ желаніе, чтобы для его народа устраивались такія же прекрасныя дороги. Но онъ не довольствовался быть могущественнымъ, ему хотѣлось быть бессмертнымъ. Нѣкто Сонъ-Ше увѣрилъ его, что въ морѣ По-Хай находится островъ, гдѣ царствуютъ гении, которые даютъ людямъ напитокъ бессмертія, если имъ будутъ принесены жертвы. Собравъ нѣсколько тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ жрецами и жрицами этихъ геніевъ, Ши-Гоанкъ-Ти отправился на островъ. Поднявшаяся буря разбила его флотъ, и Ши-Гоанкъ-Ти считалъ это явленіе гнѣвомъ геніевъ. Въ это время онъ едва не погибъ близъ горы Сиангъ-Шанъ. Разгнѣвавшись, онъ покрылъ гору бранными словами и приказалъ сжечь въ своемъ присутствіи лѣса и поля, находившіяся на ней. Наконецъ онъ рѣшилъ скопировать млечный путь. На полосу земли широкой и длинной, въ нѣсколько миль, онъ приказалъ построить дворцы всевозможныхъ архитектуръ, представлявшіе звѣзды. Между дворцами виднѣлись однообразно обработанныя поля, что соотвѣтствовало темнымъ пространствамъ неба, раздѣлявшимъ звѣзды млечнаго пути. Вскорѣ онъ нашелъ, что его имперія недостаточно велика, и, собравъ многочисленную армию, онъ побѣдилъ въ 12 мѣсяцевъ сосѣдніе народы. Тогда она стала простирается отъ сѣвера къ югу, — отъ татарскихъ пустынь до острова Гайнана, а съ востока на западъ — отъ Кореи до царства Авы. Въ 213 году до Р. Х. въ Китаѣ замѣтили комету, и императоръ принялъ ее за предсказаніе будущей гибели Китая. Чтобы защитить свою имперію отъ татарскихъ набѣговъ, онъ задумалъ построить Великую Стѣну. Для этой колоссальной работы, какая еще не производилась человѣческими существами, онъ призвалъ нѣсколько милліоновъ солдатъ. Стѣна была окончена чрезъ десять лѣтъ. Китайцы называютъ ее Венъ-Ли-Чангъ-Чингъ. Длина ея равняется 68 милямъ. Она начинается каменнымъ валомъ, построеннымъ въ морѣ. Рабочимъ приказано было подъ угрозой смерти оставлять между камнями настолько малое пространство, что едва бы могъ пройти гвоздь. Она настолько широка, что шесть всадниковъ могутъ проѣхать по ней. Вышина ея восемь метровъ, и она то понижается, то возвышается, согласно мѣстности, взбираясь въ одномъ мѣстѣ на гору, вершина которой поднимается на 1800 метровъ. На опредѣленномъ разстояніи въ стѣнѣ находятся ворота, сна-

бженныя башнями и бастіонами. Эти башни находятся другъ отъ друга на протяженіи полета стрѣлы, чтобы ни съ какого пункта непріятель не могъ избѣгнуть стрѣлъ защитниковъ. Прежде чѣмъ Китай былъ покоренъ монголами, миллионъ солдатъ наполнялъ укрѣпленія, построеныя эшелонами въ длину стѣны. Древнія китайскія династіи исчезли, Великая же стѣна стоитъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, почти безъ поправокъ. Строя ее, Ши-Гоангъ-Ти повиновался политической идеѣ. Всѣ солдаты послѣ войны составляли шайки грабителей и убійць, и императоръ нашелъ средство занять ихъ и удержать на границѣ, заставивъ ихъ строить Великую Стѣну. Однако, ни его побѣды, ни грандіозныя работы не вызвали къ нему симпатій. Мандарины сошлись съ принципами и владѣтельными лицами другихъ государствъ имперіи и пожелали возвратиться къ прежнему феодальному положенію, какое было при древнихъ династіяхъ. Былъ моментъ, когда императоръ Ши-Гоангъ-Ти думалъ, что его ученые подданные и вельможи ослѣвлены его могуществомъ, и собралъ конгрессъ, который начался праздниками и банкетами. Затѣмъ онъ вошелъ на тронъ и благосклонно пригласилъ самыхъ краснорѣчивыхъ сказать свои рѣчи. Нѣсколько мандариновъ повиновались и восхваляли императора. Но послѣ нихъ заговорилъ Шунъ-Ю-Юе, который назвалъ подлецами всѣхъ предыдущихъ ораторовъ за ихъ льстивыя похвалы и окончательно разгнѣвалъ императора, потребовавъ отъ него возвращенія къ прежнему феодальному правленію. Императоръ приказалъ своему первому министру Ли-Сее прервать эту рѣчь. Министръ повиновался и совѣтовалъ императору, чтобы въ будущемъ не досаждали ему прежними порядками, разыскать и сжечь всѣ книги, исключая грамматики, медицинскіхъ и земледѣльчeskіхъ трудовъ. Когда не будутъ болѣе знать о древнемъ времени, то объ этомъ не будутъ болѣе говорить. Императоръ былъ очень доволенъ предложеніемъ министра и приказалъ всѣмъ жителямъ принести свои книги, чтобы собрать ихъ и сдѣлать великолѣпный пожаръ. Такъ и сдѣлали. Но 460 ученыхъ спрятали въ подземельяхъ книги и совѣтовали другимъ поступить также. Такимъ образомъ, вслѣдствіи книги явились рѣдкостью. Авторъ видѣлъ старинную гравюру, на которой изображены пылающія книги и солдаты, сбрасывающіе ученыхъ въ пропасть. Послѣ сожженія книгъ императоръ возобновилъ свои путешествія по имперіи и хотя не желалъ, чтобы говорили о древности, все-таки посѣщалъ древнія могилы предковъ и приносилъ имъ жертвы. Проходя по одному мосту, онъ ранилъ себя въ животъ; образовался нарывъ, и Ши-Гоангъ-Ти умеръ пятидесяти лѣтъ отъ роду, въ 210 г. до нашей эры. Онъ распорядился, чтобы его похоронили у подножья горы Ли, а на вершинѣ поставили мавзолей. Согласно обычаю, конкубинки, не имѣвшія отъ него дѣтей, должны были лишиться себя жизни. Ихъ похоронили такъ же, какъ и дворцовыхъ слугъ, подъ его могилой. Гробъ императора стоялъ въ громадномъ залѣ, въ которомъ горѣли лампы, заправленныя человѣческимъ жиромъ. Въ этомъ же залѣ находилось озеро изъ ртути, въ которомъ качались золотыя птицы. Въ могилу были сложены оружіе, драгоценности и даже мебель. Народъ, преклонявшійся предъ нимъ, пока онъ былъ живъ, внезапно возмутился противъ мертваго императора, и Чу-Чангъ расположился лагеремъ у его могилы, а Гангъ-Ю уничтожилъ мавзолей, отъ котораго осталось лишь черное углубленіе. Пастухъ, забравшійся

туда случайно, докончилъ остальное. Онъ развелъ тамъ костеръ, и гробъ геніального и въ то же время безумнаго Ши-Гоангъ-Ги сгорѣлъ. Черезъ годъ послѣ смерти перваго государя Китая, завоевавшаго весь Китай, пять государствъ снова воскресли въ расчлененной имперіи.

— Каролина Знаменитая. Давъ англійской публикѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ печальную исторію матери короля Георга II подъ названіемъ: «Любовь некоронованной королевы», В. Вилькинсъ теперь знакомитъ читателя съ жизнью жены того же монарха ¹⁾. Королеву Каролину, урожденную принцессу Ансбахскую, онъ называетъ Знаменитой, потому что придворный пасторъ въ надгробной ея рѣчи сказалъ между прочимъ: «Будущее поколѣніе будетъ ее знать, какъ Каролину Знаменитую». Для подкрѣпленія этого громкаго титула онъ почерпнулъ новыя свѣдѣнія объ ея молодости изъ Ансбахскихъ, Берлинскихъ и Ганноверскихъ архивовъ, а относительно ея послѣдующей жизни ему служили матеріаломъ рукописи въ Британскомъ музеѣ, различные мемуары и книги о той эпохѣ. Хотя лордъ Гарвей, Горасъ Вальполь и лэди Мэри Монтегью достаточно ярко обрисовали въ своихъ запискахъ ея личность, а новѣйшіе историки и особенно романистъ Теккерея въ своихъ блестящихъ «Четырехъ Георгахъ» вполне охарактеризовали Георга II и его жену, но сочиненіе Вилькинса не лишнее добавленіе къ существующимъ уже описаніямъ ея жизни. Каролина родилась въ 1683 г. и была дочерью маркграфа Ансбаха, который умеръ такъ же, какъ ея мать, во время ея дѣтства; поэтому она провела свою молодость у тетки, жены курфюрста Бранденбургскаго, сдѣлавшагося въ 1701 г. первымъ королемъ Пруссіи. Ея воспитателемъ и менторомъ былъ знаменитый Лейбницъ, и вообще она получила старательное воспитаніе: богословское и философское. Сначала принцессу хотѣли выдать замужъ за ея двоюроднаго брата Фридриха-Вильгельма Прусскаго, а потомъ за эрцъ-герцога Карла Австрійскаго, который былъ очень увлеченъ ея красотой и высокими умственными качествами, но бракъ этотъ не состоялся по религіознымъ причинамъ, ибо Генриета не хотѣла перемѣнить протестантской вѣры на католическую, что было необходимо въ случаѣ брака съ эрцъ-герцогомъ. Наконецъ она вышла замужъ за другого своего двоюроднаго брата, курфюрста Ганноверскаго Георга-Августа, будущаго короля англійскаго Георга II, въ 1705 г. Послѣ романтическаго и даже комическаго, à la opera Bouffe, сватовства, первыя девятнадцать лѣтъ ея брака прошли чрезвычайно прозаическимъ образомъ, но были для нея хорошей школой для тринадцати лѣтъ, проведенныхъ ею въ качествѣ принцессы Уэльской, и десяти лѣтъ, какъ англійской королевы. «Въ началѣ ея брачной жизни, — говоритъ Вилькинсъ ¹⁾, — необходима была вся философія, природная въ ней и занятая у Лейбница, чтобы примириться съ кантризмами ея фантастическаго суируга. Она вскорѣ поняла всѣ недостатки и слабости его характера, его вспыльчивость, непостоянство, тщеславіе и страсть къ хвастовству. Онъ наслѣдовалъ всѣ дурныя качества его родителей и ни одну ихъ добродѣтель, какъ, напримѣръ, благородство матери и прямодушіе отца. Несмотря на то, что онъ былъ вообще презрѣннымъ человѣкомъ, она никогда не выказывала къ

¹⁾ Caroline the Illustrious, by W. Wilkins. 2 vol. London. 1902.

нему презрѣнія, а обращалась съ нимъ, какъ женѣ слѣдуетъ съ мужемъ, съ точки зрѣнія послѣдняго. Онъ постоянно кричалъ на нее, бравилъ, бросалъ въ нее свой парикъ и вообще всячески оскорблялъ ее, но она была всегда спокойна и покорна. Поэтому Георгъ былъ чрезвычайно привязанъ къ ней и не только любилъ ее, но подчинялся ея вліянію». Сдѣлавшись англійскимъ королемъ и королевой, они продолжали вести ту же жизнь, при чемъ Каролина вмѣстѣ съ Вальполемъ ловко и искусно руководили во всѣхъ отношеніяхъ Георгомъ II: онъ просто былъ игрушкой въ ихъ рукахъ. Они векорѣ согласились, какъ вмѣстѣ водить за носъ вѣдута короля. Первый министр докладывалъ королевѣ всѣ политическія дѣла, а она принимала на себя обязанность обойти Георга. «Обыкновенно, говоритъ Вилькинсъ, она обрабатывала это дѣло ночью. На другой день, когда къ королю являлся министръ, то Каролина входила въ его кабинетъ, какъ бы случайно, и предлагала тотчасъ уйти, но король настаивалъ на томъ, чтобы она осталась. Королева усаживалась въ кресло и принималась за вязанье. Когда Георгъ спрашивалъ ея мнѣніе о дѣлахъ, то она отвѣчала очень скромно: «Я ничего не понимаю въ политикѣ; ваше величество знаете лучше». Георгъ былъ въ восторгѣ отъ признанія его способностей и просилъ ее все-таки высказать свое мнѣніе. Тогда началась между Генриетой и Вальполемъ заранѣе условленная комедія; она подмигивала и кашляла, онъ игралъ шляпой, шпагой и табакеркой. Въ концѣ же концовъ, они добивались своей цѣли». Такую же ловкость, какъ въ политикѣ, она обнаруживала и въ домашней жизни, смотря сквозь пальцы на любовныя интриги Георга II-го. Она даже поощряла эти интриги, если это было въ интересахъ государства. Такъ, зная, что Георгъ оставался въ Ганноверѣ изъ любви къ г-жѣ Вальмоденъ и во вредъ англійскому правительству, она предложила взять ее ко двору. Вообще, несмотря на его развратную жизнь, она была постоянно преданной ему женой и даже скрывала отъ него въ послѣднее время свою болѣзнь, чтобы ему не опротивѣть. Вилькинсъ приводитъ нѣсколько новыхъ подробностей объ ея смерти на 35-мъ году жизни и рисуетъ кончину королевы чрезвычайно патетически. Георгъ даже до трогательности былъ вѣженъ въ послѣдніе ея дни и завѣщалъ, чтобы послѣ его смерти ихъ гробы были открыты съ одной стороны, и они такимъ образомъ останутся навѣки соединены.

— Памятникъ Рошамбо. 24 мая новаго стіля, въ Вашингтонѣ былъ торжественно воздвигнутъ памятникъ французскому сподвижнику героевъ американской независимости — маршалу Рошамбо. Графъ Рошамбо родился въ Вандомѣ въ 1725 г. Когда 4 іюля 1776 г. Франклинъ провозгласилъ во Франціи независимость Америки, она сочувственно отозвалась, хотя не имѣла никакого на то интереса, и, несмотря на свои въ 1776 году серьезно обремененные финансы, не колебалась вмѣшалась въ войну. Американскій историкъ Банкрофтъ говоритъ, что въ Парижѣ считали эту войну битвой за общія права. Хотя король колебался, но общественное мнѣніе было сильнѣе. Америка шла войною во имя принципа и философіи, а потому Франціи предстояло первый разъ защищать правое дѣло, говоритъ Райтъ въ своей статьѣ¹⁾. Бонарше сдѣ-

¹⁾ La Fayette et Rochambeau devant les historiens américains, par D. J. Wright, «Revue hebdomadaire» 24 mai 1902.

лался апостоломъ французскаго вмѣшательства, и его краснорѣчіе побѣдило сомнѣнія короля и министра Верженя. «Какъ бы то ни было, все-таки, война состоится, говорилъ Бомарини, если они примирятся между собою, то обрушатся на насъ». Но активное вмѣшательство Франціи началось съ оборонительнаго и наступательнаго союза, подписаннаго 6 февраля 1778 г. Первымъ отпавился Лафайетъ. Въ то время ему было тридцать лѣтъ, и онъ оставилъ молодую беременную жену. Затѣмъ въ 1780 г. Рошамбо былъ сдѣланъ генераль-лейтенантомъ и посланъ въ Америку во главѣ шести тысячъ солдатъ, гдѣ французская морская флотилія, подъ начальствомъ адмирала Эстена уже одержала нѣсколько побѣдъ, и Лафайетъ, сумѣвшій понравиться съ самаго начала Вашингтону, уже былъ назначенъ генераль-майоромъ. Сначала отношенія между Рошамбо и Вашингтономъ не были дружественныя, и только позже они узнали и полюбили другъ друга. Роль Рошамбо во время этой войны была блестящая, хотя онъ оставался въ тѣни. Не любящій демонстрацій, желавшій только выказать вѣрность королю и исполнить скромно свою миссію, онъ не былъ изъ тѣхъ, которые ищутъ случая занять первое мѣсто. Солдаты его обожали, и онъ установилъ въ совершенствѣ дисциплину среди своихъ подчиненныхъ. Но прибытіи, его отрядъ сильно страдалъ отъ зимней стужи, но американцы были слишкомъ бѣдны, чтобы прійти къ нимъ на помощь, и онъ сумѣлъ устроить дѣло съ жителями Родъ-Айланда, которые помѣстили на квартиры солдатъ и выдали имъ 20.000 экю. Съ неграми было труднѣе сладить; они говорили Рошамбо: «Какъ же это такъ: нашъ отецъ, король Франціи, приказываетъ намъ не повиноваться нашему отцу, королю Англій, тогда какъ нашъ Небесный Отецъ помѣстилъ насъ въ имперіи послѣдняго». На это Рошамбо отвѣтилъ: «Вашъ Небесный Отецъ далъ вамъ право на свободу вмѣстѣ съ жизнью; англійскій король хочетъ лишить васъ этой свободы, но вашъ отецъ, король Франціи, беретъ васъ подъ свое покровительство, потому что онъ хочетъ сохранить свободу, данную вамъ Небеснымъ Отцемъ». Американцы удивлялись блестящимъ манерамъ и легкомысленной любезности французскихъ офицеровъ, но Рошамбо ихъ успокоилъ: «Оставьте ихъ забавляться; французы такъ же горячи въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ и въ удовольствіяхъ, и тѣ, которые, повидимому, только и бредятъ о балахъ, тѣмъ лучше сумѣютъ воевать, когдамы будемъ лицомъ къ лицу съ неприятелемъ». «Въ дѣйствительности, нѣкоторые офицеры, говоритъ Шарль Мало въ своей статьѣ¹⁾, далеко не оказывали услугъ, которыхъ отъ нихъ ожидали, и въ извѣстныхъ случаяхъ ставили Рошамбо въ затруднительное положеніе своей неспособностью. Большинство же съ достоинствомъ исполняло свой долгъ». Никто не оказывалъ Вашингтону болѣе преданности, какъ молодые французскіе волонтеры. Рошамбо былъ не только блестящимъ вонномъ, но также мыслителемъ и великодушнымъ человекомъ, что видно изъ письма²⁾ къ Лафайету, написаннаго 27 августа 1781 г., изъ Нью-Йорка: «Всегда хорошо вѣрить, дорогой маркизъ, что французы не побѣ-

1) Rochambeau et la participation militaire de la France dans la guerre d'Amérique; par Charles Malo. «Journal des Débats hebdomadaire», 6 juin 1902.

2) Fêtes de Rochambeau, «Figaro», samedi, 24 mai 1902.

димы, но я хочу вамъ довѣрить большой секретъ; я убѣдился послѣ сорокалѣтняго опыта, что легче всего побѣдить, когда солдаты противника потеряли довѣріе къ начальнику; они теряютъ его тотчасъ же, когда были пожертвованы ради личнаго самолюбія. Если я былъ настолько счастливъ, что сохранилъ до-сегодня довѣріе моихъ солдатъ, то только потому, что послѣ тщательной проверки моей совѣсти я могу сказать: изъ пятнадцати тысячъ убитыхъ подъ моимъ начальствомъ солдатъ я не могу упрекнуть себя въ смерти ни одного изъ нихъ. Вѣрите моей нѣжной дружбѣ, и если я вамъ дѣлаю легкое замѣчаніе относительно того, что мнѣ не понравилось въ вашей депешѣ, то я подумаю, что пылкость вашей души и тѣла нѣсколько разгорячила хладнокровіе и благородіе вашего сужденія. Сохраните послѣднее качество въ совѣтахъ и поберегите первое для минуты военной экзекуціи. Это говорятъ старшій отецъ Рошамбо своему дорогому сыну Лафайету, котораго онъ любитъ и будетъ любить и уважать до послѣдняго дыханія». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого письма, въ октябрѣ 1781 г. началась осада Юрктоуна, окончившаяся капитуляціей этого города и установленіемъ американской независимости. Французское войско принимало въ ней участіе, и съ 7 по 17 октября 1781 г. каждую ночь возводило траншеи. Рошамбо писалъ въ своихъ мемуарахъ объ этой осадѣ и капитуляціи: «Траншея была открыта внизу и сверху рѣки Юркъ въ ночь съ 6 — 7 октября. Правая имѣла 600 футовъ ширины, она была прикрыта сбоку редутомъ. Она была сдѣлана безъ потерь, потому что мы начали работы съ лѣвой стороны, которая, хотя фальшивой атакой, привлекала вниманіе непріятеля. Сила непріятельской арміи, которая была заперта, и характеръ ея полководца обязывали вести эти атаки съ системой и предосторожностями. Американская армія взяла на себя правую сторону траншеи, а французы лѣвую и центръ. Въ ночь съ 15 на 16-е ноября непріятель сдѣлалъ вылазку съ шестьюстами человѣкъ отборнаго войска; они встрѣтили сопротивленіе на всѣхъ нашихъ редутахъ и бросились на батарею второй параллели, гдѣ заклепали четыре пушки. Шатлю пошелъ на непріятеля со своимъ резервомъ и отбилъ эту вылазку. Четыре пушки, плохо заклепанныя, выстрѣлили шесть часовъ спустя, благодаря заботамъ генерала Абовиля, командовавшаго артиллеріей. Маркизь Сень-Симонъ былъ раненъ на другой день въ траншеѣ и умеръ черезъ двадцать часовъ».

Наконецъ, 17-го октября непріятель началъ вести переговоры, и 19-го была подписана капитуляція, по которой лордъ Корнвалисъ и его корпусъ сдѣлались военнопленными. Герцогъ Лозенъ прибылъ во Францію на фрегатѣ «Surveillante» съ извѣстіемъ объ осадѣ и капитуляціи Юрктоуна. Послѣ заключенія мира, подписаннаго въ 1783 г., англичане чествовали Рошамбо, пріѣхавшаго на 12 дней въ Англію.

Послѣ блестящей военной карьеры маршалъ Рошамбо умеръ въ 1807 году подъ бременемъ славы и лѣтъ: ему было уже 82 года. Въ 1803 году Наполеонъ, представляя ему генераловъ, служившихъ подъ его начальствомъ, сказалъ: «генералъ, вотъ ваши ученики». Но любящій во всемъ скромность старшій воинъ отвѣтилъ: «ученики значительно превзошли своего учителя». Онъ похороненъ въ родномъ городѣ Вандомѣ на маленькомъ кладбищѣ Торе. Онъ

оставлялъ два тома своихъ мемуаровъ, которые были напечатаны въ началѣ XIX вѣка Люсемъ де Лансвалемъ.

— Столѣтіе ордена Почетнаго Легіона. 19-го мая новаго стиля исполнилось сто лѣтъ существованія ордена Почетнаго Легіона, учрежденнаго по проекту перваго консула Бонапарта 19-го мая 1802 г. (29-го флореала X г.). По этому поводу Луи Барронъ пишетъ въ «Revue Bleu»¹⁾, что этотъ проектъ вызвалъ много замѣчаній и споровъ. 14 флореала X года первый консулъ представилъ государственному совѣту этотъ проектъ на разсмотрѣніе. Первой заботой французской революціи было уничтоженіе орденовъ. Бонапартъ, готовившій быстро имперію, задумалъ привлечь къ себѣ учрежденіемъ ордена всѣхъ выдающихся людей Франціи. Напрасно Рёдереръ его предупреждалъ, что треть членовъ совѣта питаютъ къ этому проекту отвращеніе и говоритъ: «Подать голосъ за созданіе порядка привилегій не значитъ ли благоприятствовать страннѣйшимъ намѣреніямъ? Не поведетъ ли это къ монархіи, кресты и ленты которой—погремушки, и къ торжеству аристократіи, къ которой новый орденъ неизбежно приведетъ; а затѣмъ послѣдуетъ возвращеніе классовъ, недавно уничтоженныхъ». Оппозиція совѣтниковъ, обыкновенно ему послушныхъ, удивила Наполеона, привыкшаго дѣлать все по-своему; онъ возмутился ихъ упорствомъ, но не отступилъ. Первый консулъ долженъ былъ довольствоваться большинствомъ четырехъ голосовъ. Но ему предстояло еще затрудненіе получить согласіе трибунала и законодательнаго корпуса, гдѣ у него было меньшее количество противниковъ по этому вопросу. Что же касается общественнаго мнѣнія, то оно въ ту эпоху не представляло опасности. Печать дѣйствовала согласно желаніямъ и указаніямъ «повелителя». Если и прозвонилось собственное мнѣніе, то втихомолку и осторожно, такъ какъ шпионы Фушэ передавали обо всемъ Наполеону. Однако, недовѣріе упорно держалось. Бонапартъ началъ беспокоиться. «Не устала ли страна отъ нововведеній?—спрашивалъ себя Наполеонъ.—Орденъ Почетнаго Легіона векорѣ послѣ конкордата, заключеннаго только что наканунѣ, своевременно ли это?» Бурьеннъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ: «Поспѣшность, съ которою Наполеонъ создалъ орденъ Почетнаго Легіона, едва не сдѣлалась для него роковой». Самъ же Наполеонъ говорилъ своему интимному секретарю: «Ахъ, я прекрасно вижу, что предубѣжденіе еще довольно сильно. Вы правы, слѣдовало обождать. Это не слѣшно». Но то, что онъ называлъ «предубѣжденіемъ»,—говоритъ авторъ статьи,—было не что иное, какъ привязанность Франціи къ данному революціей драгоценному равенству. Съ 1791 по 1802 г. не существовало болѣе орденовъ. Гражданскія должности, военныя градаціи указывали на ранги, классифицировали достоинства—и этого было достаточно. Слуги государства, повидимому, ничего другого и не желали. Никому не приходило въ голову, чтобы республиканское правительство могло, какъ короли, стать судьями добродѣтелей и талантовъ гражданъ, чтобы вознаграждать ихъ почетнымъ различіемъ. Празднества, слѣдовавшія за Амьенскимъ миромъ, привлекавшія въ Тюильри множество иностранныхъ министровъ и царедворцевъ,

¹⁾ La création de l'ordre de la Légion d'honneur, par Louis Barron. «Revue Bleu», 17 mai 1902.

разукрашенных орденами, возбудили въ Наполеонѣ желаніе создать свой орденъ. Такъ Бурьеннъ говоритъ: онъ питаль мысль создать орденъ Почетнаго Легиона съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ ордена, блестяшіе на груди иностранныхъ министровъ. Онъ часто повторялъ: «Это хорошо! Для народа это и нужно!» Въ то же время, Арно рисуетъ такую сцену, происшедшую въ Мальмэзонѣ, въ залѣ совѣта, среди приглашенныхъ: Дюрока, Монжа, Денона и самого Арно. Бонапартъ, коснувшись своего послѣдняго приема, сказалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ Тюильри сдѣлалось жилищемъ правительства, ни разу не было болѣе блестящаго приема. Съ какой жадностью присутствовавшіе смотрѣли на иностранныхъ посланниковъ, украшенныхъ звѣздами и лентами различныхъ орденовъ ихъ странъ. Денонъ, развѣ вы не видали этого?»— «Я тѣмъ болѣе это замѣтилъ,— отвѣтилъ послѣдній,— что раздѣляю вполне ваше мнѣніе. Надо согласиться, что широкія яркія ленты, звѣзды и эмальированные кресты производятъ чудный эффектъ: это одѣваетъ человѣка». — «Вотъ такъ артистъ,— сухо сказалъ Монжъ:— эти кресты, звѣзды и ленты только мишура, настояція побрякушки». — «Пусть это будутъ побрякушки,— возразилъ Бонапартъ,— но если ихъ любятъ. Эти кресты, ленты, явные знаки человѣческаго величія, бросаются въ глаза, ввущая невольное уваженіе. Разсмотримъ откровенно этотъ вопросъ. Люди помѣшаны на отличіи, а французы въ особенности, они просто алчны къ нему, таковъ былъ ихъ умъ во всѣ времена. Да вотъ крестъ св. Людовика; никогда бы Людовикъ XIV не могъ поддерживать борьбу противъ европейской коалиціи во время войны за баварское наслѣдство, если бы въ его распоряженіи не было ордена св. Людовика. Это могущественное, вспомогательное средство породило чудеса храбрости. Деньги не имѣли никакой цѣны рядомъ съ этимъ отличіемъ; многие люди предпочитали его кучѣ золота». — «Прекрасно,— возразилъ Монжъ,— остается лишь возстановить орденъ св. Людовика». Изъ этого видно, что возбудило въ Наполеонѣ проектъ объ орденѣ. Въ концѣ апрѣля 1802 г. Бонапартъ въ особомъ совѣтѣ ставилъ на видъ преимущества почетнаго ордена, какой существуетъ во всѣхъ другихъ странахъ. Этотъ разговоръ Тибодо передаетъ такъ: «Конституція 1791 г., по словамъ Бонапарта, хорошо сдѣлала, обѣщая національныя награды. Надо сдержатъ обѣщаніе; это благородно и полезно: надо создать орденъ, который былъ бы знакомъ добродѣтели, чести, героизма; отличіе, которое служило бы вознагражденіемъ разомъ за военную отвагу и гражданскую доблесть». — «Основаніе республики— равенство,— отвѣчалъ Лебрёнъ:— создавая отличія, вы уничтожите гарантію равенства, относительно котораго французы ревнивы, вы поколеблете порядокъ и уничтожите гармонію новаго политическаго зданія». — «Но,— воскликнулъ Камбасересъ:— развѣ въ республиканскомъ Римѣ не было благороднаго сословія?» — «Безъ сомнѣнія, но въ Римѣ граждане были классифицированы, аристократія была могущественна и всѣми признана... У насъ же революція все сравняла; болѣе не хотятъ ни порядка, ни классовъ; хотятъ политическаго равенства столько же, если не больше, чѣмъ свободы. Въ нашемъ новомъ орденѣ я боюсь найти зачатокъ новой аристократіи. Здѣсь есть чего испугаться людямъ, привязаннымъ къ нашей новой соціальной системѣ». — «Я думаю,— сказалъ Бонапартъ,— это преувеличенныя опасенія относительно полезнаго учрежденія, которое не нарушаетъ вашего

принципа равенства, какъ только въ пользу заслугъ, оказанныхъ родинѣ. Мы упразднимъ, если надо, вишніе знаки, и каждый изъ членовъ поклянется воз-
 стать противъ возвращенія феодальныхъ учрежденій и поддерживать свободу
 и равенство». Три дня спустя послѣ этого разговора, просить объ орденѣ По-
 четнаго Легіона уже совершенно созрѣлъ въ головѣ Наполеона. Редереръ въ
 своихъ мемуарахъ говоритъ: «Въ первыхъ числахъ мая 1802 г. консулъ Кам-
 басересъ пригласилъ меня къ себѣ. Я явился. Онъ мнѣ сказалъ, что первый
 консулъ обратился къ нему изъ Мальмэзона чрезъ курьера, въ 3 ч. утра, съ
 проектомъ закона и поручилъ ему сообщить мнѣ и посоветоваться со мною.
 Онъ мнѣ передалъ тотчасъ же проектъ ордена Почетнаго Легіона и послѣ нѣ-
 котораго размышленія просилъ меня поговорить о немъ въ отдѣленіи внутрен-
 нихъ дѣлъ, и чтобы проектъ былъ рассмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ». 14-го
 флореала (4-го мая) этотъ вопросъ подвергли рассмотрѣнію. Преніи были
 жаркія. Бонапартъ никогда еще не выказывалъ себя болѣе ловкимъ, настоятель-
 нымъ и увертливымъ. Бертье первый сказалъ: «Предложенный орденъ ведетъ къ
 аристократіи; кресты—побрякушки монархіи; у насъ больше нѣтъ классовъ,
 не будемъ ихъ возстановлять. Первыми наградами въ республикѣ за услуги,
 талантъ и добродѣтели должно быть назначеніе судьями и высшими чинов-
 никами». — «Сомнѣваюсь, чтобы мнѣ могли указать древнюю или современную
 республику, въ которой не было бы отличія, — отвѣтилъ Бонапартъ. — Это назы-
 ваютъ побрякушками. Такъ посредствомъ побрякушекъ руководятъ людьми!
 Все уничтожили, теперь дѣло идетъ о созданіи вновь. Есть правительство,
 власть, но остальная нація— что же? Песчинки... Думаете ли вы, что республика
 окончательно установлена? Вы очень ошибаетесь. Мы властны сдѣлать ее, но
 мы ея не имѣемъ, и мы не будемъ ее имѣть, если не бросимъ на почву Франціи
 нѣсколько глыбъ гранита. Вы думаете, что надо расчитывать на народъ? Онь
 кричитъ одинаково: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ лига!»... Надо ему
 дать направленіе, а для этого создать учрежденія... Я вѣрю въ социальную
 пользу аристократіи. Когда пересталъ существовать прекрасный классъ патри-
 ціевъ, Римъ былъ раздранъ безпорядками, и народъ сдѣлался самымъ презрѣн-
 нымъ канальей!»... Въ концѣ концовъ законъ о Почетномъ Легіонѣ былъ при-
 нятъ, какъ мы уже сказали, только большинствомъ четырехъ голосовъ. Въ
 трибуналѣ Бонапартъ имѣлъ также слабый успѣхъ и получилъ смѣлый отпоръ
 изъ устъ достойныхъ трибуновъ. Савои-Ролленъ, заговорившій первымъ,
 прежде всего возсталъ противъ странной формулы присяги будущихъ кавале-
 ровъ ордена Почетнаго Легіона. Законъ былъ принятъ большинствомъ 50 го-
 лосовъ противъ 38, и то благодаря подтасовкѣ голосовъ. Законодательное
 собраніе казалось столько же мужественно, но 29 флореала при бал-
 лотировкѣ оказалось въ пользу установленія ордена 166 депутатовъ, а про-
 тивъ 110. Такимъ образомъ въ послѣдній разъ смѣло возвысился голосъ фи-
 лософской революціи. 19-го мая 1802 г. провозглашено было учрежденіе По-
 четнаго Легіона, и Наполеонъ оказался правымъ. Этотъ орденъ сдѣлался до
 того популярнымъ во Франціи, что его не только сохранила реставрація, июль-
 ская монархія и вторая имперія, но и двѣ республики. До сихъ поръ всякій

французъ обожаетъ красную ленточку и стремится во что бы то ни стало ее приобрѣсть.

— Мужчина - женщина. На-дняхъ появилась любопытная книга¹⁾ Жоржа Муссуара оженщинѣ, которая была мужчиной. Это—Савалеттъ де Ланжъ, дочь графа Поля Савалетта. Она родилась въ 1786 г. Ея семья была разорена, одолживъ графу д'Артуа 5 милліоновъ. Она лично получала пенсію отъ правительства имперіи и реставраціи. Ея несчастіе привлекло вниманіе многихъ лучшихъ аристократическихъ семействъ Франціи. Она была близка съ семьями Полиньяка, Севъ-Романа и Рошфуко. Когда она умерла въ Версалѣ въ 1858 г., то всѣ убѣдились, что это былъ мужчина. Навѣрно, никто ничего не знаетъ относительно этой личности. Была ли она незаконной дочерью графа, богатаго внѣбрачными дѣтьми? Для чего она выдавала себя за женщину, если была мужчиной? Не подмѣнили ли дочери графа на этого мальчика и при какихъ обстоятельствахъ,—все покрыто таинственностію; одно извѣстно, что эта личность подробно знала дѣла семьи графа Савалетта. Но ея происхожденіе менѣе необычайно, чѣмъ ея жизнь. Въ продолженіе пятидесяти четырехъ лѣтъ эта личность разыгрывала роль женщины, ни разу не выдавъ себя, даже въ обстоятельствахъ довольно скабрзныхъ. Въ ея перепискѣ нашли любовное письмо, адресованное къ ней въ 1804 г., когда ей было 18 лѣтъ. Какой-то влюбленный возвращалъ ей вуаль, покрывъ его тысячею поцѣлуевъ, и при этомъ назначалъ ей свиданіе вечеромъ. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, она писала сама любовное письмо слѣдующаго содержанія: «Какое удовольствіе вамъ дѣлать меня самой несчастной женщиной на свѣтѣ?... Когда я увижу васъ? Сегодня вечеромъ, но не у васъ, я очень страдаю. Придите, дорогой другъ, сжальтесь, не приговаривайте меня къ цыткѣ страданія и смерти вдали отъ васъ; вы будете имѣть состраданіе къ положенію вашей подруги. А вы единственное вознагражденіе за всѣ страданія, перенесенныя мною, мое единственное сокровище, моя надежда и единственный предметъ всей любви моей души, не откажите мнѣ въ утѣшеніи, которое я надѣюсь получить отъ васъ». Въ 1820 году она была невѣстой нѣкогого Левезерна. Дѣло дошло до выклички. И она ловко увернулась и заставила себя покинуть. Она приняла безутѣшный видъ, и ее пожалѣли. Впрочемъ у нея былъ непріятный характеръ. О ней помнили въ Аббауе-аух-Воис, гдѣ она жила нѣсколько лѣтъ. Ея непріятный нравъ поссорилъ ее со всѣми друзьями. Но вотъ какія нѣжности она умѣла писать: «Наконецъ наступилъ день, когда я сорву покровъ, заволакивающій твою позорную неправду... Дрожи, вѣчная грѣшница, ненавистная всѣмъ, кто къ тебѣ приближается, и которыхъ ты наводняешь ядомъ, выходящимъ изъ твоей души... Слушай и пользуйся; ты ужасно отвратительна; грязь окружающая твое отвратительное тѣло, заставитъ его развалиться лоскутьями въ скоромъ времени» и т. д. Однако вообще она писала деликатно, ея писъма легкаго стиля, она также составляла граціозные стихи. Она дѣлала друзьямъ маленькіе подарки и женскія рукодѣлія, и хотя безпрестанно попрошайничала, но давала въ займы деньги. Уже въ зрѣломъ возрастѣ она затѣяла совершенно

1) L'homme, femme. Mademoiselle Savalette Lange, par George Moussoir.

необыкновенную интригу съ однимъ несчастнымъ офицеромъ, котораго убили въ Африкѣ. Подъ видомъ страсти она заставила молодого человѣка принять деньги, а затѣмъ сурово требовала проценты. Послѣ ея смерти у нея нашли порядочное состояніе, гипюровое покрывало съ кровати Людовика XIV, представлявшее большую цѣнность. Въ концѣ жизни она сдѣлалась страшно нечистоплотной, и никто къ ней не могъ проникнуть. Ее видѣли только на улицахъ Версаля. Съ виду она была похожа на жандарма. Ея безобразный голосъ, громадная шляпа, зонтикъ и корзина, которую она носила, дѣлали ее смѣшно. При этомъ она нюхала табакъ. Обѣды она готовила сама, и очень хорошіе.

— Викторъ Гюго и Тальма. Извѣстно, какимъ свирѣпымъ нападкамъ подвергался во Франціи зарождавшійся романтизмъ со стороны поклонниковъ прежняго ложноклассическаго направленія. Особенно много хлопотъ причиняли старомодные ложноклассики Виктору Гюго. При постановкѣ на сцену его романтическихъ трагедій, актеры, также воспитавшіеся на приподнятомъ и напыщенномъ пафосѣ Корнеля и Расина, безпрестанно просили автора передрать то одинъ стихъ, то другой, находя ихъ плоскими и банальными. По ихъ мнѣнію, въ трагедіи, напримѣръ, нельзя было на вопросъ, который часъ, отвѣтить просто: двѣнадцать. Ради торжественности слѣдовало сказать: «Часы двѣнадцатымъ ударомъ прозвучали». Наталкиваясь обыкновенно на отказъ, актеры капризничали и даже отказывались отъ ролей. Не такъ отнесся къ новому литературному направленію знаменитый трагикъ того времени Тальма. Въ мартовской книжкѣ «Deutsche Revue» разсказаны исключительныя обстоятельства, при которыхъ состоялось знакомство стараго трагика и молодого только входящаго въ славу главы французскаго романтизма. Въ 1827 году Гюго окончилъ свою знаменитую драму «Кромвелль», и въ Rocher de Cancale было назначено первое ея чтеніе, на которомъ долженъ былъ присутствовать и Тальма. Всѣ давно уже собралась и нетерпѣливо поджидали запоздавашаго трагика. Наконецъ рѣшено было начать чтеніе и безъ него. Вдругъ порывисто растворилась дверь, и на порогъ появился растрепанный и взволнованный Тальма. Оказалось, что по дорогѣ онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ ужаснаго происшествія. Какая-то психопатка Генриетта Кормье, ни съ того, ни съ сего, перерѣзала ножомъ горло одному изъ дѣтей, весело игравшихъ на улицѣ. Тальма долго не могъ прійти въ себя отъ пережитаго волненія, но когда Викторъ Гюго началъ читать, онъ весь превратился въ слухъ. Когда Гюго, читавшій драму наизусть, дошелъ до словъ Кромвелля, съ которыми тотъ обращается къ Авенану: «Но ваша шляпа не подходитъ къ вамъ, фасонъ ея вѣдь далеко не модный»,—Тальма пришелъ въ восторгъ. «Вотъ настоящая, живая человѣческая рѣчь!»—воскликнулъ онъ. Тутъ же рѣшено было, что онъ возьметъ на себя главную роль, но, увы! черезъ мѣсяць трагика уже не стало. Такъ и не пришлось ему выступить въ драмѣ Гюго.

— Молодость Тэна. Недавно напечатанъ въ Парижѣ первый томъ переписки Ипполита Тэна въ молодости ¹⁾ (1847—1853 гг.). Извѣстный французскій критикъ, философъ и историкъ, родился 21 апрѣля 1828 г. въ Арденнахъ,

¹⁾ Taine, sa vie et sa correspondance.

въ маленькомъ городкѣ Вузье. Объ его дѣтствѣ мало свѣдѣній; извѣстно лишь, что онъ принадлежалъ къ небогатой буржуазной семьѣ; его отецъ отличался литературными вкусами, бабушка была англичанка, и одинъ изъ дядей, жившій долго въ Америкѣ, выучилъ его англійскому языку. Блестяще окончивъ Бонапартовскій лицей, онъ получилъ первую награду по риторикѣ на общемъ конкурсѣ всѣхъ парижскихъ школъ и первымъ поступилъ въ Нормальную школу, т. е. учительскую семинарію, гдѣ его товарищами были Абу, Сарсэ и Прево Парадоль. Однако, несмотря на то, что Тэнъ получилъ лучшія отмѣтки на экзаменѣ, ему отказали въ выдачѣ диплома на степень «*agregé de philosophie*», при чемъ профессора ссылались на независимость его ума, и что онъ слишкомъ смѣло проводилъ граньцу между философіей и католическимъ богословіемъ, поэтому безопаснѣе предоставить ему учить дѣтей. Знаніе латинскаго, греческаго, нѣмецкаго языковъ и привычка сортировать факты способствовали тому, что въ 23 года онъ уже былъ ученымъ, прочитавъ всю историческую и философскую библіотечку Нормальной школы, а также часть литературной. Несмотря на это, молодому ученому пришлось довольствоваться пока учительствомъ въ провинціальныхъ лицеяхъ, сначала въ Неверѣ, а затѣмъ въ Пуатье. Но когда его назначили въ Безансонъ учителемъ шестого класса, то онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Парижъ. Однако, онъ не хотѣлъ порвать навсегда съ профессурой и рѣшилъ добиться степени «доктора литературы», открывавшей ему право сдѣлаться профессоромъ. Для своей диссертациіи онъ выбралъ странную тему: «Васни Лафонтена», обработавъ ее весьма оригинально, при чемъ вывелъ свою замѣчательную систему о влияніи среды. Это привело его начальство въ ужасъ, но оно принуждено было преклониться предъ талантомъ автора и принять его въ число своихъ докторовъ. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ премію академіи за свой «опытъ о Титѣ Ливіи». Въ письмахъ Тэна всего лучше можно видѣть, насколько его нравственная твердость шла въ ногу съ твердостью его мысли, и что все свое время онъ посвящалъ мышленію. Его привлекало все, чему можно было учиться. «Если я взялъ на себя профессорство, писалъ онъ Прево Парадолю 20 марта 1849 г., то потому, что я считалъ его самой вѣрной дорогой сдѣлаться ученымъ». Это стремленіе къ наукѣ было врожденное; далѣе онъ писалъ: «Я хочу быть философомъ, и такъ какъ ты теперь понимаешь смыслъ этого слова, то видишь, какая послѣдовательность размысленій и серія знаній требуется мнѣ. Если бы я хотѣлъ просто выдержать экзаменъ или занять кафедру, мнѣ не нужно было бы слишкомъ себя утомлять. Достаточно было бы запаса чтенія или ненарушимой вѣрности доктринамъ учителя въ совокупности съ полнымъ невѣжествомъ въ философіи и современныхъ знаніяхъ. Такъ какъ я скорѣе брошусь въ колодезь, чѣмъ отдамся всецѣло ремеслу, потому что я учусь ради необходимости знанія, а не куска хлѣба, то хочу полного образованія. Вотъ что меня бросаетъ во всевозможныя изысканія и заставляетъ, когда я выйду изъ школы, изучать, кромѣ того, социальныя науки, политическую экономію и естественныя науки. Жизнь длинна, вотъ для чего она мнѣ послужитъ; но что у меня отнимаетъ болѣе времени—это личныя размысленія; чтобы понимать, надо искать; чтобы вѣрить философіи, надо ее самому передѣлать, исключая тѣхъ изысканій, которыя уже сдѣлали другіе.

Знай, что мнѣ нравится болѣе твоя холодность, отвращеніе, скептицизмъ и честолюбіе, чѣмъ прежнія слѣпыя, страстныя, необдуманная размышленія; пзъ этого выйдетъ, что ты будешь смотрѣть на жизнь не серіозно и проведешь ее пріятнѣе; также случится, что въ день, когда ты устанешь отъ этого вялаго и колеблющагося состоянія, ты будешь въ состояніи найти безъ предубѣжденія твердую почву, на которой наконецъ отдохнешь». Далѣе видно, что въ Тэнѣ уже жила давно душа философа. «Теперь ты ближе ко мнѣ, чѣмъ прежде, писалъ онъ; свойство размышленій—умиротворить душу и, возвысивъ ее, сдѣлать индифферентной. Вотъ что со мною случилось: какъ и ты я дошелъ до великаго презрѣнія къ людямъ, сохраняя большой восторгъ къ человѣческой природѣ; я людей нахожу смѣшными, безпомощными, страстными, какъ дѣти, глухими и тщеславными, въ особенности невѣждами въ силу предрасудковъ. Сохраняя наружно вѣжливость, я смѣюсь втихомолку, настолько я нахожу ихъ уродливыми и идиотами; не правда ли, ты то же самое чувствовалъ прошедшій годъ. Ты мнѣ объ этомъ говорилъ, но я тебя не слушалъ, затерявшись въ созерцаніи человѣка, находившагося во мнѣ. Я пришелъ оттуда, гдѣ ты теперь, но сохранивъ мои первыя мнѣнія о человѣческой природѣ и глубокою любовь къ этому прекрасному, но странному предмету. Оба эти чувства прекрасно согласуются между собою, такъ какъ лучше сожалѣть людей, чѣмъ видѣть, что они съ такой совершенной субстанціей достигаютъ лишь положенія дураковъ, нестовыхъ или негодяевъ. Изъ этого слѣдуетъ, что моя любовь, отстраняясь отъ отдѣльныхъ предметовъ, простирается къ главнымъ или идеальнымъ, какъ искусство, цѣлое человѣчество, и въ особенности любовь къ природѣ. Вчера я былъ въ ботаническомъ саду и смотрѣлъ въ уединенномъ мѣстѣ на зеленыя, молодыя, но обработанныя, цвѣтуція поляны. Солнце сіяло, и я видѣлъ эту внутреннюю жизнь, циркулирующую въ тонкой матеріи и въ сильныхъ густыхъ стебляхъ. Я чувствовалъ, какъ мое сердце билось, и вся моя душа дрожала отъ любви къ этимъ прекраснымъ, спокойнымъ, великимъ и страннымъ существамъ, которыя называютъ природой. Я ихъ люблю, люблю, я ихъ чувствую повсюду: въ небѣ, и растеніяхъ». Еще въ молодости онъ писалъ тому же Прево Парадолю 30 марта 1849 года: «Я не знаю ни человѣческихъ радостей, ни мірскихъ земныхъ благъ, которые стоили бы того, что дать, такъ сказать, безусловная, несомнѣнно, вѣчная всемірная истина. Теперь надо мнѣ оправдаться. Ты упрекаешь меня за преслѣдованіе химеры и за пренебреженіе тѣмъ, что важно,—политической дѣятельностью, полезной работой для человѣчества. Истина не уклоняется отъ меня, я знаю ея принципы. У меня нѣтъ всемірнаго толкованія истины, но я владѣю принципами этого объясненія, и не сомнѣваясь, я подвигаюсь каждый день къ познанію истины. Я вижу, вѣрю, знаю. Я не хочу съ настоящаго времени отдаться политической жизни; я воздерживаюсь отъ этого, и ты знаешь—почему; я не хочу сдѣлать важнаго шага, не зная навѣрно, хорошъ ли онъ; я не хочу принадлежать ни къ какой партіи, не зная, права ли она, я не хочу защищать мои произведенія никакой доктрины, не будучи убѣжденнымъ, что она рациональна. Я долженъ прежде всего изучить природу человѣка, обязанности, права, общество, будущность человѣческой расы и къ чему она теперь стремится. Кто слѣивъ, пусть лучше сидитъ на мѣстѣ. Поступая такимъ

образомъ, онъ, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что не принесетъ никому вреда». Въ письмѣ къ матери отъ 3 декабря 1851 г., говоря о намѣреніи Наполеона захватить императорскую власть съ республиканскими формами, Тэнъ пишетъ: «Франція въ продолженіе шестидесяти лѣтъ находится въ безпрестанномъ перебѣганіи отъ монархіи къ республикѣ и отъ свободы къ авторитету. Это долго еще будетъ продолжаться. Мы слишкомъ, слишкомъ и слишкомъ мало демократы, чтобы терпѣть другъ друга, но свободныя идеи все болѣе и болѣе проникаютъ въ насъ каждый день и укрѣпляются. Черезъ семь или восемь революцій онѣ вполнѣ будутъ господствовать. Заболѣвъ монархіей въ прошедшемъ вѣкѣ, въ нынѣшнемъ столѣтіи мы находимся въ положеніи выздоравливающихъ, но съ возвратами болѣзни, мы только въ будущемъ вѣкѣ будемъ здоровы, надо къ этому привыкнуть и терпѣть; наши дѣти будутъ счастливые насъ». Во время декабрьскихъ дней Тэнъ какъ бы встряхнулся, но онъ не ожидалъ такихъ результатовъ. Въ письмѣ къ Прево-Парадолю 11 декабря 1851 года Тэнъ писалъ: «Я ненавижу воровство и преступленіе, будь это народъ или власти, которые ихъ совершаютъ. Будемъ молчать, повинаться и учиться. Наши дѣти, болѣе счастливыя, можетъ быть, будутъ имѣть оба блага вмѣстѣ: науку и свободу. Что касается до правительства, я думаю, оно продержится. Армія на его сторонѣ, и оно уже сдѣлало шагъ къ клерикализму; поселяне хотятъ дать ему громадное большинство. Купцы и крупные землевладельцы болѣе всего желаютъ правительства, подобнаго русскому». Въ письмѣ къ сестрѣ Виргиніи отъ 18 ноября 1851 г. Тэнъ пишетъ, выражая свои благородныя чувства: «Ты знаешь, конечно, что Наполеонъ нарушилъ клятву. Самые либеральные изъ моихъ коллегъ выразили президенту республики благодарность и свою преданность за мѣры, принятыя 2 декабря. Я отказался. Я не хотѣлъ начать мою карьеру профессора подлостью и ложью. Обучая уваженію къ закону, преданности къ присягѣ, культу вѣчнаго права, мнѣ было бы стыдно оправдывать узурпацію, клятвопреступленіе и убійство. Я отказался бы отъ подписи, если бы ее потребовали сызнова и увѣренъ, что ты сдѣлала бы то же». По поводу этой переписки французскій историкъ Альберъ Сорель помѣстилъ въ «Temps» критическую замѣтку, въ которой утверждаетъ, что существенныя идеи Тэна уже были видны въ его первыхъ трудахъ, онъ владѣлъ ими въ юности и сознавалъ это. Конечно, съ годами онъ обогатился и расцвѣли. Еще будучи въ нормальной школѣ, Тэнъ писалъ: «Ни моя природа, ни убѣжденія не измѣнились, онѣ только развились—вотъ и все». Это развитіе шло правильно, логично, безъ колебаній и возвратовъ назадъ. Сорель такъ описываетъ формированіе Тэна, какъ писателя: «Мысль родилась у него голая, и отвлеченность показала уже въ началѣ». «Форма моего ума французская и латинская: классифицировать идеи въ правильную нить прогрессивно... Мнѣ говорили въ школѣ»: «Будьте ясны, правильны и методичны». Тогда существовала еще школа Кондильяка; затѣмъ пришелъ Стендаль, вліянію котораго подчинился Тэнъ; онъ сохранилъ отъ него нѣкоторыя черты, въ особенности склонность къ полемикѣ «рѣзкой, сухой, рѣшительной, въ родѣ Поля Луи Курье, форму изложенія фактовъ онъ заимствовалъ изъ Трактата физиологич.; для выраженія идей онъ слѣдовалъ граждан-

скому кодексу. Жившій въ немъ философъ заставлялъ его «интересоваться въ предметахъ всѣмъ сильнымъ, спокойнымъ, и великимъ». Артистъ же увлекалъ его безпрестанно разсматривать природу съ другими оптическими моральными впечатлѣніями, съ болѣе безпокойной, трепещущей, чувствительностью», разсказывать свои впечатлѣнія и представлять ихъ болѣе трогательными образами. «Это пробужденіе природы и таланта артиста доказываютъ его письма». Разсудокъ совѣтуетъ мнѣ быть непреложнымъ, говоритъ онъ, природа приказываетъ мнѣ дѣятельность... Я горячо любилъ науку, искусство... Я испытывалъ страстный восторгъ прекраснымъ, въ особенности деревней. Я защищалъ пантеизмъ и говорилъ о немъ, какъ артистъ».

— Историческая эволюція нѣмецкой литературы. До сихъ поръ еще не появлялась въ Германіи такая полная, систематичная, послѣдовательная и основательная исторія нѣмецкой литературы, какъ вышедшіе на-дняхъ въ Лейпцигѣ два тома ¹⁾ Адольфа Бартеляса. Конечно, и въ ней есть недостатки, какъ, на примѣръ излишняя патріотическая гордость, въ ущербъ писателей другихъ странъ, но все-таки ея достоинства отъ этого не уменьшаются. Въ предисловіи авторъ представляетъ планъ и методъ, которыхъ онъ придерживался. «Я думалъ, говоритъ Адольфъ Бартельсъ, что картина исторической эволюціи нашей литературы должна быть разсматриваема вѣ подробно и послѣдовательнаго изученія жизни и произведеній каждаго изъ нашихъ великихъ писателей въ отдѣльности. Я попробовалъ начертать общую картину эволюціи нѣмецкой литературы, прибавивъ къ ней въ видѣ добавленія для каждаго періода болѣе полное изслѣдованіе относительно главныхъ писателей. Такимъ образомъ общая картина можетъ, я думаю, сохранить сжатый и живой порядокъ, который соотвѣтствуетъ историческому дѣлому; тогда какъ въ отдѣльномъ добавленіи—произведеній великихъ писателей, я могу, не только характеризовать съ большой точностью все, что есть оригинальнаго въ ихъ произведеніяхъ, но еще вмѣстѣ въ мой анализъ нѣкоторыя эстетическія сужденія, которыя мнѣ покажутся необходимыми. Однако, прежде всего я предложилъ себѣ начертать ходъ литературной эволюціи въ различные періоды, опредѣляя въ этой эволюціи настоящее мѣсто каждаго писателя и прямое вліяніе, какое производили въ ней его произведенія». Благодаря этой программѣ, многіе отдаленные забытые писатели, хотя и представляющіе крупныя единицы, въ этой эволюціи явились въ своемъ дѣйствительномъ свѣтѣ. Однако, однимъ изъ недостатковъ этого полезнаго труда служатъ безконечныя замѣтки, которыя сбиваютъ съ толку читателя. Онѣ были бы очень полезны, если бы авторъ собралъ ихъ отдѣльно, прибавивъ къ нимъ историческіе документы и мелкія библиографическія и историческія подробности. Впрочемъ, это не умаляетъ главныхъ достоинствъ книги, изъ которыхъ между прочимъ выдѣляются: свобода и откровенность сужденія автора, такъ мало присущіе предшественникамъ Бартеляса. Прежде всего авторъ признаетъ, что нѣмецкая раса обладаетъ личнымъ характеромъ и качествомъ, которые должны руководить ими одинаково, какъ въ эволюціи литературы, такъ и въ политической жизни, а

¹⁾ Geschichte der Deutschen Litteratur, von A. Bartels. 2 Bde. Leipzig. 1902.

потому онъ требуетъ отъ писателей своей страны, чтобы они были нѣмцы, и степень ихъ національности служить мѣриломъ ихъ одѣнки, не индивидуальной, а общей— исторической, даже социальной. Бартельсъ не умаляетъ талантовъ Гейне, Зудермана, современныхъ романистовъ и драматурговъ, но онъ упрекаетъ ихъ за желаніе ввести въ свою національную литературу чужеземное направленіе, противное генію ихъ расы, которое мѣшаетъ, или, по крайней мѣрѣ, тормозитъ ихъ природное развитіе. Націонализмъ автора опирается на широкія познанія значенія и границъ нѣмецкаго генія. Послѣдній, по его мнѣнію, способенъ на различныя проявленія, но онъ характеризуется извѣстнымъ количествомъ чертъ, которыя находятся особенно у четырехъ самыхъ совершенныхъ и типичныхъ представителей расы: Лютера, Канта, Гете и Бисмарка. По словамъ Бартельса, едва ли у другихъ націй найдутся равносильные имъ типы въ Германіи. Въ національномъ геніи, символами котораго служатъ они, сущность беретъ верхъ надъ формой, правда надъ красотой и характеръ занимаетъ большее мѣсто, чѣмъ гармонія». «Но этотъ характеръ,—говоритъ авторъ,—примѣняется къ различнымъ контрастамъ. Въ среднихъ вѣкахъ, серьезный, глубокой и мрачный Вольфрамъ Эшенбахъ противопоставляется веселому, блестящему Готфриду изъ Страсбурга; позже энергичному Лютеру—благоразумный Гансъ Саксъ; ангельскому Клопштоку—легкомысленный Виландъ; ясному Лессингу—глубокой Гердеръ; патетическому Шиллеру—реалистъ Генри Клейстъ; наивному чувственному Грильпарцеру—утонченный Геббель, который ранѣе Ибсена внесъ въ театръ печальныя задачи нашей участи. У величайшаго изъ нашихъ людей, Гете, эти контрасты соединены и согласованы. Самъ Гете въ своихъ образцовыхъ произведеніяхъ, въ особенности въ своемъ Фаустѣ, является намъ сѣвернымъ поэтомъ, въ такой степени, что желаніе красоты въ немъ гораздо глубже и дѣятельнѣе, чѣмъ въ комъ либо изъ его противниковъ». Такимъ образомъ индивидуализмъ—отличительная черта нѣмецкаго ума. Отсюда слѣдуетъ, что сущность является у нѣмецкихъ писателей важнѣе формы, которая, до извѣстной степени, зависитъ отъ традиціи. Бартельсъ утверждаетъ, что нѣмецкая литература богаче индивидуализмомъ, ходъ литературнаго развитія тамъ менѣе подчиненъ коллективной цивилизаціи. Она развивается не непрерывно, но въ то время, когда думаютъ, что она приходитъ въ упадокъ, съ юга и сѣвера Германіи, съ границъ Пруссіи или изъ Тироля являются свѣжія силы. «Мы не обладаемъ еще нѣмецкой драмой въ томъ смыслѣ, говоритъ Бартельсъ, какъ испанская, англійская и французская драма, но у насъ есть драма Лессинга, Шиллера и Грильпарцера. У насъ тѣмъ менѣе есть національный романъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ французы и англичане, но взамѣнъ того мы находимъ у нашихъ романистовъ болѣе разнообразія въ характерахъ, до такой степени, что даже тѣ между нами, которые спеціально писали для большой публики, какъ, напримѣръ, Шпиндлеръ, Гилтей и Геклендеръ, представляютъ намъ опредѣленную личность». Бартельсъ дѣлитъ нѣмецкую литературу на восемь періодовъ. Первый заключаетъ въ себѣ всѣ средніе вѣка съ «Беовульфа» и «Нибелунговъ» до Реформаціи. Онъ называетъ эту эпоху—періодомъ народной, религіозной и рыцарской литературы. Второй періодъ заключаетъ XVI и XVII вѣка; это—періодъ буржуазной и ученой литературы; главными представителями его являются: не-

известный авторъ Рейнеке-Лисъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, Лютеръ, Гансъ Саксъ, эльзасскій поэтъ Фишеръ, ученый Мартинъ Опитцъ, прозванный отцемъ новаго нѣмецкаго стихосложенія; затѣмъ въ XVII вѣкѣ трагическій и сатирический поэтъ Грифіусъ и сказочникъ Гриммельсгаузенъ, который со своей исторіей «*Simplicissimus*» создалъ въ Германіи очень характеристичный типъ реально-юмористическаго романа. Третій періодъ — «французской и англійской школы». Она, начинаясь съ 1675 г., развивается до 1760 г. и подготавливаетъ классическій періодъ Гёте и Шиллера, который останавливается около 1800 г. До тѣхъ поръ въ теченіе болѣе десяти вѣковъ нѣмецкая литература не перестаетъ дѣлать прогрессъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе она, нѣкоторымъ образомъ, работала надъ своимъ развитіемъ, чтобы, наконецъ, достигъ въ классическій періодъ высшей степени совершенства, на которое была способна. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе XIX вѣка, она начала приходить въ упадокъ. Въ эпоху Гете она достигла своей вершины, затѣмъ медленно падала. «По счастью она падала не съ тою правильностью, какъ подымалась, и смѣнялась дѣятельностью и реакціей, во время которыхъ появилось множество произведеній неожиданной оригинальности и силы, задержавшихъ и даже устранившихъ неизбежное ея паденіе. Послѣ классическаго періода, прежде всего явился романтический. Онъ угасаетъ съ 1800 до 1830 года, и, уступая предшествующему періоду по качеству, онъ болѣе богатъ по количеству писателей и произведеній. Главными представителями его являются Гельдерлинъ, братья Шлегель, Лудвигъ Тикъ, Новалисъ, Клейстъ, Гофманъ, Климентъ Брентано, Эйхендорфъ, Уландъ и Шамиссо. Послѣ этого періода явилась эпоха, названная Бартельсомъ «послѣклассической» и «послѣромантической». Это былъ періодъ Грильпарцера, Рюкертъ, а также періодъ «Молодой Германіи», тенденціи которой вдохновлялись романтизмомъ, тогда какъ стремленія Грильпарцера, Рюкертъ и Плятена были въ связи скорѣе съ классической школой. Наконецъ, появляются два послѣдніе періода. Одинъ изъ нихъ — реальный, къ нему принадлежатъ драмы Гейбеля, Отто Людвигъ, поэмы Теодора Шторма и Клауса Гротта, романы Фрейтага, фонъ-Рейтера, Ереміаса Готхельфа и Готфрида Келлера. Что касается до современнаго періода, Бартельсъ хвалитъ въ немъ многія оригинальныя сочиненія, въ особенности романы Шеффеля, Конрада-Фердинанда Мейера, г-жи Эбнеръ Эшенбахъ и Теодора Фонтана. Но весь вѣстѣ этотъ періодъ носить названіе «упадка», и судя по тѣмъ образамъ, которые предлагаетъ современная германская литература, нѣмецкій индивидуализмъ будетъ нуждаться въ большихъ усиліяхъ, чтобы спасти отъ окончательнаго упадка литературу. Для еще большей характеристики книги Бартельса прибавимъ то, что онъ говоритъ относительно литературной эволюціи XVIII вѣка, т. е. историческаго сдѣленія идей и произведеній. «Интеллектуальное совершенствѣніе народа начинается съ того дня, когда этотъ народъ въ состояніи произвести философа, говоритъ онъ; такъ, напримѣръ, совершенствѣніе нѣмецкаго народа начинается съ Лейбница. Но система этого философа слишкомъ метафизична и лична, что мѣшало ей служить для Германіи сводомъ рациональнаго и буржуазнаго либерализма; этотъ сводъ былъ извлеченъ изъ философіи Лейбница въ первые годы XVIII вѣка знаменитымъ Христіаномъ Вольфомъ, который въ продолженіе 50-ти лѣтъ не переста-

валь царить въ нѣмецкой философіи. Лейбницъ, Вольфъ, піетисты, Спенеръ и Франке свидѣтельствуютъ уже о пробужденіи нѣмецкой мысли; другъ Лейбница, Христіанъ Томазіусъ, написалъ тогда «О способѣ, какъ надо подражать французамъ». Сначала подражали французскимъ классикамъ, но вскорѣ перешли къ англійскимъ. Въ 1700 году баронъ Каницъ напечаталъ собраніе эпиграфовъ и сатиръ въ стихахъ; нѣсколько лѣтъ спустя, Нейкирхъ перевелъ въ стихахъ Телемака. Но эти подражанія принесли плодъ только въ 1720 году, и въ Германіи образовались три школы: въ Гамбургѣ, въ нѣмецкой Швейцаріи и въ Лейпцигѣ. Въ Гамбургѣ господствовало англійское вліяніе. Брокъ подражалъ Поэ и Томсону; Гагедорнъ—Поэ и Лафонтену, но въ особенности въ 1713 году появилась цѣлая серія еженедѣльныхъ журналовъ, въ родѣ «Spectator» Аддисона. Въ нѣмецкой Швейцаріи англійское вліяніе также было замѣтно; тамъ Бодмеръ въ 1732 году напечаталъ переводъ въ стихахъ «Потеряннаго Рая» Мильтона. Готшедъ же распространялъ французское вліяніе. Этотъ писатель и его жена подражали всѣмъ французскимъ писателямъ, начиная съ Корнеля, кончая Мольеромъ, а въ 1740 году они основали журналъ «Нѣмецкая сцена, созданная по правиламъ древнихъ», въ которомъ много лѣтъ продолжали проводить въ Германіи всѣ французскія литературныя новости. Но съ 1740 года иностранное вліяніе понемногу уменьшилось, и поэты Геллертъ, Глеймъ и Крамеръ, «если не ввели еще настоящаго національнаго искусства, то все-таки знали, по крайней мѣрѣ, какъ облечь въ хорошую нѣмецкую форму то, что они заняли во французской школѣ». Наконецъ, въ 1750 году появились два писателя, положившіе начало настоящей нѣмецкой литературѣ—Клопштокъ и Лессингъ. Первый еще въ 1745 году создалъ три первыхъ пѣсни Мессіады, а второй въ 1755 году представилъ свою первую трагедію «Миссъ Сарра Сампсонъ». Вскорѣ къ нимъ присоединился третій—Христофъ Виландъ, начавшій въ 1752 году свой переводъ Шекспира. «Мечта Готшеда сбылась, но подъ другой формой. Англійское и французское вліяніе еще держалось, но подражанію пришелъ конецъ; нѣмецкій умъ эмансипировался, явились поэты, умѣвшіе выразить національную жизнь». «Клопштокъ,—говоритъ Бартельсъ,—прежде всего показалъ своему народу, чѣмъ былъ и чѣмъ долженъ быть настоящій поэтъ. Онъ создалъ новый поэтическій нѣмецкій языкъ, возвративъ права фантазіи и чувствамъ; наконецъ, своими одами онъ создалъ въ Германіи новую лирическую поэзію. Лессингъ старался основать тамъ новый театръ, а его критика и журнальныя статьи съ этой цѣлью возбуждали движеніе идей, что давало болѣе гибкости нѣмецкой прозѣ. Но вліяніе его зависѣло болѣе всего отъ его личности. Его вкусъ къ полемикѣ, его откровенность, смѣлость, свобода мысли дѣлали изъ него въ то время, а также и въ наше, лучшаго представителя нѣмецкаго ума. Что касается до Виланда, вліяніе котораго нельзя сравнивать съ вліяніемъ обоихъ его соперниковъ, то онъ умаллялъ иностранное вліяніе, введя, однако, Вольтера, Шекспира, Аріосто и Лукьяно. Около 1760 года новыя иностранныя произведенія распространились въ Германіи и нѣмецкая эволюція литературы приняла другое направленіе. «Новая Элоиза» Руссо, поэмы «Оссіана» и англійская «Reliques of Ancient English Poetry» Перси произвели великое революціонное движеніе, которое обыкно-

венно называется Sturm und Drang. Развиваясь оно, изъ года въ годъ, благодаря Гердеру, Бюргеру, Клаудіусу, Фоссу и Леопольду фонъ-Штольбергу, замыкается сочиненіями Шяллера и Гёте. Каждый изъ этихъ классическихъ предшественниковъ великихъ гениевъ игралъ роль въ Sturm und Drang. Главная и важная роль принадлежала Юганну Гердеру, ученику Канта и богослова Гаманна. «Не будучи, собственно говоря, ни поэтомъ, ни критикомъ, — замѣчаетъ Бартельсъ, — Гердеръ является самымъ дѣятельнымъ вдохновителемъ нашей литературы. Ему мы обязаны высокимъ зарожденіемъ искусства и поэзіи, но въ особенности тѣмъ, что есть въ искусствахъ чувствительнаго, глубоко близкаго, чему нельзя научиться, и лишь оно можетъ пробудиться въ насъ самихъ. Съ этого только времени мы умѣемъ различать народную поэзію отъ художественной или, вѣрнѣе, естественную отъ утонченной, искусственной поэзіи. Гердеръ пробудилъ въ насъ лирической элементъ, который намъ позволяетъ узнавать національный и нынѣшній характеръ всѣхъ искусствъ. Онъ оказалъ также громадные услуги своими изысканіями источниковъ, къ которымъ онъ питаетъ страсть въ различныхъ областяхъ языка, исторіи и богословіи. Гердеръ болѣе другихъ авторовъ подготовилъ роженіе классической литературы. Бюргеръ былъ великимъ лирическимъ поэтомъ, влившимъ всю свою душу въ стихи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ больной человекъ, и его поэзія не имѣетъ здороваго вліянія тѣхъ писателей, которые слѣдовали за нимъ. Но она, тѣмъ не менѣе, живая, а съ точки зрѣнія формы свидѣтельствуетъ о громадномъ прогрессѣ литературы. «Сонеты» его отличаются мягкостью и красотой языка, тогда какъ остальные его стихи плоски, банальны и тяжело легкомысленны. Фоссъ создалъ въ Германіи новую моду поэтическаго чувства, но главное его достоинство въ переводахъ. Вмѣстѣ съ произведеніями братьевъ Штольбергъ его «Одиссея» открыла сердцамъ нѣмцевъ глубокія красоты древней литературы.

— Письма Верди. Когда послѣ смерти Беллини напечатали его письма, то Верди говорилъ, что «Катанскій лебедь» выйдетъ умаленнымъ послѣ этой публикаціи. Онъ писалъ одному другу: «Какая была необходимость выводить на свѣтъ письма музыканта, — письма, написанныя всегда наскоро, небрежно, безъ всякаго значенія, потому что маэстро не долженъ поддерживать литературную репутацію? Не достаточно болѣе освистывать его музыку. Нѣтъ, теперь надо также освистывать его письма. Ахъ, тяжелая ноша извѣстность! Эти бѣдные великіе людишки, знаменитости, дорого платятъ за свою славу. Нѣтъ имъ покоя ни при жизни, ни послѣ смерти». Несмотря на это замѣчаніе, Александръ Луціо, одинъ изъ поклонниковъ Верди, помѣстилъ въ миланскомъ журналѣ «La Lettura» нѣсколько писемъ изъ переписки, длившейся пятьдесятъ лѣтъ между Верди и графомъ Апирандино Арривабене, извѣстнымъ либеральнымъ патріотомъ и политическимъ вдохновителемъ газеты «Opinione». Но Верди не вышелъ «умаленнымъ» изъ этой переписки, хотя, вѣроятно, онъ не далъ бы согласія на ея напечатаніе. Можетъ быть, многіе будутъ оспаривать его мнѣніе относительно нѣмецкой музыки и сравненія Вагнера, Россини и Гуно, но никто не можетъ отрицать въ немъ генія гармоничнаго, полного равновѣсія и здороваго. Хотя Ломброзо со своими учениками счптаютъ генія близкимъ къ помѣшаннымъ, ихъ же землякъ является какъ разъ антиподомъ этой теоріи

Повидимому, гений Верди является цвѣткомъ его физическаго и моральнаго здоровья; онъ вполне нормальный человекъ. Его умъ болѣе всего выдѣляется изъ его любви къ родинѣ; онъ живетъ прежде всего для нея, а затѣмъ для себя. Известно, что выражали итальянцы криками: «Eviva Verdi!» подъ самымъ носомъ австрийцевъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ музыка Верди была въ тѣсной связи съ единствомъ Италіи, и Россіи, съ презрѣніемъ относившіяся къ патріотическимъ заботамъ своего собрата, называлъ его «музыкантомъ въ каскѣ». Верди довольствовался этой отрицательной политикой и, считая себя въ долгу предъ отечествомъ, принималъ званіе депутата въ палатѣ. Тамъ онъ держалъ себя всегда открытымъ либераломъ и націоналистомъ. Несмотря на угрозы вѣчнаго изгнанія, онъ подписалъ въ 1848 г. адрессъ Гверрери Гонзаго, требуя вмѣшательства Франціи противъ Австріи. Въ 1859 г. онъ радовался вмѣшательству Наполеона III въ итальянскія дѣла, а позже выразилъ настоящею горе, видя въ 1870 г., что Италія отказалась идти противъ Пруссіи. Онъ называлъ этотъ отказъ «національной неблагодарностью» и искупилъ его тѣмъ, что въ 1873 г. подписался на памятникъ Наполеону. На осужденіе Гверрацци этого поступка, онъ отвѣтилъ въ «Opinione»: «Я всегда думалъ и думаю еще теперь, что Наполеонъ былъ единственный французъ, другъ Италіи. Затѣмъ онъ рисковалъ для насъ своей шкурой. Все это стоитъ моего скромнаго обоба». Онъ былъ самымъ искреннимъ поклонникомъ Кавура. Послѣ смерти послѣдняго Верди прислалъ графу Арривабене письмо, полное отчаянія, въ которомъ онъ признается, что «плакалъ, какъ дитя, на похоронахъ знаменитаго покойника». Затѣмъ довѣріе перешло на Квинтино Селла. Но смерть «рара Camillo» продолжала казаться ему неисправимымъ несчастьемъ, и онъ повторялъ, что счастье Италіи сошло въ могилу съ великимъ патріотомъ. Онъ всегда оставался независимымъ отъ всѣхъ партій. Онъ былъ демократомъ пылкимъ и страстнымъ, но боялся крайности демагогій. По поводу нѣкоторыхъ избирательныхъ преобразованій, которыя считалъ неудачными, онъ писалъ: «Онѣ снимутъ цѣпи съ хищныхъ звѣрей. Это будетъ чудо, если они насъ не растерзаютъ; прежде всего министровъ». Онъ хотѣлъ видѣть въ своей странѣ благоразумное, достойное правительство, а не такое, которое раздѣляло бы только личные его взгляды. «Все, что вамъ угодно, писалъ онъ по поводу паденія министерства Депретиса, бѣлый, красный, зеленый, желтый или черный, но только былъ бы человекъ, человекъ!»...

— Вальдекъ Руссо. Въ послѣднее время, какъ бы предчувствуя отставку французскаго перваго министра Вальдека Руссо, иностранные журналы помѣстили на своихъ столбцахъ характеристику этого замѣчательнаго государственнаго человека. Въ первой июньской книжкѣ «Nouvelle Revue» мистическій и фантастическій писатель Пеладанъ говоритъ, что Вальдекъ Руссо внесъ въ политику новый элементъ, именно строгую логику идеолога. Гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе характеристику «этого единственнаго государственнаго человека нашего декадентскаго времени» представляетъ Шарль Бастидъ въ англійскомъ журналѣ «The Fortnightly Review» за май мѣсяць ¹⁾. По его словамъ, онъ три

¹⁾ M. Waldeck Rousseau, by Charles Bastide. «The Fortnightly Review», may 1902.

года занималъ мѣсто премьера по приглашенію президента Лубэ и, блестяще исполнивъ порученную ему задачу, спокойно вышелъ изъ водоворота политической жизни. По предсказанію Бастида, онъ принялся за любимое имъ занятіе—рисованіе акварелью, и самое пріятное для него препровожденіе времени—катанье на яхтѣ. Не прошло и мѣсяца послѣ его выхода въ отставку, какъ онъ уже уѣхалъ въ экспедицію къ Норвежскимъ берегамъ. Вальдекъ-Руссо былъ сынъ депутата и родился 2-го декабря 1844 г. въ Реннѣ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ былъ адвокатомъ въ своемъ родномъ городѣ и въ 1849 г. былъ избранъ членомъ нижней палаты. Онъ засѣдалъ на скамьѣ тогдашней «Union republicaine», а теперь его называли бы умѣреннымъ республиканцемъ. Гамбетта обратилъ на него вниманіе и въ своемъ «великомъ министерствѣ» 1881 г. предложилъ ему мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ охотно согласился и обнаружилъ рѣшительность, энергію, а такъ же мужественное краснорѣчіе. Особенно онъ понравился Гамбеттѣ своей правдивостью и откровенностью: такъ въ отвѣтъ на вопросъ Гамбетты, понравилась ли ему одна изъ его рѣчей, онъ отвѣчалъ: «прекрасная, а главное короткая». Съ самаго начала онъ выказалъ замѣчательную авторитетность характера и въ циркулярѣ къ префектамъ обратилъ ихъ вниманіе на вмѣшательство сенаторовъ и депутатовъ въ дѣла административныя, какъ совершенно незаконное. Кабинетъ Гамбетты, какъ извѣстно, существовалъ недолго, но въ слѣдующемъ министерствѣ Ферри онъ продолжалъ занимать тотъ же постъ. Въ 1885 г. онъ вмѣстѣ съ премьеромъ вышелъ въ отставку и на выборахъ 1889 г. вовсе не баллотировался. Въ 1894 г. онъ вступилъ въ сенатъ, и въ мирной сенатской средѣ выбрали его премьеромъ. Время тогда было самое жаркое и опасное для республики, такъ какъ свирѣпствовала анти-дрейфусарская палата и такъ называемое націоналистское движеніе, поддерживаемое арміей. Прежде всего, во время своего трехлѣтняго правленія, онъ возстановилъ порядокъ и кончилъ дѣло Дрейфуса, а, во-вторыхъ, онъ провелъ нѣсколько чисто республиканскихъ реформъ. Главное вниманіе онъ обратилъ на клерикаловъ, противъ которыхъ ввелъ строгое законодательство. Зная, однако, что во Франціи всего популярнѣе вышнее представительство, онъ въ 1899 г. сдѣлалъ республиканское торжество: именно пригласилъ въ Парижъ всѣхъ провинціальныхъ мѣровъ на обѣдъ въ честь президента. За этимъ слѣдовала всемирная выставка и посѣщеніе Франціи русскимъ императоромъ, такъ польстившее самолюбію французовъ. Все это вмѣстѣ очистило политическую атмосферу, и Вальдекъ-Руссо былъ готовъ передать въ другія руки правительственную власть, сильно укрѣпленную его усиліями. По его убѣжденію онъ исполнилъ свою задачу и можетъ отдыхать на лаврахъ. Тотчасъ послѣ открытія новаго парламента и въ ту минуту, когда вся Франція радовалась русскому путешествію Лубэ, Вальдекъ-Руссо, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, подалъ въ отставку.

— Смерть короля саксонскаго Альбрехта, тунисскаго бея Спди-Али, сержанта Гофа и г-жи Дюранъ. 19-го іюня умеръ одинъ изъ старѣйшихъ государей Европы, король саксонскій Альбрехтъ, родившійся въ 1828 г. Онъ былъ сыномъ короля Іоанна и принцессы Амаліи Баварской; его воспитателемъ былъ генералъ Мангольдъ, и 15 лѣтъ онъ поступилъ офице-

ромъ въ саксонскую армію. Въ то же время онъ, однако, до революціи 1848 г. слушалъ курсъ наукъ въ Бонскомъ университетѣ, гдѣ его товарищемъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій. Въ 1864 г. онъ принималъ участіе въ войнѣ съ Даніей, на сторонѣ германскихъ государствъ. По восшествіи на престолъ его отца, онъ получилъ титулъ генерала и въ 1866 г. оказалъ подвиги въ прусско-австрійской войнѣ, особливо въ битвѣ подъ Садовой, при чемъ онъ защищалъ австрійцевъ. Когда, по окончаніи этой кратковременной войны, Саксонское королевство вошло въ составъ конфедераціи сѣверной Германіи, онъ, въ качествѣ наслѣднаго принца, командовалъ саксонской арміей. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ въ франко-прусской войнѣ 1870 года. Послѣ сраженій подъ Мецомъ и Гравелотомъ онъ получилъ назначеніе командира четвертой арміи, съ которой онъ содѣйствовалъ Седанскому погрому, осадѣ Парижа и сраженію подъ Шампigny. Послѣ войны принцъ Альбрехтъ былъ назначенъ фельдмаршаломъ и главнымъ инспекторомъ арміи, а 29 октября 1873 г. послѣ смерти отца онъ вступилъ на престолъ. Но и королемъ онъ продолжалъ оставаться солдатомъ, заботясь только о своей арміи, маневрахъ и т. д. Всѣ германскіе принцы особенно уважали этого маститаго ветерана и выразили искреннее сожалѣніе объ его смерти. Императоръ австрійскій и германскій присутствовали при его похоронахъ. Онъ былъ женатъ на принцессѣ Гольштейнъ-Готторпъ-Ваза, но не имѣлъ дѣтей, и ему наслѣдовалъ братъ его, принцъ Георгъ, родившійся въ 1832 г.

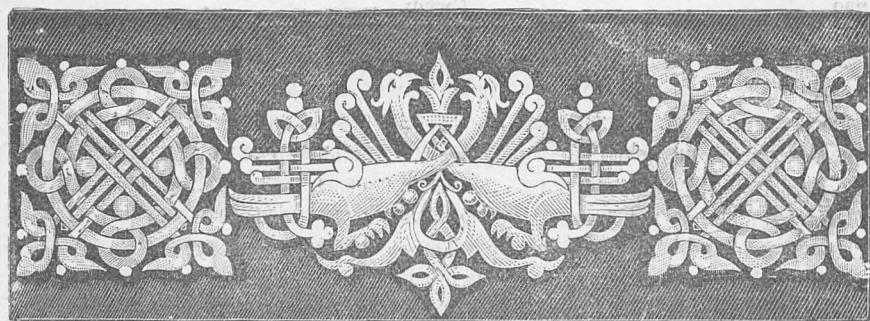
За нѣсколько дней до смерти короля саксонскаго скончался тунисскій бей, Сиди-Али. Онъ наслѣдовалъ своему брату Магомсту-Эсъ-Садоку, чрезъ восемнадцать мѣсяцевъ послѣ заключенія Тунисомъ трактата о протекторатѣ Франціи. Въ продолженіе своего двадцатилѣтняго царствованія Сиди-Али всячески старался поддержать этотъ трактатъ, союзъ съ Франціей и многочисленныя экономическія и административныя реформы, которыя введены были въ Тунисѣ, подъ покровительствомъ французской республики. Французскіе представители въ этой странѣ Поль Камбо, Массико, Рувье и Миллье находили въ немъ энергичнаго помощника во всѣхъ полезныхъ для края мѣрахъ, какъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ, устройство портовъ, распространеніе школъ и развитіе, какъ земледѣлія, такъ и мануфактуры.

Въ началѣ іюня въ Парижѣ происходили чрезвычайно торжественныя похороны простого солдата въ присутствіи военнаго министра. Но сержантъ Гофъ былъ достоинъ оказанныхъ ему необыкновенныхъ почестей. Онъ отличился дѣйствительно поразительными подвигами въ франко-германскую войну и скорѣе походилъ на храбраго мужественнаго вольнаго стрѣлка, чѣмъ на регулярнаго солдата. Онъ стрѣлялъ безъ промаха, былъ храбръ до безумія и по ночамъ бросался на неприятельскіе ряды съ доблестью смѣлаго партизана. Особенно онъ отличился при взятіи съ нѣсколькими товарищами Волчьята острова, занятаго тремя стами пруссаковъ. Гофъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только двадцать четыре человѣка. Пользуясь темнотою ночи, онъ разставилъ большинство ихъ стрѣлками по берегу Марны и переплылъ чрезъ рѣку на островъ вплавь. За нимъ послѣдовали еще четыре человѣка. Очутившись на островѣ, всѣ они открыли огонь изъ ружей. Перепуганные нѣмцы, полагая, что многочис-

ленный непріятель овладѣлъ островомъ, бѣжали во все стороны. Черезъ часть островъ былъ въ рукахъ французовъ. Въ сраженіи подъ Шампиньи Гофъ былъ взятъ въ плѣнъ, и по счастію для него, нѣмцы не узнали своего смертельнаго врага, а то, конечно, его разстрѣляли бы. Вернувшись послѣ мира во Францію, онъ участвовалъ въ борьбѣ противъ коммуны, при чемъ былъ тяжело раненъ. Въ виду его исчезновенія, послѣ битвы при Шампиньи, нѣкоторые его непріатели стали обвинять его въ шпионствѣ, но начальники его оправдали. Онъ награжденъ былъ Почетнымъ Легіономъ и сдѣлался легендарнымъ героемъ. Но такъ какъ онъ не могъ болѣе служить въ арміи, то Макъ-Магонъ назначилъ его смотрителемъ Вандомской колонны. Впослѣдствіи его перевели въ томъ же званіи къ Триумфальной аркѣ. Занимая этотъ почетный постъ, онъ и умеръ, окруженный невиданными почестями.

Мѣсяцъ тому назадъ умерла въ Парижѣ популярная писательница романовъ изъ русской жизни, г-жа Дюранъ, пріобрѣтшая себѣ извѣстность подъ псевдонимомъ Анри Гревиль. Она была дочерью Жана Флери, талантливаго журналиста, переселившагося въ Россію послѣ государственнаго переворота 1851 г. Ей тогда было только десять лѣтъ, и она провела въ Россіи большую часть своей молодости. Она здѣсь нашла себѣ и мужа Эмиля Дюрана, профессора французскаго языка въ училищѣ правовѣднія. Лишь въ 1872 г. она покинула Петербургъ и возвратилась въ Парижъ. Въ то время г-жа Дюранъ начала писать романы, избравъ себѣ псевдонимъ Анри Гревиль. Вскорѣ она сдѣлалась популярной писательницей и въ продолженіе тридцати лѣтъ выпустила въ свѣтъ одинъ за другимъ болѣе тридцати романовъ, черпая матеріалъ въ русской жизни. Одинъ изъ ея романовъ «Dusia» былъ награжденъ преміей со стороны французской академіи. Потомъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались: «La princesse Ogherof», «Sonia», «Le Coumassine», «Les epreuves de Raissa», «Tibelka», «L'heritage de Xenvi» и т. д. Все они отличались скромностью, приличіемъ и талантичностью. Предъ своей смертью она не успѣла окончить послѣдняго своего романа, печатавшагося въ «Temps»: Le dernier des Ruugau», и умерла среди своихъ литературныхъ трудовъ на шестидесятомъ году.

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ собрание академіи наукъ. 12-го мая состоялось подъ предѣдательствомъ вице-президента академіи П. В. Никитина торжественное собраніе, посвященное памяти В. А. Жуковского. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: товарищъ министра народнаго просвѣщенія Лукьяновъ, академики А. Н. Веселовскій, Н. П. Кондаковъ, почетные академики гр. А. А. Голенщевъ-Кутузовъ, А. Ѳ. Конп, членъ государственнаго совѣта инженеръ-генералъ Н. П. Петровъ, вице-президентъ академіи художествъ гр. П. П. Толстой и др. Рѣчь академика А. Н. Веселовскаго прочиталъ Н. П. Кондаковъ. В. А. Жуковский, — говоритъ А. Н. Веселовскій, — занимаетъ въ нашей литературѣ особое положеніе. Кругомъ него есть подражатели, но нѣтъ собственно школы. Державинскій пафосъ, слышный въ его раннихъ произведеніяхъ, скоро и окончательно уступаетъ Карамзинскому сентиментализму. Любовь сдѣлала Жуковского поэтомъ, сентиментализмъ далъ ему готовыя формулы, съ тою разницей, что Жуковский пережилъ многое на дѣлѣ, глубоко и правдиво. Эта искренность насъ подкупаетъ, несмотря на нѣкоторую ограниченность и неподвижность міросозерцанія. Въ немъ нѣтъ колебаній и страстныхъ порывовъ, все идетъ медленно, методично, изъ однихъ и тѣхъ же началъ. Въ этой ограниченности и сила, и слабость Жуковского: рѣдко такъ, какъ въ немъ, человѣкъ покрывался поэтомъ. Съ мечтательной и вмѣстѣ неидеальной программой онъ вступилъ въ жизнь, съ рѣшимостью заработать себѣ скромное счастье, съ требованіями возвышающей любви и той особой дружбы, которая колеблется на порогѣ любви и признанія. Смерть его друга А. Тургенева, а затѣмъ неуда-

впяая любовь къ племянницѣ М. А. Протасовой сообщили его настроенію мечтательность и меланхолію, которыя у насъ привыкли считать признакомъ романтизма. Но въ Жуковскомъ это не романтизмъ, а автобіографическія признанія сердца, шедшаго навстрѣчу сентиментальнымъ теченіямъ литературы. Въ этой-то атмосферѣ сложились любимые образы, общія мѣста, эпитеты, все, что дѣластъ лирику Жуковского своеобразной; сложился его стиль. Онъ надолго связалъ его. «C'est le poète de la passion»,—сказалъ о немъ кн. Вяземскій,—сохрани Богъ ему быть счастливымъ: со счастьемъ лопнетъ прекраснѣйшая струна его лиры». Передъ нами весь кругозоръ интимной лирики Жуковского; онъ ограниченъ личною жизнью, и въ ней уголкомъ чувства, тихо волнующагося, призывного, грѣющаго, томящагося по чѣмъ-то реальному или не здѣшнему. На все кругомъ себя онъ смотрѣлъ «сквозь сонъ поэтической», все идеализовалъ, и друзья боялись рокового дара Мидаса—обращать въ золото все, до чего бы онъ ни дотронулся. У Жуковского «все поэзія — царскія двери, дьячки, понамари», трунилъ кн. Вяземскій. Его гуманизмъ былъ гуманизмъ жалости и благотворенія: носитель добра и помощи, онъ не рѣшался теоретически распространить то и другое на болѣе широкіе горизонты. Но въ этомъ бѣдномъ по содержанию районѣ онъ совершилъ чудеса: въ немъ онъ полный хозяинъ, знаетъ въ немъ всякій закоулокъ, неуловимыя движенія чувства. Въ этомъ очарованіе его стиха. Но не безъ борьбы дался Жуковскому его стиль, его школа—переводы; они составили ему репутацію. Но его переводы были тѣмъ же творчествомъ; онъ не столько переводилъ, сколько воспроизводилъ, спускаясь къ оригиналу, даже поднимая его до своего пониманія. Какъ-то разъ, защищая Жуковского отъ критиковъ, кн. Вяземскій выразился, что стихъ его можетъ устарѣть,—останется поэзія; я прибавилъ бы,—замѣчаетъ г. Веселовскій,—устарѣетъ ея содержаніе, въ болѣе широкихъ перспективахъ потонетъ его крохотный личный кругозоръ, останется правдивость настроенія и прелесть овладѣвшаго имъ стиха. Вкратцѣ рѣчь гр. Голенищева-Кутузова заключалась въ слѣдующемъ. Въ пятистишіи Пушкина—«Его стиховъ плѣнительная сладость»—заключается полное опредѣленіе поэзіи Жуковского. Жуковский первый и величайшій поэтъ карамзинскаго періода нашей литературы, достигшій значительнаго совершенства во внѣшней формѣ стиха. Относительно внутренняго содержанія можно опредѣлить его поэзію, какъ «поэзію сердца». Первая безнадежная любовь поэта дала всей его поэзіи отпечатокъ задумчивой грусти, но не перешла въ отчаянье вслѣдствіе глубокаго религіознаго настроенія Жуковского, которое не покидало его въ продолженіе всей его жизни. Онъ прямо въ лицо смотрѣлъ несчастіямъ и бѣдствіямъ жизни и въ ней же пытался найти утѣшеніе. Въ заключеніе гр. Голенищевъ-Кутузовъ вспомнилъ также о значеніи Жуковского, какъ воспитателя императора Александра II, содѣйствовавшаго зарожденію и развитію великихъ освободительныхъ реформъ этого государя.

Пятидесятилѣтіе кievскаго центрального архива. 2-го апрѣля 1852 года послѣдовалъ указъ правительствующему сенату объ учрежденіи кievскаго центрального архива для древнихъ актовъ трехъ губерній Юго-Западнаго края: Кievской, Подольской и Волынской. Одновременно съ этимъ учреждены были

такіе же архивы въ Вильнѣ и Витебскѣ для губерній сѣверо-западныхъ. Въ силу этого указа въ центральныхъ архивахъ должны быть собраны древнія актовыя книги до 1799 года включительно и не только изъ присутственныхъ мѣстъ всего Юго-Западнаго края, но и отъ частныхъ лицъ. Инициатива учрежденія центрального архива въ Кіевѣ принадлежитъ тогдашнему генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову, который понималъ важное значеніе сохраненія древнихъ документовъ. По его мысли центральный архивъ былъ учрежденъ при университетѣ св. Владиміра. Сосредоточенію древнихъ документовъ и актовыхъ книгъ изъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ въ специальныхъ учрежденіяхъ— архивахъ, въ значительной мѣрѣ способствовали крупныя злоупотребленія, обнаруженныя по поддѣлкѣ дворянскихъ документовъ какъ на происхождение, такъ и на владѣніе, что имѣло подкладкой политическія тенденціи 1830-хъ годовъ и послѣдующихъ. Насколько велики были эти злоупотребленія, указываютъ немало завѣдомо подложныхъ документовъ, имѣющихся въ актовыхъ книгахъ, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. По такимъ документамъ утвердилось немало представителей бывшей польской шляхты въ дворянствѣ, доказывались права владѣнія землями и т. п. Поддѣлки документовъ были настолько широко распространены въ Юго-Западномъ краѣ, что правительство неоднократно учреждало повѣрочныя комиссіи для осмотра актовыхъ книгъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Такія ревизіонныя комиссіи дѣйствовали въ 1833, 1835, 1840 и 1842 гг. Но всѣ эти мѣры не могли прекратить подлоги и поддѣлки документовъ, которыя стали весьма прибыльнымъ занятіемъ для цѣлой группы адвокатовъ и ходатаевъ. Злоупотребленія эти пустили такіе глубокіе корни, что, повидному, продолжались съ успѣхомъ и послѣ сосредоточенія актовыхъ книгъ въ кіевскомъ архивѣ. На такое предположеніе наводитъ обнаруженіе въ 1867 году новыхъ подлоговъ. Назначена была особая слѣдственная комиссія для разслѣдованія злоупотребленій, но, къ сожалѣнію, виновники не были обнаружены. Слѣдственная комиссія вновь обнаружила, что въ актовыхъ книгахъ немало поддѣльныхъ документовъ, и что въ дачѣ копій разнаго рода документовъ необходима большая осмотрительность. Обнаруженіе подлоговъ въ 1867 году вызвало приостановку въ депутатскихъ собраніяхъ дѣлопроизводства по выдачѣ разнаго рода справокъ о принадлежности къ дворянству. То же дѣлопроизводство прекратилось въ департаментѣ герольдіи по документамъ, выдаваемымъ изъ кіевского центрального архива. Такое положеніе дѣлъ продолжается и нынѣ. Мѣстныя депутатскія дворянскія собранія и департаментъ герольдіи не производятъ никакихъ дѣлъ по документамъ, хранящимся въ кіевскомъ архивѣ. Требуются громадныя навыкъ и опытность для установленія дѣйствительнаго характера того или иного архивнаго документа. Необходимы глубокія познанія въ палеографіи, знакомство съ бумагой, свойственными ей водяными знаками и т. п. для опредѣленія времени, когда написанъ документъ. Такимъ ученымъ архивистомъ въ кіевскомъ центральномъ архивѣ является помощникъ завѣдующаго, И. М. Каманинъ, занимающійся въ архивѣ уже 26 лѣтъ. Онъ авторъ извѣстнаго палеографическаго труда, удостоеннаго Уваровскою преміи. На основаніи матеріаловъ, хранящихся въ кіевскомъ архивѣ, написанъ цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій и монографій. Въ

числѣ этихъ работъ особеннаго вниманія заслуживаютъ труды профессоровъ Иванюкова, В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, М. П. Ясинскаго, И. М. Каманна, О. И. Левицкаго и мн. др. Документы, хранящіеся въ архивѣ, относятся къ XVI, XVII, XVIII и XIX вв. Всѣхъ актовыхъ книгъ, изъ которыхъ многіе составляютъ фоліанты въ нѣсколько тысячъ листовъ, въ архивѣ хранится около шести тысячъ и, кромѣ того, до полумиліона отдѣльныхъ документовъ въ связкахъ. Большинство документовъ написано на польскомъ языкѣ, но есть также русскіе, латинскіе и греческіе. Древнѣйшія актовыя книги не восходятъ далѣе 1520 г., но въ нихъ написаны документы, относящіеся даже къ концу XIV вѣка. Къ числу ихъ относятся разныя грамоты великихъ князей литовскихъ (1390—1569 гг.), изданныя въ 1886 году. Въ послѣднія двадцать лѣтъ въ кievскій архивъ было передано много цѣнныхъ матеріаловъ изъ дѣлопроизводства кievскаго окружнаго суда и кievскихъ судебныхъ учреждений, начиная съ 1742 года, изъ судебныхъ учреждений Волинской и Подольской губерній и другихъ мѣстъ. Матеріаль этотъ тщательно подбирается и сортируется. Исполнившееся 2-го апрѣлѣ нынѣшняго года 50-лѣтіе кievскаго архива прошло почти безслѣдно. Только въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 28-го апрѣля прочтаны были два реферата, посвященные кievскому архиву. Доклады прочтаны И. М. Каменскимъ и О. И. Левицкимъ. Средства, отпускаемыя на содержаніе архива, крайне ничтожны. Вопросъ объ увеличеніи штатовъ давно уже ждетъ рѣшенія.

С.-Петербургское археологическое общество. I. Общее годовое собраніе происходило 2-го мая подъ предѣлательствомъ графа И. И. Толстого. Почтена была вставаніемъ память скончавшихся членовъ: барона В. В. Тизенгаузена, Д. Ф. Щеглова и А. А. Неустроева. Прочтано было П. К. Коковцевымъ заключеніе комиссіи. Секретарь общества сообщил отчетъ о дѣятельности общества Въ отчетномъ 1901 г. общество состояло изъ 280 членовъ (19 — почетныхъ, 148 дѣйствительныхъ и 113 членовъ-сотрудниковъ); засѣданій происходило въ теченіе года—26; вышли нѣсколько выпусковъ изданій общества: восточнаго, русскаго и классическаго отдѣленій. Раскопки по порученію общества произведены были: В. Н. Глазовымъ въ Псковской и Н. А. Тихмировымъ въ Тверской губ. Ученая дѣятельность общества заключалась также въ награжденіи медалями выдающихся ученыхъ трудовъ въ области археологіи. Средства общества, какъ сообщилъ казначей общества Н. К. Марковъ, достигали къ 1-му января 1902 года суммы 31.400 рублей, приходъ за 1901 годъ — 19.962 рубля 89 коп., расходъ — 18.928 рублей 67 коп. Библіотека общества приведена въ полный порядокъ. Сообщено содержаніе завѣщанія В. В. Тизенгаузена, завѣщавшаго часть своей библіотеки въ даръ обществу. Для распредѣленія завѣщанныхъ книгъ между заинтересованными учреждениями избраны отъ общества: баронъ В. Р. Розень и И. В. Аничковъ. Представителями общества на харьковскій съѣздъ избраны: князь П. А. Путятинъ, С. Л. Пташицкій, Н. В. Покровскій и Н. И. Веселовскій. Произведены были выборы должностныхъ лицъ на новое трехлѣтіе; избраны: помощникомъ предѣлателя—графъ И. И. Толстой и секретаремъ—В. Г. Дружининъ. Въ члены общества избранъ Э. Э. Лену. Высшую награду общества въ

этомъ году, большую золотую медаль, медальная комиссія присудила графу А. А. Бобринскому за трудъ его: «Курганы и случайныя находки близъ мѣстечка Смѣлы»—трудъ многолѣтній, огромный и снабженный богатыми рисунками. Состоитъ онъ изъ трехъ большихъ томовъ и представляетъ разнообразнѣйшій и богатѣйшій археологическій матеріалъ. Книга графа А. А. Бобринскаго сдѣлается вскорѣ, по заявленію проф. Н. И. Веселовскаго, настольною книгою каждаго археолога. Серебряную медаль комиссія назначила В. В. Фармаковскому за изслѣдованіе: «Византійскій пергаменный рукописный списокъ съ миниатюрами, принадлежащій Археологическому институту въ Константинополь». II. Дѣятельность общества въ текущемъ академическомъ году закончилась засѣданіемъ членовъ русскаго отдѣленія 7-го мая подъ предѣтельствомъ проф. С. Ѳ. Платонова. Предѣдатель отдѣленія сдѣлалъ докладъ о занятіяхъ организаціоннаго комитета предстоящаго въ 1903 г. тверскаго областного археологическаго съѣзда. Съ этимъ докладомъ былъ связанъ вопросъ о производствѣ въ текущемъ году раскопокъ на средства общества, такъ какъ русское отдѣленіе постановило оказать съѣзду всякую возможную съ его стороны поддержку. Поддержка выразится въ раскопкахъ въ мѣстностяхъ Тверской и сосѣднихъ съ нею областей, а также въ изданіи тома записокъ отдѣленія, посвященныхъ вопросамъ, входящимъ въ програму дѣятельности съѣзда. Районъ раскопокъ текущаго года на средства общества ограничится нѣкоторыми уѣздами Тверской, Псковской и Новгородской губерній по програмѣ, составленной Н. И. Веселовскимъ и А. А. Спицынымъ. Послѣдній сдѣлалъ, кромѣ того, докладъ о любопытномъ обрядѣ, замѣченномъ имъ среди погребеній въ Пермской губерніи у камской чуди. Цѣлые могильники оказываются черерытыми, надъ могилами замѣтны ямы и слѣды кострища. Обрядъ существовалъ, повидимому, довольно долго; онъ наблюдается при погребеніяхъ IX—X и XIII—XIV вѣковъ у племенъ: пермяковъ, зарянъ и вотяковъ. Князь П. А. Путятинъ высказалъ мнѣніе, нельзя ли видѣть здѣсь обрядъ крещенія костей предковъ-язычниковъ потомками христіанами. С. Л. Пташицкій сообщилъ интересныя новыя данныя о московскомъ первопечатникѣ Иванѣ Ѳедоровѣ во Львовѣ и о судьбѣ типографіи его. Послѣдняя была арестована послѣ смерти Ѳедорова княземъ Острожскимъ. По произведенной оцѣнкѣ все имущество стоило около 1.150 рублей. Оставшіеся экземпляры (120) библіи оцѣнивались каждый 5 руб. 60 коп. Въ ту же сумму оцѣнивался на рынкѣ того времени (конецъ XVI стол.) цѣлый быкъ. Новыя данныя говорятъ также о существованіи еще одной типографіи въ Константиновѣ (неизвѣстной до настоящаго времени) и о командировкѣ Ѳедорова Стефаномъ Ваторіемъ въ Краковъ въ 1583 г., при чемъ Ѳедоровъ получилъ на расходы по поѣздкѣ 63 рубля.

Къ XII археологическому съѣзду. 20-го мая, состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Профессоръ Д. И. Багалъй доложилъ, что въ отвѣтъ на просьбу комитета о предоставленіи помѣщенія для гг. депутатовъ и членовъ отъ г. ректора университета, профессора Н. О. Куплевскаго, получено увѣдомленіе, что на время открытія XII археологическаго съѣзда имъ разрѣшается предоставленіе безплатнаго помѣщенія съ приспособленіями въ зданіи студенческаго общежитія для

гг. членовъ и депутатовъ въ количествѣ до 150 человекъ. Профессоръ Багалѣй познакомилъ съ отрывками изъ дневника покойнаго профессора Морозова и съ отдѣльными статьями, входящими въ него по поводу древностей: 1) «замѣтка объ ископаемыхъ мѣдныхъ издѣляхъ, найденныхъ въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ» (И. Леваковского); 2) нѣсколько словъ о лѣсныхъ курганахъ въ Харьковской губерніи (И. Леваковского); 3) о каменныхъ бабахъ музея Харьковского университета; 4) о Донецкомъ городищѣ; 5) о древностяхъ, находимыхъ около хутора Миргорода и села Соколова (И. Щелкова). Далѣе профессоромъ Багалѣемъ доложено: 1) сообщеніе управленія Харьковско-Николаевской желѣзной дороги о присылкѣ комитету горшка и наконечника копья, найденныхъ въ курганѣ въ Полтавской губ., Константиноградскаго уѣзда; 2) сообщеніе В. Д. Гринченка о пожертвованіи имъ (черезъ Нѣжинское историко-филологическое общество) цѣлаго ряда своихъ научныхъ изданій и сочиненій будущему этнографическому музею при историко-филологическомъ обществѣ Харьковского университета; 3) сообщеніе А. И. Егорова о присылкѣ для выставки плана древняго чепеля, благодаря которому выясняется истинное положеніе усть-самарскаго ретраншемета; 4) сообщеніе М. Русова о присылкѣ имъ въ распоряженіе комитета своихъ трудовъ, посвященныхъ: а) изслѣдованію дворовъ и построекъ крестьянъ Полтавской губ., б) игръ и игрушекъ дѣтей крестьянъ той же губерніи. По выслушаніи отзыва о первомъ трудѣ профессора Н. Ф. Сумцова, признающаго его весьма цѣннымъ и полезнымъ, постановлено напечатать его въ «Трудахъ» комитета; второй трудъ — доложить на сѣздѣ. А. В. Ветуховъ подѣлился методомъ изслѣдованія матеріаловъ по этнографіи, полученныхъ комитетомъ и сгруппированныхъ профессоромъ Е. Рѣдинымъ по отдѣламъ и уѣздамъ. Рѣшено — матеріаль въ извлеченіи А. В. Ветухова издать и просить его же сдѣлать докладъ на основаніи этого матеріала на сѣздѣ. Г. Криптажовичъ доложилъ о своей этнографической экскурсіи въ сел. Долгенькое, Изюмскаго уѣзда, о предметахъ, приобрѣтенныхъ при этомъ, и сообщилъ множество весьма интересныхъ преданій, легендъ, связанныхъ съ указанными предметами (изъ приобрѣтенныхъ предметовъ укажемъ: на прытку чумацкую, райское дерево, музыкальный инструментъ о 4-хъ струнахъ, ступу, чабанскія ложки и др.). В. В. Ивановъ познакомилъ съ матеріалами, издаваемыми къ XII археологическому сѣзду харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ — по картографіи Харьковской губ. и намѣстничества. По замѣчанію, сдѣланному профессоромъ Д. И. Багалѣемъ, это изданіе явится цѣннымъ не только въ области изученія картографіи нашего края, но и вообще древне-русской картографіи. Отъ имени комитета выражена благодарность В. В. Иванову за его труды по изданію матеріала. В. А. Бабенко сообщилъ о результатахъ порученія по осмотру дома Квитки на Основѣ; рѣшено увѣдомить г. управляющаго о принятіи комитетомъ его предложенія — командировать членовъ для изученія дома и его намятниковъ. На основаніи сообщенія г. Бабенка о нахожденіи имъ кацарки, исполнявшей нѣсколько работъ для выставки, — рѣшено пригласить эту кацарку на выставку во время сѣзда для демонстраціи самаго производства работы. Доложенъ рефератъ профессора М. А. Попова — изслѣдованія человѣческихъ череповъ, до-

бытыхъ при раскопкахъ, произведенныхъ профессоромъ Багалѣемъ, В. Е. Данилевичемъ, г-жею Мельникъ и др. (Рѣшено напечатать въ «Трудахъ» комитета). Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ объ отправкѣ отъ имени комитета просьбъ всѣмъ предварительнымъ комитетамъ и комиссіямъ по подготовкѣ съѣзда и отдѣльнымъ лицамъ—о присылкѣ для выставокъ памятниковъ древностей, этнографіи, изданій по этнографіи: екатеринодарскому статистическому комитету, екатеринодарскому обществу любителей изученія Кубанской области; статистическимъ комитетамъ: курскому, полтавскому, екатеринославскому, воронежскому, таврическому, черниговскому, нѣжинской комиссії при институтѣ князя Безбородка, черниговской земской управѣ, новочеркасскому комитету, черниговской и полтавской духовнымъ консисторіямъ, нѣкоторымъ земскимъ начальникамъ Курской губ., нѣкоторымъ священникамъ Харьковской епархіи, гг. Гринченко, А. А. Русову, В. И. Василенко, Я. П. Новицкому, В. П. Науменко, директору маріупольской гимназіи и др. Профессоромъ Е. К. Рѣдинымъ далѣе доложено: 1) о полученіи свѣдѣній отъ общества Нестора Лѣтописца при университетѣ св. Владимира — о церковныхъ древностяхъ Черниговской епархіи (на основаніи этихъ свѣдѣній послана соотвѣтствующая просьба въ черниговскую духовную консисторію); 2) о полученіи свѣдѣній о древностяхъ отъ курскаго губернскаго статистическаго комитета (на основаніи ихъ послана просьба гг. земскимъ начальникамъ и др.); 3) о полученіи свѣдѣній отъ екатеринославскаго губ. статистическаго комитета (послана просьба); 4) о полученіи отъ г. начальника военно-ученаго архива главнаго штаба картъ для картографической выставки и о посылкѣ ему же просьбы о присылкѣ рукописныхъ картъ; 5) о согласіи г. Машукова (Екатеринославъ) прислать коллекцію фотографическихъ снимковъ наружныхъ и внутреннихъ видовъ церквей; 6) о присылкѣ академіей художествъ шести рисунковъ Ознобишина деревянныхъ церквей земли Войска Донскаго; 7) о присылкѣ г. Оленинымъ-Гнененко свѣдѣній о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи и по связаннымъ съ ними преданіямъ; 8) о согласіи г. Сочинскаго прислать на выставку портреты Ёрмака и запорожскихъ гайдамаковъ; 9) о присланной профессоромъ барономъ Розеномъ справки о древности никопольскаго татарскаго саркофага (XVI—XVII в.); 10) о полученіи открытыхъ листовъ для г-жи Томилиной, Познанскаго, профессора Халанскаго, изъ коихъ первая и третій собираютъ свѣдѣнія и древности въ Курской губерніи, а второй въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи; 11) о письмѣ г. Твердохлѣбова, сообщающаго о своихъ трудахъ по собиранію древностей и памятниковъ этнографіи—въ Харьковской губерніи и отчасти Полтавской; 12) о согласіи комиссії по устройству народнаго дома въ г. Харьковѣ прислать для выставки при съѣздѣ имѣющіяся въ ея распоряженіи картины; 13) о присылкѣ г. земскимъ начальникомъ 1-го участка Перекопскаго уѣзда (Таврической губерніи) свѣдѣній о древностяхъ и двухъ фотографій (съ остатковъ древнихъ укрѣпленій у г. Перекопа); 14) о письмѣ Я. И. Смирнова, сообщающаго о приготовленіи для выставки фотографій съ нѣкоторыхъ древностей Императорскаго Эрмитажа; 15) о пожертвованіи 2 рублей Оренбургской ученой архивной комиссіею на изданіе южно-русскаго орнамента; 16) о присылкѣ импера-

торскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ денегъ на расходы комитета; 17) о письмѣ священника Синельникова, обещающаго доставить свою коллекцію древностей, и письмѣ профессора Березкова — о доставкѣ древностей отъ вѣжинской комиссіи; 18) о согласіи г. Е. Воронца предоставить коллекцію фотографій съ композицій Воскресенія Христова; 19) о согласіи г. Овчаренка представить свои картины для выставки при сѣздѣ; 20) о письмѣ г. Остроухова, обещающаго свое содѣйствіе предъ г. Юсѣмъ о доставкѣ для выставки глиняныхъ вазъ, пѣющащихся въ Ново-Таволжанской экономіи Боткиныхъ; 21) о сообщеніи неченьгскаго волостного правленія о находженіи въ пескахъ базальтѣвской волости въ различныхъ мѣстахъ двухъ глиняныхъ сосудовъ (одинъ былъ разбитъ), при которыхъ были и человѣческія кости и черепъ. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ о поступленіи въ распоряженіе комитета для выставокъ и музея древностей университета различныхъ древностей и памятниковъ искусства и быта отъ разныхъ лицъ и учреждений.

Московское археологическое общество. 2-го мая, въ засѣданіи археологической комиссіи археологическаго общества В. Э. Денъ прочелъ докладъ о своей разработкѣ данныхъ 5-й ревизіи. Работа эта еще далеко не закончена, вышли изъ печати лишь первые два тома. Докладчикъ опредѣлилъ, какъ главную цѣль своей работы, сравнить населеніе Россіи въ концѣ XVIII вѣка (по 5-й ревизіи) и въ концѣ XIX вѣка (по переписи 1897 г.). Является вопросъ, насколько заслуживаютъ довѣрія данныя 5-й ревизіи, и насколько они пригодны для сравненія съ данными современныхъ переписей. Изслѣдованія докладчика привели его къ тому выводу, что 5-я ревизія, несмотря на все несовершенство тогдашнихъ приемовъ собранія статистическихъ свѣдѣній, все же доставляетъ цѣнный матеріалъ, которымъ можно воспользоваться, хотя и съ извѣстными оговорками, для указанной цѣли. Докладчикъ не раздѣляетъ того пренебрежительнаго отношенія къ ревизіямъ, которое обнаруживается нѣкоторыми учеными, наиримѣръ, Янсономъ. Точно опредѣлить степень достовѣрности ревизскихъ данныхъ нѣтъ никакой возможности. Но тѣмъ указаніямъ, которыя дѣлались нѣкоторыми изслѣдователями насчетъ обстоятельствъ, не благопріятствовавшихъ точному подсчету населенія при ревизіяхъ, можно противопоставить доводы противоположнаго характера. Такъ, хотя податная цѣль ревизій должна была заставлять многихъ уклоняться отъ ревизіи, но съ ревизіей вѣдь были связаны и выгодныя для населенія юридическія послѣдствія, въ смыслѣ, наиримѣръ, признанія правъ на владѣніе и др., а съ другой стороны, за утайки полагались строгія наказанія. Эти обстоятельства должны были сильно сокращать число утаскъ. Знаменательно, что въ донесеніяхъ сенату сенаторовъ-ревизоровъ не встрѣчается никакихъ указаній на неурядки при ревизіяхъ. Въ своей работѣ докладчикъ принялъ во вниманіе многочисленныя измѣненія въ административномъ раздѣленіи имперіи за 100 лѣтъ; для сравненія съ данными переписи 1897 года онъ остановился на административномъ дѣленіи, введенномъ Александромъ I, и потому пользовался окладными книгами 1806 года.

Мѣсто заточенія боярина Михаила Никитича Романова. Въ Русскомъ собраніи было сдѣлано сообщеніе путешественникомъ А. К. Хребтовымъ объ

его поѣздкѣ въ 1900 г. по Сѣверу, гдѣ онъ посѣтилъ мѣсто заключенія боярина М. Н. Романова, котораго Борисъ Годуновъ сослалъ въ 1601 г. въ мѣстечко Нырбку, состоящую тогда изъ 3—4 пзушекъ. Привезя на мѣсто ссылки, стража вырала яму и посадила туда безвиннаго страдальца, устроивъ наверху небольшое отверстіе для поданія ему воды и хлѣба. Въ 1602 г. послѣдовала смерть Романова. Преданіе говоритъ, что стража его задушила, такъ какъ томилась своею жизнью. Похоронили М. Н. Романова въ Нырбкѣ, но въ 1606 г., по повелѣнію Димитрія Самозванца, тѣло перевезено въ Москву въ церковь Спаса на Новомъ. Теперь это мѣстечко называется селомъ Нырбомъ, лежитъ 44 верстахъ отъ уѣзднаго гор. Чердыня, Пермской губ., куда возможно проѣхать по хорошей дорогѣ, и представляетъ интересъ въ археологическомъ отношеніи, ибо 1) это лѣтній храмъ, выстроенный въ 1705 г. въ память Николая Чудотворца, наружная сторона котораго (храма) разукрашена въ разные цвѣта, равно колонки и карнизы. Храмъ можно назвать одной изъ красивѣйшихъ церквей сѣвера; недаромъ его называютъ: «Красавицей церковью»; 2) часовня построена по указу императрицы Екатерины II подъ мѣстомъ заточенія Романова; изъ часовни есть небольшой входъ въ яму; 3) церковь зимняя въ честь Богоявленія, вновь отстроенная послѣ пожаровъ 1738 г., гдѣ устроена ниша—мѣсто, въ которомъ покоилось тѣло Михаила Никитича. Докладчикъ въ заключеніе высказалъ желаніе, чтобы была сохранена и поддержана эта старина въ ея неприкосновенности; недавно еще закрашено было известкой все крыльцо съ его красивыми колонками. При церкви есть гостиница, гдѣ путникъ и богомолецъ могутъ найти пріютъ. Въ 5-ти верстахъ отъ села на берегу р. Колвы существуютъ интересныя «Давыи пещеры».

Реставрація Зарайскаго кремля. Зарайскій каменный кремль, построенный въ 1531 г. великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ, по словамъ «Волгаря», въ настоящее время близокъ къ разрушенію, а между тѣмъ кремль этотъ представляетъ собою историческій памятникъ древности. Онъ не разъ видѣлъ подъ своими стѣнами непріятельскія войска и выдерживалъ осаду. Въ 1541 году къ Зарайску подступилъ крымскій ханъ Саянъ-Гирей, но былъ разбитъ зарайскимъ воеводой Глѣбовымъ. Въ 1570 году нашествіе орды повторилось, но и на этотъ разъ она была разбита. Въ 1608 году кремль былъ занятъ польскими войсками и т. д. Кремль имѣетъ въ окружности 350 саж.; въ немъ имѣется памятникъ надъ усопшимъ княземъ Феодоромъ, его супругой Евпраксіей и сыномъ Іоанномъ, а подъ курганомъ около церкви Благовѣщенія схоронены убитые въ смутныя времена защитники Зарайска. Зарайская городская дума возбудила предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство объ исправленіи кремля на средства казны. Расходъ подсчитанъ въ 33.090 рублей.

Археологическія раскопки. Съ Өминой недѣли извѣстнымъ археологомъ генералъ-лейтенантомъ Бранденбургомъ производятся археологическія раскопки огромнаго скифскаго кургана, находящагося въ имѣніи Ильинцы (въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи) Е. П. Демидовой княгини Санъ-Донато. Пынѣшнія раскопки, по словамъ «Кіевлянина», являются продолженіемъ раскопокъ, начатыхъ генераломъ Бранденбургомъ въ прошломъ году. Раскопки эти, несмотря на то, что онѣ далеко еще не закончены, дали уже очень цѣн-

ные въ научно́мъ отноше́ніи результаты. Въ огромно́мъ курганѣ, изслѣдуемо́мъ Н. Е. Бранденбургомъ, обнаружены слѣды большого подземнаго склена. Хотя послѣдній и оказался ограбленнымъ, тѣмъ не менѣе въ немъ удалость сдѣлать рѣдчайшую и драгоцѣнную находку. Находка эта уцѣлѣла, благодаря какой-то катастрофѣ, застигшей грабителей, по мнѣнію Н. Е. Бранденбурга, въ моментъ соверше́нія ими грабежа и заставившей ихъ носи́тельно спастись, не давъ имъ возможности захватить съ собою всю добычу. Одинъ изъ грабителей, повидимому, былъ раздавленъ обваломъ кургана. Кости его и были найдены при раскопкахъ въ мѣстѣ земельного завала. Уцѣлѣвшая, благодаря этому, находка представляеть золотую оправу, повидимому, налуча. Она имѣеть видъ большой золотой пластины, около 10 вершковъ длинной и около 7—шириной, поверхность которой покрыта художественно вычеканенными рельефными изображеніями разныхъ бытовыхъ сценъ. Работа отличается большою тонкостью. Всѣхъ картинокъ вычеканено 6. Онѣ отличаются разнообразнымъ содержаніемъ и заключаютъ въ себѣ въ общемъ до 20 человѣческихъ фигуръ. Всѣ пластины равны 50 золотникамъ. Кромѣ этой драгоцѣнной въ научно́мъ отноше́ніи находки, найдены еще бронзовыя кнемиды, къ сожалѣнію, сильно разрушившіяся, и разныя мелкія золотыя и другія украшенія. Все это было разбросано въ полномъ безпорядкѣ на небольшомъ сравнительно пространствѣ. Всѣ найденные генераломъ Н. Е. Бранденбургомъ предметы отправлены имъ въ Петербургъ, императорскую археологическую комиссію, на средства которой и произведена имъ раскопка.

Искатели клада. Крестьяне Ольгопольскаго уѣзда, Свиридь и Ужвакъ, осенью прошлаго года явились въ селеніе Поборку Гайсинскаго уѣзда Подольской губерніи и предложили мѣстному крестьянину Зозулѣ разрѣшить имъ заняться раскопками въ его усадьбѣ, съ тѣмъ условіемъ, что если будетъ найденъ кладъ, о которомъ они имѣютъ свѣдѣніе, то подѣлятся съ нимъ поровну. Зозуля согласился, и искатели клада 15 апрѣля дѣйствительно на глубинѣ 2 сажень открыли квадратную, еще довольно сохранившуюся, комнату съ тонко обдѣланными каменными стѣнами, въ одной изъ которыхъ видна заложенная плоскимъ обдѣланнымъ камнемъ дверь, ведущая куда-то дальше. Мѣстная власть запретила, по словамъ «Одесскихъ Новостей», дальнѣйшую раскопку до особаго разрѣшенія. Въ виду этого, Свиридь и Ужвакъ намѣрены подать въ археологическую комиссію просьбу о разрѣшеніи имъ продолжать начатую работу.

Библиологическое общество. 10-го мая, въ помѣщеніи главнаго управленія Краснаго Креста состоялось общее собраніе, открытое рѣчью вице-президента В. Ѳ. Воцяновскаго, посвященною памяти скончавшагося почетнаго члена общества Н. К. Шильдера. Собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ. А. В. Половцовымъ прочитанъ былъ рефератъ объ автографахъ русскихъ писателей въ Амстердамской библіотекѣ. Въ этой библіотекѣ ему была показана цѣлая связка писемъ нашихъ августѣйшихъ особъ и писателей, подаренная вѣкпмъ Дидерихсомъ. Тутъ были письма Греча, Козлова, Каролины Павловой, Плетнева, Сперанскаго, Свинына, Жуковскаго, Загоскина и др.; болѣе интересныя письма были прочитаны референтомъ. Г. Рейнботъ дополнилъ сооб-

щеніе референта личнымъ воспомнаніями о своемъ путешествіи по Голландіи. Н. М. Лисовскимъ былъ доложенъ отчетъ выбранной при обществѣ комиссіи по организациіи чествованія 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати. Послѣ продолжительной переписки комиссіи удалось привлечь нѣкоторыя общества къ участию въ совѣщаніяхъ и организовать собранія изъ представителей общества дѣятелей печатнаго дѣла, кассы взаимопомощи литераторовъ и редакцій повременныхъ изданій. Комиссіей разосланы были приглашенія 349 петербургскимъ изданіямъ, но на совѣщаніе явились представители лишь 50 изданій. На расходы по организациіи совѣщаній, производившейся исключительно силами библиологическаго общества, комиссіей издержано болѣе 100 рублей, каковая сумма пожертвована Н. М. Лисовскимъ. Несмотря на то, что библиологическое общество нисколько не заботилось, чтобы за нимъ была признана инициатива этого дѣла, оно не могло избѣгнуть цѣлаго рода незаслуженныхъ нареканій, вызванныхъ исключительно недоразумѣніемъ, и потому на будущее время рѣшило устраниваться отъ всякой активной роли по организациіи и созыву совѣщаній. Собраніе, признавъ дѣятельность комиссіи цѣлесообразной, постановило выразить особую признательность г. Лисовскому за его труды и поручило комиссіи участвовать въ бюро представителей печати по организациіи юбилея. Въ почетные члены общества избраны П. Я. Дашковъ, С. Н. Шубинскій и Д. Ф. Кобеко, въ дѣйствительные—Л. М. Савеловъ.

Исковскій Пушкинскій комитетъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій комитетъ распредѣлил, какъ сообщаютъ «Исковскія Губернскія Вѣдомости», собранныя имъ по всеобщей подпискѣ пожертвованія на учрежденія въ память поэта въ общей суммѣ 103.450 рублей между исковскимъ дворянствомъ, городомъ Исковомъ и попечительствомъ Пушкинской Святогорской богадѣльни по 31.000 рублей каждому, а остальные 10.450 рублей предназначилъ: на образованіе неприкосновеннаго капитала въ Святогорской обители съ тѣмъ, чтобы обитель установила повседневное поминовеніе покойнаго поэта, на ремонтъ и убранство могилы поэта къ 26 мая и на работы по укрѣпленію горы монастыря, у края которой поконится прахъ поэта. По вопросу о дальнѣйшей судьбѣ села Михайловскаго, купленнаго правительствомъ, комитетъ рѣшилъ возбудить ходатайство объ учрежденіи здѣсь двухклассной народной школы, предназначивъ на устройство и содержаніе ея доходъ съ имѣнія и проценты съ капитала, образуемаго изъ 31.000 рублей, причитающихся на долю исковскаго дворянства, и изъ той суммы, которая можетъ быть выручена отъ продажи принадлежащей имѣнію сосѣдней пустоши въ 400 десятинъ, стоимость которой опредѣляется въ 90.000 рублей; при этой школѣ предположено устроить опытные и показательныя поля и опытную льняную станцію при содѣйствіи министерствъ земледѣлія и финансовъ. Что касается усадьбы села Михайловскаго, то комитетъ постановилъ принять мѣры къ охраненію ея.

Церковь въ память І. В. Гурко. «Варшавскій Дневникъ» сообщаетъ, что въ имѣніи Сахарово, Тверской губерніи, въ томъ павильонѣ, въ которомъ покойный варшавскій генераль-губернаторъ І. В. Гурко проводилъ большую часть времени послѣднихъ лѣтъ своей жизни, имъ самимъ построеномъ, будетъ устроена большая церковь со склепомъ-усыпальницей, куда будетъ перенесенъ гробъ

почившаго фельдмаршала. Этотъ павильонъ, съ однимъ входомъ посерединѣ, имѣетъ два помѣщенія: въ одномъ устрояется церковь, а другое приспособлено для музея, въ которомъ будетъ собрано все, относящееся къ жизни и дѣятельности Г. В. Гурко. Павильонъ построенъ въ стилѣ французскаго возрожденія. Иконостасъ въ этой церкви исполняется по проекту архитектора высочайшаго двора профессора Л. Н. Бенуа. Иконостасъ свѣтлаго тона съ позолотой въ стилѣ Empire, какъ наиболѣе подходящемъ къ памяти выдающихся военныхъ дѣятелей. Образа будутъ на живописныхъ темныхъ фонахъ, работы художника Думитрашко. Запрестольный образъ — прекрасная старинная копія съ картины Рафаеля, изображающей Богоматерь съ Младенцемъ (оригиналъ находится въ Дрезденской галлерей). У лѣваго клироса предназначено мѣсто для гроба, покрытое однимъ камнемъ; въ головахъ будетъ поставленъ мраморный аналой съ двумя старинными вазами по бокамъ, въ видѣ урнъ. Все это предполагается исполнить текущимъ лѣтомъ и освятить церковь въ іюль мѣсяцѣ.

Біографія П. С. Нахимова. Лейтенантъ П. Бѣлавенецъ составляетъ подробную біографію адмирала П. С. Нахимова и въ «Русскомъ Инвалидѣ» обращается съ просьбой ко всѣмъ, кому дорога память героя, прислать ему, какіе у кого найдутся матеріалы.

Общество востокѣдѣнія. 12-го мая, въ Соляномъ Городкѣ подъ предсѣдательствомъ г.-м. Н. К. Шведова, состоялось общее годовое собраніе. Собраніе было открыто почетной предсѣдательницей общества О. С. Лебедевой; въ числѣ присутствовавшихъ на собраніи былъ почетный членъ общества В. П. Ковалевскій. Изъ отчета о дѣятельности общества за истекшій 1901 годъ, прочитаннаго предсѣдателемъ г.-м. Н. К. Шведовымъ, видно, что общество сильно выросло и окрѣпло. Количество членовъ простирается до 550, въ томъ числѣ почетныхъ членовъ 14, членъ-почетитель (А. И. Манташевъ, пожертвовавшій на нужды общества 10.000 рублей), дѣйствительныхъ — 507, соревнователей — 3, сотрудниковъ 23 и корреспондентовъ — 5. Во время посѣщенія Петербурга его высочество эмиръ бухарскій и его наслѣдникъ приняли званіе почетныхъ членовъ общества и выразили полное сочувствіе задачамъ общества и готовность оказывать ему всякое содѣйствіе. За истекшій годъ значительно возросло также количество отдѣленій общества востокѣдѣнія, таковыя теперь открыты въ городахъ: Астрахань, Бухаръ, Ташкентъ, Тифлисъ, Асхабадъ, Рени и Эривани. Наибольшую дѣятельность изъ названныхъ отдѣленій проявляетъ ташкентское, состоящее теперь уже изъ 61 члена. Въ Ташкентѣ организованы: платные курсы для изученія персидскаго и сартскаго языковъ и бесплатные курсы русскаго языка для туземцевъ. Слушателями первыхъ курсовъ являются преимущественно представители мѣстной интеллигенціи: офицеры, чиновники и пр., что же касается курсовъ русскаго языка, то желающихъ изучать его туземцевъ оказалось такъ много, что въ короткое время мѣстное отдѣленіе принуждено было открыть четыре параллельныя отдѣленія; среди изучающихъ зарегистрированы лица различныхъ профессій, въ возрастѣ отъ 16 до 39 лѣтъ, при чемъ всѣ учащіеся здѣсь отличаются добросовѣстностью къ изученію, аккуратностью въ посѣщеніи лекцій и усердіемъ. Все это доказываетъ, насколько назрѣла среди туземцевъ потребность въ знаніи русскаго языка. Одинаково болѣе или менѣе расширяется дѣятель-

ность и во всѣхъ прочихъ мѣстныхъ отдѣленіяхъ общества. За истекшій годъ общество получило пожертвованій отъ разныхъ лицъ всего въ суммѣ 20.405 р. Въ теченіе двухлѣтней дѣятельности курсы восточныхъ языковъ, учрежденные обществомъ въ Петербургѣ, вполне доказываютъ свою жизненность. На нихъ изучались языки: персидскій, турецкій и японскій. Слушателей было настолько достаточно, что содержаніе курсовъ, съ вознагражденіемъ преподавателямъ, почти покрыто одной платой слушателей за изученіе. Изучали языки: персидскій—4 лица, турецкій—5 и японскій—4. Въ видахъ упроченія начатаго дѣла, совѣтъ въ ближайшемъ будущемъ займется разработкой вопроса о мѣрахъ поощренія слушателей и практическаго примѣненія ихъ познаній по восточнымъ языкамъ. Собраніе утвердило отчетъ и приходо-расходную смѣту на текущій 1902 годъ въ размѣрѣ 5.300 рублей Далѣе, по предложенію В. И. Ковалевскаго, собраніе единогласно выразило благодарность предсѣдателю общества и всѣмъ членамъ совѣта за ихъ безкорыстную, плодотворную дѣятельность. Н. К. Шведовъ съ своей стороны отъ лица комитета благодарилъ В. И. Ковалевскаго за его постоянное содѣйствіе и сердечное сочувствіе къ задачамъ общества. Собраніе закончилось выборами, при чемъ въ составъ членовъ комитета избраны: академикъ Ф. Е. Коршъ, баронъ М. Э. Нольде, Н. М. Штрунгъ и кандидатомъ къ нимъ В. А. Соханскій; въ члены ревизіонной комиссіи: В. И. Бѣляевъ, В. В. Вешняковъ, С. П. Лебедевъ и И. И. Поплавскій.

Географическое общество. 1. 3-го мая по отдѣленію этнографіи А. Н. Харузинъ изложилъ выработанный имъ проектъ для собранія свѣдѣній о крестьянскихъ постройкахъ. Въ этомъ проектѣ между прочимъ сказано: этнографическое отдѣленіе географическаго общества въ виду важнаго значенія въ изученіи культуры народовъ изслѣдованія жилищъ нашло необходимымъ собрать и обработать матеріалы по исторіи развитія крестьянскихъ построекъ въ Россіи, почему оно обращается съ просьбой ко всѣмъ интересующимся отечественнымъ и вообще славянскимъ народовѣдѣніемъ, не найдутъ ли они возможнымъ составить, подробно по возможности, описаніе деревенскихъ зданій, какъ служащихъ для жилья, такъ и для хозяйственныхъ надобностей. Для облегченія труда прилагаются тѣ вопросные пункты, по которымъ отвѣты особенно важны. Вопросы эти слѣдующіе: 1) какъ называется на мѣстѣ данная постройка; 2) для чего она служитъ; 3) изъ какого матеріала сдѣлана: а) постройка и б) ея крыша; 4) имѣется ли крыльцо, балконъ, терраса, галлерей, и какъ называются эти постройки; 5) имѣется ли отдѣльный фундаментъ, изъ какого матеріала, и какъ онъ называется; 6) находится ли входная дверь со стороны фронтона или съ длинной стороны; 7) куда выходитъ входная дверь; 8) сколько оконъ а) съ фронтона и съ длинныхъ сторонъ и б) справа и слѣва отъ входной двери; 9) о сколькихъ скатахъ крыша; 10) примыкаетъ ли жилое помѣщеніе къ хозяйственной постройкѣ (или банѣ); а) къ сѣновалу, гумну, сараю, конюшнѣ и т. п.; б) подъ угломъ въ одну линію—по длинѣ или ширинѣ; 11) сообщается ли жилое помѣщеніе внутреннимъ ходомъ съ хозяйственной постройкой; 12) одноэтажная постройка или двухэтажная; 13) для чего служитъ чердачное помѣщеніе; 14) какъ называется комната, въ которую ведетъ входная дверь; 15) имѣются ли другія комнаты въ постройкѣ; 16) имѣется ли

очагъ, и гдѣ онъ помѣщается; 17) имѣется ли печка, и какъ она топится; 18) въ какой комнатѣ обѣдаютъ, сиятъ, работаютъ; 19) гдѣ помѣщаются иконы; 20) гдѣ помѣщается обѣденный столъ; 21) имѣются ли вдоль стѣны прикрѣпленныя скамьи. Не лишнимъ представляется присовокупить свѣдѣнія о мѣстности, занимаемой селеніемъ, а также какое обычное занятіе крестьянъ. Проектъ одобренъ отдѣленіемъ, при чемъ сдѣланы нѣкоторыя добавленія. Въ этомъ же засѣданіи А. В. Аракелянъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе: «Географъ Алишанъ и значеніе его трудовъ для географіи Кавказа». Алишанъ посвятилъ 60 лѣтъ упорнаго научнаго труда для изученія географіи, исторіи и литературы Арменіи. Наиболѣ замѣчательнымъ трудомъ его является описаніе провинцій древней Арменіи, представляющее 20 огромныхъ томовъ. Трудъ этотъ важенъ съ общей исторической точки зрѣнія для исторіи крестовыхъ походовъ и всемірной торговли. II. 15-го мая въ общемъ собраніи шт.-капитанъ л.-гв. Сапернаго батальона В. И. Семеновъ сдѣлалъ докладъ о совершенномъ имъ путешествіи по Персіи. Постоянными спутниками г. Семенова были наняты имъ: переводчикъ изъ кавказскихъ персовъ и нѣкій Воронинъ, по ремеслу маляръ, но страстный охотникъ и любитель скитаній. Чарвадары (погонщики муловъ) и проводники являлись переменнымъ составомъ маленькой экспедиціи, выступившей въ половинѣ января 1898 года изъ Асхабада на Мешедъ и Нишапуръ. Изъ Мешеда г. Семеновъ сдѣлалъ интересную экскурсію на развалины древней столицы Хорасана, Туса, гдѣ еще сохранился величественный мавзолей, воздвигнутый надъ гробницею Фирдуси. Были посѣщены и знаменитыя бирюзовые копи, находящіяся въ Нишапурской провинціи. Копи эти, составляющія собственность персидскаго правительства, въ 1897 году были отданы въ аренду на десять лѣтъ съ платою по 48 тыс. рублей. Разработка ведется самымъ примитивнымъ способомъ и притомъ только въ шести шахтахъ, всего же шахтъ 18, но остальные заброшены. Изъ Нишапура экспедиція направилась на югъ, черезъ неизслѣдованныя горы Сіяхъ-Кухъ, гдѣ чуть было не погибла, отыскивая переваль на занесенномъ снѣгомъ хребтѣ. Одна изъ лошадей пала отъ истощенія и холода. Но зато въ этихъ горахъ г. Семеновъ открылъ небольшой округъ Кухъ-и-Сурхъ, не указанный ни на одной изъ картъ Персіи, хотя въ этомъ округѣ насчитывается до 20-ти довольно значительныхъ населенныхъ пунктовъ. Достигнувъ Туршиза, экспедиція повернула на западъ и, слѣдуя вдоль южной границы Хорасана, вышла къ Дамгану. Эта часть путешествія дала наиболѣ цѣнные результаты въ научномъ отношеніи. Былъ открытъ цѣлый рядъ горныхъ хребтовъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ, и при томъ открытъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по ранѣе имѣвшимся свѣдѣніямъ, предполагалось, что простирается ровная поверхность Великой Соляной пустыни. Между прочимъ города Тауруна или Тавруна, нанесеннаго на всѣхъ русскихъ и иностранныхъ картахъ, г. Семеновъ не нашелъ; оказалось, что именовъ Тауруна называется обширная долина, а не населенный пунктъ. Къ Западу отъ этой долины экспедиція перешла черезъ замѣчательную рѣку Каль-и-Шура, разливающую свои горько-соленыя воды въ обширное озеро, окруженное со всѣхъ сторонъ мертвыми солончаками. Пока путешественники не вышли на большую тегеранскую дорогу, имъ много приходилось терпѣть

лишеній во время длинныхъ переходовъ по малонаселенной и плохо орошенной мѣстности и еще быть подъ постоянною угрозою нападеній со стороны дикихъ белуджей, кочующихъ въ центральной Персіи. Во время движенія отъ Дамгана на Симнанъ экспедиція пользовалась сравнительными удобствами, такъ какъ она шла по большому караванному пути, гдѣ можно было найти и убѣжище отъ непогоды и продовольствіе. Изъ Симнана г. Семеновъ направился черезъ Фирузъ-Кухъ въ Мазандеранъ. При подъемѣ на перевалъ Пешмъ путешественникамъ пришлось въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ идти по руслу горнаго потока, образовавшагося отъ таявія снѣговъ. Само русло представляло собою родъ гигантской лѣстницы, на ступени которой съ невѣроятными усиліями приходилось вводить муловъ и лошадей. Одна изъ послѣднихъ сорвалась съ уступа и разбилась. Встрѣтивъ праздникъ Пасхи въ пустынной долинѣ въ горахъ, путешественники на слѣдующій день достигли Фируза-Куха или «горы побѣды», называемой такъ потому, что тамъ Александръ Великій разбилъ войска сатрапа Бесса. Спускаясь по живописной долинѣ Толара, экспедиція въ продолженіе трехъ дней прошла черезъ всѣ времена года, начиная отъ суровой зимы на заоблачныхъ высотахъ горъ и кончая тропическимъ лѣтомъ у ихъ подножія. Еще черезъ нѣсколько дней путешественники прибыли въ Варфрушъ, главный торговый городъ Мазандерана, съ 50-тысячнымъ населеніемъ. Далѣе, слѣдуя черезъ Амоль, г. Семеновъ направился въ долину р. Харрасъ-пэ, по которой экспедиція вновь дошла до центрального хребта Эльбурса и, спустившись съ него, черезъ три дня достигла Тегерана, гдѣ г. Семеновъ встрѣтилъ самое широкое гостепримство со стороны нашего посольства. Послѣ довольно продолжительнаго, но заслуженнаго отдыха экспедиція выступила въ обратный путь, перешла черезъ Эльбурсъ по трудно доступному перевалу Авче и по склону вулкана Демавенда вышла вновь въ долину Харраса и направилась въ Мешедисеръ, гдѣ, сѣвъ на пароходъ, въ началѣ іюля покинула Персію. Всего г. Семеновъ въ предѣлахъ Персіи прошелъ болѣе 3.500 верстъ, при чемъ на протяженіи 1.500 верстъ произвелъ съемку. Барометрическими наблюденіями опредѣлено свыше 50 высотъ. Произведены метеорологическія наблюденія и собраны статистическія и торговыя свѣдѣнія относительно всѣхъ посѣщенныхъ районовъ. Но самыми цѣнными являются изслѣдованія г. Семенова относительно Великой Соляной пустыни, которая, какъ оказывается, по своимъ размѣрамъ не заслуживаетъ эпитета «Великой». Сопоставляя свои наблюденія съ наблюденіями англійскаго путешественника г. Вогана (Vaughan), посѣтившаго въ 1888 году нѣкоторыя области Центральной Персіи, г. Семеновъ пришелъ къ выводамъ, что, по крайней мѣрѣ, восточная половина того, что раньше считалось Соляной пустыней, представляетъ страну, прорѣзанную горными хребтами и вмѣщуюю населенные пункты. Послѣ доклада на экранѣ былъ показанъ цѣлый рядъ картинъ, иллюстрирующихъ весь путь, пройденный г. Семеновымъ.

Сѣверо-западный отдѣлъ географическаго общества. Попечитель Виленскаго учебнаго округа П. П. Корниловъ въ 1866 году предложилъ, для объединенія ученыхъ силъ и привлеченія къ научной работѣ мѣстной русской интеллигенціи, учредить, по примѣру Сибири и Кавказа, Сѣверо-Западный

отдѣлъ императорскаго Русскаго географическаго общества. На первый проектъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ не далъ своего согласія; тогда за это дѣло взялся К. П. Кауфманъ, который написалъ очень сильную по выраженіямъ бумагу, доказывая въ ней необходимость этого учрежденія (Арх. Вил. ген.-губ. 1866 г., № 1.544). Благодаря этому содѣйствію, 26-го февраля 1867 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Сѣверо-Западнаго отдѣла, съ цѣлью изученія края во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя составляютъ предметъ занятій географическаго общества. Подъ предсѣдательствомъ И. П. Корнилова отдѣлъ въ самое короткое время успѣлъ проявить свою дѣятельность вѣсколькими полезными предиріятіями: усилилось изученіе края въ историческомъ, этнографическомъ и особенно метеорологическомъ отношеніи. Для послѣдняго были учреждены спеціальныя станціи, къ метеорологическимъ наблюденіямъ и собиранію этнографическаго матеріала привлечены были духовенство, учителя народныхъ школъ и образованные люди изъ общества. Къ сожалѣнію, въ началѣ 1868 года попечитель И. П. Корниловъ оставилъ свой постъ. Въ 1868 году отдѣлъ бездѣйствовалъ (не было ни одного засѣданія), и только въ 1869 году, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Никитина, а черезъ 2 года подъ предсѣдательствомъ Н. А. Сергіевскаго, онъ на вѣкоторое время оживился: до 8 марта 1875 года было всего 15 засѣданій, на которыхъ, кромѣ текущихъ докладовъ и выбора членовъ, читались небольшія сообщенія по археологіи и этнографіи Сѣверо-Западнаго края. Нѣкоторыя изъ сообщеній были помѣщены въ Извѣстіяхъ общества, а протоколы печатались въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». По спеціальностямъ члены отдѣла распадались на 4 отдѣленія: физико-математическое, этнографическое, статистическое и археологическое. Благодаря энергіи и знаніямъ своихъ предсѣдателей, они оставили по себѣ значительные труды, хотя, въ большинствѣ, ограничившіеся собираніемъ сырыхъ матеріаловъ. По первому отдѣленію были урегулированы метеорологическія наблюденія, сдѣланы геологическія изысканія въ окрестностяхъ Гродны, гдѣ обнаружено мѣстонахожденіе бураго угля. По этнографіи и археологіи, при посредствѣ народныхъ учителей и учениковъ, собраны значительные матеріалы, положившіе впоследствии начало вѣсколькимъ этнографическимъ сборникамъ и составленію археологическихъ картъ. Особенно много сдѣлано было по статистикѣ края. Благодаря трудамъ А. Н. Зиновьева, Энгеля и Гюббенета, въ 1874 году былъ созванъ въ Вильнѣ съѣздъ изъ представителей статистическихъ комитетовъ Сѣверо-Западнаго края; онъ продолжался 9 дней и очень оживилъ статистическую дѣятельность. Въ томъ же году, на основаніи введенныхъ при гр. М. Н. Муравьевѣ общинныхъ книгъ, впервые произведено исчисленіе еврейскаго населенія въ Виленской и Гродненской губерніяхъ. 15 апрѣля 1875 года А. Н. Зиновьевымъ была произведена въ городѣ Вильнѣ однодневная перепись, и результаты ея напечатаны въ особой запискѣ. Это была послѣдняя работа Сѣверо-Западнаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества. По «Извѣстіямъ» общества и въ Памятныхъ книжкахъ Виленской губерніи онъ продолжалъ существовать, во главѣ съ предсѣдателемъ Н. А. Сергіевскимъ (до 1898 г.), на его пмя продолжали и продолжаютъ поступать изданія общества и другія

пожертвованія, составившія теперь цѣлый шкофъ, но засѣданій уже не было, нѣтъ ихъ и теперь. Причину, почему Сѣверо-Западный отдѣлъ въ своей дѣятельности ограничился лишь собираніемъ матеріаловъ, не проявивъ себя серіозными изслѣдованіями, и, наконецъ, впалъ въ летаргію, надо искать не въ отсутствіи мѣстныхъ ученыхъ силъ, а въ томъ бюрократизмѣ, который воцарился въ краѣ съ уходомъ Э. Т. Баранова и П. Н. Батюшкова, когда всякій литературный трудъ сталъ считаться нежелательнымъ; цѣлы даже циркуляры, предписывавшіе служащимъ заниматься исключительно своими прямыми обязанностями (И. С. Аксаковъ, III, стр. 510, 513—514). Культурныя мѣры, культурная борьба были предоставлены нашимъ противникамъ. Съ пріѣздомъ въ Вильну генералъ-губернатора В. Н. Троцкаго вопросъ о необходимости преобладанія въ краѣ культурныхъ мѣръ предъ административными и о необходимости научнаго оживленія воскресъ снова. Выразителемъ этого культурнаго движенія явился почититель Виленскаго учебнаго округа В. А. Поповъ. Онъ увеличилъ средства на изданія археографической комиссіи, архива и публичной библіотеки; въ прошедшемъ и текущемъ годахъ эти изданія появлялись въ печати съ быстротой и въ размѣрахъ, превосходящихъ прежніе. Онъ же ввелъ вечерніе курсы по разнымъ отраслямъ науки и публичныя лекціи, которыя бываютъ весьма интересны² и привлекаютъ иногда столько слушателей, что бывший университетскій залъ для нихъ оказывается тѣснымъ. Въ текущемъ году при округѣ появилось новое періодическое изданіе; наконецъ, поднятъ вопросъ о восстановленіи Сѣверо-Западнаго отдѣла.

НЕКРОЛОГИ.

КАБАТЬ, И. И. 23-го мая скончался сенаторъ, гофмейстеръ высочайшаго двора, тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Кабать. Покойный родился въ 1843 году, образование получилъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ. Начавъ службу въ министерствѣ юстиціи, И. И. былъ прокуроромъ Новгородскаго окружнаго суда, затѣмъ перевелся въ государственную канцелярію и въ теченіе трехъ лѣтъ исполнялъ должность статсъ-секретаря департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта; въ 1883 г. вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи въ Курской губерніи и занялся общественною и сельско-хозяйственною дѣятельностью. Будучи избранъ въ гласные, участвовалъ въ земскихъ собраніяхъ, затѣмъ былъ избранъ председателемъ курскаго сельско-хозяйственнаго общества. Въ качествѣ свѣдущаго лица участвовалъ въ разнообразныхъ правительственныхъ комиссіяхъ по разработкѣ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Между прочимъ былъ приглашенъ къ участию въ комиссіи, образованной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря В. К. Плеве, для разсмотрѣнія вопроса о паденіи цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія въ Россіи. Въ эту комиссію И. И. внесъ весьма обстоятельную записку о сельско-хозяйственномъ кредитѣ, многія положенія которой были приняты комиссіей. Статсъ-секретарь И. И. Дурново, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, предложилъ покойному поступить на службу въ министерство, и И. И. былъ назначенъ директоромъ хозяйственнаго департамента. Во время неурожаа 1891 года онъ отправился въ Ростовъ-на-Дону, образовалъ тамъ синдикатъ земскихъ агентовъ по закупкѣ хлѣба для голодавшихъ, при-

нялъ на себя руководство дѣятельностью синдиката и усильл дѣльмъ рядомъ мѣропріятій помѣшать повышенію хлѣбныхъ цѣнъ. Руководя дѣятельностью хозяйственнаго департамента, онъ посредствомъ правительственной покупки хлѣба снабдилъ зерномъ наиболѣе пострадавшія отъ неурожаа губерніи. При его ближайшемъ участіи былъ выработанъ и осуществленъ проектъ организаціи правительственнаго надзора за страховыми учрежденіями, окончательно разработано и введено новое городское положеніе 1892 г., составленъ проектъ продовольственнаго устава и многіе другіе законопроекты. Кромѣ того, онъ принялъ участіе въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ по вопросу о повиженіи вывозныхъ хлѣбныхъ тарифовъ, съ цѣлю оказанія помощи нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Съ 1894 года покойный состоялъ членомъ сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ 1895 г. былъ пожалованъ въ гофмейстеры высочайшаго двора и въ 1900 г. назначенъ сенаторомъ. Въ послѣдніе два года И. И. присутствовалъ въ первомъ департаментѣ правительствующаго сената. Кромѣ того, онъ въ послѣднее же время принималъ дѣятельное участіе въ императорскомъ російскомъ пожарномъ обществѣ. (Некрологъ его: «Новоо Время», 1902, № 9417).

† **Катаринскій, В. В.** 20-го мая скончался въ Оренбургѣ инспекторъ инородческихъ школъ Василій Владимировичъ Катаринскій. Покойный, одинъ изъ учениковъ извѣстнаго Н. И. Ильминскаго, болѣе двадцати пяти лѣтъ трудился на поприщѣ просвѣщенія и изученія нашихъ инородцевъ турецкаго племени, преимущественно киргизовъ. Ревностно исполняя свои служебныя обязанности, покойный находилъ досугъ и для занятій наукою. Имъ составлены «Словарь русско-киргизскій» и «Грамматика киргизскаго языка»; переизданъ съ дополненіями «Киргизско-русскій словарь» Н. И. Ильминскаго. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902, № 9433).

† **Клодтъ, М. К.** 16-го мая въ Петербургѣ скончался профессоръ пейзажной живописи Михаилъ Константиновичъ баронъ Клодтъ фонъ-Юргенбургъ. Покойный былъ племянникомъ знаменитаго русскаго скульптора барона П. К. Клодта, родился въ Петербургѣ въ 1832 году, учился въ институтѣ горныхъ инженеровъ, потомъ въ академіи художествъ (съ 1851 года), гдѣ былъ ученикомъ М. Н. Воробьева, имѣлъ всѣ академическія медали и въ 1858 году, получивъ первую золотую медаль и званіе класснаго художника 1-й степени, былъ отправленъ за границу пенсіонеромъ академіи на три года. За границей онъ работалъ преимущественно въ Швейцаріи и Нормандіи. Картины его выставлялись имъ въ академіи въ 1860 и 1861 гг., а въ слѣдующемъ году онъ уже получилъ званіе академика за пейзажъ, изображающій долину Аа въ Лифляндіи (былъ пріобрѣтенъ Кокоревымъ). Званіе же профессора присуждено ему за пейзажъ изъ Орловской губерніи.

Въ послѣдующіе годы имъ были исполнены такія образцовыя произведенія нашей пейзажной живописи, какъ «Закатъ солнца» и «Дорога осенью», находящіяся въ галереѣ П. М. Третьякова, «Дорога въ березовой роцѣ» (собств. К. Т. Солдатенкова), «Дубы» (находится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеѣ). Къ наилучшимъ изъ его картинъ, написанныхъ съ 1869

по 1870 годъ, принадлежать слѣдующія картины: 1) Коровы въ болотистой рѣчкѣ (полдень) (приобрѣтена княземъ Паскевичемъ); 2) Дорога во ржи—«Возвращеніе крестьянъ съ работъ» (вечеръ) (куплена г. Башмаковымъ); 3) Дорога черезъ березовую рошу (полдень) (приобрѣтена графомъ Строгановымъ); 4) Дорога съ идущимъ обозомъ (осень) (приобрѣтена г. Френкелемъ, въ Варшавѣ); 5) Стадо на водѣ (полдень) (приобрѣтена великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ); 6) Сосновая роша (по заказу князя Кочубея), 7) Видъ въ Тульской губерніи (вечеръ) (приобрѣтена г. Глаголинымъ); 8) «Пахарь» (полдень) (приобрѣтена г. Паскевичемъ); 9) Березовый лѣсъ (полдень) (по заказу г. Эстерейха); 10) Роша при рѣчкѣ; 11) Видъ деревни въ Смоленской губерніи; 12) Видъ деревни съ возвращающимся съ поля стадомъ; 13) «Коровы пьютъ на берегу»; 14) Лѣсокъ съ пасущимися коровами, и 15) Видъ въ Смоленской губерніи.

Неоднократно покойный предпринималъ поѣздки по Россіи, и результатомъ ихъ являлись произведенія, отличавшіяся простотой и въ то же время поэтичностью мотива, искренностью художническаго настроенія и реальной правдою. Участвуя въ академическихъ выставкахъ, М. К. одновременно съ 1871 г. по 1878 г. украшалъ своими пейзажами и выставки Товарищества передвижныхъ выставокъ. Къ сожалѣнію, съ конца 80-хъ годовъ М. К. пересталъ писать, а въ началѣ 90-хъ г. вышелъ въ отставку изъ профессоровъ и членовъ совѣта академіи художествъ и умеръ въ совершенной безвѣстности. Погребенъ М. К. Клодтъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ 22-го мая. (Некрологъ его: «Новое Время 1902, № 9416; «Новости», № отъ 17 мая 1902 г. и др.).

† **Навроцкій, Ф. Ф.** Въ Варшавѣ 20-го мая скончался заслуженный ординарный профессоръ Варшавскаго университета Феликсъ Феликсовичъ Навроцкій. Покойный родился 8-го ноября 1837 г. въ Варшавской губ., воспитывался въ Познани, медицинское образованіе получилъ въ Бреславльскомъ университетѣ. Признанный въ 1863 г. докторомъ медицины, онъ работалъ въ лабораторіи Клода Бернара и вскорѣ былъ приглашенъ голландскимъ Гронитенскимъ университетомъ руководить практическими упражненіями студентовъ по медицинской химіи. Въ 1864 г. представилъ въ Варшавскую главную школу разсужденіе «Заслуги Джона Мауэра въ области физиологии» и былъ приглашенъ адъюнктомъ по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи медицины въ Варшавскую школу. Съ преобразованиемъ Варшавской главной школы въ университетъ онъ занялъ кафедру энциклопедіи медицины и по защитѣ диссертациі «О вліяніи давленія крови на центръ блуждающихъ нервовъ» былъ признанъ медико-хирургической академіей въ 1870 г. докторомъ медицины. Начавъ профессорскую дѣятельность въ Варшавскомъ университетѣ, Ф. Ф. перевелся въ 1874 г. въ Казанскій университетъ на кафедру физиологии, въ 1883 г. вернулся въ Варшавскій университетъ и занималъ въ немъ кафедру физиологии до дня своей кончины. Одновременно онъ завѣдывалъ физиологической лабораторіей, въ которой подъ его руководствомъ работало до 30 докторовъ, и редактировалъ печатные труды этой лабораторіи. Изъ его многочисленныхъ научныхъ работъ извѣстны: «О вліяніи нервовъ на отправление брюшныхъ железъ», «О вліяніи

нервовъ на сокращеніе сердца», «О вліяніи спинного мозга на сердце», «О потовыхъ нервахъ головы» и др. Покойный состоялъ почетнымъ членомъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, членомъ корреспондентомъ Брюссельской и Бреславльской академій, а также принималъ участіе во многихъ другихъ медицинскихъ обществахъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9419).

† **фонъ-Рейнгольдтъ, А. А.** 8-го іюня скончался даровитый историкъ русской литературы Александръ Александровичъ фонъ-Рейнгольдтъ. Онъ умеръ послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, пораженный быстрой формой прогрессивнаго паралича.

А. А. Рейнгольдтъ родился въ 1856 году, въ С.-Петербургѣ, въ лютеранскомъ семействѣ, предки котораго давно уже переселились изъ Англіи въ Россію. Высшее образованіе А. А. получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета. Окончивъ университетъ, онъ всецѣло посвятилъ себя изученію русской литературы въ ея прошломъ и настоящемъ. Въ это время онъ издалъ брошюру о гимназическомъ вопросѣ и помѣщалъ въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ критическіе и біографическіе этюды о русскихъ писателяхъ, и статьи эти доставили ему такую извѣстность въ Германіи, что издательская фирма Фридрихъ въ Лейпцигѣ, предпринявшая большое изданіе «Geschichte der Weltliteratur in Einzeldarstellungen», предложила Рейнгольдту написать для этого изданія подробную исторію русской литературы. Втеченіе 3 лѣтъ онъ исполнилъ эту работу, и его книга—«Geschichte der russischen Litteratur von ihrem Anfang bis auf die neueste Zeit» (Leipzig und Berlin, 1885)—является капитальнымъ и единственнымъ во всѣхъ западно-европейскихъ литературахъ по обстоятельности, талантливости и добросовѣстности изложенія трудомъ по исторіи русской литературы. Въ этой книгѣ, доведенной до 1885 г., ясно, живо и характерно обрисована жизнь, литературная дѣятельность и значеніе нашихъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ и публицистовъ. Художественное и общественное значеніе замѣчательныхъ произведеній русской литературы очерчено Рейнгольдтомъ мастерски и съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла. Самъ Рейнгольдтъ былъ глубоко проникнутъ передовыми идеями лучшихъ русскихъ прогрессивныхъ мыслителей и критиковъ,— и это отразилось на его книгѣ, изъ которой на Западѣ почерпаютъ связныя систематическія свѣдѣнія о нашей литературѣ. Книга Рейнгольда долго не утратитъ своего значенія, какъ первый и полный обзоръ всего литературнаго развитія русскаго народа, — и лучшей исторіи нашей литературы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ и на русскомъ языкѣ.

Съ конца 80-хъ годовъ Рейнгольдтъ сотрудничалъ, какъ историко-литературными этюдами и критическими статьями, такъ и переводами, въ разныхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ: «Новостяхъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Недѣль», «Сѣверѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Космополисѣ», «Вѣстникѣ иностранной литературы» и другихъ изданіяхъ. Историко-литературныя и критическія статьи его отличались всегда интересомъ, дѣльностью и новыми данными о трактуемыхъ предметахъ, а переводы — замѣчательной точностью и изящнымъ литературнымъ языкомъ. Изъ числа болѣе крупныхъ переводовъ, исполненныхъ имъ въ послѣднее время, укажемъ, наиримѣру, на романъ «Эффи

Бристь» извѣснаго нѣмецкаго писателя Теодора Фонтана (въ «Вѣстникъ иностр. литер.» 1899 г., №№ 5—12) и др.

Кромѣ того, въ послѣдніе годы А. А. Рейнгольдтъ написалъ также нѣсколько оригинальныхъ разсказовъ, драматическихъ пьесъ, много стихотвореній и цѣлую серію любопытныхъ и цѣнныхъ статей о новыхъ направленіяхъ и движеніяхъ и въ нѣмецкой, и въ скандинавскихъ литературахъ. (Некрологъ его въ «Новостяхъ» 1902 г., № 158).

† **Эберманъ, А. Л.** 21 мая въ г. Царскомъ Селѣ скончался докторъ медицины Александръ Леонтьевичъ Эберманъ, служившій долгое время въ императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ. Покойный былъ извѣстенъ, какъ врачъ-спеціалистъ по хирургическимъ болѣзнямъ. Особенно ему удавалось камнедробленіе и камнеизвлеченіе. Въ сорокалѣтней практикѣ онъ много поработалъ надъ объединеніемъ врачей въ медицинскія общества. А. Л. состоялъ членомъ учредителемъ С.-Петербургскаго медицинскаго общества (и почетнымъ членомъ его же), членомъ-учредителемъ общества взаимопомощи врачей, учредителемъ съѣзда врачей имени Н. И. Пирогова. Онъ былъ ученикомъ Н. И. Пирогова и вмѣстѣ съ нимъ работалъ въ Севастопольской кампаніи. А. Л. настойчиво проводилъ идею о необходимости учредить въ Россіи министерство народнаго здравія: доклады его по этому вопросу были читаны на международныхъ съѣздахъ врачей въ Россіи и за границею. Среди больныхъ и товарищей покойный пользовался уваженіемъ за свою готовность служить каждому своими знаніями и многолѣтнимъ опытомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9416).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Борисоглѣбскіе монастыри.

Графъ С. Шереметевъ въ изданной имъ въ 1901 году брошюрѣ «Два упраздненныхъ монастыря надъ Переяславскимъ озеромъ», выражаетъ мнѣніе, «что въ 1702 году Борисоглѣбскій монастырь на песку и Борисоглѣбскій же монастырь патріаршій составляли одно и то же». Этого никогда не бывало; но всегда было два особыхъ монастыря. Это явствуетъ, во-первыхъ, изъ документовъ, предъявленныхъ въ означенной брошюрѣ самимъ графомъ: въ документѣ подъ № V пишется: Борисоглѣбскій, что на песку, стоялъ близко города, имѣлъ одну церковь да келью, и ту ветху; Борисоглѣбскій патріаршій стоялъ въ Конскомъ стану имѣлъ 3 церкви, нѣсколько келій, и назывался домовымъ патріаршимъ (док. № VI); во-вторыхъ, у того и другого монастыря были свои настоятели, что видно изъ книги Строева: «Синскіи іерарховъ» и проч., стр. 712, №№ 48 и 49; въ-тре-

тѣхъ, у того и другого монастыря были свои вотчины и земли, что видно изъ тѣхъ же документовъ графа №№ V, VI, VII, VIII и IX; въ-четвертыхъ, на содержаніе устроенной въ 1753 году въ Даниловомъ монастырѣ семинаріи собралось въ 1754 году съ Борисоглѣбскаго, что на песку, монастыря съ 48 душъ 1 р. 44 к., а съ Борисоглѣбскаго, что на горахъ, съ 225-ти душъ—6 р. 75 к. (см. мою статью о семинаріи въ «Чтеніяхъ» общества исторіи 1859 г., кн. 2). Графа С. Шереметева смутила помѣта, сдѣланная на документѣ Борисоглѣбскаго что на песку монастыря № IX и на документѣ Николаевского монастыря, что на болотѣ, № X. На 1-мъ она изложена такъ: 1702 года марта въ 6-й день, съ отпискою его переписчиковою подалъ нижеписаннаго Борисоглѣбскаго монастыря подьячій Яковъ Лукинъ. На 2-мъ—на документѣ Николаевского монастыря, что на болотѣ, написано: 1702 г. марта въ 6-й день съ отпискою его переписчиковою подалъ Переяславля Залѣскаго патриарша Борисоглѣбскаго монастыря подьячій Яковъ Лукинъ. «Отсюда, заключаетъ графъ, видно, что въ 1702-мъ году Борисоглѣбскій монастырь, что на песку, и Борисоглѣбскій же монастырь патриаршіи надъ Плещеевымъ озеромъ составляли одно и то же». Но помѣта подьячаго нисколько не относится къ монастырямъ; а касается только его личнаго титула: оба документа переписывалъ онъ, подьячій Лукинъ, и оба подалъ онъ въ одно и то же время: вотъ онъ и хотѣлъ распространить свою подпись на оба документа, чтобы не повторяться. Что помѣты не относятся къ монастырямъ, это доказываютъ онѣ сами собой: на 1-мъ документѣ Борисоглѣбскаго, что на песку, монастыря онъ пишетъ: нижеписаннаго, т. е., не этого, что на песку монастыря, а читай далѣе—какого..., а вторая помѣта сдѣлана не на документѣ Борисоглѣбскаго монастыря, но Николаевского—на болотѣ.

II.

О названіяхъ Переславскаго озера.

Въ древнихъ лѣтописяхъ и актахъ Переславское озеро называлось Клецино. По сказанію Нестора на озерѣ Клецинѣ жилъ народъ меря ¹⁾. Въ 1152-мъ объ основаніи г. Переславля кн. Юріемъ Долгорукимъ говорится: «преведе (князь) отъ Клецина заложеніе церкви» ²⁾. Въ 1176 г. Всеволодъ III Юрьевичъ княжилъ въ Переславлѣ, иже на Клецинѣ озерѣ ³⁾. Въ описаніи г. Переславля, представленномъ въ 1776 г. московскому губернатору Остерману, написано: при ономъ городѣ имѣется озеро, называемое Плещино ⁴⁾. Въ писцовыхъ книгахъ Рыбной слободы 1675 г. сказано: да подъ слободою озеро Переславское Плещее. Нынѣ по большей части зовутъ Плеще во озеро ⁵⁾.

¹⁾ Исторія Карамзина, томъ I примѣч. 73.

²⁾ Тамъ же, томъ II, примѣч. 376.

³⁾ Тамъ же, томъ III, прим. 45.

⁴⁾ См. «Переславль-Залѣскій». Матеріалы для исторіи города, изд. Н. А. Н. Москва, 1884, стр. 28.

⁵⁾ См. брош. графа Шереметева 1901 г., стр. 4.

Итакъ Переславское озеро имѣетъ 4 названія: Клецино, Плещино, Плещее, Плещеево; которое же вѣрнѣе? По нашему мнѣнію, два названія правильны: Плещино и Плещее; другія два: Клецино и Плещеево, неправильны. Изъ Плещина образовалось очевидно Клецино, названіе, никакого смысла не дающее; а изъ Плещее тоже неправильно явилось Плещеево, потому что, какъ прилагательное притяжательное, должно относиться къ лицу, отъ коего оно должно быть произведено, а этого быть не должно. Названія же—Плещино и Плещее вполнѣ соотвѣтствуютъ качествамъ Переславскаго озера. Плещее — плещущее — означаетъ качество движущееся, и произошло отъ плеска волнъ, слышнаго далеко въ вѣтреное время. Очень естественно было назвать озеро плещимъ, поднимающимъ плескъ волнъ, когда рыбакъ, жившій близъ озера, нѣсколько дней сряду только и слышалъ, что оглушительный плескъ волнъ своего озера, очень быстро развивающихся отъ вѣтра. Изъ названія «плещее» очень легко было образоваться названію «Плещино»¹⁾.

Прот. А. Свирѣлинъ.

¹⁾ См. подробнѣе мое описаніе Переславск. озера въ «Архивѣ», изд. Н. Калачовымъ, кн. V, 1863 г.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮНЪ 1902 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

I. Богословіе.

Глубоновскій, Николай. Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. апостола Павла къ Галатамъ. Сжатый обзоръ апостольскаго посланія со стороны его первоначальныхъ читателей, условий происхожденія, по содержанію и догматически-историческому значенію. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Кунцевичъ, Г. З. Житіе св. Никиты Столпника Перелславскаго. Чудо 19-е и 20-е. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Розановъ, Василій. Богослужебный уставъ православной церкви. Опытъ изъяснительнаго изложенія порядка богослуженія православной церкви. М. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Синаискій, А., свящ. Краткое описаніе жизни и дѣятельности преподобнаго Мак-

сима Грека. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1902. Ц. 25 к.

Tideboehl, Paul (von). Wie ich die wahre Kirche fand. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Успенскій, А. И. Житіе св. Николая Чудотворца. Переводы изъ собранія В. П. Гурьянова. (Для настоящаго изданія исполнены Дюд. А. Шиловымъ). М. 1902. Ц. въ папкѣ 6 р.

Чтенія по Закону Божию для слушательницъ педагогическихъ курсовъ при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ. (По запискамъ слушательницъ 1895—1902 годовъ). Изд. 2-е, испр. и дополн. Подъ редакц. прот. А. Дернова. Въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1902. Ц. 3 р.

II. Философія, психологія, логика.

Брюнгесъ, Г. I. Рескнигъ и Библия. Къ исторіи одной мысли. Перев. съ франц. М. 1902 Ц. 90 к.

Джэмсъ, Уильямъ. Психологія. Перев. съ англ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Комперъ, Габріель. Элементарный курсъ психологіи въ ея примѣненіи къ воспитанію. Перев. съ франц. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Остроумовъ, М. А., проф. Валесъ Милетскій. Первый греческій философъ. Харьковъ. 1902. Ц. 30 к.

Свѣтлицкій, И. С. Начала философіи въ русской литературѣ XI—XVI вѣковъ. Львовъ. 1901. Ц. 30 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Міръ какъ воля и представленіе. Томъ I. Перев. Ю. И. Айхенвальда. М. 1902. Ц. 3 р.

III. Ботаника, зоологія, мінералогія и геологія.

* Брайтвинъ, Элиза. Дружба съ природой. Рассказы, въ изложеніи Дм. Кайгородова, со мног. рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

* Кайгородовъ, Дмитрій. Изъ зеленаго царства. Популярныя очерки изъ міра растеній. Со мног. рис. Изд. 5-е. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Лебазейль, Е. Чудеса долярнаго міра. Перев. Е. Костко. Съ 35 рис. въ текстѣ. Изд.

2-е, пересм. и дополн. Спб. 1902. Цѣна 50 к.

Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ю. проф. Основныя проблемы геологіи. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Мензиръ, М. А. Охотничьи и промысловыя птицы Европ. Россіи и Кавказа. Вып. 6-й (последній). М. 1902. Ц. за 2 тома 25 р.

Энштейнъ, К., проф. Борьба челоуѣка съ животными. Перев. съ нѣм. Спб. 1902. Ц. 50 к.

IV. Физика, химія, математика, астрономія и метеорологія.

Сеньи (Ди), Н. Курсъ прямодлинейной тригонометрии. Сост. по программамъ и применительно къ послѣднимъ требованіямъ конкурсныхъ экзаменовъ для поступления

въ институты: горный, инженерновъ путей сообщенія, технологический и др. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

V. Словесность.

Антоновичъ, Ипп. Настроенія. Очерки и рассказы. М. 1902. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Промашка. Рассказъ. М. 1902. Ц. 5 к.

— Простила. Рассказъ. М. 1902. Ц. 3 к.

— Юмористическій сборникъ. Маленькіе рассказы. Изд. 4-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.

— Картинки жизни. Сборникъ юмористич. рассказовъ. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.

— Звукъ. Сборн. юмористич. рассказовъ. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Брешко-Брешновскій, Н. Н. Изъ акцизныхъ мелодій.. Рассказы. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Гоголь, Н. В. Избранныя сочиненія, съ биографіей и портретомъ, въ 2-хъ томахъ. М. 1902. Ц. 75 к.

Григорьевъ, К. Вредъ жизни. Повѣсти и рассказы. Спб. 1902. Ц. 80 к.

Дубровина, Е. О. Романы, повѣсти, рассказы. Спб. 1902. Ц. 70 к.

Жуковскій, В. А. Биографія и избранныя стихотворенія. Харьковъ. 1902. Ц. 8 к.

Зангвилль, И. Трагедія Гетто. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Засодимскій, П. Въ Крыму. I. Городъ смерти и веселья. II. На могилкахъ. М. 1902. Ц. 25 к.

Канадѣвъ, И. Н. Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Лавровъ, П. А. Труды В. Г. Васильевскаго по исторіи славянъ. Львовъ. 1901. Ц. 25 к.
Луговой, А. А. Умеръ талант!.. Повѣсть. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Лунашевичъ, Клавдія. Въ глухомъ углу. Рассказъ. М. 1902. Ц. 4 к.

Мазуревичъ, В. А. Море смѣха. Веселые рассказы, нескучныя сценки, юморист. штрихи и наброски. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. н. Золото. Романъ. Изд. 2-е. М. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

— Безъ названія. Романъ. М. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Мезеръ, А. В. Русская словесность съ XI—XIX столѣтія включительно. Библиографи-

скій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Часть II. Русская словесность XVIII и XIX ст. Спб. 1902. Ц. 4 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Двадцатый годъ. Кавалерскіе-дѣвица. Историч. романъ въ 3-хъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Нинитинъ, И. С. Сочиненія, съ его портретомъ, fac-simile и биографіей, составленной редакторомъ изданія М. Ф. де-Пуле. 2 тома. Изд. 9-е. М. 1902. Ц. 5 р.

Николаевъ, П. Ф. Вопросы жизни въ современной литературѣ, М. 1902. Ц. 2 р.

Онешко, Элиза. Зефирчикъ. Повѣсть. Перев. съ польскаго. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Пономаревъ, А. И., проф. Василій Андреевичъ Жуковскій, какъ поэтъ-романтикъ и въ отношеніяхъ къ Царю-Освободителю. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Понсонъ дю-Террайль. Романы. Перев. съ франц. Томъ I. Молодость Генриха IV. Спб. 1902. Ц. по поди. на II серію въ 12 томахъ—6 р.

Родныхъ, А. А. Самокатная подземная желѣзная дорога между С.-Петербургомъ и Москвою. Фантастическій романъ пока въ 3-хъ главахъ, да и тѣхъ неоконченныхъ. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Созоновичъ, И. П., проф. В. А. Жуковскій, какъ писатель и челоуѣкъ. 1852—1902. Варшава. 1902. Ц. 30 к.

* Соллогубъ, В. А., графъ. Повѣсти и рассказы. Книгъ I. Аптекарина. Метель. Неоконченныя повѣсти. Изд. 3-е. Съ портретомъ автора (Дешевая Библиотека Суворина, № 41). Спб. 1902. Ц. 20 к.

* — Повѣсти и рассказы. Книга II. Исторія двухъ калощъ. Нечистая сила. Воспитанница. Изд. 3-е (Дешевая Библиотека Суворина, № 42). Спб. 1902. Ц. 25 к.

Фартусовъ, В. Д. Изъ жизни иконописцевъ. Очеркъ. М. 1902. Ц. 60 к.

Фульда, Л. Причуды сердца. Ком. въ 4 д., переводъ въ стихахъ Lolo (Л. Мунштейна). М. 1902. Ц. 1 р.
 Чаевъ, Н. Три стихотворенія. М. 1902. Ц. 20 к.
 Шапиръ, Ольга. Вернулася!. Изд. 3-е. Спб. 1903. Ц. 1 р.
 — Старый пѣсни. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 1 р.
 Шницлеръ, Артуръ. Новые часы. Тетралогія. Перев. Г. Р. и М. В. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Шперль, Августъ. Сыновья Будивоя. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.
 Эрзтовъ, Г. Открытое письмо Максиму Горькому. Спб. 1902. Ц. 15 к.
 Эръ-Жано, С. Запоза. Юмористической сборникъ. Спб. 1902. Ц. 60 к.
 Эсперовъ, П. Э. Женская доля или въ поискахъ жениховъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ изъ жизни молодежи въ провинціи. Спб. 1902. Ц. 75 к.

VI. Исторія.

Барсуковъ, Александръ. Списки городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управления Московскаго государства XVII столѣтія по напечатаннымъ правительственнымъ актамъ. Спб. 1902. Ц. 2 р.
 Бречневичъ, М. Святополкъ, князь Поморскій. Юрьевъ. 1902. Ц. 30 к.
 Величко, В. Л. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія. Очеркъ. Съ прилож. рис. И. Е. Рѣпина, портрета и факсимиле. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.
 Веселовскій, А. Н. В. А. Жуковскій. Чтеніе. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 Воскресенскій, Е. Василій Андреевичъ Жуковскій. Краткій очеркъ его жизни и литер. дѣятельности. М. 1902. Ц. 20 к.
 Дитмаръ (фонъ), С. Е. Ц. В. Князь Волгарскій Фердинандъ I. Спб. 1902. Ц. 25 к.
 Забѣлинъ, И. Исторія города Москвы. Часть I, съ прилож. древняго плана Кремля. М. 1902. Ц. 2 р. 50 к.
 Каменскій, И. В. Пандславизмъ, пангерманизмъ и панроманизмъ въ XX в. Одесса. 1902. Ц. 30 к.
 Мапиновскій, I. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго Княжества Литовскаго. Томскъ, 1901. Ц. 3 р.
 Панчулидзева, С. Исторія кавалергардовъ 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества

Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Томъ I и II. Спб. 1901. Ц. по подл. за 4 тома 100 р., въ перепл. 120 р.; допускается разсрокъ при получ. I и II т. 75 р., III т. 25 р., IV тома за переплеты 20 руб.
 Петергофъ. Историческая справка и описаніе, съ портр. Импер. Петра Великаго, 22 фотографіями видовъ Петергофа и планомъ Петергофа и его окрестностей. Спб. 1902. Ц. 50 к.
 Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1724—1762. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Состав. подъ редакц. С. Панчулидзева. Томъ I. Спб. 1901. Ц. 6 р., въ пер. 11; по подл. за 4 тома 20 р. въ перепл. 40 р.
 Степановъ, И. и Базаровъ, В. Общественныя отношенія во Франціи XII и XVII вѣка. По Боннемеру, Зеверту, Ковалевскому, Гуго и др. Спб. 1902. Ц. 50 к.
 Успенскій, В. и Воробьевъ, Н. Книга «Азбука» учебная блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича Всероссийскаго Самодержца». Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.
 Фриде, А. Е. Краткій обзоръ (конспектъ) средневѣковой исторіи. Курсъ V класса. 20 картъ съ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 1902. Ц. 80 к.

VII. Географія.

Ветуховъ, А. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли. Вып. I. Варшава. 1902. Ц. 1 р.
 «Землеводѣніе». Периодическое изданіе географическаго отдѣленія Импер. общ. любит. естествознанія, антропологии и этнографіи. 1902. Книжка I. Подъ редакц. Д. Н. Анучина. М. 1902. Ц. 1 р. 75 к.
 извѣстный. Кругомъ отъ Владикавказа до

Владивостока. Размышленія и путевыя впечатлѣнія. Спб. 1901. Ц. 55 к.
 Иловайскій, С. И. Три дня въ Гаграхъ или страничка изъ «Тысячи и одной ночи». Одесса. 1902. Ц. 40 к.
 Иубличій, Конст. Петр. «Родные углы». Кусково. Съ рис. автора. Вып. I. Спб. 1902. Ц. 30 к.
 Святловскій, В. В. Южный берегъ Крыма и Ривьера. Съ предисл. Л. В. Вертенсона. Спб. 1902. Ц. 1 р.

VIII. Сельское хозяйство.

Дьяновъ, М. Производство бакштейна и лизбургскаго сыра. Съ 30 рис. въ текстѣ. Спб. 1902. Ц. 30 к.
 * Земледѣльческая газета. Выходитъ еженедѣльно. № 23. Спб. 1902. Ц. 15 к.

Югансонъ, Ю. А. Поваренная книга. Руководство для приготовленія простыхъ, тонкихъ и вегетарианскихъ обѣдовъ. Съ 66 рис. Спб. 1902. Ц. 4 р.
 Надеждинъ, Э. И. Курсъ кройки, руковод-

ство для учениц среднего возраста. Часть II в III. Спб. 1902. Ц. II ч. 40 к., III—50 коп.

Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Томъ VI. Спб. 1902. Ц. 7 р. 50 к., въ пер. 8 р. 50 к.

Потехинъ, Л. А. Доходное пчеловодство. Съ 19 рис. въ текстѣ. Спб. 1902. Ц. 25 к.

Растеряевъ, Н. Уставъ сельскаго хозяйства и положеніе о наймѣ на сельскія работы. (Законы и судебная практика о сельскомъ хозяйствѣ). Практическое руководство. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Результаты сельскаго хозяйства въ Рос-

си за послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка. Сост. Р. Э. Л. Юрьевъ. 1902. Ц. 60 к. Червинскій, Н. П. Учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. Для низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ. Вып. I. Введеніе и общее скотоводство. Спб. 1902. Ц. 65 к.

Шангъръ, И. И. Болѣзни копытъ лошади. Руководство для врачей и студентовъ. Юрьевъ. 1902. Ц. 2 р.

Штейнбергъ, П. Н. Какъ удобрять садъ и огородъ для полученія высшаго дохода. Спб. 1902. Ц. 50 к.

— Земляная теплица и ея использованіе. Изд. 2-е, дополн. и испр. Спб. 1902. Ц. 1 р.

IX. Технологія.

Назнъ, Э. Практическое руководство къ устройству электрическаго освѣщенія въ частныхъ домахъ, публичныхъ зданій, на фабрикахъ и т. п. Перев. съ франц. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Мальцовъ, П. И. Добываніе золота изъ росыпей въ Америкѣ. 2 част. Иркутскъ. 1901—1902. Ц. кажд. 1 р. 50 к.

Провѣтриваніе и отопленіе классныхъ комнатъ и соблюденіе чистоты въ школьныхъ помѣщеніяхъ. Спб. 1900. Ц. 30 к.

Телеолитинонъ. Электрическая передача виднѣи. Сост. изобрѣтатель. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Угримовъ, Б. Аккумуляторы въ электрическихъ установкахъ. Кратк. практ. руководство для проектированія станціи снабженной аккумуляторной батареей и всеми необходимыми измѣрительными, контрольными автоматическими и др. приборами. М. 1902. Ц. 60 к.

Naeder H. (Г. Хедеръ). Больная паровая машина и первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ съ нею. Практ. руководство къ уходу и надзору за паровой машиной. Перев. съ нѣмецк. Часть I. М. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

X. Правовѣдніе.

Безобразова, П. В. Обь улучшеніи участи женщины. М. 1902. Ц. 20 к.

Богачевъ, Н. Семья и государство. М. 1902. Ц. 35 к.

Гамбаровъ, П. Двадцать пять лѣтъ дѣятельности германскаго имперскаго банка (1876—1900). Рига. 1902. Ц. 1 р. 80 к.

Мернелъ, Адольфъ, д-ръ. Юридическая энциклопедія. Перев. Ф. К. Зейделя, подъ редакц. В. М. Грибовскаго. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Мижуевъ, П. Г. Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія «Новая Зеландія». Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Николаевъ, И. Краткій курсъ междуна-роднаго права. Сост. примѣнительно къ программѣ юридической испытательной комиссіи. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Никольскій, А. Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Реми, Нагида. Еврейская женщина. Съ предисл. проф. М. Лацаруса, съ портретомъ автора и биографическимъ очеркомъ. Варшава. 1902. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 40 к., въ пер. 1 р. 50 к.

Summ siquie. У кого что болитъ, тотъ о томъ и говорить. Орель. 1901. Ц. 25 к.

XI. Медицина.

Волнова, М. Бесѣды о здоровьи женщины. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Ганзенъ, П. Г. Опытъ оздоровленія деревни. Съ 5 иллюстраціями и вступительною статьею Р. И. Сементковскаго. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Годземба-Высоцкій, А. И. Основы изготовленія ортопедической обуви. Съ 112 рис. въ текстѣ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Добрянскій, І. С. Волосы, ихъ гигиена, болѣзни, лѣченіе и косметика. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Золотавинъ, Н. А. Очеркъ современной постановки кумысолѣченія въ виду борьбы съ

туберкулезомъ и указатель кумысолѣчебныхъ заведеній кумысныхъ селеній, хуторовъ и кочевковъ Россійской имперіи. Спб. 1902. Ц. 70 к.

Лебедевъ, Н. Н. Опытъ изученія въ санитарномъ отношеніи быта сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ районѣ свеклохарнаго производств. М. 1901. Ц. 2 р.

Лозинскій, А. А., д-ръ. Кисловодскъ по наблюденіямъ въ лечебный сезонъ 1901 г. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Сажинъ, В. В. Вліяніе алкогoли на нервную систему, въ особености развивающагося организма. Спб. 1902. Ц. 30 к.

ХII. Военное и морское дѣло.

Незнамовъ, А. Подготовка полевыхъ позиций въ инженерномъ отношеніи. Съ 3 листами чертежей. Варшава. 1902. Ц. 55 к.

Семеновъ, Н. И. Стратегическая задача № 2. Дѣйствія N—ой арміи въ Бессарабіи. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

ХIII. Искусство.

Альбомъ выставки въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, устр. общ. любит. россійск. словесности въ залахъ историческаго музея. М. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Гречинскій, д-ръ. Фотографія. Элементарный самоучитель фотографіи для любителей. Съ 105 рис. Каменецъ-Подольскъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Виды Петергофа. 33 фотограуоры. Спб. 1902. Ц. 35 к.

Шахматный журналъ, ежем. изд. № 4. Апрель. 1902 г. Ц. 75 к.

ХIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Лисовскій, М. Нѣмые страдалыцы. Бесѣда о животныхъ. Спб. 1902. Ц. 35 к.

ХV. Справочный отдѣлъ.

Весь Царицынъ на 1902 годъ. Адресъ-календарь, торгово-промышленная и справочная книга. Царицынъ. 1901. Ц. 75 к.

Иллюстрированный спутникъ по Курско-Харьково-Севастопольской жел. дор. Харьковъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

* Каталогъ изданій А. С. Суворина, съ прилож. списка книгъ, находящихся въ складѣ, а также списка собраній сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей, продающихся въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени». Изд. 3-е. Спб. 1902. Выдается бесплатно.

Маврицкій, В. А. Правила и программы классическихъ гимназій и прогимназій въ домства министерства народнаго просвѣщенія. Изд. 11-е, измѣнен. М. 1902. Ц. 60 к.

Москвичъ, Григорій. Иллюстрированный практическій путеводитель по Крыму. Изд. 11-е. Одесса. 1902. Ц. съ пер. 1 р.

— Иллюстр. практич. путеводитель по Волгѣ. Одесса. 1902. Ц. съ пер. 1 р.

— Иллюстр. практич. путеводитель по Кавказу. Изд. 7-е. Одесса. 1902. Ц. съ пер. Ц. 1 р. 50 к.

Новости технической литературы за 1901 годъ. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Сеславинъ, Д. И. Самоучитель англійскаго языка. Вып. 34-й (Курсъ II). Спб. 1902. Ц. по подп. 3 р.

— Самоучитель польскаго языка. Вып. 11-й. Спб. 1902. Ц. по подп. 3 р.

— Самоучитель нѣмецкаго языка. Вып. 31-й. (Курсъ II). Спб. 1902. Ц. по подп. 3 р.

— Самоучитель французскаго языка. Вып. 35-й. (Курсъ II). Спб. 1902. Ц. по подп. 3 р.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Полυτόмъ 69-й. Спб. 1902. Ц. въ переп. 3 р.

* Изданія А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библиотеки“ А. С. Суворина,

внесенные въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія, изд. 2-е 1896 г., и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

45 и 46. Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьею Ф. И. Булаева, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.

15. — Великій князь Димитрій Иоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ нап. 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

17. — Царствованіе Феодора Иоанновича.—Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

20. — Царствованія Бориса Феодоровича и Димитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.

24. — Царствованіе Василія Иоанновича Шуйскаго и междоусобіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ биографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.

— То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоеной бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленовой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

149. Корнель, П. Гораций. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.

222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

28. Мохановская. Кирилла Петровъ и Настасья Димитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

29. — Последъ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.

318. Крыловъ, Васни. Полное собраніе. Съ биографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.

7. Ксавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Рассказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

9. Нунольницъ, Н. В. Историческая повѣсти. Кн. 1-я (Авдотья Лиховича.—Купецъ Капустинъ.—Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленов. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я (Связаніе о снѣгѣ изъ елеменовъ сукна.—Ц. Часовой). Съ портретомъ князя И. Ѳ. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

11. — То же. Кн. 3-я (Позументы.—Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.

14. — То же. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ.—Осталъ и Ульяна.—Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленовой бумагѣ 30 коп.

18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Историческая быль временъ Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно.—Вольный гетманъ панъ Сарва.—Староста Меланья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

100. Ламартинъ, А. Иоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и биограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.

183. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА.

Сочиненіе Николая ЭНГЕЛЬГАРДТА.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ.

Томъ первый (1800—1850). Критика, романъ, поэзія и драма. Съ приложеніемъ: синхронистической таблицы, хронологическаго указателя писателей и полной библіографіи. **Краткое содержаніе:** Предисловіе. Гл. I. **Начало вѣка** (1800—1810). Дней Александровыхъ счастливое начало.—Радищевъ.—Борьба «шишковистовъ» съ «карамзинистами».—Проза начала вѣка.—Развитіе «легкой поэзіи».—Новое и старое на русской сценѣ.—Озеровъ.—Шаховскій.—Гл. II. **Десятые годы** (1810—1820). Значеніе 1812 г. для литературы.—Мерзляковъ и его критическая дѣятельность.—«Домъ сумасшедшихъ».—«Исторія Государства Россійскаго».—Творчество Жуковскаго и Батюшкова.—Кн. Вяземскій и др.—«Лицейскія стихотворенія» А. С. Пушкина.—Комедіи Хмельницкаго и Загоскина.—Гл. III. **Двадцатые годы** (1820—1830). Очеркъ исторіи европейскаго классицизма и романтизма.—Эпоха «совершеннаго переворота» въ русской литературѣ.—Первые шеллингянцы.—«Мнемозина» и «Телеграфъ».—Романы Нарѣжнаго.—«Иванъ Выжигинъ».—«Юрій Милославскій».—Расцвѣтъ поэзи Пушкина.—Переводъ «Иліады» Гомера.—Языковъ, Баратынскій, Рылѣевъ и др.—«Горе отъ ума».—Гл. IV. **Тридцатые годы** (1830—1840). «Холерный» годъ литературы.—«Телескопъ».—«Библіотека для Чтенія».—«Литературныя мечтанія».—Кружокъ Станкевича и Бѣлинскаго.—«Европеецъ».—«Философическія письма» Чаадаева.—Проза Пушкина.—«Повѣсти Бѣлкина».—«Повѣсти Гоголя».—Лермонтовъ, Кольцовъ, Полежаевъ и др.—«Борисъ Годуновъ».—«Ревизоръ».—«Маскарадъ».—Гл. V. **Сороковые годы** (1840—1850).—Славянофилы и западники.—«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».—Письмо Бѣлинскаго.—Романы Кукольника.—«Герой нашего времени».—«Мертвыя души».—«Бѣдные люди».—«Кто виноватъ?»—Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ и др.—Майковъ, Полонскій и Феть.—Некрасовъ.—Шевченко.—Островскій.

Убористый томъ. Стр. XII+608. Цѣна 2 рубля.

Второй томъ (1850—1900) готовится къ печати.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПАЛЕСТИНА.

Сочиненіе А. А. СУВОРИНА.

Рисунки А. Д. КИВШЕНКО и В. И. НАВОЗОВА.

Изданіе состоитъ изъ 30-ти выпусковъ. Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ полный листъ текста и 6—8 рисунковъ, занимающихъ въ сложности 4—5 страницъ. Всѣ рисунки отпечатаны въ нѣсколько тоновъ каждый, и сверхъ того къ изданію приложены акварели А. Д. Кившенко, изображающія „Св. Гробъ Господень“ и „Пещеру Рождества Христова“ и акварели В. И. Навозова. „Типъ арабской деревни“, „Обрядъ священнаго огня въ Великую заутреню въ храмѣ Гроба Господня“ и „Страница Евангелія, подареннаго храму Св. Гроба Борисомъ Годуновымъ“. При послѣднемъ выпускѣ—карта Палестины и планъ Иерусалима въ краскахъ.

Цѣна за всю книгу въ роскошномъ переплетѣ **тридцать пять** рублей.

Разсрочка платежа можетъ быть сдѣлана по соглашенію съ книжнымъ магазиномъ „Новаго Времени“.

ИЗМѢНА

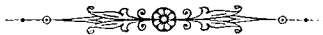
(IN THE HOUSE OF HIS FRIENDS)

АМЕРИКАНСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ЭПОХИ ВОЙНЫ СѢВЕРА СЪ ЮГОМЪ

РИЧАРДА САВЭДЖА

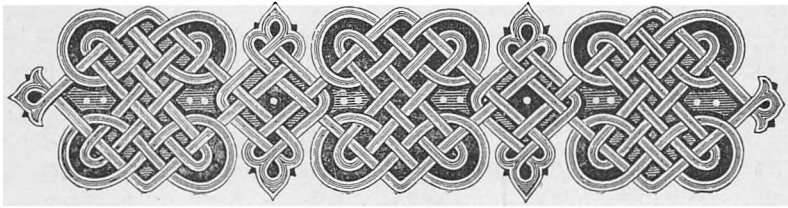
(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

А КОГО теперь положиться?—произнесъ со вздохомъ главнокомандующій, прочитавъ послѣднее изъ длинной серіи писемъ, помѣченныхъ: «въ собственныя руки и конфиденціально».

Маятникъ старинныхъ канцелярскихъ часовъ монотонно повторялъ свои удары, и пожилой ветеранъ взглянулъ въ окно своего кабинета въ военномъ министерствѣ; хлопья снѣга падали на пустынные улицы Вашингтона.

Никогда національная столица не видала такого мрачнаго новаго года, какъ 1-е января 1861 года.

Впервые гостепріимный городъ на Потомакѣ отказался отъ временемъ освященныхъ новогоднихъ празднествъ.

Сомнѣніе и недовѣріе витали вокругъ пылающихъ рождественскихъ, осмоленныхъ чурбановъ, а на лицахъ красавицъ, безцѣльно смотрѣвшихъ на висѣвшіе пучки омелы, пробѣгали тревожныя тѣни.

Это было естественно, такъ какъ, хотя тридцать четыре звѣзды еще блестяли на флагѣ, развѣвавшемся надъ военнымъ министерствомъ, но государственный корабль беспомощно колыхался среди бурныхъ валовъ, срывавшихъ якоря и грозившихъ унести егo въ пучину междоусобій.

Блѣдное, зимнее солнце уже закатилось за величественными Арлингтонскими рощами, прежде чѣмъ генералъ-лейтенантъ Винифильдъ Скоттъ надумалъ вернуться домой.

Усталые чиновники военного вѣдомства давно разошлись по своимъ скромнымъ жилищамъ, а ветеранъ, начальникъ сѣверо-американской арміи, все еще сидѣлъ за своимъ столомъ.

— Эти слова были произнесены Джорджемъ Вашингтономъ,— продолжалъ размышлять вслухъ маститый генералъ:— когда его благородное сердце было поражено измѣной Бенедикта Арнольда въ Вестъ-Пойнтѣ.—Теперь настаютъ времена, когда братья пойдутъ на братевъ, и люди, которые сражались рука объ руку въ Чепультэпэки, будутъ осыпать другъ друга пулями, воюя подъ различными знаменами. Боже мой! Знамя отечества останется все-таки за нами, и мы будемъ его защищать до тѣхъ поръ, пока его складки покроются всѣ кровью, и на немъ останется хотя одна звѣзда.

И ветеранъ семидесяти пяти лѣтъ гордо выпрямился. Въ эту минуту въ комнату вошелъ лакей и объявилъ, что карета подана.

— Вы можете идти, Кларкъ,—сказалъ генералъ:—я жду одного джентльмена, который поѣдетъ со мною обѣдать. Стыдно, стыдно,—сказалъ онъ про себя:—обманывать своихъ подчиненныхъ, но теперь необходимы всякаго рода предосторожности.

Этотъ почтенный старикъ, бывшій послѣднимъ звеномъ, соединившимъ теперь разъединенную американскую армію, тринадцатилѣтнимъ юношей видѣлъ Вашингтона, благословлявшаго передъ своей смертью освобожденную имъ страну. Получивъ отъ безсмертнаго героя завѣтъ защищать родину, сѣдой старикъ теперь видѣлъ съ горечью, что ей грозили всѣ ужасы междоусобной войны.

Размышляя такимъ образомъ и мечтая о великихъ тѣняхъ Клея Вебстера, Джексона и Калкуна, онъ вздрогнулъ.

Кто-то постучался въ дверь; чрезъ минуту въ комнату вошелъ воинственнаго вида мужчина, лѣтъ тридцати семи, съ благородной осанкой.

— Рапортуйте, сэръ,—официально произнесъ его начальникъ.

— Я сегодня принялъ присягу въ качествѣ полковника главнаго штаба и главнаго инспектора волонтеровъ въ Колумбіи,—отвѣчалъ вновь вошедшій:—и я рапортуюсь, генералъ, вступившимъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

— Полковникъ Рованъ,—произнесъ серьезно глава арміи:—до новаго распоряженія вы будете являться сюда въ статскомъ платьѣ. Вы хорошо сдѣлали, что первый вступили на службу Соединенныхъ Штатовъ съ тѣхъ поръ, что имъ грозитъ разрывъ. Ваши дѣти припомнятъ это, какъ величайшую для себя честь. Теперь вы проводите меня до моей кареты, и я пригласилъ бы васъ обѣдать, если бы не боялся обратить на это всеобщее вниманіе. Въ настоящее время ваша служба будетъ конфиденціальная, невѣдомая публикѣ и, надѣюсь, врагамъ. Мексиканская война ручается мнѣ за васъ, въ то время какъ много старыхъ и преданныхъ друзей отпадаютъ отъ меня. Вы будете моимъ помощникомъ, пока не явится Робертъ Ли.

Въ эту критическую минуту правительство могло бы смѣло застраховать его жизнь въ 5 милліоновъ долларовъ. Онъ теперь единственный военный геній въ Америкѣ. Онъ находится въ фортѣ Мэсонѣ, въ Техасѣ, и имѣетъ чинъ драгунскаго подполковника. Я выписалъ его въ Вашингтонъ, но онъ не можетъ явиться сюда ранѣе 1-го марта. До тѣхъ поръ вы должны принять на себя всѣ распоряженія насчетъ приѣма и охраны нашего страннаго западнаго президента. Нація его не знаетъ, даже его товарищи не вполне увѣрены, зовутъ ли его Авраамомъ или Авраамомъ Линкольномъ. Это—дитя народа, труженикъ земли. Полковникъ Ли по приѣздѣ будетъ назначенъ подполковникомъ перваго драгунскаго полка и, быть можетъ, его выберутъ въ мои преемники.

— Но, генераль,—произнесъ твердымъ голосомъ полковникъ Рованъ:—можно ли на него положиться?

— На него!—воскликнулъ старый виргинецъ:—Робертъ Ли и двое Джонсоновъ—настоящее зеркало военной чести. Надеженъ ли онъ? Да это—самый благородный и преданный отечеству челоуѣкъ!

Старый ветеранъ вскочилъ и выпрямился во весь свой величественный ростъ. Его львиное лицо поражало достоинствомъ, а воинственная фигура, въ старомъ военномъ мундирѣ съ золотыми лаврами войны и дубовыми вѣнками мира, казалась непреклонной.

— Простите меня, генераль,—сказалъ полковникъ:—я очень хорошо знаю, что Робертъ Эдуардъ Ли вашъ естественный, предназначенный преемникъ. Я видѣлъ его среди нашей арміи самымъ храбрымъ, доблестнымъ, неутомимымъ и мужественнымъ воиномъ на каждомъ полѣ брани отъ Вэра Круца до Баленскихъ воротъ. Онъ безупреченъ и служитъ образцомъ всѣмъ молодымъ воинамъ, но онъ владѣетъ Арлингтономъ! Онъ женился на наслѣдницѣ Вашингтона! Онъ виргинецъ съ цѣлымъ рядомъ великихъ предковъ. Вы знаете, какъ могущественна мистическая сила преданій.

— Полковникъ Рованъ,—серіозно отвѣчалъ генераль Скоттъ:—Ли—виргинецъ, а Виргинія—камень основанія американскаго союза. Цѣлое всегда больше, чѣмъ любая его часть. Мы сохранимъ Виргинію, сэръ, и Роберта Ли.

— Дай Богъ!—отвѣчалъ полковникъ Рованъ, выходя съ генераломъ изъ военнаго министерства чрезъ боковыя двери.

— Вы будете ежедневно приходите ко мнѣ на домъ рапортоваться въ 8 ч. вечера,—сказалъ старикъ:—въ вашемъ распоряженіи будетъ боковая дверь моей библіотеки. Мой вѣрный слуга Кларкъ получитъ приказаніе допускать васъ до меня во всякое время дня и ночи, безъ всякой формальности. Вы возьмете на себя всю конфиденціальную переписку, и хотя я никого прямо не подозреваю въ военномъ министерствѣ, но все-таки сохраню въ тайнѣ отъ всѣхъ мои приготовленія къ приѣму президента Линкольна. Однако,

вы не будете одинъ. Я уже выбралъ нѣсколько вѣрныхъ людей: это—Генри Скоттъ, Лэй и Скайлеръ Гамильтонъ, послѣдній—человѣкъ надежный, храбрый, какъ остріе меча, и образованный, пріятный человѣкъ.

Снявъ шляпу, вновь назначенный полковникъ главнаго штаба проводилъ до кареты своего генерала, который теперь взялъ на себя заботу обезпечить вступленіе Линкольна въ должность президента.

Пустынны были улицы, по которымъ полковникъ Рованъ отправился домой, гдѣ любящая, юная жена и весело смѣявшаяся маленькая дочь нетерпѣливо ожидали его.

Мрачно, печально было въ этотъ несчастный новый годъ въ Вашингтонѣ. Даже официальный пріемъ президента казался какой-то бездушной неживленной церемоніей. Два класса гражданъ отсутствовали на немъ.

«Иллюминаты», какъ называли гордыхъ, непреклонныхъ южанъ, сидѣли по своимъ домамъ и заняты были мрачной пропагандой, которая должна была наполнить огнемъ и пламенемъ весь югъ отъ Арлингтона до Рио-Гранде. Дѣйствительно, въ этотъ печальный новый годъ Вашингтонъ былъ скорѣе столицей начинавшейся южной конфедераціи, чѣмъ правительственнымъ центромъ великой націи.

Южные сенаторы и депутаты, официальные представители рабовладѣльческаго культа и гордыя, уже поражавшія своими блестящими глазами и туалетами съ южными кокардами ихъ жены, а также главы всѣхъ могущественныхъ семействъ аристократической партіи заперлись въ своихъ домахъ, устремивъ свои взоры на звѣзду южной Каролины, которая еще 20-го ноября 1860 г. безумно отдѣлилась отъ своихъ сестеръ. Во всемъ Вашингтонѣ рыцари одинокой звѣзды съ лихорадочнымъ безпокойствомъ ожидали, когда и другія планеты выйдутъ изъ своей орбиты и въ продолженіе четырехъ лѣтъ будутъ блуждать среди братоубійственной войны до окончательнаго пораженія Южнаго Креста. Высоко образованные, культурные, гостепрѣимные, преданные стариннымъ кумирамъ, полные гордости и энергіи, они преданно смотрѣли на своего будущаго главу, умнаго, стойкаго и мужественнаго Джеферсона Дэвиса, какъ на преемника великаго Калкуна, который, двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, едва не оторвалъ южно-каролинской звѣзды отъ національнаго знамени. Въ эту первую ночь сомнѣнія и братскаго разъединенія южане дулись въ своихъ жилищахъ, вполне надѣясь на рыцарскія чувства своихъ соотечественниковъ, нимало не подозревая, что иллинойскій дровосѣкъ, котораго они такъ презирали, былъ рожденъ благороднымъ защитникомъ отечества. Они не знали, что Авраамъ Линкольнъ, родившійся въ Кентукки и добровольно назначивъ себя апостоломъ союза, былъ виргинской крови по отцу, который съ ногъ до головы былъ южанинъ такъ же, какъ его жена.

Этотъ дровосѣкъ былъ прямой наслѣдникъ доблестнаго Джексона, мудраго Джеферсона и краснорѣчиваго Гамильтона.

Однако и другой элементъ отсутствовалъ въ Бѣломъ Домѣ, именно трезвые, энергичные сѣверяне, ни на что не надѣявшіеся и ничего не боявшіеся. Длинный рядъ политическихъ столкновений въ національной столицѣ доказалъ имъ, теперь заботившимся собрать жатву своей политической побѣды, что городъ Вашингтонъ былъ имъ враждебенъ, и что сердце его тайно не лежало къ нимъ.

Быстро идя по грязнымъ, дурно освѣщеннымъ и не мощенымъ улицамъ, Рованъ задумчиво смотрѣлъ на мрачное небо.

Вашингтонъ былъ тогда еще въ переходномъ періодѣ своего существованія. Поля и огороды занимали большую часть его системы правильныхъ геометрическихъ линій. Красивѣйшая часть Вашингтоновскаго округа, именно сорокъ квадратныхъ миль, была гнусно взята назадъ Виргиніей, неизвѣстно почему, хотя въ послѣдствіи это объяснилось возведенной на Мунсоновскѣй горѣ батареей. На оставшихся же шестидесяти миляхъ, казавшихся искреннимъ подаркомъ штата Мериланда, не было ни конокъ, ни другихъ современныхъ средствъ сообщенія, кромѣ неуклюжихъ дилижансовъ, шумно перевозившихъ по грязи новыхъ членовъ конгресса въ неудобныя меблированныя комнаты.

Кромѣ того, почтенныя, старинныя гостиницы Вилларда, Национальная и нѣкоторыя другія сурово принимали своихъ гостей, по древнему обычаю.

Полковникъ Рованъ шелъ по улицѣ, не обращая ни на что вниманія; его умъ весь былъ поглощенъ легкимъ довѣріемъ его начальника къ Виргиніи и его твердой вѣрой въ Роберта Ли. Ему же пришлось видѣть благородный флагъ съ сорока пятью звѣздами печально опущеннымъ на военномъ министерствѣ и потомъ торжественно развѣвавшимся послѣ безконечныхъ побѣдъ надъ югомъ, Сантъ-Яго, Гаванной, Маниллой и воротами Пекина.

Высоко образованный человекъ и храбрый воинъ, Рованъ бормоталъ про себя:

— Ну, увидимъ. Я могу только одну жизнь пожертвовать союзу и готовъ на это во всякое время.

Зная, какъ разсѣяны были армія и флотъ, а также какое множество пушекъ и военныхъ снарядовъ было втайнѣ увезено на югъ, полковникъ Рованъ считалъ, что самой печальной чертой предстоявшей борьбы было грозное отторженіе отъ Сѣвера офицеровъ, какъ сухопутной арміи, такъ и флота.

— Вы—за Югъ или Сѣверъ?—молча спрашивалъ глазами каждый американецъ, встрѣчая своего товарища за офицерскимъ общимъ столомъ, и недовѣрчивое, печальное выраженіе омрачало его лицо.

— Наступило время разрыва и измѣненія старинныхъ рубежей, — думалъ полковникъ Рованъ, продолжая идти по уединеннымъ улицамъ:—вездѣ сняты буэра, затушены маяки, нарушены обязательства, нигдѣ не видно свѣта, руководящаго въ темнотѣ. Всюду вампиръ сепаратистской ненависти распространяетъ свои мрачныя крылья. Генералъ Скоттъ умный, храбрый и отважный, однако доказываетъ свой старческій упадокъ силъ, пряча свои бумаги и заставляя меня надѣвать статское платье. И хотя старый воинъ не довѣряетъ главѣ военного вѣдомства, однако онъ твердо вѣритъ полковнику Ли и готовится сдѣлать его своей правой рукой. Въ сущности онъ знаетъ своего преемника меньше, чѣмъ я. Робертъ Ли пойдетъ туда, куда его поведетъ Виргинія. Я боюсь, что онъ обнажитъ свой виргинскій мечъ противъ насъ. Генералъ Скоттъ также надѣется на меня, и я не измѣню ему,—да поможетъ мнѣ Господь.

Возвратившись домой, онъ прижалъ къ груди свою любящую жену и темноглазую дѣвочку.

Наскоро пообѣдавъ, полковникъ Рованъ снова накинулъ свою военную шинель и подошелъ къ женѣ.

— Ты опять уходишь?—спросила она.

Глядя рукой ся шелковистые волосы, онъ мрачно сказалъ:

— Я теперь буду часто отлучаться, но не надо меня спрашивать, куда я иду: я теперь принадлежу только своей родинѣ.

Оставшись одна, молодая женщина устремила глаза на серебрястый Потомакъ, молча катившій свои воды. Слезы брызнули изъ ея глазъ при мысли, что наступило время, когда мужья, уходя отъ женъ, нерѣдко разлучались съ ними навсегда. Къ тому же ее мучилъ роковой вопросъ:

— Къ какой родинѣ онъ принадлежитъ—къ старой или новой?

Южная кровь текла въ ея венахъ, и ея сердце принадлежало родному югу.

Не вѣдая, что тѣнь разрыва омрачала его домъ, какъ многіе домашніе очаги, Карроль Рованъ быстро шелъ по направленію къ жилищу генерала Скотта. Черезъ двадцать минутъ онъ уже сидѣлъ рядомъ съ своимъ начальникомъ. Большой столъ библіотеки былъ загроможденъ бумагами. На стѣнѣ висѣли двѣ великолѣпныя сабли, съ золотыми рукоятками, усѣянныя брилліантами. Онѣ ясно говорили о благодарности штата Виргиніи къ его подвигамъ. Онѣ напоминали о Квинстоунѣ, о фортѣ Георги, о Лундѣ, Чиппэвѣ и другихъ битвахъ. Большая золотая медаль, украшавшая сосѣдній кабинетъ, напоминала о Вера-Круцѣ, о Серро-Гордѣ, Ялапѣ и Поэблѣ.

Все это возбуждало боевыя воспоминанія конфиденціального адъютанта, слѣдовавшаго за старымъ генераломъ по всѣмъ Мексиканскимъ полямъ брани.

Оба воина молчали, и старикъ внимательно смотрѣлъ на своего молодого помощника. Тяжелыя мысли тѣснились въ головѣ Вини-

фильда Скотта, и онъ колебался рассказать ему откровенно обо всей своей беспомощности и подозрѣннй, возбуждаемомъ въ немъ многими товарищами офицерами, съ которыми онъ служилъ двадцать лѣтъ.

Онъ зналъ хорошо истинно-воинственную фигуру Рована, его мужественные глаза, достойный видъ и твердое утонченное лицо, которое обнаруживало въ немъ образованнаго человѣка, воина и путешественника. Ему также была извѣстна разнообразная и романтическая карьера Рована. Онъ не сомнѣвался въ его способности къ тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ ему предоставлялъ.

Послѣ Мексиканской войны онъ дѣйствовалъ въ Калифорніи, былъ банкиромъ и производилъ изслѣдованія и межеванія въ Сонорѣ и Нижней Калифорніи. Въ юности же онъ отличился въ академіи Вестъ-Пойнта, научными трудами въ главномъ штабѣ, профессорствомъ въ академіи, практикой въ арсеналѣ и нѣсколькими путешествіями въ Европу, которыя сдѣлали его авторитетомъ насчетъ иностранныхъ армій. Его гражданскія знанія привлекли къ нему дружбу великаго Гумбольдта и послужили причиной посѣщенія въ теченіе недѣли прусскаго короля, впоследствии сдѣлавшагося германскимъ императоромъ.

— Онъ именно такой человѣкъ, какого пужно,—размышлялъ генералъ Скоттъ:—онъ прекрасный лингвистъ и одинъ изъ рѣдкихъ офицеровъ, который говоритъ по-французски, по-испански и по-нѣмецки; онъ одинаково храбръ и рѣшителенъ; кромѣ того, онъ—настоящая ходячая военная энциклопедія. вмѣстѣ съ тѣмъ это трезвый и сдержанный человѣкъ, не падкій ни на какія человѣческія слабости, но ему грозитъ только одна опасность.

При этомъ ветеранъ покраснѣлъ и сдержалъ глубокой вздохъ. Онъ зналъ, что Рованъ былъ женатъ на дочери мужественнаго южнаго офицера, соединявшаго въ себѣ, какъ многіе его соотечественники, всѣ достоинства и недостатки расы.

— Я, однако, легко удержу его отъ этой опасности, которой онъ, можетъ быть, и не подозрѣваетъ,—размышлялъ старикъ:—мы не будемъ имѣть ни одной бумаги, которую можно было бы похитить. На честь Рована я могу положиться, но его родственники и многочисленные друзья всѣ преданы синему флагу. Ничего не надо оставлять доступнымъ малѣйшей измѣнѣ. Онъ будетъ получать всѣ приказанія на словахъ. Такимъ образомъ всѣ распоряженія будутъ обезпечены, ни одно изъ близкихъ ему лицъ изъ преданности югу не омрачитъ его чести, какъ воина.

Между тѣмъ, ожидая, пока генералъ дастъ ему распоряженія, полковникъ Рованъ также мечталъ о беспомощномъ положеніи правительства.

— Мы живемъ въ странную эру роковой судьбы,—думалъ энергичный патріотъ:—южные предводители чрезвычайно хитро вы-

брали время для возмущенія. Это—последніе дни безпокойной нелѣпой администраціи. Выбранъ новый президентъ, и онъ практически никому не извѣстенъ въ официальныхъ сферахъ, а во главѣ государственныхъ дѣлъ стоитъ все еще Джемсъ Букананъ—нерѣшительный человѣкъъ семидесяти лѣтъ.

Смотря на Винифильда Скотта, онъ вздрогнулъ при одной мысли, что армія была поручена семидесятилѣтнему старику, почтенной, но близкой къ слабоумію развалинѣ.

— Наша эра стариковъ,—продолжалъ размышлять Рованъ:—все—беспомощные Несторы. Страна разстроена, кабинетъ распался, армія и флотъ разъединены и разсѣяны на всѣ четыре стороны, и все это, благодаря измѣнѣ или случайности.

Полковникъ хорошо зналъ пространную карьеру Буканана. Родомъ изъ Пенсильваніи, онъ былъ постепенно членомъ конгресса, посланникомъ въ Россіи, сенаторомъ, государственнымъ секретаремъ, посломъ въ Англіи и, наконецъ, президентомъ. Онъ провелъ почти всю жизнь почтеннымъ официальнымъ дѣятелемъ и только подъ конецъ сдѣлался добровольнымъ орудіемъ ловкихъ, хитрыхъ предводителей партій. Онъ оказался защитникомъ ребовладѣльческихъ интересовъ, изъ любви къ своимъ товарищамъ.

— Не случайно, а благодаря измѣнѣ,—мыслилъ Рованъ:—наша великая страна беспомощна въ минуту гражданской войны. Всѣмъ извѣстно позорное письмо Буканана къ Джеферсону Дэвису отъ 16 марта 1850 г., а также преступная депеша президента Пирса къ тому же бойцу за югъ. Сѣверный измѣнникъ хуже южнаго мятежника, и Пирсъ сдѣлалъ Джеферсона Дэвиса военнымъ министромъ, чтобы заранѣе подготовить всѣхъ своихъ друзей къ возстанію, Букананъ ловко дозволилъ герою Буэна-Виста сдѣлаться сенаторомъ штата Миссиссиппи, съ цѣлью вывести югъ изъ союза. Однако есть люди моложе Скотта и Буканана, которые могли бы служить своему отечеству. Вѣдь Дэвису и Линкольпу 43 года и 51; а они будутъ главами враждебныхъ партій. Линкольнъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ поведетъ 19 милліоновъ населенія страны сосенъ противъ 12 милліоновъ—страны пальмъ. Страшная будетъ борьба. Наше положеніе отчаянное: флотъ безъ практическаго главы, а Исаакъ Тусей, измѣнникъ изъ штата Коннектикута, разбросалъ всѣ корабли по отдаленнымъ мѣстамъ и собралъ весь морской матеріалъ въ южныхъ портахъ, съ цѣлью обратить ихъ на пользу юга. Все это дѣло измѣны, а не случайности. Но гдѣ мы достанемъ человѣка, который замѣнитъ величественную благородную развалину Винифильда Скотта. Роберту Ли 55 лѣтъ, и онъ находится въ полномъ блескѣ своей дѣятельности, но онъ — задача настоящей минуты, и я не смѣю выразить своего сомнѣнія генералу, который любитъ его, какъ своего сына, и готовитъ въ преемники своей славы.

Но въ своемъ слѣпомъ-отчаяніи полковникъ Рованъ забылъ, что въ критическую минуту, когда судьба народа, повидимому, гибнетъ, являются нужные люди. Вѣдь способному Маклелену было только тридцать пять лѣтъ, вулканическому Шерману—только сорокъ четыре, надежному Томасу—лишь сорокъ пять, неутомимому Миду—сорокъ восемь, Самсону войны, Филиппу Шеридану—тридцать, а Улиссу Гранту, великому защитнику сѣвера,—тридцать девять.

Хотя Югъ считалъ, что на его сторону перейдетъ цвѣтъ американскихъ генераловъ и офицеровъ, сѣверъ надѣялся на Гукэра, Ганкока, Борнсайда, Сэджевика, Рейнольдса и многихъ другихъ героевъ. Даже въ разстроенномъ флотѣ были Давидъ Фарагутъ, царь громовъ, рѣшительный и энергичный морякъ, пятидесяти лѣтъ, Давидъ Портэръ, храбрый и мужественный офицеръ, сорока восьми лѣтъ; Футъ, Гольдсборо, Дальгрень и Дюпонъ были несокрушимые, смѣлые морскіе дѣятели.

Однако, долго послѣ событій первой ночи 1861 г. Рованъ еще вспоминалъ мудрость старинной пословицы: «старики для совѣта, молодежь для дѣйствія».

Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ теперь, что скажетъ генераль Скоттъ. Предъ нимъ на столѣ лежала свернутая карта, на которую онъ устремилъ свой озабоченный взглядъ.

— Я позвалъ васъ сюда, полковникъ,—сказалъ онъ наконецъ:—чтобы объяснить вамъ настоящее положеніе. Кромѣ обычной рутины генеральнаго штаба, я буду опираться на васъ въ трехъ отношеніяхъ. Вы поможете мнѣ, во-первыхъ, въ общемъ управленіи города; во-вторыхъ—въ организаціи имѣющихся здѣсь военныхъ силъ для содѣйствія тѣмъ войскамъ, которыя стягиваются мною тайно, и, въ-третьихъ—въ обезпеченіи безопаснаго прибытія и мирнаго вступленія въ должность избраннаго президента Линкольна.

Генераль остановился на минуту и потомъ, блестя глазами, воскликнулъ:

— Вы присягали въ вѣрности, какъ конфиденціальный офицеръ главнаго штаба, и вамъ я могу сказать, что президентъ Букананъ не руководитъ мною и не поддерживаетъ меня. Онъ, повидимому, не заботится даже о томъ, кто соберетъ остатки развалившагося зданія послѣ него. Но я забочусь объ этомъ и клянусь, что Линкольнъ будетъ мирно введенъ въ должность, и потомъ ему будетъ доставлена возможность соединить всю страну между собою по закону. Потомъ я заявлю готовность передать свое мѣсто другому. Я не въ состояніи болѣе ѣздить верхомъ, и насталъ часъ окончить мою военную дѣятельность, а потому я жду только той минуты, когда Линкольнъ разрѣшитъ мнѣ выйти въ отставку.

Почтенный ветеранъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Двадцать восемь лѣтъ тому назадъ мой старый личный врагъ, но благородный, стойкій президентъ Андрю Джексонъ послалъ меня въ Чарльстонъ для отмѣны тогдашняго положенія. Я отправился, потому что былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и рассчитывалъ на поддержку президента людьми, долларами и всѣмъ, чѣмъ нужно. Теперь же, куда ни повернись, вездѣ развалины и погибель. Конгрессъ настроенъ предательски, и остается еще два мѣсяца, прежде чѣмъ новый конгрессъ и кабинетъ поддержать Линкольна въ его тяжелой задачѣ.

— А когда разразится буря?—спросилъ Рованъ нетерпѣливо, желая навести стараго ветерана на подробности настоящей минуты.

— Во всякое время,—печально отвѣчалъ генераль Скоттъ:— Южная Каролина отдѣлилась отъ союза 20 ноября и поведетъ за собою десять, а, можетъ быть, и двѣнадцать штатовъ. Одинъ чловѣкъ выдѣляется, какъ предводитель этого мрачнаго, преступнаго дѣла—Джеферсонъ Дэвисъ. Онъ—опытный воинъ, знающій сенаторъ и родственникъ моего величайшаго врага, Захари Тэллора, который, въ качествѣ государственнаго секретаря, руководилъ слабохарактернымъ Пирсомъ и еще недавно передѣлалъ армию въ интересахъ юга. Даже Боргаръ былъ посланъ въ Вестъ-Пойнтъ съ цѣлью соблазнить тамошнихъ офицеровъ и тайно поручить южнымъ кадетамъ соорудить батареи будущей конфедерации.

Старикъ снова тяжело вздохнулъ и на минуту задумался.

— Ну, полковникъ Рованъ,—воскликнулъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—я началъ вамъ откровенно все рассказывать подъ вашей торжественной клятвой преданно сохранить тайну и буду продолжать. Робертъ Андерсонъ, три дня тому назадъ, занялъ фортъ Сумтеръ. Но я не могъ дать ему никакихъ подкрѣпленій и продовольствія и только приказалъ ему защищать Сумтеръ такъ, какъ велитъ военная честь. Вѣроятно, вскорѣ нападутъ на этотъ фортъ. Боргаръ усердно строитъ противъ него батареи. Первый выстрѣлъ подъ Сумтеромъ повергнетъ всю страну въ море крови. Ревэрдъ Джонсонъ—архангелъ этихъ людей въ Вашингтонѣ. Они уже избрали президентомъ новой націи Дэвиса, и я знаю многихъ офицеровъ, которые при первомъ выстрѣлѣ перейдутъ на его сторону. Да поможетъ Богъ Аврааму Линкольну! У него истинныхъ друзей только четыре чловѣка: Беккеръ, Дугласъ, Шильцъ и Макдугаль, а кабинетъ онъ составитъ, какъ ему позволятъ политическія обстоятельства.

— А когда вы ожидаете, что грянетъ первый ударъ?—мрачно спросилъ полковникъ.

— Они рады начать, хоть сейчасъ,—отвѣчалъ энергично генераль:—но ради исторіи и европейской дружбы они хотятъ взвалить на насъ объявленіе войны. Штаты Миссиссипи, Флорида, Алабама, Георгія, Луизіана и Техасъ отложатся въ этомъ мѣсяцѣ.

За ними послѣдуютъ, лишь только начнется война, Сѣверная Каролина и Виргинія.

— Конечно, Мэрилендъ и Делаваръ сохранятся нами, какъ военная необходимость,—замѣтилъ Рованъ.

— Вы правы,—отвѣчалъ генераль:—и я увѣренъ, что хотя Тэннесси будетъ, добромъ или силой, присоединенъ къ югу, за нами останутся Кэнтукки и Миссури. Я полагаю, что отторгнутся не болѣе одиннадцати штатовъ.

— Какая же работа прежде всего предстоитъ намъ?—застѣнчиво спросилъ Рованъ.

— Съ регулярной арміей въ фортѣ Монро и въ фортѣ Макгенри,—произнесъ генераль:—съ кавалерійскимъ отрядомъ въ Карляйлѣ и великолѣпной инженерной ротой капитана Дуана я отвѣчаю за безопасность Линкольна. Мнѣ еще помогутъ въ этомъ отношеніи моряки, которые останутся вѣрными, а вамъ, полковникъ, Рованъ, я поручаю организацію колумбійскихъ волонтеровъ. Я вамъ поручу также, подъ строжайшей тайной, образованіе вѣрныхъ департаментскихъ чиновниковъ. Эта идея мнѣ дана Кассіемъ Клэемъ.

— У меня будутъ помощники, генераль?—спросилъ Рованъ.

— Не теперь,—отвѣчалъ генераль Скоттъ. —Только мы двое будемъ знать о правительственныхъ распоряженіяхъ да еще нью-іоркскій губернаторъ Сьюардъ, который, какъ главный соперникъ Линкольна на выборахъ, будетъ назначенъ новымъ государственнымъ секретаремъ. Между нами не будетъ ничего на письмѣ, а необходимые документы будутъ сохраняться у меня въ частномъ сундукѣ. Такимъ образомъ мы сохранимъ все въ тайнѣ. Ни одинъ человѣкъ не долженъ знать нашихъ секретовъ. Я не буду сомнѣваться ни въ чьей вѣрности, но предоставлю всякому принять сторону, которую онъ хочетъ. Вы каждую ночь будете здѣсь ждать приказанія. Днемъ вы избѣгайте военнаго министерства и занимайтесь своей инспекціей волонтеровъ. Я легко могу издать приказы о назначеніи и переводѣ офицеровъ волонтернаго отряда. Послѣ этого ваша первая обязанность будетъ заключаться въ составленіи военной карты здѣсь, въ моемъ домѣ, на основаніи доставленныхъ мною свѣдѣній. На этой картѣ должны быть помѣчены всѣ предполагаемыя укрѣпленія, каждая дорога и каждый лагерь нашихъ войскъ.

— Когда же, думаете вы, генераль, дѣло дойдетъ до кровавой борьбы? —спросилъ печально Рованъ:—вѣдь у васъ вовсе нѣтъ арміи.

— Мы должны положиться на волонтеровъ, и тогда регулярная армія увеличится,—твердо отвѣчалъ генераль:—намъ нужно 300.000 солдатъ, чтобъ справиться съ Югомъ. Я имѣю намѣреніе назначить васъ первымъ генераль-майоромъ волонтеровъ, но, смотрите, храните это въ тайнѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ около часа начальникъ и подчиненный разсматривали планы спасенія страны и обезпеченія жизни вновь избраннаго президента.

— Выходящій президентъ не оставитъ и не укрѣпитъ форта Сумтера, — сказалъ наконецъ старый воинъ: — онъ, очевидно, желаетъ предоставить эту заботу своему преемнику. Онъ всячески дѣйствуетъ въ пользу рабовладѣльцевъ, и ловкій Боргаръ будетъ готовъ съ своими силами захватить и Андерсона въ фортѣ Сумтерѣ, какъ только президентъ Линкольнъ начнетъ войну, но вы увидите, что прежде этого вступить въ исполненіе своихъ обязанностей южный президентъ Дэвисъ, и онъ будетъ имѣть престижъ первой побѣды, такъ какъ я не могу получить никакого распоряженія Линкольна раньше 4 марта, и они подготовятъ первый военный шагъ, какъ заблагоразсудится Дэвису и К^о.

Неожиданно взглянувъ пристально на своего помощника, Винифильдъ Скоттъ воскликнулъ:

— Скажите мнѣ, кого бы назначить генераль-майоромъ регулярныхъ войскъ. Президентъ намѣренъ воспользоваться услугами Джона Фреманта, капитана Джорджа Маклелана, Джона Дикса и, конечно, Вуда.

— Одинъ только человекъ на это годится—Генри Галлекъ,— твердо отвѣчалъ полковникъ Рованъ: — онъ почтенный резидентъ Калифорніи, ученый инженеръ, 45 лѣтъ, хладнокровный, очень способный и замѣчательно трудолюбивый человекъ.

— Хорошо, хорошо, — произнесъ генераль: — его тотчасъ по секрету вызовутъ на востокъ. Я уже послалъ полковника Сумнера на подмогу храброму Сиднею Джонсу, такимъ образомъ Калифорнія и окраины Тихаго океана безопасны. Что касается до моего преемника, то нѣтъ никого, кромѣ Роберта Ли, и, слава Богу, онъ ѣдетъ изъ порта Мэсона въ Тѣхасъ.

Полковникъ Рованъ ждалъ блѣдный и безмолвный, чтобы начальникъ отпустилъ его.

— Помните,—продолжалъ генераль:—что вы будете приходить незамѣтно по вечерамъ: Кларкъ васъ всегда встрѣтитъ и проводить сюда; но не забудьте имѣть при себѣ оружіе; не извѣстно, что можетъ случиться. Я приму всѣ мѣры, чтобы сбить съ толку слѣдящихъ за мною шпионовъ. Вы никогда не должны упоминать моего имени, какъ официальнаго авторитета. Я же по секрету отдамъ всѣ нужныя приказанія; мы такимъ образомъ будемъ сохранять въ тайнѣ вашу дѣятельность до тѣхъ поръ, пока снимутся всѣ маски. По моему плану вы будете командовать всѣми волонтерами и озаботитесь, чтобы вновь избранный президентъ проѣхалъ по желѣзной дорогѣ безопасно, и оградите волонтерами Бѣлый Домъ и Капитолій; я же, съ Божьей помощью, въ день вступленія въ должность Линкольна, буду командовать моимъ немногочисленнымъ отрядомъ регулярныхъ войскъ. Въ моемъ

распоряженіи двѣ прекрасныя полевыя батареи, которыхъ достаточно, чтобы удержать недовольныхъ. Что же касается до инженеровъ Дуана, то имъ будетъ поручена честь страны; имъ поручится охрана экипажа двухъ президентовъ.

Старый ветеранъ какъ бы въ изнеможеніи откинулся на спинку кресла.

— Мнѣ еще надо вамъ сказать два слова,—прибавилъ онъ:— не довѣряйте, полковникъ, никому, даже вашимъ ближайшимъ друзьямъ. Для васъ ближе всего благоденствіе нашей родины и союза, поэтому я предупреждаю васъ еще противъ красавицъ нашего общества. Вы хорошо знаете, что всѣ здѣшніе домашніе очаги соединены узами крови съ Югомъ. До сихъ поръ еще здѣсь не живутъ сѣверяне лучшаго класса общества, а только встрѣчаются искатели мѣстъ и бѣдные чиновники. Съ малыми исключеніями южныя женщины играютъ роль красивыхъ Далиль, увлекающихъ слабохарактерныхъ офицеровъ на сторону Юга. Да благословитъ Господь этихъ красавицъ за ихъ добродѣтели и гостепримство, но подъ ихъ красотой скрывается тайное намѣреніе переманить на сторону конфедераціи всѣхъ офицеровъ путемъ ласки, лести, просьбы и любви законной и незаконной.

— Это неужели вы намекаете на меня?—спросилъ Рованъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Винифильдъ Скоттъ:—я знаю, что вы счастливо женаты, но все-таки предупреждаю васъ. Эти соблазнительныя красавицы пѣлый годъ уже пишутъ письма, дѣлаютъ визиты и всячески интригуютъ, чтобы словить въ свои сѣти, какъ можно болѣе самыхъ лучшихъ офицеровъ. Остерегайтесь этихъ молодыхъ увлекательныхъ существъ. Когда напишется исторія предстоящей войны, то онѣ будутъ играть немалую роль въ ея прологѣ. Не даромъ Лоренцъ Китъ хвастался на-дняхъ, что они приготавливаются къ разрыву уже тридцать лѣтъ. Южныя женщины одинаково у колыбели, у подножья алтаря и на краю могилы смѣло, безстрашно проповѣдуютъ безумную теорію отторженія. Мы можемъ побѣдить южанъ, но южныя красавицы будутъ сопротивляться намъ до послѣдней минуты. Помните мои слова. Я хорошо знаю этихъ ангеловъ въ шелковыхъ юбкахъ. Онѣ страшнѣе для насъ всѣхъ воиновъ.

На этомъ подчиненный и начальникъ разстались.

Достигнувъ своего мрачнаго дома, полковникъ Рованъ долго колебался, войти ли ему въ дверь. Тяжелое сомнѣніе вкралось ему въ душу. Наконецъ съ громкимъ смѣхомъ онъ удалилъ его отъ себя:

— Слава Богу, — промолвилъ онъ вслухъ:— мнѣ нечего опасаться. У меня нѣтъ близкихъ людей, кромѣ жены и Джака Маккрэри: они оба вѣрны, какъ сталь.

Однако, спустя два часа, его молодой, блестящій родственникъ возвратился домой, весь загрязненный отъ экскурсіи по ту сторону Потомака.

II.

Три недѣли спустя послѣ назначенія полковника Рована, городъ Вашингтонъ находился въ сильномъ смятеніи.

Дома, принадлежавшіе враждебнымъ партіямъ, были почти все закрыты, но лучшія и среднія гостиницы, а также меблированныя комнаты были переполнены. Странная это была толпа посѣтителей: спекуляторы, искатели приключеній обоюго пола, развратники, жадные политики, длинноволосые весельчаки, хитрые спекуляторы, отставные офицеры, иностранные интриганы, шулера, шпіоны и всякіе человѣческіе кровосійцы, собравшіеся на кровавый пиръ войны, обнаруженный летавшими высоко коршунами.

Сѣверная и южная печать была доведена до чисто американскаго истерическаго возбужденія.

Все глаза были обращены на Чарльстонъ, гдѣ майоръ Андерсонъ все еще оставался въ Сумтерѣ безъ малѣйшихъ приготовленій, а Боргаръ съ улыбкой возводилъ свои укрѣпленія.

Сомнѣніе, недовѣріе, страхъ и интрига царили въ враждебныхъ лагеряхъ.

Негры съ вытаращенными большими глазами и широкими ртами, доходившими до ушей, толковали о Линкольнѣ.

Полковникъ Рованъ, имени котораго не печатали въ газетахъ, былъ самымъ занятымъ человѣкомъ въ Вашингтонѣ и никогда днемъ не оставался дома.

Каждый вечеръ онъ приходилъ къ своему генералу и открывалъ до пятидесяти писемъ, грозившихъ смертью Винифильду Скотту, если онъ посмѣетъ водворить на президентскомъ креслѣ сѣвернаго узурпатора.

— Это будетъ самое смѣлое и критическое положеніе, Рованъ, въ которомъ я когда либо находился,—говорилъ безстрашный ветеранъ:—я твердо надѣюсь на васъ, на мой батальонъ регулярнаго войска и на двѣ превосходныя артиллерійскія батареи.

Дѣйствительно оба они были довольны прогрессивнымъ вооруженіемъ мѣстныхъ волонтеровъ. Генералъ Скоттъ нашелъ въ Рованѣ твердую опору. Съ другой стороны молодой патріотъ, вполне основываясь на помощи почтеннаго ветерана, прекрасно обучалъ избранныхъ людей изъ волонтеровъ. Генералъ съ улыбкой выслушалъ его докладъ, что самые выдающіеся юноши изъ южной молодежи составили двѣ спеціальныя роты.

— Это хорошо,—сказалъ старикъ:—въ день вступленія въ должность Линкольна мы предоставимъ имъ охранять казармы и не выдадимъ имъ патроновъ. Я также отберу у нихъ штыки, подъ предлогомъ ихъ осмотра, и въ каждой казармѣ поставлю отрядъ регулярныхъ войскъ, чтобы наблюдать за ними.

Гордый довѣріемъ своего начальника, Рованъ весь углубился въ приготовленіе къ торжеству и совершенно забылъ о своемъ домѣ, хотя онъ заранѣе позаботился о всѣхъ домашнихъ нуждахъ. Нимало не ожидалъ онъ, что красивый родственникъ его жены, Джакъ Маккрэри, ежедневно ѣздилъ изъ Ричмонда въ Гарперсферри и изъ форта Монро въ Балтимору, становясь все болѣе и болѣе важнымъ заговорщикомъ въ дѣлѣ Юга.

Жена Рована, спокойная, терпѣливая, ежедневно съ любопытствомъ читала газеты, но не спрашивала, чѣмъ занимался постоянно ея мужъ.

Въ эти безпокойные январскіе дни, изъ американскаго флага быстро выпадали звѣзды, одна за другой. Генералъ Скоттъ, съ тяжелымъ вздохомъ, встрѣчалъ каждое удаленіе изъ Вашингтона вмѣстѣ съ звѣздой флага и благородныхъ героевъ. Робертъ Ли имѣлъ полное право колебаться, на чью сторону ему склониться, такъ какъ честные и храбрые люди съ судорожной дрожью видѣли, какъ открывался роковой ящикъ Пандоры, оставленный въ наслѣдство старчески-слабоумнымъ, Букананомъ безпокойному Линкольну.

Полковникъ Рованъ зналъ, что его генералъ былъ окруженъ шпионами и ловкими врагами, низвергавшими ночью стѣны, воздвигнутыя днемъ преданнымъ родинѣ ветераномъ. Не даромъ Рованъ печально замѣчалъ, что наступила эра старыхъ выжившихъ изъ лѣтъ людей.

Въ сущности Вашингтонъ былъ столицей суроваго, энергичнаго, безмолвнаго Джеферсона Дэвиса, который изъ американскаго воина превратился въ предводителя южанъ. Не имѣя никакой власти, съ разбѣянной арміей и сомнительными подчиненными, Винифильдъ Скоттъ старался мирно устроить вступленіе во власть илинойскаго дѣятеля и сохранить армію единственному способному военачальнику, кромѣ двухъ Джонстоновъ и энергичнаго Борегара, которому исторія мало воздала справедливости.

Представитель старой «искусственной» военной школы, генералъ Скоттъ, не довѣрялъ естественному воину, тому типу американцевъ, которые вскорѣ развились подъ пушечнымъ огнемъ. Опытные шпионы не могли найти никого подозрительнаго среди дѣятелей военнаго министерства, но побѣдитель Квинстоуна зналъ, что всѣ служащіе министерства подозрѣвали другъ друга и искоса смотрѣли на старые общественные кружки. Особенно грустно было ветерану видѣть эту общую подозрительность послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ арміи, единой, патріотичной, шедшей отъ успѣха къ успѣху подъ звуки Вашингтонова марша, «Yankee Doodle», или «Hail Columbia».

Ночь за ночью пораженный и безнадежный генералъ Скоттъ разсуждалъ съ Рованомъ о томъ, что нѣкоторыя изъ официальныхъ тайнъ очевидно ускользнули.

— Тайны, должно быть, проникають чрезъ окружающіе васъ официальные кружки, генераль,—отвѣчалъ печально полковникъ Рованъ:—ваша теперешняя корреспонденція съ новымъ президентомъ и его друзьями достигаетъ васъ совершенно безопасно. Это не можетъ быть дѣломъ общественныхъ шпионовъ и даже прекрасныхъ женщинъ, уже надѣвшихъ южную кокарду. Только люди, ежедневно имѣющіе въ рукахъ эти тайны, могутъ ихъ выдать.

— Боже мой!—воскликнулъ генераль:—вы правы. Всего подозрительнѣе почтовое вѣдомство. Какъ былъ бы я радъ, чтобы Бергаръ началъ войну: тогда удалились бы на югъ всѣ южные предводители конгресса и всѣ вѣроломные чиновники. Я могъ бы тогда настоять на военномъ положеніи и ясно видѣлъ, бы, кто—мои подчиненные, и кто—мои враги. Говорятъ, что въ каждомъ полку, на каждомъ кораблѣ, или въ арсеналѣ, даже въ Вестъ-Пойнтѣ лихорадочное волненіе дошло до того, что опредѣлена ясная линія между Сѣверомъ и Югомъ. Я знаю, что всѣ атлантическіе форты и арсеналы предназначены отчужденію отъ сѣвера, и, однако, еще цѣлыхъ шесть вѣдѣль Линкольнъ не можетъ дать авторитетную силу моимъ распоряженіямъ.

— Развѣ вы не можете скрыть принимаемыхъ вами мѣръ отъ главныхъ чиновниковъ военнаго министерства?—съ безпокойствомъ спросилъ Рованъ.

— Вы забываете,—произнесъ генераль Скоттъ:—что я не имѣю законнаго права арестовать ни одного изъ этихъ людей. У меня должны быть доказательства, а у меня только подозрѣнія. Болѣе всего я подозрѣваю самого президента Буканана, затѣмъ его сшитый на живую нитку кабинетъ, Реверди Джонсона, ловкаго интригана, и, конечно, всѣхъ южныхъ делегатовъ. Что же касается до моихъ офицеровъ, то всѣ они достойные люди.

Онъ тяжело вздохнулъ и продолжалъ:

— Я рѣшительно не могу указать пальцемъ ни на кого, какъ на подозрительнаго человѣка—ни на Джонсона, ни на Прайса, ни на Ширазу, ни на Джонсона, ни на Томаса и ихъ товарищей. Старшій чиновникъ военнаго министерства, Джонъ Поцъ—честнѣйшій малый, и я могу на него положиться. Нѣтъ, рѣшительно я не могу подозрѣвать этихъ людей. Что же касается моихъ личныхъ адъютантовъ—Джорджа Лэ и Генри Скотта, то я могу своей жизнью поручиться за нихъ. Когда увеличатся мои силы, то я пошлю за Скайлеромъ Гамильтономъ, который преданно мнѣ служилъ въ Мексиканской войнѣ, и потомъ я имѣю васъ, Рованъ.

— Вамъ приходило ли когда въ голову, генераль, подозрѣвать почтовое вѣдомство?—спросилъ преданный подчиненный:—вѣдь почтовымъ чиновникамъ было бы легко узнать всѣ намѣренія правительства.

Генераль Скоттъ вскочилъ съ мѣста,

— Я полагаю, вы, полковникъ, правы,—воскликнулъ онъ:—но Джонъ Гольтъ и Горацій Кингъ—люди вѣрные. Впрочемъ, можетъ быть, измѣняютъ намъ ихъ подчиненные. Это очень вѣроятно, и были уже тому примѣры. Вы мнѣ дали новую мысль, и я ее разработаю. Когда пріѣдетъ Ли, то я буду дѣйствовать только черезъ него, такъ какъ онъ, а не кто другой, будетъ моимъ преемникомъ.

— Генераль,—произнесъ Рованъ дрожащимъ голосомъ, отвернувшись отъ своего начальника:—нѣтъ безсмертныхъ на свѣтѣ. Подумали ли вы о другомъ преемникѣ?

— Въ случаѣ какого нибудь несчастія съ полковникомъ Ли,—отвѣчалъ Винифильдъ Скоттъ, не понимая мысли своего подчиненнаго:—я думалъ только о двухъ—о Джорджѣ Макклеланѣ и Генри Галлекѣ, но Робертъ Ли стоить любыхъ пяти человѣкъ. Однако, перестанемъ объ этомъ говорить. Лучше скажите мнѣ, не слышали ли вы чего либо новаго и важнаго.

— Только,—отвѣчалъ Рованъ:—что тяжелыя пушки, взятыя въ Пенсаколѣ 12-го января, посланы въ Чарльстонъ для подкрѣпленія новыхъ батарей генерала Бергара. Еще говорятъ, что вамъ помѣшаютъ отправить артиллерію въ фортъ Пиккенсъ, доставъ отъ стараго президента противоположный приказъ. Одна южная дама громко хвасталась этимъ въ моемъ присутствіи.

— Это гнусно!—воскликнулъ генераль:—впрочемъ нечего говорить объ измѣнникахъ, когда самъ президентъ Букананъ продаетъ свое отечество ради рукоплесканій Дэвиса и компании. Весь свѣтъ, кажется повернулся вверхъ дномъ. Я знаю, что мятежническія кокарды открыто носятъ отъ Сентъ-Луиса, Ковингтона и Ричмонда до послѣднихъ предѣловъ юга. Мнѣ грустно, Рованъ. Я прослужилъ на военной службѣ 53 года. Моя первая встрѣча съ измѣной была въ 1808 году, когда я открылъ заговоръ генерала Вилькинсона съ архиподлецомъ Арономъ Буромъ, за что меня арестовали въ чинѣ капитана легкой артиллеріи. Я участвовалъ въ четырехъ войнахъ и одинаково защищалъ родину, но если Бергаръ нанесетъ этотъ роковой ударъ, то война будетъ адская, хуже всѣхъ, которыя я видѣлъ.

Молодой человѣкъ вскочилъ и съ восторженнымъ воодушевленіемъ произнесъ:

— Не забудьте, генераль, словъ Линкольна. Я его никогда не видалъ, но Богъ укрѣпитъ человѣка, который сказалъ: «Эта страна будетъ или вся рабовладѣльческая, или вся свободная». А я вамъ скажу наканунѣ пролитія крови на рѣкѣ Потомакѣ, что вся страна будетъ-таки свободна.

— Дай Богъ, чтобы я до этого дожилъ,—со вздохомъ сказалъ Скоттъ и прибавилъ:—я знаю, гдѣ находится самый опасный центръ заговорщиковъ подъ эгидой Бѣлаго Дома. Вы должны теперь собирать для меня всѣ свѣдѣнія, а когда Линкольтъ

сдѣляется президентомъ, то я заведу своихъ шпионовъ и свою развѣдочную службу. Теперь же я не довѣряю чиновникамъ Буканана.

— Въ Александріи есть гостиница, которую содержитъ Джексонъ,—поспѣшно отвѣчалъ Рованъ.—Это главная квартира виргинской молодежи. Тамъ они собираются навстрѣчу здѣшнимъ чиновникамъ, которые отправляются словно на охоту. Ихъ съ удовольствіемъ перевозятъ чрезъ рѣку за долларъ, днемъ или ночью.

— Моимъ первымъ дѣломъ, когда Виргинія отдѣлится, — сказалъ Скоттъ:—будетъ поставить пикеты вдоль всего берега.

— Да,—прибавилъ Рованъ, указывая на великолѣпную береговую карту, на которой онъ и его начальникъ уже намѣтили сорокъ укрѣпленій:—вы должны поторопиться и снабдить эти укрѣпленія пушками. Если вы вскорѣ не заведете на Потомакѣ военныхъ судовъ, то опоздаете, и южане васъ замѣнятъ, отрѣзавъ отъ фортовъ Макъ-Генри и Монро.

— Вы правы,—отвѣчалъ генералъ,—но Туссэй не хочетъ дать мнѣ ни одного матроса, ни одной пушки и ни одного судна, а Букананъ смотритъ на это сквозь пальцы. Намъ придется силой овладѣть рѣкою; храбрый и преданный Дальгрентъ боится, что ему не спасти здѣшняго арсенала, но онъ поклялся умереть, его защищая. Однако довольно объ этомъ. Скажите мнѣ лучше, какъ вамъ везетъ въ обществѣ. Я надѣюсь, что вы себя ведете осторожно. Что касается до меня, то я отказываюсь отъ всякаго приглашенія; я просто боюсь общества, хотя я старъ, но не позволю никому при мнѣ оскорбить мое отечество. Всего опаснѣе женщины. Прежде онѣ за мною ухаживали, а теперь онѣ или гордо отворачиваются отъ меня, не скрывая на своей груди мятежнической кокарды, или съ нѣжной лаской Далилы стараются заманить въ свой лагерь стараго Олоферна. По счастью я видалъ прекрасные дни и знаю, чѣмъ грозятъ эти бѣлогрудыя Венеры.

— Я боюсь, что извѣстіе о моей таинственной должности распространилось повсюду,—сказалъ Рованъ:—въ послѣднее время мой скромный домъ переполнился посѣтителями. Мои занятія, въ качествѣ профессора инженернаго искусства и управляющаго золотыми копами въ Виргиніи, увеличили количество мѣстныхъ пріятелей моей жены. Женщины всегда болтливы, но я ручаюсь, что моя жена держитъ языкъ за зубами. Я желалъ бы тоже сказать о моемъ другѣ и помощникѣ Джакѣ Маккрери. Конечно, всѣ говорятъ только о будущей войнѣ. Моя жена не знаетъ о моемъ теперешнемъ положеніи и предстоящей карьерѣ. Меня, конечно, старались всячески обойти и вывѣдать тайныя извѣстія. Но я не податливъ. Самъ же я узналъ, что всѣ южные офицеры и кадеты удаляются огуломъ при первомъ выстрѣлѣ, если имъ не дадутъ отставки.

— Понимаю, они измѣнятъ и перейдутъ на сторону враговъ!— воскликнулъ генераль.

— Называйте это, какъ хотите, но они такъ поступятъ. Со времени выбора Линкольна, въ каждомъ полку и въ каждомъ вѣдомствѣ интригуютъ въ особенности женщины. Благодаря этому, ихъ мужья, братья, друзья и т. д. съ гордостью увѣряютъ, что на ихъ сторонѣ Сидней Джонсонъ, Джо Джонсонъ, Твигсъ, Гарней, майоръ Томасъ и даже полковникъ Ли.

— Никогда не говорите мнѣ этого!— воскликнулъ Скоттъ.

— Я только исполнилъ мой долгъ, генераль,—сказалъ Рованъ, вставая и официально кланаясь: — бываютъ времена, когда всѣ общественныя и семейныя узы порываются, и роковой потокъ влечетъ людей къ ихъ гибели.

Ветеранъ такъ поблѣднѣлъ, что Рованъ уговорилъ его выпить стаканъ мадеры.

— Оставьте меня, полковникъ, одного съ моимъ горемъ,—сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ побѣдитель Мексики:—вы поступили хорошо, что сказали мнѣ всю правду; мнѣ только ее и нужно. Говорите мнѣ всё, даже самое непріятное. Что касается васъ самихъ, то не только храните молчаніе, но даже не высказывайте другимъ ничего вашимъ выразительнымъ лицомъ. Вы имѣете уважительный предлогъ для молчанія—интересъ вашей южной рудоконной компаніи. Но главное не берите домой никакой бумаги. Вы должны хранить все или запертымъ здѣсь, или въ своемъ сердцѣ. Но ваша честность выше всякаго подозрѣнія, и несмотря на мой совѣтъ, вотъ возьмите мою памятную книжку, просмотрите ее, и вы увидите, что я понялъ планъ мятежниковъ. Они хотятъ парализовать нашу армію и флотъ сдѣлать первый выстрѣлъ, когда ихъ правительство будетъ совсѣмъ устроено, и Виргинія укрѣплена настолько, чтобы принять въ свое лоно двухсотъ-тысячную южную армію. А я ничего не могу сдѣлать, даже двинуть на границу роту пѣхоты. Южане измѣнили этой странѣ, и я до 4-го марта не въ состояніи двинуться съ мѣста. Мы начинаемъ борьбу безъ гроша въ казначействѣ, съ большинствомъ регулярной арміи, запертой на югѣ, и съ двумя третями нашего флота въ рукахъ мятежниковъ.

Печально выслушавъ генерала, Рованъ простился съ нимъ и, спрятавъ въ боковой карманъ его памятную книжку, съ которой онъ обязался не спускать глазъ, отправился домой.

— Что за великолѣпная руина,—бормоталъ онъ про себя:—его крупныя способности могутъ ему измѣнить, но его честная душа будетъ вѣчно вѣрна родинѣ, несмотря на всѣ соблазны. Однако, не дай Богъ, чтобы онъ въ своемъ слабоумномъ положеніи командовалъ нашей арміей, которая въ концѣ концовъ должна же сформироваться. Номинально пусть онъ будетъ главнымъ началь-

никомъ, но горе намъ, если старикъ приметъ начальство и издали въ своемъ покойномъ креслѣ будетъ руководить арміей.

Избѣгая клубовъ и ресторановъ, гдѣ собирались подозрительныя лица, а также и свѣтскихъ собраний, полковникъ Рованъ имѣлъ много свободнаго времени, чтобы изучить памятную книжку начальника. Поэтому, придя домой, онъ заперся въ своей комнатѣ и предался чтенію комментаріевъ генерала Скотта.

Несмотря на всю его прозорливость, онъ не могъ догадаться, что въ этотъ самый вечеръ, въ одной изъ комнатъ Маршалъ-Гауза, въ Александріи, его другъ Джакъ Маккрери съ блестящими глазами и развѣвающимися по плечамъ волосами громко разглагольствовалъ предъ южной молодежью. Онъ былъ ловкій двадцатисемилѣтній виргинецъ, веселый, простодушный, мужественный, типъ человѣка, готоваго взять штурмомъ батарею или сердце женщины.

— Да, джентльмены, это—правда,—говорилъ онъ:—я прослѣдилъ, что Рованъ ходитъ каждую ночь на квартиру къ генералу Скотту. Онъ въ тайнѣ занимается съ нимъ какими-то военными приготовлениями, но онъ все еще въ статскомъ платьѣ и избѣгаетъ военного министерства. Это—мой другъ, дальній родственникъ, патронъ и честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ. Поэтому не я, а другой южный агентъ долженъ за нимъ шпионичать. Всякій, кто знаетъ Карроля Рована, чувствуетъ, что онъ необыкновенный человѣкъ: это — храбрый, образованный, энергичный воспитанникъ Вестъ-Пойнта, много путешествовавшій, и вообще онъ очень опасенъ для насъ. Я готовъ помѣриться съ нимъ въ открытомъ полѣ, какъ честный боецъ, но, Боже мой, я ѣлъ его хлѣбъ и не могу же ему измѣнить. Вѣдь, благодаря ему, я вышелъ въ люди.

— Вы правы, Маккрери, — спокойно отвѣтилъ майоръ Гарри Пейтонъ, начальникъ Ночныхъ Всадниковъ и глава тайнаго отряда:—мы всѣ понимаемъ, что для васъ это—вопросъ чести. Васъ не надо замѣшивать въ интриги противъ этого опаснаго уніониста. Я отъ другихъ знаю, что Рованъ—скрытая правая рука генерала Скотта. Я самъ буду слѣдить за нимъ и всячески стараться, чтобы ему помѣшали въ его козняхъ противъ насъ. Я уже имѣю около двѣнадцати агентовъ въ его мѣстныхъ волонтерахъ. Когда же мы будемъ разсуждать о мѣрахъ противъ него, то Маккрери можетъ не присутствовать на нашемъ совѣтѣ. Мы уважаемъ Рована, какъ человѣка, но должны дѣйствовать противъ него. Онъ теперь еще не воинъ, а тайный правительственный агентъ. Слава же Богу, чрезъ три мѣсяца будетъ открытая война, и онъ будетъ благороднымъ офицеромъ, защищающимъ свою голову предъ всѣми.

Джакъ Маккрери, спустя полчаса, уже скакалъ домой, а юные аристократы продолжали держать военный совѣтъ.

— Слава Богу, наши южныя красавицы скоро переманятъ всѣхъ молодцовъ на нашу сторону,—говорилъ Пейтонъ:—кто можетъ про-

тивостоять этимъ пламеннымъ глазамъ нашихъ храбрыхъ, преданныхъ южанокъ? У меня есть одна героиня, которая прочтетъ всѣ тайны сердца Рована. Скоттъ сдѣлаетъ его генераломъ и своимъ помощникомъ. Все, что Рованъ знаетъ, мы будемъ знать въ Ричмондѣ, но теперь еще рано его пугать. Довѣрьтесь мнѣ вполне, а главное не беспокойте Маккрери; онъ—истый рыцарь.

— Да здравствуютъ южанки! — воскликнула хоромъ вся молодежь:—только храбрецы достойны красавицъ!

Пока разсуждали такимъ образомъ южане, пока скакалъ Маккрери, чтобы своимъ возвращеніемъ домой уничтожить всякое подозрѣніе, и Винифильдъ Скоттъ спокойно спалъ въ своей постели, Рованъ, взглянувъ вскользь на спящихъ жену и дочь, лихорадочно изучалъ раскрытую предъ нимъ памятную книжку.

— Благословенное прошедшее навѣки прошло, — думалъ онъ плачевно:—настоящее—бурный океанъ роковыхъ разногласій, а будущее, Богъ знаетъ, что готовить нашей родинѣ.

И онъ сталъ мрачно перелистывать памятную книжку генерала Скотта съ 1820 г.

— Какъ долго записывалъ всѣ событія благородный старикъ,— продолжалъ онъ мечтать.—По однимъ заголовкамъ можно объ этомъ судить. Вотъ: «Миссурійская сдѣлка 1820 г.», «Тарифныя несогласія 1828 г.», «Присоединеніе Техаса», «Война съ Мексикой», «Канзасскіе беспорядки», «Законъ о бѣглыхъ невольникахъ», «Набѣгъ Джона Брауна».. Право, не стоитъ все это читать. Чѣмъ дальше, чѣмъ бѣдствія многочисленнѣе, и судьба становится безжалостнѣе. Измѣна идетъ за измѣной. Заголовки поражаютъ все болѣе и болѣе приближеніемъ расторженія союза. Вотъ: «Неудача примиренія», «Неизбѣжное отпаденіе юга», «Возстаніе южной Каролины»...

Дойдя до этого заголовка, онъ бросилъ книгу съ отвращеніемъ и воскликнулъ, пылая злобой:

— Проклятый Букананъ! Если бы не его измѣна, то планъ генерала Скотта послать капитана Варда въ фортъ Сумтеръ для его укрѣпленія удался бы, и возстаніе было бы уничтожено въ самомъ его зародышѣ въ Чарльстонѣ. Если бы сѣверъ зналъ объ его измѣнѣ, то, конечно, прогналъ бы его изъ президентовъ.

Приведенный въ отчаяніе, Рованъ поднялъ роковую книгу и заперъ ее подъ ключъ. Потомъ онъ легъ спать. Всю эту ночь ему снились громадныя арміи, которыя двигались съ сѣвера для отмщенія оскорбленной чести страны, и ему казалось, что онъ слышалъ топотъ этихъ армій, раздававшійся въ Пенсильванской аллеѣ подъ зоркимъ взглядомъ Линкольна.

Но лишь только солнце взошло, полковникъ Рованъ былъ на ногахъ и, возвративъ генералу тайную записную книжку, принялся за подготовительныя мѣры къ приближавшейся войнѣ—въ Вашинг-

тонъ, Нью-Йоркъ, Балтиморъ, Гарисбургъ, Цинцинатъ и въ Спрингфильдъ.

Въ послѣдующіе дни, оканчивая организацію мѣстныхъ волонтеровъ, Рованъ откровенно сказалъ генералу Скотту, что ему напрасно было скрываться и не надѣвать его мундира.

— Меня всѣ знаютъ, всѣ слѣдятъ за мною и шпионяютъ, — произнесъ онъ: — вездѣ на улицахъ и въ дилижансахъ я вижу открытыхъ и тайныхъ шпионовъ.

— Потерпите, — сказалъ генераль Скоттъ: — еще немного скрывайте свой чинъ и свою должность. Не долго продлится эта тишина, предвозвѣстница бури. Скоро вы увидите себя въ должномъ для васъ положеніи и во главѣ порученнаго вамъ войска. Съ каждымъ днемъ мы приближаемся къ 4-му марту, когда у насъ будетъ президентъ, министерство, контроль конгресса, и конституціонная власть, дѣйствовать открыто. Тогда наступитъ часть битвы. Но въ продолженіе перваго года мы будемъ преданы сомнѣнію, остановкамъ и неподготовленности. Ловкому, опытному военному начальнику, какъ Дэвисъ, мы будемъ въ состояніи только противопоставить не станетъ опытнаго штатскаго, илинойскаго законовѣда, человѣка, никогда не бывавшаго на полѣ брани или въ лагеряхъ. Джеферсонъ Дэвисъ лично знаетъ каждого офицера нашей арміи и флота; кромѣ того, онъ способный государственный человѣкъ, знающій администраторъ и глава гордаго аристократическаго кружка. Линкольну придется противостоять ему противъ невѣжественныхъ политиковъ, требующихъ себѣ силы и вліянія. Но съ принципами Линкольна и съ энергіей сѣвера вскорѣ перемѣнится теченіе военнаго счастья, если враждебная Европа не повернется противъ насъ.

— И это насъ не погубитъ, — воскликнулъ Рованъ: — мы будемъ бороться до послѣдней капли крови, и умремъ или побѣдимъ.

Однако, наступили мрачные дни взятія южанами арсеналовъ Августы, Мобилы и Лафайетбурга, а также фортовъ Джаксона, Пуласки, Массона и Моргана. Затѣмъ программа Дэвиса продолжала развиваться, и на сторону мятежниковъ перешли форты Джэксонъ и Св. Филиппа, арсеналь Baton-Rouge и правительственныя зданія Новаго Орлеана. Когда же адмиралтейство Пенсаколы и таможенный флотъ попали въ руки быстро организовавшихся инсургентовъ, генераль Скоттъ пришелъ въ горькое отчаяніе.

— Рованъ, — сказалъ онъ: — это послѣдній ударъ; война не избѣжна; весь югъ сошелъ съ ума.

— Генераль, — печально отвѣчалъ его адъютантъ: — національный позоръ еще впереди: Виргинія медлитъ, и почему? Ея гордые сыны готовы захватить милліоны Норфолькскаго адмиралтейства и Гарперсферри. Но они только ждутъ, чтобы Южная Каролина

дала первый выстрѣлъ, и Виргинія съ послѣдними сомнительными штатами послѣдуетъ за нимъ. Это будетъ: «Dies iræ».

— Я этого боюсь, Рованъ,—со вздохомъ произнесъ старикъ:— мой родной штатъ! Богъ видитъ, что это для меня тяжелый ударъ, и у меня нѣтъ ни одного судна, ни одного солдата для защиты. Если бы въ Бѣломъ Домѣ былъ человекъ, а не измѣнникъ, то въ Норфолькѣ были бы полкъ, полдюжины военныхъ судовъ и наскоро возведенныя укрѣпленія, а Гарперсферри былъ бы защищенъ тремя полками и сильной полевой батареей.

— Вскорѣ подымется занавѣсъ, и начнетъ самая печальная трагедія нашего вѣка,—сказалъ Рованъ.—Только ждутъ принятія Линкольномъ присяги. Что касается до меня, то я готовъ, за исключеніемъ обѣщанной вами помощи.

— Я связанъ по рукамъ,—отвѣчалъ генералъ:— я долженъ сдерживать себя даже въ департаментѣ, а мои враги смотрятъ на меня съ улыбкой. Я долженъ спокойно слушать болтовню конгресса и кабинета; я долженъ хладнокровно видѣть, какъ Джеферсонъ Дэвисъ будетъ торжественно водворенъ, прежде присяги Линкольна. Затѣмъ насъ поразитъ прыжокъ льва, и 15-го марта у насъ, не останется куска юга, только можетъ быть, смѣлый Слеммеръ удержитъ фортъ Пиккенсъ.

— А что же съ нашей стороны?—спросилъ съ безпокойствомъ Рованъ.

— Торопливость, беспорядокъ и безумныя издержки,—отвѣчалъ Скоттъ:—одна надежда на Ли, что онъ приведетъ все въ порядокъ. Рованъ поспѣшно всталъ и простился.

— Ли, все онъ мечтаетъ о Ли,—промовилъ про себя Рованъ:— а избранный его преемникъ ѣдетъ изъ форта Мэсона въ Вашингтонъ уже третій мѣсяцъ. Талькотъ сказалъ мнѣ вчера, что онъ не пріѣдетъ раньше 1-го марта. Къ тому времени Виргинія рѣшитъ свою судьбу. На чью сторону онъ склонится?

Безпокойная сумятица царила въ грязномъ третьеклассномъ городѣ, хотя и называвшемся Вашингтономъ и ежедневно объѣзжаемомъ Рованомъ попрежнему въ бесполезномъ инкогнито. Въ лучшихъ домахъ не было ни улучшеній ни удобствъ. Плохія, невзрачныя, низенькія жилища тѣснились на Пенсильванской аллеѣ. Южный флигель зданія казначейства былъ одинъ оконченъ; сѣверный же флигель, гдѣ помѣщался государственный департаментъ, былъ на половину готовъ.

Капитоліская гора высилась надъ озерами грязи и пирамидами мусора, наполнявшими немощныя улицы. Неоконченный куполъ Капитолія въ видѣ громаднаго желѣзнаго скелета грозно высился въ тяжеломъ мрачномъ небѣ, и дожидалась своего водруженія гордая статуя Колумбіи, которая теперь возвышается на нѣсколько сотенъ футовъ въ воздухѣ. Статуя Вашингтона мрачно смотрѣла на этотъ распростертый на землѣ символъ его родины. Въ Индѣйскомъ скверѣ

была возведена громадная временная постройка для церемоніи вступленія въ должность Линкольна.

Въ настоящее время общее смятеніе въ Вашингтонѣ достигло точки кипѣнія. Полковникъ Рованъ въ статской одеждѣ быстро носился на великолѣпномъ конѣ изъ конюшни генерала Скотта по всему округу. Онъ старательно скрывалъ на груди карту мѣстности, нарочно разрѣзанную для большаго удобства на квадраты. Какъ опытный военный топографъ, онъ намѣчалъ на нихъ всѣ предположенныя батареи и укрѣпленія. На этой картѣ были такъ же обозначены всѣ лагери, гарнизоны и депо на основаніи предположеній генерала Скотта.

Ежедневно вечеромъ Рованъ доносилъ генералу о томъ, какъ подвигалась его работа.

— Предположимъ, — говорилъ онъ грустно: — что непріятель стоитъ въ Арлингтонѣ; мы будемъ занимать только адмиралтейство и оконечности трехъ мостовъ. Вотъ все, что будетъ принадлежать намъ, пока мы кровью не проложимъ себѣ дорогу впередъ.

— Да, Рованъ, — отвѣчалъ генераль: — мы не можемъ быть болѣе готовыми, такъ какъ насъ всего двое, и мы работаемъ ночью, втайнѣ, безъ пушекъ, солдатъ, денегъ и права приказывать.

— Вы также забываете, генераль, — прервалъ его Рованъ: — что мы не знаемъ, кто — наши друзья, и кто — враги. Я боюсь, что въ Вашингтонѣ столько же энергичныхъ непріятелей, сколько въ сумасшедшемъ Чарльстонѣ и въ бѣшенномъ Ричмондѣ.

Въ подобныхъ бесѣдахъ проводилъ всѣ вечера генераль Скоттъ съ своимъ адъютантомъ. Умственно онъ былъ поразительно энергиченъ, но физически постоянно падалъ.

Что касается до Рована, то въ тѣ немногіе часы, которые онъ проводилъ дома, онъ посвящалъ своей любимой дочери и преданной женѣ. Онъ былъ еще не въ состояніи повѣдать женѣ свою будущую карьеру и не удивлялся, что она съ равнодушіемъ и апатіей ожидала приближавшейся борьбы.

— Во всякомъ случаѣ, — говорилъ полковникъ: — ты будешь обезпечена, что бы ни случилось здѣсь. Я отправлю васъ на сѣверъ, въ Массачузетскія горы.

Онъ забывалъ, что молодая женщина жаждала роднаго юга, гдѣ были ея родственники и товарищи дѣтства. Конечно, полковникъ Рованъ не могъ подозрѣвать измѣны въ глазахъ любимой женщины. Точно также онъ вѣрилъ преданности своего друга Маккери, которому онъ поручилъ веденіе дѣлъ компаніи золотыхъ копей, имѣвшей въ числѣ своихъ пайщиковъ сѣверянъ и южанъ. Поэтому очень правдоподобны ему казались постоянные разѣзды Джака, и онъ ежедневно садился за столъ безъ всякаго подозрѣнія въ отношеніи самаго храбраго и легкомысленнаго южанина.

Въ первыхъ дняхъ января полковникъ Рованъ отправился втайнѣ въ экспедицію, имѣвшую цѣлью Спрингфильдъ въ штатѣ Иллинойсѣ.

— Рованъ, — сказалъ генералъ Скоттъ, прощался съ нимъ: — избранный президентъ предупрежденъ о вашемъ приѣздѣ: возьмите теперь вашу инструкцію; она вся на словахъ и на письмѣхъ ни слова.

Четыре часа длилась конференція генерала съ своимъ посланникомъ, который долженъ былъ предупредить Линкольна обо всѣхъ опасностяхъ, его ожидавшихъ.

— Вы сдѣлали великое и гигантское дѣло, генералъ, — сказалъ Рованъ.

— Я пользовался, — отвѣчалъ генералъ: — всѣми своими друзьями и, благодаря имъ, узнаю все, что дѣлается въ лагерѣ измѣнниковъ. Линкольнъ защищенъ и будетъ защищенъ мною отъ всякой опасности до минуты принятія имъ присяги. Послѣ того, я надѣюсь, всѣ честные люди защитятъ его.

Когда кончилось совѣщаніе насчетъ предстоящаго посольства, Скоттъ воскликнулъ:

— Скажите мнѣ теперь, есть ли кто, могущій замѣнить васъ? Я связанъ по рукамъ и по ногамъ. Робертъ Ли явится сюда только къ вступленію Линкольна въ должность.

— У меня нѣтъ никого, — отвѣчалъ Рованъ: — только мой закадычный другъ Маккрери, но онъ вмѣсто меня управляетъ золотыми копами и постоянно долженъ ѣздить въ Виргинію. Къ тому же онъ статскій, молодой, легкомысленный и слишкомъ откровенный; я не посмѣю довѣрить ему такой важной должности. Къ тому же онъ по вопросу о расторженіи союза никогда не говоритъ ни слова, вѣроятно, изъ осторожности, такъ какъ женится на южанкѣ, миссъ Эстеллѣ Розевельдъ. Вы, можетъ быть, знаете ея тетку, знаменитую красавицу мистриссъ Дюваль, жену великаго вашингтонскаго юриста. Эстелла — любимая ея племянница. Что касается до Полины Дюваль, то я зналъ ее въ молодости, въ Саваннѣ, гдѣ мы часто танцевали съ ней. Она была тогда подъ опекой сенатора Нольтона изъ Георгіи.

— Знаю ли я ее, Рованъ? — сказалъ съ удивленіемъ генералъ: — да Полина Дюваль стоитъ югу цѣлыя пѣхотныя дивизіи. Съ ея иностранной кровью, смѣлостью, храбростью и тысячью прелестей она — царица юга и своей очаровательной улыбкой готова увлечь колеблющихся южанъ. Она — родственница Суллэ, Сляйдлей и самыхъ гордыхъ южныхъ героевъ. Если она сама не перейдетъ на югъ, то ее выселятъ отсюда. Ея мужъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ славный, веселый, милый и занимается только юридическими процессами. Его же прелестная жена Минерва, Венера, Жанна д'Аркъ — все вмѣстѣ. Вы видите, полковникъ, какъ опасно подобное существо.

— Я вскорѣ пошлю свое семейство на сѣверъ, генераль,—сказалъ Рованъ:—что же касается до бѣднаго легкомысленнаго Джака Маккрери, то онъ, вѣроятно, перейдетъ на югъ въ хорошей компаніи. Но мы никогда съ нимъ не говорили ни слова о предстоящемъ кризисѣ.

— Не довѣряйтесь никогда слабодушному человѣку въ рукахъ южанки, — сказалъ Винифильдъ Скоттъ,—и помните, не рискуйте ничѣмъ. Не пишите мнѣ ни слова и не привозите никакого документа. Только глубоко сохраните, глубоко въ своемъ сердцѣ желанія Линкольна.

— Я васъ понимаю, генераль, — отвѣчалъ Рованъ откланиваясь. — Быть можетъ, вы въ правѣ сомнѣваться въ моихъ способностяхъ, но, слава Богу, не въ моей преданности.

Спустя двѣ недѣли, полковникъ Рованъ возвратился въ Вашингтонъ попрежнему въ статскомъ платьѣ. Онъ привезъ съ собою память о длинномъ, терпѣливомъ, загорѣломъ иллинойскомъ законовѣдѣ. Линкольнъ молча выслушалъ съ добродушной фамиллярностью и въ обычной небрежной одеждѣ, все его донесеніе.

Наконецъ, онъ сказалъ съ поразительнымъ блескомъ своихъ черныхъ глазъ:

— Отправляйтесь сейчасъ обратно къ генералу Скотту, скажите ему, что я послушно исполнилъ всѣ его желанія и поступилъ согласно его плану. Я буду въ Вашингтонѣ къ 22-му числу и до тѣхъ поръ предоставляю ему принять тѣ мѣры, которыя онъ считаетъ нужными для сохраненія оскорбленной національной чести. Скажите ему также, мой молодой другъ, что онъ выбралъ достойнаго посланнаго. Я отдамъ свою жизнь на важе попеченіе и буду руководствоваться его мудростью. Наконецъ, скажите ему еще, что первый приказъ о назначеніи генераль-майора волонтеровъ, который я подпишу, будетъ касаться васъ.

Окончивъ свое донесеніе объ его свиданіи съ Линкольномъ, Рованъ прибавилъ:

— И что это за человѣкъ!

— Слава Богу, — воскликнулъ Винифильдъ Скоттъ:—слушаясь моихъ желаній, Линкольнъ спасетъ свою жизнь. Но уже давно пора ему быть здѣсь. Подлецъ Твигъ предалъ нашу армію въ Техасѣ. Тридцать укрѣпленій уже находятся въ рукахъ южанъ. 16-го января Джеферсонъ Дэвисъ избранъ въ президенты юга и 18-го вступаетъ въ исполненіе своей должности. Его манифестъ дерзко проситъ благословенія Божія на новую націю. Но вскорѣ и мы будемъ имѣть избраннаго нами человѣка во главѣ родины.

— А полковникъ Ли?—съ безпокойствомъ спросилъ Рованъ.

— Еще не пріѣхалъ, — отвѣчалъ побѣдитель Санта-Анны съ тяжелымъ вздохомъ, свидѣтельствовавшимъ, какъ невыносимо страдало его львиное сердце.

Въ продолженіе слѣдующей недѣли, Рованъ продолжалъ исполнять свой тайныя обязанности. Американцы никогда не узнали странныхъ подробностей путешествія Линкольна изъ Спрингфильда въ Вашингтонъ окольными путями черезъ Индианополисъ, Цинциннати, Колумбусъ, Питсбургъ, Клэвландъ, Эри, Буффало, Албани, Нью-Йоркъ, Трэнтонъ, Нэваркъ, Филадельфію, Ланкастэръ и Гарисбургъ. Только преданный Вардъ Леманъ и нѣсколько старыхъ друзей Линкольна, а также генераль Скоттъ и полковникъ Рованъ знали, зачѣмъ онъ выбралъ этотъ маршрутъ и, миновавъ секретно Балтиморъ, прибылъ въ Вашингтонъ утромъ 23-го января. Очутившись благополучно въ мѣстѣ своего четырехлѣтняго мученичества, онъ не предчувствовалъ, что выѣдетъ изъ этого города лишь мертвымъ, проливъ свою кровь за родину для того, чтобы она навѣки осталась единой, нераздѣльной. Теперь же эта странная дорога спасла Линкольна отъ дюжины плановъ преждевременнаго его убійства.

Какъ только новый президентъ вступилъ въ Вашингтонъ, онъ былъ окруженъ преданными ему Сюардомъ, Блэромъ, Чэзомъ, Камерономъ, Уэльсомъ, Смитомъ, Бэтсомъ, Дугласомъ, Бэкеромъ, Макъ-Дугалемъ, Шильдсомъ, Гольтомъ, Стантономъ и многими другими его старыми друзьями. День и ночь предавался генераль Скоттъ съ послѣднимъ проблескомъ своей энергіи дѣлу спасенія Линкольна отъ грозившей ему опасности. Точно также проводилъ бессонныя ночи и цѣлые дни въ неустанныхъ заботахъ, полковникъ Рованъ, охраняя безопасность избранника страны.

Между тѣмъ на тысячѣ горныхъ возвышеній юга горѣли костры, громко заявлявшіе объ измѣнѣ юга. А все-таки Ли не являлся. Генераль Скоттъ и Рованъ съ глубокой радостью хранили въ своемъ сердцѣ тайну неудавшихся покушеній на жизнь чело-вѣка, который не желалъ зла никому, а всѣмъ добра.

III.

Послѣ долгаго, медленнаго странствованія изъ порта Мэсона въ Тэхасѣ, Робертъ Ли наконецъ прибылъ 1-го марта въ Вашингтонъ за четыре дня до вступленія въ должность «человѣка изъ Иллинойса». Дождавшись съ нетерпѣніемъ его пріѣзда, Винифильдъ Скоттъ встрѣтилъ его съ печальнымъ, мрачнымъ лицомъ. Рованъ ясно видѣлъ, что горькое разочарованіе ждало его.

— Въ день присяги, — сказалъ генераль: — вы надѣнете полный мундиръ волонтеровъ и станете во главѣ мѣстныхъ войскъ. Я же буду самъ командовать регулярной арміей. Я дамъ вамъ секретную инструкцію, а себѣ прибегу распоряженію о дѣйствіяхъ регулярныхъ войскъ. Двѣ полевыя артиллерійскія батареи я спрячу въ

скверѣ, близъ Капитолія. Теперь маски сняты. Когда Линкольнъ приметъ присягу, то онъ обнарудетъ свой кабинетъ, который теперь уже составленъ, и окружить себя близкими ему людьми: Бекеромъ, Дугласомъ, Макдугалемъ, Реверди Джонсономъ, и Стюардомъ. Въ продолженіе одного дня онъ обопрется на мечъ стараго Скотта, затѣмъ ему придется избрать новаго воина, но по несчастью это, вѣроятно, не будетъ Ли.

Теперь было ясно, что тотъ, на кого онъ надѣялся, готовъ былъ измѣнить ему и странѣ. Но еще не достоверно было извѣстно, кто замѣнитъ его, такъ какъ старикъ, очевидно, не могъ быть главнокомандующимъ.

Спустя два дня, Рованъ, войдя въ кабинетъ генерала Скотта, былъ удивленъ, увидѣвъ портретъ генерала Галлека повернутымъ къ стѣнѣ.

— Это вѣрный признакъ, что онъ не будетъ главнокомандующимъ,—подумалъ онъ:—Галлекъ, по обыкновенію, обидѣлъ чѣмъ нибудь стараго героя. Начальникомъ арміи, значитъ, будетъ Макклеланъ.

Утро 4-го марта 1861 года было въ Вашингтонѣ свѣтлымъ солнечнымъ, и тучи собирались только на челѣ толпы, наполнявшей улицы. Звуки барабановъ и трубъ, раскаты пушекъ, свистъ поѣздовъ усиливали уличную сумятицу. Предъ домомъ Карроля Рована съ зари дождалась его группа ординарцевъ верхами и богато украшенная лошадь.

Рано утромъ онъ спустился изъ своей маленькой комнаты въ верхнемъ этажѣ, гдѣ два мѣсяца онъ скрывалъ свою тайну. Теперь онъ былъ въ полной формѣ полковника волонтеровъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Это что такое?—воскликнула со слезами Мэри Рованъ:—ты, Карроль, линкольнскій солдатъ? Что теперь съ нами?

Она теперь отгадала все, что было для нея тайной въ эти два мѣсяца.

— Гдѣ Джакъ?—спросилъ ее мужъ.

— Онъ поѣхалъ въ Ричмондъ по дѣлу,—сказала она, опуская глаза въ смущеніи.

— Я оставляю тебѣ двухъ моихъ ординарцевъ,—произнесъ Рованъ:—одинъ будетъ караулить домъ, а другой отыщетъ меня, если я тебѣ понадобится въ теченіе дня. Прислать тебѣ билеты на балъ въ Бѣломъ Домѣ? Я могу прислать офицера, чтобы проводить тебя и Адель туда. Зрѣлище будетъ великолѣпное, но я буду занятъ у генерала Скотта.

— Я съ большимъ удовольствіемъ осталась бы дома,—проговорила взволнованная женщина;—теперь слишкомъ смутное время, чтобы ѣздить на балы.

— Въ такомъ случаѣ,— произнесъ мужъ: — такъ какъ Джакъ мнѣ неожиданно измѣнилъ, то ты будешь принуждена остаться до двѣнадцати часовъ ночи одна, а послѣзавтра я буду дежурнымъ въ военномъ министерствѣ.

Въ заплаканныхъ глазахъ жены онъ видѣлъ ясно, какъ она оплакивала то грустное обстоятельство, что ея мужъ не стоялъ за Виргинію, съ которой соединяли ее всѣ дѣтскія привязанности. Въ отчаяніи, покачавъ головою, онъ поцѣловалъ ее, выбѣжалъ изъ комнаты и, вскочивъ на лошадь, отправился исполнять свои секретныя обязанности.

— Да поможетъ намъ Богъ!— промолвилъ онъ про себя:— всего печальнѣе будетъ борьба въ семейныхъ очагахъ. Бѣдная жена! Она одна изъ тысячи въ подобномъ положеніи. Всѣ ея родственники и друзья на сторонѣ юга, а мужъ въ рядахъ сѣверянъ.

Однако онъ гордо выпрямился и, осмотрѣвъ ряды своего войска, громко крикнулъ:

— Стройся! Впередъ!

За нимъ послѣдовали сорокъ офицеровъ, въ вѣрности которыхъ не сомнѣвался генераль Скоттъ. Конные волонтеры были съ заряженными пистолетами, а пѣхотные имѣли ружья со штыками наготовѣ. Весь городъ былъ въ сильнѣйшемъ волненіи. Сенатъ засѣдалъ почти сорокъ восемь часовъ. Его предсѣдатель, выходящій вице-президентъ Брекенриджъ, приготовлялъ сдачу своей должности Гамлену.

На улицахъ тѣснились толпы тайно вооруженныхъ людей, нетерпѣливо желавшихъ увидѣть «страннаго челоуѣка изъ Иллинойса». Въ коляскѣ налѣво отъ бывшаго президента сидѣлъ высокій, худой Авраамъ Линкольнъ. Впереди экипажа шли развернутымъ фронтомъ саперы съ заряженными ружьями, а по обѣимъ сторонамъ тѣснилась кавалерія Рована, которой было приказано зорко слѣдить за всякой парой глазъ, устремленной на новаго президента.

Принятые генераломъ Скоттомъ мѣры были мастерскія; дисциплина войскъ выше всякихъ похвалъ. Громадная процессія гражданская и военная тянулась по Пенсильванской аллеѣ подъ возбуждающую музыку «Yankee Doodle».

Безмолвно, но внимательно смотря на толпу, подвигался Авраамъ Линкольнъ. Никто не могъ прочесть его мысли. Провидѣніе, въ своемъ милосердіи, скрыло отъ него, что, спустя нѣсколько лѣтъ, по этой самой улицѣ будетъ тянуться его похоронное шествіе, среди благодарныхъ гражданъ.

Рованъ и генераль Скоттъ также зорко слѣдили за толпой и ихъ артиллеріей, готовой встрѣтить съ Капитолійской горы роковымъ залпомъ всякую попытку убійцы.

Въ мраморномъ залѣ сената были собраны дипломатическій корпусъ, судьи и конгрессъ. Всѣ они встрѣтили «челоуѣка изъ Ил-

линойса» и пошли торжественнымъ шествіемъ къ западному портику Капитолія.

Немногіе изъ зрителей этой зари знаменитой карьеры Линкольна знали, что на окрестныхъ крышахъ были скрыты стрѣлки, кавалерійскіе патрули стояли на углу каждой улицы, а толпы вооруженныхъ тайныхъ агентовъ были разсѣяны повсюду. Все это было дѣломъ Винифильда Скотта, и теперь сѣдой, но все-таки грозившій измѣнникамъ, онъ былъ доволенъ своимъ дѣломъ.

Линкольнъ былъ окруженъ представителями народа и своими друзьями: Дэвидомъ Дэвисомъ, полковникомъ Сумнеромъ, Вардомъ Ламономъ, капитаномъ Хазардомъ, Джономъ Хэй и многими другими. Сѣдой орелъ Орегона, краснорѣчивый сенаторъ Эдуардъ Беккеръ представилъ народу новаго президента, и онъ произнесъ ко всей націи замѣчательную патетическую рѣчь, съ которой могло сравниться его прощальное слово въ Спрингфильдѣ. «Здѣсь я жилъ четверть столѣтія,—сказалъ онъ тогда,—и превратился изъ юноши въ старика; здѣсь родились мои дѣти, и одинъ изъ нихъ похороненъ. Я не знаю, когда и какимъ образомъ я возвращусь сюда послѣ исполненія той великой задачи, которая предстоитъ мнѣ; она тяжелѣе, чѣмъ задача, выпавшая на долю Вашингтона».

Когда Линкольнъ окончилъ въ этотъ солнечный мартовскій день свою рѣчь, онъ заслужилъ вѣчную славу великаго оратора. Тѣ, которые собрались съ твердымъ намѣреніемъ осмѣять его, почувствовали странный душевный трепетъ отъ его послѣднихъ величественныхъ, дышавшихъ братской любовью словъ: «Глубоко соединенные памятью обо всѣхъ павшихъ на полѣ бранѣ патріотахъ, всѣ живые граждане страны, конечно, еще доживутъ до той минуты, когда снова ихъ будетъ соединять союзъ, взывая къ лучшимъ чувствамъ нашей природы».

Эти слова были произнесены, конечно, человѣкомъ необыкновеннымъ. Но, увы, онъ не дожилъ до той счастливой минуты, когда, дружно сомкнувшись, граждане всѣхъ штатовъ гордо воевали за освобожденіе Кубы.

Молча, печально, но съ какой-то твердой надеждой въ сердцѣ разошлась толпа. Новый президентъ переступилъ порогъ Бѣлаго Дома подъ впечатлѣніемъ торжественной клятвы только что принятой имъ присяги.

Эскортъ разсѣялся. Полковникъ Рованъ отправился въ военное министерство, чтобы открыто вступить въ должность офицера Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ его встрѣтилъ генералъ Скоттъ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Славу Богу! Онъ цѣлъ и невредимъ,—сказалъ ветеранъ.— Теперь его охраняютъ избранные сто тайныхъ агентовъ; кромѣ того, моя регулярная армія здѣсь невдалекѣ. Кабинетъ обнародованъ, и новый президентъ можетъ пользоваться всѣми силами

тета министровъ Н. А. Кислякинымъ. Подъ главной редакціей статья-секретаря Куломзина. Тома 1-й и 2-й. Спб. 1902. в. п.—на.—11) Н. М. Чукалинъ. Записки о моей жизни. Изданіе Сергія Шаранова. М. 1902. ц. — 12) П. Ровинскій. Черпоторія въ ея прошлѣ и настоящемъ. Томъ II. Спб. 1902. А. Фаресова.—13) Аркадій Чероковъ, личный секретарь Ѳ. В. Чижова. Федоръ Васильевичъ Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ. Біографическій очеркъ по поводу 25-ой годовщины его смерти, съ портретомъ. М. 1902. п. ц. — 14) Древинскій. Труды императорскаго Московскаго археологическаго общества, выданные подъ редакціей В. К. Труговскаго. Томъ XIX-й (выпуски 1—8). Москва. 1901—1902. л. м.—15) М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II. (1877—1884). Изданіе П. Юргенсона. Москва—Лейпцигъ. 1902. Григорія Тимоеева.—16) Памятная книжка Вятской губ. и календарь на 1902 годъ. Вятка. 1901. А. С.—17) Алексѣй Веселовскій. Байронъ, біографическій очеркъ съ двумя фотографіями Фишера. Москва. 1902. В. Ивановича.—18) Разказы изъ русской истории, составленные комиссіей преподающихъ исторію въ среднихъ учебнѣхъ заведеніяхъ г. Тифлиса. Курсы 1-го и 2-го классовъ среднихъ учебнѣхъ заведеній. Тифлисъ. 1902. м. п.—аго.—19) Leonard de Verdun Jacques. Krótka monografia wszystkich miast, miasteczek i osad w królestwie Polskiem. Nakładem Felicyana Borislawskiego. Warszawa. 1901. г. а. Воробьева.—20) А. Рождественскій. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902. п. ц.—21) А. Погодинъ. Виленскій учебный округъ 1803—1831 годовъ. Введеніе къ IV тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министровъ народного просвѣщенія». Спб. 1901. В. Гр.—аго. 22) Гр. А. А. Вобринскій. Секта Исмаилія въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географическое распространеніе организаціи. Москва. 1902. л. м.—23) В. Смоленскій. Исторія польскаго народа. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1901. в. инскаго.—24) Г. Г. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. М. 1902. А. Ха.—ова—25) Dr. phil. Альбертъ Родъ. Гауптманъ и Нитше. Къ объясненію «Потонушаго колокола». Пер. съ нѣм. Вс. Мейерхольда и А. Ремизова. М. 1902. ц.—26) Походъ Суворова черезъ Швейцарію. Фоль-Рейнджъ Биберегъ, подполковникъ Швейцарскаго генеральнаго штаба. Переводъ полковника Е. И. Мартынова. Спб. 1902. в. п.—27) Владимиръ Вобровъ. Исторія изученія Святослава сборника 1076 гоа. Библиографическій обзоръ. Казань. 1902. п. ц.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 296

1) Основатель Кайгаской Великой стѣны.—2) Каролина Знаменитая.—3) Памятникъ Ромашбо.—4) Столѣтіе ордена Почетнаго Легиона.—5) Мужичина—женщина.—6) Викторъ Гюго и Тальма.—7) Молодость Тена.—8) Историческая эволюція нѣмецкой литературы.—9) Письма Верди.—10) Валдикъ Руссо.—11) Смерть короля саксонскаго Альбрехта, тунисскаго бей Сиди Али, сержанта Роуга и г-жи Дюравъ.

XVIII. Смѣсь 321

1) Торжественное собраніе академіи наукъ.—2) Пятдесятлѣтіе кievскаго центрального архива.—3) С.-Петербургское археологическое общество.—4) Къ XII археологическому съѣзду.—5) Московское археологическое общество.—6) Мѣсто вѣточенія боярина Михаила Никитича Романова.—7) Реставрація Зарайскаго кремля.—8) Археологическія раскопки.—9) Искатели клада.—10) Библиологическое общество.—11) Псковскій Пушкинскій комитетъ.—12) Церковь въ память Г. В. Гурко.—13) Біографія П. С. Нахичова.—14) Общество востоковѣдѣвъ.—15) Географическое общество.—16) Сѣверо-западный отдѣлъ географическаго общества.

XIX. Некрологи 338

1) Кабатъ, И. И.—2) Катаринскій, В. В.—3) Клодтъ, М. К.—4) Навропкій, Ф. Ф.—5) Фоль-Рейнджъ, А. А.—6) Эберманъ, А. Л.

XX. Замѣтки и поправки 342

1) Борисоглѣбскіе монастыри. Прот. А. Свирѣлина.—2) О названіяхъ Переславскаго озера. Его же.

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ баронессы Бодо.—2) Иамѣна. (In the house of his friends). Американскій романъ изъ эпохи войны Сѣвера съ Югомъ. Ричардъ Саведжа. (Переводъ съ англійскаго). Часть первая. I—III.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, иллюстріи общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФАТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

